Кэролин Черри

ПОСЛЕДНЯЯ БАЗА

Последняя база
Кэролайн Черри

Аннотация
Кэролайн ЧЕРРИ. ПОСЛЕДНЯЯ БАЗА
КНИГА ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗЕМЛЯ И КОСМОС: 2005 — 2352
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НА ПОДЛЕТЕ К ПЕЛЛУ: 2.5.52
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПЕЛЛ: 2ДС.5.52
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПЕЛЛ: 3.5.52
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ПЕЛЛ: 5.5.52
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ПЕЛЛ: 22.5.52
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ПЕЛЛ: 23.5.52
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. СТАНЦИЯ ВИКИНГ: 5.6.52
ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ. ПЕЛЛ: ТЮРЬМА: КРАСНАЯ СЕКЦИЯ: 27.6.52
КНИГА ВТОРАЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СТАНЦИЯ СЫТИН: ТЕРРИТОРИЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ; 8.9.52
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. «НОРВЕГИЯ»: ОМИКРОН, ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УНИИ;

10.9.52
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. СТАНЦИЯ СЫТИН: ТЕРРИТОРИЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ: 14.9.52
КНИГА ТРЕТЬЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «НОРВЕГИЯ»: 14:00
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. НИЖНЯЯ: ГЛАВНАЯ БАЗА 16:00 ПО СТАНЦИОННОМУ СТАНДАРТУ; МЕСТНЫЙ РАССВЕТ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ПРОХОД В ЭКСПЛУАТАЦИОННУЮ ЗОНУ, БЕЛАЯ СЕКЦИЯ 9-1042; 21:00
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. НИЖНЯЯ: РАЗВЕДЧИК «АФРИКИ», ГЛАВНАЯ БАЗА; 24:00 ГС; 12:00 ДС
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС: 5.10.52; 09:00
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГЛАВНАЯ БАЗА НА НИЖНЕЙ; 13:00; МЕСТНАЯ НОЧЬ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ТОРГОВЫЙ КОРАБЛЬ «МОЛОТ»: ГЛУБОКИЙ КОСМОС; 19:00

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. НИЖНЯЯ: 11.10.52; МЕСТНЫЙ ДЕНЬ
КНИГА ПЯТАЯ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕЛЛ: СИНИЙ ДОК: БОРТ КЗК-1 «ЕВРОПА»; 29.11.52
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Аннотация

Звездная система Пелла попадает в центр конфликта между консервативной земной империей и свободолюбивыми звездными колониями. Орбитальная база над планетой Пелл контролирует защитный периметр Земли, и власть над базой может дать ее хозяевам неограниченныепреимущества. Но Пелл хочет сохранить нейтралитет...

В романе читатель встретит множество запоминающихся героев — как землян, так и инопланетян, — чье будущее напрямую зависит от исхода борьбы за власть в этом сложном и запутанном поединке алчности и здравомыслия.

Кэролайн ЧЕРРИ
ПОСЛЕДНЯЯ БАЗА

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЗЕМЛЯ И КОСМОС: 2005 — 2352

Подобно всем прежним рискованным предприятиям человечества, первое путешествие к звездам выглядело такой же авантюрой, как плавание Магеллана, как полеты братьев Монгольфье и Гагарина. Однако станция Солнечная за несколько десятков лет принесла Земле немалую выгоду — разработка рудных месторождений на планетах, энергетические установки в космосе быстро окупили затраты. Со станции отправлялись научные экспедиции, и хотя программа исследования Солнечной системы была далека от интересов большей части землян, она не встретила противодействия, поскольку не угрожала благополучию Земли.

И вот однажды со станции буднично, деловито стартовал автоматический зонд, чтобы добраться до двух ближайших звезд и вернуться с информацией — задача сама по себе весьма непростая. Вылет корабля-разведчика с Солнечной вызвал на Земле некоторое оживление, но десятилетие — слишком долгий срок… и средства массовой

информации перестали упоминать о зонде, едва он покинул пределы Солнечной системы. Куда больший интерес всколыхнуло его возвращение. В душах тех, кто помнил отлет разведчика, проснулась ностальгия; молодые испытывали любопытство и некоторое недоумение: зачем это все? Зато ученые торжествовали: разведчик привез материалы, на обработку которых потребовалось бы несколько лет, хотя изложить результаты, чтобы хоть что-нибудь стало понятно непрофессионалам, не представлялось возможным. Короче говоря, пресса представила экспедицию как неудачную. Разведчик обнаружил звезду, окруженную поясом метеоров и планетоидов, весьма интересных для изучения; но главное — там оказалась настоящая планета со своими большими и малыми спутниками… планета безжизненная, обожженная, уродливая. Не рай и не вторая Земля, а такой же голый булыжник, как и восемь из девяти детей Солнца… Стоило ли, спрашивается, ради подобного открытия летать в такую даль?

Пресса лезла из кожи вон, хватаясь за самые сложные научные темы, лишь бы спасти быстро умирающий обывательский интерес к космосу. Среди всего прочего поднимался вопрос о

затратах, приводились туманные и натянутые сравнения звездного плавания с путешествием Колумба, но вскоре внимание репортеров перекинулось на кровавый средиземноморский кризис, оказавшийся гораздо более занимательным для публики, нежели покорение Вселенной.

Ученые Солнечной вздохнули с облегчением и, все так же без лишнего шума, потратили часть бюджета на скромную экспедицию. Мини-станции — уменьшенной и снабженной двигателями копии Солнечной — с человеком на борту предстояло добраться до открытой разведчиком планеты и вести наблюдение с ее орбиты. А еще — подальше от чужих глаз испытать промышленную технологию, созданную на Солнечной. Испытать в усложненных условиях.

Вскоре после этого «Солнечная корпорация» сделала щедрый подарок ученым, проявив изрядную любознательность вкупе с осведомленностью в космическом строительстве и умением заглядывать в будущее.

Так это начиналось.

Как и Солнечная, Первая Звездная оказалась вполне жизнеспособной и рентабельной. От Земли требовались сущие пустяки: поставки биовещества и предметов роскоши — чтобы

скрасить быт растущего населения станций. Ведь эти люди не покладая рук трудились в копях и за мелкие радости жизни расплачивались излишками руды.

Так возникло первое звено цепи. Для колонизации оказалось совершенно необязательным, чтобы вокруг выбранного светила вращалась пригодная для людей планета, чтобы характеристики самого светила хотя бы приблизительно соответствовали солнечным. Что с того, что вокруг той или иной звезды только солнечный ветер да обычный набор каменных и ледяных обломков? Станция построена, и вот уже к соседней звезде, какой бы она ни была, отправляется модуль, а долетев, выходит на орбиту, обрастает научными лабораториями и промышленными цехами, превращаясь в базу, с которой можно достигнуть очередной звезды. Осваивался один узкий сектор Внеземелья, он походил на короткое весло с расширяющейся лопастью.

«Солнечная корпорация», разросшаяся настолько, что забыла свои первоначальные цели, и имевшая больше станций, чем Солнце — планет, переименовалась в «Земную Компанию», или просто Компанию — так, во всяком случае, называли ее на звездных станциях. Она обладала

огромной властью — не только на станциях, удаленных от Солнечной системы на многие годы пути, но и на Земле, извлекавшей из Внеземелья баснословные прибыли. Оно приносило доход Компании, а значит, и Правительству. И Компания снаряжала в космос все новые отряды коммерческих кораблей — «фрахтеров»; собственно, ничего другого от нее и не требовалось.

В долгих перелетах люди постепенно замыкались в себе, их противоестественная жизнь была посвящена одному: усовершенствованию техники, от которой зависела эта жизнь. Станция строила станцию, каждая новая технологически уходила на шаг дальше ближайшей соседки. Производственный цикл начинался и завершался на Солнечной, откуда готовую продукцию отправляли в обмен на биовещество и все остальное, что могла дать только Земля.

То была великая эпоха торговли. Одни предприниматели сколачивали состояния, другие прогорали. Корпорации прибирали к рукам все больше власти, а Земная Компания и вершила судьбы народов. То был век непоседливых. В поисках приключений, богатства, иллюзорной свободы в космос улетали вооруженные новейшей техникой поколения беспокойных. Детей

всех наций манила старая мечта о «Прекрасном Новом Мире», и в безбрежном океане Внеземелья, в неизведанных далях вырастали все новые островки человеческой цивилизации.

Солнечная была уже не экзотикой, а знаменитым научно-производственным комплексом, а Земная Компания процветала, вытягивая соки из звездных станций.

Персонал звездных станций хранил воспоминания о веселом, многообразном мире родины, и Мать-Земля, присылая им драгоценные предметы роскоши, напоминала о том, что в пустынной Галактике есть по меньшей мере одна живая пылинка. Фрахтеры Компании летали по Дороге Жизни, а ее разведчики олицетворяли собой романтику Внеземелья. Благодаря этим легким, быстрым корабликам рождались новые станции. То была эра Великого Кольца, маршрута (который вовсе нельзя было изобразить окружностью), по которому бесконечно странствовали корабли Земной Компании. Началом и концом этого пути была Мать-Земля.

Звезда за звездой, звезда за звездой… Всего их насчитывалось девять, самая последняя — Пелл. На его орбите нашли пригодную для жизни планету, а на планете нашли жизнь. Именно это

обстоятельство нарушило равновесие во Внеземелье.

Станция получила имя Пелл — в честь открывателя звезды Пелла, капитана корабля-разведчика. Капитан обнаружил не только планету, но и туземцев — хиза.

Этой новости понадобился немалый срок, чтобы по Великому Кольцу добраться до Земли; куда быстрее она распространилась по ближайшим звездным станциям. И не только земные ученые толпой устремились к Пеллу, — туда наперегонки бросились станционеры, сведущие в космической экономике. Полетели и простые обыватели Внеземелья — две соседние станции на орбитах не столь перспективных звезд обезлюдели. А честолюбцы с искусственного спутника — станции Пелл, растущей, как гриб после дождя, уже посматривали на две следующие звезды и с холодной расчетливостью предвкушали грядущие прибыли, ибо колония на планете могла стать источником предметов роскоши и первой необходимости подобно Земле. И, стало быть, Пелл превратился в потенциальную помеху для устоявшихся торговых отношений.

А на Земле известие, прилетевшее с фрахтерами, вызвало переполох. Чужая жизнь! Эти

слова сотрясали Компанию, порождая дискуссии о политике и морали — и это при том, что известие в пути состарилось на два десятка лет. (Как будто земляне могли хоть сколько-нибудь влиять на Внеземелье! Оно уже давно вышло из-под контроля Компании.) Иная жизнь! Это открытие взорвало сложившиеся представления о Вселенной, поставив перед обществом несметное множество философских и религиозных вопросов. Кое-кто из слабонервных даже покончил с собой, лишь бы только не смотреть в глаза новой «угрозе». На Земле воскресли языческие культы, но вновь прибывшие корабли развеяли страхи: за обитателями планеты Пелл, уверяли звездоплаватели, не замечено ни выдающихся интеллектуальных способностей, ни склонности к насилию. Они ничего не строят, не носят одежды и обликом больше всего напоминают низших приматов: лупоглазые, покрытые коричневой шерстью.

«Фу-ух!» — облегченно вздохнул оседлый землянин… Вселенная с Землей и Гомо Сапиенс в ее центре устояла. Куда меньше посчастливилось Компании. Ее заклятые враги — изоляционисты — быстро приобрели огромное влияние и многочисленных сторонников из напуганных

обывателей, а затем нанесли космической торговле внезапный и хорошо нацеленный удар.

В структуре Компании воцарился хаос. Она изрядно опоздала с инструкциями, и станция Пелл долгое время росла безо всякого надзора. Независимо от Земли возле самых далеких звезд возникли две новые станции: Маринер и Викинг, потом — Рассел и Эсперанс. Пока наставления Компании, что и как надлежит делать новоиспеченным станциям для налаживания торговли, путешествовали по цепочке, они утратили всякую целесообразность… ибо торговля уже наладилась — в новой форме. Пелл сам производил необходимые биовещества. От него было рукой подать до большинства звездных станций, и промышленники Внеземелья, некогда видевшие в Земле любимую мать, не колебались в выборе.

А тем временем уже строились новые станции. Великое Кольцо было разорвано. Некоторые корабли Земной Компании на свой страх и риск взялись торговать с Дальним Внеземельем, и остановить их оказалось невозможно. Цена на земные товары падала, а грузы, которые Компания получала от колонистов, с каждым рейсом стоили дороже.

Затем Компания получила второй удар…

Выяснилось, что во Внеземелье есть еще одна пригодная для освоения планета, открытая купцом и искателем приключений Сытиным, и близ нее уже созданы станции Передовая, Парадиз и Вайят.

И тогда Компания приняла решение: убытки покроет система откупа, пошлин и налогов. Препираясь со станционерами, директора Компании прибегали к таким аргументам, как «интересы человеческого сообщества», «нравственный долг» и «бремя благодарности».

Некоторые станции и торговцы платили пошлины и налоги. Иные отказывались, в особенности те, что находились между Пеллом и Сытином. Компания, утверждали они, ни гроша в их бизнес не вложила, а потому не вправе их обирать.

Тогда Земля навязала станциям систему виз, деклараций и досмотров, окончательно озлобив торговцев, считавших корабли своей собственностью.

Более того, из Глубокого Космоса отозвали корабли-разведчики, ясно давая понять, что Компании угодно положить конец расширению Внеземелья. Эти быстрые исследовательские корабли были вооружены, и немудрено, ведь они

предназначались для полетов в неизвестность. Но сейчас им нашли иное применение: совершать набеги на станции и учить их обитателей уму-разуму. И самое печальное: экипажи разведчиков — герои Внеземелья — превратились в надсмотрщиков и карателей.

Торговцы не остались в долгу и вооружили неповоротливые фрахтеры. Эти корабли вовсе не предназначались для войны, однако отважно вступали в перестрелки с разведчиками.

Большинство мятежных купцов скрепя сердце согласились платить Компании и заявили об этом. Непримиримые отступили в самые дальние колонии, практически недосягаемые для землян.

Противостояние переросло в войну, — хотя войной ее поначалу никто не называл… Вооруженные разведчики сражались с торговцами, обслуживавшими дальние звезды.

Так появилась Черта — линия фронта. Великое Кольцо восстановилось, но оно лишилось звезд за Передовой и уже не приносило былой выгоды. Вольной же торговле не помешала и Черта. Законопослушным купцам, в отличие от мятежных, позволялось летать куда им заблагорассудится… но лицензии и пропуска, как известно, можно и подделать.

Воевали довольно вяло: уничтожали лишь того, кто сам лез под выстрел. Флот Компании не смог восстановить станции между Землей и Пеллом, поскольку практически все их население перебралось на Пелл, Рассел, Маринер, Викинг, Передовую и дальше…

Во Внеземелье строили не только станции, но и корабли, создавали новые технологии… Затем изобрели «прыжок». Его теорию, родившуюся в Новом Внеземелье, на Сытине, быстро выведали корабелы Маринера, то есть Компании.

И это было третьим сокрушительным ударом по власти Земли…

Досветовой способ передвижения в космическом пространстве устарел сразу и безнадежно. Между станциями джамп-фрахтеры перемещались короткими прыжками, и от этого длительность полетов между звездами сократилась от десятилетий до считанных месяцев и дней. Технология не стояла на месте, и вскоре торговля превратилась в некую игру, а стратегия затянувшейся войны изменилась до неузнаваемости… Колонии стали крепче держаться друг за друга, и это исподволь привело к объединению Дальнего Внеземелья. Вначале появилась коалиция Передовой и ее шахт, затем она поглотила Сытин,

Парадиз и Вайят, затем протянула щупальца к другим звездам и приписанным к ним купцам. Бродили слухи о демографическом взрыве, поговаривали, будто ученые Сытина пользуются технологией массового производства искусственной жизни.

Действительно, Уния, как она себя именовала, создала родильные лаборатории и принялась размножать людей в геометрической прогрессии. За два десятка лет она сверх вообразимого раздвинула свои пределы, увеличила плотность населения на подвластных ей планетах и создала непоколебимую идеологию, направив стихию восстания в единое русло. Она расправилась с инакомыслием, провела всеобщую мобилизацию и обрушилась на Компанию.

Разъяренное население Земли потребовало от Компании срочно исправить положение. Та поспешила увеличить налоги в своем пространстве, а на доходы от них построила огромную эскадру джамп-кораблей, настоящих машин уничтожения: «Европу», «Америку» и их смертоносных родичей.

Уния не оставалась в долгу, конструируя боевые корабли и меняя тактику и стратегию точно так же, как она меняла технологии. Повстанческих

капитанов, многие годы защищавших собственные интересы, поставили «под ружье», а позже, обвинив в излишней мягкости к врагу, отстранили от командования. Их корабли перешли в руки офицеров «правильной ориентации».

А у Компании дела шли все хуже и хуже. Гигантский Флот, которому приходилось оборонять от численно превосходящего врага огромное пространство, не положил конец войне ни за год, ни за пять лет, и Земля увязла в бесславном, изнурительном конфликте. «Все звездолеты — под автоген! — истерично требовали финансовые корпорации. — Отзовите наши фрахтеры, и пускай эти мерзавцы сбросят жирок!»

Но «сбросить жирок», конечно, пришлось не Унии, а Флоту Компании. Видимо, Земле было не под силу понять: ей противостоят уже не слабые мятежные колонии, а новая империя, вооруженная до зубов и не испытывающая недостатка в продовольствии. И от соперничества изоляционистов с Компанией, от близорукой «политики перетягивания каната», изначально оттолкнувшей колонии от Земли, Черта становилась все жирнее. Торговля хирела. Корпорации все более склонялись к мысли, что гораздо выгоднее было бы разрабатывать месторождения у себя,

в Солнечной системе… «И черт бы побрал эти исследовательские полеты…»

И никого больше не манили звезды и прыжки. Умы землян зациклились на старых внутренних проблемах и внутренней политике. Все же, боясь утечки мозгов, Правительство запретило эмиграцию, но это вызвало экономический хаос, вину за который было проще всего свалить на станции, якобы «откачивающие» природные ресурсы Земли. «Довольно воевать!» — призвал вдруг кто-то; пресса подхватила, и внезапно все заговорили о мире. Флот Компании, сражавшийся на широчайшем фронте и внезапно лишившийся ресурсов, вынужден был добывать их где только мог.

В конце концов от него осталась лишь горстка звездолетов-рейдероносцев из некогда величественной эскадры в пятьдесят боевых кораблей. Они называли себя Флотом Мациана — такова была традиция Внеземелья, зародившаяся еще в те времена, когда кораблей было так мало, что их экипажи знали имена и репутацию своих и чужих.

Ныне подобная осведомленность встречалась реже, но некоторые имена все еще гремели — например, имя Конрада Мациана заставляло униатов скрежетать зубами. Прославились

и Том Эджер с «Австралии», и Мика Крешов с «Атлантики», и Сигни Мэллори с «Норвегии»… и все остальные капитаны Компании вплоть до командиров рейдеров. Они все еще служили Планете-Матери, но день ото дня теряли к ней любовь. Никто из этого поколения внеземельцев не был рожден на Земле.

Флот получал очень скудное пополнение, да и то не с Земли и не со станций, находящихся в ее территориальном пространстве (эти станции жили в параноидальном страхе за свой нейтралитет), — нет, солдат и обученных техников ему поставляли купцы, в большинстве своем — против собственной воли.

Некогда Внеземелье начиналось с ближайших к Земле звезд, а теперь — с Пелла, ибо после того, как рухнула торговля Земли со звездами и канули в небытие досветовые полеты фрахтеров. Тыловые Звезды забросили.

За Пеллом и Сытином лежали иные открытые миры, и все они теперь достались Унии… все обитаемые планеты, откуда можно было прыгать дальше и где находились родильные лаборатории, дающие Унии тружеников и солдат. Повстанческая империя стремилась завоевать все Внеземелье, вершить Судьбу Человечества.

И она получила все Внеземелье — все, кроме тоненькой цепочки станций, еще удерживаемых для Земли и Компании Флотом Мациана — флотом, воюющим просто потому, что не было у него другого выбора и предназначения… А за спиной у него оставался только Пелл и законсервированные Тыловые Звезды. А еще — слабеющая изолированная Земля, которая замкнулась на себе и погрязла в запутанной и противоречивой внутренней политике.

Солнечная система больше не ввозила и не вывозила никаких товаров. В безумном хаосе войны вольные купцы торговали и с Унией, и со звездами Земли, то и дело пересекая Черту, хоть и остерегались униатских крейсеров, старавшихся перерезать пути снабжения Компании.

Силы Унии росли, а Флот Компании всего лишь держался — держался безропотно и стойко, защищая Пелл, который его кормил, и Землю, которая словно забыла о его существовании. В униатском космосе уже не строили станций по старым образцам. Станции теперь служили только базами для освоения новых миров, портами для кораблей-разведчиков. Рождались поколения, никогда не видевшие Земли… поколения, для которых слова «Европа» и «Атлантика» были именами

чудовищ из металла… поколения, чьей судьбой стали звезды, беспредельность и время, казавшееся бесконечным.

Земля не понимала их, не понимали и станции, оставшиеся с Компанией, и вольные купцы, перевозившие грузы через линию фронта…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НА ПОДЛЕТЕ К ПЕЛЛУ: 2.5.52

На экранах замерцал конвой: сначала «Норвегия», за ней — десять фрахтеров. Вскоре ярких крапинок стало еще больше — «Норвегия» выпустила четыре рейдера. Оборонительный строй распался, конвой растянулся в цепь. Впереди его ждало убежище, единственный уголок, еще не тронутый войной.

В рубке управления КЗК-5 [1] «Норвегия» царили слаженность и деловитость. Техи [2] за четырьмя вспомогательными консолями наблюдали за рейдерами, а также действиями кома (стоявшего вдоль длинного прохода), скана и компа самого джамп-рейдероносца. «Норвегия» поддерживала непрерывную связь с десятью фрахтерами, и послания, сновавшие по каналам кома, были сжатыми и касались только операций. Вникать

---

[1] Примечания: 1
Корабль Земной Компании

[2] Примечания: 2
От «техники»; здесь и далее автор употребляет собственные сокращения и компрессивы, например: скан (сканер), принт (принтер), ком (коммуникативное устройство), комп (компьютер), военоп (военный оператор компьютера, военный программист) и т.п.

в проблемы отдельных людей «Норвегия» не могла.

Засады нет. Станция Пелл получила сигнал от конвоя и дала долгожданный ответ. На борту рейдероносца с поста на пост пробежал шепоток облегчения, но ни один из купцов об этом не узнал. Капитан «Норвегии» Сигни Мэллори расслабилась (она даже не заметила, когда так напряглись ее мускулы) и разрешила военопу снизить степень боевой готовности.

Третья сверху по рангу из пятнадцати капитанов флотилии Мациана, Сигни сейчас командовала целым конвоем. Ей было сорок девять, и она успела побывать пилотом фрахтера, капитаном рейдера… иными словами, прошла по всем ступенькам служебной лестницы Земной Компании. Лицо ее осталось молодым, однако волосы отливали серебром, — курс омоложения возвращал человека к биологическому возрасту (для нее — около тридцати шести), но не избавлял его от седины. Правда, огромное бремя ответственности и перенесенные испытания заставляли ее чувствовать себя куда старше.

Она откинулась на мягкую спинку дивана, нажала несколько кнопок на пульте, прикрепленном к подлокотнику, проверяя ход операции,

глянула поверх задействованных постов и включенных экранов, показывающих все, что улавливали камеры вида и детекторы скана. Засады нет… Сигни не прожила бы почти полвека, если бы доверяла внешней безмятежности космоса… и если бы не приспосабливалась к нему. Все они приспосабливались, все те, кто сражался на этой войне. «Норвегия», как и ее экипаж, была собрана «с бору по сосенке»: что-то от «Бразилии», что-то от «Италии», что-то от «Осы», что-то от злосчастной «Мириам Б». По деталям можно было проследить весь ее путь со времен войны фрахтеров. Она брала, что удавалось взять, и старалась отдавать как можно меньше… Брала даже у кораблей, ведомых и охраняемых ею. Рыцарство в космической войне, донкихотские жесты вроде спасения терпящих бедствие врагов и соблюдения перемирий — все это кануло в вечность. На кораблях Компании служили люди, а Глубокий Космос в самом деле был глубок, и все это понимали… Из нейтральных штатских беженцев Сигни отобрала горсточку подходящих людей. Пелл может протестовать, — такой отбор ему невыгоден, — но протесты станционеров во внимание не принимаются. Война заходит на очередной виток, и едва ли удастся пережить его,

не замарав рук.

Конвой продвигался осторожно, на самой большой скорости, какую только удавалось развить фрахтерам в реальном пространстве. Впереди, на приличном расстоянии, летела «Норвегия» и ее рейдеры; не обремененные грузом, они легко могли опередить любого из купцов и помешать его разгону. Конвой подошел опасно близко к громадине звезды Пелл. Даже вне эклиптики он рисковал попасть в аварию, например, столкнувшись с кораблем в момент прыжка. Да, спешить он не мог — хотя каждая минута промедления уносила человеческие жизни.

— Пелл дает инструкции на стыковку, — сообщил ком.

— Графф, — обратилась Сигни к первому помощнику, — действуй. — Она переключилась на другой канал: — Ди, готовь высадку. Полная экипировка. — Она вернулась на прежний канал: — Скажи им, что лучше всего эвакуировать и изолировать секцию. Передай конвою: если на подлете кто-нибудь нарушит строй, мы его расстреляем. Растолкуй подоходчивей.

— Понял, — откликнулся старший комтех. — На связи сам управляющий станцией.

Как Сигни и ожидала, управляющий засыпал

ее протестами.

— Вы это сделаете, — не терпящим возражений тоном сказала она господину Анджело из знаменитой семьи пелльских Константинов. — Освободите секцию. В противном случае мы сами ее освободим. Приступайте безотлагательно. Уберите все ценное и опасное, вплоть до стен. Закройте ворота и заварите стыки. Вы не знаете, кого мы вам везем. Будете тянуть резину — у меня пропадет весь груз. На «Хансфорде» вот-вот откажет жизнеобеспечение. Если вы, господин Константин, не подчинитесь, я высажу десантников. И если вы не сделаете все как следует, по всей станции, как тараканы, разбегутся доведенные до отчаяния беженцы без документов. Извините за прямоту, но мои подопечные тонут в собственных нечистотах. В трюмах купцов семь тысяч насмерть перепуганных шпаков с Маринера и Рассела.

Наступила долгая пауза, но не только расстояние было ее причиной. Наконец:

— Капитан Мэллори, мы объявили эвакуацию желтой и оранжевой секций. Будет сделано все от нас зависящее для оказания медицинской помощи пострадавшим. Подняты по тревоге аварийные службы, введен в действие чрезвы-

чайный режим управления. Мы позаботимся о том, чтобы отсеки, которые подвергнутся заражению, были надлежащим образом изолированы. Надеемся, ваше беспокойство за резидентов станции столь же велико, как и за ваших пассажиров. Мы не позволяем военным вмешиваться в действия нашей внутренней охраны и подвергать опасности нейтралитет станции, но высоко оценим помощь, которую вы найдете возможным оказать нам под нашим контролем. Прием.

Сигни стерла пот с лица. Постепенно она успокаивалась, дышалось уже легче.

— Помощь будет оказана. Мы причалим… через четыре часа, если только мне удастся удержать купцов в узде. Больше времени на подготовку встречи я вам дать не могу. Вы уже в курсе, что случилось с Маринером? Он взорван, сэр. Прием.

— Четырех часов нам достаточно. Мы считаем, меры, предлагаемые вами, совершенно правильны, и все сделаем должным образом. Известием о гибели Маринера крайне опечалены и просим вкратце сообщить подробности. Далее. Извещаем вас о присутствии на станции представителей Компании. Они также весьма огорчены столь трагическим событием…

Сигни выругалась в микрофон.

— …и настаивают на том, чтобы вы повернули и отправились на какую-нибудь другую станцию. Мой персонал пытается объяснить им, сколь плачевно состояние ваших кораблей и сколь велика опасность для пассажиров, но представители Компании упорствуют, считая ваше прибытие угрозой для безопасности Пелла. Прощу принять это во внимание и учесть, что они потребуют личной встречи с вами. Прием.

С языка Сигни опять сорвалось ругательство. Флот старался избегать подобных встреч, и за последние десять лет их случилось не много.

— Скажите им, что у меня не будет времени. И не подпускайте их к нашим докам. Они что, хотят привезти на Землю снимки умирающих от голода колонистов? Это дурной тон, господин Константин. Еще раз прошу: позаботьтесь, чтобы они не путались у нас под ногами. Прием.

— Увы, у них мандат Правительства, точнее Совета безопасности. Они не простые агенты. У них большие полномочия, и они требуют, чтобы вы летели дальше. Прием.

Сигни выбрала из своего богатого арсенала новое ругательство — и проглотила его.

— Благодарю вас, господин Константин. Отправляю к вам капсулу с рекомендациями по

приему беженцев. В них учтено все до мелочей. Разумеется, вы вправе их игнорировать, но я бы вам этого не советовала. Я не гарантирую даже того, что люди, которых мы высадим на Пелле, безоружны. Мы не в состоянии подвергнуть их повальному обыску. Вы понимаете? Вооруженные солдаты не могут проникнуть в трюмы купцов. Вот кого мы вам передаем. Поэтому настоятельно рекомендуем: пока мы не возьмем заложников для переговоров с остальными, не подпускайте к нам парней из Компании. Справитесь? Конец связи.

— Справимся. Благодарю вас, капитан. Конец связи.

Сигни обессиленно вытянулась на диване, бросила взгляд на экраны и отдала кому приказ отослать на станцию капсулу с инструкциями.

Итак, агенты Компании. И беженцы с разгромленных станций. С борта разгромленного «Хансфорда» все еще поступает информация. Можно только восхититься спокойствием этого купца, вот что значит строгое соблюдение процедуры. А ведь там умирают. Вооруженная команда заперта в рубке, но отказывается покинуть фрахтер и не желает, чтобы рейдер взял его на буксир. Это их корабль, они останутся на нем и сделают

все, что в их силах, для спасения пассажиров… И не дождутся благодарности от спасенных, которые сейчас раздирают корабль на части, наплевав на катастрофическую загрязненность воздуха на борту и отказ многих блоков системы жизнеобеспечения.

Четыре часа.

«Норвегия» на подлете… Беда пришла на Рассел, а затем и на Маринер. По коридорам Пелла разносились слухи, в душах простых станционеров и владельцев предприятий обслуживания царили паника и гнев: этих людей выдворили из секций в одночасье, со всем их имуществом. Добровольцы и туземные рабочие помогали при эвакуации, бригады докеров с помощью погрузо-разгрузочной техники очищали предназначенные для карантина помещения. На пожитки резидентов вешали бирки, чтобы не допустить путаницы и пропаж. Динамики кома извергали объявления.

— Внимание, желтая секция. Проживающим в номерах с первого по сто девятнадцатый надлежит прислать своего представителя к столу аварийной службы жилищного распределения. В офисе медслужбы находится потерявшийся ребенок, Мэй Тернер. Родственников убедительно просим немедленно прибыть в офис медслужбы.

Согласно последнему подсчету центра управления, в гостиницах свыше тысячи пригодных для жилья номеров. Мы вынуждены переселить всех нестанционеров в иные помещения, а гостиничные номера распределить среди резидентов Пелла посредством лотереи. Помещений, пригодных для уплотненного проживания людей, насчитывается девяносто два, служебных и общественных, пригодных для переоборудования в жилые, — две тысячи. Часть из них можно использовать в две смены. Совет станции убедительно просит всех владельцев частных квартир дать приют родственникам и друзьям, если только это возможно, и сделать это поскорее. Предоставление жилья нуждающимся по инициативе его владельца будет компенсировано по цене, эквивалентной стоимости гостиничного номера. Недостает пятисот койкомест, и нам придется оборудовать бараки для наших резидентов или временно эвакуировать их на Нижнюю, хотя мы надеемся, что нехватка мест будет ликвидирована благодаря добровольному согласию станционеров переселиться или уступить часть своего жилья. Сейчас разрабатывается план заселения синей секции, что позволит предоставить беженцам еще пятьсот мест сроком на сто восемь-

десят дней. Благодарим за внимание. Охрана, доложите о положении дел на восьмом желтой!

Это казалось кошмаром. Поглядывая на бесконечные бумажные ленты, выползающие из принта, Дэймон Константин безостановочно мерил шагами устланный ковровым покрытием пол офиса службы управления доками, расположенной в синей секции. Под ним трудились техи и машины — эвакуация шла полным ходом. Миновало уже два часа из отпущенных Мэллори. Сквозь ряд окон Дэймон видел сумятицу в доках, где под охраной полиции высились груды вещей резидентов. В желтой и оранжевой секциях, на ярусах с девятого по пятый, было демонтировано все: доковые магазины, жилые квартиры, офисы… и теперь среди руин толпились четыре тысячи их бывших обитателей. Человеческая река текла мимо синей секции, по кромкам зеленой и белой — главных жилых. Группы напуганных, растерянных людей бродили по желтой и оранжевой, сбивались в толпы. Они сознавали необходимость эвакуации и безропотно подчинились приказу, ибо каждый из них всегда был готов перебраться в другое жилище, — секции нередко подвергались ремонту и переоборудованию. Но еще ни разу не случалось столь внезапного и

грандиозного выселения, когда никто не знал, где он найдет новое пристанище.

Планы четырех тысяч человек рухнули, в их душах воцарилась смятение. Экипажи сорока купеческих звездолетов, на свою беду оказавшиеся в эту пору на Пелле, были грубо изгнаны из гостиниц станционной полицией и получили запрет появляться в доках.

Элен, жена Дэймона, находилась внизу, в толпе. Он видел ее стройную фигуру в светло-зеленом костюме. Офицер связи при купцах… Он тревожился за нее, но что поделаешь — работа есть работа. Расхаживая по ее офису и следя за разгневанными торговцами, он подумывал, не послать ли на помощь жене охранников. Впрочем, она, похоже, не давала себя в обиду, отвечая криком на крики, которые тонули в звуконепроницаемых перекрытиях и переборках. Внезапно купцы успокоились и протянули Элен руки для пожатия, как будто скандала не было и в помине, — вероятно, проблема решилась или была отложена на потом. Элен пошла прочь, а купцы вклинились в толпу выселенных. Судя по тому, как торговцы покачивали головами и переглядывались, предложение Элен не очень-то их устраивало.

Женщина в светло-зеленом исчезла под окна-

ми — вошла в лифт, понадеялся Дэймон, чтобы подняться к нему. Его собственный офис, расположенный в зеленой секции, сейчас оборонялся от разъяренных купцов, а в центре управления скандалила делегация Компании, засыпая требованиями его отца.

— Не соизволит ли медслужба доложить обстановку на восьмом желтой? — бархатным голосом осведомился ком. Очевидно, в одной из эвакуируемых секций с кем-то случилось несчастье.

В офисе доков открылась кабина лифта, из нее вышла разгоряченная спором Элен.

— В центральной настоящий бедлам, — сообщила она. — Купцов вытолкали взашей из гостиниц, а теперь станционная полиция оцепила причалы. Они хотят улететь. Им не нравится, когда под предлогом какой-то там эвакуации их не пускают на родные лоханки. Надо понимать так, что они готовы рвануть хоть сию секунду. Понять их можно: Мэллори славится привычкой брить торговцам лбы.

— Что ты им предложила?

— Не пороть горячку и подумать о выгодных контрактах на поставки для этой оравы беженцев. Да и с полицией цапаться небезопасно. Это их удержит — во всяком случае, до поры.

Элен боялась — тревога явственно проглядывала сквозь ее деланное спокойствие и деловитость. Боялись все. Дэймон обнял ее за плечи. Руки жены обвили его талию, она молча прижалась к нему. Элен Квин с фрахтера «Эстель», ушедшего на Рассел и Маринер… Она не отправилась в этот рейс из-за него, Дэймона, решив навсегда связать свою жизнь со станцией. И вот теперь ей приходится увещевать разгневанных и, наверное, совершенно правых в ее глазах людей. Не только увещевать, но и пугать полицией. Сам Дэймон, как типичный станционер, смотрел на происходящее сквозь пелену тихой паники. Если на станции что-то не так, лучше пересидеть беду в своей секции, в своем квадранте. Каждый резидент в известной степени фаталист — это свойство характера выпестовано спецификой жизни. На станции возможен только такой героизм. Они не могут стрелять, бежать, прятаться и зализывать раны. У торговцев иная философия, иные рефлексы, а станция способна только нести урон и восполнять его, если останется цела.

— Все в порядке. — Он успокаивающе сжал руку жены и ощутил ответное пожатие. — Нам никто не угрожает. Просто военные отправляют гражданских подальше в тыл. Беженцы переждут

здесь кризис и вернутся, а если и не вернутся, ничего страшного. Нам не привыкать. Помнишь, что было, когда эвакуировали Тыловые?

Элен промолчала. По каналам внутренней связи, по коридорам станции носились самые зловещие слухи о катастрофе на Маринере, а «Эстели» не было в составе подходящего конвоя. Узнав о его приближении, Элен ждала скорой встречи со своими — ждала со страхом, поскольку фрахтеры один за другим сообщали о понесенном ими уроне. Битком набитые пассажирами, для перевозки которых они не предназначались, купцы продвигались вперед предельно короткими прыжками. Прыжки и остановки занимали минуты, но эти минуты приплюсовывались ко многим дням, проведенным в реальном пространстве, ко многим дням сущего ада, царившего в трюмах. Поговаривали, будто у большинства экипажей не хватает наркотиков, чтобы безболезненно переносить прыжки, и многие астронавты вынуждены бодрствовать. Дэймон пытался представить, сколь велика тревога Элен. То, что в составе конвоя нет «Эстели» — и хорошо, и плохо. Вероятно, она сбилась с курса и, подхваченная ветром беды, уносится в неведомую даль… Да, беспокоиться есть о чем. Пожар войны угрожает

поглотить всех. Подумать только: Маринера нет — взорван, с Рассела вывезен весь квалифицированный персонал… Черта подступила слишком близко. И слишком быстро.

— Похоже, — произнес он, жалея, что нельзя сказать об этом жене завтра или послезавтра, — нам надо перебираться в синюю, в квартиру потеснее. Туда переводят весь штат паспортной службы, ну и нас заодно.

Она пожала плечами.

— Ну что ж, разумно. Там все готово?

— Скоро будет готово.

Снова этот равнодушный тон… Они теряют дом, а Элен лишь пожимает плечами, глядя через окно в доки, на толпы, на торговые корабли.

— Нам никто не угрожает, — повторил Дэймон, надеясь убедить в этом не только ее, но и себя. Пелл — его дом… Константины своими руками строили эту станцию, они здесь со дня ее основания. — Компания может потерять все, кроме Пелла, — пробормотал он, а через секунду, побуждаемый скорее чувством долга, нежели отвагой, добавил: — Мне надо спуститься в карантинные доки.

«Норвегия» неторопливо продвигалась во главе конвоя. На экранах поблескивала ось с расходя-

щимися от нее спицами — Пелл.

Рейдеры развернулись веером, преграждая путь купцам. К счастью, суда с беженцами соблюдали строй и не создавали Сигни лишних затруднений.

Вот он, бледный полумесяц планеты Пелл, или, на деловом жаргоне колонистов, — Нижней. Он висел сразу за станцией, овеваемый ураганными ветрами. На таком расстоянии от станции уже действовали наводящие сигналы, но рейдероносец еле плелся даже после того, как впереди показались огни отведенных конвою доков. Конус, ожидающий носовой щуп «Норвегии», засветился синим. ОРАНЖЕВАЯ СЕКЦИЯ — вспыхнули на экране искаженные пространством буквы возле хитросплетения панелей и растяжек солнечных батарей. Сигни включила скан, вгляделась в изображение участка, отданного ее подопечным. По каналам связи между диспетчерской службой Пелла, «Норвегией» и другими кораблями шел непрестанный поток информации, не позволяющий дюжине техов даже на секунду оторваться от кома. «Норвегия» заходила на стыковку, постепенно, по мере торможения полого ротора в раме, сбрасывая гравитационное поле. В конце концов цилиндр

замер, корабль перешел в режим стоянки. Все служебные палубы станции оказались над и под рейдероносцем. Последовала серия рывков — «Норвегия» изменяла положение в пространстве. Конус надвигался, нос корабля плавно входил в док, и вот — захват. Слабое и недолгое ощущение тяжести — это бортовая гравитация хлопнула, так сказать, дверью на прощанье. Открылись проходы для докеров, а «Норвегия» застыла на месте — вернее, она двигалась, но уже вместе с Пеллом, словно одна из частей его конструкции.

— Насколько я понял, в доках все спокойно, — сообщил Графф. — Управляющий везде расставил охранников.

— Внимание, — подал голос ком. — Управляющий станцией Пелл вызывает «Норвегию». Просим военных оказать содействие паспортной службе, организовавшей пропускные пункты в полном соответствии с вашими инструкциями. Капитан, управляющий поздравляет вас с успешной стыковкой.

— Отвечай: первым в док входит «Хансфорд», у него неполадки с системой жизнеобеспечения, возможно, мятеж на борту. Не забивайте наши каналы. Конец связи. Графф, возьми на себя «Норвегию». Ди, срочно пошли в док десант — будем

встречать «Хансфорд».

Переложив свои обязанности на плечи помощников, Сигни поднялась и по узким изогнутым коридорам прошла из рубки в тесную каюту, служившую ей кабинетом, а зачастую и спальней. Там она открыла встроенный шкаф, достала куртку, надела ее и сунула в карман пистолет. Куртка была не форменной — вероятно, на всем Флоте не нашлось бы человека, имевшего полный мундир. Снабжение давно дышало на ладан, и только капитанский позумент на воротнике отличал наряд Сигни от купеческого. Десантники были обмундированы не лучше, зато неплохо вооружены и экипированы. Их боеготовность приходилось поддерживать на высоте, чего бы это ни стоило.

Она спустилась на лифте в нижний коридор, пробралась сквозь колонну десантников, посланную Ди Янцем в док, и через герметичную трубу — «пуповину» — выбралась в простор и прохладу дока.

Весь док был отдан им — огромное пространство, ограниченное двумя вертикальными плоскостями межсекционных, двумя горизонтальными — пола и потолка — и плавно изгибающимися поверхностями стен. Во внутренней стене, ближе

к правому краю, находились ворота, ведущие на ярусы. Здесь не осталось никого и ничего, кроме бригады докеров с лебедками и подъемными кранами, и полицейских с комп-терминалами, да еще военных. (В подобных ситуациях туземцев к работе не привлекали.) На широкой палубе валялись обломки перегородок, бумажки, тряпки — свидетельства поспешной эвакуации. Доковые магазины и офисы пустовали, сквозной коридор тоже был безлюден и захламлен. Эхо гортанного рева Ди Янца отлетало от металлических ферм над головами, и солдаты, выполняя его приказы, торопливо оцепляли будущую стоянку «Хансфорда».

Докеры Пелла взялись за работу. Следя за ними, Сигни нервно покусывала нижнюю губу. Посмотрев исподлобья направо, она увидела приближающегося штатского — молодого, смуглого, с орлиным профилем, в синем костюме безукоризненного покроя, с блокнотом в руке. Он выглядел очень озабоченным.

Микрофон в ухе Сигни постоянно докладывал обстановку на борту «Хансфорда». Хорошего было по-прежнему мало.

— Кто вы? — спросила она.

— Капитан, я — Дэймон Константин из юриди-

ческой службы.

Она посмотрела на него повнимательнее. Константин. Конечно, кто же еще! Жена Анджело родила двух сыновей, прежде чем с ней случилось несчастье.

— Юридическая служба, — неприязненно произнесла Сигни.

— Я здесь на тот случай, если вам… или беженцам что-нибудь понадобится. У меня прямая связь с центральной.

Раздался треск: «Хансфорд» неуклюже входил в док. Проскрежетав щупом о подводящий конус и несколько раз ударившись корпусом, он замер у причала.

— Ставьте его на прикол и убирайтесь! — проревел Ди Янц докерам. Он не захватил с собой мегафона.

Тем временем Графф командовал из рубки «Норвегии». Экипажу «Хансфорда» надлежало оставаться взаперти и обеспечивать высадку с помощью дистанционного оборудования.

— Скажите им, чтобы выходили, — услышала Сигни по кому голос Граффа. — Любое агрессивное движение в сторону военных будет встречено огнем.

Вскоре докеры закончили стыковку и подвели

«пуповину».

— Шевелись! — громыхнул Ди.

Докеры поспешили укрыться за шеренгами десантников. Дула винтовок наклонились, открылся шлюз, и в него с громким лязгом въехала труба. В прохладу дока ринулось зловоние. Распахнулся внутренний люк воздушного шлюза, и хлынула живая волна. Люди бежали с безумными воплями, толкали друг друга, падали…

Десантники выстрелили поверх голов. Казалось, волна налетела на крутой берег.

— Стоять! — закричал Ди. — Садись! Руки на голову!

Одни опустились на пол от слабости, другие — подчиняясь приказу. Некоторые выкрикивали жалобы, многие, похоже, ничего не соображали, но никто уже не рвался вперед. Дэймон Константин, стоявший рядом с Сигни, выругался и схватился за голову. На его лбу выступили капли пота, но с уст не сорвалось ни слова из тех, какие можно было ожидать в такой ситуации от слуги закона. Его станции угрожал захват мятежниками, поломка систем жизнеобеспечения — беды в десять тысяч раз страшнее, чем трагедия «Хансфорда». В доке Пелла, возле «пуповины», скорчилось сто — может, полтораста выживших.

Зловоние растекалось. Заработал компрессор, прогоняя по отсекам «Хансфорда» воздух под давлением.

— Придется войти, — пробормотала Сигни, испытывая тошноту от одной этой мысли.

Под дулами винтовок Ди построил беженцев в очередь к наспех отгороженному участку дока, где их должны были раздеть, обыскать, отмыть и передать паспортному контролю и врачам. Багажа у этой группы не оказалось, а их документам была грош цена.

— Надо вызвать на загрязненный участок спецподразделение полиции, — сказала Сигни молодому Константину. — С носилками. Покажите место нашего расположения. Необходимо избавиться от трупов, и это мы берем на себя, а больше ничем помочь не сможем. Постарайтесь их идентифицировать — отпечатки пальцев, фотографии, ну и все такое. Учтите: каждый неопознанный труп — угроза вашей безопасности.

Константина, очевидно, мутило — ничего удивительного, некоторые десантники тоже готовы были упасть в обморок. Сигни старалась не обращать внимания на бунт собственного желудка.

Еще несколько уцелевших подползли к отвер-

стию проходной трубы. Горстка, жалкая горстка.

Подходила «Лайла». Предстоящая стыковка вызвала панику среди ее экипажа, инструкциям с борта «Норвегии» и угрозам с рейдеров никто уже не внимал. Выслушав доклад Граффа, Сигни включила микрофон.

— Задержи их. Отруби плоскость, если понадобится. Мы еще с «Хансфордом» не разобрались. И пришли мне сюда костюм.

Они отыскали еще семьдесят восемь живых среди разлагающихся трупов. Остальные спасенные уже прошли дезинфекцию. Сигни тоже вытерпела процедуру обеззараживания, после чего переоделась, села и дала наконец волю желудку. Шпак из медслужбы выбрал не самое удачное время, чтобы предложить ей сэндвич. Отодвинув его, Сигни взяла чашку эрзац-кофе из какой-то туземной травы и передохнула, пока паспортисты и медслужба занимались последними уцелевшими с «Хансфорда». Зловоние к этому времени сменилось запахом антисептика.

В коридорах ковер трупов. Кровь, смерть… Кое-кто из мертвецов разрезан выстрелом надвое, кое-кому из живых в давке сломали кости. Моча, рвота, гной. На «Норвегии» действовали системы замкнутого цикла, у Сигни и ее людей был све-

жий воздух… У беженцев на «Хансфорде» не было ничего, кроме аварийного резерва кислорода. Из-за него-то и убивали, наверное… Большинство спасшихся путешествовали в отсеках, где воздух был не столь загрязнен, как в почти не вентилируемом трюме, куда набились сотни людей.

— На связи управляющий, — произнес динамик в ухо Сигни, — просит капитана при первой возможности прибыть в центральную секцию.

— Нет, — буркнула Сигни. Она привезла груз мертвецов, их нельзя было шлюзовать вот так сразу, без идентификации, религиозных обрядов и отдания последних почестей. Подхваченные притяжением Нижней, они рано или поздно выйдут на ее орбиту. «А может, сгорят в падении? — вяло шевельнулось в мозгу Сигни. — Скорее всего». Она не сильна была по части планетологии и весьма сомневалась, что судьба выброшенных со станции покойников могла кого-нибудь заинтересовать.

Высадка с «Лайлы» прошла куда спокойнее. Ее пассажиры тоже бросились к трапу, но замерли при виде шеренги солдат. И тут вмешался Константин. Через портативный мегафон он рассказал напуганным шпакам о положении дел на Пелле, весьма озабоченном угрозой хрупкому

равновесию его жизни. Это возымело действие — подобные жуткие назидания беженцы, должно быть, выслушивали с младых ногтей.

Сигни заставила себя подняться на ноги и с чашкой в руке следила за возобновлением процедур, на которых она настояла. Желудок ее почти успокоился. Беженцы с документами направлялись на один участок, а без документов — на другой; там их фотографировали и регистрировали. Красивый парень из юрслужбы усердно доказывал, что не даром ест свой хлеб; его звонкий, решительный голос Сигни слышала всякий раз, когда возникала заминка у паспортного стола или требовались указания станционному персоналу.

— «Гриффин» заходит на стыковку, — раздался в динамике голос Граффа. — Станция заявляет, что хотела бы получить обратно пятьсот жилых мест, приготовленных для «Хансфорда».

— Отказать, — равнодушно отрезала Сигни. — При всем моем уважении к администрации Пелла, тут и разговора быть не может. Какова ситуация на «Гриффине»?

— Паникуют. Мы их предупредили.

— Много купцов разбрелось?

— Пока держат строй, но доверять им нельзя.

Любой может рвануть. На «Маурине» один пассажир умер от тромбоза, другой тяжело болен. Я назначил им стыковку после «Гриффина». Управляющий станцией спрашивает, не могли бы вы в течение этого часа прийти на заседание совета. Парни из Компании требуют, чтобы их пропустили в доки.

— Не пускать. — Сигни допила кофе и прошла вдоль шеренги десантников, застывшей перед «Гриффином». Все переместились сюда, поскольку около «Хансфорда» в них уже не было нужды. Беженцы, проходившие идентификацию, вели себя мирно. У них хватало проблем: надо было усыпить подозрительность станционной полиции и получить новое жилище.

Оснащенная всем необходимым бригада уже выводила пустой «Хансфорд». В этом доке было всего четыре причала. Сигни измерила взглядом пространство, пожертвованное конвою: по пять ярусов в двух секциях и два дока. Тесновато, но, в общем, терпимо. Изрядно помогут бараки… Первое время — никакой роскоши, это уж точно. Ничего, бывает и хуже.

Приток беженцев на этом не завершится. Ее конвой привез только первую партию, но об этом Сигни предпочитала помалкивать.

Относительное спокойствие было нарушено «Динахом». Охранник с помощью скана обнаружил оружие у одного из пассажиров. Итог: два трупа и истерика в толпе. Посмотрев на новых покойников, Сигни устало и сокрушенно покачала головой и велела выбросить их вместе с остальными. «Военное положение!» — буркнула она, когда к ней с подскочил разгневанный Константин. И отошла.

«Сита», «Жемчужина», «Медвежонок», «Уинифред»… Они мучительно долго швартовались, высаживали пассажиров, выгружали их имущество и дюйм за дюймом выбирались из дока.

Сигни вернулась на «Норвегию» и забралась в ванну. Ей пришлось три раза вымыться с мылом, чтобы избавиться от тошнотворного запаха и столь же тошнотворных воспоминаний.

Для Сигни наступило несколько часов отдыха от жалоб и требований. Отдых для Сигни, но не для новой вахты «Норвегии».

Ночью у Сигни были покой, забвение, мужчина… один из спасенных с Маринера и Рассела, но привезенный «Норвегией». На любом другом корабле его разорвали бы в клочья. Он это понимал и ценил снисхождение Сигни. Экипаж «Норвегии» тоже не питал к нему симпатий. Он

сознавал и это.

— Останешься здесь, — сказала Сигни, глядя на лежащего рядом человека. Его имя не играло никакой роли, в памяти Сигни оно мешалось с остальными. Иногда — обычно в полусне — она называла его чужим именем. Он не проявлял никаких чувств, только моргал — это означало, что он услышал. Ее интриговало это лицо. Выражение невинности… Ее всегда привлекали контрасты. И красота.

— Тебе повезло, — сказала она, и он отреагировал, как почти на любые ее слова: томным, безучастным взглядом. На Расселе с его рассудком сыграли злую шутку… Иногда в душе Сигни просыпалось что-то жестокое, грязное, возникало острое желание причинить боль — чтобы вытеснить из памяти настоящее убийство и ужас. Она порою проводила ночи с Граффом, или с Ди, или с любым, на кого падал ее выбор, но никогда не открывала этой части своей натуры тем, кого любила и ценила — экипажу, друзьям. Но нечасто доставались на ее долю такие рейсы, когда на душе было черным-черно. Нечасто поддавалась она этой болезни, самой распространенной болезни на Флоте, в замкнутых мирках, особенно среди тех, кто обладал абсолютной властью.

— Ты не против? — спросила она.

Он не был против, и в этом, возможно, было его спасение.

«Норвегия» стояла на приколе. Из рубки Сигни видела своих десантников на постах. У карантинного причала стоял последний фрахтер, в доках над головами сотен людей, медленно продвигающихся друг за другом под дулами ружей, ярко горели лампы…

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПЕЛЛ: 2ДС.5.52

Слишком много ужасных впечатлений, слишком много… Взяв у теха чашку кофе, Дэймон Константин подошел к столу, оперся на него и уставился в глубину доков, свободной ладонью потирая глаза, словно хотел стереть боль. От кофе пахло антисептиком… Тут все провоняло антисептиком — запах впитался в поры, в слизистую оболочку носа, во все остальное…

Часовые стояли с винтовками наизготовку, в доках можно было не опасаться беспорядков. А в бараке "А" уже кого-то зарезали. Никто не мог объяснить, откуда взялось оружие. Вероятно, из кухни одного из покинутых в спешке доковых ресторанов — среди поваров нашелся разгильдяй, недооценивший опасность.

Дэймон вдруг осознал, что от усталости еле стоит на ногах. Станционная полиция так и не нашла преступника в очередях беженцев, дюйм за дюймом приближавшихся к столам паспортного контроля и распределения жилья.

Кто-то дотронулся до его плеча. Он повернул

голову (шея отозвалась болью) и, моргая, посмотрел на старшего брата. Эмилио сидел в соседнем кресле, не снимая руки с плеча Дэймона. «Уже дополнительная» [3], — вяло сообразил Дэймон. В этом мире четко разграниченного бодрствования и сна, где братья Константины изредка встречались в центральной при пересменке, воцарилась неразбериха.

— Ступай домой, — мягко произнес Эмилио. — Моя очередь, хотя не знаю, имеет ли смысл кому-то из нас торчать здесь. Я обещал Элен отослать тебя. Судя по ее голосу, она чем-то расстроена.

— Ладно, — согласился Дэймон, не двигаясь с места. Не хватало сил. Пальцы Эмилио сдавили на миг, затем отпустили его плечо.

— Я следил за мониторами, — сказал старший брат. — Знаю, что на нас навалилось.

Дэймон плотно сжал губы (к горлу подкатил комок) и воззрился вперед. Не на беженцев, а в бесконечность, в будущее, несущее гибель всему, что казалось незыблемым и вечным. Пеллу. Их Пеллу — Дэймона, Элен и Эмилио. Флот присвоил себе право обречь их на смерть, а они ничего не в силах поделать. Слишком уж внезапно нахлыну-

---

[3] Примечания: 3
ДС — дополнительная смена

ли беженцы, и у станции не осталось выбора.

— Я видел, как стреляли в людей, — произнес Дэймон. — И не помешал. Не мог ссориться с военными. Разногласия… привели бы к беспорядкам. Беженцы могли захватить всю станцию. Потому-то солдаты и стреляли, стоило кому-нибудь выйти из очереди.

— Дэймон, иди домой. Теперь это моя забота. Я что-нибудь придумаю.

— Нам не у кого просить помощи, только у агентов Компании. А это небезопасно. Не позволяй им лезть в эту кашу.

— Ничего, справимся, — бодро произнес Эмилио. — Всему есть предел — это понимает даже Флот. Он не может подвергать опасности Пелл, не рискуя собственной шкурой. Пускай вояки вытворяют все, что угодно, — подставить нас под удар они все равно не посмеют.

— Уже подставили, — буркнул Дэймон, фокусируя взгляд на очередях, пересекающих док. Затем он повернулся и посмотрел на брата — на свой собственный лик плюс пять лет. — По-моему, мы еще не до конца осознали, что произошло.

— Такое уже было, когда закрыли Тыловые Звезды. Ничего, мы выдержали.

— Две станции… До нас добралось шесть тысяч

человек. Из пятидесяти тысяч? Или из шестидесяти? Где остальные?

— Надо полагать, в лапах Унии, — проворчал Эмилио. — Или погибли вместе с Маринером — никто ведь не знает, сколько там было народу. Может, кто-то добирается к нам на других фрахтерах или просто бежит куда глаза глядят. — Он откинулся на спинку кресла, по лицу пролегли угрюмые морщины. — Отец, наверное, спит. Мать, надеюсь, тоже. По пути сюда я задержался возле их спальни. Отец сказал: ты псих, раз сидишь в доковом офисе. Я ответил, что я тоже псих и, может быть, доделаю то, что не доделал ты. На это он ничего не сказал, но встревожился не на шутку… Иди скорей к Элен. Она тоже вымоталась — передавала наши распоряжения купцам, которые привезли беженцев, и расспрашивала их о чем-то. Дэймон, прошу тебя, ступай домой.

— «Эстель»! — внезапно догадался Дэймон. — Элен расспрашивала о фрахтере.

— Она уже дома. Устала, а может, расстроена… не знаю. Просила передать, чтобы ты, как освободишься, шел к ней.

— Что-то стряслось. — Дэймон тяжело поднялся, сгреб бумаги, спохватившись, придвинул их к Эмилио и поспешно вышел.

Миновав часового в конце коридора, что отделял квартиры станционеров от карантина, он очутился в неразберихе дока. От него шарахались туземные рабочие — эти пугливые мохнатые существа выглядели еще более чужеродными в дыхательных масках, которые им приходилось носить вне эксплуатационной зоны. Сейчас они добавляли суматохи, в лихорадочной спешке перенося и перевозя на тележках багаж приезжих и пожитки резидентов и визгливо перекликаясь между собой в безумном контрапункте с командами надсмотрщиков.

Он добрался на лифте до зеленой секции, прошел по коридору в свою квартиру… Даже здесь — нагромождение ящиков со скарбом, даже здесь клюет носом часовой из станционной полиции. Да, все нынче выбились из графика, особенно полиция.

Дэймон миновал часового, обернувшись на запоздалый смущенный оклик, отпер дверь и с облегчением увидел в комнате свет, услышал привычный стук пластиковой посуды в кухне.

— Элен. — Он вошел.

Жена смотрела на печь, стоя к нему спиной. На его зов она не оглянулась. Дэймон остановился, предчувствуя беду. Сработал таймер. Элен вынула

из печи блюдо, поставила его на кухонный стол, повернулась и посмотрела на мужа. Спокойствие на ее лице было вымученным.

У него защемило сердце. Выждав немного, он приблизился и обнял ее. Она коротко вздохнула — это больше напоминало всхлип.

— Их больше нет, — вымолвила она через секунду. Опять всхлипнула. — Взорваны вместе с Маринером. «Эстель» погибла. Со всеми, кто был на борту. Никто не мог уцелеть. С «Ситы» видели, как она застряла в доке. Ее штурмовали беженцы. Вырвалось пламя, и части станции как не бывало. Взрывом разнесло обшивку на носу…

Пятьдесят шесть человек экипажа. Отец, мать, кузены и кузины, дальние родственники. Мир в себе. «Эстель».

У Дэймона был его собственный мир, покуда невредимый. У него была семья. А ее семья погибла.

Но она не оплакивала родных и не радовалась тому, что сама осталась жива.

Она еще раз судорожно вздохнула, прижалась к нему, затем отвернулась — поставить в микроволновую печь вторую порцию. Дэймон не заметил слез на ее глазах. Она села и принялась за еду. Элен держалась мужественно, он же с неимо-

верным трудом заставлял себя глотать пищу и не мог отделаться от привкуса антисептика. В конце концов ему удалось поймать взгляд жены — застывший, как у беженцев. Не найдя что сказать, он встал, обошел вокруг стола и снова обнял ее. Ее ладони легли на его руки.

— Все нормально.

— Почему ты меня сразу не позвала?

Отпустив руки Дэймона, она поднялась, устало коснулась его плеча и посмотрела прямо в глаза. Та же усталость во взгляде, что и в движениях.

— Из нас остался один…

Он озадаченно поморгал, затем сообразил, что Элен имеет в виду. Из экипажа «Эстели» уцелела только она. У станционера есть дом, а у купца — род. Она из рода Квинов. Выходит, за все эти месяцы семейной жизни он так и не понял, что значит для нее семья. Он знал: для торговца месть — самый что ни на есть обычный товар. Мера за меру. Да и чего еще ожидать от людей, у которых имя и связанная с ним репутация — единственное достояние?

— Я хочу ребенка, — произнесла она.

Дэймона ошеломила тьма в ее глазах. Он любил ее. Элен сошла в его жизнь с палубы торгового корабля, сошла, чтобы сменить удел скитальца

на судьбу станционера. Но она до сих пор называла «Эстель» своим кораблем. Все эти четыре месяца. Впервые Дэймону не хотелось близости с нею. Из-за «Эстели». Из-за этого взгляда, из-за возмездия, к которому призывала ее кровь родичей. Он промолчал. У них был уговор: пока Элен не ощутит, что сможет остаться с ним насовсем, о ребенке не будет и речи. И вот наконец… Или тут другое? Но выспрашивать не следовало — во всяком случае, сейчас, в этом безумии. Он просто взял ее на руки, отнес в спальню и продержал в объятьях несколько долгих часов. Она ничего не требовала, а он ни о чем не спрашивал.

— Нет, — сказал чиновник, на сей раз даже не глянув на распечатку. Вдруг в его душе устало шевельнулась человечность. — Подождите, я еще поищу. Может быть, их фамилии есть в списках пропавших без вести, но искажены.

Василий Крессич ждал, слабея от страха. Как и других беженцев, не желавших отойти от стола, его терзало отчаяние. Люди, потерявшие близких, умоляли, надеялись… На скамьях возле столов их сидело двадцать семь, если считать детей. Он считал. Для них не существовало ни дня, ни ночи, они не могли, как контролеры, уступить места сменщикам. Круглосуточная работа терминалов

паспортной службы была единственным благодеянием станционного начальства. Шли минуты, а комп упорно не сообщал ничего нового.

Он ждал. Пальцы оператора снова пробежались по клавиатуре. Безрезультатно. Василий понял это, даже не посмотрев на дисплей, понял по тому, как обернулся к нему чиновник. Крессичу вдруг стало жаль опа: сидит здесь без всякого толку, в окружении убитых горем беженцев и под охраной вооруженных солдат… Василий опустился на скамью рядом с супружеской четой, потерявшей сына.

С каждым из них случилось нечто в этом роде… Рассел покидали в панике, охранников больше всего заботило, как бы самим попасть на борт. Толпы резидентов без эвакуационных предписаний прорвались в доки и атаковали корабли. С перепугу охрана устроила пальбу, не отличая правых от виноватых. Станция погибла, охваченная смутой… В конце концов пассажиры, имевшие билеты и прошедшие через контроль, набились в трюмы ближайшего корабля, и команда поспешила задраить наружные люки.

Джен и Роми должны были попасть на борт раньше него. Василий оставался на своем посту, пытаясь восстановить порядок. Большинство

фрахтеров задраило люки вовремя, только «Хансфорду» не повезло — в его шлюз хлынула толпа. «Хансфорд», где в пути закончились наркотики, где давление жизни пересилило бортовые системы, где обезумевшая толпа подняла восстание и разнесла вдребезги все, что можно было разнести… По сравнению с «Хансфордом» «Гриффин» был просто раем. Василию посчастливилось укрыться на его борту задолго до того, как выстрелы станционной полиции остановили натиск безбилетников. И Василий верил, что Джен и Роми успели сесть на «Лайлу». В списке пассажиров «Лайлы» они числились — во всяком случае, если верить распечатке, увиденной Василием после суматошного старта. Но на Пелле они не высадились, и в станционной больнице их не обнаружили. Оператор «скормил» компу их приметы со слов Василия — никакого проку… И Мэллори не могла их забрать — они не обладали нужными ей специальностями. Значит, комп ошибся. Василий верил — вынужден был верить — списку пассажиров. Они не могли вызвать его с корабля — бортовые комы не успевали бы передавать все послания… К тому же флотские потребовали от купцов молчания в эфире. Но все-таки Джен и Роми не высадились с «Лайлы».

Выходит, их там и не было.

— Как они посмели выбросить их в космос! — простонала сидевшая рядом женщина. — Даже без опознания! Он умер! Умер! Должно быть, он летел на «Хансфорде»...

А у стола — уже новый проситель. Он настаивал. Он не верил списку рекрутированных. Оп искал, сравнивал, проверял — безрезультатно.

— Он был там! — кричал опу беженец. — Он числится в списке! И не высадился! Он был там! — Проситель заплакал. Крессич молчал.

В полете на борту «Гриффина» астронавты зачитали беженцам список пассажиров и попросили предъявить удостоверения личности. Выполнили эту просьбу очень немногие. Кое-кто отзывался на чужое имя, даже на разные имена — чтобы получать чужие пайки. Иногда это удавалось. В пути Василия ни на миг не покидал страх — глубокий, тошнотворный страх за семью. И еще страшнее ему стало потом, когда он узнал, что очень многие летели не на тех кораблях, которые им были предписаны, когда он услышал о творившемся на «Хансфорде». Должно быть, Джен и Роми сели на свой фрахтер, но затем встревожились и пошли искать его, Василия. Неужели они действительно совершили

эту ужасную ошибку? Из-за любви к нему? На его глазах выступили слезы. Невозможно было представить, как Джен и Роми вместе с толпой, вооруженной ножами, пистолетами и обрезками труб, пробиваются на «Хансфорд». Едва ли они — среди тех, кто умер на этом корабле. Скорее всего, они на Расселе, в руках униатов. А сам он здесь, и пути назад не существует.

В конце концов Василий смирился с этой мыслью. Поднявшись со скамьи, он прошел в помещение, где ему отвели койку. В мужской барак. Многие соседи были молоды, некоторые наверняка имели фальшивые документы, не будучи ни техами, ни другими специалистами, которым разрешалась первоочередная эвакуация. Найдя незанятую койку, он разложил на одеяле предметы первой необходимости (контроль снабдил ими каждого беженца), затем отправился в душевую, вымылся во второй раз (казалось, сколько ни мойся — толку все равно не будет), вдоль рядов спящих мертвым сном товарищей по несчастью вернулся к койке и лег.

В Унии ценных, но слишком своенравных пленников подвергали Урегулированию. И не только своенравных… «Джен, — подумал Василий, — ах, Джен, и ты, сынишка, если вы живы… Жена,

такая кроткая, покорная, никогда не спорящая… и все же обреченная на Урегулирование, потому что она — моя жена… Вряд ли стоит надеяться, что ее не разлучат с Роми. В Унии полно государственных приютов, куда забирают будущих солдат и рабочих… Наложить ли на себя руки?.. Кое-кто предпочел самоубийство переселению на чужую станцию». Но такой выход противоречил натуре Василия.

Одинокий и совершенно опустошенный мужчина средних лет лежал неподвижно и глядел в темный металлический потолок. «Выжить, — стучало в его мозгу. — Только бы выжить…»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ПЕЛЛ: 3.5.52

Трудности начались с самого утра основной смены, с безмолвной давки перед аварийными кухнями, установленными в доке, с попыток беженцев, имевших и не имевших документов, вызвать представителей администрации и добиться права на постоянное жительство. С первых же столкновений человеческой психики и карантинной реальности.

— Надо бы снять последние посты, — сказал Графф, просматривая утренние депеши, — пока все спокойно.

— Надо бы, — согласилась Сигни, — но мы не можем рисковать Пеллом. Раз уж администрация не в состоянии поддерживать порядок, это приходится делать нам. Свяжись с депутатами. Передай, что я готова с ними встретиться. Сама пойду. Это безопаснее, чем пускать их в доки.

— Возьмите челнок, — с обычным выражением озабоченности на широком лице посоветовал Графф. — Летите вдоль обода. Напрасно вы ходите без охраны. Народ взбаламучен, надо бы его

как-нибудь приструнить.

Предложение было дельным, но, подумав о том, как Пелл может воспринять осторожность флотских, Сигни хмуро покачала головой.

Она прошла в свою каюту и надела наряд, который мог сойти за женскую форму, — по крайней мере, темно-синий цвет ей соответствовал. Потом в сопровождении Ди Янца и шести десантников она пересекла док, миновала карантинный контрольно-пропускной пункт и двинулась по длиннейшему коридору сквозь ярусы. Никто не смел приблизиться к Сигни, хотя у некоторых явно возникало такое намерение. Их останавливал вид вооруженных солдат.

Перед ней открыли дверь. Сигни поднялась по металлической лестнице к другой охраняемой двери и через нее прошла в не занятую беженцами часть станции. Теперь осталось только проехать в лифте сквозь несколько ярусов на административную территорию — в верхний коридор синей. Обстановка изменилась — вместо голых стальных панелей доков и скудной, строго функциональной меблировки карантинной зоны, — зал, надежно охраняемый станционной полицией, остекленное фойе со звуконепроницаемым ковровым покрытием под ногами, с

удивительными деревянными фигурами, которые встретили вошедших с видом застигнутых врасплох хозяев дома. Искусство. Сигни заморгала, смущенная этим напоминанием о роскоши и цивилизации — давно забытых военными, знакомых ей лишь по рассказам… Досуг, чтобы придумывать и создавать вещи, не имеющие иного предназначения, кроме как существовать. Творчество. Просто так. Для себя. Вся жизнь Сигни прошла вдали от этих явлений. Но она знала — понаслышке — о цивилизации, о роскоши тайных помещений станций.

С забавных деревянных шаров на нее смотрели нечеловеческие лица. Под ними — самые что ни на есть обычные деревянные палки, но лица — чужие, круглоглазые. Лики Нижней. Кропотливая резьба по дереву. Люди предпочли бы пластик или металл.

Зрелище подействовало на всех. Ди тихонько выругался.

Они приблизились к последней двери. Штатские чиновники расступились и следом за ними прошли в зал заседаний.

На этот раз к военным обратились человеческие лица. С двух сторон — по шесть ярусов кресел, между ними, внизу, овальный стол. Но

вот что удивительно: выражения лиц депутатов почти не отличались от тех, туземных.

На дальнем конце стола поднялся седоволосый мужчина и, хотя флотские уже вошли, сделал приглашающий жест. Анджело Константин. Остальные не встали.

Чуть поодаль от стола были расставлены шесть кресел. Их занимали шестеро мужчин и женщин — не из персонала станции. Даже не из Внеземелья, если судить по одежде.

Представители Компании. В знак уважения (и чтобы не пугать хозяев станции видом грозных десантников) Сигни следовало выпроводить свиту в соседнюю комнату. Но она этого не сделала, даже не ответила на улыбку Константина.

— Я вас не задержу, — пообещала она. — Карантин оборудован и уже действует, советую надежно охранять его. Предупреждаю, что остальные фрахтеры с беженцами придут без нашего ведома и сопровождения. Если у вас достаточно здравого смысла, вы прислушаетесь к моим рекомендациям и направите на каждый фрахтер сотрудников охраны, прежде чем позволите ему войти в док. Надо предотвратить катастрофу, подобную той, что случилась на Расселе. Теперь это ваша проблема. Я свое дело сделала.

По залу пробежал боязливый шепоток. Встал один из агентов Компании.

— Капитан Мэллори, вы ведете себе слишком бесцеремонно. Это что, флотский обычай?

— Нет, сэр. На Флоте иной обычай. Если кто-то способен контролировать ситуацию, он делает свое дело, а тот, кто не способен, смотрит и учится, или, по крайней мере, не путается под ногами.

Лицо агента пошло красными пятнами.

— Похоже, нам придется терпеть подобное поведение… до поры. Нам нужен корабль, способный доставить нас к любой границе. «Норвегия» подойдет.

Сигни вздохнула и расправила плечи.

— Нет, сэр, вам не придется терпеть мое поведение. «Норвегия» не приспособлена для транспортировки штатских, и я не возьму на себя такую ответственность. А что касается границы, то она проходит там, где в данный момент находится флот, и никто, кроме капитанов задействованных в операции кораблей, не знает, где именно. Наймите купца.

В зале повисла мертвая тишина. Наконец:

— Капитан, мне бы не хотелось при вас упоминать о трибунале.

Сигни коротко рассмеялась.

— В кои-то веки вам, агентам Компании, захотелось совершить экскурсию на войну… А знаете, у меня огромный соблазн взять вас на борт. Может быть, это пошло бы вам на пользу. Может быть, вы расширили бы пределы Матери-Земли. Может быть, мы раздобыли бы несколько кораблей.

— Вы не имеете права осуществлять реквизиции, а мы на это не пойдем. И не потерпим, чтобы кто-то нам указывал: это вам можно видеть, а это нельзя. Мы, капитан, увидим все, что пожелаем, и неважно, устраивает это вас или нет.

Сигни прижала ладонь к губам и обвела агентов взглядом.

— С кем имею честь, сэр?

— Сегюст Эйрис, второй секретарь Совета безопасности.

— Второй секретарь. Ладно, поглядим, найдутся ли для вас места. Но уж багажа чтобы никакого, кроме самого необходимого. Вы меня поняли? Никаких украшений и прочего барахла. Вы полетите туда, куда надо «Норвегии». Вы мне не указ, я подчиняюсь только Мациану.

— Капитан, — вмешался второй агент, — мы убедительно просим вас о сотрудничестве.

— Вы получите то, что я захочу дать, и ничего больше.

Наступила тишина, затем по ярусам пробежал шепоток. Эйрис покраснел еще гуще. Он недооценил Сигни и расплачивался за это жестокими ударами по самолюбию.

— Капитан, вы — на службе у Компании и обязаны выполнять ее поручения. Или вы забыли об этом, капитан?

— Капитан третьего ранга, господин второй секретарь. Улавливаете разницу? Она в том, что я — человек военный. Ну ладно, если хотите лететь, даю час на сборы.

— Нет, капитан, — твердо заявил Эйрис. — Ваше предложение насчет купца кажется нам разумным. Фрахтер доставил нас сюда с Солнечной, и за деньги он полетит, куда мы скажем.

— Уверена, что полетит, и без возражений.

«Отлично, — произнесла она мысленно, — одной заботой меньше. Представляю, в какой ужас пришел бы Мациан!»

Она перевела взгляд с Эйриса на Анджело Константина.

— Здесь наше дело сделано. Мы уходим. Любые ваши просьбы и обращения к командованию будут переданы.

— Капитан. — Анджело Константин вышел из-за стола и направился вперед, протягивая руку

с непривычной для Сигни вежливостью, и столь же непривычным было осознание того, что она наделала, оставив им всю эту ораву беженцев. Уколовшись о тревожный взгляд старика, она ответила на мягкое пожатие. Они были едва знакомы, встречались когда-то… Анджело Константин, внеземелец в шестом поколении. А молодой человек, помогавший ей в доке, — внеземелец в седьмом. Пелл построен Константинами. Они были учеными и рудокопами, строителями и предпринимателями. В присутствии этого человека и таких, как он, Сигни испытывала скованность. При всем их несходстве именно такие люди — лучшие из профессионалов — командовали Флотом.

— Удачи. — Она повернулась и вышла, уведя за собой Ди и солдат. Тем же путем, каким пришла, через уже действующую карантинную зону, вернулась в родную обстановку «Норвегии», к друзьям, туда, где все подчинялось ей, где все было привычным и близким. Осталось доделать несколько мелочей, решить пустяковые вопросы, принести последние жертвы благополучию станции: порекомендовать кое-какие меры по улучшению охраны, сдать спасенную документацию, в том числе досье пассажира «Норвегии»…

вместе с ним самим.

Она привела рейдероносец в стартовую готовность. Заревела сирена, и Пелл избавился от незваных защитников.

«Норвегии» предстояло идти курсом, проложенным капитаном корабля и первым помощником. Идти не за новой партией беженцев — на Пан-Париже находился Крешов, а «Тихий океан» Сунга шел на Эсперанс. К Пеллу летели другие конвои, и Сигни намеревалась взять их под защиту и обеспечить порядок.

Натиск врага усиливался. Остальные станции пали. До них было не добраться, их не спасти. Флот делал все, что мог, и каждый кусок добычи доставался Унии ценой крови. Но втайне от всех Сигни понимала: Флот обречен, и даже с этой операции многие корабли могут не вернуться. Жалкие ошметки Флота, они противостояли молодой растущей империи, владеющей неисчерпаемыми источниками живой силы, техники, планет, — всего того, в чем отчаянно нуждалась Земля.

Столько лет войны, и вот теперь… остатки эскадры, остатки могущества Компании. На глазах у Сигни сцепились в бешеной драке Земля и Уния, прошлое и будущее человечества. И сама

она дралась не щадя живота, но уже не надеялась на победу.

Порой она думала: а не бросить ли Флот, не уйти ли куда глаза глядят… или, как поступили другие, — к Унии? Какая ирония судьбы! Уния — в Глубоком Космосе, а Компания — в Ближнем Внеземелье… Ирония крылась в том, что самые преданные Внеземелью люди сражались против того, о чем мечтали и к чему стремились. Они погибали за Компанию, которая много лет назад отказалась от покорения космоса. Сигни, давно переставшая выбирать выражения в спорах о политике Земли, постоянно испытывала горечь.

Было время, когда она смотрела на вещи иначе — глазами стороннего наблюдателя, благоговеющего перед величием и мощью земных кораблей. В борьбу ее вовлекла романтика первопроходцев. Но краски мечты поблекли в реальном свете, излучаемом эмблемой капитана Компании. Сигни давно поняла, что Земля обречена.

«Возможно, Анджело Константин тоже понимает это, — подумала она. — Похоже, перед тем как проститься, он принял мою сторону, и об этом говорило его рукопожатие. Он не побоялся предложить мне поддержку на глазах у агентов Компании». Мгновение Сигни почти верила в

это… но переубедила себя. Едва ли станционер способен на такой решительный шаг.

«Норвегии» предстояло совершить три отвлекающих маневра; это требовало времени. Затем — пустяковая операция и, наконец, прыжок на рандеву с Мацианом. Если только уцелеет достаточно кораблей. Если только враг не обманет их ожиданий. Безумие… Идти на такое в одиночку, без поддержки торговцев и станционеров, спасавшей их последние годы? Безумие…

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ПЕЛЛ: 5.5.52

Анджело Константин оторвал колючий взгляд от стола, заваленного бумагами, которые срочно требовалось разобрать.

— Уния? — с тревогой спросил он.

— Пленный. — Возле стола переминался с ноги на ногу начальник станционной полиции. — Из эвакуированных с Рассела. Передан нам отдельно от остальных. Военоп с корабля-разведчика. Снят со спасательной капсулы. Доставлен сюда на «Норвегии» — иначе с ним расправились бы беженцы. Мэллори добавила к его досье приписку: «Теперь это ваша головная боль». Как раз в ее стиле, сэр.

Анджело открыл досье, поглядел в юное лицо на фотоснимке, перевернул несколько страниц протокола допроса, изучил военный билет, выданный в Унии, и листок с подписью Мэллори. Три слова: «Молод и напуган».

«Джошуа Холбрайт Толли. Разведбот униатского флота».

На руках у Анджело было пятьсот выселенных. Все вместе и каждый в отдельности, они жда-

ли, когда им вернут отобранные квартиры. Но Мэллори предупредила о возможном прибытии новой партии эвакуированных; это означало, что беженцам придется отдать по меньшей мере части оранжевой и желтой секций, убрав оттуда множество офисов. Да еще эти агенты Компании, которые затеяли инспекционную поездку на театр военных действий и которых ни один торговец не соглашался везти за деньги Компании. Анджело не желал разбираться с проблемами нижних инстанций.

Но лицо юноши сразу отпечаталось в памяти. Анджело вернулся к фотографии, снова скользнул взглядом по строчкам протокола и спохватился: начальник полиции все еще стоял возле стола.

— Ну и как вы намерены с ним поступить?

— Подержим под арестом. Ни одна из служб не представляет, что с ним делать.

На Пелле никогда не бывало военнопленных. Война сюда еще не добиралась. Поразмыслив, Анджело разнервничался еще больше.

— У юрслужбы есть какие-нибудь идеи?

— Она настаивала, чтобы я добился решения здесь.

— У нас нет необходимых средств для содержания пленных под стражей.

— Да, сэр, — кивнул начальник полиции. Станционная тюрьма больше напоминала больницу; в нее помещали осужденных на Урегулирование… что происходило довольно редко.

— Не следует устраивать ему санаторий.

— Сэр, наши камеры не предназначены для длительного содержания людей. Может, удастся оборудовать что-нибудь поудобнее?

— У нас полным-полно бездомных. Как вы им объясните такую мягкость?

— Можно устроить что-нибудь в самой тюрьме. Убрать перегородку, на худой конец перевести его в камеру попросторнее.

— Вот что, отложим этот вопрос. — Анджело провел ладонью по редким волосам. — Я вернусь к нему, как только разберусь с неотложными. Берегите этого парня как зеницу ока. И попросите службы напрячь воображение и прислать мне рекомендации.

— Слушаюсь, сэр. — Начальник полиции вышел из кабинета. Анджело отодвинул досье. Уж без кого-кого, а без этого пленника они бы сейчас обошлись прекрасно. Чего им остро не хватает, так это средств для размещения людей, для преодоления надвигающихся бед. К тому же у них забиты склады — некуда девать товары, придется

потреблять их на Пелле, или на Нижней, или в шахтах. С одной стороны — затоваривание, с другой — дефицит: Пелл производит далеко не все, в чем нуждается. Рынок рухнул, валюта — всякая валюта — пошатнулась… Экономика едва дышит — та самая экономика, которая недавно заставляла вращаться звезды. Теперь от нее требуется только кормить Пелл, поддерживать его существование. Похоже, не за горами новые перемены к худшему.

Но не только пленник вызывал беспокойство Анджело Константина. Не исключено, думал он, что на станции скоро появятся сторонники Унии, люди, которым любые перемены предпочтительнее того, что у них есть сейчас. Ведь среди беженцев лишь немногие имеют документы, да и на тех зачастую недостает печатей или фотокарточек.

— Нам необходимо как-то наладить связь с "К", — заявил он сегодня на заседании совета. — Сформировать там орган управления. Пусть они сами выберут себе руководителей… Голосование или что-нибудь в этом роде. А мы будем иметь дело с их избранниками.

Все, как обычно, согласились. Депутаты от выселенных оранжевой и желтой секций, от зеленой

и белой, которые приняли большинство перемещенных резидентов… Из-за нагромождения проблем эти люди потеряли всякую способность соображать. Нетронутая красная секция, примыкающая к желтой, была охвачена тревогой, остальные испытывали к ней черную зависть. Жалобы, протесты и слухи шли потоком, и Анджело не мог оставлять их без внимания.

Начались прения, и в конце концов депутаты договорились: станцию необходимо «разгрузить».

— Мы не уполномочены санкционировать новое строительство, — вмешался Эйрис.

Анджело встал и холодно посмотрел на него, взяв пример с Мэллори.

— Я сам санкционирую. У нас есть все необходимое, и мы будем строить.

Голосование прошло спокойно и деловито. Только агенты Компании кипели от ярости и наложили на решение вето, которое было попросту проигнорировано.

Представители Компании покинули зал, не дожидаясь конца заседания. Позднее охрана доложила, что они агитируют в доках, предлагая за фрахтер бешеные деньги, причем сулят заплатить золотом. Но фрахтеры не соглашались

— кроме тех, что курсировали между станцией и копями. Пелл чуял беду — как и все, кого вскормило Внеземелье. Двое из спутников Эйриса наняли корабль, чтобы вернуться домой, на Солнечную, — тот самый корабль, что привез их сюда, маленький ветхий джамп-фрахтер, единственный купец с эмблемой Компании на борту, пять-шесть лет из каждых десяти проводивший в доках Пелла, доставлявший на Землю всякие диковины и деликатесы, а сюда — дорогостоящие товары прародины. Остальные четверо агентов повысили цену и наняли-таки дальнерейсовик до Викинга — наняли без каких-либо гарантий владельца, настоявшего на собственном графике движения и курсе. Иными словами, они приняли те же условия, что предлагала им Мэллори, — но при этом вынуждены были заплатить.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

1. ГЛАВНАЯ БАЗА НА НИЖНЕЙ: 20.5.52

Когда на Нижнюю садился челнок, там бушевала буря. Такое не было редкостью в этом облачном мире, где всю зиму северный континент кутался в морской туман, где человеку нельзя было толком ни замерзнуть, ни согреться, где тоскливыми месяцами он не видел солнца, не мог разглядеть звезд.

Пассажиры спускались на взлетно-посадочную площадку под холодным проливным дождем. Усталые и раздраженные люди гуськом плелись по склону холма, чтобы разместиться в надувных пакгаузах, среди кип циновок и пропитанных влагой мешков с прошем и фикилем.

— Передвинуть и уложить в штабеля! — кричал надсмотрщик, если где-нибудь становилось слишком тесно. Стоял жуткий шум: ругань, стук дождевых капель о купола, неумолчное тарахтение компрессоров. Утомленные станционеры — монтажники и техи — дулись, но в конце концов приступали к работе… Многие из них были молоды, большинство — почти без багажа, и все

без исключения напуганы первой встречей с непогодой. Они родились на станции, а потому страдали одышкой от избыточной гравитации и вздрагивали при громах и молниях, которые словно гонялись друг за дружкой в мутных небесах. Всем предстояло не смыкать глаз, пока они не оборудуют нечто вроде рабочего поселка. Всем — даже туземцам, что доставляли из-за холма и грузили на челнок провиант или пытались спасти купола от неминуемого затопления.

Понаблюдав за всем этим, Джон Лукас поморщился и вернулся в операторскую — самый большой купол, где размещался центр управления базой. Он походил по кабинету, прислушиваясь к дождю, прождал больше получаса, наконец снова оделся и натянул противогаз.

— До свиданья, сэр, — вышел из-за стола комптех. В куполе дежурило еще двое-трое; они тоже оторвались от работы. Угрюмо пожав им руки, Джон вышел через узкий воздушный шлюз и по деревянному крыльцу спустился на истязаемую ливнем тропку.

Ярко-желтый пластик дождевика скрывал его жирок пятидесятилетнего мужчины. Джон был очень самолюбив и ненавидел такую жизнь. Ненавидел грязь под ногами и вечный холод, от

которого не спасали ни дождевик, ни костюм, ни теплое исподнее. Непромокаемая одежда и обязательные маски превращали всех людей на базе в желтых пугал, едва различимых сквозь завесу дождя. А низовики носились в чем мать родила, да еще и радовались! У них были гибкие туловища и длинные, тонкие конечности; коричневый мех темнел от влаги. Лица и глаза круглые, а рты застыли буквой "о", будто в непрестанном изумлении. Они таращились и щебетали на своем птичьем языке, и этого щебета не мог заглушить даже неумолчный бас грома.

Стуча зубами, Джон шагал прямиком к взлетно-посадочной площадке, расположенной на противоположной стороне треугольного периметра базы. Джон был один на тропинке — значит, ни встреч, ни прощаний не ожидается. Только затопленные поля, приземистый серо-зеленый кустарник да ленточные деревья, окружавшие базу, виднелись в пелене дождя. Река переполнилась, на том берегу образовалось болото, и все попытки осушить его ни к чему не привели. Следовательно, опять жди эпидемии среди туземных рабочих. Если хоть один из них ускользнет от ревакцинации… Да, база на Нижней — это вам не райские кущи. Джон покидает

эту медвежью дыру с легким сердцем, и пускай о низовиках печется новое начальство. Как раз тот случай, когда не стоит ни о чем жалеть… И все же мысли о том, что ему «дали по шапке», терзали душу.

— Сэр! — словно не желая расставаться с ним, вдогонку, расплескивая лужи, бежал Беннет Джасинт. Джон не остановился, лишь повернул голову. Беннету пришлось обгонять его по грязи.

— Мельничная плотина! — прохрипел Джасинт сквозь клапан противогаза. — Нужно срочно послать туда бригады людей с тяжелой техникой и мешками с песком.

— Это уже не моя печаль, — ухмыльнулся Джон. — Ступай туда сам. Что, без меня не справишься? Захвати с собой этих неженок низовиков, а лучше дождись нового начальства. Растолкуй моему племяннику, что и как делать.

— А где он? — спросил Джасинт — заядлый обструкционист, не лазящий в карман за контрдоводами. Один проект Джона он задробил совершенно открыто, и дорога к штольням так и осталась тропинкой через непроходимую болотину. Джон улыбнулся и указал на стоящие невдалеке складские купола.

— Нет времени, — буркнул Джасинт.

— Не моя печаль, — повторил Джон.

Посмотрев в глаза бывшему шефу, Джасинт выругался и побежал к пакгаузам, но с полдороги свернул к мельнице. Джон расхохотался: скоро в закромах вымокнет все зерно. Вот и славно, пускай Константины подергаются.

Он перевалил через холм и спустился к челноку — чужеродный, серебристый, тот возвышался над утоптанным лугом. Грузовой люк был открыт, по пандусу сновали низовики и среди них — несколько человек в желтом. Джон ступил на тропу, по которой ходили низовики, и зашагал по топкой грязи, но сразу отскочил на травянистую кромку и выругался, едва не сбитый с ног туземцем, который шатался под тяжестью ноши. Он двинулся дальше, не без удовлетворения глядя, как грузчики освобождают ему дорогу, кивнул надзирателю и поднялся по пандусу в темное корабельное чрево. Там на холоде он стащил с себя дождевик, но оставил маску. Затем велел бригадиру низовиков прибраться в замызганном трюме, а сам прошел к лифту, поднялся наверх и по чистому стальному коридору добрался до темной пассажирской каюты с мягкими койками.

Здесь тоже торчали низовики — двое рабочих, завербованных на станцию. При виде Джона

они озабоченно переглянулись и коснулись друг друга. Джон загерметизировал каюту и включил воздухообменник, после чего туземцам пришлось надеть противогазы, а он смог снять свой. Опустившись на сиденье напротив низовиков, он устремил на них невидящий взгляд — собственно, в каюте без иллюминаторов смотреть больше было не на что. Пахло туземцами… Эту вонь он ощущал с первого дня своей жизни, всю жизнь, ею пропитался весь Пелл, но последние три года — три года на Нижней — она была совершенно невыносима. А еще — пыльное зерно, кислый запах винокурен, тюки соломы… и стены, и грязь, и дым мельниц, и забитые сортиры, и переполненные помойки, и лесная плесень, проникающая сквозь противогаз и убивающая тебя, если ты не взял запасного фильтра. Все эти прелести плюс необходимость иметь дело с недоумками-низовиками с их религиозными табу — поводами для безделья. Джон гордился своим послужным списком, гордился ростом добычи, высокой производительностью — высокой вопреки бытующему мнению, будто низовики — разгильдяи и не способны соблюдать график. У Джона низовики соблюдали график и даже опережали его.

И никакой благодарности. На станции кризис, и проект расширения колонии на Нижней впервые за десятки лет вынут из-под сукна. Но вместо того чтобы доверить это дело Джону Лукасу, на планету спускают парочку Константинов. Хоть бы сказали: «Благодарим вас, господин Лукас!» Или «Отличная работа, Джон. Спасибо за то, что отложил в долгий ящик руководство собственной компанией и три года вкалывал на нас». Черта с два. «Эмилио Константин и Милико Ди назначаются руководителями базы Нижняя. Просим вас передать им дела и безотлагательно вылететь на Пелл».

Племянничек Эмилио и его благоверная… Этот молодец далеко пойдет. В обычае Константинов появляться на сцене под занавес и снимать сливки. В совете — демократия, но в станционных офисах — династия. Всегда и во всем — Константины. Лукасы прилетели на Пелл не позже их, не меньше пота пролили на его строительстве, и на Тыловых Звездах у них крупная компания… Но Константины — мастера по части маневра, они не упустят возможности прибрать власть к рукам. И вот — опять. Его, Джона, труд, его капиталы, и он же на заключительном этапе получает пинком под зад. Константины тут как тут — чтобы сры-

вать аплодисменты. Эмилио, сын сестры Джона — Алисии Константин, в девичестве Лукас. Сын Алисии и Анджело. Если на слуху у станционеров одни лишь Константины, то этими станционерами несложно манипулировать. Анджело — мастак на такие штучки. Наверное, этикет требовал встретить племянника и его жену, побыть с ними несколько дней, ввести в курс дела… По крайней мере, сообщить им о своем срочном отлете на том же челноке, который их привез. А от них этикет требовал сразу по прибытии официально явиться в купол Джона и тем самым признать его заслуги перед базой и Пеллом. Признать его авторитет. Но они этого не сделали. Даже не сказали по кому, когда высадились: «Здравствуй, дядя». А теперь Джону не до этикета. Никакой охоты пожимать племяннику руку под дождем и обмениваться с ним любезностями. Тем паче что он редко виделся с Эмилио. И не желал, чтобы сестра выходила за Константина, хоть и не говорил ей об этом. Он боялся родственных уз с этим семейством. Впрочем, Джон не считал себя связанным. Скорее, это дезертирство сестры. Со дня ее свадьбы Джон не разговаривал с ней как брат с сестрой. Даже в последние годы… В присутствии Алисии у него портилось настроение.

И мальчишки — вылитые Анджело в его юные годы… Джон избегал их. Возможно, они имели виды на «Лукас Компани», по крайней мере на долю в ней после кончины владельца. Как близкие родственники. Джон нисколько не сомневался, что именно эти соображения побудили Анджело жениться на Алисии. «Лукас Компани» — единственное крупное независимое предприятие на Пелле. Джону долго удавалось избегать западни. Он даже согласился поработать на Нижней, надеясь за счет нового строительства распространить на нее влияние «Лукас Компани».

Но Анджело разгадал его план и, манипулируя советом, практически заморозил стройку. «Экологические соображения». И вот наступила развязка.

Джон принял пакет с инструкциями, ответив фельдъегерю грубостью на грубость, и отбыл — налегке и без фанфар, словно мелкая сошка. Наверное, это выглядит по-детски… однако не минует внимания совета. А если к тому же в первый день Константинова руководства река зальет гумно… Пускай станция затянет поясок, пускай Анджело объяснит совету, как это могло случиться. Разразится скандал, а он, Джон Лукас, будет на нем присутствовать. Вот это ему как раз

по нраву! Он не заслужил удела мелкой сошки.

Наконец включились двигатели, возвещая старт. Он встал, нашел во встроенном шкафу бутылку и стакан и на вызов экипажа ответил, что ни в чем не нуждается.

Челнок оторвался от поверхности планеты. Джон налил порцию крепкого, и вибрация палубы передалась янтарной жидкости в стакане. Напротив, сидя в обнимку, хныкали низовики.

2. ТЮРЬМА ПЕЛЛА: КРАСНАЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС: 20.5.52; 09:00

Пленный сидел за столом перед тремя собеседниками. Снова, отложив папку, Дэймон впился в него взглядом, но Толли предпочитал смотреть на старшего надзирателя. Разговор действовал на Дэймона угнетающе. В отличие от преступников, с которыми он имел дело по долгу службы, это создание напоминало ангела с иконы — белокурые волосы, глаза провидца. Совершенство. «Прелестен», — отыскался эпитет. «Красота без малейшего изъяна. С виду — сама невинность… Не вор и не хулиган, зато способен убить… неужели способен?.. из политических соображений. По велению долга. Ведь он — униат, мы для него — враги. Тут даже ненависть ни при чем. Как

дико и непривычно держать в руках жизнь и смерть такого человека… стоять перед выбором, зеркальным отображением его выбора… Долг, а не ненависть. Потому что он — униат, а мы — нет. Мы на войне, — угрюмо подумал Дэймон. — Он здесь, а значит, и война пришла сюда».

Ангельский лик…

— Он не доставил вам хлопот? — спросил Дэймон у надзирателя.

— Никаких.

— Я слыхал, он неплохо играет в «комара».

Заключенный и надзиратель вздрогнули — в станционной тюрьме, как и на большинстве постов, в том числе «спокойных» постов дополнительной смены, азартные игры были под запретом. Когда Толли посмотрел на Дэймона (а может, и не посмотрел, а просто перевел на него голубые глаза), тот улыбнулся. Не дождавшись реакции пленника, Дэймон снова напустил на себя серьезный вид.

— Господин Толли, я — Дэймон Константин из юридической службы станции. Вы ведете себя примерно, и мы это ценим. Мы вам не враги и точно так же, как принимаем корабли Компании, готовы принимать корабли Унии. Для нас это вопрос принципа. Но, поскольку вы не признаете

нейтралитет станций, мы вынуждены относиться к вам соответственно. Мы не можем рисковать, отпуская вас на свободу. Репатриации не будет. У нас иные инструкции. Они касаются нашей безопасности. Уверен, что вы меня понимаете.

Никакого отклика.

— Ваш адвокат утверждает, что в тесном помещении вы плохо себя чувствуете и что наши камеры не предназначены для долговременного содержания арестованных. И что в "К", то есть практически на свободе, расхаживают гораздо более опасные для нас люди. И что между диверсантом и программистом в военной форме, которому не посчастливилось и он угодил в плен, большая разница. Но, высказав все эти соображения, адвокат не предлагал выпустить вас куда-либо, кроме "К". Мы пришли к компромиссу. Мы можем выдать вам паспорт на чужое имя — он защитит вас и позволит нам осуществлять надзор. Не скажу, что эта идея устраивает меня полностью, но…

— Что такое? — тихо и встревоженно обратился Толли к надзирателю и своему адвокату, старому Джекоби, сидевшему напротив. — О чем это вы? Что еще за "К"?

— Карантин. Изолированная территория, отве-

денная для беженцев.

Глаза Толли испуганно обежали всех троих.

— Нет-нет! Я туда не хочу! Я не просил об этом адвоката! Не хочу!

Дэймон нахмурился и тяжело вздохнул.

— Господин Толли, к нам идет очередной конвой. Новая партия беженцев. Втайне от всех мы устроим так, что вы сможете жить среди них под чужим именем. Сможете выйти на свободу. В сущности, это будет своего рода тюрьма, но более просторная. В пределах "К" вы будете ходить куда пожелаете, жить как все, — я имею в виду, как все в карантине. Под него отведена немалая часть станции, и там — никаких ограничений и регламентации, никаких камер. Господин Джекоби прав: для нас вы не опаснее многих из тех, кого мы содержим в "К". Даже совсем не опасны, поскольку мы знаем, кто вы.

Толли снова посмотрел на адвоката и решительно потряс головой.

— Вы категорически против? — допытывался раздосадованный Дэймон. Решения, компромиссы — все рушилось. — Это же не тюрьма, как вы не понимаете?

— Мое лицо! Там меня знают! Мэллори говорила… — Он умолк.

Дэймон заметил лихорадочный румянец и бисерины пота на лице пленника.

— И что же говорила Мэллори?

— Обещала отправить меня на один из кораблей конвоя, если я не буду паинькой. Кажется, я вас раскусил. Вы думаете, если в карантин заброшены униаты, они выйдут на контакт со мной? Но ведь я до этого не доживу! Там есть люди, знающие меня в лицо. Чиновники с Рассела, полицейские… Ведь их в первую очередь спасали, верно? Так вот: они меня помнят. Если вы меня туда переведете, то я и часа не проживу. Слыхал я, каково было на тех купцах!

— Вам рассказала Мэллори?

— Да, мне рассказала Мэллори.

— Вы правы, — с горечью заметил Дэймон, — многие очень жалеют, что сели на один из кораблей Мациана. Они клянутся, что такого «спасения» не заслуживают даже преступники. Но ваше путешествие, насколько я знаю, прошло благополучно. Вы хорошо питались и вам не приходилось беспокоиться насчет воздуха. Это старый конфликт между пространственниками и станционерами: пускай станционеры тонут в нечистотах, лишь бы твоя собственная палуба была без единого пятнышка… Но к вам относи-

лись иначе.

— Уж не думаете ли вы, господин Константин, что это было сплошное удовольствие?

— Что, тоже против вашей воли?

— Да, — хрипло ответил Толли.

Дэймон вдруг устыдился своих насмешек, основанных лишь на подозрениях, на недобрых слухах о Флоте. Устыдился роли, которую вынужден был играть не только он сам, но и весь Пелл. Война и военнопленные… Дэймон не желал иметь ко всему этому отношения.

— Итак, наше предложение вы отвергаете, — заключил он. — Что ж, это ваше право. Принуждать вас, подвергая опасности вашу жизнь, никто не собирается, и раз все обстоит так, как вы говорите, мы не настаиваем. Что же вам остается делать? Я полагаю, играть в «комара» с охраной. Но здесь очень тесно… Вам выдали плейер и кассеты? Вы их получили?

— Я бы хотел… — Он с трудом выдавил из себя: — Я хочу попросить об Урегулировании.

Джекоби потупился и отрицательно покачал головой. Дэймон не пошевелился на стуле.

— После Урегулирования я смогу выйти отсюда, — пояснил пленник, — а потом что-нибудь делать. Это моя просьба. Пленные имеют право

на Урегулирование, верно?

— В вашей стране — да, — ответил Дэймон. — У нас — нет.

— Я вас очень прошу! Вы меня заперли как преступника. А если бы я кого-нибудь убил, вы бы тоже отказали? Или украл? Или…

— Думаю, вам необходимо пройти психиатрическое тестирование. Настаивать на таком…

— А разве в процессе Урегулирования его не проходят?

Дэймон посмотрел на Джекоби.

— У него прогрессирующая депрессия, — сказал старик. — Он уже несколько раз просил меня передать эту просьбу властям, а я отказывался.

— Нам не приходилось регулировать людей, не осужденных за какое-либо преступление.

— А держать их в кутузке приходилось? — осведомился пленный.

— В Унии это сделали бы и глазом не моргнув, — шепнул надзиратель. — Очень уж тесно в наших камерах, господин Константин.

— Не может нормальный человек просить об этом, — проворчал Дэймон.

— А я прошу! — упорствовал Толли. — Очень прошу! Я хочу выйти отсюда.

— А ведь это решает проблему, — заметил

Джекоби.

— Я должен знать, почему он об этом просит, — настаивал Деймон.

— Я хочу на свободу!

Дэймона пробрал озноб. Толли всхлипнул и, едва не зарыдав, навалился грудью на стол.

Урегулированием не наказывали, во всяком случае изначально. Оно убивало двух зайцев одним выстрелом: устраняло излишнюю агрессивность и снимало с души бремя старых ошибок и заблуждений. Дело в последнем, заподозрил Дэймон, встретив взгляд запавших глаз Толли. Внезапно его захлестнула жалость к этому человеку… ничуть не безумному, совсем напротив, очень даже здравомыслящему. Станция в кризисе. В этом нагромождении событий личность теряется, ее попросту отшвыривает на обочину. Тюремные камеры необходимы для настоящих преступников — в "К" их более чем достаточно. Урегулирование — это еще не самое страшное. Куда хуже, например, сидеть взаперти, в камере площадью восемь на десять, без единого окна. Сидеть всю жизнь…

— Затребуйте у компа сопроводительные данные, — сказал Дэймон надзирателю, и тот отдал приказ по виду. Джекоби заметно нервничал,

шурша бумагами и ни на кого не глядя. Дэймону же казалось, будто он видит дурной сон.

— Вот что я сделаю, — обратился он к Толли. — Дам вам распечатку с описанием процедуры. Изучите ее, и если до завтра не раздумаете, сообщите нам. Мне также понадобится ваше письменное заявление… и не забудьте в нем упомянуть, что это ваша личная идея и что вы не страдаете клаустрофобией или какой-нибудь другой…

— Я служил военопом, — язвительно перебил Толли. — На разведботе мой отсек был не самым просторным.

— …болезнью, подталкивающими вас к столь необычному выбору… У вас есть родственники или друзья, которые могли бы отговорить вас, если бы знали?

Глаза Толли стрельнули по сторонам.

— Ну так как? — спросил Дэймон, надеясь, что отыскал зацепку.

— Они мертвы.

— Если ваша просьба — реакция на это печальное…

— Они умерли давным-давно, — оборвал Толли.

Ангельский лик… Человеческая красота без

изъяна. «Родильная лаборатория», — осенило Дэймона. Производство солдат в Унии всегда вызывало у него отвращение. Возможно, это предвзятость…

— Я не до конца прочитал ваше досье, — признался Дэймон. — Оно ходило по другим инстанциям. Там полагали, что смогут решить вашу проблему, но затем передумали и поручили ее мне. У вас была семья, господин Толли?

— Да! — тихо, но с вызовом ответил пленник, смутив Дэймона.

— Откуда вы родом?

— С Сытина. — Все тот же тихий, злой голос. — Обо всем этом я уже рассказывал. У меня были родители, господин Константин. Я рожден. Неужели это имеет отношение к делу?

— Извините. Прошу вас, не обижайтесь. Я хочу, чтобы вы поняли: это еще не конец. Вы можете передумать в самый последний момент. Надо только сказать: стоп, не желаю. Но если все-таки пойдете до конца, то после этого вы уже не будете прежним. Знания, навыки — все забудется. Вы когда-нибудь видели урегулированных?

— Они выздоравливают.

— Да, выздоравливают. Я буду наблюдать за вами, лейтенант Толли. По мере возможности. А

вы, — обратился он к надзирателю, — позаботьтесь о том, чтобы его отказ, на какой бы стадии он ни прозвучал, немедленно довели до моего сведения. В любое время суток. Позаботьтесь о том, чтобы ваши подчиненные хорошо это запомнили. Надеюсь, такая привилегия не покажется лейтенанту оскорбительной. — Он повернулся к Джекоби. — Вы удовлетворены?

— Это его право. Не могу сказать, что я удовлетворен, но просьба была высказана в моем присутствии, и это снимает с вас ответственность. Может, так будет лучше.

Появилась компьютерная распечатка. Дэймон протянул ее Джекоби, адвокат поставил галочку там, где следовало подписаться, и отдал Толли. Тот прижал бумагу к груди, как сокровище.

— Господин Толли. — Дэймон встал и, преодолевая смущение, а вернее, повинуясь порыву, подал руку. Молодой военоп поднялся и пожал ее, и благодарность в его глазах, внезапно наполнившихся слезами, окончательно сбила Дэймона с толку.

— Скажите, нельзя ли предположить, — вымолвил он, — что вы обладаете информацией, которую необходимо стереть из памяти? Не в этом ли все дело? Предупреждаю: скорее всего.

Урегулирование даст обратный эффект, а нам ваши сведения ни к чему. Вы понимаете? У нас нет милитаристских интересов.

«Нет, — подумал Дэймон. — Это здесь ни при чем. Толли — не старший офицер и не высокопоставленный администратор вроде меня, знающего компьютерные сигналы, коды доступа и тому подобное, что может заинтересовать противника. Ни здесь, ни на Расселе у этого парня не выведали никаких секретов. Ничего ценного».

— Нет, — ответил Толли. — Я ничего не знаю.

Дэймон помедлил — его не покидала мысль, что адвокат, как никто другой, должен протестовать, требовать отсрочки, короче говоря, спасать клиента. Но для Толли это означало бы заключение. Безнадежность. В тюрьму переведут преступников из "К", людей крайне опасных, возможно, знающих его в лицо. Пожалуй, Толли прав: Урегулирование спасет его, поможет выбраться отсюда, даст работу, свободу, жизнь… Разве найдется человек, способный поднять руку на того, кому промыли мозги? И сама процедура — гуманна. Все так считают.

— Господин Толли, у вас нет жалоб на Мэллори и экипаж «Норвегии»?

— Нет.

— Здесь присутствует ваш адвокат. Ваши слова записываются. Если захотите подать жалобу…

— Не захочу.

Уловка не удалась — отсрочки для расследования не будет. Дэймон кивнул и вышел из комнаты, ощущая тяжесть в душе. Ведь он, как ни крути, становился убийцей… ну, может быть, помогал самоубийце.

В "К" хватало и тех, и других.

3. ПЕЛЛ: ОРАНЖЕВЫЙ СЕКТОР; ДЕВЯТЫЙ ЯРУС: 20.5.52; 19:00

Когда за задраенными воротами, в вестибюле, раздался треск, Крессич поморщился, стараясь не выдать страха. Горело, дым просачивался через вентиляционную систему. Это испугало его еще сильнее, и не только его, но и полсотни людей, оказавшихся вместе с ним в этой части коридора. В доках все еще палили друг, в друга полицейские и злоумышленники, но мятеж утихал. Рядом с Крессичем находились несколько бывших охранников с Рассела, горстка высокопоставленных станционеров и просто молодые и старые беженцы… они не пускали в коридор бандитов.

— Горим! — истерически крикнул кто-то.

— Ищите старые мешки, любую ветошь, — рас-

порядился Крессич. «Заткнуть ее, — подумал он о вентиляционной системе. — Пожар опасен, но еще опаснее паника. При большом пожаре центральная декомпрессирует нашу секцию, а это — конец… Беженцы Пеллу не нужны. Некоторые из наших — в доках. Отстреливаются из винтовок, захваченных у убитых полицейских…»

Все началось с известия о подходе второго конвоя — новые корабли, новые толпы отчаявшихся людей, с которыми "К" должны поделиться тем ничтожно малым, что им досталось. Все началось с требования ускорить проверку и выдачу документов. Затем — налет на бараки… Бандиты отбирали документы у тех, кто их имел.

«Сжечь все бумаги!» — пронесся по карантину крик. Логика простая: нет бумаг, нет и проверки. Всех примут на равных условиях. Сопротивлявшихся избивали и грабили, причем отнимали не только документы. В бараках все перевернули вверх дном. Лидерство над озверевшей и перепуганной молодежью захватили головорезы с «Гриффина» и «Хансфорда».

За воротами наступило временное затишье. Отключились очистительные системы, в коридор потекло зловоние. Люди, которые в пути вытерпели самое страшное, сейчас были на грани

паники. Многие плакали.

Внезапно лампы засветились ярче, из труб потянуло сквозняком. Разъехались створки ворот. Крессич вскочил на ноги и замер, глядя в лица станционных полицейских, в наведенные на него стволы. Некоторые в его группе были вооружены ножами, обрезками металлических труб, ножками от мебели — всем, что оказалось под рукой. Сам Василий был безоружен. Показав пустые ладони, он взмолился:

— Не надо! — Никто не пошевелился — ни среди полицейских, ни среди его людей. — Пожалуйста! Мы тут ни при чем! Мы всего лишь защищали этот отсек. Мы не мятежники, мы жертвы!

Лицо командира отряда казалось жутким от усталости, крови и сажи. Он указал ружьем на стену.

— Надо построиться, — пояснил Крессич своему «воинству», в котором лишь бывшие полицейские сразу поняли, чего от них хотят. — Бросьте все оружие на пол.

Они построились — даже старые и больные, и двое маленьких детей. Крессич вдруг обнаружил, что дрожит, но не в силах был справиться с дрожью, пока его обыскивали, и даже потом, когда его оставили в покое, позволив опереться

лопатками на стену коридора. Полицейские загадочно пошептались друг с другом. Внезапно один из них схватил Крессича за плечо и развернул к себе лицом. Офицер со списком в руках переходил от одного беженца к другому и требовал документы.

— Украдены, — ответил ему Крессич. — С этого-то все и началось. Бандиты отбирали и сжигали бумаги.

— Мы знаем, — кивнул офицер. — Вы что, за старшего здесь? Как зовут? Откуда родом?

— Василий Крессич. С Рассела.

— Кто-нибудь может подтвердить?

Нашлось несколько человек.

— Он был депутатом на станции Рассел, — уточнил один юноша. — Я там служил в полиции.

— Имя?

— Нино Коледи, — представился юноша. Крессич попытался вспомнить его, но не смог.

Одни и те же вопросы задавали каждому — перекрестный допрос, взаимное опознание. Но едва ли стоило полагаться на их результаты. В коридор вошел человек с фотоаппаратом и под хрип комов и шум голосов сфотографировал всех, кто стоял у стены.

— Можете идти, — разрешил командир отряда,

и беженцы потянулись к выходу. Только Крессича офицер удержал за руку.

— Василий Крессич, я сообщу о вас в центр.

Крессич не знал, стоит ли радоваться этому обещанию. Все же оно давало надежду выбраться из "К". Он прошел в док и ужаснулся при виде трупов, лежащих в лужах крови, и еще дымящихся кострищ. Бандиты свалили в кучи всю оставшуюся от эвакуации мебель, пожитки беженцев, — все, что могло гореть, — и подожгли. Сейчас тут толпились станционные полицейские, и не с какими-нибудь пистолетами, а с винтовками. Крессич остался в доке, поближе к охране. Идти на ярусы, где могли скрываться террористы, он боялся. Не стоило надеяться на то, что полиция выловила их всех. Слишком уж много их было.

Наконец привезли аварийную кухню. Во время мятежа прекратилась подача воды, а кухни были разграблены смутьянами. Все, что попало к ним в руки, превратилось в оружие. Бандиты разбили ком, и восстановить его своими силами беженцы не могли. А ремонтные бригады, по всей видимости, не горели желанием идти в "К".

Сидя на голой палубе, Василий ел, окруженный группками беженцев, которым досталось

не больше пищи, чем ему. Люди затравленно косились друг на друга. «Нас не выпустят, — то и дело слышал Крессич. — Теперь нам ни за что не отмыться». Не раз до него доносились и высказывания совершенно противоположные — из уст мужчин, которые (он в этом не сомневался) сами громили бараки. Их было слишком много, и никто не решался донести на них.

И еще Крессич не сомневался, что в "К" были чужие. Провокаторы. Без них не обошлось. Униаты должны больше всех бояться идентификации.

На Пелл пришла война, а он, как и все станции во все времена, нейтрален. Безоружен. Затаил дыхание среди вооруженных до зубов и готовых убивать… Но война теперь иная. Не броня против брони. Враг — рядом с тобой. Им может оказаться вон тот подросток, тайком припрятавший сэндвич, или молодая женщина, что застыла на корточках и ненавидяще глядит в пустоту.

Подошел конвой, и на сей раз высадка проходила без солдат. Разгрузкой занимались бригады докеров под защитой маленькой армии станционных полицейских. Вновь прибывших как можно быстрее пропустили через контроль, и теперь они стояли в коридорах с чемоданами в руках, озираясь полными ужаса глазами. Крессич

понимал: к утру их ограбят, и это еще не самое страшное, что может с ними случиться. Многие тихо плакали.

Утром прибыло еще несколько сот человек, и началась паника. Всех мучили голод и жажда, а вода и пища поступали в карантин очень медленно. На пол возле Крессича опустился Нино Коледи.

— Нас тут с дюжину, — сказал юноша. — Можем кое-что сделать. Потолковали с уцелевшими бандитами… Если мы их не выдадим, они будут помогать… В общем, крепкие кулаки есть, и можно навести порядок. Разогнать народ по баракам и самим получать еду и воду.

— А при чем здесь я?

На лице Коледи отразилось нетерпение.

— Вы были депутатом. Мы вас выберем для переговоров. Будете нашим лидером, добьетесь, чтобы нас хоть кормили по-человечески. Станции нужен порядок в карантине, так почему бы нам не извлечь из этого выгоду?

Крессич подумал, что их запросто могут расстрелять. Он слишком стар для такой роли. Шайка бандитов решила превратиться в полицейских, им нужен вожак… Отказать он тоже боялся.

— Вы будете ходить на переговоры, и все, — уго-

варивал Коледи.

— Да, — согласился Крессич, и его подбородок обрел твердость, которой Коледи едва ли ожидал от усталого немолодого человека. — Собирайте ваших людей, а я поговорю с полицией.

Он робко приблизился к полицейским и сказал:

— У нас были выборы. Я — Василий Крессич, депутат от второго яруса красной секции станции Рассел. Мы готовы пойти в бараки и добиться порядка без насилия. Вы с этим не справитесь. Мы поможем. Думаю, вам следует связаться с администрацией и узнать ее мнение.

Полицейские вовсе не были в этом уверены. Все же, после долгих колебаний, офицер взялся за ком. Крессич стоял как на раскаленных углях. Наконец офицер кивнул.

— Если опять начнется беспорядок, мы будем стрелять во всех без разбору. Действуйте, господин Крессич. Но учтите: это не лицензия на убийства. Мы не потерпим преступлений даже от вас.

— Наберитесь терпения. — Василий устало отошел. У входа в сквозной коридор его ждал Коледи и еще несколько человек. Почти тотчас к ним присоединились десятки других, куда более

сомнительных типов. Они внушали страх, но еще страшнее Василию было бы без них. Сейчас его заботило только одно: выжить. Он смотрел, как они шествуют по коридорам, запугивая невинных, вбирая виновных в свои ряды. Он знал, к чему это приведет: к новому мятежу. И тогда его, Василия, могут схватить как соучастника. Да, если это произойдет, в его теперешних действиях усмотрят состав преступления.

Он помогал бандитам, пользуясь своим возрастом и солидностью, и тем фактом, что некоторые беженцы знали его в лицо. Он приказывал, требовал тишины, выслушивал жалобы и гневные тирады, пока Коледи не окружил его стражей, чтобы защитить лидера.

Через час доки были очищены, банды узаконены и взяты под контроль, а честные люди во всем полагались на Крессича.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ПЕЛЛ: 22.5.52

Сев в депутатское кресло, которое последние три года занимал его сын Витторио, Джон Лукас поморщился. Только что из пяти своих комнат он лишился трех — их буквально отняли, чтобы передать двум племянникам Джекоби и их партнерам по дополнительной смене. Ребенок одного из племянников колотил по стене и ужасно орал. В комнаты, оставшиеся от частных владений Джона, грузчики сволокли всю мебель… и, ко всему прочему, эти комнаты приходилось делить с сыном Витторио и его пассией. Впрочем, с сыном они быстро достигли взаимопонимания. Женщина ушла, а Витторио остался, предпочтя обладание жилищем и текущим счетом на Пелле переводу на Нижнюю, которого вожделели молодые добровольцы. Да, физический труд под вечным дождем ему не по вкусу… а здесь его высокий пост может пригодиться Джону. Витторио был послушен, голосовал, как ему велел отец, и, надо отдать ему должное, удержал «Лукас Компани» от развала. Во всяком случае, ему достало

ума решать незначительные проблемы самостоятельно, а насчет серьезных спрашивать совета. Другое дело — как он обращался с текущим счетом. По прибытии на станцию, уладив свои самые неотложные дела, Джон нашел время просмотреть послужные списки и счета персонала.

Затем его вызвали сюда — срочно и бесцеремонно, будто по тревоге. Как и остальные депутаты, он послушно явился на экстренное заседание. Сердце все еще тяжело колотилось от волнения. Джон проверил пульт на своем столе, надел на ухо динамик и услышал писклявую болтовню кома, которой напряженно внимал совет. По экранам сканов проплывала колонна светящихся пятнышек — космических кораблей. Новые неприятности. Джон уже знал о назревающей проблеме — услышал по пути из офиса в доке.

— Сколько их у вас? — спросил Анджело, но ответа не дождался.

— В чем дело? — обратился Джон к сидевшей рядом женщине — делегату от зеленой секции.

— Новая партия беженцев. Со станции Эсперанс. Во главе конвоя рейдероносец «Тихий океан». Ни на какое сотрудничество не согласен. Ничего удивительного — это же Сунг.

В зал входили депутаты, ярусы быстро заполня-

лись. Джон вставил в ухо личное аудио, включил воспроизведение, чтобы войти в курс дела. Конвой на экранах приблизился к станции почти вплотную и вдобавок находился над эклиптикой. Слишком опасно. В ухе Джона зашептал голос: секретарь совета подсчитывал корабли, предлагая следить за экраном над его столом. Почти никакой информации.

Подойдя к Джону сзади и перегнувшись через его плечо, служитель вручил клочок бумаги.

«Поздравляем с возвращением, — недоумевая, читал Джон написанные от руки строчки. — Просим занять место Эмилио Константина — кресло номер десять. Совет высоко оценивает вашу компетентность в отношении Нижней. А.Константин».

Сердце Джона снова забилось быстрей, но на сей раз в ином ритме. Поднявшись, он положил на стол динамик, выключил ком, у всех на виду спустился по проходу в центр зала, к столу, где сидели самые влиятельные граждане Пелла. Подошел к пустующему креслу, уселся на великолепную кожу и испытал восхитительный всплеск торжества: наконец-то справедливость восстановлена!

Сколько десятилетий он ждал этого мгновения!

Всю жизнь страдал от всемогущих Константинов; всю жизнь им манипулировали, не подпуская к Десятке вопреки всем его стараниям, влиянию и заслугам. И все-таки он здесь! Не из-за порыва великодушия Анджело Константина (в этом Джон нисколько не сомневался), а как пить дать из-за голосования. Вот он, закономерный итог долгой, трудной службы на Нижней: большинство депутатов признали его заслуги.

Он встретился глазами с Анджело, сидевшим напротив с динамиком в ухе. Все тот же взгляд: ни приязни в нем, ни радости. Ну, так и есть: пришлось Константину смириться с мнением большинства. Джон улыбнулся одними губами, будто выдавил улыбку. Анджело ответил тем же.

— Попытайтесь еще раз, — сказал кому-то Анджело через ком. — Соедините меня с Сунгом напрямую.

Совет затих, лишь из центрального кома по-прежнему доносились тонкие, голоса. Поступали доклады о медленном приближении фрахтеров. Только «Тихий океан» набирал скорость, входя в координатную сетку скана.

— Сунг на связи, — услышали советники. — Приветствую станцию Пелл. Мы прибыли. Все подробности вам сообщит ваша собственная

аппаратура.

— Сколько человек вы нам привезли, капитан Сунг? — осведомился Анджело. — И сколько прибудет с остальными конвоями?

— Девять тысяч.

По залу прокатился шепоток ужаса.

— Помолчите! — выкрикнул Анджело — голоса мешали ему слушать. — Вас поняли: девять тысяч. Такое количество ставит под угрозу нашу безопасность. Капитан, просим явиться на заседание совета. Незадолго до вас на неэскортируемых купцах к нам прилетели беженцы с Рассела; из соображении гуманности мы их приняли. Как вы понимаете, в таких случаях отказать невозможно. Просим оповестить командование Флота. Ситуация критическая, и нам нужна поддержка военных. Вы понимаете? Просим явиться на экстренное совещание. Мы готовы оказывать содействие, но стоим перед очень трудным выбором. Просим поддержки Флота. Вы придете, сэр?

Наступила пауза. Депутаты ерзали в креслах. Приближение кораблей заставляло мигать лампочки тревоги.

— Последний конвой, — последовал ответ, — идет из Пан-Парижа под командованием Крешова, капитана «Атлантики». Желаю удачи, станция

Пелл.

Связь прервалась, вспыхнул экран скана. Огромный рейдероносец по-прежнему набирал скорость в непозволительной близости от станции.

Никогда еще Джон не видел Анджело в таком гневе. Шепот перерос в оглушительный шум, и не скоро динамикам удалось восстановить относительную тишину. «Тихий океан» взмыл в зенит, и изображение разлетелось в клочья; когда же экраны прояснились, «Тихий океан» исчез, уйдя несогласованным курсом и оставив Пеллу свой шлейф — купцов, медленно, но неотвратимо летящих к докам.

Раздался приглушенный гудок — в "К" вызывали полицию.

— Пошлите резервный отряд, — приказал Анджело в микрофон кому-то из полицейского начальства. — Соберите свободных от дежурства. Да не интересует меня, сколько раз их сегодня дергали! Наведите там порядок, даже если придется стрелять. Комцентр, передайте экипажам челноков, чтобы загнали купцов в те доки, какие нужно. Поставьте у них на пути кордон из ближнерейсовиков, если ничто другое не поможет.

Спустя мгновение смолкли сигналы тревоги,

слышался только постоянный доклад о приближении купцов.

— Карантинную зону необходимо расширить, — заявил Анджело. И добавил, окинув совет взглядом: — К сожалению, придется поделиться с "К" двумя ярусами красной секции. Сейчас же.

Амфитеатр ответил печальным шепотом, тотчас на экранах замелькали возражения депутатов от красной секции. Ничего страшного — со стороны зеленой никто их не поддержал и не потребовал голосования.

— Абсолютно ясно, — продолжал Анджело, даже не взглянув на экраны, — что больше мы не можем выселять наших резидентов или отдавать коридоры верхних ярусов, препятствуя передвижению. Это исключается. Но если мы не получим помощи от Флота, придется принять чрезвычайные меры, я имею в виду широкомасштабное переселение за пределы станции. Джон Лукас, простите за беспокойство… Мы сожалеем, что не вы вели вчерашнее заседание. В свое время вы предлагали проект расширения базы на Нижней. В каком состоянии он сейчас?

Джон заморгал, глядя на Анджело с подозрением и надеждой, потом поморщился: даже в эту минуту Константин не обошелся без шпильки.

Подниматься было необязательно, но Джон все-таки встал, чтобы видеть лица депутатов.

— Если бы меня заранее известили о заседании, я бы сделал все возможное, чтобы присутствовать на нем. Я и так вылетел, как только получил вызов. Что же касается проекта… несомненно, он выполним: на Нижнюю можно быстро и без особых хлопот переселить тысячи людей. Сложности возникнут разве что у переселенных. Типичное жилище… Я провел в нем три года и смело могу назвать его примитивным. Туземцы копают котлованы, в них опускаются купола, в куполах поддерживается достаточное давление воздуха; компрессоров хватает, а крепежный материал под рукой. Туземный труд на Нижней всегда был эффективен — никаких неудобств из-за противогазов, — но и людям применение найдется: полевые работы, разработка недр, расчистка территорий, опять же возведение куполов. Функции надзирателей и охранников могут взять на себя резиденты Пелла. Кстати, с охраной никаких проблем — на Нижнюю можно отправлять самых опасных преступников. Стоит вам отнять у преступника дыхательную маску, и он никуда не убежит и ничего не сделает против вашей воли.

— Господин Лукас! — поднялся старый Энтони Эйзель — друг Анджело и неисправимый гуманист. — Господин Лукас, я не могу поверить своим ушам! Речь идет о вольных гражданах, а вы предлагаете… строить трудовые колонии! Это же беженцы! Мы не смеем превращать Нижнюю в концлагерь.

— Прогуляйтесь в "К"! — выкрикнул кто-то с яруса. — Полюбуйтесь, во что они превратили эти секции! У нас там были квартиры! Прекрасные квартиры! Теперь там сплошная разруха. Вандалы! Погромщики! Они напали на полицию с обрезками труб и кухонными ножами. Еще неизвестно, все ли оружие удалось у них отобрать.

— Там убивают! — вторили ему. — Банды головорезов!

— Нет! — возразил еще один, незнакомый голос. Лица повернулись к худощавому, нервному человеку со впалыми щеками, севшему, как заметил Джон, в только что освобожденное им самим кресло. Незнакомец поднялся на ноги.

— Меня зовут Василий Крессич, я приглашен из "К". На станции Рассел я был депутатом. Уполномочен представлять здесь карантин. Все, о чем вы говорили, случилось из-за паники. Но сейчас у нас порядок, а головорезы отправлены в тюрьму.

Джон набрал воздуху в легкие.

— Рад видеть вас, депутат Крессич, но ради безопасности все того же карантина мы должны выпустить пар. Необходимо отправить часть населения на планету. База на Нижней десять лет дожидается расширения, но только теперь у нас достаточно людей, чтобы заняться этим всерьез. Беженцев, которые изъявят желание работать, мы примем в нашу систему. Что они создадут, тем и будут пользоваться. Или вы считаете это несправедливым?

— Сначала мы должны пройти идентификацию! Мы отказываемся переселяться куда бы то ни было без документов! Один раз это случилось, и вы сами видите результат. Новые перемещения без документов еще больше осложнят наше положение, еще больше затруднят идентификацию. Люди, которых я здесь представляю, не допустят этого!

— Господин Крессич, это угроза? — спросил Анджело.

Выступавший, похоже, был на грани обморока.

— Нет, — произнес он поспешно. — Нет, сэр, я всего лишь выражаю мнение людей, которые меня сюда послали. Их отчаяние. Им жизненно необходимо поскорее пройти идентификацию.

Любое иное решение ведет к тому, о чем только что шла речь: к трудовому лагерю, к рабству ради выгоды Пелла. Или вам только того и надо?

— Господин Крессич! Господин Крессич! — воскликнул Анджело. — Депутаты, давайте успокоимся и будем соблюдать порядок. Господин Крессич, мы дадим вам высказаться в порядке очереди. Джон Лукас, продолжайте, пожалуйста.

— Как только у меня будет доступ к центральному компу, я смогу назвать точные цифры. Мне необходимо знать нынешние коды. Да, на Нижней можно начать широкое строительство. Да, у меня по-прежнему есть подробные планы. Через несколько дней, если угодно, я представлю сметы и штатное расписание.

Анджело покивал, хмурясь, — для него этот момент был не самым приятным.

— Мы боремся за выживание, — произнес он, — и именно сейчас вынуждены беспокоиться о системах жизнеобеспечения. Надо частично освободить их от нагрузки. Мы не можем обеспечить беженцев рационом жителей Пелла, не опасаясь нарушить равновесие. И мы вынуждены сделать выводы из случившегося, — я имею в виду мятеж. Примите мои извинения, господин Крессич, но такова ситуация, сложившаяся вопреки нашему

желанию, и, я уверен, вопреки вашему. Недопустимо рисковать безопасностью станции или базы на Нижней. Иначе все мы вскоре окажемся на фрахтерах, летящих к Земле, — нищие, как Лазарь. Таков третий вариант.

— Нет! — прошелестело по залу.

Джон молча уселся, глядя на Анджело и размышляя о зыбком равновесии на Пелле и шансах на выживание. «Ты уже проиграл», — мысленно обратился он к Константину. Его подмывало встать, обратиться к совету и расставить все по своим местам. Но он этого не сделал. Он сидел, плотно сжав губы.

"Вопрос времени. Мирный договор мог бы нас спасти. Но едва ли стоит на него надеяться, когда все Внеземелье, будто влага с водораздела, сбегается в два потока: один — к Земле, другой — к Унии. И с таким лидером, как Анджело, Пеллу не удержаться на месте. Год за годом под властью Константинов… Кичливое «общество закона», всегда пренебрегавшее охраной и слежкой, а теперь не желающее погрозить кулаком "К"! И оно надеется с помощью призывов к распоясавшейся толпе водворить порядок?!"

Джон мог поставить на обсуждение и этот вопрос, но предпочел молчать, ощущая во рту

горечь при мысли о том, что хаос, охвативший станцию из-за бесхребетности Константина, может перекинуться на Нижнюю. Он не надеялся на успех, — осуществлять его планы предстояло Эмилио Константину и его жене, а они обязательно разложат низовиков, дав им свободу досуга, потакая суевериям и разгильдяйству… пока не испортят оборудование и не затянут монтаж… А как эта парочка будет управлять "К", даже подумать страшно…

Он сидел, оценивал шансы и пришел к неутешительным выводам.

— Пелл не выживет, — сказал он в тот вечер Витторио, своему сыну, и Дэйину Джекоби — единственному родственнику, которого уважал. Откинувшись на спинку кресла, Джон хлебнул горького низового вина. Его окружала дорогая мебель, перенесенная сюда второпях из остальных отобранных комнат. — Он уже трещит по швам. Мягкотелость Анджело приведет к тому, что мы потеряем все. Не исключено, что нам самим перережут глотки. Назревает большая буча, понимаете? Так что же, прикажете сидеть и ждать конца?

Витторио побледнел от страха. Он всегда бледнел, когда заходил разговор о серьезных вещах.

Дэйин — человек иного сорта — задумчиво хмурился.

— Короче говоря, надо идти на контакт, — откровенно заявил Джон.

Дэйин кивнул.

— В такие времена полезно запастись черным ходом. Я уверен, на этой станции есть немало потайных дверей… Главное — подобрать к ним ключи.

— По-твоему, это реально? — спросил Дэйин. — И где их искать? Твой племянник ведет дела кое-кого из перемещенных. У тебя есть какие-нибудь идеи?

— Черный рынок омолаживающих средств и тому подобного. Он здесь расцвел махровым цветом, неужто не знаешь? Сам Константин принимает эти лекарства, даже на Нижней их можно купить.

— Они не запрещены.

— Конечно, ведь без них не обойтись. Но откуда они берутся? Из Унии, откуда же еще. Через купцов. Кто-то где-то ведает этим каналом… может, купцы, а может, кто-нибудь на станции.

— И как нам выйти на этот канал?

— Попробую выяснить.

— Есть человек, который может помочь. —

Вмешательство Витторио застало собеседников врасплох. Сын Джона тяжело сглотнул и облизнул губы. — Розин.

— Твоя шлюха?

— Она знает рынок. Есть один полицейский… довольно высокопоставленный и с чистейшим послужным списком. Он куплен. Если хотите что-нибудь выгрузить или погрузить, и чтобы на это посмотрели сквозь пальцы, он устроит.

Джон внимательно посмотрел на своего сына, на этот продукт годичного брачного контракта, отчаянной попытки приобрести наследника. Вообще-то не удивительно, что Витторио разбирается в подобных вещах.

— Великолепно, — сухо произнес он. — Ты мне о нем расскажешь. Может, что-нибудь придумаем. Дэйин, не мешало бы кому-то из нас посетить наши владения на Викинге.

— Надеюсь, ты это не всерьез.

— Еще как всерьез. Я нанял «Хансфорд». Экипаж до сих пор в больнице, на борту жуткий разгром, но «Хансфорд» полетит. Им отчаянно нужны деньги. Подбери команду… через людей Витторио. Заинтересуй их, но смотри не проболтайся.

— Но ведь Викинг — на очереди! Как пить дать!

— Рискованно, хочешь сказать? Я слышал от Константина, что очень многие купцы сталкивались с униатами. Некоторые даже исчезли. Но «Хансфорд» все равно полетит, этот рейс будет символизировать нашу веру в будущее Викинга. — Джон еще глотнул вина и скривил губы. — И надо поторопиться, пока к нам не побежали с самого Викинга. Когда нащупаешь канал, пройди по нему сколько удастся. Выясни, что будет с Пеллом, если он отойдет к Унии. Компания нам не поможет, от Флота только головная боль… Долго нам не продержаться, уловки Константина обязательно приведут к мятежу. Пора менять коней. Надо доходчиво объяснить это Унии, понимаешь? Она получит союзника, а мы — всю выгоду, какую только можно извлечь из сотрудничества. На худой конец черный ход. Если Пелл выживет, мы как ни в чем не бывало будем сидеть на своих стульях. Если погибнет — нас, в отличие от остальных, здесь в это время не будет, верно?

— Значит, рисковать своей шкурой предстоит мне одному, — проворчал Дэйин.

— А что ты предпочитаешь? Ждать, пока до тебя доберутся головорезы из карантина? Или все-таки воспользоваться благодарностью противника и набить карман? Уверен, что такого

шанса ты не упустишь. И еще я уверен, что ты его заслуживаешь.

— Какой ты щедрый, — уныло произнес Дэйин.

— Здесь, на станции, скоро будет неуютно, и даже слишком. Это игра с огнем. Скажешь, нет?

Дэйин медленно кивнул.

— Ладно. Что посулить экипажу?

— Подумай над этим сам.

— Джон, ты слишком доверчив.

— Только к ветви Лукасов. Константинам я не верил и не верю. Анджело сделал глупость — ему надо было оставить меня на Нижней. Наверное, он так и хотел, но депутаты проголосовали иначе. Кто знает, может быть, в этом их счастье. Кто знает…

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
ПЕЛЛ: 23.5.52

Ему предложили кресло. Они всегда были подчеркнуто вежливы, обращались к нему «господин Толли», а не по званию… Штатская привычка? А может, давали понять, что униатов здесь считают мятежниками и чинов за ними не признают? Вероятно, они ненавидели его, но не показывали виду. Ему предлагали все новые анкеты. Наконец за стол против него уселся врач и пустился в подробное описание процедуры.

— Я не хочу ничего слушать, — буркнул Толли. — Хочу только подписать бумаги. Уже несколько дней — анкеты, анкеты… Неужели вам не достаточно?

— Вы не даете правдивых ответов в тестах, — сказал врач, — это утверждают наши приборы. Может, вас вынуждают лгать? Я спрашивал, не оказывают ли на вас давления. Вы ответили отрицательно, однако, судя по показаниям приборов, вы и тут солгали.

— Дайте авторучку.

— Вас кто-нибудь принуждает? Учтите, ваши

ответы регистрируются.

— Никто меня не принуждает.

— Опять неправда, господин Толли.

— Нет. — Он не сумел сдержать дрожи в голосе.

— Обычно преступники, с которыми мы имеем дело, лгут. — Врач поднял авторучку, но так, чтобы Толли нелегко было до нее дотянуться. — Изредка — с целью самооговора. Это разновидность самоубийства. Медицина оставляет за вами право на Урегулирование, правда, с некоторыми оговорками юридического характера. А именно: вы должны получить консультацию и полностью отдавать себе отчет в том, что последует. Если вы будете соблюдать лечебные процедуры, то через месяц ваше здоровье придет в норму, а через шесть месяцев вы обретете юридическую свободу. Надеюсь, вы понимаете, что возможно перманентное ухудшение вашей способности к социальному функционированию, что возможны иные формы психической или физической патологии?..

Толли схватил ручку и подписал бланки. Врач забрал их, пробежал глазами, наконец достал из кармана измятый, многократно сложенный лист бумаги. Разгладив его на столе, Толли увидел

внизу полдюжины подписей.

«Ваш счет в центральном компе — шестьдесят кредиток. Расходуйте их по своему усмотрению». Подписались шесть тюремных надзирателей — мужчины и женщины, с которыми он играл в карты, заплатили долг. У него затуманились Глаза.

— Может, передумаете? — спросил врач.

Толли отрицательно покачал головой, складывая листок.

— Можно, я оставлю это у себя?

— Записка будет сохранена вместе с вашими вещами. Когда вас выпустят, все вернут.

— Но тогда это уже не будет играть роли, верно?

— Такой, как сейчас — нет, — ответил врач. — До поры.

Толли вернул листок.

— Я дам вам успокоительное. — Доктор вызвал служителя, и тот принес чашку. Толли выпил голубую жидкость и не ощутил никакой перемены в самочувствии.

Врач придвинул к нему по столу чистый лист, рядом положил авторучку.

— Изложите ваши впечатления о Пелле, будьте любезны.

За дни тестирования. Толли привык к самым необычным просьбам. Он принялся писать о том, как его расспрашивали надзиратели и как ему наконец понравилась их обходительность. Слова расползались, буквы наслаивались друг на дружку и переплетались, затем авторучка и вовсе сбежала с листа на стол и не смогла найти обратный путь. Врач забрал авторучку.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

1. ПЕЛЛ: 28.5.52

Дэймон смотрел на лежащий перед ним доклад. Он не привык к подобным процедурам. Военно-полевой суд действовал быстро и жестко, и приговор лег на стол Дэймона вместе с тремя кассетами и кипой бумаг, обрекающих пятерых на Урегулирование.

Стиснув зубы, он просмотрел кассеты. На большом настенном экране сменяли друг друга сцены мятежа, картины убийства. Никаких проблем с составом преступлений или опознанием преступников. Офис юрслужбы был завален делами, времени на их пересмотр или хотя бы подробную проверку совершенно не оставалось. Юристы противостояли силе, способной погубить всю станцию, силе, уже показавшей себя на «Хансфорде». А теперь и на станции отыскались безумцы, которые едва не вывели из строя систему жизнеобеспечения, запалили костры в доке и пошли на полицию с кухонными ножами.

Он отодвинул бумаги, затребовал у компа бланк для санкции. Приговор, безусловно, несправед-

лив, ведь эти пятеро выдернуты из толпы наобум. Они столь же виновны, как и многие другие. Зато эти пятеро уже никого не убьют, не поставят под угрозу хрупкую стабильность Пелла, от которой зависит жизнь десятков тысяч людей. «Полное Урегулирование», — написал он, и это означало радикальную перестройку личности. Решаясь на этот шаг, он чувствовал себя премерзко. И боялся. Военное положение застало Дэймона врасплох, его отец промучался всю ночь, прежде чем предложил совету выход из ситуации.

Из офиса общественного адвоката запросили копию санкции. Обвиняемых следовало допрашивать по одному, следовало принимать от них жалобы. В сложившейся обстановке эту процедуру также сочли излишней. К ней вернулись бы только в случае явной судебной ошибки. Но доказательства ошибки, даже если она и была допущена, находились в "К", то есть в недосягаемости. Пожалуй, несправедливость заключалась и в том, что осудили мятежников только по свидетельству полицейских, подвергшихся нападению, и по кадрам из фильма, который не показывал, как начались беспорядки.

На столе Дэймона лежали заявления о пятистах кражах и более тяжких преступлениях.

До карантина его офис рассматривал одно-два подобных заявления в год, а сейчас комп был завален запросами юристов. Сколько дней ушло на идентификацию беженцев и подготовку документов, и вот все труды насмарку! Украденных и сожженных удостоверений не счесть, а ни одному из оставшихся верить нельзя. Громче всех паспорта, очевидно, требуют мошенники. Там, где правит террор, письменные показания под присягой не стоят выеденного яйца, ведь ради личной безопасности люди поклянутся в чем угодно. Даже некоторые из тех, кто прибыл на Пелл в установленном порядке и имел документы, еще не прошли идентификацию. Полиция изъяла кредитные карточки и паспорта, чтобы уберечь их, и передала другим службам, которым надлежало провести тщательное опознание и найти надежных поручителей. Но при таком наплыве беженцев дело двигалось очень медленно, к тому же на станции, вне карантина, не было места для всех, кто прошел проверку.

Это было безумием. Администрация не жалела сил и средств, спеша ликвидировать карантин, но с каждым днем положение дел все ухудшалось.

«Том, — отстукал Дэймон на клавиатуре кома Тому Ушанту из офиса адвоката, — если, читая

любое из этих дел, почуешь неладное, сразу возвращай. У нас жуткая запарка, возможны ошибки. Я не хочу, чтобы они обнаружились после Урегулирования».

Вопреки ожиданиям, Дэймон быстро получил ответ:

"Дэймон, хочешь нажить бессонницу — загляни в досье Толли. Его уже регулировали — на «Расселе».

«Ты имеешь в виду, что его лечили?»

«Какое там — лечили! Его пытали!»

«Я посмотрю». — Дэймон прервал связь, отыскал ключ и вывел досье на дисплей компа.

Одна за другой появлялись страницы, не сообщая почти ничего ценного. Название и номер корабля, служебные обязанности… Военоп мог знать свой пульт и цель, но вряд ли что-нибудь еще… Воспоминания о родине. Отец и мать, погибшие при налете Флота на шахты в системе Сытина. Брат, убитый на войне. Иными словами, достаточно причин для мести. Жил у тети по материнской линии на самом Сытине, на чем-то вроде плантации. Затем — государственная школа с углубленным изучением некоторых дисциплин. Интереса к большой политике, как и неприятия идеологии, не проявил. Страницы

запестрели сумбурными, расплывчатыми, рваными фразами, обнажавшими самое личное, самое сокровенное. Такое возможно только при Урегулировании, когда большая часть твоего "я" беспомощна и беззащитна, как лягушка под скальпелем вивисектора. Ярче всего — боязнь одиночества. Ты — бремя на плечах родни и заслуживаешь, чтобы тебя бросили. Комплекс вины из-за утраты семьи и растущая уверенность в том, что это повторится. Лейтмотивом — любовь к тетке. «Заботилась обо мне… любила…» Он не хотел покидать ее дом, но с Унией не поспоришь: государство тебе помогало, изволь платить по счетам. Военное училище, мощная гипнопедия, армейский распорядок и ни единого отпуска домой. Некоторое время приходили письма от тетки. Дядя не написал ни разу. Потом письма кончились, и он решил, что тетя умерла. «Иначе писала бы. Она любила меня». Но в душе — затаенный страх: «Нет, не любила. На самом деле ей нужно было только государственное пособие». Опять чувство вины! Домой он не вернулся — он заслужил и эту потерю. Он написал дяде, но ответа не получил, и это серьезно уязвило его, хотя они с дядей и недолюбливали друг друга. Позиции. Идеалы. Еще одна рана — рухнувшая

дружба, вернее, мальчишеская любовь, — снова оборвалась переписка. Последняя привязанность — к товарищу по оружию. Конец был печален. Чувство вины обострилось до предела. «Любила меня...» — повторял он жалобно; звучало в этих словах и затаенное одиночество, и многое другое.

Дэймон начинал понимать. Боязнь темноты, смутный, периодически повторяющийся кошмар: белая-пребелая комната, допросы, наркотики — вопреки всем правилам Компании, вопреки правам человека. На Расселе применяли психотропы. Ни перед чем не останавливались, лишь бы вырвать у Толли то, чего у него попросту не было. Его пленили в зоне Маринера и в панике доставили на Рассел. Станция ожидала удара и отчаянно нуждалась в информации. На допросе воспользовались методами Урегулирования. Подперев ладонью подбородок, Дэймон смотрел, как по экрану пробегают клочки фраз. Его подташнивало. Ему было стыдно, он казался себе сопливым мальчишкой. Ведь он даже не затребовал у компа поступившую с Рассела информацию, не взялся за расследование. Как же — у него хватало других забот, и зачем еще, спрашивается, нужны подчиненные? С какой стати он, начальник юрслужбы,

должен уделять кому-то особое внимание? А Толли не обратился к нему за помощью. Обвел его вокруг пальца. Очевидно, злоключения до предела расшатали психику этого человека, но он набрался мужества, чтобы вырваться из ада своей души. Глядя Пеллу прямо в глаза, он намыливал себе веревку. Руководил собственной казнью.

Протокол допроса сменился обрывками сведений о хаотической эвакуации, когда пленник оказался между толпой станционеров и безжалостными военными.

Что же случилось с Толли в том долгом путешествии на одном из кораблей Мациана? «Норвегия»… и Мэллори. Дэймон выключил дисплей и сидел, глядя на кипы досье, на незаконченную санкцию. Спустя некоторое время он вернулся к работе и ставил подписи, пока не онемел палец. На Расселе мятеж подняли мужчины и женщины, которые до того, как все это началось, пребывали в здравом уме и твердой памяти. Во всех ужасах, что творились на тех фрахтерах, виноваты самые обыкновенные люди.

Сейчас Дэймон всего-навсего включил машину, уничтожающую личности. Например, личность Толли, которой и так уже не существует, личности людей, похожих на самого Дэймона, но

вышедших за рамки цивилизованности… в мире, где «цивилизованность» — давно уже пустой звук.

А ведь даже Флот Мациана — даже такие, как Мэллори, — начинали по-другому.

— Я не собираюсь протестовать, — сказал ему Толли за ленчем, когда они не столько ели, сколько пили.

После ленча он побывал в красной секции, в тесном кабинете для Урегулирования, а потом вернулся в офис суда. На столе лежал поднос с остатками сытного завтрака, а на кровати восседал Джош Толли с удивительно пустым выражением лица, на котором разгладились все морщины. Пленник не заметил Дэймона, но это, наверное, уже не имело значения.

Анджело посмотрел на секретаря, взял доклад об отлете дальнерейсовика, прочел декларацию и снова поднял глаза.

— Почему «Хансфорд»?

Секретарь устало переступил с ноги на ногу.

— Сэр?

— Без работы две дюжины кораблей, а разрешение на вылет получает «Хансфорд». Он же не оснащен. А экипаж?

— Сэр, я полагаю, экипаж нанят по списку неза-

нятых.

Анджело полистал доклад.

— «Лукас Компани». Пустой корабль с чужой командой, а пассажир — Дэйин Джекоби. Ну-ка, соедини меня с Джоном Лукасом.

— Сэр, — произнес секретарь, — корабль уже покинул док.

— Я вижу время вылета, — проворчал Анджело. — Дай мне Лукаса.

— Хорошо, сэр.

Секретарь вышел. Через несколько секунд на консоли засветился экран, на нем возникло лицо Джона. Анджело сделал глубокий вдох и поднес к экрану доклад.

— Видишь?

— Какие проблемы?

— Что происходит?

— На Викинге наши предприятия, надо узнать, как там дела… Нам ни к чему, чтобы там возникли паника и беспорядки. Дэйин сумеет их предотвратить.

— Почему «Хансфорд»?

— Потому что это исключительно дешево. Экономия, Анджело.

— И только?

— Не уверен, что понял твой вопрос.

— Ничего похожего на полную загрузку! Какой товар ты собираешься привезти с Викинга?

— «Хансфорд» взял на борт ровно столько, сколько смог — ты же знаешь его состояние. На Викинге он пройдет ремонт — в тамошних доках не такой бедлам, как у нас. Выручки за груз хватит на оплату ремонта, а обратно он полетит с полными трюмами самых что ни на есть необходимых товаров. Я-то думал, ты обрадуешься. А Дэйин отправился, чтобы наблюдать за ремонтом, а заодно уладить кое-какие дела в нашем офисе.

— Надеюсь, ты не имеешь в виду, что эти «самые что ни на есть необходимые товары» окажутся персоналом «Лукас Компани»? Надеюсь, ты не собираешься эвакуировать свой офис?

— А, вот что тебя так беспокоит.

— Да, меня беспокоит, когда корабль уходит с Пелла почти без груза на борту, а обратно может вернуться с людьми, которых мы попросту не в силах принять. Джон, разве можно так испытывать судьбу? А вдруг поползут слухи? Что будет, если некая компания заберет с другой станции самых ценных своих работников и устроит там панику? Ты меня понимаешь?

— Мы говорили об этом с Дэйином. Уверяю тебя, единственная наша цель — помочь Пеллу.

Надо торговать, иначе мы недолго протянем, а Викинг отдаст концы раньше нас. Ведь, кроме нас, снабжать его больше некому. Стоит тамошним парням испытать на своей шкуре дефицит, как они, не дожидаясь приглашения, кинутся к нам «на ручки». Мы везем им провиант и химикалии, — Пелл от этого не обеднеет, к тому же на корабле заполнено только два трюма. Что, теперь каждый отлет будет поводом для расследования? Если угодно, я могу представить тебе нашу отчетность, но, по-моему, Анджело, ты не прав. Какими бы ни были наши семейные отношения, мне кажется, Дэйин заслуживает похвалы, — в такое время он согласился лететь туда… Конечно, фанфар мы не просим, но уж обвинять… Ну что, прислать тебе документацию?

— Не стоит. Спасибо, Джон. Прими мои извинения. Надеюсь, Дэйин и шкипер понимают, чем рискуют. А насчет того, что каждый уходящий корабль будет проверен — да, без этого не обойтись. Но тут ничего личного.

— Возникнут вопросы — обращайся. Главное, не нервничай.

— Спасибо, Джон.

Лукас отключился, Анджело тоже. Он полистал доклад, расписался в графе «Ознакомился» и по-

ложил на лоток с надписью «В очередь». Ни один офис не справлялся с работой. Ни один. На возню с "К" уходило слишком много времени.

— Сэр, — подал голос Миллс, секретарь. — Ваш сын, сэр.

Анджело набрал на клавиатуре код приема вызова, поднял глаза и был весьма удивлен, когда отворилась дверь и Дэймон вошел, вместо того чтобы показаться на экране.

— Я сам принес доклады. — Дэймон сел и обеими локтями оперся о стол. Глаза его потускнели — он устал ничуть не меньше отца. — Сегодня утром я направил на Урегулирование пятерых.

— Пятеро — это не трагедия. — У Анджело заплетался язык. — Я приказал ввести в комп программу лотереи, чтобы разыграть, кому оставаться на станции, а кому улетать. На Нижней опять буря, опять затопило мельницу, и только сейчас найдены жертвы предыдущего наводнения. Стоило чуть-чуть улечься панике, и вот уже купцы рвутся с привязи. Один сейчас удрал, еще два хотят уйти завтра. Поговаривают, что Мациан облюбовал Пелл для своего логова. Спрашивается, как теперь быть остальным станциям? Как быть нам, если там начнется переполох и все бросятся сюда? Где гарантия, что сбежавший ку-

пец не разнесет слухи? Наше жизнеобеспечение этого не выдержит. — Он махнул рукой на кипу бумаг. — Мы собираемся мобилизовать купцов, кого удастся. Под финансовым нажимом.

— Чтобы стрелять по кораблям с беженцами?

— Да, если их будет слишком много. Я бы хотел потолковать с Элен. Только ее можно послать к торговцам с таким предложением. Дэймон, ты извини, но мне сегодня не до жалости к пяти смутьянам.

Его голос дрогнул. Дэймон протянул руку через стол, схватил отцовскую кисть, сжал и отпустил.

— Эмилио на Нижней нуждается в помощи?

— Говорит, нет. На мельнице кавардак, везде грязь.

— Все, кого нашли, мертвы?

Анджело кивнул.

— Позавчера ночью нашли Беннета Джасинта и Тая Брауна. Вчера во второй половине дня — Веса Кайла, из-за него пришлось обыскивать плавни. Эмилио и Милико говорят, что никто вроде бы не упал духом, низовики восстанавливают плотину, и многим из них не терпится получить человеческую профессию. Я приказал пополнить персонал базы туземцами, а обученных переправить сюда. У низовиков жизнеобеспечение в полном поряд-

ке, и мы сможем дать освободившимся техам работу посерьезнее. Я отправлю вниз всех добровольцев из людей, а значит, и опытных докеров — они умеют строить дома. А не умеют — научатся. Времена наступают суровые. — Анджело поиграл желваками, сделал глубокий вдох. — Вы с Элен еще не подумывали о Земле?

— Сэр?

— Ты, твой брат, Элен и Милико. Вы думали о Земле?

— Нет. — Дэймон печально покачал головой. — Все бросить и бежать? Думаешь, к этому идет?

— Дэймон, прикинь. Помощи от Земли никакой, одни соглядатаи. Компания озабочена только сокращением убытков и не собирается присылать нам подмогу. Мы вязнем все глубже. Мациан — это не вечно. Без верфей Маринера уже паршиво, а ведь скоро придет черед Викинга и всего, до чего дотянется лапа Унии. Флот отрезан от ресурсов, Земля уже отказала ему в поддержке… Короче говоря, у нас нет ничего, кроме пути для бегства.

— А Тыловые Звезды?.. Поговаривают, одну из этих станций можно открыть заново.

— Пустые мечты. Никогда этому не бывать. Даже если Флот решится… эта станция сразу пре-

вратится в мишень для Унии. Точь-в-точь как мы сейчас. И пусть я выгляжу эгоистом, но мне бы хотелось видеть своих детей подальше отсюда.

Лицо Дэймона стало белым как полотно.

— Нет. Категорически.

— Не надо жестов благородства. Для меня важнее твоя судьба, чем твоя помощь. Константинам будущее не сулит ничего хорошего. Если мы попадем в плен, то не избежим промывания мозгов. Ты беспокоишься за этих преступников… подумай лучше о себе и об Элен. Разве ты не знаешь, что такое Уния? Куклы в кабинетах. Гомункулусы, заполонившие мир. Они распашут и застроят всю Нижнюю… Боже, храни низовиков! Я бы пошел на сотрудничество, да и ты — чтобы сберечь Пелл от худшей участи, — но с ними не так-то просто договориться. Я не хочу, чтобы ты попал к ним в руки. Мы — на мушке, я всю свою жизнь был мишенью, и поэтому едва ли можно осуждать меня за попытку спасти своих детей.

— Что сказал Эмилио?

— Мы еще не говорили.

— Нет, говорили. Он отказался. Так вот, я тоже не согласен.

— С тобой потолкует мать.

— Ты пришлешь ее ко мне?

Анджело нахмурился.

— Ты же знаешь, это невозможно.

— Да, знаю. Я не улечу, Эмилио тоже. А если он улетит, пускай это останется на его совести.

— Значит, тебе ничего не известно, — отрывисто произнес Анджело. — Ладно, поговорим об этом позже.

— Нет! — отрезал Дэймон. — Если мы побежим, здесь поднимется паника, и ты это знаешь. И знаешь, к чему это приведет.

Сын был прав. Анджело понимал это.

— Нет. — Дэймон положил ладонь на запястье отца, поднялся и вышел.

Анджело остался сидеть, глядя на стену. Портреты — ряд трехмерных фигур… Алисия до несчастного случая, совсем молоденькая, и он сам. Дэймон и Эмилио — от младенчества и до совершеннолетия, до женитьбы. Он разглядывал эти фигуры и думал о предстоящих нелегких временах. Конечно, он сердился на своих мальчиков, — но и гордиться было чем. Это он вырастил их такими.

«Эмилио, — отстучал он сыну на Нижней, — брат шлет тебе привет. Отправь к нам обученных низовиков, сколько не жалко, взамен — тысяча добровольцев со станции. Начинай строить

новую базу, если станет тесно. Обратись за помощью к низовикам, плати продуктами. Целую». И — полиции: «Освободить всех задержанных, чье неучастие в мятеже доказано. Они полетят на Нижнюю вместе с добровольцами».

Отправляя послания, Анджело размышлял, к чему это приведет. Наихудшие "К" останутся на станции — в сердце и мозге колонии Пелл. Перевести бандитов на Нижнюю и там с ними не церемониться — вот на чем настаивали некоторые депутаты. Но хрупкие взаимоотношения с туземцами… опять же гордость — ведь он, Анджело, убедил-таки техов отправиться на Нижнюю, в грязь, в примитивные условия жизни… Нельзя превращать базу в исправительный лагерь, там — жизнь. Нижняя — это тело Пелла, и Анджело отказался подвергать его насилию, отказался рушить все мечты о будущем. Он пережил ужасные часы, размышляя, не устроить ли аварию, чтобы прекратилась подача воздуха в "К". Несчастный случай… Безумие: вместе с нежелательными элементами убить тысячи невинных. Один за другим принимать корабли с беженцами, и одну за другой подстраивать аварии… Дэймон лишился сна из-за пяти человек, а его отец наяву замышлял такое, чего не увидишь и в кошмаре!

Еще и поэтому он хотел, чтобы сыновья улетели с Пелла. Иногда ему казалось, что он действительно способен поддаться увещеваниям некоторых депутатов, что его останавливает только слабость характера. Он подвергает опасности чистое и целостное общество ради спасения грязного сброда, способного, судя по рапортам полицейских, только грабить, насиловать и убивать.

Затем он подумал: какая наступит жизнь, когда они превратят Пелл, со всеми его идеалами, в полицейское государство, — и содрогнулся.

— Сэр, — вонзился в его раздумья чужой, обточенный расстоянием от комцентра, голос: — Сэр, корабли на подходе!

— Давай их сюда. — Анджело тяжело сглотнул, увидев на дисплее образы девяти кораблей. — Кто это?

— Рейдероносец «Атлантика», — ответил голос из комцентра. — Сэр, в конвое восемь купцов. Просят открыть док. Предупреждают, что у них на борту сложная обстановка…

— Отказать, — произнес Анджело, — пока не разберемся.

Слишком много народу — не меньше, чем в конвое Мэллори. Пелл не выдержит! У Анджело заходило ходуном, заныло сердце.

— Дай мне «Атлантику». Соедини с Крешовом.

Крешов от разговора отказался, дескать, боевому кораблю никто не указ, выпутывайтесь как знаете.

Конвой приближался — зловещий, безмолвный… Анджело потянулся к пульту, чтобы поднять по тревоге охрану.

Дождь все еще бесчинствовал, но гром затихал. Там-Утса-Питан сидела, обхватив руками колени и утопив ступни в грязи, и смотрела на приходящих и уходящих людей. По ее меху медленно стекала вода. Многое из того, что делали люди, выглядело бессмысленным… Наверное, именно выглядело, а не было таким в действительности, поскольку предназначалось богам. А может, эти люди — безумцы? Вот только могилы… Это она понимала. Как и слезы, скрываемые под масками. Слегка покачиваясь, хиза сидела, пока не ушел последний человек, пока не остались только грязь и дождь там, где люди похоронили своих мертвецов.

Когда пришло ее время, она встала и направилась к столбам и могилам. Под ее босыми ногами хлюпала грязь. Дождь превратил все вокруг в огромное озеро. Беннета Джасинта и двух других сородичи завалили землей, а сверху водрузили

обелиск. Хиза не разбиралась в знаках, которые люди понаставили повсюду, но этот она знала.

С собой она принесла длинную палку, сработанную Старым. Хиза стояла под ливнем нагая, если не считать бус и шкурок, висящих на ремешке через плечо. Она остановилась над могилой, обеими руками вонзила палку в мягкую землю и наклонила сколь возможно, чтобы лик духа смотрел вверх. На конец палки она повесила бусы и шкуры и тщательно расправила их, не замечая проливного дождя.

За спиной раздалось шипение человеческих вздохов и плюханье сапог по лужам. Она резко повернулась и отпрыгнула от лица, прикрытого дыхательной маской.

— Что ты здесь делаешь? — спросил человек.

Она выпрямилась, вытерла о бедра грязные ладони. Ее смущала собственная нагота — смущала оттого, что у людей она считалась неприличной. Человек смотрел на дух-палку, на могильные подношения, на нее саму — но, как ни странно, в движениях не было гнева, обещанного голосом.

— Беннет? — спросил человек. Она утвердительно подпрыгнула. Смущение не проходило. Прозвучавшее имя вызвало слезы, но их быстро смыло дождем. А еще она испытывала отчая-

ние — потому что умер Беннет, а не кто-нибудь другой.

— Я Эмилио Константин, — произнес человек, и сразу ее смущение исчезло без следа. — Спасибо, что помнишь Беннета Джасинта. Он бы сам тебя поблагодарил.

— Константин-человек. — Ее поведение разительно переменилось. Она дотронулась до него — самого высокого из высоких. — Любить Беннет-человек. Все любить Беннет-человек. Говорить он друг. Все низовики горевать.

Он положил ладонь ей на плечо, этот высокий Константин-человек, а она повернулась, обняла его, прижалась головой к его груди и торжественно обхватила руками влажную, ужасно пахнущую желтую одежду.

— Добрый Беннет делать Лукас безумный. Хороший друг низовики. Слишком плохо его нет. Слишком, слишком плохо, Константин-человек.

— Я слышал, — сказал он. — Я слышал о том, что здесь произошло.

— Константин-человек хороший друг. — Она подняла лицо, повинуясь его прикосновению, устремила взгляд в странную маску, наводившую на нее жуть. — Любить хороший человеки. Низовики хорошо работать, хорошо работать

Константин. Давать ты дары. Нет уходить больше.

Константин понимал, что она имеет в виду. Хиза на своей шкуре узнали, каково живется под Лукасами. На базе низовики говорили между собой, что для Константинов надо постараться, что Константины всегда были хорошими людьми и дарили больше, чем низовики могли дать взамен.

— Какое у тебя имя? — спросил он, погладив ее по щеке. — Как нам тебя называть?

Она вдруг ухмыльнулась, согретая его теплом, и погладила свой гладкий мех, которым гордилась, хоть сейчас он и пропитался влагой.

— Человеки звать я Атласка. — Она засмеялась, потому что на самом деле ее звали иначе, а это имя ей дал Беннет — за предмет ее гордости, яркий клочок красной материи, который она заносила до дыр, но которым дорожила не меньше, чем всеми дарами-духами.

— Ты вернешься к нам? — спросил он, имея в виду лагерь людей. — Я бы хотел с тобой поговорить.

Это сулило его расположение, и она едва не поддалась соблазну, но, вспомнив о долге, отстранилась и сложила руки на груди, удрученная

потерей Джасинта.

— Я сидеть, — сказала она.

— С Беннетом?

— Делать так, он-дух глядеть небо. — Она указала на дух-палку и произнесла то, о чем хиза никогда не говорили с людьми: — Глядеть он-дом.

— Приходи завтра, — предложил Константин. — Мне надо потолковать с хиза.

Запрокинув голову, она посмотрела на него в изумлении. Не многие люди называли туземцев этим именем.

— Привести другие?

— Всех старейшин, если они согласятся… На Верхней нужны хиза — хорошие руки, хорошая работа. Нам надо торговать с Нижней, нам надо место для людей.

Она протянула руку к холмам и равнине, простиравшейся в бесконечность.

— Там место.

— Я хочу, чтобы это сказали Старые.

Она рассмеялась.

— Ты говорить духи-вещи. Я-Атласка, я они давать, Константин-человек. Я давать, ты брать, все торговать, много хорошие вещи, все хорошо.

— Приходи завтра, — повторил он и отошел.

Непривычно высокая фигура под косым дождем… Атласка — Там-Утса-Питан сидела на корточках, позволяя дождю хлестать по ее сгорбленной спине, и глядела на могилу, на которой пузырились лужицы.

Она ждала. Наконец пришли остальные, не успевшие привыкнуть к людям. Среди них был Далют-Хоз-Ми, не разделявший ее восхищения людьми, но тоже любивший Беннета.

Люди бывают разные — это хиза усвоили хорошо.

Атласка прижалась к Далют-Хоз-Ми — Солнце-Сияет-Сквозь-Облака, — и он, глубоко тронутый этим жестом, принялся раскладывать перед ней на циновке дары… Так полагалось делать весной — сейчас была зима.

— На Верхней нужны хиза, — сказала Атласка. — Я хочу увидеть Верхнюю. Хочу…

Она давно мечтала об этом, с тех пор как услышала от Беннета о существовании Верхней. Из того мира пришли Константины (и Лукасы, но о них хиза старалась не думать, представляя Верхнюю такой же яркой, наполненной дарами и другими хорошими вещами, как все корабли, прилетавшие с нее). Беннет описывал им «просторное металлическое место, протянувшее

руки к Солнцу, пьющее его силу». Из этого места быстрее, чем ходят великаны, быстрее, чем хиза способны вообразить, прилетают корабли. Все вещи плывут оттуда и туда… А теперь Беннета не стало, зато благодаря ему в жизни Атласки появилось Время под Солнцем.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросил Далют-Хоз-Ми.

— Моя весна будет там, на Верхней.

Он прижался плотнее, обнял ее рукой. Она ощущала его тепло.

— Я с тобой, — сказал он.

Это было жестоко, но она страстно мечтала о первом путешествии, а он страстно мечтал о ней. Седая зима истаивала, они уже думали о весне, о теплых ветрах и разрывах в покрове облаков. И Беннет в холодной могиле рассмеялся, наверное, своим странным человеческим смехом и пожелал им счастья.

Хиза всегда путешествовали по весне.

2. ПЕЛЛ: ПЯТЫЙ ЯРУС СИНЕЙ СЕКЦИИ: 28.5.52

Обед снова остыл, все опоздали, измученные перипетиями минувшего дня. Новые беженцы, еще больше неразберихи… Поймав себя на угрюмом молчании, Дэймон оторвал глаза от тарелки.

Элен тоже безмолвствовала. Это его встревожило, и он протянул руку над столом, чтобы положить ее на кисть Элен, неподвижно лежавшую около тарелки. Кисть повернулась ладонью вверх и приподнялась, чтобы переплестись с его пальцами. Элен выглядела уставшей не меньше мужа. Она слишком много работала, и не только сегодня. Труд — своего рода лекарство от тоски: позволяет забыться. Она ни разу не завела речи об «Эстели», она вообще мало говорила. «Может быть, — предположил Дэймон, — у нее столько забот, что не до разговоров?»

— Сегодня я видел Толли, — хрипло произнес он, пытаясь нарушить молчание, пытаясь отвлечь жену, сколь бы ни была мрачна затронутая тема. — Он выглядит… спокойным. Никакой боли. Абсолютно никакой.

Ее пальцы сжались.

— Значит, ты поступил правильно.

— Не знаю. И вряд ли узнаю когда-нибудь. Он сам просил.

— Он сам просил, — словно эхо, повторила она. — Ты изо всех сил старался не допустить ошибки. Больше от тебя ничего не зависит.

— Я люблю тебя.

Губы Элен задрожали, и она слегка улыбну-

лась.

— Элен.

Она убрала руку.

— Как ты думаешь, Пелл останется нашим?

— Ты боишься? — спросил он.

— Боюсь, что ты в это не веришь.

— Почему ты так думаешь?

— На то есть причины, но вряд ли ты захочешь их обсуждать.

— Не надо говорить загадками, я никогда не был в них силен.

— Я хочу ребенка. Мой испытательный срок закончился. Надеюсь, ты не передумал?

У него запылали щеки. Он боролся с соблазном солгать.

— Я-то нет, но, по-моему, говорить об этом еще рановато.

Она скорбно сжала губы.

— Я не знаю, что ты задумала, — произнес он. — Не знаю. Если Элен Квин хочет стать матерью, то никаких проблем. Тут все в порядке. В полном. Но я надеюсь, здесь нет никакой подоплеки…

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты очень долго раздумывала. Я все время наблюдаю за тобой, но ты же ничего не говоришь прямо. Чего ты хочешь? Что, я должен сделать

тебя беременной и отпустить на все четыре стороны? Боже, что это я несу!

— Я не хочу воевать. Не хочу. Я сказала тебе, чего хочу.

— Но почему сейчас?

Она пожала плечами.

— Не могу больше ждать. — Она нахмурилась, а Дэймон впервые за последнее время увидел глаза настоящей Элен — нежной, женственной.

— Ты за меня боишься, — сказала она. — Я вижу.

— Порой мне кажется, я просто ничего в тебе не понимаю.

— На корабле… это мое дело — рожать ребенка или нет. В чем-то члены корабельной семьи бывают близки, в чем-то расходятся. Но у тебя своя семья… Я это понимаю. И я не против.

— Это и твой дом.

Она ответила самой мимолетной из своих улыбок.

— Так что ты на это скажешь?

Станционная служба планирования распространяла предупреждения, которые можно было расценить и как советы, и как настоятельные просьбы. И дело было не только в "К". Шла война, враг подступал, и правила в первую очередь от-

носились к Константинам.

Он кивнул.

Казалось, исчезла тень. Призрак «Эстели» покинул тесную квартирку на пятом ярусе синей, полученную ими по жребию. Здесь все было вверх дном, сюда не поместилась вся их мебель, но эта квартира сразу стала им домом. Гостиная с платяными шкафами, набитыми тарелками, и коридор, на ночь превращавшийся в спальню, где угол был заставлен коробками с плетеными изделиями низовиков; и еще бог знает сколько вещей было втиснуто во встроенные шкафы в коридоре яруса…

Поздней ночью они лежали на кровати, которая днем служила сиденьем, и Элен говорила в объятьях мужа, говорила впервые за последние недели. Как бы ни были они близки, Элен никогда не делилась с Дэймоном воспоминаниями, но сейчас они неслись потоком.

Дэймон гадал, что она оставила на «Эстели», которую по сей день называла своим кораблем. Братство. Родство. Мораль торговцев общеизвестна, но он не мог представить Элен среди родичей, таких же, как те буяны, что высаживаются на станциях с целью кутнуть и переспать с любым, кто пожелает.

— Пойми, — сказала она, щекоча дыханием его плечо, — такова наша жизнь. А что нам остается делать? Спать с близкими родственниками?

— Ты иная, — упорствовал он, вспоминая, какой увидел ее впервые. Она пришла в офис юрслужбы по делам родственников… Всегда казалась гораздо более сдержанной, чем все остальные купцы. Разговор, затем вторая встреча… отлет и возвращение на Пелл. Никогда она не совершала вместе со всеми набегов на бары, не бывала в постоянных местах их сборищ. В тот раз она пришла к нему, Дэймону, и провела с ним все дни стоянки. Их женщины редко выходят замуж. Элен вышла.

— Нет, — возразила она. — Это ты был другим.

— Тебе все равно, от кого будет ребенок? — эта мысль не давала ему покоя. О некоторых вещах он никогда не спрашивал жену, считая, что и так знает, а сама она ни разу не заводила о них речи. Теперь он запоздало пытался их переосмыслить даже если это будет больно. Элен — это Элен. И он верил ей.

— А где еще нам брать детей? — спросила она, вызвав у него отчетливое, но непривычное чувство. — Мы их любим. Или тебе это кажется невозможным? Они принадлежат всему кораблю. Только теперь никого не осталось… — Впервые

она заговорила об этом, наверное, напряжение отпускало ее. — Никого из них больше нет. — Она вздохнула.

— Ты называешь Элта Квина своим отцом, а Таю Джеймс — матерью. Чья же ты дочь?

— Его. С ее ведома. — Чуть позже она добавила: — Ради него она покинула станцию. Мало кто так поступает.

Вот Элен никогда не просила об этом Дэймона — ему это впервые пришло в голову. Предложить Константину расстаться с Пеллом? «Ты был бы способен на это?» — спросил он себя и испытал неприятное, гнетущее чувство. — «Должен был!» — твердо сказал он в уме, а вслух:

— Должно быть, это нелегко. И для тебя было так же трудно.

Она кивнула, шевельнувшись в его объятьях.

— Элен, ты жалеешь?

Легкое отрицательное покачивание головы.

— Теперь уже поздно об этом говорить, — произнес он. — Жаль, что мы не могли сделать этого раньше. Очень многого мы попросту не знали.

— Тебя это тревожит?

Он прижал ее к себе, поцеловал сквозь вуаль волос, сдул их, собирался сказать «нет», но просто промолчал. Потом проговорил:

— Ты видела Пелл. Ты знаешь, что ни разу нога моя не ступала на корабль крупнее челнока? Что я никогда не улетал с этой станции? Я просто не представляю, под каким углом смотреть на некоторые вещи. Понимаешь?

— Я тоже не знаю, можно ли просить тебя о некоторых вещах.

— О чем?

— Ну, например, о чем мы только что говорили.

— Не знаю, как тебе ответить. Смог бы я бросить Пелл? Я люблю тебя, но не знаю… Мы с тобой так недолго прожили вместе, и меня тревожит, нет ли во мне чего-то, о чем я до сих пор не подозревал. Пока я строю воздушные замки, надеясь дать тебе счастье на Пелле…

— Проще мне провести здесь какое-то время, чем выкорчевать с Пелла Константина. Стоянка — дело необременительное, и они нам не в диковинку. Вот только потеря «Эстели» никак не входила в мои планы, а то, что сейчас здесь творится, не входило в твои. Ты мне ответил.

— Как?

— Сказав о том, что тебя тревожит.

Его напугали слова: «они нам не в диковинку», но Элен все еще говорила, прижимаясь к нему,

говорила не о пустяках, а о глубоких чувствах, о детстве торговца, о первой высадке на станцию. Ей было тогда двенадцать, и она испугалась грубых и высокомерных станционеров, считавших любого купца своей законной добычей. Поведала о том, как несколько лет назад на Маринере погиб от резидентского ножа ее родственник, даже не узнав, что стал жертвой ревности. И еще Дэймон услышал нечто невероятное: утрата корабля уязвила гордость его жены. Гордость. Эта мысль поразила его, и какое-то время он лежал в раздумьях, озирая темный потолок.

Поругано имя… Имя — собственность торговца, такая же, как корабль. Кто-то унизил Элен Квин, причем анонимно, и теперь у нее нет даже врага, чтобы отомстить ему и вернуть свою честь. Секунду он размышлял о Мэллори, о жестокости и самонадеянности элитной породы внеземельцев, о привилегиях аристократов. Мир в себе; закон улья; все общее и ничего своего; корабль принадлежит экипажу, а экипаж — кораблю. Купцы, способные плюнуть в глаза управляющему доком, отступали, бормоча угрозы, когда им приказывали Мэллори или Квины.

Несомненно, потеря «Эстели» принесла Элен горе… но не только. Еще — стыд: за то, что не раз-

делила судьбу корабля, и за то, что в доках Пелла ей приходится пользоваться репутацией семьи Квин. И теперь за душой у нее не осталось ничего, кроме этой репутации. Мертвое имя, мертвый фрахтер. Наверное, тяжелее всего ей вынести сочувствие других купцов.

Она просила мужа только об одном, а он уклонился от ответа.

— Наш первенец, — произнес он, поворачивая к ней голову на подушке, — будет Квином. Слышишь, Элен? Константинов на Пелле достаточно. Отец может расстроиться, но он поймет, мама тоже. Мне кажется, так надо.

Элен еще ни разу не плакала в его присутствии, но сейчас не смогла удержаться от слез. Она обвила его руками и не шевелилась до самого утра.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
СТАНЦИЯ ВИКИНГ: 5.6.52

Викинг висел перед глазами Эйриса, сияя в лучах гневной звезды. Шахты, обогатительные фабрики, металлодобывающие заводы. Происходило что-то непредвиденное: по мостику фрахтера носился тревожный шепот. Кругом — хмурые лица, озабоченные взгляды. Эйрис посмотрел на трех своих спутников — тоже взволнованные, они переминались с ноги на ногу, стараясь держаться в стороне от мечущихся торговцев.

Из обрывков фраз экипажа Эйрис уже успел заключить, что к ним приближается корабль. Вскоре он — огромный, ощетиненный — появился на экранах. Вблизи от станции корабль не имел права идти с такой скоростью.

— Он у нас на пути, — произнес посланник Эйрис.

Корабль на экранах все увеличивался, и капитан купца, покинув свое кресло, направился к пассажирам.

— Плохие новости, — сказал он. — Нас конвои-

руют. Я не знаю, что это за корабль, но одно могу сказать наверняка: он военный. Честно говоря, я не думаю, что мы в космосе Компании.

— Хотите прыгнуть? — спросил Эйрис.

— Нет. Даже если прикажете, мы не подчинимся. Здесь — Глубокий Космос, в нем бывают сюрпризы. Тут что-то происходит, и мы влипли. Я даю постоянный сигнал «не стреляй». Пойдем мирно. Если повезет, нас отпустят подобру-поздорову.

— Вы полагаете, это Уния?

— В Глубоком только мы и они, сэр.

— И что будет?

— Сложный вопрос, сэр. Но вы знали, на что идете, а я не давал никаких гарантий. Так что не обессудьте.

Марш хотел было возмутиться, но Эйрис предостерегающе поднял руку.

— Оставьте. Я предлагаю выпить чего-нибудь в кают-компании и подождать. Там и поговорим.

Вид оружия действовал на нервы. Шагая по доку, точно такому же, как на Пелле, в сопровождении вооруженных юношей и девушек, и поднимаясь в лифте, заполненном юными революционерами, он боролся с одышкой и тревожился за своих спутников, оставшихся под

стражей возле причала. Все солдаты выглядели близнецами; в сплошном зеленом море форменных комбинезонов терялись немногочисленные штатские костюмы. Куда ни глянь — оружие. Резидентов здесь было мало, хотя к докам Викинга приткнулось носами немало фрахтеров. С купцами обходились довольно мягко (солдаты, поднявшиеся к Эйрису на борт, держались с холодной вежливостью), но посланник готов был держать пари, что никому из них не дадут уйти. Никому.

Лифт остановился на одном из верхних ярусов.

— Выходите, — скомандовал капитан, качнув стволом влево. Офицеру нельзя было дать больше восемнадцати, как и всем остальным коротко подстриженным мужчинам и женщинам в военной форме, которые окружали Эйриса. Их было куда больше, чем требовалось для конвоирования человека его возраста и физических данных. Прямо по коридору между кабинетами выстроилось такое же воинство, все дула застыли в одинаковом положении. Всем — восемнадцать или около того, все — коротко подстрижены, все… симпатичны. Именно это свойство — внешняя привлекательность — первым бросилось в глаза Эйрису. Поразительная свежесть кожи у всех без

исключения, как будто больше не существовало разницы между красотой и обыденностью. Шрам или еще какой-нибудь изъян на одном из этих ликов выглядел бы по меньшей мере странно. Юноши и девушки не отличались друг от друга телосложением, разве что чертами лица и цветом кожи. Как манекены. Он вспомнил десантников с «Норвегии» и их седовласую командиршу. Вспомнил их расхристанный вид и развязные манеры — как будто о дисциплине эта публика и слыхом не слыхивала. Грязь, шрамы… морщины. Здесь Эйрис не видел ничего подобного. Ни следа.

Он содрогнулся в душе, по телу пробежал родившийся в желудке холодок. Миновав вместе с манекенами кабинеты, он вошел в комнату и остановился перед столом, вдоль которого сидели мужчины и женщины иного, нежели конвоиры, склада. С исступленным облегчением увидел он седину, полноту и другие физические недостатки.

— Господин Эйрис, — представил его манекен с винтовкой в руках. — Посланник Компании.

Конвоир приблизился к столу, чтобы положить перед центральной фигурой — седой рыхлой женщиной — изъятые у Эйриса документы. Она просмотрела их и, слегка нахмурясь, подняла

голову.

— Господин Эйрис… Инес Андилина, — сказала она. — Неприятный сюрприз, не правда ли? Но такое на войне случается. Ваш корабль реквизирован. Не хотите ли выразить протест от имени Компании? Пожалуйста, не стесняйтесь.

— Нет, гражданка Андилина. Действительно, это явилось для меня сюрпризом, но не столь уж неприятным. Я прибыл сюда с целью увидеть, что удастся, и увидел достаточно.

— И что же вы увидели, гражданин Эйрис?

— Гражданка Андилина, — он сделал ровно столько шагов вперед, сколько позволили встревоженные глаза и резкое, дружное движение оружия. — Я — второй секретарь Совета безопасности Земли. Мои спутники — из высших кругов Компании. Инспекционная поездка показала нам вопиющую безответственность во Флоте Компании, ужасающий разгул милитаризма. Мы крайне недовольны увиденным. Мы отказываемся от услуг Мациана. Мы не стремимся удерживать поселения, предпочитающие иную форму власти. Напротив, мы искренне желаем прекратить обременительный конфликт и свернуть убыточное предприятие. Нам хорошо известно о вашем влиянии на эти территории,

и мы не хотим идти наперекор воле жителей Внеземелья. Ну, посудите сами, какая нам от этого выгода? Нет, мы вовсе не считаем встречу с вами невезеньем. Если уж на то пошло, мы разыскивали вас.

Люди за столом заерзали, на их лицах отразилось недоумение.

— Мы готовы, — во весь голос произнес Эйрис, — официально уступить все спорные территории. Мы со всей откровенностью заявляем, что не намерены расширять свои границы. Совет директоров Компании проголосовал за упразднение структур управления дальними колониями. Отныне единственная наша цель — это организованный выход из войны и установление границы, которая даст обеим сторонам относительную свободу действий.

Опустились головы. Сидящие зашептались, даже манекены в углах выглядели озадаченными.

— Мы — местная власть, — сказала наконец Андилина. — У вас есть возможность отправить ваши предложения более высоким инстанциям. Скажите, вы способны обуздать мацианов цев и гарантировать нашу безопасность?

Эйрис перевел дух.

— Флот Мациана? Нет, если все его капитаны

слеплены из одного теста.

— Вы прилетели с Пелла?

— Да.

— И не скрываете, что общались с капитанами Мациана, не так ли?

Эйрис поморгал — он не привык к мысли о том, что новости способны молниеносно преодолевать столь огромные расстояния. Впрочем, он тут же сообразил: торговцам известно не меньше, чем ему, и утаивать правду о визите на Пелл не просто бессмысленно — опасно.

— Я общался, — признал он, — с Мэллори, капитаном «Норвегии».

Андилина кивнула.

— Сигни Мэллори, — хмыкнула она. — Можете считать, что вам сильно повезло.

— Я так не считаю. Компания отказывается нести ответственность за самодеятельность Мэллори и иже с нею.

— Вопиющая безответственность, разгул милитаризма, партизанщина… А Пелл, между прочим, славится своим порядком. Интересно, что там с вами произошло…

— Я не собираюсь поставлять сведения вашей разведке.

— Однако вы отрекаетесь от Мациана и Флота.

Весьма радикальный шаг.

— Но я не отрекаюсь от Пелла. Это наша территория.

— Значит, вы не готовы уступить все спорные территории.

— Разумеется, под «спорными» территориями мы подразумеваем те, что начинаются с Передовой.

— И каковы же ваши условия, гражданин Эйрис?

— Упорядоченная передача власти. Подписание определенных соглашений, гарантирующих соблюдение наших интересов.

Андилина рассмеялась, ее лицо просветлело.

— Вы идете на переговоры! Бросаете свои войска на произвол судьбы и идете на переговоры!

— Это разумное решение наших общих затруднений. Последний заслуживающий доверия рапорт из Внеземелья мы получили десять лет назад. Из-под контроля Компании Флот вышел гораздо раньше. Он игнорировал приказы и вел войну на свой страх и риск, срывая торговлю, которая принесла бы выгоду и нам, и вам. Вот что привело нас сюда.

В комнате повисла тишина. Наконец Андилина кивнула, отчего ее подбородок собрался в

складки.

— Господин Эйрис, мы завернем вас в вату и очень бережно отправим на Сытин, уповая на то, что земляне наконец-то взялись за ум. Последний вопрос. Я уже задавала его, но сейчас сформулирую иначе: Мэллори была на Пелле одна?

— Я не могу вам ответить.

— Значит, вы еще не отказались от Флота.

— Я придержу ответ до переговоров.

Андилина пожевала губами.

— Вы боитесь выдать важные сведения. Все равно купцы от нас не скроют ничего. Если бы вы имели возможность удержать мацианов цев, то, я полагаю, воспользовались бы ею. Надеюсь, для демонстрации серьезности ваших намерений вы сделаете это в ходе переговоров… во всяком случае, попробуете.

— Повторяю, мы не в силах контролировать Мациана.

— Вы знаете, что обречены на проигрыш, — сказала Андилина. — В сущности, вы уже проиграли… и пытаетесь продать нам нашу добычу.

— В проигрыше мы или в выигрыше — неважно. Главное, мы не заинтересованы в продолжении войны. Кажется, изначально вы ставили целью добиться гарантированного невмешательства в

ваши внутренние дела, сделать дальнее Внеземелье жизнеспособным с коммерческой точки зрения. Вне всяких сомнений, теперь вы жизнеспособны, у вас развитая промышленность, и с вами стоит торговать, хотя экономические отношения в Унии… несколько отличаются от прежних. Вы избавили нас от запутанных и уже ненужных связей с Внеземельем. Мы согласны установить совместный коммерческий маршрут и оборудовать станцию, которую безбоязненно и на общих основаниях будут посещать и наши, и ваши корабли. Нас не интересует происходящее на вашей стороне, обустраивайте Внеземелье как вам заблагорассудится. Мы направим для торговли несколько джамп-фрахтеров, а если сумеем найти управу на Конрада Мациана, то отзовем его корабли. Я с вами предельно откровенен. Интересы Земли и Унии лежат в совершенно разных плоскостях, и нет никакого смысла враждовать. Вас повсюду считают законным правительством внешних колоний. Я — парламентер, а если переговоры пройдут успешно, автоматически стану временным послом. Мы не считаем своим поражением тот факт, что большинство колонистов поддерживает вас; ваш контроль над этими территориями — достаточно весомый аргумент. Мы

предлагаем официальное признание новой администрацией Земли вашей власти над Дальним Внеземельем… но эту ситуацию я разъясню позднее вашему центральному правительству… И мы готовы открыть торговлю. Все военные действия подконтрольных нам войск будут прекращены. К сожалению, мы не в состоянии остановить флот Мациана, но можем лишить его поддержки и одобрения.

— Гражданин Эйрис, я — региональный администратор и далека от нашего центрального директората, однако не думаю, что директорат проявит медлительность в рассмотрении ваших предложений. Я сердечно приветствую вас, посол Эйрис.

— Надо торопиться. Промедление уносит человеческие жизни.

— Вы правы, надо торопиться. Вас проводят в безопасное жилище. Ваши спутники присоединятся к вам позже.

— Это арест?

— Совсем напротив. Станция только что захвачена, мы еще не успели провести надлежащие охранные мероприятия. Нам нужна уверенность, что злоумышленники не совершат покушения на вашу жизнь. Ватная упаковка, господин Эй-

рис. Мы не ограничиваем вашей свободы, но вас всегда будет сопровождать вооруженная охрана. И примите мой дружеский совет: отдыхайте. Как только ваш корабль будет досмотрен и разгружен, вас отправят дальше, и я не уверена, что это не случится посреди ночи. Вы согласны, сэр?

— Согласен.

Андилина подозвала молодого офицера и сказала ему несколько слов. Эйрис вежливо кивнул всем сидящим и вышел, спиной ощущая холодок.

«Практицизм», — подумал он. Ему совершенно не понравилось увиденное: слишком похожие друг на друга стражники, холод в глазах у каждого. Ни о чем подобном Совет безопасности Земли не ведал, когда излагал свои планы и отдавал приказы. После демонтажа Тыловых Звезд между Пеллом и Солнечной не осталось промежуточных станций, и расширение зоны конфликта в направлении Земли было теперь маловероятно. Однако Мациану не удалось остановить натиск врага во Внеземелье… Он лишь усугубил ситуацию, довел вражду до опасного накала. Эйриса охватывал ужас при мысли о том, что Мациан способен восстановить Тыловые Звезды и укрепиться на них, открыв Унии исключительно

заманчивую перспективу.

Слишком долго на Земле правили изоляционисты… и вот пришлось принять горькое решение: сблизиться с этим монстром по имени Уния. Договоры, границы, таможни и тому подобное.

Если Черта будет прорвана, беды не миновать… Унии и самой по силам вернуть к жизни покинутые земные станции — идеальные базы для флота завоевателей. На Солнечной заложена новая эскадра, а пока она строится, мацияновцам предстоит играть роль пушечного мяса. Следующую шахматную партию будет вести Солнечная, а не эта деморализованная шайка, плюющая на приказы Компании… Самое главное — удержать Пелл, одну-единственную базу.

Под конвоем Эйрис спустился на несколько ярусов и устроился в отведенной посланникам квартире с достаточным удобством, что сразу вернуло ему уверенность в себе. Усевшись, он напустил на себя безмятежный вид и стал ждать коллег — они, как уверяли охранники, должны были появиться с минуты на минуту. Наконец они появились — взволнованные донельзя.

Эйрис настоял, чтобы охранники вышли, закрыл дверь и обвел глазами комнату, — безмолвный этот жест предупреждал об опасности

откровенных разговоров. Коллеги — Тед Марш, Карл Бела и Рамона Диас — поняли и не проронили ни слова. Эйрис всей душой надеялся, что до этого они не успели распустить языки.

Он не сомневался: кое-кто из его знакомых, а именно экипаж купца, попал в серьезный переплет. Считалось, что купцы могут пересекать Черту, почти ничем не рискуя. Иногда, правда, их вынуждали войти не в тот порт, куда они направлялись; бывало, их останавливал корабль Мациана, чтобы реквизировать часть груза или мобилизовать людей из экипажа. Но таков был удел торговцев, и они мирились с этим. А люди, доставившие агентов Компании на Викинг, будут сидеть в тюрьме, пока увиденное ими здесь и на Пелле униаты почтут за благо хранить в тайне. И Эйрис не в силах помочь им, он может лишь надеяться на их скорое освобождение.

В ту ночь он спал плохо, и задолго до наступления главной смены, как и предупреждала Андилина, его подняли с постели. Посланникам Земли обещали путешествие в глубь Унии, на Сытин — центральную базу мятежного Внеземелья.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ
ПЕЛЛ: ТЮРЬМА: КРАСНАЯ СЕКЦИЯ: 27.6.52

Он пришел опять.

Джош Толли увидел в окне лицо, появлявшееся там столь часто… Преодолев завесу мути, которая скрывала прошлое, Джош сообразил: он знает этого человека, тот принимал участие во всем, что выпало на его долю. На сей раз он поймал взгляд посетителя и, не сумев одолеть жгучего любопытства, поднялся с койки и на ватных ногах приковылял к окну. Он протянул руку навстречу молодому человеку… и застыл в нерешительности, ибо обычно люди сторонились его, он жил в белом чистилище, где вещи исчезали и появлялись, где ножи и вилки были тупыми, а блюда — безвкусными и где слова доносились издалека. Отринутый и одинокий, он плавал в этой белизне.

«Выходите, — говорили ему врачи. — Выходите, как только вам этого захочется. Снаружи целый мир, он примет вас в любую минуту».

Но здесь было покойно, как в материнской

утробе. Когда-то его, смертельно усталого, не способного даже пошевелиться, положили на эту кровать. С тех пор он изрядно набрался сил. Ему даже захотелось встать и рассмотреть этого незнакомца. Возвращалась отвага. Он понял, что выздоравливает, и эта мысль прибавила ему смелости.

Человек за окном шевельнулся, протянул руку, приложил ладонь к окну, как бы желая прикоснуться к руке Джоша. Онемевшие нервы вдруг проснулись, ожидая прикосновения, ошеломительного ощущения человеческого тепла. Да, за этим листом пластика существовала Вселенная — здравомыслящая, недоступная, отгородившаяся от него.

Словно загипнотизированный, он смотрел в темные глаза и исхудалое молодое лицо человека в коричневом костюме, и гадал, не сам ли это он, Джош, каким был вне утробы.

Но на Джоше было белое, и стоял он не перед зеркалом.

А главное — лицо. Чужое. Свое он помнил, хоть и смутно. Помнил свой давний, мальчишеский образ, а вот взрослый — запамятовал напрочь. Не детскую руку протягивал он к окну, и не детская рука тянулась ему навстречу. Произошло очень

многое, он не мог собрать все события воедино. Да и не хотел.

Не забывался только страх.

На лице за окном появилась улыбка — слабая, добрая. Джош ответил такой же и протянул другую руку, чтобы коснуться лица, но опять встретил холодный пластик.

— Выходите, — прозвучало за стеной, и он вспомнил, что может выйти. Он колебался, а незнакомец настойчиво звал его — Джош видел, как шевелятся его губы, потом донеслись слова.

Джош осторожно направился к двери, которая, как уверяли врачи, была всегда открыта.

Она неожиданно распахнулась, и он оказался лицом к лицу со Вселенной — неуютной, негостеприимной, даже опасной. Человек у окна глядел на него, но если Джош шагнет к нему, то наткнется на безжизненный пластик. А если человек нахмурится, Джошу будет некуда спрятаться.

— Джош Толли, — сказал молодой человек. — Я — Дэймон Константин. Вы меня помните хоть чуть-чуть?

Константин. Звучное имя. Оно означало Пелл — и власть. Больше оно не сказало Джошу ни о чем, за исключением того, что раньше Константин был его врагом, а теперь — нет. Все стерто

начисто. Все забыто. Джош Толли. Этот человек знал его. Ему тоже стоит… нет, он просто обязан вспомнить этого Дэймона…

Не получалось. Джош огорчился.

— Как вы себя чувствуете?

Сложный вопрос. Джош попытался разобраться в своих ощущениях и не сумел. Нужно было сосредоточиться, а мысли разбегались.

— Хотите чего-нибудь? — спросил Дэймон.

— Пудинга, — отозвался Джош, — фруктового. — Это было его любимое лакомство, без него не обходилась ни одна трапеза, кроме завтрака. Из еды ему давали все, чего бы он ни попросил.

— Как насчет книг? Не хотите ли почитать?

Книг ему еще ни разу не предлагали, и он приободрился, вспомнив, что любил читать.

— Да. Спасибо.

— Вы меня помните? — спросил Дэймон.

Джош отрицательно покачал головой.

— Извините, — смущенно произнес он. — Наверное, мы знакомы, но, видите ли, у меня что-то с памятью… Должно быть, мы познакомились после того, как я сюда попал.

— Вы многое забыли, но это естественно. Врачи говорят, все будет в порядке. Я два-три раза заходил проведать вас.

— Я помню.

— В самом деле? Скоро вы поправитесь, и будет очень хорошо, если вы найдете время прийти к нам в гости. Мы с женой будем очень рады.

Джош обдумал эти слова, и Вселенная расширилась, разрослась… Ему показалось, что он висит в пустоте.

— Ее я тоже знаю?

— Нет, но она наслышана о вас и хотела бы познакомиться.

— Как ее зовут?

— Элен. Элен Квин.

Джош повторил это имя одними губами, не давая ему выскользнуть из сознания. Купеческая фамилия. Впервые за эти дни он подумал о кораблях, вспомнил тьму и звезды. Его взгляд застыл на лице Дэймона, чтобы не утерялся контакт с единственной частицей реальности в изменчивом белом мире. Еще миг, и он снова мог оказаться в одиночестве, проснуться на койке в палате… в чистилище.

Его сознание изо всех сил цеплялось за действительность.

— Придите еще раз, — попросил он, — даже если я забуду. Пожалуйста, придите и напомните.

— Вы не забудете, — сказал Дэймон. — Но на

всякий случай я приду.

По щекам Джоша побежали слезы — такое с ним происходило часто. Это не означало ни печали, ни радости, только глубокое облегчение. Катарсис.

— Вам нездоровится? — встревожился Дэймон.

— Я устал. — У Джоша подкашивались ноги, надо было добраться до койки, пока не помутилось в голове. — Вы не зайдете?

— Мне запрещено входить, — ответил Дэймон. — Я пришлю вам книги.

Джош уже позабыл про книги. Он кивнул, обрадованный и смущенный.

— Я вернусь, — сказал Дэймон.

Джош повернулся и вошел в палату. Дверь затворилась. Чуть ли не в обмороке Джош повалился на кровать.

Надо больше ходить. Хватит лежать пластом. На ногах он поправится быстрее.

Дэймон. Элен. Дэймон. Элен.

Там, снаружи, — реальность. Впервые ему захотелось выйти туда. Там для него найдется место, когда придет время расстаться с «утробой».

Он посмотрел в окно: пустота. Страшный миг одиночества: это произошло в его воображении, это всего лишь сон, родившийся в царстве белиз-

ны… Нет, мир за стеной веществен, в нем звучат имена, он не зависит от сознания Джоша… либо Джош сходит с ума.

Прибыли книги — четыре кассеты для плейера. Он прижимал их к груди, сидя по-турецки на кровати, покачиваясь взад и вперед и тихонько смеясь. Это правда! Он соприкасался с реальным внешним миром, а мир соприкасался с ним!

Он огляделся. «Материнская утроба» была самой обыкновенной больничной палатой, и он больше в ней не нуждался.

КНИГА ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ГЛАВНАЯ БАЗА НА НИЖНЕЙ: 2.9.52

К утру небеса расчистились, осталось лишь несколько кудрявых облаков прямо над базой, да еще ряд — у северного окоема, над рекой. Видимость была отличная — обычно от горизонта до главной базы облака добирались около полутора суток. Погожий день давал возможность восстановить размытую дорогу, которая связывала между собой лагеря колонии. Ее обитатели уповали на то, что эта буря — последняя за зиму. На деревьях набухли, грозясь вот-вот лопнуть, почки, и ростки злаков, прибитые потопом к решетчатым оградам, дожидались прореживания. Первой предстояло осушить главную базу, затем, поочередно, все остальные вдоль реки, в которой, как сообщили с мельницы, заметно упал уровень воды.

Эмилио проводил взглядом вездеход, ползущий к реке по раскисшей дороге, повернулся к нему спиной и по пологой, хорошо утоптанной тропинке зашагал к холмам с утопавшими в них куполами — их сейчас было вдвое против преж-

него, уже не говоря о тех, что установили в других лагерях. Неумолчно пыхтели компрессоры, к этому пульсу человеческой жизни добавлялся надрывный рев насосов, — вода просачивалась в котлованы, несмотря на все усилия монтажников. Другие насосы трудились возле мельничных плотин и на полях. Они не остановятся, пока на полях из воды не покажется фундамент оград.

Весна. Наверное, запах, витавший в воздухе, туземцам казался восхитительным, люди же не могли оценить его по достоинству — им приходилось дышать сквозь влажные фильтры и клапаны противогазов. Изрядно потеплело, и почти весь день Эмилио блаженствовал, подставляя спину солнечным лучам. Низовики носились по лагерю, расточая силы, предпочитая десять пробежек с небольшим грузом одной ходке с полной кладью. Эмилио было невдомек, почему они еще работают, коль скоро весна с таким азартом вступила в свои права. В первую ясную ночь хиза перебудили своим щебетом всю базу, радостно тыча пальцами в звездное небо и приветствуя рассвет истошными воплями.

При виде знаков весны приободрились и люди, но куда им было до низовиков! Самки стали жеманны и соблазнительны, а самцы — легко-

мысленны. Окрестные леса и кустарники ожили щебетом и свистом — нежным и страстным пением туземцев; то ли еще будет, когда кущи окажутся в полном цвету!

Временами хиза теряли всякий интерес к работе и отправлялись в места, куда людям путь был заказан. Сначала поодиночке разбредались самки, следом за ними — настойчивые самцы. За лето немало самок-трехлеток полнели, круглели, насколько это возможно для похожих на вытянутую проволоку хиза, а зимой, укрывшись в норах, вырытых в склонах холмов, дарили жизнь крошкам — сплошные конечности и рыжая младенческая шерстка. А к весне малыши уже бегали сами.

Эмилио миновал игрище низовиков и по размытой каменистой тропке поднялся к операторской — самому высокому куполу на холме. Услышав шорох камней за спиной, он обернулся и увидел Атласку — балансируя раскинутыми руками и скривившись от боли, она босиком шла по его следам. Тропинка, усеянная острыми камнями, предназначалась для человеческих ног в сапогах.

Он улыбнулся, глядя, как хиза подражает его шагам; она остановилась и осклабилась в ответ.

Мягкие шкурки, бусы и лоскут красной синтетической ткани удивительно удачно сочетались с ее внешностью.

— Челнок, Константин-человек.

Верно, в этот погожий день ожидалось прибытие корабля. Значит, по крайней мере, некоторые туземцы не собирались прекращать работу, несмотря на сезон размножения. Эмилио пообещал Атласке отправить ее вместе с другом на станцию, и теперь, если кто из низовиков и сгибался под тяжестью ноши, то в нем можно было безошибочно узнать Атласку. Она лезла из кожи вон, чтобы произвести на Эмилио впечатление: дескать, глядеть, Константин-человек, я хорошо работать.

— Собралась лететь, — заключил он, рассмотрев ее повнимательней.

Похлопав по нескольким узелкам, наполненным неизвестно чем, она восторженно ухмыльнулась.

— Я собраться. — Тут на ее мордашку набежала тень печали, и она протянула к Эмилио открытые ладони.

— Входить. Любить ты, Константин-человек. Ты и ты-друг.

Жену. Хиза не ведали понятий «жена» и

«муж».

— Входи, — разрешил он, тронутый ее словами.

Глаза Атласки вспыхнули удовольствием. Низовики робели близ операторской, и очень редко кого-нибудь из них приглашали войти. Спустившись по деревянным ступенькам, он вытер о циновку сапоги, придержал дверь перед хиза и подождал, пока она наденет висящий на ее шее противогаз. Затем открыл внутренний люк.

Несколько человек оглянулись, кое-кто нахмурился и демонстративно вернулся к работе. В куполе многим техам принадлежали кабинеты, отделенные друг от друга низкими плетеными ширмами. Еще дальше находилась комната с единственной сплошной стеной, десять квадратных футов, — их Эмилио делил с Милико. Он отворил дверь возле встроенных шкафов и вошел в комнату с устланным циновками полом, — спальню и кабинет в одном лице. Атласка вошла следом, затравленно озираясь, как будто не меньше половины из открывшегося ее глазам видела впервые в жизни. «Непривычно ей под крышей», — понял он, воображая, какое потрясение ожидает низовиков, когда они прилетят на станцию. Ни ветра, ни солнца, кругом один

металл. Бедная Атласка!

— Ого! — воскликнула Милико, отрываясь от карт, разложенных на кровати.

— Любить ты. — Атласка мигом преобразилась — ни следа испуга. Она подошла к Милико, обняла и прижалась щекой к ее щеке, насколько позволила дыхательная маска.

— Ты улетаешь? — спросила Милико.

— Лететь ты-дом. Увидеть дом Беннет. — Она помолчала, застенчиво сложив руки за спиной, покачиваясь и переводя взор с Милико на Эмилио и обратно. — Любить Беннет-человек. Увидеть он-дом. Заполнить глаза он-дом. Делать глаза тепло-тепло…

Временами речь низовиков казалась людям сущим бредом, но иногда сквозь бессвязную болтовню проникали удивительно ясные мысли. Эмилио несколько виновато посмотрел на Атласку. Люди давно познакомились с низовиками, но мало кому удавалось вникать в их щебет. Больше всех в этом преуспел Беннет.

Хиза любили подарки. Эмилио вспомнил о раковине, найденной им на берегу реки. Сейчас эта раковина лежала на полке у кровати. Он взял ее и протянул Атласке. Ее темные глаза засияли, и она обхватила его за талию.

— Любить ты!

— Я тоже тебя люблю, Атласка. — Он обнял ее за плечи, проводил мимо кабинетов в шлюз и смотрел сквозь прозрачный пластик, как она отворяет наружный люк, снимает противогаз, ухмыляется и машет рукой.

— Я идти работать, — крикнула она.

Челнок прилетел по расписанию. Человек не стал бы работать в день своего отлета, а занялся бы сборами, но Атласка хлопнула дверью и нетерпеливо засеменила вниз, словно опасалась, что люди передумают в последний момент. А может быть, Эмилио не следовало приписывать ей человеческие мотивы, возможно, то, что он счел энтузиазмом, на самом деле было радостью или благодарностью. Низовикам бесполезно растолковывать термин «зарплата» — дары, говорят они. Вот Беннет Джасинт понимал их. Низовики ухаживали за его могилой, клали на нее самые красивые раковины и шкурки, ставили причудливые узловатые статуэтки.

Эмилио вернулся к себе в комнату, повесил куртку на крючок, а противогаз оставил на шее — с этим украшением колонисты Нижней расставались только на ночь.

— Станция дала прогноз погоды, — сообщила

Милико. — У нас всего день, от силы два. С моря движется сильный ураган.

Он выругался: вот тебе и надежды на весну. Милико раздвинула карты, освобождая место, он сел и принялся изучать кальку с красными контурами затопленных участков. Район затопления протянулся вдоль нитки бус. Бусинами были лагеря, а нитью — грунтовая дорога, вручную прорубленная в зарослях.

— Будет еще хуже, — Милико вздохнула, показывая ему топокарту. — Комп обещает дождь, нас снова затопит в синих зонах. Как раз до порога второй базы. Но грейдер большей частью останется над водой.

Эмилио поморщился.

— Будем надеяться.

Дорога была нужна позарез. На полях вода могла стоять неделями, не причиняя особого ущерба, — местным злакам в начале вегетации обилие влаги было просто необходимо, а решетчатые перегородки не давали росткам уплыть вниз по реке. Хуже всего, когда страдают механизмы и настроение людей.

— Низовики правы, — задумчиво произнес Эмилио. — С началом весенних дождей надо сниматься и уходить. Туда, где цветут деревья.

Любить. Ждать, пока созреют колосья.

Милико усмехнулась, делая отметки карандашом на топооснове.

Эмилио вздохнул украдкой и положил на колени пластиковую доску, заменявшую письменный стол. Надо было написать несколько приказов, изменить очередность получения оборудования. «Возможно, — подумал он, — если хорошенько попросить низовиков и предложить какие-нибудь особые подарки, они согласятся повременить с сезонным дезертирством». Жаль было расставаться с Атлаской и Синезубом, — этой парочке всегда удавалось в яростных спорах убедить сородичей сделать то, чего хотелось Константину-человеку. Но долг платежом красен, а сейчас Константин мог дать Атласке и Синезубу то, чего хотели они. Прежде чем нахлынет весна и заставит их потерять голову.

Эмилио и Милико распределили ветеранов Нижней, стажеров и перемещенных из "К" между всеми новыми базами, стараясь не допустить скопления людей, склонных к учинению беспорядков. Они стремились сделать беженцев не рабами, как те опасались, а сотрудниками. Пытались создать на Нижней устои этики. В лагеря перевели только добровольцев, а не же-

лающих пришлось оставить на главной базе, в многократно увеличенном и залатанном куполе — он медузой распластался по огромному холму и превратился в источник постоянной головной боли для администрации.

Техи-ветераны заняли несколько соседних куполов, выбрав самые комфортабельные. Они упорно отказывались менять условия жизни на худшие — в штольнях или новых лагерях, наедине с лесом, наводнениями, "К" и чужими хиза.

Коммуникации всегда были одной из самых тяжелых проблем Нижней. База поддерживала связь с центральным комом станции, на планете же идеальными были бы авиарейсы, но единственный хрупкий самолет, построенный на Нижней, разбился при посадке два года назад. Легкие самолеты — не для ураганных ветров Пелла. Расчистить посадочную площадку для челнока… да, это было запланировано, во всяком случае, для третьей базы, но о вырубке деревьев надо договориться с низовиками, а это совсем не просто. При той обеспеченности техникой, которую удавалось поддерживать на планете, наилучшим средством сообщения были и остались гусеничные вездеходы, медлительные и

спокойные, как поступь туземной жизни. Пыхтя, ползали они по воде и грязи, изумляя и веселя низовиков. Бензин, зерно, древесина, зимние овощи, сушеная рыба… Попробовали одомашнить мелких, по колено человеку, питсу, на которых охотились туземцы. («Вы плохо делать, — заявили тогда низовики. — Они тепло лагерь, и вы есть. Нет хорошо это».) Но на главной базе низовики стали пастухами и привыкли к домашнему скоту. Так распорядился Лукас, и из всех его проектов не провалился только этот. На Нижней люди жили неплохо и даже при таком нашествии переселенцев могли прокормить и себя, и станцию. Однако риск был немалый. Фабрики на станции и здесь, на Нижней, работали безостановочно. Экономически независимые, они могли произвести любую вещь из тех, которые обычно импортировались, выполнить любую заявку не только баз, но и перенаселенной станции, и даже кое-что припасти. И все-таки кризис застал Нижнюю врасплох. Неудержимый рост населения, бремя забот об изнеженных станционерах, о себе самих и о беженцах, доселе ни разу не высаживавшихся на планету… Торговля, некогда объединявшая Пелл, Викинг, Маринер, Эсперанс, Пан-Париж, Рассел, Вояджер и прочие станции Великого

Кольца, погибла. Ни одна станция, кроме Пелла, не смогла бы выжить в одиночку. Только Пелл располагал пригодной для жизни планетой и рабочими руками.

И вот из-под сукна вынуты старые планы, действуют первые бригады, осваиваются месторождения, производятся изделия, которых в системе Пелла и так достаточно, — производятся на черный день. За лето людям предстоит составить широкие программы и приступить к их осуществлению с началом осени, когда студеные ветра приведут хиза в чувство, и они будут работать на людей не покладая рук, но и о себе не забывая, ведь надо же натаскать мягкого мха в норы под лесистыми склонами холмов.

Человеческое население Нижней учетверилось, и теперь лику планеты придется измениться. Эта мысль огорчала и Эмилио, и Милико. На картах, с которыми не расставалась Милико, были отмечены прекрасные места, которыми так дорожили хиза. Они считались священными, и появление человека могло только осквернить их.

Надо добиться, чтобы совет объявил их заповедными при жизни нынешнего поколения, уже в этом году, не то будет поздно. Техногенез

показывает зубы, на лике Нижней уже видны шрамы… Дым, пни, уродливые купола, поля по берегам реки, грязные дороги… Собираясь на Нижнюю, Эмилио и Милико мечтали украсить ее: вырастить сады, замаскировать дороги и купола. Но пока это было невозможно.

Они решили по крайней мере не уродовать планету. Они любили Нижнюю и за хорошее, и за плохое: за весенние безумства хиза, за свирепость бурь. Люди всегда могли найти убежище на станции, где их поджидали стерильные коридоры и мягкая мебель, но Милико и Эмилио прекрасно себя чувствовали и здесь. Ночами они занимались любовью под неутомимый барабанный бой дождя по пластиковому куполу, под пыхтенье компрессоров и дикий хор лесных созданий. Они любовались ежечасными метаморфозами неба, ветра, шелестящего травой, и леса, обступившего базу. Они потешались над проделками низовиков, они правили целым миром, где могли изменить все, кроме погоды. Они оставили родной дом, близких и иной, уютный мир, но говорили о том, что в будущем надо бы поставить отдельный купол. Хотя думать о настоящем доме нужно было раньше, когда строительство базы шло по плану. До прибытия Мэллори и беженцев.

До "К".

Теперь они мечтали только о сохранении нынешнего уровня жизни. Перемещали людей под конвоем и боялись этих людей. Открывали наспех оборудованные базы, пытались заботиться о природе и о низовиках и делали вид, что все идет как задумано.

Он дописал приказы, вышел и вручил их Эрнсту — диспетчеру, бухгалтеру и оператору компа. Здесь всем приходилось совмещать обязанности.

Возвратившись в спальню-кабинет, он взглянул на Милико и кипу карт на ее коленях.

— Как насчет ленча? — На мельницу он намеревался идти после обеда, а сейчас мечтал лишь о чашке кофе в спокойной обстановке и о еде, готовящейся в микроволновой печи — еще одной роскоши в этом куполе, положенной ему по чину. Просто посидеть, отдохнуть…

— Я почти готова, — откликнулась жена.

Три резких удара колокола положили конец приятным ожиданиям. Челнок прибыл задолго до срока. Эмилио ждал его к вечеру. Он сокрушенно покачал головой. И все же для ленча время еще есть…

До посадки челнока в операторской не успели управиться с ленчем, даже диспетчеру Эрнсту

приходилось работать, то и дело откусывая от сэндвича. Предстоял тяжелый день.

Эмилио проглотил последний кусок, допил кофе и взял куртку. Милико натянула свою.

— Еще привезли субчиков из "К", — донесся шепот от диспетчерского пульта. Чуть позже голос Эрнста зазвучал на весь купол: — Двести душ. Напихали их в морозильный трюм, как снулую рыбу. Ну и что прикажете с ними делать?

Вопрос адресовался челноку, и вскоре последовал ответ, но лишь несколько слов внятно прозвучали сквозь помехи. Раздраженно покачав головой, Эмилио подошел к Джиму Эрнсту и склонился над его столом.

— Передай, что придется пожить в тесноте, пока мы не отправим новичков в лагеря.

— Почти все "К" вернулись домой на ленч, — напомнил Эрнст, давая понять, что подобные заявления опасны — беженцы склонны к истерикам.

— Передавай, — велел Эмилио, и Эрнст заговорил в микрофон.

Эмилио надел противогаз и вышел. Милико поспешила следом.

Самый большой станционный челнок исторг из своего чрева заказанные товары. Куда большее

количество припасов, упакованное в контейнеры, ожидало в складских куполах погрузки и полета в обратном направлении.

Как только Эмилио и Милико перебрались через холм к посадочной площадке, на трап вышел первый пассажир. Измученные люди в дождевиках, очевидно, натерпевшиеся в пути смертельного страха, толпились в шлюзе. Их было гораздо больше, чем обещала станция, уж гораздо больше, чем требовалось Нижней. Сравнительно неплохо выглядели только малочисленные добровольцы из проигравших в лотерею; спускаясь по трапу, они отходили в сторону. Охрана, высыпавшая из челнока, с оружием наизготовку дожидалась конца высадки, чтобы сбить перемещенных в плотную толпу. Среди вновь прибывших были старики и по меньшей мере дюжина детей — семьи и обломки семей; короче говоря, люди, которым бы не поздоровилось в станционном карантине. Их переселили из соображений гуманности, не подумав о том, что на Нижней за пользование жильем и компрессором принято расплачиваться трудом. Придется искать им работу по силам, а что касается детей, слава Богу, что среди них нет слишком маленьких. Малыши не то что работать — противогазы

носить не способны, а ведь в них еще надо вовремя менять фильтры.

— Сколько слабых, — сказала Милико. — О чем только думает твой отец?

Эмилио пожал плечами.

— По-моему, у нас все же получше, чем в "К" наверху. Надеюсь, они привезли новые компрессоры. И пластиковые покрытия.

— Держу пари, что нет, — уныло произнесла Милико.

Со стороны базы, с вершины холма, донеслись пронзительные вопли низовиков. Эмилио привык к ним; бросив взгляд через плечо, он ничего особенного там не увидел. Но высадка при этих звуках прекратилась, несмотря на понукания охранников и экипажа.

Вопли не утихали. Это уже было странно. Эмилио повернулся, Милико тоже.

— Побудь здесь, — сказал он. — Присматривай за ними.

Он побежал по тропинке на холм, быстро теряя силы из-за противогаза. С гребня он увидел купола, а перед самым большим — кольцо низовиков вокруг дерущихся людей. Из карантинного купола выбегали переселенцы.

Со свистом втянув воздух, Эмилио бросился

вниз по склону. От живого кольца отделился туземец и со всех ног пустился навстречу. Атласкин Синезуб. Эмилио узнал его по необычному для молодых самцов красно-коричневому окрасу.

— Человеки-Лукас, — прошипел Синезуб, приплясывая от волнения и размахивая руками. — Человеки-Лукас все обезуметь.

Пояснений не требовалось, Эмилио увидел Брана Хэйла и команду полевых надзирателей с винтовками наперевес. Хэйл и его люди вытащили из толпы подростка и сорвали с него дыхательную маску. Бедняга кашлял и синел от удушья, а надзиратели, похоже, не собирались возвращать ему противогаз. Находясь под прицелом, товарищи по "К" ничем не могли ему помочь. Видимо, его взяли заложником.

— Прекратить! — выкрикнул Эмилио. — Немедленно прекратить!

Никто не подчинился. Он ринулся в толпу надзирателей. Синезуб не отставал ни на шаг. Эмилио растолкал вооруженных людей. Внезапно он осознал, что прибежал с голыми руками, а свидетелей, кроме низовиков и "К", нет.

Надзиратели расступились. Он вырвал паренька из их рук, и тот рухнул. Спиной ощущая прицелы, Эмилио опустился на колени, поднял

из грязи противогаз и прижал к лицу юноши. Пять-шесть "К" попытались приблизиться, но один из людей Хэйла выстрелил им под ноги.

— Хватит! — закричал Эмилио. Он встал, чувствуя, как дрожит каждый мускул его тела, и посмотрел на несколько десятков рабочих из "К" (остальные застряли в шлюзе купола) и на десять охранников с ружьями наперевес. Он думал о мятеже и о Милико, оставшейся за холмом. Сейчас эти люди бросятся на него...

— Назад! — крикнул он "К". — Успокойтесь! — И, повернувшись к молодому, угрюмому и дерзкому Брану Хэйлу, спросил: — Что здесь произошло?

— Попытка к бегству, — буркнул Хэйл. — При задержании уронил маску. Пытался захватить оружие.

— Он врет! — хором завопила толпа.

— Нет, не вру! Они не хотят, чтобы к ним в купол подселяли новых беженцев. Устроили драку, а этот подонок хотел удрать. Но мы его поймали.

Толпа снова возмущенно закричала. Заплакала стоявшая впереди женщина.

Эмилио огляделся. Ему и самому дышалось нелегко, а парень у его ног корчился и хрипел, приходя в себя. Низовики сбились в стайку, их темные глаза смотрели угрюмо.

— Синезуб, — произнес Эмилио, — что случилось?

Глаза Синезуба стрельнули в людей Хэйла. Хиза промолчал.

— Мои глаза видеть. — Атласка твердым шагом подошла к Эмилио и несколько раз огорченно подпрыгнула. Ее голос звучал резко. — Хэйл бить он-друг твердо ружье. Больно бить оно.

Команда Хэйла отозвалась насмешливыми, а "К" — возмущенными возгласами. Эмилио громко потребовал тишины. Атласка не солгала. Он знал низовиков, и он знал Хэйла.

— С него сорвали противогаз!

— Сорвать, — подтвердила Атласка и сжала губы. В ее зрачках отразился страх.

— Ладно. — Эмилио втянул ртом воздух и посмотрел прямо в бесстрастное лицо Брана Хэйла. — Поговорим у меня в кабинете.

— Поговорим здесь, — отрезал Хэйл. Его окружали сообщники. Сила была на его стороне.

Эмилио ответил ему столь же твердым взглядом. Больше ответить было нечем. Ни оружия под рукой, ни помощников.

— Низовик не свидетель, господин Константин, — процедил Хэйл. — Вам не обвинить меня со слов туземца. Никогда, сэр!

Эмилио мог вернуться на посадочную площадку, — вполне вероятно, техи в операторской, да и кадровые рабочие у себя в куполах видели, что произошло. А может, они предпочли ничего не видеть. От «случайной» гибели на Нижней не был застрахован никто, даже Константин. Слишком долго здесь хозяйничали Джон Лукас и его подручные. Эмилио следовало отойти, запереться в операторской, попросить команду челнока о помощи. Но тогда все будут знать, что угроза Эмилио Константину может остаться безнаказанной.

— Собирайтесь, — решительно произнес он. — Полетите на челноке. Все.

— По доносу сучки-низовки?! — Хэйл мигом утратил все свое самообладание и сорвался на крик. Стволы уже смотрели на Эмилио.

— По моему свидетельству. Вон отсюда. Полетишь на челноке. Здесь тебе делать нечего.

Лицо Хэйла застыло, глаза забегали. Кто-то нажал на спуск, но заряд угодил в грязь — один из "К" успел ударить по стволу. Прошло несколько секунд. Момент для мятежа был упущен.

— Прочь отсюда, — повторил Эмилио. Весы власти склонились на его сторону. К надзирателям подступили рабочие из "К" со своим главарем Вэем. Хэйл стрельнул глазами налево-направо,

поиграл желваками и наконец резко кивнул приспешникам. Они побрели к казарме. Эмилио проводил их взором, все еще не веря, что беда миновала.

Синезуб, стоявший поодаль, протяжно и с присвистом выдохнул, а Атласка сплюнула. У Эмилио все еще дрожали руки. В стороне оглушительно затрещало — воздушный шлюз не выдержал «пробки». Эмилио посмотрел на толпу, с которой остался один на один.

— Вы пустите к себе перемещенных. Без скандалов и попреков. В самое ближайшее время мы с вашей и с их помощью оборудуем новое жилье. Или хотите, чтобы они спали под открытым небом?

— Хорошо, сэр, — ответил через секунду Вэй.

Эмилио шагнул в сторону, уступая место плачущей женщине. Она наклонилась к юноше, который уже пытался сесть. Мать, догадался Эмилио. Приблизились еще несколько человек и суетливо помогли парню встать.

Эмилио взял его под руку.

— Тебе надо к врачу. — И — к толпе: — Прошу двоих отвести его в операторскую.

"К" медлили — вне своего купола им запрещалось ходить без конвоя. Только сейчас Эмилио

спохватился, что оставил базу без надзора.

— Приведите купол в порядок, — велел он остальным. — Мы еще обо всем поговорим. — И поспешил добавить, пока находился в центре внимания: — Посмотрите вокруг. Это — целый мир, и он — против нас. Помогите нам. Если есть жалобы, обращайтесь ко мне. Я позабочусь о том, чтобы вы получили довольствие. Мы все живем в тесноте, даже я. Не верите — пойдемте, покажу свою комнату. Это потому, что мы строим. Так давайте строить вместе, и всем будет хорошо.

На него смотрели испуганные, неверящие глаза. Эти люди прилетели на переполненных, погибающих кораблях. На станции их заперли в карантине, в грязных и тесных комнатушках, а перемещаться позволяли только под прицелом оружия. Эмилио выпустил из груди воздух. И гнев.

— Идите. Хватит скандалить. Займитесь делом. Подготовьте место для новичков.

Толпа зашевелилась. Юноша и двое его молодых друзей двинулись к операторской, остальные — к куполу. Хлипкий люк закрывался снова и снова, отсекая небольшие группы, пока не вошли все. Заработал компрессор, и на приплюснутом куполе начали разглаживаться морщины.

Рядом щебетали, подпрыгивая, мохнатые существа. Низовики остались с Эмилио. Он протянул руку и коснулся Синезуба, и тот в свою очередь дотронулся до человеческой руки и несколько раз подскочил, успокаиваясь. С другой стороны от Эмилио, обхватив себя за плечи, стояла Атласка, глаза ее были темнее и шире обычного. Его окружали низовики, с их физиономий не сходило выражение растерянности. Людская злоба, хладнокровное насилие были для них непостижимы. Низовик способен ударить, но только в порыве гнева. Эмилио ни разу не замечал, чтобы хиза объединялись для войны, не видел у них оружия. Нож служил им только рабочим инструментом и охотничьей снастью. И убивали они только зверей, которыми питались.

«О чем они сейчас думают? — гадал он. — Что они могут вообразить при виде людей, стреляющих друг в друга?»

— Мы лететь Верхняя, — сказала Атласка.

— Да, Атласка и Синезуб, — кивнул он. — Вы летите. Это хорошо, что вы сказали мне про Хэйла.

Большинство низовиков обрадованно запрыгали. Видимо, они сомневались, что поступили правильно. Эмилио вдруг сообразил, что приказал Хэйлу и его людям лететь на этом же челноке.

Их мстительность могла серьезно осложнить дело.

— Я поговорю с главным человеком на корабле, — пообещал он. — Вы и Хэйл полетите в разных местах, обещаю. Ни о чем не беспокойтесь.

— Хорошо, хорошо, хорошо. — Атласка прижалась к нему. Он погладил ее по плечу, повернулся, давая Синезубу обнять себя, и похлопал его по меху, не столь пушистому, как у самки. Потом он прошел по склону холма и остановился на гребне при виде человеческих фигур.

Милико. Двое охранников с челнока. У всех оружие. Ему порядком полегчало от мысли, что в тылу у него все-таки есть кое-кто. Он успокаивающе помахал рукой и торопливо зашагал дальше. Милико бросилась навстречу. Они обнялись.

— Я отправляю с вами несколько человек, — сказал Эмилио подошедшим охранникам. — Здесь они не нужны, особенно с оружием. Еще с вами полетят низовики. Я хочу, чтобы эти группы ни в коем случае не соприкасались.

— Да, сэр. — Лица обоих охранников остались бесстрастными.

— Можете возвращаться. Все в порядке. Ведите к нам перемещенных.

Охранники отошли. Милико одной рукой держала отобранное у кого-то оружие, а другой обнимала мужа.

— Хэйл и его компания взбунтовались. Я отсылаю их.

— И оставляешь нас без охраны?

— "К" хлопот не причинит. Я сообщу наверх. — У Эмилио сжался желудок. Начиналась реакция. — Наверное, они увидели тебя на холме, потому и опомнились.

— Мы подняли тревогу. Правда, я думала, тут виноваты "К". Челнок связался с центральной.

— Значит, надо пойти в операторскую и дать отбой.

Они в обнимку спустились к куполу. У Эмилио подкашивались колени.

— Меня там не было, — сказала она.

— Где?

— На холме. Когда мы поднялись, тут оставались только низовики и "К".

Он выругался, поражаясь своей отчаянной браваде.

— Ничего не скажешь, ловко мы избавились от Брана Хэйла.

Они добрались до озерца на дне котловины, которую снова предстояло осушать, прошли по

мостику к операторской. Там врач осматривал юношу, а рядом с пистолетами в руках стояли два теха, нервно косясь на гостей из "К". Эмилио раздраженно махнул техам, и они неохотно спрятали оружие.

«Вооруженный нейтралитет», — подумал Эмилио. Техи выжидали, чтобы стать на сторону победителя. Он не сердился на них, а просто был разочарован.

— Ну как, сэр, порядок? — спросил Джим Эрнст.

Эмилио кивнул, глядя на свой персонал и на "К".

— Свяжись со станцией, — сказал он через секунду. — Сообщи, что все улажено.

Они угнездились в большом пустом брюхе корабля, в темном месте, подысканном для них людьми. Здесь разносилось страшное эхо механизмов, дышать можно было только с противогазами, и еще неизвестно, сколько еще испытаний их ждет. Следуя совету людей, они привязались к железке, за которую полагалось держаться руками. Прижимаясь к Синезубу-Далют-Хоз-Ми, Атласка дрожала от страха. Почему им сказали, что надо привязаться? Она не представляла, что корабль в неистовстве способен раздавить ее

насмерть. Она думала о нем как о чем-то величественном и прекрасном, вольном, будто птица, парящая в небе. Она боролась с дрожью, вжимаясь в подушки. Рядом дрожал Синезуб.

— Вернуться, — решился сказать он, поскольку выбор был сделан не им.

Она стиснула зубы, чтобы не выкрикнуть: «Да!». Позвать людей и сказать: два очень маленьких и очень несчастных низовика передумали, хотят домой.

Но тут заработали двигатели — они знали, что это двигатели… слышали не раз, а теперь еще и ощущали их, цепенея от ужаса.

— Мы увидим Великое Солнце, — произнесла она, понимая, что теперь это неизбежно. — Мы увидим дом Беннета.

Синезуб прижал ее крепче.

— Беннета, — повторил он имя, приятное сердцу обоих. — Беннета Джасинта.

— Увидим духи-образы Верхней.

— Увидим Солнце.

На них давила страшная тяжесть, она нарастала, еще немного — и размозжит. Атласке было больно в объятиях Синезуба, но она и сама прижималась к нему изо всех сил. Ей вдруг пришло в голову, что людям эта убийственная сила вовсе

не страшна, что люди, возможно, забыли о двух несчастных существах, погибающих в кромешной мгле. Нет! Хиза не погибнут! Они превозмогут эту великую силу, и прилетят, и увидят все диковины Верхней. Увидят звезды, и лик Великого Солнца наполнит теплом их глаза.

Да, все это ждет их впереди. Пришла весна, и в жилах Атласки вспыхнуло пламя, и она выбрала свое Путешествие, и не свернет с полдороги. Самое далекое из всех Путешествий… в самое высокое место на свете. Там пройдет ее первая Весна.

Тяжесть отпускала, но они все еще жались друг к дружке. Их предупредили: полет будет очень долог. Они не должны отвязываться, пока за ними не придут. Константин научил их, как себя вести, пообещал, что ничего плохого с ними не случится. Интуитивно Атласка верила в это, и уверенность росла по мере того, как таяла тяжесть. Несомненно, самое трудное испытание осталось позади. Они летят.

Она сжимала в кулачке раковину Константина, а на талии ее алела тряпочка, самое дорогое сокровище, — по имени этого подарка ее назвал сам Беннет. Со своими сокровищами ей было как-то спокойнее. И с Синезубом, который день

ото дня казался все привлекательней, причем не только из-за весеннего тепла. Ростом он не выделялся, а уж красотой и подавно, зато был умным и здравомыслящим.

Впрочем, не всегда. Он порылся в узелке и вытащил лозинку с лопнувшими почками… Снял противогаз, понюхал листья и протянул Атласке. Лозинка мигом пробудила в памяти родину, берег реки, обещание.

Атласка ощутила наплыв тепла, причем не снаружи (в отсеке было прохладно), а изнутри. Она даже вспотела. Как странно находиться рядом с ним и не видеть перед собой открытых просторов, не бежать в манящую даль, где стоят одни лишь образы.

Они странствовали по чужому пути, в те края, откуда на их мир взирало Великое Солнце, надо было только ждать. Вначале нервно, затем все спокойнее, даже легкомысленно, она принимала ласки Синезуба, ибо таковы были правила игры, в которую они могли бы играть на Нижней, не окажись он самым решительным из самцов и не согласись лететь с ней. Он был рядом, и это было очень хорошо.

Тяжесть улетучилась, и они в страхе прижались друг к другу. Но люди предупреждали их

об этом, о Великом Времени Необычного. Они рассмеялись, и соединились, и затихли, дивясь кусочку цветущей веточки, что плыла воздухе, смешно отскакивая и возвращаясь, когда они по очереди били по ней ладонями. Атласка осторожно протянула руку, схватила черенок и со смехом отпустила на волю.

— Вот где живет Солнце, — предположил Синезуб.

«Наверное», — подумала она, вообразив величественное Солнце, шествующее в ореоле своего могущества, и саму себя, купающуюся в его сиянии, плывущую вверх, к металлическому жилищу людей, которые простирали к ней руки.

Снова и снова соединялись они, содрогаясь в спазмах упоения.

По прошествии очень долгого времени наступила перемена: очень слабое давление. Но мало-помалу на хиза вновь навалилась тяжесть.

— Спускаемся, — подумала Атласка вслух.

Они не отвязывались, помня напутствие людей: все будет хорошо, надо только ждать.

Внезапно корабль несколько раз тряхнуло, и раздался ужасный шум. Низовики снова схватили друг дружку в объятья. Но теперь под ними была твердая опора. Громкоговоритель над голо-

вами на разные голоса принялся выкрикивать наставления, и, к счастью, в них не звучало паники. Самые обычные голоса спешащих людей, которым не до шуток.

— Наверное, все хорошо, — сказал Синезуб.

— Я думаю, надо оставаться здесь.

— Люди забудут.

— Не забудут. — Но и сама она испытывала сомнения — больно уж заброшенным казалось это место, где лишь жиденькое свечение наверху соперничало с мраком.

С оглушительным лязгом распахнулась дверь. За нею не оказалось ни холмов, ни леса, одно лишь ребристое горло коридора, дохнувшее холодом. Вошел человек в коричневой одежде, с портативным автопереводчиком в руке.

— Выходите, — велел он, и низовики поспешили отвязаться. Атласка поднялась на непослушные ноги, оперлась на Синезуба. Он тоже зашатался.

Человек протянул им дары — серебряные таблички для ношения на шее.

— Ваши номера, — произнес он. — Не снимайте никогда.

Спросив их имена, он указал на коридор.

— Пошли со мной. Надо вас зарегистрировать.

Они двинулись следом за ним по жуткому коридору, в такое же стылое металлическое место, как то, в котором прилетели, — только намного просторнее. Атласка дрожала и озиралась.

— Мы на большом корабле, — сказала она. — Это тоже корабль. — И осведомилась у человека: — Мы Верхняя?

— Это станция, — ответил человек, и у Атласки кольнуло сердце. Она-то ждала совсем другого. Ей удалось успокоить себя мыслью, что все это ждет впереди.

2. ПЕЛЛ: СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЯТЫЙ ЯРУС: 2.9.52

В квартире было прибрано, вещи наспех рассованы по корзинам. Дэймон поежился и поднял воротник пиджака. Элен все еще одевалась, одергивала платье на талии — видимо, немного жало. Она примеряла уже второй наряд, но и он не подходил.

Подойдя сзади, Дэймон обнял жену за талию и нежно прижал к себе, встретясь с ее взглядом в зеркале.

— Ты выглядишь великолепно. Полнота слегка заметна, ну и что с того?

Она пристально посмотрела в зеркало на себя и на мужа, положила ладонь на его руку.

— Я выгляжу так, будто попросту толстею.

— Ты замечательно выглядишь, — возразил он, ожидая улыбки, но лицо Элен в стекле оставалось расстроенным. Он помолчал, прижимая ее к себе — похоже, ей этого хотелось.

— Все в порядке? — спросил он наконец.

Вероятно, сказывалась усталость. Элен только что вернулась с работы и не смогла по дороге купить свою привычную косметику… наспех выбрала кое-что в магазине. Да и нервничала по поводу предстоящего ужина. Отсюда натянутость и раздражение по пустякам.

— Неужели тебя так волнует этот Толли?

Она медленно провела пальцами по его руке.

— Да нет. Но я по-прежнему не уверена, что знаю, о чем с ним говорить. Ни разу не сидела за столом с униатом.

Дэймон опустил руки, поглядел ей в глаза. Утомительные приготовления… и нервозность. Этого-то он и боялся.

— Элен, ты сама предложила. Я спрашивал тебя, стоит ли… Если тебе неловко…

— Он уже четвертый месяц бередит твою совесть. Не обращай на меня внимания, я просто слегка боюсь.

Подчеркнутая готовность идти навстречу —

что это? Изъявление благодарности? Или способ показать, что она озабочена? Он вспомнил долгие вечера, когда они сидели в раздумьях за столом, он — в своем кресле, а она — в своем… У каждого собственный гнет: у нее — «Эстель», а у него — судьбы приговоренных. В один из таких вечеров он рассказал ей про Толли, а она поведала о своей печали, и вот у нее появился шанс… да, такие жесты — как раз в духе Элен. Он не мог припомнить, делился ли когда-нибудь с ней своими нравственными мучениями; видимо, именно поэтому проблема Толли стала и ее проблемой, которую надо решить во что бы то ни стало. Униат. Что она сейчас переживает, какие чувства испытывает?

— Не смотри на меня так. Говорю тебе, я немного трушу. О чем прикажешь с ним беседовать? О добрых старых временах? Господин Толли, мы с вами случайно не встречались? Может быть, в перестрелке? Или о моей семье? Как поживают ваши родственники, господин Толли? Или о больнице? Понравилось ли вам на Пелле, господин Толли?

— Элен…

— Ты спросил, я ответила.

— Хотел бы я знать, каково тебе.

— А тебе? Только честно.

— Неловко, — признался он, опершись о стол. — Но, Элен…

— Хочешь знать, что я чувствую? Тяжесть. Одну лишь тяжесть. Он придет сюда, и надо будет его развлекать. Если честно, я не представляю, как. — Она повернулась к зеркалу и дернула поясок платья. — Надеюсь, он будет любезен и весел, и мы проведем приятный вечер.

Дэймон предвидел иное.

— Надо сходить за ним, — произнес он, — а то он так и будет ждать. — Тут его осенило: — Почему бы нам не поужинать в ресторане? Это же куда проще: не придется играть роль хозяев.

Ее взор просветлел.

— Там и встретимся. Я займу столик. Тут нет ничего, что не может полежать в холодильнике.

— Действуй. — Он поцеловал жену в ухо (оно было ближе всего) и, легонько шлепнув ее, в спешке вышел.

Толли вызвали через пульт на столе охраны, и вскоре он выскочил в коридор. Костюм с иголочки, все остальное тоже новое. Дэймон двинулся навстречу, протягивая руку. Когда Толли пожимал ее, на его лице мелькнула улыбка.

— Вы уже прошли регистрацию. — Дэймон взял со стола и вручил ему маленький пласти-

ковый бумажник. — Со временем понадобится перерегистрироваться, но это уже будет сделано автоматически. Здесь ваше удостоверение личности, кредитная карточка и листок с компьютерным номером. Номер запомните, а листок уничтожьте.

Заметно растроганный, Толли вытащил документы.

— Я свободен?

Очевидно, персонал больницы не нашел времени сообщить ему об этом. Его тонкий палец дрожал, скользя по четко отпечатанным словам. Он читал вновь и вновь, пока Дэймон не коснулся его рукава и не повел по коридору.

— Вы отлично выглядите. — Дэймон не кривил душой. Впереди в дверях появились два отражения: темное и светлое. Твердая орлиная смуглость Дэймона и утонченная бледность Толли… словно иллюзия. Дэймону вдруг подумалось об Элен и стало не по себе: рядом с Толли он остро ощущал свои недостатки… И дело тут было не только во внешности униата, но и во взгляде… который и до Урегулирования был таким же невинным.

«О чем прикажешь с ним беседовать? — эхом прозвучал в душе трудный вопрос Элен. — Извиниться? Прости, я не удосужился своевременно

прочитать твое досье. Прости, что я наказал тебя. К этому нас вынудили обстоятельства. А разве в обычных обстоятельствах мы всегда поступаем справедливо?»

Он отворил дверь, и в проеме Толли встретился с ним глазами. «Ни горечи, ни упрека. Он не помнит. Не может помнить».

— У вас так называемый «белый» пропуск, — сказал Дэймон, подходя к лифту. — Видите у двери разноцветные круги? Один из них белый. Ваша карточка — это ключ, компьютерный номер — тоже. Если увидите белый кружок, значит, вам можно пройти с помощью карточки или номера. Ни к какому другому кружку не прикасайтесь, иначе поднимется тревога и к вам бросится охрана. Вы знакомы с подобными системами, не правда ли?

— Как будто.

— Вы не забыли свои навыки обращения с компом?

Несколько секунд тишины.

— Военное программирование — профессия очень сложная. Но кое-что из теории я помню.

— Кое-что?

— Ну, если меня посадить за клавиатуру, я, возможно…

— Вы помните меня?

Они стояли возле лифта. Чтобы избежать толкотни в кабине, Дэймон воспользовался своим приоритетом для индивидуального вызова. Повернувшись, он наткнулся на излишне открытый взгляд Толли. Нормальные взрослые в таких случаях моргают, фокусируя зрение то на одной, то на другой детали внешности собеседника. Глазам Толли явно недоставало подвижности, как глазам безумца, или младенца, или деревянного идола.

— Я помню, как вы спрашивали об этом, — сказал Толли. — Вы из Константинов, кажется. Это вам принадлежит Пелл?

— Не принадлежит. Но мы здесь уже давно.

— А я — недавно, правда?

Тревожная нотка в голосе. «Каково это, — подумал Дэймон, содрогаясь в душе, — узнать, что тебя частично лишили памяти? Неужели после этого что-либо может иметь смысл?»

— Мы встречались, когда вас сюда привезли. Вам следует знать: я — один из тех, кто дал согласие на Урегулирование. Юридическая служба. Я лично подписал направление.

Веки дрогнули.

Подъехала кабина. Чтобы удержать ее, Дэймон просунул руку между створками двери.

— Вы дали мне документы. — Толли шагнул в кабину, Дэймон — следом, позволяя двери закрыться. Он набрал код, и кабина двинулась к зеленой секции.

— Вы меня навещали. Вы часто приходили ко мне, правда?

Дэймон пожал плечами.

— Я не хотел того, что с вами сделали. Едва ли это было правильным выходом. Надеюсь, вы понимаете?

— Вам что-нибудь нужно от меня? — В голосе звучала готовность ко всему. По крайней мере, согласие на все.

Дэймон выдержал его взгляд.

— Может быть, прощение, — произнес он.

— Это несложно.

— В самом деле?

— Если вам нужно только это, зачем вы пришли? Зачем приходили раньше? Почему пригласили меня в гости?

— А вы как думаете?

Рассеянный взгляд еще больше затуманился.

— Как я могу знать? Вы очень добры…

— А не думаете ли вы, что доброта тут ни при чем?

— Мне неизвестно, многое ли осталось в моей

памяти. Знаю, должны быть провалы. Очевидно, мы были знакомы раньше… Возможно, я вижу вещи не такими, каковы они на самом деле, но это не имеет значения. Ведь вы не сделали мне ничего плохого, правда?

— Я должен был вас остановить.

— Я сам просил об Урегулировании, правда?

— Да, сами.

— Выходит, кое-что я помню правильно. Или же мне сказали. Не знаю. Мне идти с вами?

— А вы бы предпочли не ходить?

Толли поморгал.

— Я думал… когда мне было хуже… что я наверняка знал вас. Я не помню всего, но рад, что вы пришли. Вы… тот человек за окном. И книги… Спасибо за книги. Они очень помогли.

— Посмотрите на меня.

Толли выполнил просьбу, мигом сосредоточась. В его глазах мелькнуло понимание.

— Лучше бы вы пошли. Мне бы очень этого хотелось. Это все.

— Куда, вы сказали? К вашей жене?

— К Элен. И еще я хочу, чтобы вы увидели Пелл. С лучшей стороны.

— Хорошо. — Толли гнал от себя знакомую муть в голове.

«Плывет по течению, — подумал Дэймон. — Оборона… точнее, отступление. Открытый, доверчивый взгляд. Для человека с провалами в памяти доверчивость — единственное средство самозащиты».

— Я знаю о вас, — сказал Дэймон. — Читал результаты больничного обследования. О родном брате знаю меньше, чем о вас. Думаю, вам лучше быть в курсе.

— Их все читали.

— Кто — все?

— Все, кого я знаю. Врачи… вся администрация.

Дэймон поразмыслил над этими словами. Сама мысль о возможности подобного вторжения в человеческий разум была ему ненавистна.

— Копии будут стерты.

— Как и я. — Рот Толли растянулся в печальную улыбку.

— Это не полная переделка личности, — произнес Дэймон. — Вы понимаете?

— Мне говорили.

Кабина плавно затормозила на первом ярусе зеленой. Дверные створки раздвинулись, явив взорам пассажиров один из самых оживленных коридоров Пелла. На площадке стояли ожидаю-

щие. Дэймон за руку вывел Толли в коридор.

К ним обернулось несколько лиц — возможно, внешность Толли показалась необычной, или дело было в лице Константина. Сдержанное любопытство. Гул голосов не смолк. Из ресторана доносилась музыка. В коридоре маячило с полдюжины низовиков, ухаживавших за растениями в кадках. Обезличенные толпой, Константин и Толли продвигались вместе с человеческим потоком.

Коридор заканчивался рестораном, сумрачным залом, где светились только проекционные экраны на стенах. Пятнышки звезд, полумесяц Нижней, профильтрованное сияние Солнца, доки под прицелами наружных камер. Лениво звучала музыка: речитатив электроники и колоколов, временами — басовый рокот барабана. Музыка превосходно сочеталась с мягким звучанием голосов посетителей, занимавших столы в центре округлого зала. Подлаживаясь под непрестанное вращение Пелла, изображения скакали по экранам, что простирались от пола до высоченного потолка. Крошечные человеческие фигурки и столы тонули в полумраке.

— Квин, Константин, — обратился Дэймон к молодой женщине, сидевшей за стойкой у входа.

Тотчас приблизился официант, чтобы проводить их к заказанному столику. Но Толли остановился. Обернувшись, Дэймон увидел, что он с выражением детского любопытства на лице рассматривает экраны.

— Джош. — Не дождавшись реакции, Дэймон осторожно взял его за руку. — Сюда. — Некоторым новичкам в ресторане отказывал вестибулярный аппарат, это объяснялось перемещением изображений и несоразмерностью зала и меблировки. Дэймон не отпускал руки Толли, пока не подвел его к столику в конец зала, откуда были видны все экраны.

Заметив их, Элен встала.

— Джош Толли, — представил Дэймон спутника. — Элен Квин, моя жена.

Элен поморгала, медленно протягивая руку. Толли пожал ее.

— Так вы — Джош?

Она опустилась в кресло, Дэймон и Толли тоже сели. Рядом наготове стоял официант.

— Повторите, — попросила его Элен.

— Особый, — заказал Дэймон. И — взглянув на Толли: — Что-нибудь выберете сами или доверитесь мне?

Толли пожал плечами. Он был явно не в своей

тарелке.

— Два, — сказал Дэймон. Официант исчез.

Дэймон посмотрел на жену.

— Многовато сегодня народу.

— Все боятся по вечерам ходить в доки.

Она была права. Принужденные к безделью купцы оккупировали оба бара.

— Здесь можно пообедать, — сказал Дэймон, переведя взгляд на Толли. — Как минимум бутерброды.

— Я уже поел, — отсутствующим тоном, который сводил на нет любую возможность беседы, произнес Толли.

— Скажите, — спросила его Элен, — вы на многих станциях побывали?

Дэймон под столом потянулся к ее руке, но Толли как ни в чем не бывало покачал головой.

— Только на Расселе.

— Пелл — самая лучшая. — Элен перемахнула через подводный камень, даже не удостоив его вниманием. «Первый выстрел — в молоко, — подумал Дэймон. — Интересно, ведает ли она, что творит?» — На других ничего подобного нет.

— Квин — купеческая фамилия?

— Была. Всех убили на Маринере.

Дэймон сжал руку жены. Толли ошалело по-

смотрел на Элен.

— Мне очень жаль.

Элен помотала головой.

— Уверена, вашей вины тут нет. Купцам достается с обеих сторон. Просто не повезло.

— Он же не помнит, — сказал Дэймон.

— Вы не помните? — спросила Элен.

Толли развел руками.

— Вот так, — усмехнулась она. — Ни там, ни здесь. Я рада, что вы смогли прийти. Глубокий выплюнул вас, но сядут ли станционеры играть с вами в кости?

Последняя фраза показалась Дэймону тарабарщиной, но Толли почему-то улыбнулся.

— Удача и еще раз удача. — Элен покосилась на мужа и напрягла руку. — В доке можно бросать кости и даже выигрывать, но старина Глубокий свои кости наливает свинцом. Выпьем за выживших, Джош Толли.

Горькая ирония? Или приветствие? Купеческий юмор непонятен как чужой язык. Но Толли, похоже, он успокоил. Дэймон убрал руку и откинулся на спинку кресла.

— Джош, с вами говорили насчет работы?

— Нет.

— Вы теперь свободны. Если вы не в состоя-

нии работать, станция возьмется содержать вас некоторое время. Я кое-что устроил — на пробу. В первую смену можете выходить по утрам на работу, а как устанете, возвращаться домой. Что скажете?

Толли промолчал, но выражение его лица, слабо озаренного солнцем (медленно перемещаясь, оно подступило совсем близко), ответило в высшей степени красноречиво. Он хотел получить работу. Мечтал. Смущенный собственным благодеянием, Дэймон оперся обеими руками о стол.

— Возможно, вы будете разочарованы. У вас очень высокая квалификация, а тут — демонтаж негодных механизмов. Но для начала и это неплохо, а там, глядишь, подвернется что-нибудь поинтереснее. Еще я подыскал для вас номер в старой купеческой гостинице. Ванная есть, а вот кухня… С этим сейчас невероятно туго. По закону станции вам гарантировано пособие на самые необходимые продукты и жилье. Поскольку кухни нет, вашу карточку примут в любом ресторане, но стоимость сверх определенного уровня придется оплачивать вам. Однако беспокоиться не о чем — у компа есть список вакансий, так что вы всегда сможете подзаработать. Со временем станция потребует от вас оплаты и жилья, и пи-

тания, но не раньше, чем вы получите справку о полной трудоспособности.

— Так я свободен?

— Да, в определенных рамках.

Принесли напитки. Дэймон с интересом смотрел, как Толли смакует один из пелльских деликатесов.

— Вы не станционер, — прервала паузу Элен.

Толли смотрел мимо них на стены, на медлительный балет звезд.

«С корабля на них не очень-то посмотришь, — сказала однажды Элен мужу. — Там не так, как ты думаешь. Ты живешь среди них, работаешь, но в этом просторе твой корабль — пылинка, на свой страх и риск пробирающаяся в бесконечной пустоте. На такое не способна ни одна планета и ничто из того, что вращается вокруг планет. И ты летишь, постоянно осознавая, что Глубокий — совсем рядом, по ту сторону металла, на который ты опираешься. Вы, станционеры, живете иллюзиями, а планетники под синими небесами даже не представляют, что такое Вселенная».

Внезапно он ощутил холод и отдаленность от Элен, сидевшей напротив чужестранца. Он сам по себе, а они сами по себе, жена и этот богоподобный Толли. Но ревность была тут ни при чем.

Страх. Он неторопливо прихлебывал коктейль и наблюдал за Толли, который глядел на экраны, чего в ресторане больше не делал никто. Словно вспоминал, как надо дышать.

«Беги отсюда, — слышалось в голосе Элен. — На станции тебе вовек не найти покоя».

Казалось, она и Толли говорят на незнакомом Дэймону языке, хоть и употребляют самые привычные слова. Неужели купец, потерявший по вине Унии родной корабль, способен пожалеть униата, лишившегося близких, точно так же выброшенного на берег? Протянув руку под столом, Дэймон нашел и сжал кисть жены.

— Наверное, я не в силах дать то, чего вам хочется больше всего, — подчеркнуто вежливо обратился он к Толли. — Однако Пелл не намерен удерживать вас всю жизнь, и, как только завершится проверка, вас отпустят. Но примите совет: наберитесь терпения. Судя по всему, неприятности закончатся не скоро, а до тех пор торговцы смогут летать только в шахты.

— Дальнерейсовики в доках не выходят из запоя, — пробормотала Элен. — Спиртное у нас кончится раньше, чем хлеб. Правда, еще не скоро. А потом — храни нас Господь. Нам не прожить без того, что мы поглощали испокон веков.

— Элен!

— А разве он не на Пелле? — спросила она. — Разве его жизнь не связана с нашими одной веревочкой?

— Я не желаю зла Пеллу, — подал голос Толли.

Его рука дернулась на столе. Вялая форма тика, один из немногочисленных запретов, запечатленных в сознании. Дэймон знал об этом психическом блоке, но помалкивал. Толли далеко не дурак и со временем, вероятно, поймет, что с ним сделали.

— Я… — Толли снова судорожно повел рукой, — не знаю этого места. Мне нужна помощь. Иногда я не понимаю, откуда я взялся. А вам это известно? А мне?

Странная логическая цепочка. Дэймон смотрел на Толли, с тревогой ожидая от него чего-нибудь вроде истерики. Не стоило, наверное, приводить его в столь людное место.

— Я читал досье, — ответил он. — Больше мне ничего не известно.

— Я ваш враг?

— Не думаю.

— Я помню Сытин…

— Джош, мне нетрудно уследить за вашими ассоциациями.

У Толли дрогнули губы.

— Мне тоже.

— Вы сказали, что нуждаетесь в помощи. В какой, Джош?

— Здесь. На станции. Не бросайте меня.

— Вы имеете в виду мои посещения? Но вас уже выписали из больницы. — Внезапно он догадался: — Вы думаете, я даю вам работу и бросаю вас на произвол судьбы? Нет-нет. На следующей неделе я проведаю вас, можете не сомневаться.

— Если у Джоша возникнут проблемы, — произнесла Элен, — то в свободное от работы время кто-нибудь из нас сможет ему помочь. Мы — ваши официальные попечители, — пояснила она Толли. — Если не застанете Дэймона, обращайтесь в мой офис.

Толли кивнул. Головокружительные скачки изображений на экранах не прекращались. Разговор увял надолго. Дэймон, Элен и Толли слушали музыку и смаковали напитки.

— Было бы чудесно, — сказала наконец Элен, — если бы в конце недели вы пришли к нам пообедать. Отведаете моей кухни, сыграете с нами в карты. Вы ведь играете, правда?

Глаза Толли боязливо стрельнули в Дэймона, словно искали одобрения.

— Раньше мы подолгу засиживались за картами, — произнес Дэймон. — Когда раз в месяц к нам приходили мой брат с супругой. Они работали в дополнительную смену. В начале кризиса их перевели на Нижнюю. Джош играет, — сказал он Элен.

— Вот и славно.

— Я не азартен, — сообщил Джош.

— А мы не на деньги, — улыбнулась Элен.

— Я приду.

— Прекрасно.

Спустя секунду глаза Джоша полузакрылись. Он боролся с обмороком. Сказывалось нервное напряжение.

— Джош, — спросил Дэймон, — вы сможете выйти отсюда сами?

— Я не уверен, — страдальчески произнес Толли.

Дэймон поднялся, за ним Элен. Толли очень осторожно отодвинулся от стола вместе с креслом и, шатаясь, встал. «Две порции спиртного тут ни при чем, — подумал Дэймон. — Коктейль совсем слабый. Это из-за экранов и нервов».

В ярком свете коридора к Толли мигом вернулось нормальное дыхание и чувство равновесия.

Провожаемые тремя парами круглых глаз низо-

виков с противогазами на лицах, они добрались до лифта. Дэймон и Элен вместе с Джошем доехали до палаты в красной и через стеклянные двери проводили его к пульту охраны. Уже наступила вторая смена, и за пультом дежурил один из Мюллеров.

— Позаботьтесь, чтобы его как следует устроили в гостинице, — попросил Дэймон охранника.

Миновав пульт, Толли остановился и оглянулся с выражением любопытства и настороженности, но полицейский взял его за руку и повел по коридору. Дэймон обнял жену за плечи, и они пошли обратно.

— Хорошо, что ты его пригласила.

— Он такой неловкий, — сказала Элен. — Хотя любой на его месте… — В коридоре она взяла мужа под руку. — Война щедра на всякие гнусности. Если бы кто-нибудь из Квинов уцелел на Маринере… как бы с ним поступили? Другая сторона зеркала, только и всего. Храни нас Господь. И Толли. Он бы вполне мог быть одним из наших.

Она выпила больше Дэймона. Спиртное всегда действовало на нее угнетающе. Он подумал о ребенке, но для разговора на столь серьезную тему момент явно не подходил. Он прижал ее к себе. Они шли домой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
СТАНЦИЯ СЫТИН: ТЕРРИТОРИЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ; 8.9.52

Марш где-то задерживался, не появлялся и его багаж. Эйриса поселили вместе с остальными, предоставив ему на выбор одну из четырех комнат, в которые можно было попасть из общей гостиной через раздвижные перегородки. Собственно, все стены гостиной, были белыми перегородками на серебристых колесиках. Мебель тоже была на колесиках — массивная, спартанская, неудобная. За последние десять дней им уже в четвертый раз пришлось сменить жилье. Эта квартира находилась рядом с прежними и ничем особым не выделялась, и в коридорах точно так же стояло множество вездесущих манекенов с оружием.

Они даже не знали толком, где находятся — на какой-нибудь станции поблизости от Викинга или на орбите самого Сытина. На их вопросы отвечали уклончиво: «Меры безопасности. Спокойствие». Спокойствие давалось Эйрису легче, чем его коллегам, поскольку его чаще водили

к штатским и военным (если только в Унии различались эти понятия) сановникам, и он поднаторел в общении с ними. Допрашивали посланников и поодиночке, и всех скопом. Призывая униатов заключить мир и излагая доводы и условия, Эйрис довел интонации и мимику до автоматизма, пока эти беседы не превратились в спектакль, в дурацкую комедию, которую можно было играть до бесконечности, испытывая терпение негостеприимных хозяев. Если бы торг шел на Земле, Эйрис и его коллеги давно отказались бы от переговоров, или возмутились бы, или по крайней мере избрали другую тактику. Но здесь они были слишком уязвимы и не имели выбора.

В этой тяжелейшей ситуации спутники Эйриса держались неплохо… за исключением Марша. Он все чаще нервничал и раздражался.

И, конечно, именно Маршу униаты уделяли особое внимание. Он постоянно куда-то исчезал, и все четыре раза, когда посланников переселяли, Марша приводили в новое жилище последним. Бела и Диас воздерживались от комментариев, Эйрис тоже помалкивал, усаживаясь в гостиной перед видом, чтобы получить свежую порцию пропаганды, которой их усиленно пичкали. Кое-какие удобства униаты им предоставляли,

в том числе приемники ближнего вещания. Правда, постановки были рассчитаны на зрителя со сверхъестественным иммунитетом к скуке: старые исторические пьесы, документальные фильмы о зверствах, приписываемых Компании и ее Флоту.

Они затребовали доступ к записям их бесед с представителями местных властей, но получили отказ. Сами же они не могли протоколировать переговоры: все записывающие устройства и даже письменные принадлежности были изъяты из багажа, а протесты ни к чему не приводили. Униаты вовсе не испытывали пиетета к дипломатическим конвенциям… типичная, считал Эйрис, черта власти, которая опирается на подростков с глазами безумцев, мальчишек и девчонок с ружьями в руках и цитатами из уставов в головах. Больше всего Эйрис опасался их, этих детей, слишком похожих друг на друга. Фанатиков, знающих лишь то, что им вдолбили в мозги. Приученных исполнять приказы, не рассуждая. «Не разговаривайте с ними, — предупредил Эйрис своих коллег. — Делайте все, чего бы они ни потребовали, а с возражениями обращайтесь только к их начальству».

Эйрис давно упустил сюжетную нить передачи.

Он поднял глаза, повел ими в сторону Диас, которая сидела, уставясь в экран, и Белы, коротавшего время с самодельной китайской головоломкой. Исподтишка глянув на часы, им самим кое-как синхронизированные с униатскими (униатская система измерения времени отличалась и от земной, и от пелльской, и от стандарта Компании), он подумал: уже поздно. С того момента, как их привели в эту квартиру, минул час.

Покусывая губы, Эйрис упорно силился сосредоточиться на передаче. Посланники уже давно привыкли к клевете, и это было неважно — лишь бы отвлечься.

Наконец раздвинулась входная дверь и в гостиную, не поднимая глаз, шагнул Марш с двумя чемоданами; Эйрис успел заметить в коридоре силуэты двух юных охранников. Все двери в спальни были закрыты. Маршу пришлось остановиться и спросить:

— Которая?

— У тебя за спиной, — ответил Эйрис.

Марш повернулся, пересек гостиную и поставил чемоданы у двери в спальню. Выглядел он неряшливо: воротник измят, прическа в беспорядке: жидкие пряди волос закрывают уши. На Эйриса и остальных он не смотрел, дергался и

явно нервничал.

— Где ты был? — отрывисто спросил Эйрис, прежде чем Марш успел скрыться.

Марш ответил быстрым взглядом.

— Ошибка в компьютере. Меня переселили в другое место.

Остальные подняли глаза, прислушались. Потея, Марш старался смотреть им в глаза.

«Обвинить во лжи? Выразить озабоченность?» — подумал Эйрис, не сомневавшийся, что квартира прослушивается. Он мог бы назвать Марша лжецом, но тогда кое-кто понял бы, что игра перешла на новый уровень. «Мы втроем, — от этой мысли у него мороз пошел по коже, — не хуже униатов можем вытянуть из Марша правду. Вопрос в другом: кому это окажется на руку? А что, если Марш пытается перехитрить униатов, но вынужден молчать перед нами? Впрочем, сомнительно. Но одно ясно как день: его решили взять в оборот. Марш не трус, просто он самый слабый из нас четверых».

Марш оглянулся, внес чемоданы в комнату и закрылся изнутри.

Эйрис не рискнул обменяться с коллегами даже взглядом, допуская, что квартира не только прослушивается, но и просматривается. Он смотрел

передачу.

Главное — выиграть время. Каким способом — несущественно. Можно торговаться с униатами, можно часами сидеть у вида. Когда есть цель, можно и потерпеть. Днем земляне вели переговоры с многочисленными официальными лицами, сменявшими друг друга, как на параде. Униаты изъявляли принципиальное согласие с предложениями, демонстрировали интерес, спорили между собой, отсылали предложения в какие-то комиссии, изощрялись в составлении протоколов. Протоколов! И это после того, как из багажа посланников забрали все, чем можно писать!

На самом деле обе стороны водили друг друга за нос. И Эйрису очень хотелось бы знать, зачем это нужно Унии.

Наверняка идут военные действия. Униаты рассчитывают силой оружия получить то, чего не получат от торговли. Чтобы потом, на критическом этапе, припереть посланников к стенке и вынудить к уступкам.

Конечно, речь пойдет о Пелле… это вероятнее всего. И всего нежелательнее. Еще, возможно, потребуют выдачи многих офицеров Компании — их ждет революционный суд Унии. Это, ко-

нечно, абсурд… хотя компромисса ради можно составить какой-нибудь бессмысленный документ — например, объявить этих людей вне закона. Эйрис не испытывал желания заступаться за наглецов из Флота, да и вряд ли от этого был бы прок, но протестовать против судебного преследования станционных чиновников… на это пойти, наверное, стоило.

В любом случае Уния поступит, как сочтет нужным, а Земля останется «при своих». На ее политическую жизнь никоим образом не повлияют события в столь далеких краях. Интерес общественности сразу угасает, если его постоянно не подпитывать средствами массовой информации. Статистические исследования показали: большинство обывателей по тем или иным причинам не пользуются другими, менее доступными, источниками сведений. Нет видеокадров — нет новостей. Нет новостей — нет событий. Нет событий — нет сочувствия публики. А если нет сочувствия публики, то и пресса теряет интерес к теме. Круг замыкается благодаря тонкому расчету Компании, не желающей рисковать потерей великого множества своих сторонников, которых она приобрела за полвека осторожного лавирования и методичной дискредитации изо-

ляционистов… приобрела ценой великих жертв. А сколько их еще суждено принести…

Он смотрел идиотский вид, пытаясь найти в пропаганде крохи истины, которая прояснила бы ситуацию. Он слушал заведомо лживые отчеты о росте благосостояния граждан, о выполнении широкомасштабных социальных и экономических программ, но интересовало его нечто совсем другое: далеко ли простираются владения Унии в иных, нежели земное, направлениях? Велико ли число ее форпостов? Что происходит на захваченных станциях? Осваивают ли униаты новые планеты, или все ресурсы отданы войне? Эти сведения были недостижимы, как и информация о пресловутых родильных лабораториях — сколько человек в год они производят и какое образование и воспитание получают гомункулусы.

В тысячный раз Эйрис проклинал непокорство Флота, в частности — Сигни Мэллори. Сомневаясь в правильности своего курса, он вынужден был списать Флот со счетов. Но если бы Мациан и подчинился, что изменилось бы? Эйрис и его спутники неизбежно оказались бы здесь же, в этой квартире с белыми стенами, неотличимой от остальных квартир, в которых они побывали за последнее время. Они делали то, к чему их

вынудили обстоятельства, а Флот едва ли оказал бы существенную поддержку на переговорах — скорее, с неодолимым упрямством и чудовищной непредсказуемостью гнул бы свою линию. Не способствовало делу и своеволие Пелла, избравшего тактику задабривания Мациана. Окажи он должную поддержку Компании, земляне сумели бы, наверное, повлиять на Мэллори и ей подобных. Хотя, опять же, — можно ли убедить в чем-либо флотских, выше всего ставящих собственные интересы? Нет, Мациан и его люди не согласятся подчиниться Земле, не помогут ей выиграть время для создания пояса обороны и накопления сил. Они, напомнил себе Эйрис, родились не на Земле. Флотские, по его личным впечатлениям, не были приучены к порядку и подчинению. Как тот технический персонал, который на призывы ограничить эмиграцию отреагировал чуть ли не поголовным бегством на родину… дезертирством из Дальнего Внеземелья, что в итоге привело к появлению Унии… Или как Константины, настолько вошедшие в роль самодержцев своей крошечной империи, что утратили всякое почтение к Земле.

И еще (как он ни гнал от себя эти страшные мысли, они упрямо возвращались) — Марш…

Эйрис был застигнут врасплох, он полагал, что психика униатов либо ничем не отличается от психики землян, либо отличается коренным образом. Истина оказалась где-то посередине. Униаты затеяли сломить волю посланников… игра с Маршем, безусловно, построена по принципу «разделяй и властвуй». Следовательно, доверять Маршу нельзя. Диас, Бела и Марш не посвящены в подробности плана, они — простые служащие Компании, сведения, которыми они обладают, не представляют опасности. Двух посланников, знавших, как и Эйрис, слишком много, он отправил на Землю с депешей: Флот неуправляем, станции гибнут. Теперь эти двое на свободе, а Эйрис и остальные участвуют в навязанной им игре, хранят молчание, как монахи, беспрекословно терпят переселения и волокиту, рассчитанные на то, чтобы лишить их душевного равновесия, измучить неопределенностью и склонить к сговорчивости. Эйрис изо всех сил убеждал себя: униаты не опустятся до физического насилия, напротив, самое плохое позади и переговоры завершатся успехом. Вот только Марш…

Вместе со всеми Марш бывал на переговорах, сидел, слушал — небритый, жалкий, лишенный моральной поддержки спутников (потому что

расспрашивать его или предлагать помощь означало рушить защитную стену молчания). «Что?» — вывел однажды Эйрис пальцем на пластиковой поверхности стола, надеясь, что надпись останется недоступной для объективов. «Почему?» — дописал он, не дождавшись ответа. Марш стер оба слова и отвернулся, пряча дрожавшие губы. Видя, что он на грани истерики, Эйрис оставил его в покое.

Теперь Эйрис наконец встал, подошел к двери Марша и раздвинул ее, не постучав.

Полностью одетый. Марш сидел на кровати и, обхватив самого себя руками, смотрел в стену.

Эйрис приблизился, наклонился и чуть слышно шепнул ему на ухо:

— В двух словах. Как ты думаешь, что происходит? Тебя допрашивали? Отвечай.

Спустя секунду Марш медленно покачал головой.

— Просто волокита, — сбивчиво заговорил он. — То одно не в порядке, то другое. Заставляют сидеть и ждать часами. И все, сэр.

— Понятно, — Эйрис похлопал Марша по плечу. На самом деле он слегка кривил душой, но ничем этого не выдал. Марш зарыдал, по лицу, искаженному отчаянием, потекли слезы. Он все-таки не

выдержал.

«Видеокамеры…» — с тоской подумал Эйрис. О них нельзя было забывать ни на минуту.

Его потрясла догадка, что они сами, возможно, мучают Марша, так же как униаты. Он вернулся в гостиную, кипя гневом, остановился в центре и запрокинул голову.

— Я протестую! — резким тоном произнес он прямо в замысловатый хрустальный осветительный прибор — главное подозреваемое в слежке устройство. — Это издевательство! Вы не имеете права!..

Он отвернулся, опустился в кресло и снова замер перед экраном. Его товарищи только слегка приподняли головы. Опять наступила тишина.

Наутро манекены, принесшие листок с распорядком дня, ни словом не обмолвились о протесте Эйриса.

«Встреча в 08:00», — стояло первым пунктом. С кем встреча, где, по какому поводу — об этом ни слова. Вопреки обыкновению не было даже упоминания о часе и меню ленча.

Из своей спальни появился Марш. Глубокие тени под глазами красноречиво свидетельствовали о бессонной ночи.

— Поспеши, сейчас будем завтракать, — ска-

зал ему Эйрис. До половины восьмого, когда им должны были принести завтрак, оставались считанные минуты.

Второй раз за это утро над дверью мигнула лампочка. Створки раздвинули снаружи, не постучав. В гостиную вошли трое вооруженных охранников.

— Эйрис, — буркнул один без тени почтительности в голосе, — на выход.

Эйрис проглотил гневную реплику. Пререкаться с манекенами не имело смысла, он сам говорил об этом коллегам. Смерив солдат презрительным взглядом, он неторопливо подошел к вешалке и снял с крючка пиджак. Он решил действовать методами униатов — всеми способами тянуть резину и злить противника. Сочтя, что провозился достаточно, он направился к выходу.

Под конвоем молодых революционеров он дошагал прямиком до лифта, проехал в кабине мимо нескольких неотличимых друг от друга коридоров, прошел через залы совещаний и офисы и наконец очутился в знакомой приемной. Мрачные предчувствия отступили. Этот офис использовался для переговоров, Эйрис уже успел побывать во всех трех его кабинетах.

На сей раз в одном из кабинетов его дожидался

военный. За круглым столиком сидел человек с серебристой шевелюрой; металла на воротнике и клапанах его черного мундира хватило бы на пять-шесть высокопоставленных офицеров из тех, с кем Эйрис имел дело раньше. Землянин сдержал усмешку. Обилие побрякушек означало власть и могущество, и это было вовсе не смешно.

— Посол Эйрис? — Судя по едва заметным морщинам на волевом лице, офицер прошел курс омоложения. Внеземелье не испытывало недостатка в подобных средствах… а на Земле можно было раздобыть только суррогаты низкого качества.

Эйрис торжественно пожал протянутую руку.

— Себ Азов, — представился офицер, — из директората. Рад встрече, сэр.

Центральное правительство. Эйрис знал, что директорат состоит из трехсот двенадцати подразделений. Какие же планеты и станции ему подвластны, оставалось только догадываться. Не имел Эйрис представления и о том, по каким признакам подбираются для директората кадры. Вне всяких сомнений. Азов был военным.

— Гражданин Азов, — холодно произнес Эйрис. — Мне очень досадно начинать наше зна-

комство с заявления протеста. Я отказываюсь вести переговоры до тех пор, пока вы не решите один вопрос.

Азов, успевший сесть, поднял белесые брови.

— Какой вопрос, сэр?

— Я имею в виду унижения, которым вы подвергаете одного из моих сотрудников.

— Какие унижения, сэр?

Эйрис понял: от него ждут, когда он потеряет терпение и сорвется. «Черта с два!» — мысленно произнес он.

— При переселениях посланника Марша ваш компьютер регулярно испытывает какие-то затруднения. Это весьма странно, поскольку мы должны находиться вместе. Вам не убедить меня в некомпетентности ваших техов. Разве это не унижение, когда моего сотрудника вынуждают часами дожидаться «устранения неувязки»? Что это, как не изощренная пытка? С ее помощью вы рассчитываете измотать нас, подавить волю к сопротивлению. А как прикажете понимать отказ обеспечить нас условиями для отдыха и гимнастическим залом? Почему ваши подчиненные упорно не отвечают, где мы находимся? Как мы можем быть уверены, что имеем дело с полномочными представителями власти, а не с

мелкими чиновниками, пускающими нам пыль в глаза? Гражданин Азов, мы проделали большой путь, чтобы решить весьма и весьма сложную проблему, и встретили крайне холодный прием.

Эйрис не импровизировал. Речь была приготовлена заранее, просто на всякий случай, и сейчас явно оказалась очень кстати. Азов заметно стушевался. В груди у Эйриса бухало сердце, он боялся, что на лице проступили красные пятна.

— Все будет улажено, — произнес Азов через некоторое время.

— Я бы предпочел более конкретное обещание.

Азов ощупал посла изучающим взглядом.

— Слово офицера. — Голос его дрогнул. — Вы будете удовлетворены. Не угодно ли присесть, сэр? Нам с вами надо уладить несколько мелких вопросов. Примите мои личные извинения за беспокойство, причиненное послу Маршу. Я разберусь и приму меры.

«Может, уйти? — подумал Эйрис. — О чем с ним говорить?»

Он опустился в предложенное кресло и смотрел военному в глаза, пока в них, как ему показалось, не мелькнуло уважение.

— Надеюсь, вы сдержите слово, сэр.

— Я очень сожалею, но давайте перейдем к

делу. Проблема требует немедленного решения. Возникла довольно щекотливая ситуация. — Он нажал клавишу настольного кома. — Будьте любезны, приведите господина Джекоби.

Эйрис смотрел на дверь, скрывая охватившую его тревогу. Створки разъехались, в кабинет вошел человек в партикулярном костюме. Все остальные, с кем Эйрис имел дело в Унии, носили одежду военного или полувоенного стиля.

— Господин Эйрис, господин Дэйин Джекоби со станции Пелл. Насколько мне известно, вы уже встречались.

Эйрис встал и с ледяной вежливостью поклонился. Происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

— Возможно, хотя, к сожалению, я вас не помню.

— Господин Эйрис, я депутат. — Незнакомец ухватил посла за кисть и тотчас отдернул руку. Азов указал ему на третье кресло за столиком.

— Трехсторонние переговоры, — пробормотал военный. — Господин Эйрис, вы заявили о намерении опекать Пелл и расположенные поблизости от него станции. Похоже, это не согласуется с пожеланиями граждан Пелла и с вашим собственным утверждением, будто бы Земля

привержена принципу самоопределения.

— Этот человек, — вымолвил Эйрис, не глядя на Джекоби, — не принадлежит к влиятельным кругам Пелла и не уполномочен вести переговоры. Советую проконсультироваться с господином Анджело Константином и направить соответствующий запрос в совет станции. Я действительно не знаю господина Джекоби, а что касается его утверждения о принадлежности к совету, то не выглядит ли оно голословным?

Азов улыбнулся.

— Мы получили предложение от станции Пелл и принимаем его. Согласитесь, это ставит под сомнение ваши притязания. Получается, что вы заявляете о своих правах на территории Унии. Поймите, Эйрис, у вас нет владений во Внеземелье. Никаких.

Эйрис не шевелился, ощущая, как от конечностей отливает кровь.

— Я бы не назвал наш диалог конструктивным.

— Сэр, отныне у вашего Флота не осталось ни одной базы. Мы его полностью отрезали от Земли. Предлагаю совершить акт человеколюбия — известить Мациана об этом событии и о его неизбежных последствиях. Ну, какой смысл ради

несуществующих колоний жертвовать кораблями и людьми? А мы, сэр, по достоинству оценим ваше сотрудничество.

— Это возмутительно! — воскликнул Эйрис.

— Возможно, — кивнул Азов. — И все же я надеюсь, что ради спасения человеческих жизней вы измените свое мнение и выступите с обращением к Флоту.

— Пелл не сдается, гражданин Азов. Очень скоро вы обнаружите, что реальная ситуация не имеет ничего общего с желаемой. И тогда вы пожалеете, что оттолкнули нашу дружественную руку.

— Земля — это всего лишь одна из планет.

Эйрис не нашелся с возражениями. Да и вообще, в разговорах с униатами он старался избегать этой темы.

— Пелл для нас не проблема, — сказал Азов. — Вы же знаете, насколько уязвима эта станция. И вопрос стал совершенно пустяковым, как только мы узнали волю ее населения. Мы не уничтожим Пелл — это нам, поверьте, ни к чему. Но потеря этой базы существенно скажется на успехах Флота… а вы останетесь с пустыми руками. Мы подпишем предложенные вами пункты, в том числе и о переоборудовании Пелла в центр кос-

мической торговли. Но управлять им будем мы, а не вы. В сущности, разницы никакой, зато в этом случае соблюдается принцип самоопределения, к чему, судя по вашим словам, вы так стремитесь.

Это было лучше, чем ничего, и едва ли стоило рассчитывать на большее.

— Здесь нет официальных представителей Пелла, — сказал Эйрис, — а есть только самозваный оратор. Мне бы очень хотелось увидеть его верительные грамоты.

Азов положил перед ним кожаный бювар.

— Вероятно, вас это заинтересует, сэр. Предложенные вами соглашения подписаны правительством, директоратом и советом. Расхождений с вашим текстом никаких, за одним несущественным исключением: управление станцией отныне будет в наших руках. Есть еще несколько оговорок, но по сравнению с проблемой Пелла они малосущественны. Слова «под контролем Компании» вычеркнуты вот здесь и в договоре о торговом сотрудничестве. Всего три слова. Зато все остальное — в точности, как вы предложили. Насколько я понимаю, отправляя вас в такую даль, правительство и Компания уполномочили вас подписывать подобные соглашения.

Эйрис готов был ответить отказом, но в по-

следний миг сдержался. У него давно вошло в привычку взвешивать каждую свою фразу.

— Все документы я обязан передавать правительству для ратификации. Изменения в тексте могут вызвать разногласия…

— Надеюсь, вы сумеете убедить свое правительство. — Азов положил бювар на стол и придвинул к Эйрису. — Почитайте на досуге. Наши условия очень мягки. Вы получаете все, о чем просите… Говоря откровенно, едва ли вы можете желать большего. Не забывайте: ваших владений во Внеземелье больше не существует.

— Сомневаюсь.

— Это ваше право. Но сомнения ничего не изменят, сэр. Советую остановиться на достигнутом… Торговый договор выгоден и нам, и вам, он исцелит старые раны… Ну, подумайте, господин Эйрис, о чем еще вы можете нас просить? Чтобы мы отказались от предложения Пелла?

— Нельзя ли называть вещи своими именами?

— Вы не в состоянии получить от Пелла подтверждение или опровержение слов господина Джекоби. Вы утверждаете, что политика земного правительства, полномочным представителем которого вы являетесь, за последние годы существенно изменилась, а следовательно, мы

должны отбросить былые обиды как неуместные. Что же получается? Мы принимаем ваш текст договора, а ваше «обновленное» правительство сразу предъявляет новые претензии? Сэр, информация, которой мы располагаем, позволяет предположить, что ваш военный потенциал оставляет желать лучшего… что во Внеземелье вы ни от кого не получили подтверждения лояльности, а сюда прибыли на фрахтерах со многими пересадками, не столько по своей воле, сколько по прихоти купцов. Поверьте, враждебная позиция не принесет Земле никакой выгоды.

— Это угроза?

— Всего лишь умозаключение. Правительство без кораблей, без контроля над собственным военным флотом, без ресурсов… В подобной ситуации разумно ли настаивать на сохранении каждой буквы договора? Ведь речь идет об абстракции, три слова «под контролем Унии» в действительности означают форму правления, которую пожелают установить сами граждане Пелла. Неужели эта проблема стоит того, чтобы ломать из-за нее копья?

— Я должен проконсультироваться с остальными членами миссии, — произнес Эйрис, выдержав паузу в несколько секунд. — Но едва

ли я стану это делать под объективами ваших «жучков».

— В вашей квартире нет никаких «жучков».

— Я сомневаюсь.

— Опять тот случай, когда вы не можете ничего проверить. Сообразуйтесь с обстоятельствами.

Эйрис взял бювар…

— Избавьте нас сегодня от новых встреч. Мы будем совещаться.

— Как вам будет угодно. — Азов встал и протянул руку. Джекоби остался в кресле — он демонстрировал Эйрису свое пренебрежение.

— Подписи не обещаю.

— Понимай, сэр. Совещайтесь. Поступайте как знаете. И все же я настоятельно советую серьезно подумать о последствиях отказа. Сейчас мы считаем, что наша граница проходит через Пелл. У вас остаются Тыловые Звезды, при желании вы их восстановите и получите выгоду. Если же вы не подпишете договор, мы проведем границы по своему усмотрению и станем близкими соседями.

Сердце Эйриса забилось с такой силой, что казалось, вот-вот вырвется из груди. Обсуждать с униатом перспективу соседства никоим образом не хотелось.

— Далее, — продолжал Азов. — Если вы изъявите желание спасти человеческие жизни, отозвав корабли Мациана, мы добавим к этим документам еще один: основанное на настоящем договоре обращение к Флоту, ваш приказ отступить на территории, которые останутся у вас после подписания соглашения. За это мы готовы снять обвинения с мацианов цев и со всех прочих врагов государства, которых вам будет угодно перечислить. Мы позволим им уйти в качестве вашего эскорта, хоть и отдаем себе отчет в рискованности подобного шага.

— Мы не стремимся к агрессии…

— Мы убедимся в этом, если вы согласитесь отозвать корабли, которые нападают на наших граждан.

— Я же ясно дал вам понять, что не командую Флотом и не имею на него влияния.

— Мы полагаем, имеете, и немалое. Мы предоставим вам все необходимое для подготовки обращения… и обещаем соблюдать перемирие после того, как Флот прервет боевые действия.

— Мы с коллегами обсудим этот вопрос.

— Хорошо, сэр.

Эйрис отвесил поклон, повернулся и вышел. В приемной его встретили молодые охранники и

повели мимо кабинетов.

— Очередная встреча отменяется, — сообщил им Эйрис. — Возвращаемся в нашу квартиру. Вы должны привести туда всех моих сотрудников.

— У меня приказ, — буркнул шагавший впереди солдат. Ничего другого Эйрис и не ожидал услышать. Сейчас его отведут в какое-нибудь помещение и заставят дожидаться коллег. Потом их всех передадут новой группе охранников, а те не тронутся с места, пока не получат по каналам связи четких инструкций. Так бывало всегда. Землян намеренно старались довести до нервного срыва.

Рука, в которой он держал бювар, вспотела. Пелл потерян. Остался только шанс спасти (а может, погубить?) Флот. Он очень боялся, что планы директората Унии идут дальше, чем предполагает Земля. Дальний прицел. Уния привыкла к нему «с пеленок». Земля — только начала привыкать. Эйрис казался себе совершенно беспомощным. Он представил широкое, волевое лицо Азова, попытался угадать его мысли. «Мы знаем, что ты блефуешь, надеешься выиграть время. И для чего, тоже знаем. Но сейчас это нас устраивает, и мы можем заключить пустяковое соглашение, которое нас ни к чему не обяжет».

До сих пор Унии удавалось переварить все, что она глотала. До сих пор.

Посланники не стали ничего обсуждать, не посмели затрагивать опасные темы. За ними следили, что бы там ни говорил Азов. Да, мысли Азова были куда важнее его слов. «Подпиши и отвези своему правительству…» Эйрис поморщился. Он и его коллеги хорошо изучили Внеземелье. Оно постоянно напоминало о себе — то одинаковыми лицами (возможно, и умами) солдат, то дерзостью капитана «Норвегии», то надменностью Константинов, то равнодушным отношением торговцев к войне, бушевавшей вокруг них на протяжении поколений… Посланники поняли то, чего не желала понять Земля: здесь чужая власть, чужая логика. Поколения внеземельцев отряхнули со своих ног земную пыль.

Теперь домой… только сначала придется подписать бесполезную бумагу, на которую Мациан, Мэллори и иже с ними попросту не обратят внимания. Самое важное — вернуться, рассказать об увиденном, объяснить… Ради этого Эйрис согласен подписаться под любой мерзостью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. ПЕЛЛ: ОФИС УПРАВЛЯЮЩЕГО СТАНЦИЕЙ, СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС; 9.9.52; 11:00

На сей раз беда собрала ежедневную дань не только на станции. Подперев ладонями голову, Анджело Константин читал лежащую перед ним компьютерную распечатку. На шахте Центавра, третьего спутника Пелла, сорвало люки воздушного шлюза… погибло четырнадцать человек. Анджело не мог отогнать мысль о потере четырнадцати квалифицированных, проверенных работников. За стенами "К" гнила в собственных нечистотах огромная толпа людей, и самих станционеров обстоятельства вынуждали терять человеческий облик. Катастрофически не хватало запасных деталей и механизмов, и в результате участились аварии. Сэкономили на ремонте шлюза — и четырнадцать мужчин погибли в вакууме.

Он отстукал на клавиатуре и ввел в память компа распоряжение: найти на Пелле техов на смену погибшим. Станционные доки простаивали, все основные и большинство вспомогательных при-

чалов были заняты кораблями, из которых очень немногим разрешалось выходить и возвращаться. В копях людям жилось несравнимо лучше, по крайней мере, их знания и опыт приносили там хоть какую-то пользу.

Из переселенцев далеко не все обладали необходимыми навыками. На Нижней, пытаясь вывести их вездеход из трясины, куда его завел неопытный напарник, погиб под гусеницами рабочий. А вскоре поступило известие о двух убийствах в "К". Поблизости от доков обнаружили дрейфующий в космосе труп — по всей видимости, жертву шлюзовали заживо. Подозрения падали на карантин. Сейчас полиция пыталась идентифицировать изувеченное тело.

Были происшествия и другого рода, в том числе судебная тяжба между двумя семьями станционеров, занимавших одну и ту же квартиру в две смены. Хозяева квартиры обвиняли новых жильцов в мелких кражах. Это дело в офис управляющего направил Дэймон — как иллюстрацию назревающей проблемы. Очевидно, совету надлежало поскорее издать закон, предусматривающий подобные случаи.

Администратор одного из доков, недавно назначенный на эту должность, попал в больницу

— его едва не растерзала команда военизированного купца «Янус». Полувоенные милицейские команды требовали равных прав с обычными купцами и свободного доступа в бары, в то время как администрация стремилась подчинить их военной дисциплине. Кости пострадавшему срастят… жаль, что нельзя с такой же легкостью восстановить добрые отношения между купцами и станционными чиновниками. Следующему того и гляди перережут глотку. Торговцы не любят пускать к себе на борт чужаков.

«Персонал станции допускается на корабли милиции только с разрешения капитанов, — передал Анджело. — Во избежание конфликтов военизированные фрахтеры осуществляют патрулирование под командованием своих офицеров».

У некоторых это решение вызовет возмущение, но оно предпочтительнее мятежа вооруженных купеческих команд, не желающих рабского подчинения станционным властям. Элен предупреждала Анджело о такой опасности.

Далее… Кое-где возникли трудности со снабжением. Анджело ввел в комп необходимые распоряжения (некоторые — задним числом), похвалил кое-кого за находчивость (в частно-

сти, изобретательных надзирателей в шахтах), объявил благодарность толковым сотрудникам своего офиса, которые научились находить излишки, скрываемые другими службами.

Требовалось начать ремонтные работы в "К", и станционная полиция просила разрешения ввести туда вооруженные подразделения, чтобы изолировать и очистить третий ярус оранжевой, что подразумевало переселение большого числа резидентов. Это не было вопросом жизни или смерти, но и тянуть с ремонтом карантина не следовало, поэтому Анджело нашел компромиссный вариант: техов пропустить, но ярус не очищать. Он поставил печать «САНКЦИОНИРУЮ». Лучше ненадолго перекрыть канализацию в одной секции, чем подвергать весь "К" опасности эпидемии.

— Сэр, к вам капитан купеческого корабля Айлико.

Анджело тяжело вздохнул и нажал клавишу, пригласив посетителя в кабинет. Дверь отворилась, пропустив рослую, полную женщину с седыми волосами и морщинистым лицом. «Наверное, омоложение уже не действует, — машинально предположил Анджело. — Старость все-таки берет свое».

Он указал на кресло, и капитан, благодарно кивнув, села. Час назад, еще на подлете к Пеллу, она обратилась к Анджело с просьбой о встрече. Она командовала «Лебяжьим пером» — контейнеровозом с Маринера, ныне мобилизованным Пеллом. Анджело знал своих капитанов, но эту женщину видел впервые. Однако синий шнурок на кителе говорил о ее принадлежности к милиции Пелла.

— Вы что-то должны мне передать? — спросил он.

Пожилая дама достала конверт из кармана кителя и, грузно подавшись вперед, положила на стол перед Анджело.

— С «Молота» Ольвигов. Ольвиг догнал меня и просил передать пакет из рук в руки. Он бежал с Викинга. Хочет подождать за пределами действия ваших сканов. Боится, сэр. Ему и его семье не по душе все то, что творилось на их глазах.

— Викинг… — Весть о том, что там происходит, пришла уже давно. — И где же они прятались до сих пор?

— Подробнее об этом вы узнаете из письма. Здесь сказано: «Удирая с Викинга, „Молот“ получил повреждения. Завис после прыжка», — вот и вся история. Им крепко досталось, но груз они

спасли.

— Вы прочли письмо?

— Прочла. Что-то надвигается… Близится критический момент. Насколько я поняла, Ольвиги попробовали прибиться к Унии и обнаружили, что и там не сладко. Униаты, похоже, пытались захватить «Молот», и ему пришлось бежать. Команда опасается чего-нибудь подобного и на Пелле. Они хотели, чтобы я оказалась у вас раньше и передала от них весточку, тогда сами они останутся как бы ни при чем. Представьте, каково им будет, если Уния пронюхает об этом предупреждении. Уния наступает, сэр.

Анджело пристально разглядывал округлое лицо и глубоко посаженные темные глаза женщины. Затем медленно кивнул.

— Вы знаете, что здесь начнется, если ваши люди сболтнут хоть слово в доках или где-нибудь еще?

— Мы — семья, — буркнула Айлико, спокойно выдержав его взгляд. — С чужими не откровенничаем. Господин Константин, мы — в милиции, потому что прилетели сюда порожняком и вынуждены отрабатывать свой хлеб. И еще — потому что деваться нам больше некуда. Будь «Лебяжье перо» рейсовиком Компании, оно

имело бы кредит и право на обеспечение всем необходимым. Как насчет вознаграждения, господин Константин? Только ради Бога, не говорите о кредитах в ваших банках. Мне нужны припасы в трюмах моего корабля.

— Шантаж, капитан?

— Я поведу своих людей на патрулирование. Если мы встретимся с кораблями Унии, то сразу сообщим вам и прыгнем. Контейнеровозу несподручно играть в салочки с рейдерами, и мне неохота совершать подвиги. Мы хотим получить привилегии ваших кораблей, которым разрешено иметь на черный день еду и питье.

— Вы думаете, кто-то утаивает грузы?

— Господин управляющий, вы прекрасно знаете, что так поступают все купцы, базирующиеся на Пелле. И вы смотрите на это сквозь пальцы, чтобы с ними не ссориться. Скажите, много ли ваших таможенников замарали мундиры, досматривая трюмы и резервуары? Я с вами откровенна. Прошу для моей семьи тех же поблажек.

— Вы их получите. — Анджело повернулся к клавиатуре и отправил распоряжение выдать «Лебяжьему перу» все необходимое. — Прошу вас выйти на патрулирование, как только управи-

тесь с погрузкой.

— Отличная работа, господин Константин, — кивнула Айлико, когда он снова повернулся к ней лицом.

— Скажите, капитан, куда вы прыгнете при необходимости?

— В самую глубь Глубокого, господин Константин. Есть там одно местечко… И так поступят многие купцы: Да вы, наверное, и сами это знаете. Впереди не самые лучшие времена. Когда-то Уния покровительствовала купцам; остается надеяться, что рано или поздно ей снова понадобятся фрахтеры.

Анджело нахмурился.

— Вы уверены, что на это стоит рассчитывать?

Айлико пожала плечами.

— Надо плыть по течению, господин управляющий. Сколько бы станция ни платила торговцам, стоит ли цепляться за нее, если фронт трещит по всем швам?

— Много ли купцов разделяет вашу точку зрения?

— Мы давно готовы бежать, — тихо произнесла она. — Вот уж лет пятьдесят. Спросите хотя бы у Квин. Вы тоже подыскиваете себе укромное местечко, господин управляющий?

— Нет.

Она откинулась на спинку кресла и неторопливо кивнула.

— Что ж, позвольте выразить вам мое уважение. Поверьте, что мы не прыгнем, не передав Пеллу сигнала тревоги. Это больше, чем мог бы сделать любой другой.

— Я понимаю, для вас это огромный риск. Припасы вы получите. Что-нибудь еще?

Айлико отрицательно качнула головой, и от этого движения слегка заколыхалось ее массивное тело. Она с трудом поднялась.

— Желаю удачи. — Она протянула руку. — Купцам с этой стороны Черты карта упорно не идет, но они все равно встречаются в темноте и бегут к вам из-под носа Унии с грузом. Выгоды тут никакой, господин управляющий, надеюсь, вы это понимаете. На той стороне кое с чем было бы полегче.

Анджело пожал мясистую кисть.

— Спасибо, капитан.

— Не за что. — Застенчиво поведя плечами, она вышла.

Анджело вскрыл конверт и достал листок бумаги с рукописным текстом. Помучился, разбирая каракули.

«Возвращаемся со стороны Унии. На орбите Викинга — рейдероносцы. Четыре, может, больше. По слухам, Мациан бежал. Есть потери: „Египет“, „Франция“, „Соединенные Штаты“. Возможно, и другие. Ситуация выходит из-под контроля».

Подписи под текстом не было, как и названия корабля. Несколько секунд Анджело изучал записку, затем встал, одним пальцем набрал комбинацию замка и спрятал послание в сейф. У него сосало под ложечкой. Может быть, Ольвиги ошиблись? Или это дезинформация, намеренно распространяемые слухи? Сам «Молот» не пришел… Наверное, решил выждать, понаблюдать за Пеллом, а то и вовсе убежал; любая попытка выйти с ним на прямой контакт вызовет раздражение у остальных купцов. Вокруг Пелла летают фрахтеры, требуя за это пищи и воды. Расходуют станционные припасы и финансы. Требуют уплаты долгов, которые остались за погибшими станциями. Приходится платить, иначе — мятеж. На каждом фрахтере есть «НЗ», но его берегут как зеницу ока, правдами и неправдами вымогая припасы у Пелла. Кое-кто из торговцев привез продукты, это верно, но большинство их только поглощает.

Анджело связался с приемной.

— На сегодня у меня все. Буду дома. Если очень понадоблюсь, приду сюда.

— Хорошо, сэр, — тихо отозвался секретарь.

Анджело переложил со стола в кейс стопку наименее важных документов, надел пиджак и вышел из офиса, вежливо кивнув секретарю и нескольким чиновникам, чьи столы находились в его приемной. Последние дни Анджело засиживался в офисе допоздна и заслужил по крайней мере возможность ознакомиться с документами в более комфортабельной обстановке, не отвлекаясь на другие дела. В его кейсе лежало полсотни досье на кандидатов во временную администрацию. Кроме того, на Нижней возникла проблема, и Эмилио целиком перепоручил ее станции. Он отослал на Пелл часть персонала, на которую возлагались серьезные обвинения. Дэймон настаивал на отправке смутьянов в шахты (чем не способ восполнить потерю рабочих?). Но адвокат выдвинул против юрслужбы обвинение в предубежденности и потребовал полной реабилитации уволенных охранников. Потом за своих бывших подчиненных заступился Джон Лукас. До скандала, слава Богу, не дошло, дело уладили, но на душе у Анджело остался горький осадок. Сейчас в его кейсе лежало полсотни досье на

кандидатов во временную администрацию "К".

Возникло искушение заглянуть по пути в служебный бар — выпить и заодно разобраться с некоторыми бумагами. Выбросить из головы мысли, от которых его то и дело бросало в жар.

В кармане у него лежал электронный блокнот — с ним Анджело не расставался, даже имея надежный переносной ком.

До двенадцатой квартиры первого яруса синей отсюда было рукой подать. Он подошел и тихо отворил дверь.

— Анджело?

Так, Алисия не спит. Положив кейс и пиджак на кресло у входа, он приветливо улыбнулся старой низовке, вышедшей из комнаты Алисии. Она в знак приветствия похлопала его по руке.

— Неплохой денек. Лили?

— Хорошо, — с ласковой ухмылкой Лили приблизилась к креслу и бесшумно забрала вещи Анджело, а он прошел в комнату Алисии, наклонился над кроватью и поцеловал жену. Алисия улыбнулась. Как всегда, она неподвижно лежала на безукоризненно чистых простынях, а рядом, как всегда, хлопотала верная Лили. Сколько лет уже…

Настенные экраны показывали звезды. Каза-

лось, все они — Анджело, Алисия и Лили — висят в безвоздушном пространстве. Звезды, а иногда — доки и коридоры станции, или небо и заросли Нижней. Или кто-нибудь из близких. Все, что способно пробуждать в душе Алисии радость. Лили меняла изображения по ее просьбе.

— Дэймон приходил завтракать, — прошептала Алисия. — И Элен. Это было чудесно. Элен выглядит превосходно. Такая счастливая!

Дэймон и Элен заглядывали сюда часто, то вместе, то порознь… особенно теперь, когда Эмилио и Милико жили на Нижней. Анджело вспомнил про свой сюрприз — кассету, которую сунул в карман пиджака, чтобы не забыть в офисе.

— У меня весточка от Эмилио. Сейчас поставлю послушать.

— Анджело, что-нибудь не так?

У него перехватило дух. Он печально покивал.

— Ничего от тебя не скроешь, дорогая.

— Милый, я слишком хорошо знаю твое лицо. Дурные новости?

— Не от Эмилио. Там-то как раз все благополучно. Гораздо лучше, чем у нас. С персоналом никаких хлопот, строительство новых баз идет полным ходом, ко второй базе проложена дорога, и очень много народу желает переселиться с

главной.

— А я, похоже, узнаю только плохое. Я смотрела в залы.

Он медленно повернулся к жене, чтобы ей легче было глядеть ему в лицо.

— Сюда идет война, — сказал он.

Прекрасные глаза… Все еще прекрасные, хотя лицо — исхудалое, бледное… Зато волевое и энергичное.

— Уже близко?

— Пока только купцы забеспокоились. Униатов поблизости нет, что они замышляют — еще не известно, но меня тревожит моральное состояние станционеров.

— А что, плохо?

— Минут десять назад я говорил с капитаном купеческого корабля. Она упомянула о потайном местечке в Глубоком, о припасах, необходимых ее семье для выживания. В общем, позиция торговцев ясна. Знаешь, что мне пришло в голову? Кроме Пелла, остались и другие базы, островки. Может быть, о них известно всем торговцам, а может, и Мациану. Впрочем, ему-то — наверняка. Если здесь заварится каша, он найдет где укрыться. Но даже при таком раскладе кое-какие шансы у нас останутся.

— Ты улетишь?

Он отрицательно покачал головой.

— Никогда. Ни за что. Другое дело — вывезти мальчиков. Одного мы уговорили переселиться на Нижнюю. Попробуй убедить младшего. И Элен. На нее вся надежда. В Глубоком у нее друзья, и она способна уговорить Дэймона.

Алисия Лукас-Константин не могла прожить без Пелла, без приспособлений, которые нелегко установить на корабле. Она была прикована к станции и к машинам невидимыми цепями. Если она попытается тронуться с места, об этом немедленно всем станет известно. Она напомнила об этом мужу.

— Я — это Пелл — сказала она с безрадостной усмешкой.

— Война еще далеко, — произнес он, боясь, что это совсем не так.

2. ПЕЛЛ: БЕЛЫЙ ДОК: ОФИСЫ «ЛУКАС КОМПАНИ»; 11:00

Джон Лукас сложил в кипу бланки контрактов и свирепо обернулся к людям, что толпились в его офисе, расположенном перед доком. Он долго смотрел на них, размышляя, потом положил бланки на стол перед Браном Хэйлом. Тот забрал

их и роздал остальным.

— Мы согласны, — сказал Хэйл.

— У «Лукас Компани» нет недостатка в рабочих руках. Зарубите это себе на носу. Научитесь приносить пользу. Это личная услуга, если хотите — долг. Я ценю преданность.

— Никаких проблем, — кивнул Хэйл.

— В бутылку больше не лезьте. Норов уже стоил вам проверки на благонадежность, а у меня на службе он уж наверняка не понадобится. Я вас еще на Нижней предупреждал…

— Помню, — буркнул Хэйл. — Но нас спровоцировали, господин Лукас. Личная вражда. Константин изводил нас придирками, искал повода, чтобы выгнать. Все, что вы сделали, он изменил, сломал, развалил. А мы хотели его удержать, сэр.

Джон хмыкнул.

— Бесполезно. Я уже давно не на Нижней, а теперь и вы. Я бы предпочел, чтобы Джекоби вытащил вас с более легким приговором, но спасибо ему и на этом. Отныне вы — мои служащие. — Он присел на край стола. — Собственно, вам очень повезло. Ни грязи, ни мигрени из-за спертого воздуха. Нормальная жизнь цивилизованных станционеров. Будете исполнять любые требо-

вания Компании и при этом работать головой. И не приведи Господь вызвать мое недовольство. Все ясно?

— Да, сэр, — отозвался Хэйл.

— Теперь Ли… — Джон задумчиво смотрел на Ли Квэйла. — Ты время от времени будешь охранять собственность семьи Лукас. Будешь носить пистолет. Но не вздумай палить! Знаешь, что ты был на волосок от Урегулирования?

— Тот ублюдок ударил по стволу, — проворчал Квэйл.

— Шефа юрслужбы зовут Дэймон Константин. Вот так-то, приятель. Эмилио — его брат. Анджело ничего не прощает, и будь твоя вина чуть посерьезнее, он бы тебя пропустил через мельницу. В следующий раз, когда захочешь перейти дорожку кому-нибудь из Константинов, подумай хорошенько.

Отворилась дверь, в кабинет проскользнул Витторио. Сделав вид, будто не заметил, как нахмурился Джон, он приблизился к нему и прошептал на ухо:

— Человек. С купца «Лебяжье перо».

— Не знаю никакого «Лебяжьего пера», — прошипел Джон в ответ. — Пускай подождет.

— Нет. — Витторио снова наклонился к нему. —

Послушай, я не уверен, что ему можно здесь находиться.

— Что значит — не уверен?

— Документы. По-моему, он здесь нелегально. Оттуда. Ума не приложу, что с ним делать.

Джон нервно вздохнул, по его коже пробежал холодок. Офис битком набит свидетелями! И док!

— Зови, — велел он сыну. — Выйдите, — обернулся он к Хэйлу и остальным. — Заполните бланки и отдайте секретарю. С этой минуты вы выполняете его распоряжения. Любые. Ступайте.

Ответом были хмурые, подозрительные взгляды.

— Пошевеливайтесь! — прикрикнул он на Хэйла и его людей. Витторио поспешил за ними следом и исчез за дверью, оставив ее отворенной. Через секунду в кабинет вошел человек в форме торговца. Спокойно, без малейшего признака нервозности он закрыл дверь. Джон следил за ним, отмечая про себя: лицо обычное, невыразительное. Движения спокойные, рассчитанные. Манеры властные. Возраст — явно за тридцать.

— Господин Джон Лукас? — произнес посетитель.

— Да, я Джон Лукас.

Многозначительный взгляд гостя поднялся к

потолку, обежал стены.

— За мной не следят, — буркнул Джон. У него перехватило дыхание. — Явились сюда у всех на виду, а теперь боитесь?

— Мне нужна «крыша».

— Как вас зовут? И кто вы такой?

Незнакомец подошел к столу, стащил с пальца золотое кольцо, достал из кармана паспорт станционера. Положил перед Джоном и то, и другое. Вещи Дэйина.

— Вы нам сделали предложение, — сказал посетитель.

Джон похолодел.

— Господин Лукас, дайте мне укрытие.

— Кто вы?

— Я прилетел на «Лебяжьем пере». Оно берет припасы и отчаливает. Времени в обрез.

— Имя, приятель. Я не привык вести дела неизвестно с кем.

— Имя мне дадите вы. Ваш человек отправится на «Лебяжьем пере». Заложник. Но такой, чтобы мог выступать от вашего имени. У вас есть сын.

— Витторио?

— Да. Пошлите его.

— Он наломает дров.

Незнакомец смотрел холодно и твердо. Джон

спрятал в карман паспорт и кольцо, затем его онемевшая рука потянулась к пульту кома.

— Витторио.

Сын шмыгнул в кабинет, снова оставив дверь открытой. Глаза его бегали.

— Господин Витторио Лукас, — обратился к нему посетитель, — корабль, на котором я сюда прилетел, доставит вас на фрахтер «Молот». На нем вы покинете подконтрольное Пеллу пространство. Опасаться совершенно нечего. Экипажи обоих кораблей абсолютно надежны. Капитан «Лебяжьего пера» крайне заинтересована в вашем благополучном прибытии, поскольку от этого зависит возвращение ее семьи.

— Делай, как он говорит, — велел Джон сыну.

Лицо Витторио стало белее мела.

— Лететь?.. Вот так сразу?..

— Ничего с тобой не случится. Твоя драгоценная персона будет там сохраннее, чем здесь. А здесь скоро такое начнется! Отдай ему документы, карточку и ключ. Иди на «Лебяжье перо» с кем-нибудь из курьеров. Постарайся не выглядеть пришибленным. Держи себя в руках. Это несложно.

Витторио ошалело смотрел на отца.

— Все будет в порядке, уверяю вас, — заявил

незнакомец. — Прилетите на место и будете действовать, как предусмотрено нашим планом. Сидеть и ждать.

— Нашим планом?

— Мне обещали, что вы меня поймете.

Витторио полез в карман, отдал все свои документы. С его лица не сходило выражение безграничного ужаса.

— Номер компа, — потребовал гость.

Витторио написал номер в блокноте.

— Да не бойся ты, — сказал Джон. — Говорю тебе, там будет лучше.

— То же самое ты говорил Дэйину.

— Дэйину Джекоби пожаловаться не на что, — произнес незнакомец.

— Ну, не раскисай, — проворчал Джон. — Будь мужчиной. Если раскиснешь и проколешься, нас всех урегулируют. Ты хорошо меня понял?

— Да, сэр, — обморочным голосом откликнулся Витторио.

Джон подбородком указал ему на дверь и небрежно пожал дрожащую руку. Возможно, Витторио оказывал ему неоценимую услугу, но даже в этот момент Джон не мог внушить себе симпатии к сыну.

— Я этого не забуду, — пробормотал он, зная,

что в подобных ситуациях обходительность лишней не бывает.

Витторио кивнул.

— Этот док, — сказал незнакомец, просматривая его документы. — Второй причал. И поторопитесь.

Витторио вышел. Посетитель сунул в карман документы и листок с компьютерным номером.

— Регулярное использование номера должно успокоить комп, — заметил он.

— Кто вы?

— Джессад. Или Витторио Лукас — с той минуты, когда я впервые воспользуюсь его документами. Где его квартира?

— Он живет у меня, — сожалея об этом, ответил Джон.

— А кто еще с вами живет? Женщина? Или близкие друзья, которым может не понравиться…

— Только он.

— Это сходится со словами Джекоби. Жить в вашей квартире… весьма удобно. Я не вызову любопытства, если пойду туда в этой одежде?

Сев на край стола, Джон ладонью стер пот с лица.

— Вы напрасно волнуетесь, господин Лукас.

— Они… корабли Унии идут сюда?

— Я должен здесь кое-что организовать. Я — консультант, господин Лукас. Это самый подходящий термин. Человек и один-два корабля — невелика потеря в такой игре… Но я, видите ли, хочу жить, на худой конец, умереть не без пользы. Не упрекайте меня за простую осторожность.

— Вас что, послали сюда… без поддержки?

— Поддержка будет, и еще какая, но пока она дойдет… Мы обо всем побеседуем у вас дома. Я весь в ваших руках, ведь вы не так уж крепко привязаны к сыну.

У Джона кровь хлынула к вискам.

— Господин Джессад, вас это не касается.

— В самом деле? — Джессад неторопливо ощупал Джона взглядом. — Господин Лукас, чему быть, того не миновать. Пелл обречен. У вас же есть шанс перейти на сторону победителей. В обмен на высокое положение оказать нам несколько услуг. В долгу мы не останемся, поверьте. Видите, как все по-деловому? Вы будете следовать моим советам, никакой самодеятельности. У меня немалый опыт работы в подобных ситуациях. Мне сказали, что у вас запрещено устанавливать аппаратуру для слежки за гражданами, что власти Пелла насчет этого непреклонны. Здесь есть такие устройства?

— Нет, — с трудом сглотнув, ответил Джон. — Это совершенно противозаконно.

— Великолепно. Я не любитель разгуливать под объективами. Что вы думаете о моей одежде, господин Лукас? В ваших коридорах она не будет бросаться в глаза?

Джон повернулся, порылся в столе и нашел подходящий бланк. Бешено колотилось сердце. Если Джессада остановят, если заподозрят, если сравнят его подпись с подписью на паспорте… Но уже ничего не изменишь. А вдруг полиция обыщет «Лебяжье перо» или кто-нибудь заметит, что перед стартом корабля с него не ушел Витторио?..

— Вот. — Он оторвал листок от книжечки разовых пропусков. — Сами никому не показывайте, предъявите только полиции, если вас остановят. — Он нажал кнопку кома и склонился над микрофоном. — Бран Хэйл еще здесь? Пусть войдет.

— Господин Лукас, — осведомился Джессад, — зачем нам свидетели?

— Вы спрашивали насчет коридоров. Если вас задержат, вы — купец, у которого украли документы, идете по этому пропуску в службу паспортного контроля. Бумаги Витторио давайте

сюда, не хватает еще, чтобы их у вас нашли. Вечером верну. Дома.

Джессад отдал документы и получил взамен пропуск.

— А что здесь делают с торговцами, потерявшими документы?

— Вызывают всю семью и устраивают жуткую разборку. Для вас, господин Джессад, это может кончиться тюрьмой и Урегулированием. Но кражи документов у купцов здесь не редкость. Если арестуют, положитесь на меня. У меня есть корабли и адвокаты, и я что-нибудь придумаю. Скажите, что вы с «Шебы». Я знаю эту семью.

Отворилась дверь, и Джессад проглотил ответ. Вошел Бран Хэйл.

— Положитесь на меня, — повторил Джон, наслаждаясь замешательством Джессада. — Бран, для тебя уже есть работа. Проводи этого человека ко мне домой. — Он вытащил из кармана ключ. — Побудь с ним до моего прихода. Я могу задержаться, так что распоряжайся в квартире сам. Учти, у него — легенда. Если по пути вас остановят, во всем поддакивай ему. Понятно?

Взгляд Хэйла стрельнул в Джессада и снова уперся в Джона. А он не дурак, этот Хэйл — не задает лишних вопросов.

— Господин Джессад, — прошептал Джон, — можете во всем ему доверять.

Джессад изобразил улыбку и протянул руку. Джон пожал сухую ладонь человека со сверхъестественными нервами. Хэйл указал посетителю на дверь, и Джон, не отходя от стола, проводил их взглядом. В приемной сотрудники вроде Хэйла — надежные, сам выбирал. Похоже, никто из них не «подрабатывает» на Константина (Джон не поленился это проверить). Джессад оставался невозмутим, а у хозяина кабинета тряслись руки. Агент Унии. Превзошедший все ожидания результат интриги с Джекоби. Джон закинул удочку, а судьба нацепила на крючок золотую рыбку.

Корабли Унии близко. Настолько близко, что способны засылать сюда лазутчиков, таких как Джессад. Снова усевшись в кресло, Джон вертел в руке стакан и прихлебывал из него, пытаясь собраться с мыслями. Джессадова затея провести комп не выгорит, машина раскусит эту шараду в считанные дни, и тогда первым могут схватить его, Джона, а не униата, данных о котором и вовсе нет в компе. Пускай для Унии Джессад — небольшая потеря, но себя Джон ценил неизмеримо выше.

Стараясь сосредоточиться, он потягивал спирт-

ное. Затем в порыве вдохновения схватил со стола несколько бланков и авторучку. «Так. Оформляем вылет ближнерейсовика. В „Лукас Компани“ хватает людей, умеющих держать язык за зубами. Взять хотя бы экипаж „Шебы“. Они не откажутся вывести из дока корабль с призраком на борту, подделать декларацию, список команды и пассажиров… Прослеживание маршрутов черного рынка дало множество самых разнообразных сведений, огласка которых иным капитанам совсем ни к чему. Так что сегодня во второй половине дня к шахтам отправится рейсовый корабль, и в станционном реестре можно будет изменить компьютерный номер Витторио».

Легкая зыбь, только и всего… На ближнерейсовики, курсирующие между шахтами и станцией, никто не обращает внимания. Один-единственный полет ничем не угрожает безопасности Пелла, поскольку на ближнерейсовике нет ни мощного оружия, ни двигателя для межзвездных прыжков. Конечно, Анджело задаст несколько вопросов, но Джон сумеет усыпить его подозрения. Он составил распоряжение, с удовлетворением проследил, как комп «проглатывает» его и выдает на дисплей объявление для «Лукас Компани» о том, что впредь любой ее корабль, вылетающий

рейсом на шахты, должен вывозить со станции такой-то и такой-то груз. Джон всегда добивался увеличения штрафов за порожние рейсы. Это форменное безобразие! Он набрал текст: «Взята 1/4 станционной нормы груза. Отправление в 17:00 ос».

Глубоко вздохнув, Джон откинулся на спинку кресла. Сердце успокоилось. Главное — комп ни к чему не придрался, асе подчиненными будет куда проще. Он знал своих людей.

Он снова склонился над клавиатурой, стал выуживать из памяти компа фамилии и имена. Подбирать экипаж. «Кулинсы подойдут», — подумал он о семье торговцев, давно нанятой Лукасами.

— Как только Кулинсы появятся, пришли их ко мне, — велел он секретарю через ком. — У меня для них заказ. И побыстрее собери что-нибудь для отправки в шахты. Потом вызови запасную бригаду докеров, пускай доставят груз со станционных складов на борт фрахтера. И никаких склок, что дадут, то и бери. Документы оформи так, чтобы комар носу не подточил. Ты отвечаешь за все. Действуй. Да поторопись. Все понял?

— Да, сэр, — раздался голос в динамике. И — через несколько секунд: — Я связался с Кулинсами.

Они благодарят за заказ и идут сюда.

«Энни» — подходящий корабль, он не раз совершал длительные полеты к шахтам в интересах «Лукас Компани». Вдобавок он невелик и не вызовет чрезмерного любопытства. В молодости Джон ходил в подобные рейсы, изучал бизнес. Так что и Витторио вполне мог это сделать.

Джон прикладывался к стакану и нервно ворошил бумаги на столе.

3. ПЕЛЛ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЦИЛИНДР; 9.9.52; 12:00

Гравитация в спортзале далеко не дотягивала до нормы. Джош схватился за бок, осел на мат и опрокинулся навзничь. Упираясь ладонями в голые колени, Дэймон склонился над ним с веселой улыбкой.

— Все, я спекся, — прохрипел Джош, едва к нему вернулось дыхание. — Я тренирован, но не до такой же степени.

Дэймон опустился на колени. Он сутулился и тоже тяжело дышал.

— Все отлично. Ты держался здорово, честное слово. — Ухмыляясь, он с шумом втянул ртом и медленно выпустил воздух. — Помочь?

Джош крякнул, перекувырнулся и неуклюже встал. У него дрожал каждый мускул. К тому же

он стеснялся людей, которые проходили мимо по полого наклоненной ленте. Было шумно — люди переговаривались во весь голос. Свобода. Если здесь и надо опасаться, то разве что тихого смешка. Джош мог бы бежать дальше… если бы не отказало дыхание. Он и так переупражнялся, но все-таки жалел, что сил не хватало.

У него тряслись колени и кололо в боку.

— Пошли. — Дэймон легко поднялся и, поймав руку Джоша, повел его к раздевалкам. — Парилка тебя вылечит, по крайней мере, мускулы расслабит. У меня есть еще немного времени, а потом надо будет вернуться в офис.

Они вошли в захламленную раздевалку, сняли одежду и сунули ее в люк прачечной. Возле люка лежала груда полотенец. Два из них Дэймон вручил Джошу и повел его к двери с табличкой «Пар», затем — через тесную душевую к двум рядам кабинок, скрытых завесой пара. Большинство кабинок было занято, лишь в самом конце прохода нашлось несколько свободных. Дэймон и Джош вошли в среднюю и расположились на деревянном настиле. Сколько воды! Джош смотрел, как Дэймон зачерпывает и льет воду себе на голову, не забывая плескать на раскаленную металлическую плиту, окутанную белым облаком.

После парилки Джош окунулся в бассейн и вытерся полотенцем. От жара у него перехватывало дыхание, кружилась голова.

— Тебе плохо? — встревожился Дэймон.

Джош отрицательно покачал головой, боясь, что отнимает чужое время. Эта мысль не оставляла его ни на миг, пока рядом был Дэймон. Душевное равновесие стоило ему отчаянных усилий. Он опасался привыкнуть к кому-либо, привязаться… Из памяти выплывали все новые факты, не подлежащие сомнению, жестокие, как сама правда… Он всегда ненавидел одиночество. Рано или поздно Дэймон устанет от него, потеряет интерес. Дружба с такими людьми недолговечна. И вновь Джошу останутся только искалеченная память и свобода в тюрьме под названием Пелл…

— Ты чего-то боишься?

— Нет! — Страстно желая сменить тему, он сказал Дэймону, который жаловался, что у него нет напарника для тренировок: — Я думал увидеть здесь Элен.

— Она теперь не может. Из-за беременности.

— А! — Джош заморгал, отводя глаза. Не стоило заговаривать об этом, вторгаться в чужую жизнь. Он почувствовал себя не в своей тарелке. Считал,

что знает женщин, но впервые сталкивался с такими вещами, как беременность и постоянство в любви. Он вспомнил женщину, которую любил — старенькую, сухонькую… но возраст и внешность не имели для него значения. Мальчишеская любовь. Тогда он был совсем ребенком. Джош попытался потянуть за ниточку воспоминаний и наткнулся на тугой клубок. Он не хотел думать об Элен как о простой женщине, жене, будущей матери. Не мог. Вспомнились предупреждения врачей: психический регресс, так они это называли. Регресс…

— Джош, как ты себя чувствуешь?

Он заморгал, подумав: «Надо взять себя в руки».

— Тебя что-то гложет?

Он ответил беспомощным жестом, боясь, что не выдержит и начнет рассказывать.

— Не знаю.

— Ты все время о чем-то думаешь.

— Ни о чем я не думаю.

— Не доверяешь мне?

Джош мигал так часто, что еле видел. На глаза стекал пот. Он вытер лоб.

— Все в порядке, — произнес Дэймон как ни в чем не бывало.

Джош встал и подошел к выходу из деревянной кабинки, чтобы хоть ненамного увеличить расстояние между собой и Дэймоном. Казалось, невидимые пальцы сжимают его желудок.

— Джош?

Темнота, теснота… Можно убежать, вырваться из этой тесноты… Но тогда его схватят и вернут в палату. В белые стены.

— Боишься? — Предположи Дэймон что-нибудь другое, он тоже оказался бы недалек от истины. Снова — беспомощный жест, говорящий на сей раз о том, что Джошу очень плохо. Шум человеческих голосов вдалеке уже превратился в ровный звуковой фон, едва отличимый от безмолвия.

— Ты меня в чем-то подозреваешь? — спросил Дэймон.

— Нет.

— В неискренности?

— Нет.

— Так в чем же дело?

Силы Джоша иссякли, близился обморок.

— Пожалуйста, — настаивал Дэймон. — Скажи.

Джош оглянулся, прижимаясь лопатками к деревянной стенке.

— Ты перестанешь, — произнес он заплетающимся языком, — когда тебе надоест.

— Что я перестану? А, ты опять об одиночестве…

— Тогда чего же ты хочешь?

— Ты думаешь, я с тобой занимаюсь из одного любопытства? Это не так.

Джош судорожно сглотнул.

— Что натолкнуло тебя на эту мысль? — спросил Дэймон. — Поведение Элен? Или мое?

— Мне не хочется об этом думать, — выдавил Джош через несколько секунд, — но ведь ты и правда возишься со мной только из любопытства.

— Нет, — произнес Дэймон. — Нет.

У Джоша снова задергались веки. Он шагнул к скамье и сел, пытаясь одолеть тик. Все дело в таблетках — ему их больше не дают. Жаль. Хорошо бы наглотаться успокоительного и не шевелиться. Не думать. Хорошо бы вырваться отсюда. Чтобы никто не лез в твои мозги.

— Ты нам нравишься, — сказал Дэймон. — Что в этом плохого?

Эти слова ошеломили Джоша. Сердце его забухало, как электрический молот.

— Пойдем. — Дэймон поднялся. — Ни к чему перегреваться.

Джош кое-как выпрямился. У него тряслись

колени, перед глазами все расплывалось из-за пота, жары и слабой гравитации. Отшатнувшись от руки Дэймона, он побрел по проходу между кабинками.

От прохладного душа в голове слегка прояснилось. Он постоял под струями на несколько минут дольше необходимого, вдыхая освежающий воздух. Вышел, чувствуя себя значительно лучше, и, завернувшись в полотенце, направился в раздевалку. Дэймон шагал следом.

— Извини, — сказал Джош, подразумевая доставленные им хлопоты.

— Рефлексы… — Нахмурившись, Дэймон решительно взял Джоша за руку. Тот отпрянул назад и с грохотом ударился спиной о дверцу шкафчика.

Темнота. Неразбериха. Толпа. Тянущиеся к нему руки. Разум рванулся, затем съежился. Джош глядел в лицо обеспокоенному Дэймону.

— Джош!

— Извини, — повторил Толли. — Извини.

— Не надо было так долго сидеть в парной. Ты, наверное, перегрелся.

— Не знаю, — прошептал Джош. — Не знаю. — Он неуверенно шагнул к скамье и сел на нее. Вскоре в глазах прояснилось. — Прости. — На душе было мерзко, он нисколько не сомневался

в том, что Дэймону надоели его припадки. — Может, мне лучше вернуться в больницу?

— Тебе так плохо?

Джошу не хотелось в палату с голыми, неуютными стенами. В больнице он знал нескольких врачей, и они его знали. «Они могут вылечить меня от депрессии, — подумал он. — Но сделают это лишь потому, что обязаны».

— Я свяжусь с офисом, — сказал Дэймон. — Скажу, что задержусь. Если тебе станет совсем худо, пойдем в больницу.

Джош опустил голову на руки.

— Не знаю, зачем я это делаю, — проговорил он. — Я кое-что вспоминаю, а что именно, не могу понять. Может, из-за этого у меня так болит желудок.

Не сводя с него глаз, Дэймон сел на скамью верхом.

— Могу себе представить, — нарушил он затянувшуюся паузу.

Джош поднял голову, с досадой подумав, что Дэймон имеет доступ к его досье.

— Что ты можешь представить?

— Здесь тесновато… Большинство беженцев паникуют в тесноте. Клаустрофобия въелась в их души.

— Но я сюда прилетел не с беженцами, — возразил Джош. — Это я помню.

— А еще что ты помнишь?

Лицо Джоша задергалось. Он встал и принялся одеваться. Через несколько секунд Дэймон последовал его примеру. В раздевалку вошло пять-шесть человек, вместе с ними ворвался шум — самый обыкновенный гул спортивного зала.

— Ты на самом деле хочешь, чтобы я проводил тебя в больницу? — спросил Дэймон.

Джош пожал плечами, надевая куртку.

— Не надо. Пройдет. — Джош решил, что дело и впрямь в тесноте, и, хотя его бил озноб, он решил, что надо просто одеться. Дэймон хмуро указал на дверь. Они вышли в холодный коридор, вместе с дюжиной мужчин совершили головокружительное падение в лифте. Оказавшись в нормальной гравитации внешней оболочки, Джош глубоко вздохнул, вышел из кабины на подкашивающихся ногах и замер в людском круговороте.

Рука Дэймона сжала его локоть, мягко направила к сиденью у стены. Джош с удовольствием отдохнул несколько минут, глядя на прохожих. Он сидел не в той секции, где располагался офис Дэймона, а в зеленой. Из ресторана долетала музыка. Они шли в ту сторону… но остановились.

Так решил Дэймон. «Наверное, перейдем на дорогу, ведущую к больнице, — подумал Джош. — Или просто отдохнем».

Он сидел, тяжело дыша, затем признался:

— Меня слегка мутит.

— Пожалуй, тебе надо вернуться в гостиницу, хотя бы на на проверку. Зря я повел тебя в спортзал.

— Нет, дело не в этом. — Джош наклонился, опустил голову на руки и, несколько раз медленно вздохнув, выпрямился. — Имена… Дэймон, ты помнишь имена из моего досье? Где я родился?

— На Сытине.

— А моя мать? Ты знаешь, как ее звали?

Дэймон наморщил лоб.

— Нет. Этого ты не сказал. В основном ты говорил о тете. Ее звали Мэвис.

В памяти Джоша снова проявилось лицо пожилой женщины. В груди поднялось знакомое тепло.

— Да.

— Ты даже ее позабыл?

Вернулся тик. Джош изо всех сил старался говорить спокойно.

— Видишь ли, я никак не могу понять, где — настоящее, где — воображаемое, а где сновидения.

Ты бы тоже запутался, если б не знал разницы между этими вещами. Значит, Мэвис…

— Да. Ты жил на ферме.

Джош кивнул, хватаясь за драгоценные крохи воспоминаний. Озаренная дорога, пыль под босыми ногами, видавшая виды изгородь. Как часто снилась ему эта дорога, и пыль, и дом, и амбар, и силосная башня… и много других домов, амбаров и башен. И колосья, золотящиеся на полях.

— На плантации. Она гораздо больше любой фермы. Да, я там жил, пока не поступил в военную школу. Кажется, с тех пор я не бывал ни на одной планете. Это так?

— Ни о какой другой планете ты не упоминал.

Джош сидел, удерживая в голове образы, наслаждаясь ими — прекрасными, теплыми, реальными. Он попытался восстановить в памяти детали: солнце, цвета заката, пыльную дорогу, убегающую от деревни… Большая, мягкая, уютная женщина и тощий суетливый мужчина, который вроде бы ничем не занимался, только ругал погоду. Фрагменты воспоминаний складывались, как кусочки мозаики. Родина. На это слово душа отозвалась болью.

— Дэймон, — сказал Джош, набравшись храбрости, ибо это была не просто сладкая греза. — Тебе

не было нужды обманывать меня. Но ты солгал, когда я попросил тебя рассказать о кошмарах. Помнишь? Зачем?

Похоже, Дэймон смутился.

— Дэймон, я боюсь. Боюсь *лжи*, понимаешь? Боюсь… многого. — Он запинался, досадуя на свои дергающиеся скулы, и на язык, не способный подбирать нужные слова, и на память, превращенную в решето. — Дэймон, скажи мне имена и названия. Ты читал досье. Читал, я знаю. Объясни, как я попал на Пелл.

— Как и все остальные. Прилетел после падения Рассела.

— Нет. Начиная с Сытина. Назови имена.

Дэймон положил руку на подлокотник и мрачно поглядел на Джоша.

— Первое из перечисленных тобой назначений — на «Коршун». Не знаю, сколько ты на нем прослужил, возможно, это был твой единственный корабль. Как я понял, тебя забрали с фермы в эту, как ты говоришь, военную школу и там обучили на военопа. Судя по твоим ответам, корабль был очень мал.

— Разведчик. — Перед мысленным взором Джоша отчетливо вырисовались консоли и тесные отсеки «Коршуна», где члены экипажа жили

плечом к плечу в нулевом тяготении. Служба по большей части проходила при станции Передовая — в доках и патрулировании. Иногда «Коршун» ходил в дальние рейды с одним-единственным заданием: увидеть то, чего еще никто не видел. Кита… Кита и Ли… Кита казалась ребенком — к ней Джош особенно привязался. И Ульф. Он обрадовался, вспомнив их лица. Они неплохо притерлись друг к другу — притерлись чуть ли не в буквальном смысле, ибо на борту разведчика человек не ведал уединения. Джош провел вместе с ними годы. Годы! И теперь они мертвы… Словно во второй раз он переживал их смерть. «Берегись!» — кричала Кита. Он тоже кричал, сообразив, что их засекли. Ошибка Ульфа. Джош беспомощно сидел у консоли — ни одного орудия, нечем отбиться…

— Меня подобрали, — сказал он. — Не помню кто.

— Вас подбил корабль по имени «Тигрис», — напомнил Дэймон. — Рейдер. На твое счастье, в том районе оказался купец. Он принял сигнал из твоей капсулы.

— Продолжай.

Дэймон помолчал, будто размышляя, стоит ли рассказывать. Беспокойство Джоша росло, неви-

димая рука все сильнее сжимала желудок.

— Тебя привезли на станцию, — сказал наконец Дэймон. — С борта купца тебя вынесли на носилках, хотя на твоем теле не было ран и ушибов. Видимо, шок. Переохлаждение. На «Коршуне» почти целиком отказала система жизнеобеспечения, и ты едва не погиб.

Джош недоумевающе покачал головой. Об этом никаких воспоминаний. Пустота. Даль. Холод. Зато он вспомнил доки и врачей. И допросы, бесконечные допросы…

Толпы. Вопящие толпы в доках. Падающие охранники. Кто-то хладнокровно стреляет в лицо лежащему человеку. Кругом — затоптанные, впереди — ревущая живая волна, а позади — вооруженные солдаты. «Они захватили оружие», — слышен чей-то крик. Паника… Как будто под напором воды рушится плотина…

— После взрыва на Маринере, — продолжал Дэймон, — тебя вывезли вместе с другими уцелевшими.

— Элен…

— На Расселе тебя допрашивали, — негромко рассказывал Дэймон. — Выпытывали… не знаю что. Боялись. Спешили. Применяли незаконные методы наподобие Урегулирования. Пытались

вытянуть из тебя информацию — сроки нападения, направления ударов и тому подобное. Но ничего не добились. Потом началась эвакуация, и тебя переправили сюда.

Черная «пуповина», соединяющая корабль со станцией. Солдаты. Оружие.

— На военном крейсере, — добавил Джош.

— Да. На «Норвегии».

Внутренности стянуло в узел. Мэллори. Мэллори и «Норвегия». Графф. Он вспомнил. Гордость… там умерла его гордость. Он превратился в ничтожество. Кто он? Что он? Это никого не интересовало. У них не было даже ненависти — только горечь и скука. И жестокость. Для них он был всего-навсего живой тварью, способной испытывать боль и стыд, кричать, когда захлестывает ужас, и понимать, что до твоих мук никому нет дела. «Хочешь обратно к ним? — Он помнил даже интонации Мэллори. — Хочешь?»

Этого он не хотел. У него вообще не осталось желаний, кроме одного: ничего не чувствовать. Вот она, причина кошмаров. Вот откуда эти жуткие темные фигуры. Вот из-за чего он просыпается по ночам.

Он медленно кивнул, смиряясь с этим открытием.

— Здесь тебя содержали в тюрьме. Тебя допрашивали везде — на Расселе, на «Норвегии», здесь… Если думаешь, что при Урегулировании мы изменили твои воспоминания… поверь, это не так. Джош!

— Со мной все в порядке. — Произнести это было нелегко — дыхание перехватило, тяжесть в желудке не отпускала. Это из-за близости человека, догадался он. Эмоциональной или физической. Он старался держать себя в руках.

— Посиди здесь.

Прежде чем Джош успел возразить, Дэймон прошел в один из магазинов у стены коридора. Джош послушно ждал, прислонясь к стене затылком. Сердце понемногу успокаивалось.

Внезапно он сообразил, что его впервые оставили на свободе одного… если не считать походов из гостиницы на работу и обратно. Возникло острое ощущение собственной наготы. «Интересно, — подумал он, глядя на прохожих, — эти люди знают, кто я такой?» От этой мысли ему стало страшно.

«Кое-что вы вспомните, — пообещал доктор, когда Джошу перестали давать таблетки. — Но сумеете отстраниться от этих событий».

Кое-что…

С двумя чашками в руках вернулся Дэймон, сел, протянул одну Джошу. Фруктовый сок с чем-то незнакомым. И со льдом. И с сахаром. Желудок моментально отпустило.

— Ты же опаздываешь в офис, — спохватился Джош.

Дэймон промолчал, пожав плечами.

— Я хочу… — Джош запнулся. — Я хочу пригласить вас с Элен на ужин. Теперь у меня есть работа.

Дэймон пристально посмотрел на него.

— Хорошо, я спрошу Элен.

От этих слов у Джоша гора свалилась с плеч.

— Я хочу, — продолжал он, — пойти сейчас домой. Сам.

— Хорошо.

— Мне необходимо было выяснить… что я помню. Извини.

— Мне тебя очень жалко. — Эти слова тронули Джоша до глубины души.

— Но домой я пойду один.

— Когда обещанный ужин?

— Это решать вам с Элен. У меня больше свободного времени.

Шутка вышла неудачной, но Дэймон счел необходимым улыбнуться. Они осушили чашки и

встали.

— Спасибо.

— Я поговорю с Элен, а завтра свяжусь с тобой. Ни о чем не беспокойся. Если что-нибудь понадобится, обращайся ко мне.

Джош кивнул, повернулся и вошел в толпу, где любой мог знать его в лицо. Толпа… как тогда в доке. Нет, не так. Здесь — другой мир, в нем можно ходить без конвоя. Словно наследник, только что вступивший в право владения, Джош открывал для себя станцию. Вместе с уроженцами Пелла он приблизился к дверям лифта, постоял в ожидании кабины. Как будто в этом не было ничего особенного.

Кабина пришла.

— Седьмой, зеленая, — произнес он, когда человеческие тела оттеснили его от пульта. Кто-то любезно нажал за него нужную кнопку. Плечом к плечу… Как хорошо… Вот и его ярус. Извинившись, он проскользнул между пассажирами, которые не удостоили его даже взглядом, и остановился в знакомом коридоре возле гостиницы.

— Толли! — Оклик заставил его вздрогнуть. Он посмотрел направо и увидел людей в форме охранников. Один из них улыбнулся. Сердце Джоша забилось быстрее, но тотчас успокоилось.

Охранник оказался знакомым.

— Вы теперь здесь живете?

— Да. — Он виновато добавил: — Я не очень хорошо вас помню. Наверное, мы познакомились, когда меня привезли. Наверное, вы были моим надзирателем.

— Точно, — кивнул охранник. — Рад, что для вас все кончилось благополучно. — Похоже, он не кривил душой.

— Спасибо.

Джош двинулся своим путем, а надзиратели — своим. Тьма отступила. А он-то думал, что все эти люди ему приснились! Нет, не приснились. Все было на самом деле.

Он миновал стол администратора, прошел по коридору к восемнадцатому номеру, открыл дверь. Вот оно, его убежище — скромно обставленное, без окон… исключительная привилегия, при такой тесноте. Спасибо Дэймону…

Обычно, приходя домой, он включал вид, и тот заполнял номер голосами. Иначе безмолвие навевало страшные сны. Сейчас он опустился на кровать и просто сидел в тишине, ощупывая воспоминания, как полузажившие раны.

«Норвегия»…

Сигни Мэллори…

Мэллори…

4. ПЕЛЛ: БЕЛЫЙ ДОК: ОФИСЫ «ЛУКАС КОМПАНИ»; 18:30; 06:30 ДС

Ничего страшного не произошло. Джон сидел в самом дальнем кабинете офиса, принимал рутинные сообщения, просматривал заурядные отчеты кладовщиков, но какая-то частица его мозга беспокойно прикидывала, как поступить, если случится наихудшее.

Он задержался на работе дольше обычного. В доках уже потускнели лампы, почти весь персонал основной смены разошелся по домам, улеглась суматоха. Лишь несколько клерков в офисах других служб отвечали на вызовы по кому и занимались мелкими делами в ожидании сменщиков. В четырнадцать сорок шесть беспрепятственно ушло «Лебяжье перо», в семнадцать ноль три с документами Витторио улетели Кулинсы на «Энни», тоже не возбудив ничьего любопытства или беспокойства (вопросы милиции о курсе и сроке возвращения были в порядке вещей). Джону теперь дышалось легче. «Энни» давно скрылась из виду, и уже ничто не могло ее остановить.

Надев пиджак, Джон запер офис и пошел до-

мой.

Он отпер дверь с помощью персональной карточки (вплоть до этой минуты ему было нужно, чтобы каждый его шаг фиксировался компом) и увидел Джессада и Хэйла, сидящих друг против друга в тиши гостиной. Пахло кофе, и Джон начал успокаиваться после дневного напряжения. Он опустился в третье кресло и откинулся на спинку.

— Я выпью кофе, — сказал он Брану Хэйлу. Тот нахмурился, но встал и вышел на кухню.

— Ну, как вам нынешний денек? — поинтересовался Джон у Джессада. — Небогат развлечениями?

— Небогат, — отозвался гость. — Если бы не старания мистера Хэйла, я бы, наверное, сошел с ума от скуки.

— Здесь все спокойно?

— Все в порядке, — донесся голос Хэйла из кухни.

Глотнув кофе, Джон поднял глаза и увидел, что Хэйл ждет. Отпустить его и остаться наедине с Джессадом? Этого Джону не хотелось. Не хотелось также, чтобы Хэйл разговаривал с ним на равных — здесь или где-нибудь еще.

— Ценю твое благоразумие. — Он говорил очень

спокойно, тщательно обдумывая фразы. — Как ты, наверное, уже понял, здесь кое-что затевается. Пускай не сразу, но это принесет нам немалую выгоду. Постарайся удержать Ли Квэйла от дурацких выходок. Как только я получше разберусь в обстановке, ты все узнаешь. Витторио улетел. Дэйин… пропал. Мне нужен надежный и толковый помощник. Ты меня понял, Бран?

Хэйл кивнул, потом негромко проговорил:

— Спасибо. Мы поговорим об этом завтра. — Он покосился на Джессада. — Все будет в порядке, господин Лукас?

— Если нет, я тебя позову.

Хэйл кивнул и вышел, не сказав больше ни слова. Джон снова откинулся на спинку кресла и уже уверенней посмотрел на униата, вольготно расположившегося напротив.

— Насколько я понял, — произнес гость, — вы доверяете этому человеку и намерены посвятить его в наши дела. Союзников, господин Лукас, надо выбирать с толком.

— Я знаю своих людей. — Джон отхлебнул обжигающего кофе. — А вот вас, господин Джессад или как вас там, я не знаю и не могу согласиться с вашей затеей насчет документов моего сына. Я придумал для него другое прикрытие. Деловая

поездка в интересах «Лукас Компани». Сейчас рейсом на рудники отправился корабль, он увез документы Витторио.

Джон ожидал вспышки ярости, но гость всего-навсего вежливо приподнял брови.

— Не возражаю. Однако мне понадобятся документы, и я сомневаюсь, что разумно будет обратиться за ними к официальным властям.

— Документы я вам достану. Это не самое сложное в вашем деле.

— А что самое сложное, господин Лукас?

— Мне нужно кое-что знать. Где Дэйин?

— В нашем глубоком тылу. Вы совершенно напрасно волнуетесь. Я прибыл сюда просто на всякий случай… чтобы получить подтверждение вашей искренности. Если вы нас обманываете, я погибну. Но я очень надеюсь, что этого не случится.

— Что вы можете мне предложить?

— Пелл, — тихо произнес Джессад. — Пелл, господин Лукас.

— Вы готовы вручить его мне?

Джессад отрицательно покачал головой.

— Это вы готовы вручить его нам. Именно такова суть вашего предложения. Инструктировать вас буду я. Мой опыт, ваше превосходное

знание обстановки. Этим вы должны поделиться со мной.

— Чем вы обеспечите мою безопасность?

— Одобрением ваших действий.

— Кто вы по чину?

Джессад пожал плечами.

— Я здесь неофициально. Мне нужно знать все тонкости. Все, от графиков грузоперевозок до процедуры заседаний совета, до самых незначительных нюансов делопроизводства в офисах вашей компании.

— Вы решили всю жизнь провести в моей квартире?

— Не вижу смысла мозолить глаза окружающим, от этого может пострадать ваша репутация. А есть другое безопасное место? Этот ваш Бран Хэйл — надежный человек?

— Был со мной на Нижней. При Константинах остался верен моей политике, и за это его оттуда вышибли.

— Значит, надежен?

— Вполне. Правда, кое в ком из его компании я сомневаюсь… особенно если дело примет серьезный оборот.

— Но ведь вы позаботитесь, чтобы этого не случилось, не правда ли?

— Постараюсь.

Джессад медленно кивнул.

— И все-таки, господин Лукас, подумайте о документах. С ними мне будет гораздо спокойнее.

— Что будет с моим сыном?

— Вас это тревожит? Мне показалось, вы не испытываете к нему особой любви.

— Вы не ответили.

— Недалеко отсюда находится корабль… из захваченных. Он зарегистрирован как собственность купеческой семьи Ольвигов. На самом деле он теперь военный. Все Ольвиги в кутузке, как и большая часть команды «Лебяжьего пера». «Молот», корабль Ольвигов, предупредит Пелл о приближении врага. Это случится довольно скоро, господин Лукас. Не покажете ли для начала план станции?

«Мой опыт…» Специально обученный человек. В голову Джона закралась жуткая мысль: Викинг разложен, Маринер взорван… все это сделано изнутри. Работа диверсантов. Находятся безумцы, уничтожающие станции и гибнущие сами… или успевающие сбежать. Он посмотрел в невыразительное лицо Джессада, в спокойные, даже слишком спокойные глаза и понял: точно, один из таких специалистов орудовал на Маринере.

Потом внезапно появился Флот, и станция была намеренно уничтожена.

5. ПЕЛЛ: ЗОНА "К"; ОРАНЖЕВАЯ СЕКЦИЯ; ДЕВЯТЫЙ ЯРУС; 19:00

Посетители упорно дожидались приема. Очередь тянулась по главному коридору и заканчивалась в доке. Подперев ладонями голову, Василий Крессич проводил взглядом женщину, которую грубо выволок за дверь охранник. Она заявила об ограблении, обвинила одного из помощников Коледи, а потом учинила скандал.

У Василия болели спина и голова. Он ненавидел эти приемы, но тем не менее устраивал их раз в пять дней. Они служили клапаном для выхода пара, создавали у людей иллюзию, будто депутат от "К", выслушивающий их жалобы и просьбы, может чем-то помочь.

Он знал человека, названного женщиной. Скорее всего, она не солгала. Но единственное, о чем Василий мог попросить Нино Коледи, это позаботиться, чтобы ее больше не трогали. Надо же было додуматься — обвинить в грабеже подручного Коледи. И эта бессмысленная истерика… не иначе бедняга свихнулась. И она не единственная. В "К" многие готовы на все, лишь бы выплеснуть гнев.

Самоубийцы…

Вошел следующий посетитель. Реддинг. Крессич внутренне подобрался, вжался в спинку кресла, приготовился к натиску. Этот человек изводил его уже неделю.

— Мы занимаемся вашим делом, — сказал Василий здоровяку.

— Я заплатил, — прохрипел Реддинг. — Я хорошо заплатил. Мне обещали…

— Господин Реддинг, мы не гарантируем перевода на Нижнюю. Станция отправляет туда только тех, в ком испытывает нужду. Напишите новое прошение, а я позабочусь, чтобы его передали по инстанции. Рано или поздно появится вакансия…

— Я хочу выбраться отсюда! — взревел Реддинг.

— Джеймс! — поспешно крикнул Василий.

Охрана появилась мгновенно. Лицо Реддинга перекосилось от ярости, и, к ужасу Крессича, сверкнуло короткое лезвие. Но острие ножа было направлено не на Джеймса и его людей.

Крессич отпрянул, и кресло на колесиках унесло его от стола. Джеймс бросился Реддингу на спину. Посетитель ударился носом об стол, разбросал бумаги, неистово тыча ножом в сторону

Крессича, который, прижимаясь лопатками к стене, поднимался на ноги.

Коридор взорвался паническими воплями, толпа ринулась в кабинет.

Крессич отпрыгнул в сторону. Рядом в стену врезался Реддинг. Нино Коледи был уже здесь, в кабинете. Кто-то свалил Реддинга на пол, кто-то сдерживал натиск любопытных и отчаявшихся просителей, размахивавших бумагами, которые они надеялись вручить Крессичу.

— Моя очередь! — вопила женщина, силясь дотянуться до стола. Ее оттеснили вместе с остальными.

Прижатый к полу телами троих охранников, Реддинг еще сопротивлялся, но быстро слабел. Четвертый охранник раз за разом бил его ногой в голову. Подобрав нож, Коледи задумчиво осмотрел его и спрятал в карман. На обезображенном шрамом юном лице появилась улыбка.

— Обойдемся без полиции, — произнес Джеймс.

— Господин Крессич, вы не пострадали? — поинтересовался Коледи.

— Нет. — Не обращая внимания на царапины и ушибы, Крессич поставил и подкатил к столу кресло, сел. У него дрожали колени. Из коридора

все еще доносились вопли.

— Он сказал, что заплатил. — Крессич прекрасно знал, что бланками для прощений о переводе торгует Коледи. — Паспортная служба дала о нем плохой отзыв, и я не смог устроить ему перевод. Что вы ему обещали?

Коледи медленно опустил глаза на Реддинга и вновь посмотрел на Крессича.

— Ну, теперь он попал в наш черный список, а это куда хуже, чем отказ в переводе. Уберите его отсюда, — велел он помощникам. — Да не в эту дверь!

— Я не могу больше смотреть на этих людей, — простонал Крессич. — Попросите их уйти.

Коледи вышел в коридор.

— Очистить помещение!

Крессич услышал возмущенные крики и плач. Люди Коледи (некоторые из них были вооружены металлическими прутьями) выжимали толпу из коридора. Вскоре Коледи вернулся в кабинет. Реддинга, который уже пришел в себя и мычал, мотая головой, поставили на ноги. Кровь из раны на виске залила ему все лицо.

«Его убьют, — подумал Василий, — когда кругом будет поменьше народу. А потом станционная полиция найдет в космосе его труп».

Несомненно, Реддинг тоже это понимал. Он опять рванулся, но его быстро выволокли за дверь.

— Прибери здесь, — велел Коледи одному из охранников, оставшихся в офисе, и тот стал искать, чем бы вытереть пол. Коледи снова присел на край стола.

Крессич опустил руку и достал из-под стола бутылку. Затем из выдвижного ящика он вытащил два стакана и наполнил их. Глотая низовое вино, Василий попытался напряжением воли изгнать из конечностей дрожь, а из груди — колющую боль.

— Стар я слишком для этого, — пожаловался он.

— Насчет Реддинга не беспокойтесь. — Коледи поднес стакан к губам.

— Не надо создавать таких ситуаций, — проворчал Василий. — Не продавайте обещаний, которых я не могу выполнить.

Коледи ухмыльнулся, отчего его лицо стало совсем уродливым.

— Рано или поздно Реддинг все равно бы напросился. Он платил только за первое место в очереди.

— Не хочу ничего знать. — Крессич сделал боль-

шой глоток. — Избавьте меня от подробностей.

— Господин Крессич, давайте мы вас отведем домой и поставим охрану, пока не улягутся страсти. Ей-богу, так будет лучше.

Демонстративно медленно Крессич допил вино. Один из молодых подручных Коледи собрал разбросанные по полу бумаги и положил их на стол. Только после этого Крессич поднялся. Ноги его подкашивались, взгляд избегал алых пятен на ковровом покрытии.

В сопровождении Коледи и еще четверых он вышел в дверь черного хода, через которую только что увели Реддинга. По коридору они добрались до яруса, где находилась тесная квартира Крессича. Комп здесь не действовал, и Василию пришлось вручную набирать комбинацию замка.

— Я больше не нуждаюсь в вашем обществе, — настойчиво произнес Василий. Поглядев на него с недоброй улыбкой, Коледи кивнул.

— Я потом свяжусь с вами, — сказал он.

Крессич вошел, заперся изнутри и встал посреди комнаты. Его подташнивало. Спустя минуту-другую он сел в кресло у двери и попытался успокоиться.

В "К" нарастало безумие. Направления на Ниж-

нюю, выданные наиболее благонадежным из тех, кто мечтал вырваться из карантинных секций, только усугубили отчаяние остальных. Обстановка накалялась, власть поделили между собой шайки. Только бандиты чувствовали себя в безопасности, никто другой не мог спокойно ходить по коридорам, если банда не брала его под защиту. А делалось это за плату. Самой устойчивой валютой считались пища, услуги и тела. Вполне годились также наркотики, лекарства и вообще все ценное… Все это уплывало за контрольно-пропускные пункты — охранники у турникетов не упускали возможности погреть руки.

А Коледи торговал посулами. Обещал свободу, жизнь на Нижней. Продавал даже места в очереди за справедливостью и все остальное, на что ему и его полиции удавалось найти спрос. Даже сбывал другим бандам лицензии на охрану тех, кто готов был за это платить. У людей оставалась только одна надежда — переселиться на Нижнюю. И те, кто получали отказ или сталкивались с проволочками, доводили себя до безумия мыслями, будто в их электронные досье вкралась ошибка, будто они попали в черный список и обречены гнить заживо в "К". Учащались самоубийства, многие беженцы сознательно шли на

конфликт и погибали. Некоторые расправлялись с теми, кто, как они считали, оболгал их. Другие становились жертвами бандитов.

— Там убивают! — кричал однажды в очереди к Крессичу молодой человек, получивший отказ. — Никто не попал на Нижнюю! Всех вывели отсюда и прикончили! Рабочих туда не набирают, и молодых тоже, только стариков и детей, чтобы избавиться от них!

— Заткнись, сволочь! — завопил кто-то, и трое просителей избили юношу до полусмерти, прежде чем парни Коледи вытащили его из коридора. Остальные плакали, стоя в очереди и сжимая в руках листки с прошениями о переводе.

Сам Василий не просился на Нижнюю — боялся, что тогда откроется его связь с Коледи. Полиция торговала с Коледи, и это было опасно. Крессич пил вино с черного рынка, ходил в окружении телохранителей, — любой другой в "К" мог только мечтать о таком, если сам не был бандитом. Однако если бы Коледи вдруг заподозрил, что депутат Крессич хочет вырваться из его паутины…

Василий убеждал себя, что делает доброе дело, — пока распоряжается в карантинной зоне, пока раз в пять дней принимает просителей, пока способен предотвращать самое худшее.

Да, иногда ему удавалось остановить Коледи. Да, иногда телохранители Василия, прежде чем решиться на серьезный шаг, задумывались. В меру своих возможностей Крессич спасал человеческие жизни и поддерживал порядок, не давая "К" окончательно скатиться в анархию.

И у него оставалась возможность (по крайней мере, надежда) вырваться отсюда. Когда станет невыносимо, когда наступит неизбежный кризис, он попросит убежища. Его не швырнут обратно на верную смерть.

Он поднялся, разыскал на кухне бутылку и перелил в стакан больше четверти ее содержимого, стараясь не думать ни о случившемся, ни о том, что еще может случиться.

Реддинг к утру будет мертв. Василию не хватало сил жалеть его. Вспоминались только безумные глаза, слетающие со стола бумаги, рука с ножом, которая тянулась к нему… к нему, а не к приспешникам Коледи.

Василий содрогнулся всем телом и залпом осушил стакан.

6. ПЕЛЛ: ПОМЕЩЕНИЯ НИЗОВИКОВ; 23:00

Дождавшись смены, Атласка возвратилась в тускло освещенное жилище, размяла ноющие

мускулы, сняла маску и тщательно умылась (в бараке низовиков всегда стоял чан с холодной водой). Синезуб, не отходивший от нее ни днем, ни ночью, тоже умылся, затем присел рядом на корточки, положил ей ладонь на плечо и прижался щекой к груди. Они ужасно устали — груза было очень много, и хотя большую часть работы сделали гигантские машины, досталось и низовикам. Ведь это они грузили вещи на машины.

Атласка взяла вторую руку Синезуба, повернула ладонью кверху, полизала мозоли. После чего наклонилась к нему и лизнула в щеку, туда, где маска взъерошила мех.

— Люди Лукаса! — зарычал Синезуб. Его взор блуждал по потолку, лицо исказилось гневом. Сегодня низовики работали на людей Лукаса, устроивших смуту на Нижней. У Атласки тоже хватало мозолей, болели спина и руки, но она беспокоилась не за себя, а за Синезуба. Ее пугало совершенно необычное выражение его лица. Разозлить Синезуба было очень непросто, он всегда старался прежде подумать, подумав же, злиться переставал. Сейчас он тоже подумал, но это не помогло. Если он выйдет из себя перед людьми, людьми Лукаса, это может кончиться плохо.

Она гладила всклокоченный мех, пока Синезуб не успокоился.

— Поешь, — сказала она. — Пойдем есть.

Он повернул к ней лицо, ткнулся губами в щеку, лизнул и согласился:

— Пойдем.

Они встали и по металлическому туннелю прошли в большое место, где их всегда ожидала пища. Дежурившие здесь подростки дали обоим по большой миске, и они направились в тихий угол. Наполнив желудок, Синезуб успокоился и удовлетворенно слизал с пальцев овсянку.

В столовую вошел еще один низовик и, получив миску, подсел к ним. Дружелюбный молодой Дылда быстро уплел порцию каши и поспешил за добавкой. Атласке и Синезубу нравился Дылда, тоже совсем недавно покинувший Нижнюю, где он жил на их берегу реки, но на других холмах, в другом стойбище. Подходили другие знакомые, и каждый с теплой улыбкой кланялся Атласке, Синезубу и Дылде. В основном это были сезонники, которым предстояло скорое возвращение на Нижнюю. Они умели работать только руками и очень плохо разбирались в машинах.

Хватало в столовой и незнакомых хиза — в основном постоянных работников, которые все

больше молчали. Они сидели в дальнем углу, холодно смотрели по сторонам и вообще держались так, будто долгое общение с людьми возвысило их над простыми хиза. Среди них было немало Старых. Эти низовики знали тайны машин и свободно расхаживали по глубоким туннелям и прочим загадочным, темным местам.

— Говорим о Беннете, — предложил Дылда. Как и любой, кому довелось попасть на Верхнюю, он прошел через человеческий лагерь и знал Беннета Джасинта. Когда на Верхнюю пришла весть о гибели Джасинта, низовики горько оплакивали его.

— Я расскажу, — вызвалась Атласка. Она прилетела сюда одной из последних, и привилегия рассказывать легенду о Беннете (как и все прочие новые легенды) принадлежала ей. С того вечера, когда она и Синезуб высадились на Верхнюю, в столовой велись разговоры не о ничтожных делах хиза, чьи судьбы почти не разнились друг от друга, но о деяниях Константинов, о том, как Эмилио и его подруга Милико вернули на лица низовиков улыбки, и о Беннете, который умер другом хиза. И Атласку, прилетевшую поведать об этом, снова и снова заставляли повторять рассказ.

— Он спустился к мельнице, — добралась она наконец до трагической концовки, — и сказал хиза: здесь нельзя! Нельзя! Прошу вас, бегите! Люди все сделают сами, и река не заберет никого из хиза. И он трудился своими руками, всегда-всегда. Беннет-человек умел работать руками, и он никогда не кричал, нет-нет. Он любил хиза, и мы его любили. Мы дали… нет, это я дала ему имя, потому что прежде он подарил мне человеческое имя. А еще — радость. Он-Выходит-Из-Света, вот как я его назвала.

Это имя вызвало шепот одобрения, хоть и роднило Беннета с самим Солнцем. Обхватив себя руками, хиза дрожали от волнения. Так было всякий раз, когда Атласка рассказывала эту историю.

— Но хиза не покинули Беннета-человека, нет-нет. Они работали вместе с ним, спасали мельницу, а потом старая река, она всегда злилась на людей и хиза, а тогда совсем рассвирепела, потому что люди Лукаса оголили ее берега и стали отнимать воду, а мы предупреждали Беннета, нельзя доверять старой реке, а он выслушал нас и все равно ушел, а мы, хиза, мы работали, чтобы не пропала мельница и не горевал Беннет, а старая река все поднималась и начала ломать сваи, а мы

закричали Беннету: быстро-быстро возвращайся за хиза, которые остались работать. Я-Атласка, я тоже там была, я видела. — Она возбужденно ткнула себя в грудь большим пальцем и дотронулась до Синезуба. — Мы, Синезуб и Атласка, мы видели, мы побежали помочь хиза, а Беннет и добрые люди, его друзья, тоже побежали туда, все-все, но их выпила старая река, и мы прибежали слишком поздно, все прибежали слишком поздно. Плотину сорвало, а Беннет кинулся в старую реку выручать хиза. И река выпила его и людей, которые были с ним. Мы кричали, мы плакали, мы умоляли: старая река, верни Беннета, но она все равно забрала его, всех хиза вернула, но Беннета-человека и его друзей забрала. Все это у нас перед глазами. Он умирает, руки тянет к хиза. Доброе сердце толкает его на смерть, и старая река — плохая старая река — выпивает его. Потом люди нашли его и закопали, а я воткнула в землю над ним палки-духи и оставила дары. Я и мой друг Синезуб, мы прилетели сюда, потому что пришло Время видеть дом Беннета.

Вновь раздался восхищенный шепот, и низовики вокруг Атласки закачались. На глазах у них блестели слезы.

Затем произошло нечто удивительное. Глядя

на Атласку и раскачиваясь на ходу, сквозь толпу пробралось несколько старожилов Верхней.

— Он любил! — торжественно произнес один из них. — Он любил хиза!

— Это так, — запинаясь, подтвердила Атласка. Ее застигло врасплох вмешательство незнакомца, пожелавшего разделить бремя ее сердца. Ощупав свои узелки с дарами-духами, она достала и расправила тонкими пальцами яркий лоскут. — Вот он, дар-дух. Имя, которое дал мне Беннет-человек.

Снова закачались тела, зазвучал одобрительный шепот.

— Как тебя зовут?

Прижав к груди дар-дух, она смотрела на спросившего. Горло сжалось, по коже бегали мурашки. Незнакомец оказывал ей великую честь!

— Ее-Видят-Небеса. А люди называют меня Атлаской. — Она погладила Синезуба.

— Я — Солнце-Сияет-Сквозь-Облака, — назвал себя он. — Друг Ее-Видят-Небеса.

Вокруг Атласки собрались уже все незнакомые хиза, слышался их благоговейный шепот.

— Мы слышали рассказ о Беннете-человеке, которому ты дала имя Он-Выходит-Из-Света. Да, хорошим был этот человек, и хорошие да-

ры принесла ему ты. Мы приветствуем тебя, Ее-Видят-Небеса, и рады тебе на Верхней. Слова твои согрели нас, согрели наши глаза. Долго мы ждали!

Атласка качнулась вперед, выражая почтение к возрасту и великой вежливости собеседника. Голоса вокруг звучали все громче.

— Это Старый, — шепнул ей сзади Дылда. — До сих пор он с нами не говорил.

Старый сплюнул и неторопливо почесался.

— Рассказчица говорила мудро. Ее Путь останется во Времени. Она ходит с открытыми глазами, а не только с открытыми ладонями.

Атласка испуганно присела. Остальные ахнули, подаваясь назад.

— Мы чтим Беннета Джасинта, — сказал Старый. — Он сделал так, что нам тепло слушать о нем.

— Беннет наш, — уверенно заявил Дылда. — Человек Нижней. Это он прислал меня сюда.

— Он любил нас, — сказал кто-то, а другой добавил: — Мы любили его.

— Он защищал нас от людей Лукаса, — сказала Атласка, — а Константин-человек — его друг. Константин дал мне прилететь на Верхнюю, провести здесь мою Весну… Мы с ним познакомились

у могилы Беннета. Я полетела к Великому Солнцу, чтобы увидеть его лик, увидеть Верхнюю. Но мы видели только машины, Старый, а Великого Света не видели. Мы работаем, много-много. У меня и у моего друга нет ни цветов, ни холмов, но мы ждем. Беннет говорил, здесь хорошо, здесь красиво, и Великое Солнце совсем близко. Старый, мы будем ждать. Мы хотели увидеть красоту, но не увидели. Говорят, люди прячут. Но мы все еще ждем. Старый.

Наступила долгая пауза. Старый покачивался взад и вперед. Наконец он протянул костлявую руку.

— Ее-Видят-Небеса, то, что ты ищешь — здесь. Мы там были. Красивое — там, где человек встречается со Старыми, и мы видели. Да, на это место взирает само Солнце, Беннет-человек не обманул тебя. Но там есть такое, от чего заледенеют твои кости. Мы не станем открывать тебе тайны — тебе еще рано, а то ты потеряешь ум. Глаза твои не видят. Но Беннет-человек тебя позвал. Ах! Долго мы ждали! Долго-долго. Но вот пришла ты и согрела наши сердца, и мы рады тебе.

— Сеет! — воскликнул Старый. — Ты Верхнюю не видишь. Мы помним красоту равнин, я видел их. Спал и смотрел на них во сне. Но красота

Верхней… не для наших снов. Ты рассказала нам о Беннете Джасинте, а мы расскажем тебе о той, кого ты еще не видела — о Лили. Так ее назвали люди. А мы — Ей-Улыбается-Солнце, и она — Великая Старая. Ей намного больше весен, чем мне. Люди увидели наше и оно осталось у них — там, в тайном месте, где светло-светло, и там спит женщина… К ней спускается Солнце… а она не шевелится, так сладок ее сон. Она купается в лучах, Солнце согревает ее глаза, для нее пляшут Звезды. На стенах перед ней — вся Верхняя. Может, сейчас она смотрит на нас. Ее лик повернут к нам. Великая Старая ухаживает за ней, любит ее, эту святую. Ее любовь хороша, хороша, ей снимся все мы, вся Верхняя. Она всегда улыбается Великому Солнцу. Она — наша. Солнце-Ее-Друг — так мы назвали ее.

Слушатели ахнули, узнав, что кто-то может дружить с самим Солнцем. Вместе с ними ахнула Атласка, обхватившая себя за плечи.

— А мы увидим ее? — спросила она, стуча зубами.

— Нет, — твердо ответил Старый. — К ней ходит только Лили. И я. Да, я был там один раз. И видел ее.

Глубоко разочарованная, Атласка отшатну-

лась.

— А может, ее там нет? — спросил Синезуб.

Старый прижал уши, и все вокруг затаили дыхание.

— Время пришло, — сказала Атласка, — и мы прошли путь, Старый, мы поднялись очень высоко, но не видели еще ни красоты, ни Спящей, ни лика Солнца.

Старый пожевал губами.

— Ты пойдешь, — пообещал он. — Мы тебе покажем. Сегодня вечером. В другие вечера пойдут остальные… если не побоятся. Ты увидишь это место. Люди уходят оттуда ненадолго, всего на час, так они меряют время. Я умею узнавать время. Пойдешь?

Синезуб не вымолвил ни звука.

— Мы пойдем. — Атласка взяла друга за руку и ощутила его страх. «Остальные не пойдут, — подумала она. — Они не смелые. А может, не верят Старому».

Старый поднялся, затем — двое его спутников, Атласка и — неохотно — Синезуб.

— Я иду тоже, — сказал Дылда. Никто из друзей не вызвался его сопровождать.

Старый окинул троицу испытующим взглядом, усмехнулся и жестом позвал за собой.

Они шли по туннелям, по далеким и незнакомым местам, где не надо было носить масок, но приходилось подолгу карабкаться в потемках по тонким металлическим скобам или идти согнувшись в три погибели.

— Он потерял ум, — тяжело дыша, прошептал Синезуб Атласке на ухо, — и мы, раз согласились за ним идти. Все, кто живет здесь подолгу, теряют ум.

Атласке нечего было возразить, и она промолчала. Она боялась, но шла. Синезуб не отставал. Замыкал шествие Дылда. Всякий раз, когда приходилось долго лезть или пробираться согнувшись, у новичков появлялась одышка, зато Старый и двое его товарищей, казалось, не ведали усталости — должно быть, привыкли к таким переходам.

«А вдруг, — посетила Атласку мысль, от которой застыли кости, — Старый так плохо шутит? Заведет нас по темным норам в самую глубину и бросит, чтобы научить других…»

Но едва это подозрение переросло в уверенность, Старый и его спутники остановились и надели маски, показывая, что дальше воздух пригоден для людей, но не для хиза. Атласка надела противогаз, и Синезуб последовал ее примеру в

тот самый миг, когда отворилась дверь в ярко освещенное место с белыми полами, зелеными растениями и рассеянными по нему человеческими фигурами… Ничего похожего на доки. Впереди, там, куда вел их Старый, была тьма.

Рука Синезуба скользнула в ладонь Атласки. Не отставая от них ни на шаг, Дылда тоже пересек яркое место и вошел во тьму, куда большую, чем только что пройденная ими. В этой тьме не было стен. Только звезды.

Звезды скакали, кружа им головы, сияя так ярко, как никогда не сияли на небе Нижней. Атласка выпустила руку Синезуба и, благоговейно озираясь, двинулась вперед.

Внезапно разлился свет, появился огромный горящий диск, усеянный темными пятнами и обрамленный языками пламени.

— Солнце! — воскликнул Старый.

Ни белого света, ни синевы. Лишь тьма, звезды и страшное близкое пламя. Атласка задрожала.

— Там темно, — возразил Синезуб. — Разве бывает ночь, когда солнце?

— Все звезды — родичи Великого Солнца, — пояснил Старый. — Такова истина. А наш свет только кажется. Такова истина. Великое Солнце горит во мраке, и оно так огромно, что мы по

сравнению с ним — пылинки. Оно ужасно, огонь его страшит тьму. Такова истина, Ее-Видят-Небеса. Вот — истинное небо. Это — твое имя. Звезды похожи на Великое Солнце, но они далеко-далеко от нас. Так нам сказали люди. Гляди, стены показывают нам саму Верхнюю и огромные корабли в доках. А вот и Нижняя. Сейчас мы смотрим на нее.

— А где человеческий лагерь? — поинтересовался Дылда. — Где старая река?

— Мир круглый, как яйцо, и сейчас солнце светит только на одну его сторону. Поэтому на другой стороне теперь ночь. Если хорошенько смотреть, может, и увидишь старую реку, но человеческий лагерь — никогда. На лике Нижней он слишком мал.

Дылда обхватил себя руками и задрожал, но Атласка двинулась между столиками туда, где пылало истинное Солнце, грозное, оранжевое, как пламя, и наводящее ужас.

Атласка подумала о спящей Солнце-Ее-Друг, о той, чьи глаза всегда согреты этой красотой. И от этой мысли у юной хиза на загривке вздыбилась шерсть.

Она раскинула руки, чтобы обнять Солнце и всех его родичей, чтобы затеряться среди них. Ибо

наконец она нашла то, что искала. Солнце смотрело на Атласку, наполняло ее глаза, и она знала, что уже никогда не будет такой, как прежде.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ «НОРВЕГИЯ»: ОМИКРОН, ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УНИИ; 10.9.52

«Норвегия» не первой влетела в гравитационное поле этого черного планетоида, состоящего из камня и льда и видимого только, когда он заслонял звезды. Ее уже поджидали.

Омикрон был всего лишь частицей космического мусора, но его траекторию можно было рассчитать, и он имел достаточную массу для того, чтобы удержать корабль, вышедший из прыжка. Давным-давно его случайно обнаружил Сунг, капитан «Тихого океана», и с тех пор им пользовался только Флот. Таких астероидов панически боялись команды досветовых торговых судов, зато экипажи джамп-фрахтеров, летающие по частным делам, ценили их как места тайных стоянок.

Бортовые датчики уловили движение в вечной ночи. Судя по излучению, у Омикрона собралось немало кораблей; подойдя ближе, «Норвегия» стала ловить переговоры их компов. Скользя

взглядом по телеметрическим устройствам, Сигни боролась с сонливостью, всегда неохотно покидавшей ее после прыжка и сопутствующих ему наркотиков. Интуитивно догадываясь, что кто-то идет в ее кильватере, она отклонилась от линии прыжка и разогнала «Норвегию» до максимальной для реального пространства скорости. Это был рискованный маневр, но Сигни полагалась на опыт экипажа.

Через несколько минут, как только «Норвегия» закончила описывать умопомрачительную, тошнотворную петлю, Сигни стала сбрасывать скорость. Процедура была не из приятных, к тому же приборы слегка обезумели от ускорения, а человеческие мозги — от наркотиков, и вести корабль приходилось «на глазок». Сейчас любая оплошность в пилотировании могла закончиться столкновением с астероидом или другим кораблем.

— Отбой, отбой, — проговорил ком. — Все здесь, кроме «Европы» и «Ливии».

Выход на Омикрон с такой точностью считался (и заслуженно) навигаторским подвигом, особенно если корабль прыгал у Рассела, а в реальное пространство выходил в полурадиусе скана от цели, и как раз вовремя, чтобы свернуть с линии

прыжка, а значит, избежать катастрофы.

— Неплохая работа, — оповестила Сигни все посты, глядя на экран с текстом доклада Граффа. — Две минуты задержки, но направление — точнее некуда. Есть хорошие новости. Полная готовность.

Итак, все корабли Мациана собрались в одно время и в одном месте, чего не случалось со времени самых первых операций Флота. И хотя было маловероятно, что Уния способна атаковать их сейчас крупными силами, экипажи нервничали.

С «Европы» пришел компьютерный сигнал. Сигни и ее команде давали время отдышаться и набраться сил. Откинувшись на спинку кресла, Сигни вытащила из уха микрофон кома, расстегнула ремни и уступила пост Граффу. «Норвегии» повезло — на ней сейчас несла вахту первая смена, а значит, большей части экипажа не придется менять режим дня. Прибытие «Атлантики», «Африки» и «Ливии» пришлось на вторую смену, а поскольку Мациан требовал полной боевой готовности, свободные от вахты были вынуждены срочно пробуждаться от наркотического сна и отправляться на посты. Капитаны флота Компании привыкли действовать в одиночку и не позаботились заранее о синхронизации режима

на всех кораблях.

— Командуй, — сказала Сигни Граффу, по проходу между пультами вышла за дверь и побрела по коридору, то и дело задевая чужие плечи. Но она миновала свое скромное жилище и направилась к казарменным отсекам.

Дополнительный экипаж большей частью еще спал, однако некоторые, питая отвращение к наркозу, перенесли прыжок в полном сознании и теперь сидели в кают-компании, притворяясь, что чувствуют себя неплохо.

— Ну как? — спросила их Сигни. — Больных нет?

— Нет.

Предоставив им спокойно приходить в себя, она спустилась на лифте во внешнюю оболочку корабля и двинулась по главному коридору, заходя поочередно в каюты, вклиниваясь в разговоры мужчин и женщин, которые делились между собой предположениями о ближайших планах начальства. При ее появлении они с удивленным и виноватым видом вскакивали с коек, торопливо натягивали форму и прятали неположенные вещи. Сигни не выражала неодобрения, но все равно десантники и матросы ежились под ее испытующим взглядом. Здесь тоже некоторые

еще спали, но большинство бодрствовало. Многие играли в карты, а тем временем сам корабль играл в кости с Глубоким… Казалось, плоть и металл растворились во Вселенной, и игра идет на дальнем конце мгновения, растянувшегося в вечность…

— Мы здесь слегка задержимся, — сообщала экипажу Сигни. — Теперь будем действовать вместе с Флотом. Отдыхайте, но помните: приказ стартовать может прийти в любую минуту. Противника поблизости нет, но чем черт не шутит.

После третьей такой беседы ей повстречался в главном коридоре Ди Янц. Вежливо кивнув, он пошел рядом. Ди был заметно польщен визитом Сигни в его вотчину. Десантники, попадавшиеся по пути, замирали по стойке «смирно», не сводя глаз с командиров. «Почаще надо устраивать смотры, — подумала она, — хотя бы для того, чтобы люди знали: начальство не забывает о них».

Им предстояла одна из тех операций, которых десантники боятся больше всего. При массированном ударе вероятность гибели корабля значительно выше, чем в одиночном рейде. При этом десантники бесполезны и беспомощны, вынуждены надеяться только на броню корабля. Они бы держались куда смелее, если бы им

приказали захватить вооруженного торговца или высадиться на вражескую планету; с легким сердцем пошли бы они и в привычный партизанский рейд. Но сейчас они волновались — это явствовало из негромких разговоров по кому.

На борту «Норвегии» всегда действовала внутренняя связь — это давно стало традицией. Всем, до последнего новобранца, полагалось знать, что происходит. Все выполняли (не могли не выполнять) приказы, но на этом новом этапе войны страдала их гордость, потому что они чувствовали себя бесполезными. Вот почему Сигни сделала красивый жест — спустилась к ним сразу после прыжка, когда они еще не совсем оправились от перегрузки и наркоза, когда их моральное состояние оставляло желать лучшего. И теперь она видела, как они веселеют от одного ее слова, от мимолетного прикосновения. Каждого из них она знала по имени и обращалась то к одному, то к другому. Вот Малер из беженцев с Рассела, мрачный и испуганный, вот Ки — она с купеческого корабля, как и Ди, прослуживший на «Норвегии» уже немало лет. Многие другие… Некоторые помнят Сигни еще по давним делам — они тоже проходили… Они знают счет в этой игре, знают: сейчас судьба не на их стороне.

Она пересекла темное чистилище переднего трюма, прошла по кольцевому коридору вокруг цилиндра и вступила в иной мир — мир экипажей рейдеров. Для нее он был родным, он будил воспоминания о тех временах, когда ее койка находилась в этой удивительной секции корабля, принадлежащей рейдерам и их обслуге. Остальная команда жила как раз над ее головой, во вращающемся цилиндре, спускаясь с «потолка» лишь в тех редких случаях, когда корабль заходил в док.

Сейчас тут несли вахту экипажи «Одина» и «Тора». «Одином» командовал Кьюведо, а «Тором» — Эльмаршад; команды еще четырех рейдеров были свободны от вахты, а седьмая и восьмая находились в экзокаркасе «Норвегии» или на своих кораблях — чтобы попасть из верхней оболочки цилиндра в рейдер, требовалось застопорить цилиндр, совместив шахты его лифтов с шахтами каркаса; на все это в чрезвычайных ситуациях попросту не хватало времени. Сигни хорошо помнила прыжки из нулевой гравитации — удовольствие ниже среднего, но ничего не попишешь, кому-то ведь надо это делать. В намерения Мациана не входило развертывать у Омикрона рейдеры, иначе здесь, в «жестянке»,

как называла Сигни эту секцию, дежурило бы еще два экипажа.

— Все идет как надо, — сказала она вахтенным. — Расслабьтесь, отдохните, к спиртному не прикасайтесь — в любую минуту нас могут послать в бой. Похоже, нам дают отдышаться перед новым заданием. Эту операцию подготовили мы, а не Уния.

Последняя фраза вовсе не была шуткой. Сигни поднялась на лифте во внешнюю оболочку, прошла несколько десятков метров до коридора номер один. У нее все еще подкашивались ноги, хотя почти исчезла ноющая боль в мускулах. Наконец Сигни добралась до своей спальни (она же кабинет), походила из угла в угол, затем легла на койку — только для того, чтобы закрыть глаза и подождать, не исчезнет ли вдруг усталость, уступив место возбуждению. Такое случалось и всегда знаменовало близость битвы, игры со смертью, необходимости мгновенных решений.

Но сейчас она действовала по чужому плану. Уже несколько месяцев Флот Мациана методично наносил врагу осиные укусы, захватывая, разоряя и по возможности уничтожая стратегически важные объекты.

Пускай люди немного отдохнут, выспятся…

К самой Сигни сон не шел, и она обрадовалась, услышав сигнал вызова.

Странное возникает ощущение, когда ты вновь идешь по коридорам «Европы». Еще более странным (да что там — неестественным, жутким) оно становится, когда входишь в совещательную каюту флагмана и видишь тех, с кем много лет делал одно дело, но чьей близости старательно избегал (мимолетные рандеву для передачи приказов, конечно же, не в счет). В последние годы Сигни казалось, что Мациан и сам не знает, целы ли его корабли, где они скитаются и какие безумные подвиги совершают. Да, Флот Компании был скорее партизанским, нежели регулярным, его девизом было: «Подкрадись, ударь, беги».

И вот капитаны вместе… Последние десятеро, пережившие кровопролитные сражения и самоубийственные маневры. Сигни Мэллори; долговязый и угрюмый Том Эджер с «Австралии»; дородный, всегда ухмыляющийся Мика Крешов с «Атлантики»; невозмутимый черноволосый коротышка Карло Мендес с «Северного полюса»; поседевшая за этот год, несмотря на омоложение, Ченель с «Ливии»; темнокожий и необычайно свирепый на вид (избавляться от боевых шрамов с помощью косметической хирургии на Флоте

было не принято) Порей с «Африки»; мягкий как шелк и скрытный Кео с «Индии»; энергичный и деловитый Сунг с «Тихого океана»; Кант с «Тибета» — человек того же склада, что и Сунг.

И Конрад Мациан. Высокий, моложавый, седой красавец в темно-синем мундире оперся обеими руками о стол и неторопливо обвел капитанов открытым взглядом. Истинная ли эта открытость или притворство, оставалось только догадываться. В его присутствии всегда возникала напряженная, полная драматизма атмосфера — по-другому он просто не мог. Сигни хорошо это знала, но все-таки не смогла подавить знакомое волнение.

Ни приветствий, ни вступлений. Только этот взгляд и кивок.

— На столе перед каждым из вас — папка с совершенно секретными сведениями. Шифры, координаты, сроки. Вы возьмете эти папки с собой и детально проинструктируете ключевой персонал. Но никаких обсуждений в эфире! Запрограммируйте компы на три запасных варианта: А, Б и В. Надеюсь, они не пригодятся — пока все идет хорошо. Схематично… — Мациан вывел изображение на дисплей. Капитаны сразу узнали места недавних боевых действий, станции, погру-

зившиеся в хаос. Лишь одна осталась нетронутой — как горлышко воронки, ведущее к Пеллу, к широкому облаку Тыловых Звезд. Викинг.

Сигни давно разгадала этот план. Тактика Мациана была древней, как сама Земля, как сама Война, но Унии нечего было противопоставить ей, ибо Уния не могла, чтобы станции, достающиеся ей ценой огромных жертв, были разгромлены, лишены технического персонала, обречены на гибель. Уния сама начала шахматную партию, где фигурами служили станции. И теперь Флот их всем скопом затолкал Унии в глотку, и ей придется либо выплюнуть их, либо переварить, то есть обеспечить техникой, специалистами и охраной из боевых кораблей. Волей-неволей она станет распылять свои чудовищные силы.

А недавно ей достался еще и Викинг со всеми его проблемами. Достался последним, потому что Флот, закидывая Унию станциями, диктует ей направления перемещений кораблей и людей.

— У меня нет сомнений, — спокойно произнес Мациан, — что они намерены укрепить Викинг. Это продиктовано обстоятельствами. Только Викинг полностью компьютеризован, только там можно подавить любое инакомыслие, любое сопротивление. Только там Уния сможет с

успехом применить свою полицейскую тактику, в кратчайшие сроки зарегистрировав всех до одного. Станция абсолютно стерильна и вполне пригодна для их базы. Мы дадим им хорошенько увязнуть, а после отберем Викинг и ударим по остальным станциям. Их жизнь висит на волоске… И тогда между нашим Пеллом и униатской Передовой не останется ничего, кроме обширной пустыни. Война станет чрезвычайно сложным и невыгодным занятием, и униатам придется искать себе другое пастбище… пока существует наш Флот. В папках — особые распоряжения для каждого из вас. Вы можете импровизировать, но лишь в своих секторах и сообразуясь с главной задачей. Первое звено — «Норвегия», «Ливия», «Индия». Второе — «Европа», «Тибет», «Тихий океан». Третье — «Северный полюс», «Атлантика», «Африка». У «Австралии» — индивидуальный план. Надеюсь, никто не заберется к нам в тыл… но мы учли и такую возможность. Операция будет длительной, поэтому я даю вам время на отдых. Потом — учения, пока не отработаем детали.

Сигни глубоко вздохнула, открыла папку и, не услышав возражений, заскользила взглядом по строчкам. Линия ее рта становилась все тоньше. В учениях не было необходимости, капитаны

знали, на что шли; до сих пор они занимались тем же самым, только порознь. Просто этот поход мог потребовать всего их опыта и искусства. Удар намечается массированный, тут необходим четкий, одновременный выход кораблей из разных мест Глубокого на исходные позиции для атаки. Возможны столкновения, если джамп-рейдероносцы или рейдеры выскочат в реальное пространство слишком близко друг от друга, или от Викинга, или от вражеских кораблей. Им надо прыгать почти одновременно, чтобы застать противника врасплох, чтобы пройти на волосок от собственной смерти… Чужой корабль там, где по расчетам он находиться не должен, строй вражеских линкоров в непосредственной близости от Викинга… мало ли что еще может случиться. План операции учитывал даже координаты планет и спутников в день атаки, чтобы, выйдя в реальное пространство, укрыться за ними и подождать, пока у людей напрягутся мышцы и нервы, пока прояснится их сознание. План координировал прыжки так, чтобы одни корабли не долетели до станции, а другие — оказались за ней. Космические волки Мациана окружат Викинг со всех сторон и ринутся на него разом.

Было у них одно преимущество перед новеньки-

ми, превосходно оснащенными и вооруженными кораблями Унии, перед юными матросами и офицерами, натасканными на компьютерных тренажерах, подготовленными гипнопедической техникой к любым неожиданностям, но не покрытыми шрамами. Одно-единственное преимущество: опыт. Волки Мациана водили свои потрепанные корабли с точностью, покуда недостижимой для униатов. Ибо они были лишены униатского консерватизма и рабской преданности уставам.

Эта операция угрожала им гибелью рейдероносца, а то и двух — если корабли сойдутся слишком близко и заденут друг друга. Вероятность такой катастрофы была весьма высока, но капитаны уповали на знаменитое везенье Мациана. Именно этим они и отличались от врагов — готовностью к риску, которую враги считали безумным.

На дисплее чередовались схемы; некоторые требовали обсуждения, прочие выглядели безупречными и принимались молча. После перерыва на обед капитаны вернулись в совещательную каюту и обсудили последние подробности.

— День на отдых, — сказал Мациан. — Расходимся завтра в первую смену. Запрограммируйте,

проверьте и перепроверьте компы.

Капитаны кивнули и возвратились на свои корабли. Странное чувство возникло у Сигни, когда она расставалась с ними… Ей казалось, что на следующем рандеву она кого-то недосчитается.

— До встречи в чистилище, — пробормотала Ченель, а Порей ухмыльнулся.

День на программирование компа, и в путь.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
СТАНЦИЯ СЫТИН: ТЕРРИТОРИЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ: 14.9.52

Эйрис не сразу понял, отчего он проснулся. В спальне царила тишина. Марш возвратился… Последняя его задержка заставила коллег основательно поволноваться, и Эйрису даже во сне не удалось успокоиться, — он обнаружил, что кулаки у него стиснуты, плечи сведены судорогой, а лицо покрыто потом.

Он лежал не шевелясь. Искал объяснения. Неужели война нервов еще не закончена? Ведь Азов получил то, чего добивался — приказ Мациану прекратить военные действия… и теперь Эйрис и Азов сражались за отдельные пункты второго соглашения, за будущее Пелла, которое Джекоби открыто вверял Унии. Делегатам позволяли отдыхать в их апартаментах, зато их изматывали на совещаниях мелкими проволочками, как будто все призывы и протесты, обращенные к Азову, только приводили его в раж. А в последние пять дней Азов и вовсе был недоступен (отбыл на некоторое время, как уверял его заместитель),

и Эйрис терялся в догадках, не означает ли это срыв переговоров.

Позади раздались осторожные шаги. Створки двери раздвинулись без предупреждения, в проеме возник силуэт Диас.

— Сегюст, пойдем. Там Марш.

Эйрис дотянулся до халата, встал и следом за Рамоной вышел в гостиную. Из соседней спальни показался Карл Бела. Комната Марша располагалась через гостиную, возле спальни Рамоны Диас.

Дверь была открыта. Марш медленно покачивался на поясе, привязанном к крюку для люстры. Его лицо выглядело ужасно.

Эйрис застыл как вкопанный, но через секунду опомнился и, подкатив кресло на колесиках, влез на него. Петля глубоко врезалась в шею, и Эйрис, стараясь приподнять труп, пытался ослабить ее. Ничего не получалось. Ножа или другого режущего предмета под рукой не оказалось. Бела и Диас старались помочь, держа мертвеца за ноги, но безуспешно.

— Придется вызвать охрану, — сказала Диас.

Тяжело дыша, Эйрис спустился с кресла и посмотрел на коллег.

— А ведь я могла его остановить, — произнесла

Рамона. — Я не спала. Слышала возню в этой комнате — он изрядно шумел. Потом — какие-то странные звуки… Неожиданно они прекратились, а спустя некоторое время я встревожилась и решила посмотреть.

Сокрушенно покачав головой, Эйрис посмотрел на Белу и направился в гостиную, к панели кома у двери. Набрал сигнал вызова охраны.

— У нас труп, — буркнул он. — Дайте мне кого-нибудь из начальства.

— Просьба отклоняется, — последовал ответ. — К вам идет наряд охраны.

Усевшись и подперев голову руками, Эйрис попытался не думать о жутком предмете, который неторопливо поворачивается в соседней комнате. Все-таки беда пришла… Правда, Эйрис ожидал худшего, боялся, что Марш сломается в руках мучителей. Марш не сломался, он был по-своему смел. Глава земной делегации страстно желал в это верить.

А может… он все-таки не выдержал? Может, к самоубийству его подтолкнуло сознание вины?

Хмурые, изможденные, со спутавшимися за ночь волосами. Бела и Диас сидели рядом. Ждали. Эйрис попытался расчесать свою шевелюру пальцами.

Глаза Марша… Как хотелось забыть о них!

Прошло довольно много времени.

— Почему они задерживаются? — спросил Бела, и Эйрис, к которому уже вернулась способность рассуждать здраво, бросил на помощника недобрый взгляд. Бела забыл, что война нервов еще не кончилась и послы должны скрывать свои чувства. Даже в такой ситуации. Особенно в такой ситуации.

— Может, еще успеем поспать? — спросила Диас.

В другое время и в другом месте это предложение выглядело бы безумным, здесь же оно было продиктовано логикой. Они отчаянно нуждались в отдыхе, которого их методично лишал противник. Еще немного — и все они разделят судьбу Марша.

— Почему бы и нет? — отозвался Эйрис. — Давайте попробуем.

Они спокойно разошлись по своим комнатам. Сняв халат, Эйрис повесил его на спинку стула у кровати, затем улегся. Он гордился и ненавидел. Гордился спутниками, которые держались превосходно, и ненавидел Унию. Понимая при этом, что не пристало дипломату поддаваться сильным чувствам; ему надо думать только о деле.

Марша уже не вернешь… но, по крайней мере, он теперь свободен. Интересно, как поступает Уния со своими мертвецами? Должно быть, перерабатывает на удобрение. Экономика превыше всего. Бедный Марш.

Он закрыл глаза, попытался расслабиться и уснуть, но тут распахнулась наружная дверь и в гостиной забухали сапоги. Грубо раздвинув дверь в его спальню, вооруженные солдаты остановились в освещенном проеме.

Привычно взяв себя в руки, Эйрис поднялся.

— Одевайтесь, — приказал солдат.

Эйрис повиновался, — что толку спорить с манекенами?

— Эйрис! — солдат взмахнул дулом. Посланников завели в один из кабинетов и заставили не меньше часа просидеть на жестких скамьях в ожидании какого-то начальства. Вероятно, охране понадобилось тщательно обыскать их жилище. — Эйрис, — повторил солдат резче, жестом приказывая ему подняться и идти следом.

Эйрис пошел, оставив Диас и Белу мучиться неизвестностью. «Их будут запугивать, — предположил он, — даже, вероятно, обвинят в убийстве Марша. Скорее всего, за меня тоже сейчас возьмутся. Очередная попытка сломить наше сопро-

тивление. На месте Марша мог оказаться я…»

В коридоре его обступило отделение солдат и быстро повело совершенно незнакомым путем, все дальше и дальше от кабинетов; на лифте они переправились в другой коридор. Эйрис не протестовал. Если бы он остановился, они бы не задумываясь применили силу, а он был слишком стар, чтобы его волоком тащили по полу.

И вот наконец — доки… доки, переполненные военными. Взвод за взводом маршируют вооруженные солдаты, грузятся корабли.

— Нет! — воскликнул он, утратив самообладание, но тотчас ему между лопаток вдавился ствол, толкая вперед, мимо уродливых, чисто утилитарных механизмов и сооружений, к трапу и «пуповине», что соединяла корабль с доком. И — внутрь… Зато там оказалось прохладнее, чем снаружи.

Они прошли по трем коридорам, поднялись на лифте, миновали неисчислимое множество дверей. Последняя поджидала их отворенной, из проема в коридор падал свет. Эйриса втолкнули в каюту, обставленную корабельной мебелью из стекла и пластмассы: шкафы и кресла с закругленными краями, кресла с плавными изгибами линий, привинченные к полу скамьи, странные

углы, все стиснуто. А главное — палуба выгнута гораздо круче, чем полы на станции. Осторожно ступив на нее, Эйрис с удивлением увидел за столом знакомого человека.

Дэйин Джекоби встал с кресла и поприветствовал его.

— Что происходит? — спросил Эйрис.

— Ей-богу, не знаю. — Похоже, Джекоби не лгал. — Нынче ночью меня подняли с постели и привели на корабль. А в этой каюте я уже полчаса.

— Где ваш командир? — обратился Эйрис к манекенам. — Передайте, что я хочу с ним поговорить.

Солдаты как стояли, так и остались стоять, держа ружья под одинаковыми угрожающими углами. Джекоби медленно сел, Эйрис последовал его примеру. Послу Земли было страшно. Джекоби, вероятно, тоже. Не чувствуя в себе сил для светской беседы с изменником, Эйрис погрузился в привычное молчание.

Внезапный рывок: корабль стартовал. Треск, пронесшийся по коридорам и каютам, и головокружительный спад гравитации заставили Эйриса и Джекоби встревоженно переглянуться, а охранников — поспешно ухватиться за

страховочные скобы. Корабль освободился от станционного тяготения; чтобы набрать собственное, ему требовалось время. Противно зашевелилась ткань одежды, взбунтовались желудки; возникло ощущение стремительного, неудержимого падения — пассажиры и в самом деле падали, но медленно, плавно.

— Уходим, — пробормотал Джекоби. — Вот оно, началось.

Эйрис промолчал, с ужасом вспомнив Белу и Диас, оставшихся на станции. Брошенных!

В дверном проеме появился офицер в черном. За ним — еще один. Азов.

— Свободны, — сказал Азов манекенам, и те безмолвно удалились, печатая шаг. Эйрис и Джекоби тотчас встали.

— Что происходит? — спросил Эйрис напрямик.

— Гражданин Эйрис, — произнес Азов, — мы совершаем защитные маневры.

— А мои спутники? Что будет с ними?

— Они в полной безопасности, гражданин Эйрис. Вы подготовили обращение, о котором мы просили. Теперь необходимо выяснить, насколько оно действенно, поэтому вы летите с нами. Ваша каюта — соседняя, следующая дверь по

коридору. Будьте любезны не покидать ее без разрешения.

— Я хочу знать, что происходит? — повторил Эйрис резче, когда адъютант Азова взял его за руку и повел к двери. — В чем дело?

— Мы готовимся передать ваше обращение Мациану и считаем целесообразным держать вас под рукой… на случай возникновения новых вопросов. Ожидается нападение крупными силами, и я догадываюсь, на какой объект. Мациан не стал бы просто так отдавать станции. У нас нет выбора, и он прекрасно знает об этом. Мы вынуждены идти у него на поводу, но предполагаем, что требования представителя земной власти не оставят его равнодушным. Не угодно ли вам написать еще одно, более решительное, обращение? Мы предоставим вам все необходимое.

— А ваши специалисты отредактируют текст, не правда ли?

Азов усмехнулся.

— Вы хотите, чтобы Флот остался цел? Говоря откровенно, я сомневаюсь, что после этой атаки вам удастся его восстановить. Даже если Мациан не подчинится вам, вряд ли это что-нибудь изменит: он лишился практически всех баз. Но у вас есть шанс до конца сыграть роль гуманиста.

Эйрис счел за благо промолчать. Адъютант Азова снова взял его за руку, отвел в соседнюю каюту со скудной пластиковой меблировкой и ушел, заперев дверь.

Попробовав походить по тесной каюте, Эйрис поддался слабости и сел.

«Я держался хуже некуда, — подумал он. — Диас и Бела… где они? На корабле или все еще на станции? И как называется та станция?» — Эйрис вздрогнул всем телом, внезапно осознав, что потерял их навсегда, что этот корабль летит сражаться с Мацианом, завоевывать Пелл… Ведь и Джекоби здесь, ему тоже отведена роль гуманиста. По наивности он рассчитывал остаться и живых, вернуться домой… Теперь это кажется маловероятным. Вот-вот они потеряют все.

— Заключен мир, — произнес он наконец, не сомневаясь, что его слова записываются. — Представитель Совета безопасности Сегюст Эйрис от имени Земной Компании и Совета безопасности призывает Флот выйти на связь для переговоров.

Хуже всего, что предстоит сражение всеми силами Флота. Мациан нужен Земле, нужен со всеми его кораблями — неуловимыми партизанами, которые не дают Унии протянуть руку к Земле.

Мациан сошел с ума… Как смеет он в открытую идти против неисчислимой армады униатов, разом бросать в бой горстку своих кораблей, ставить на карту все? Если сейчас погибнет Флот, Земля будет обречена. Без Мациана и Пелла все развалится в мгновение ока.

А вдруг обращение Эйриса или эти «защитные маневры» Азова только подстегнут Мациана, заставят его совершить опрометчивый шаг?

Поднявшись, Эйрис снова зашагал по выгнутому полу своей последней, как он опасался, тюрьмы. Второе обращение им подавай! Какая наглость! Неужели униатские властители всерьез допускают, что от него будет прок? Неужели они не умнее своих надутых манекенов?

«Мы заключили ряд взаимовыгодных соглашений, — составлял он в уме текст обращения. — Обсуждаем возможность слияния коммерческих интересов Земли и Унии. В доказательство вашей доброй воли прошу прекратить военные действия и ждать дальнейших инструкций».

Предательство… чтобы вынудить Мациана к отходу, к прежней тактике разрозненных очагов сопротивления, столь необходимых Земле на этой стадии Войны. Единственный выход.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. НА ПОДЛЕТЕ К ПЕЛЛУ: 4.10.52; 11:45 ГС

«Норвегия» и все корабли Флота синхронно вышли в реальное пространство. Ожившие ком и скан тотчас занялись поисками гигантского «Тибета», летевшего в авангарде — крошечной пылинки в космосе.

— Объект обнаружен. — Донесение кома поступило в рубку без задержки, и это было утешительно. Целый и невредимый, «Тибет» находился там, где ему и полагалось находиться; очевидно, появление разведчика в территориальном пространстве Пелла не было замечено врагами. Экраны запестрели точками кораблей — торговцы, самодеятельная милиция. «Тибет» вспугнул одного из торговцев. Совсем ни к чему, чтобы известия летели к униатам. Оставалось лишь надеяться, что купец сам менее всего на свете желает с ними встречи.

Чуть позже пришла коротенькая депеша с «Европы»: флагман уже в обычном пространстве, но пока ничего не предпринимает.

— На связи сам Пелл, — доложил Графф, сидя-

щий за командирским пультом. — Вроде пока все нормально, — добавил он, прислушиваясь.

Сигни склонилась над клавиатурой и набрала приказ капитанам рейдеров — к счастью, из этих «захребетников», не умеющих прыгать самостоятельно, не потерялся ни один. На экране кома в лихорадочной спешке сменяли друг друга опознавательные сигналы, передаваемые с купцов открытым текстом. Фрахтеры разбегались от предполагаемого курса «Норвегии», на опасной скорости входившей в эклиптику Пелла.

Их осталось девять. «Ливия» Ченели превратилась в обломки и пыль, а «Индия» Кео потеряла два рейдера из четырех. Они не отступали — они удирали сломя голову, спеша укрыться в последнем безопасном месте, перевести дух и зализать раны. За плоскостью «Норвегии» тянулся шлейф из металлических внутренностей, а может, и сама плоскость отвалилась в момент прыжка. В поврежденном отсеке лежали трое убитых техов, их даже из-под обломков вытащить не успели. Сигни пришлось бежать, бежал весь Флот, все, что осталось от власти Компании. На пультах «Норвегии» до сих пор мигали красные лампочки.

Сигни приказала аварийной команде избавиться от останков.

В системе Пелла тоже могла поджидать засада, но Сигни гнала от себя эту мысль, заторможенно следя за лампочками. Она еще не оправилась от наркоза, пальцы, набирающие команды выхода корабельных систем из компсинхронизма, не попадали на нужные клавиши. Едва вступив в бой под Викингом, корабли Мациана показали врагу хвост. Бежали, подчинившись приказу.

За все годы службы на Флоте Сигни ни разу не задавала вопросов командующему, слепо веря в его стратегический гений. Но сейчас ее грызли сомнения. Они потеряли всего один корабль, а Мациан приказал отступить. Несколько месяцев готовились, пошли на жертвы — что же, выходит, все было напрасно? Мациан вытащил их из битвы, которую можно было выиграть. Сигни не хватало духу повернуть голову и встретиться взглядом с Граффом, Ди, остальными. Если бы кто-нибудь из них спросил, почему они бежали, Сигни не нашлась бы с ответом. Она не могла ответить даже себе самой. Мациан переменил планы… по какой-то серьезной причине. Ей очень хотелось верить, что эта причина достаточно серьезна.

Теперь надо как можно быстрее восстановить силы и подготовиться к новой операции. Так

было всегда. Вот только на этот раз линии снабжения перерезаны, а станции, на которых они пополняли запасы и экипажи, в чужих руках.

Не исключено, что у Мациана сдали нервы. Сигни старательно убеждала себя в обратном, но в глубине души сознавала: на месте командующего она бы действовала совершенно иначе. И любой другой капитан. Все шло точно по плану, а Мациан дал приказ к отступлению. Мациан, которого они боготворили.

Во рту появился привкус крови. Она не заметила, как прокусила губу.

— Пелл через «Европу» дает инструкции на приближение, — сообщил ком.

— Графф, действуй. — Сама Сигни следила за экранами и прижимала к уху микрофон вспомогательного кома, связанного непосредственно с Мацианом. Но командующий не спешил давать объяснения. Он безмолвствовал с той минуты, когда приказал кораблям выйти из непроигранного сражения.

Стыковка прошла как обычно. Получив через ком Мациана разрешение причалить, Сигни отдала приказ рейдерам, которые окружали «Норвегию». Сейчас на них несли вахту дублеры. Рейдерам поручили следить за купцами из

милиции и стрелять, если кто-нибудь вздумает сорваться. Лишь после того, как все носители благополучно причалят, рейдеры состыкуются с ними.

С Пелла по-прежнему шла кодированная передача. «Сбросьте скорость, — умоляла станция, — перед нашими доками — форменное столпотворение». Мациан упорно молчал.

2. ПЕЛЛ: СИНИЙ ДОК; 12:00

Мациан, сам Мациан, а не Уния и не очередной конвой. К Пеллу приближается весь Флот.

Перескакивая с одного неконтролируемого канала связи на другой, эта новость вихрем облетела станционные коридоры, офисы и доки и проникла к беженцам, ибо изоляция карантинных ярусов оставляла желать лучшего. Обстановку в "К" отслеживали мониторы. Слух о том, что к станции, вероятно, подходят корабли Унии, поверг беженцев в панику, но истина, открывшаяся вскоре, ничуть не успокоила их.

Поглядывая на мониторы, Дэймон взволнованно ходил по офису управления доками. Рядом, за пультом кома, сидела Элен; прижимая к уху микрофон, она сердито и сосредоточенно спорила с кем-то. Торговцы пребывали в шоке; военизи-

рованные всерьез готовились бежать, чтобы не лишиться своих кораблей и самим не попасть к Мациану под ружье; прочие опасались конфискации оружия и припасов и мобилизации специалистов.

Все эти жалобы и страхи свалились на голову Дэймона. Он поговорил с некоторыми капитанами, но не дал им никаких гарантий. Произволу военных юрслужба могла противопоставить лишь иски, судебные запреты и постановления. Иски — Мациану! Купцы знали им цену.

Дэймон подошел к кому и включил канал полиции.

— Дин, — обратился он к дежурному, — поднимай дополнительную смену. Мы не можем вывести полицию из "К", но и доки с купцами нельзя оставлять без охраны. Объявляй общий сбор. Береги доки и ни в коем случае не пускай туда низовиков.

— А твой офис даст санкцию?

— Даст.

На том конце канала медлили: в таких случаях юрслужбе полагалось направлять письменные указания с подписью высокого начальства — управляющего станцией. Но у Анджело Константина хватало других забот. Отец Дэймона не

отходил от компа, пытаясь приостановить Флот с помощью уговоров.

— Пришли мне подписанную бумагу, когда сможешь, — попросил Дин Джихан. — Я все сделаю.

Медленно выдохнув, Дэймон отключил связь, походил, снова остановился возле Элен и оперся о спинку ее кресла. Она оторвалась от работы, полуобернулась и коснулась его руки. Когда он вошел в кабинет, лицо жены было бледным; сейчас оно обрело румянец и всегдашнее выражение уверенности.

Техи лезли из кожи вон, объясняя докерам, что от них требуется, и составляя для диспетчерской службы процедуру вывода фрахтеров — необходимо было освободить причалы для мацановских кораблей. Творилось нечто невообразимое; не только доки были загромождены купцами — больше сотни кораблей (целое облако) кружило вместе с Пеплом по стационарной орбите Нижней, тщетно дожидаясь разрешения на стоянку в порту. На станцию надвигалось девять огромных кораблей, Мацианов ком обстреливал ее очередями вопросов и указаний, по-прежнему умалчивая о том, с какой целью прибыл Флот и где собирается разместиться (если вообще намерен задерживаться).

«Наш черед? — с тревогой спрашивал себя Дэймон. — Неужели эвакуация?»

Это походило на кошмарный сон. Бегство куда глаза глядят, гиперпространственный прыжок на какую-нибудь давным-давно заброшенную Тыловую Звезду, или на станцию Солнечная, или на Землю — это не для беременной женщины. Дэймону вспомнился «Хансфорд». Страшно было представить Элен на борту такого корабля, страшно представить, во что могут превратиться цивилизованные люди.

— Может, все уладится, — произнес тех.

«Не исключено, — мысленно согласился с ним Дэймон, — но маловероятно. В глубине души каждый из нас давно готов к проигрышу. Уния разрослась сверх всякой меры. Возможно, Флот подарит нам несколько лет свободы, но ни в коем случае не победу. Я не удивлюсь, если нас захватят завтра. Почему столько рейдероносцев? Только по одной причине: они отступают. А что произойдет, если мы откажемся эвакуироваться? Что ожидает любого из Константинов в униатском плену? Нет! Не посмеют военные бросить нас на произвол судьбы».

Он положил руку на плечо жены. Судорожно стучало сердце; он понимал, что им, вероятно,

предстоит разлука. Он может потерять и ее, и ребенка. Эвакуируя станцию, военные отправят его на борт под конвоем. Так они поступали на других станциях, чтобы к униатам не попали специалисты. Отец и мать… вместе с тысячами других станционеров их посадят на захваченные фрахтеры и повезут к Земле. Пелл — вся их жизнь, и для матери это отнюдь не метафора. И для отца. И для Эмилио с Милико.

Неужели его, Дэймона Константина, станционера до мозга костей, разлучат с поколениями других станционеров, никогда не желавших войны?

От этих мыслей подташнивало. Надо бороться. За Элен. За Пелл. За все свои мечты.

Но он не знал, с чего начать.

3. «НОРВЕГИЯ»: 13:00

Сигни уже своими глазами видела «ступицу» и «обод» Пелла, спутник вдалеке от станции и сверкающий, кое-где испещренный облаками алмаз Нижней. Рейдероносец давно притормозил, и теперь, если сравнивать скорость с прежней, продвигался вперед, как улитка.

Гладкая поверхность станции постепенно разрушалась в нагромождение острых углов и

ломаных линий. На обращенной к «Норвегии» стороне в каждую причальную нишу уткнулся фрахтер. Одни корабли были на ремонте, другие просто отдыхали. Скан демонстрировал неописуемую суматоху.

«Норвегия» еле плелась — неуклюжим купцам требовалась уйма времени, чтобы освободить для нее проход. К Пеллу сбежались все торговцы, ускользнувшие от Унии — частью они висели возле станции, частью прятались на окраинах системы. У пульта по-прежнему сидел Графф, что сейчас было нелегким и скучным делом. «Настоящее столпотворение, — думала Сигни, разглядывая станцию и купцов. — Никогда такого не бывало. Это страх, — догадалась она, ощущая, как невидимая рука сжимает ей желудок. Гнев исчез, остались только страх и непривычное чувство собственной беспомощности. — Если бы кто-нибудь мудрый решил по-другому. Еще давно. Избавил бы нас от унизительного бегства и от необходимости выбирать самим из тех немногих вариантов, что остались…»

«Рейдероносцам „Северный полюс“ и „Тибет“ в доки не входить, — поступил приказ с „Европы“. — Вести патрулирование».

Да, охранять подступы к станции было необ-

ходимо, и Сигни страстно желала, чтобы это задание выпало на ее долю. Альтернатива выглядела куда менее заманчиво. Судя по всему, им предстояла операция наподобие высадки на Рассел, где паника среди гражданского населения ускорила разорение станции, где в доках собрались толпы… Сигни была сыта этим по горло, и ее ничуть не радовала мысль о том, что ее люди высадятся на Пелл в таком же, как у нее, расположении духа.

Пришло очередное сообщение с Пелла. Доки полностью освобождены от торговцев, все рейдероносцы могут причалить одновременно. Изгнанные фрахтеры пятятся, пристраиваясь к кораблям на орбите.

Прорвался низкий грубый голос Мациана. Он повторял, что возня купцов вокруг Пелла его не интересует, но если кто-нибудь из них попытается выскочить из системы, то будет уничтожен без предупреждения.

Станция приняла это к сведению — ничего другого ей не оставалось.

4. ПЕЛЛ: "К"; 13:00

Все не работало, как и всегда в карантине. Ходьба по тесной квартире ничуть не успока-

ивала. Василий Крессич снова и снова жал на безжизненные кнопки, бил кулаком по консоли, но не получал отклика из комцентра. Поломки доводили его до бешенства, почти до слез. Это случалось чуть не каждый день: водоснабжение, канализация, ком, вид, пищепровод. Обстоятельства вновь и вновь заставляли Василия ощущать собственную беспомощность и ничтожность. Разруха, духота, теснота, бессмысленное буйство людей, доведенных до безумия скученностью и неизвестностью… У Крессича была по крайней мере квартира, пожитки. Свое жилье он содержал в идеальной чистоте, прибирался часто и одержимо. Но как бы старательно он ни мылся, как бы ни драил пол и ни закупоривал щели между дверью в туалет и косяком, он не мог избавиться от зловония "К" — смеси запахов антисептика и прочих дешевых химикалий, с помощью которых станция боролась с инфекцией и человеческими выделениями, чтобы поддержать жизнь карантина.

Он еще походил по комнате, опять попробовал ком и опять ничего не добился. В коридор, судя по шуму за стеной, высыпал народ, но Василий верил, что Нино Коледи и его парни не допустят очередной заварухи. Во всяком случае, надеялся.

Бывали случаи, когда Василий не мог выбраться из "К" — чаще всего во время беспорядков. Ворота закрывались наглухо, не действовал даже пропуск депутата. Василий понимал: сейчас он должен находиться в коридоре, успокаивать народ, удерживать в узде Коледи и его компанию.

Но выйти он не решался. Волосы вставали дыбом, стоило ему вообразить себя перед толпой, представить вопли, ненависть, ярость… и новую кровь, и новые ужасы, которые будут мучить его по ночам. Ему снился Реддинг. И остальные. Все те, с кем он разговаривал и кто погиб в коридорах, кого выкинули в космос заживо. Он знал: его трусость способна погубить всех беженцев, а его самого — одним из первых. Но, как он ни боролся с собой, ему не всегда хватало мужества.

Он был одним из "К", он ничем не отличался от остальных. Но власти дали ему убежище, и Василий боялся его покинуть. Не хотел преодолевать даже короткого расстояния до полицейского поста у ворот.

Его могли убить… Коледи, или один из его мятежников, или кто-нибудь из толпы — просто так, безо всяких мотивов. Когда в очередной раз слухи и домыслы приведут к массовым беспорядкам, какой-нибудь бедолага, отчаявшись

подавать прошения, проклиная власть и видя в Крессиче ее символ, поднимет на него руку, а разъяренная толпа довершит расправу. Всякий раз, когда Василий открывал входную дверь, у него болезненно сжимался желудок: в коридоре его всегда ждали вопросы, на которые он не мог ответить, требования, которые он не мог выполнить, глаза, в которые он не мог смотреть. Даже если сегодня ему удастся выбраться, то все равно придется вскоре вернуться — без серьезного повода ему не позволят задержаться вне "К". Не раз пытался он выяснить, насколько расположены к нему власти, а недавно, выждав несколько дней после смуты, даже решился на отчаянный шаг: попросил документы станционера и разрешение переселиться из "К". Попросил, зная, что об этом может пронюхать Коледи, — и получил отказ. Великий, могущественный совет не стал даже слушать его, своего члена. Только Анджело Константин снизошел до беседы с Василием, даже разыграл настоящий спектакль, упрашивая его не покидать избирателей. «Вы, — сказал ему Анджело, — слишком ценны для нас на своем посту». Больше Василий не заводил речи о переводе, боясь огласки, равносильной смертному приговору.

Когда-то он был добрым и смелым человеком — во всяком случае считал себя таковым. Но это было до бегства. До Пелла. До расставания с Джен и Роми. Дважды он оказывался среди взбесившейся толпы, один раз его избили до бесчувствия. Его пытался прикончить Реддинг. Найдутся и другие — в этом Василий не сомневался. Он чувствовал себя усталым и больным, средства омоложения не помогали — в лучшем случае, подозревал Василий, они некачественны, а в худшем — ядовиты. Он часто рассматривал себя в зеркале: новые морщины на лице, запавшие глаза; почти невозможно узнать того бодрого, цветущего мужчину, каким он был год назад. Он панически боялся захворать всерьез, прекрасно зная, что врачебный уход в "К" — фикция, что все медикаменты, попадающие к беженцам, — краденые, а может, поддельные, что он, Василий, полностью зависит от великодушия Коледи, который поставляет «своему боссу» не только лекарства, но и вино, и сносную пищу. Василий уже не вспоминал о родине, не оплакивал семью, не думал о будущем. Он жил сегодняшним днем, таким же страшным, как и вчерашний. У него осталось лишь одно желание: чтобы завтрашний день не оказался еще хуже.

Снова он попробовал добиться чего-нибудь от кома, и на этот раз даже не загорелась красная лампочка. Ремонтники не поспевали за вандалами, почти регулярно громящими карантинную технику. Станционные рабочие появятся в "К" лишь через несколько дней и снова починят не все. Он в кошмарных снах видел, как какой-нибудь маньяк, не желая уходить на тот свет в одиночку, громит жизненно важный агрегат и выпускает воздух из всей секции.

Да, такое может случиться.

В критической ситуации.

Или в любой момент.

Все быстрее и быстрее шагал он по комнате, прижимая ладони к животу, который уже давно отзывался резью на любое волнение. Боль нарастала, заставляя забыть другие страхи.

Наконец Василий собрался с духом и надел пиджак. В отличие от большинства беженцев он ходил без оружия — его регулярно сканировали на пропускном пункте. Сдерживая подступающую тошноту, он прижал ладонь к плате электронного замка и заставил себя шагнуть в сумрачный коридор со стенами, размалеванными непристойными надписями. Он запер за собой дверь. Его еще не грабили, но, несмотря на протекцию

Коледи, он ожидал этого: в "К" грабили всех без разбору. Безопаснее быть нищим — Василий же считался богачом. Если его не трогали до сих пор, то лишь потому, что в глазах толпы он — человек Коледи. Но стоит ей узнать о его обращении к властям, и он покойник.

По коридору… теперь — мимо охранников, парней Коледи. В док. Он пробирался сквозь толпу, воняющую потом, несвежим бельем и антисептиком. Люди узнавали его, хватали грязными руками, умоляли рассказать, что происходит на станции.

— Не знаю, — отвечал Василий. — Еще не знаю. У меня не работает ком. Я иду выяснить. Да, сэр, спрошу. Обязательно спрошу.

Он повторял эти слова вновь и вновь, вырываясь из одной пары цепких рук и тотчас попадая в другую, видя в глазах у некоторых наркотическое безумие. Бежать он не мог. Бегство депутата вызовет панику, и тогда его растерзают и растопчут. Спокойно, впереди — секционные ворота, сулящие безопасность, надежную защиту от бандитов, от избирателей. Ворота, за которые никого не выпустят без драгоценного пропуска.

«Это Мациан! — летел слух по карантинному доку. — Он готовит эвакуацию. Заберет с собой

всю верхушку, а нас бросит!»

— Депутат Крессич! — Чья-то сильная рука ухватила Василия сзади за предплечье и грубым рывком заставила развернуться. Сакс Чемберс из шайки Коледи. Боль в предплечье пробудила ощущение смертельной опасности. — Куда путь держите?

— На ту сторону, — прохрипел Василий. «Прознали!» — молнией сверкнуло в мозгу. — Чрезвычайное заседание совета. Сообщите Коледи. Мне надо быть там. Иначе как мы узнаем, что решит совет насчет нас?

Несколько секунд Сакс молчал и даже не шевелился. В умении запугивать ему не было равных. Он просто смотрел — достаточно долго, чтобы Крессич успел сообразить: у Сакса есть и другие навыки. Затем Чемберс разжал пальцы, и Василий отшатнулся.

Не бежать! Ни в коем случае не бежать! И не оглядываться. Не показывать своего ужаса. Пока он в "К", надо сохранять видимость спокойствия… хотя боль в животе почти невыносима.

У ворот — толпа. Василий вклинился в нее, велел разойтись, освободить проход. Толпа угрюмо раздвинулась, и Василий поспешил вставить карточку в паз, войти в проход и закрыть ворота,

прежде чем кто-нибудь решился последовать за ним.

Василий задержался на несколько мгновений в узком туннеле, перед лестницей, ведущей наверх. Яркое сияние ламп, запах, проникший из карантина… Рядом — ни души. Дрожа, Крессич прислонился к стене, его желудок судорожно сжимался.

Наконец он поднялся по лестнице и нажал кнопку, призывая охранников с той стороны границы.

Эта кнопка действовала. Охранники открыли ворота, взяли у него карточку, зарегистрировали выход Крессича из карантина. После обеззараживания Василий, сопровождаемый полицейским, ради него оставившим свой пост, направился в зал заседаний совета. Разгуливать без конвоя в приграничной зоне депутату от "К" запрещала специальная инструкция.

Он отряхнул одежду, словно это могло избавить его от постылого запаха и мыслей о "К". Во всех коридорах ревели сирены, полыхали красные лампы и суетились полицейские. Здесь тоже не было мира.

5. ПЕЛЛ: ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ СТАНЦИЕЙ, ОФИС КОМЦЕНТРА; 13:00

Вызовы шли лавиной, консоли центрального кома были сплошь усыпаны огоньками. Во всех зонах действовал «красный» — аварийный — режим, резидентов призывали разойтись по своим квартирам, следить за объявлениями центра и не затруднять его действия расспросами. Но выполняли эту просьбу далеко не все. Некоторые экраны показывали пустующие коридоры; кое-где собрались толпы. Хуже всего дела обстояли в "К".

— Вызовите охрану, — приказал Джон Лукас, глядя на мониторы. — В синюю, на третий ярус.

Старший оператор склонился над пультом и передал распоряжение диспетчеру. Перейдя к главному пульту, Джон встал за спиной задерганного начальника комцентра. Депутаты, как полагалось в аварийной ситуации, заняли ближайшие ключевые посты, но никаких конкретных указаний из офиса управляющего станцией еще не получили. Джон оказался ближе всех к комцентру и при первом же сигнале тревоги пустился бегом сквозь перепуганную толпу. «Хэйл, — с горячей надеждой думал он, — конеч-

но, сидит у меня в квартире, сторожит Джессада, как ему и велено».

В комцентре Джон застал сумятицу. Переходя от пульта к пульту, он видел на экранах панику. Начальник комцентра безуспешно пытался связаться с офисом управляющего, но все каналы были забиты. Он попробовал действовать через командный ком, но добился лишь мерцающей строчки на экране: КАНАЛ ЗАКРЫТ.

Начальник комцентра ругался, выслушивая жалобы подчиненных.

— Что происходит? — осведомился Джон. Не получив ответа (начальника отвлек вопрос одного из комтехов), он повторил: — Что происходит?

— Депутат Лукас, — пискляво отозвался начальник комцентра, — у нас дел невпроворот. Извините.

— Что, не пробиться?

— Да, сэр, не пробиться. Управляющий на связи с Флотом через командный. Прошу прощения.

— Ну и черт с ним! — Когда собеседник резко отвернулся от пульта и вскинул на Джона изумленные глаза, он потребовал: — Дайте мне общее оповещение.

— Мне нужна санкция! — пискнул начальник кома. За его спиной торопливо загорались все

новые красные лампочки. — Санкция, господин депутат. Разрешение управляющего.

— Действуйте.

Тех озирался, будто искал, у кого бы спросить совета. Джон схватил его за плечо и повернул лицом к обезумевшей консоли.

— Поторопись, — прорычал он. Начальник кома потянулся к выключателю внутренней связи, затем взял микрофон.

— Первый, включай циркулярную, — велел он и тотчас получил ответ: «Приказ исполнен». — Обращение по виду и кому.

В комцентре вспыхнул главный экран, заработала камера. Набрав полную грудь воздуха, Джон шагнул под объектив. Его изображение появилось на всех экранах вида, в том числе и в его квартире, где находился некто с вымышленной фамилией Джессад.

— Говорит советник Джон Лукас, — разнеслось по всему Пеллу, забивая административные и общественные каналы связи, и те, по которым центральная переговаривалась с кораблями Мациана, и те, что вещали на все квартиры, гостиничные номера и карантинные «бараки». — Довожу до сведения всех станционеров, что Флот, вошедший в наше территориальное

пространство, — это действительно корабли Мациана. Сейчас они швартуются в соответствии с установленной процедурой. Пелл находится в полной безопасности, но до завершения последней стыковки мы будем соблюдать «красный» режим. Для обеспечения нормальной работы комцентра и всех остальных служб управления просим граждан воздержаться от использования коммуникативных устройств без крайней необходимости. Во всех помещениях сохраняется порядок, никаких серьезных повреждений станция не получила. Вызовы резидентов регистрируются, и несущественные обращения к ним будут иметь серьезные последствия. Всем бригадам низовиков приказываю немедленно связаться с местами проживания и дожидаться руководителей. В доки не входить. Всем остальным рабочим действовать по разнарядке и не дергать центральную по пустякам. Как только от Флота поступит информация, заслуживающая внимания, мы немедленно передадим ее по системе общего оповещения. Рекомендую всем находиться у приемников: это самые надежные источники новостей.

Он вышел из-под объектива. На пульте гасли сигнальные лампочки — станционеры пере-

варивали услышанное. Вскоре часть лампочек загорелась вновь — но это, в основном, были действительно неотложные вызовы.

Джон перевел дух. В уголке его мозга шевелились тревожные мысли: «Как там сейчас у меня дома? Надеюсь, Джессад никуда не выходил… А вдруг его там обнаружат?»

Мациан. Военное положение. Проверки документов. Допросы с пристрастием. И если флотские поймают Джессада, они сразу заинтересуются, кто его приютил…

— Сэр, — подал голос начальник кома. Засветился третий слева экран. Увидев на нем пунцовое от гнева лицо Анджело Константина, Джон нажал кнопку приема.

— Соблюдай порядок! — рявкнул Анджело и отключился. Джон стоял перед погашенным экраном, сжимая кулаки и гадая, почему отповедь оказалась столь краткой: то ли у Анджело дел по горло, то ли он ошалел от неожиданности.

"Будь что будет, — успокаивал себя Джон, слушая гулкую пульсацию крови в висках. — Пускай Мациан вывезет всех, кого сумеет. После него прилетят униаты, им понадобятся люди, знающие станцию. С униатами можно найти общий язык… как мы нашли его с Джессадом. Не время

праздновать труса. Я увяз с головой.

Первый шаг… Ты вышел на сцену, — говорил он себе, — и люди услышали твой спокойный, решительный голос. Услышал его и Джессад. Теперь ты знаменит на всю станцию. Именно в этом секрет вечного успеха Константинов: в монополии на известность. В красивых жестах, рассчитанных на публику. Анджело видится людям этаким патриархом, без которого все рухнет. А тебе с ним не тягаться, у тебя нет его манер, нет врожденной привычки властвовать. Зато есть другие способности… Когда в центральной и на орбите началась суматоха, ты хоть и натерпелся страху, но быстро смекнул, как извлечь из этого выгоду. В худшем случае ты останешься при своих".

Вот только Джессад… Джон часто думал о Маринере, погибшем, когда возле него точно так же, как сейчас возле Пелла, собрались корабли Мациана. Чтобы подобного не случилось здесь, Джессад обязан положиться на Джона и Хэйла и ни в коем случае не создавать собственной агентуры. Сейчас Джессад фактически под домашним арестом, без документов он не отважится выйти из квартиры, тем более что на подлете к Пеллу — Мациан.

Джон глубоко вздохнул, размышляя о том, что

сейчас униат в его власти. Пожалуй, дело обстоит неплохо. Джессад поклянется не своевольничать, иначе очередной труп без документов отправится в шлюз. В последнее время такое случалось часто, особенно в "К". Джону еще не доводилось убивать, но с той минуты, как увидел Джессада, он был готов к такому исходу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
«НОРВЕГИЯ»: 14:00

Для того чтобы разместить в доках столько кораблей, потребовалось немало времени. Сначала — «Тихий океан», затем «Африка», «Атлантика» и «Индия», и наконец пришел черед «Норвегии». Сигни покинула пост в центре рубки, предоставив Граффу, сидящему у главного пульта, командовать кораблем. Прождавшая несколько часов «Норвегия» торопливо ткнулась носовым щупом в подводящий конус, после чего докеры Пелла открыли люки во внешней стене дока, чтобы выпустить «пуповины»; тем временем «Австралия» заканчивала переход в режим стоянки, а суперрейдероносец «Европа», пренебрегая станционными буксирами, плавно приближался к причалу.

— Кажется, все в порядке, — сказал Графф. — В доках вроде все спокойно. Там полным-полно станционных полицейских из резерва управляющего. Никаких признаков паники среди шпаков. Об этом позаботилась администрация.

Новости слегка приободрили Сигни. Она на-

деялась, что Анджело и его помощники будут действовать разумно — по крайней мере до тех пор, пока Флот не сделает свое дело.

— Внимание, — заговорил ком. — Управляющий станции поздравляет Флот с благополучным прибытием в наши доки. Мы рады вашему визиту и просим капитанов при первой возможности посетить совет.

— Пускай «Европа» отвечает, — прошептала Сигни и через секунду услышала голос вахтенного комтеха флагмана. Он просил подождать.

Сигни соскочила с дивана.

— Графф, остаешься за меня. Ди, дай мне десять человек в сопровождение, и побыстрее.

Из кома посыпались новые инструкции с «Европы»: каждому рейдероносцу выпустить в док пятьдесят десантников в полном боевом облачении. Командование Флотом временно передается Яну Мэйсу, первому помощнику капитана «Австралии». Рейдерам прикрытия идти в доки на стыковку, подчиняясь указаниям станционной диспетчерской службы.

Следить за исполнением этих распоряжений предстояло Граффу. Наконец-то Мациан соизволит рассказать своим капитанам, что он замышляет.

Пройдя к себе в кабинет, Сигни задержалась там лишь для того, чтобы сунуть в карман пистолет. Затем она поспешила к лифту и спустилась к воздушному шлюзу, по которому уже бежали солдаты, посланные Граффом в док, и Ди Янц. Они были в полной боевой экипировке с той минуты, когда корабль оказался вблизи станции. От них отделился эскорт Сигни, возглавляемый Байхэмом, и двинулся следом за ней. В стальных коридорах «Норвегии» умирало эхо голоса Граффа.

Флоту был отдан весь док, и в него разом высыпали вооруженные десантники с нескольких кораблей, оцепив подступы к трапам и вынудив станционную охрану к беспорядочному отступлению. Не понимая, чего от них хотят военные, по причалам метались докеры.

— За работу! — рявкнул на них Ди Янц.

Докеры подчинились мгновенно. Едва ли флотским следовало их опасаться. Сигни скользнула взглядом по вооруженным полицейским, фиксируя позу каждого, затем — по хитросплетению тросов и стрел, где могли прятаться снайперы. Увлекая за собой эскорт, она пошла вдоль закругления стены дока, мимо «пуповин», трапов и подъемных кранов… Солдаты образовали живую

стену на всем пути от «Норвегии» к «Европе»; дальше стояли торговые корабли.

Сигни шагала следом за Томом Эджером с «Австралии» и его свитой; остальные капитаны, как ни спешили, оказались у нее за спиной. На трапе у шлюза «Европы» она поравнялась с Эджером.

Возле лифта на выходе из ребристой «пуповины» их догнал Кео с «Индии»; по пятам за ним шествовал Порей с «Африки». Все молчали — вероятно, думали об одном и том же, злились на одно и то же, и никто не испытывал желания высказывать свои догадки. В лифт каждый взял только двоих солдат. Безмолвно покинув кабину на главной палубе, они направились к совещательной каюте; гулкое эхо шагов разносилось по коридору. Здесь было просторнее, чем на «Норвегии», и малолюднее. По пути им встретилось лишь несколько часовых, окаменевших по стойке «смирно».

Как и коридор, совещательная каюта пустовала. Ни признака жизни. Только светильники, горевшие над круглым столом, давали капитанам понять, что их ждут.

— Выйдите, — велела Сигни сопровождающим. Так же поступили и остальные капитаны. Усаживались они по очереди, как требовала иерархия:

первыми — Том Эджер и Сигни, за ними Кео и Порей, затем, через три кресла, — появившийся вскоре Сунг с «Тихого океана». Мика Крешов, пришедший последним, сел рядом с Сигни в кресло номер четыре.

— Ну, где он? — потерял наконец терпение Крешов.

Сигни пожала плечами, невидяще глядя на Сунга, и сцепила пальцы на столе. Вот так всегда: спешишь, чтобы потом ждать. Сначала тебе приказывают выйти из боя, потом тебя держат в неведении, а теперь…

Она сфокусировала зрение на лице Сунга, напоминавшем древнюю маску. С этого лица никогда не сходило выражение безмятежного спокойствия; только глаза были сейчас темнее обычного. «Нервы, — мысленно произнесла Сигни. — Все мы измотаны. Бегство, прыжок, а теперь еще эта заминка».

И вот появился Мациан. Бесшумно пройдя мимо капитанов, он занял свое место во главе стола и опустил такие же усталые, как у всех остальных, глаза. Поражение? У Сигни заболел желудок, будто она проглотила что-то несъедобное. Внезапно Мациан поднял голову, и Сигни, увидев его плотно сжатые губы, с силой втянула воздух, что-

бы погасить ярость. Она сразу узнала эту маску. Конрад Мациан вошел в роль. Очередной выход на сцену он подготовил так же тщательно, как готовил засады и нападения. Он играл всегда и везде, играл то утонченно, то грубо. Сейчас на нем была самая фальшивая из масок — смиренная. Скромный, без единой медной блестки, мундир. В безупречной прическе — седина. Лицо исхудалое, печальное. Иными словами, облик профессионального лицедея. А самыми неискренними были глаза.

Сигни следила за удивительной сменой выражений его глаз, за мимикой, способной, казалось, обмануть Господа Бога. Мациан собрался дергать за ниточки, а марионетками будут Сигни и другие капитаны. Она больно закусила губу.

— Ну как? — спросил он. — Все в…

— Почему вы приказали нам бежать? — Перебив Мациана, Сигни тотчас увидела разительную перемену — смирения как не бывало, в глазах блеснул гнев. — Почему не выходили на связь?

До сего момента она ни разу не задавала Мациану вопросов. Никогда не возражала. Но сейчас решилась.

Внезапно злость на его лице сменилась чем-то похожим на приязнь.

— Ну ладно, — произнес он миролюбиво. — Ладно. — Он окинул комнату взглядом. Опять пустые места за столом. Осталось девять капитанов, двое из них на патрулировании. Его взгляд ненадолго застыл на каждом из присутствующих. — Вам следует выслушать меня. Принять кое-что во внимание.

Он нажал несколько кнопок на пульте, и четыре стены-экрана показали одинаковые изображения. Последний раз эту карту-схему Сигни видела у Омикрона. Во рту сразу появился привкус желчи.

Знакомые созвездия удалялись, съеживались. Ни Компании, ни Флоту это пространство уже не принадлежало. Остался только Пелл. Масштаб уменьшался, на экраны вползали Тыловые Звезды. Сигни ждала появления Солнца, но изображение вдруг застыло.

— Ну и что? — спросил Крешов.

Мациан промолчал. Капитаны разглядывали карту.

— Ну и что? — повторил Крешов.

Сигни глубоко вздохнула — для этого потребовалось сознательное усилие. Время будто остановилось. В зловещей тишине Мациан показывал капитанам то, что и так уже было в мозгу

у каждого.

Война проиграна. Империя пала.

— С одной обитаемой планеты, — произнес Мациан чуть ли не шепотом, — с одной обитаемой планеты — нашей прародины — человечество протянуло руку в Глубокий. Униаты обложили нас со всех сторон, оставив узкий лаз: Тыловые… и Пелл перед ними. Он перегружен, а Тыловые — сами знаете… Теперь понятно?

— Снова драпать? — угрюмо спросил Порей.

У Мациана дрогнул уголок рта. Сигни почувствовала, как заколотилось ее сердце, как вспотели ладони. Все рушится. Все, что они создали.

— Слушайте! — торжественно прошептал Мациан, сбрасывая маску. — Слушайте!

Он нажал другую кнопку. Голос был искажен расстоянием, но Сигни сразу узнала его по неприятным интонациям.

— Капитан Конрад Мациан, к вам обращается второй секретарь Совета безопасности Земли Сегюст Эйрис, код мандата «Омар», серия три. Совет и Компания уполномочили меня вести переговоры с Унией. Немедленно прекратите огонь. Достигнуто соглашение о мире. Не сомневаясь в вашей верности долгу, прошу приостановить боевые действия и ждать распоряжений директората

Компании. Советую приложить все возможные усилия, чтобы на время переговоров обеспечить безопасность персонала Компании, как гражданского, так и военного. Повторяю. Капитан Конрад Мациан, к вам обращается второй секретарь Совета безопасности…

Нажав кнопку, Мациан оборвал речь Эйриса. Повисла тишина. Лица капитанов потемнели.

— Война окончена, — прошептал Мациан. — Понимаете? Мы проиграли.

В жилах Сигни застыла кровь. Их бросили на произвол судьбы. Все потеряно.

— Наконец-то Компания напомнила о своем существовании, — с горечью промолвил Мациан, — отдав все это униатам. — Он обвел рукой частицу Вселенной, изображенную на экранах. — Хотите знать, откуда поступил этот приказ? С флагмана Унии. С корабля Себа Азова. Понимаете? Код мандата подлинный. Мэллори, ваши знакомые — действительно агенты Компании. Вот для чего им нужен был ваш корабль. Вот что они с нами сделали.

У Сигни перехватило дыхание, по телу растекался холод.

— Если бы я взяла их на борт…

— Ничего бы не изменилось. Вы же знаете:

агенты Компании не действуют на свой страх и риск. Все было предрешено. Даже расстреляв их на месте, вы не спасли бы нас от предательства. Только отсрочили бы неизбежное.

— И дала бы вам время проложить совершенно иной курс, — возразила она, глядя в светлые глаза Мациана и вспоминая каждое слово из своего разговора с Эйрисом, его движения и интонации. И она отпустила этого подонка живым! Позволила совершить предательство!

— Все-таки они сумели пробраться к униатам, — сказал Мациан. — Однако меня не интересует, как им это удалось. Хотелось бы узнать другое: во-первых, что они решили насчет Пелла, а во-вторых, сколько всего станций перешло к Унии? Есть у меня подозрение, что этим так называемым послам не поздоровилось. Что-то они выдали по доброй воле, что-то — при промывании мозгов. За наши коды можно не беспокоиться, но вот что касается кодов Компании и Пелла… Вот почему мы бежали. Да, напрасные месяцы подготовки. Да, потерянные станции, корабли и друзья. Да, страдания многих тысяч мирных жителей. Да, поспешное отступление. Зато спасены Флот и Пелл, а хорошо это или плохо, мы выясним очень скоро. Мы могли победить у Викинга, но неизбеж-

но увязли бы там… и потеряли бы Пелл, а вместе с ним — все наши ресурсы. Вот почему мы ушли.

Ни звука, ни движения. Все встало на свои места.

— Вот почему я не спешил выходить на связь — хотел, чтобы вы собрались у меня и сами решили, как быть. Конечно, трудно поверить, что эти агенты Компании… действовали в здравом уме и не по принуждению. Что они не самозванцы. Но… скажите, мои старые боевые друзья, разве это имеет значение?

— То есть? — произнес Сунг.

— Поглядите на карту, друзья, поглядите еще раз. Вот это… Вот это Пелл. Разве земная власть переживет его потерю? Что такое Земля без Пелла? Здесь у нас есть выбор: или выполнять самоубийственные приказы Компании, или закрепиться, поднакопить сил и снова бить врага. «Европа» предпочитает второе. Если мы не будем праздновать труса, то Уния хорошенько подумает, стоит ли совать сюда нос. Ее экипажи не владеют нашим боевым стилем. Тут у нас есть припасы и людские ресурсы. Но я не хочу никого принуждать. Решайте сами: или вы уходите к Земле, или остаетесь и делаете все, что от вас зависит. А уж история воздаст по заслугам и вам, и

Компании, и Конраду Мациану. Сам я уже решил, как поступить.

— Значит, нас двое, — сказал Эджер.

— Трое, — поправила Сигни, но ее шепот потонул в гуле голосов. Мациан кивнул, медленно обводя капитанов взглядом.

— Ну что ж, будем защищать Пелл. Но сначала придется его взять. Возможно, администрация пойдет на сотрудничество… Скоро увидим. Между прочим, мы здесь не все. Сунг, я хочу, чтобы вы лично побывали на «Северном полюсе» и «Тибете» и объяснили капитанам, что к чему. Если в экипажах и десантных отрядах будут несогласные, мы посадим их на фрахтеры и отправим к Земле. Впрочем, пусть каждый капитан сам разбирается со своими людьми.

— Несогласных не будет, — заявил Кео.

— Посмотрим, — произнес Мациан. — Теперь о станции. Высаживаемся и рассылаем наших людей на все ключевые посты. Даю вам полчаса на разговор с подчиненными. Что бы они ни решили, уже сейчас ясно: нам необходим порядок на Пелле, пока мы его не займем, или, по крайней мере, пока не отправим на Землю несогласных.

— Разрешите исполнять, — оборвал Крешов затянувшуюся паузу.

— Исполняйте, — тихо проговорил Мациан.

Отодвинув кресло от стола, Сигни встала и направилась следом за Сунгом мимо личной гвардии Мациана. В коридоре она подозвала свой эскорт и пошла к лифту, слыша за спиной шаги других капитанов. По-прежнему в ее душе царило смятение. Всю жизнь она ненавидела Компанию, проклинала ее слепоту… Но сейчас ей было очень не по себе, как будто с нее неожиданно сорвали одежду.

«Не горюй, — успокаивала она себя. — Ты изучала историю, ты знаешь: самое плохое начинается с полумер, компромиссов и сомнений в собственной правоте. Глубокий — это абсолют, его законы — сама логика. Компания пошла на уступки, однако новые границы во Внеземелье недолговечны, ибо недолговечно миролюбие Унии. Мы служим Земле, — убеждала она себя. — Служим лучше, чем агенты Компании, за бесценок отдающие врагу достояние родины».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. ПЕЛЛ: БЕЛАЯ СЕКЦИЯ, ВТОРОЙ ЯРУС; 15:30

Вероятно, снаружи, в коридоре, все еще полыхали красные лампы. Мастерская строго соблюдала рабочий ритм. Между станками бродил надзиратель и никому не позволял отвлекаться на разговоры.

Стараясь не поднимать головы, Джош отколупнул пластиковую печать с небольшого изношенного мотора, взгромоздил его на лоток для разборки, на другой лоток ссыпал крепежные болты и скобы. Мастерская занималась устаревшей и вышедшей из строя техникой; детали, в зависимости от степени износа и типа материала, частью шли в утиль, частью — в сборочные цеха.

После обращения депутата Лукаса ком безмолвствовал, а экран вида на стене не показывал ничего интересного. На обращение мастерская отреагировала недовольным шепотом — и только. Никаких обсуждений. Джош старался, не смотреть ни на экран, ни на мастера-надзирателя. Он уже три часа проработал сверхурочно, всей его бригаде давно полагалось смениться и отды-

хать. И ни крошки во рту за все это время. Правда, надзиратель наконец-то послал за сэндвичами и напитками. На верстаке перед Джошем стояла чашка со льдом, однако он к ней не прикасался, притворяясь, что с головой ушел в работу.

За его спиной остановился надзиратель. Джош не пошевелился, не оглянулся он и после того, как мастер отошел. Здесь ко всем относились одинаково. «Все дело в твоем больном рассудке, — объяснял он себе. — Тебе постоянно кажется, будто за тобой присматривают особо». В мастерской внимательно наблюдали за всеми, в том числе и за девушкой, сидевшей рядом с ним. Этот угрюмый, заторможенный подросток отличался удивительной аккуратностью, выполнял самую сложную работу, — а ведь природа обделила бедняжку большинством обычных человеческих способностей. Тут, в демонтажной мастерской, трудились в основном убогие. Несколько нормальных — зеленых юнцов — пришли сюда в надежде получить элементарные познания в технике и со временем подняться выше, на какую-нибудь должность в производстве или техобслуживании. Были и такие, чья постоянная озабоченность, одержимость работой указывали на иные причины «ссылки» в мастерскую… Джо-

шу любопытно было наблюдать у других такие же симптомы, как у него самого.

Эти люди, очевидно, нарушили закон, а Джош никогда не был преступником, и поэтому веры ему меньше, чем им… Он очень дорожил этой работой, полностью занимавшей его разум, давшей ему независимость, — дорожил точно так же, как невозмутимая девчушка, что сидела рядом. Вначале, желая продемонстрировать свои навыки, он трудился в лихорадочном темпе, но вскоре увидел, что это огорчает соседку: она не могла угнаться за ним, как ни старалась. Он расстроился и впредь не выставлял свое мастерство напоказ, зарабатывая не больше, чем (как он считал) требовалось на жизнь.

Его подташнивало, и он жалел, что съел сэндвичи. С другой стороны, он даже в этом не хотел отличаться от окружающих.

Война добралась до Пелла. Мациан. «Норвегия». Мэллори. Он не мог думать о некоторых вещах. Когда рассудок окутывала тьма, Джош работал еще усерднее. И моргал — словно энергичные движения век могли отогнать воспоминания.

Война…

Рядом кто-то шепнул, что станцию эвакуируют.

Это невозможно! Этого никогда не случится!

«А как же Дэймон?» — подумал он, жалея, что нельзя сейчас же встать, пойти в офис Дэймона и обрести там утешение. Нельзя даже попытаться.

Флот Мациана. Военное положение.

И она — с мациановцами… Необходима осторожность, иначе несдобровать. Его рассудок… он очень слаб и способен подвести. Наверное, было безумием напрашиваться на Урегулирование. А может, он и прежде был не в себе, и Урегулирование ничего не изменило. К любому из своих ощущений Джош относился подозрительно, а потому старался ощущать как можно меньше.

— Перерыв десять минут, — объявил надзиратель. — Отдыхайте.

Как и в предыдущие перерывы, Джош даже не встал с места. Соседка тоже.

2. «НОРВЕГИЯ»: 15:30

— Будем удерживать Пелл, — сообщила Сигни экипажу и десантникам — не только тем, кто находился рядом с ней в рубке, но и всему кораблю. — Мы — Мациан, я и остальные капитаны — решили оборонять станцию. Агенты Компании пошли на подлую сделку с униатами, отдали им все Внеземелье, а нам велели прекратить воен-

ные действия. Они выдали наши шифры, — вот почему мы не нанесли удар, вот почему отступили. Мы не знаем, какие еще секреты Флота достались врагам. — Она помолчала, глядя в угрюмые глаза; ее мысленный взор блуждал по всему кораблю, по лицам подчиненных в отсеках. — Пелл… Тыловые Звезды, весь этот край Внеземелья — вот что нам предстоит защищать. И мы не собираемся ждать приказа от Компании или подписывать капитуляцию, чем бы она ни прикрывалась. Мы не цепные псы и впредь будем воевать по своему разумению. Теперь у нас есть планета и станция, и отсюда — отсюда! — начинается Внеземелье. Мы восстановим Тыловые, все станции между Солнечной и Пеллом. На это у нас хватит сил. Похоже, Земле недостает ума, чтобы позаботиться о буфере между нею и Унией, но со временем Компания осознает его необходимость, поверьте мне. И еще ей придется понять, что с нами шутки плохи. Отныне Пелл — наша планета. Для ее обороны у нас есть девять рейдероносцев. Мы больше не служим Компании, мы — Флот Мациана, базирующийся на Пелле. Вопросы? Возражения?

Она подождала, хоть и знала своих людей, как любой торговец знает свою семью… Кто-нибудь

из них, наверное, мог предложить иной выход или затаить недобрые мысли. У многих могли быть на то причины.

Каюты десантников взорвались ревом, он понесся по всем каналам внутренней связи. В рубке люди ухмылялись и обнимали друг друга. Графф заключил Сигни в объятья, потом ее стиснул военоп Тихо, затем — по очереди — остальные офицеры, много лет прослужившие под ее началом. Некоторые плакали, влага блестела и на глазах Граффа. Сама Сигни не обронила ни слезинки — оттого, что испытывала чувство вины. Сила привычки, нелепая, тысячекратно проклятая верность присяге. Она снова обняла Граффа, затем отстранилась и оглянулась.

— Всем приготовиться, — приказала она по открытому кому. — Займем центральную, пока там не сообразили, что к чему. Ди, поторопи своих людей.

Графф принялся отдавать распоряжения, по коридорам десантных палуб полетело отчетливое эхо приказов Ди. В рубке все пришло в движение, техи, толкаясь, ринулись на боевые посты.

— Десять минут! — выкрикнула Сигни. — Полная экипировка. Всем десантникам, способным стоять на ногах, построиться с оружием в шлюзе.

Где-то раздались вопли, вид показывал солдат, которые бросились к оружейным каютам, не дожидаясь приказов взводных. В коридорах гремели командирские голоса. Пройдя в свой тесный кабинет-спальню, Сигни облачилась в доспехи, решив обойтись только шлемом и панцирем — пускай риск будет платой за свободу движений. Пять минут. Она слышала, как Ди отсчитывал время, перекрывая разноголосицу многочисленных командных постов. Беспокоиться не о чем, экипаж и солдаты знают свое дело. На борту — только надежные. Семья. Неподходящие давно покинули строй, оставшиеся стали близки Сигни, как братья и сестры. Как дети. Как любовники.

Засунув пистолет в кобуру на панцире, она вышла и спустилась на лифте. Река вооруженных солдат в коридорах делилась на рукава и с грохотом обрушивалась на стены, едва ли кто-нибудь узнавал Сигни. Она беспрепятственно шла в нос корабля — там, во главе колонны, было сейчас ее место.

— Сигни! — догоняли ее ликующие голоса. — Браво, Сигни!

Флот жил, и это ощущали все.

3. ПЕЛЛ: ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА; СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС

— Нет! — сразу ответил Анджело. — Нет. Не пытайтесь их остановить. Уйдите сами и немедленно выведите нашу полицию.

Центр управления подтвердил получение приказа и вернулся к своим делам. На экранах зала заседаний появились новые строчки текста; приглушенные голоса полицейских начальников дублировали донесения по кому. У стола в центре зала Анджело утомленно опустился в кресло. Многие места на ярусах пустовали, депутаты, сумевшие пробраться сюда по коридорам, испуганно перешептывались. Подперев голову костлявыми руками, Анджело читал доклады, быстро сменявшие друг друга на экране, и наблюдал за доками, где бурлил водоворот людей в доспехах. Некоторые депутаты замешкались и не успели выбраться из секций, где находились их рабочие места или аварийные посты. Дэймон и Элен вместе пришли сюда в поисках убежища, оба были измотаны до предела. Пользуясь своей привилегией, Анджело предложил сыну и невестке занять пустующие кресла у стола.

— Пришлось оставить доковый офис, — негром-

ко сказал Дэймон отцу. — Мы поднялись на лифте.

Сразу после них пришел Джон Лукас с приятелями. Приятели расположились на ярусах, а Джон — за столом. Явились двое Джекоби — у обоих волосы растрепаны, лица блестят от пота. Складывалось впечатление, будто депутаты приходят на заседание лишь затем, чтобы передохнуть.

А обстановка, как показывали экраны, все ухудшалась. Десантники продвигались к центральной; пытаясь уследить за ними, станционная полиция спешно переключала каналы вида. На экранах торопливо чередовались изображения.

— Обслуга интересуется, надо ли запереть двери контрольного центра, — произнес из дверного проема только что подошедший депутат Дью.

— Замки — против пуль? — Анджело облизнул губы и, не сводя глаз с экрана, отрицательно покачал головой.

— Свяжитесь с Мацианом, — предложил Дью. — Заявите протест.

— Уже сделано, сэр. Ответа я не получил. По-моему, он сам на станции.

— В "К" беспорядки, — сообщил экран. — Установлено, что погибли двое и очень много раненых…

— Сэр, — перебил ком, — в "К" толпа штурмует ворота. Прикажете открыть огонь?

— Не открывать! — Сердце Анджело забилось быстрее при мысли о хаосе там, где только что был порядок. — Не стрелять, пока ворота держатся. Вы что, хотите помочь толпе?

— Нет, сэр.

— Вот и не делайте глупостей.

Охранник отключился. Анджело стер пот со лба. Его мутило.

— Я спущусь туда, — вызвался Дэймон, приподнимаясь над креслом.

— Никуда ты не спустишься. Я не хочу, чтобы ты угодил в облаву.

— Сэр, — решительно произнес рядом человек, спустившийся с яруса. — Сэр…

Крессич.

— Сэр, — в третий раз произнес депутат от "К".

— В карантине не действует ком, — сообщил Константину начальник тамошней охраны. — Опять расколошматили. Ничего, мы что-нибудь придумаем. Повесим динамики в доке, под самым потолком, куда не добраться…

Анджело посмотрел на Крессича — седого, изнуренного, столько вынесшего за последние месяцы.

— Вы слышали?

— Они боятся, — сказал Крессич, — что вы позволите военным разорить станцию. Сами улетите, а нас оставите униатам.

— Господин Крессич, намерения Флота нам неизвестны. Но если ваши избиратели попытаются вырваться из зоны, нам останется только стрелять. Предлагаю вам, как только связь будет восстановлена, обратиться через ком к вашей секции — это может возыметь действие, если там уцелел хоть один громкоговоритель. Постарайтесь объяснить ситуацию.

— Чем все это ни кончится, мы останемся париями. — У Крессича дрожали губы. — Мы просили… мы столько раз просили ускорить проверку документов… А теперь — слишком поздно, да?

— Ну что вы, господин Крессич…

— В первую очередь вы позаботитесь о своих. Посадите на корабли — удобные, обеспеченные всем необходимым для жизни пассажиров. На наши корабли!

— Господин Крессич…

— Дело движется, — вмешался Джон Лукас. — Кое-кто из ваших может получить документы. По-моему, сэр, они зря рискуют.

Крессич промолчал, бросив на Лукаса неуве-

ренный взгляд. Затем с его лица сбежала краска, губы задрожали. Дрожь перешла на подбородок. Пальцы вцепились в край стола так, что побелели суставы.

"Занятно, — подумал Анджело, — как легко у него это получается. Поздравляю, Джон. Обитателей "К" утихомирить несложно — достаточно договориться с вожаками, посулить им чистые документы. Вообще-то, некоторые так и поступают".

— Захвачен третий ярус синей, — пробормотал Дэймон.

Анджело проследил за взглядом сына. На экране быстро и целеустремленно шли солдаты в доспехах. Захват центральной был всего-навсего делом времени.

— Мацияновцы, — произнес Джон. — И сам Мациан.

Анджело глядел на седовласого офицера, шествующего во главе колонны, и мысленно отсчитывал секунды. Очень скоро солдаты поднимутся по спиральным аварийным лестницам на первый ярус и подойдут к залу заседаний. Лишь до этой минуты просуществует власть Константина.

4. СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС; КВАРТИРА НОМЕР 0475

Образы на стене стали другими. Подпрыгивая от волнения. Лили сновала между коробочкой с кнопками и Спящей, с тревогой глядевшей на экраны. Наконец старая низовка решилась и протянула руку к коробочке, чтобы сменить сон.

— Нет! — воскликнула Спящая, и, обернувшись, Лили увидела боль… Прекрасные темные глаза на бескровном лице, белые-пребелые простыни. Все светлое, кроме глаз, следящих за коридорами. Лили приблизилась к Спящей, опустилась на колени, поправила подушку.

— Я переверну, — предложила она.

— Не надо.

Лили нежно провела ладонью по лбу Спящей.

— Даль-Тез-Элан любит тебя. Любит тебя.

— Это десантники, — обычным своим тихим, умиротворяющим голосом произнесла Солнце-Ее-Друг. — Люди-ружья. Беда. Я не знаю, что теперь может случиться.

— Пускай они уходить, — взмолилась Лили.

— Это не в моих силах. Лили. Однако смотри, их ружья молчат. Никто еще не пострадал.

Лили вздрогнула и придвинулась к Спящей.

Время от времени на стенах появлялось мирное Великое Солнце, сверкали звезды и сиял полумесяц Нижней. А люди-раковины все прибывали и прибывали, и постепенно они заполнили все коридоры станции.

Сопротивления не было. Сигни не вынимала пистолета из кобуры, хоть ее рука постоянно лежала на рукоятке. Мациан, Крешов и Кео — тоже. Угроза исходила от солдат, от их винтовок, снятых с предохранителей. В доке десантники дали один предупредительный залп и больше не нажимали на спусковые крючки. Они шли неотвратимо, как лавина, и при виде их немногие рисковали задерживаться в коридорах. «Очевидно, — догадалась Сигни, — Анджело Константин принял единственно правильное решение».

По главному коридору они дошли до аварийной лестницы, поднялись на территорию контрольного центра. Там осталось несколько подразделений с офицерами во главе, а остальные отправились занимать другие офисы.

Без единого выстрела шли они по коридорам центральной, вдоль стен со звуконепроницаемым пластиком поверх холодного металла. Вот и зал с причудливой деревянной скульптурой. Вновь появление Сигни было встречено изумлен-

ными взглядами богов Нижней.

Дальше будет амфитеатр совета. Несколько десятков депутатов с круглыми от страха глазами.

Солдаты рванулись вперед, раздвинули двери, щедро изукрашенные вензелями. Двое с оружием наперевес истуканами застыли у косяка, удерживая створки и глядя в зал. На полупустых рядах и у стола поднялись депутаты. Они не сводили глаз с оружия, но в их позах было достоинство, а то и вызов. Мациан и его спутники направились к столу.

— Капитан Мациан, — произнес Анджело Константин, — могу я предложить вам и вашим капитанам сесть и побеседовать с нами?

Мациан медлил с ответом. Сигни стояла между ним и Кео, с другой стороны от командующего Крешов изучал лица депутатов. Совет собрался не целиком. Не было и половины.

— Мы не отнимем у вас много времени, — сказал Мациан. — Вы просили нас прийти, и вот мы здесь.

Никто не сел и даже не переменил позы.

— Мы бы хотели узнать, — произнес Константин, — в чем суть этой… операции.

— На Пелле вводится военное положение, — ответил командующий. — Вынужденный шаг.

У нас тоже есть вопросы, господин Константин. Насчет соглашений… между вами и некоторыми агентами Компании. Насчет контактов с Унией и передачи секретных сведений ее разведке. Насчет измены, господин Константин.

Депутаты, стоявшие перед военными, побледнели.

— Ни о каких контактах с Унией мне не известно, — сказал Константин. — Впервые слышу, капитан. Мы — нейтралы. Эта станция принадлежит Компании, но мы не допустим, чтобы нас втянули в военные действия или превратили в базу.

— А как же милиция, которой вы себя окружили?

— Нейтралитет порой требует защиты, господин Мациан. К тому же капитан Мэллори в личной беседе со мной предупредила о возможности прибытия нового конвоя с беженцами.

— Иными словами, вы не осведомлены о том, что гражданские агенты Компании передали Унии секретную информацию? Вы не участвовали в переговорах и не знаете ни о каких уступках врагу?

Наступило томительное молчание.

— Вот именно, — подтвердил наконец Констан-

тин. — Если и были какие-то соглашения, Пелл о них не информировали. А если бы информировали, то не получили бы нашего одобрения.

— Ну что ж, теперь вы в курсе, — сказал Мациан. — Противник знает коды и сигналы, и это ставит под угрозу существование станции. Компания, господин управляющий, продала вас с потрохами. Земля отказывается от своих прав на Внеземелье. Отказывается от ваших и наших услуг. Мы не можем смириться с таким исходом. Изменническая политика Земли привела к потере всех остальных станций, и теперь граница проходит здесь. Нам необходим Пелл, и у нас достаточно сил, чтобы его защитить. Вы меня понимаете?

— Можете рассчитывать на наше сотрудничество.

— Нам нужен допуск к вашим банкам данных. С этого дня всем, что относится к вопросам безопасности, занимаемся мы.

Взгляд Анджело переместился на Сигни и вернулся к Мациану.

— Господин Мациан, мы выполнили все рекомендации капитана Мэллори. Выполнили очень точно.

— На этой станции не должно быть секций,

жилых помещений, складов и техники, к которым мои люди не имели бы беспрепятственного доступа. Я предпочел бы вывести большинство десантников и оставить бразды правления в ваших руках. Пожалуй, я так и поступлю, если удостоверюсь, что вы меня хорошо поняли. Но учтите: если обнаружится утечка информации, если торговец покинет строй или как-нибудь иначе будет нарушен порядок, — мы примем меры. Вам ясно?

— Абсолютно.

— Господин Константин, мои люди будут ходить везде и стрелять, если сочтут это необходимым. Если одному из нас понадобится расчистить себе путь огнем, мы расчистим. Но я надеюсь, что этого не произойдет благодаря стараниям вашей полиции. Если понадобится наше содействие, вы получите его безотлагательно.

Анджело стиснул зубы.

— Капитан, мы считаем оправданным ваше стремление защитить свои корабли и нашу станцию. Мы готовы сотрудничать и ожидаем сотрудничества от вас. Полагаю, впредь мои сообщения будут доходить до адресатов.

— Безусловно, — с легкостью согласился Мациан. Окинув быстрым взглядом зал, он направился

к выходу. Сигни и остальные задержались.

— Капитан Кео, — произнес Мациан от дверей, — можете обсудить с советом остальные вопросы. Капитан Мэллори, займитесь центром управления. Капитан Крешов, проверьте документацию и оперативную память полиции.

— Мне нужен толковый помощник из местных, — сказал Крешов.

— Начальник полиции, — предложил Константин. — Я с ним договорюсь.

— Мне тоже нужен кто-нибудь в помощь, — подала голос Сигни, отыскав взглядом знакомое лицо, выражение которого тут же изменилось. Но молодая женщина, сидящая за столом рядом с Дэймоном, коснулась его руки.

— Капитан? — холодно произнес он.

— Дэймон Константин, — усмехнулась Сигни, — надеюсь, вы не откажете даме в любезности.

Мациан с небольшим сопровождением отправился осматривать станцию или (депутатам это казалось более вероятным) захватывать остальные секции, в том числе ядро со всеми его механизмами, — эта задача отводилась Яну Мэйсу, первому помощнику капитана «Австралии». Кео выдвинул кресло и устроился за столом, вступив во владение залом совещаний. Крешов

вышел следом за Мацианом.

— Пойдемте, — позвала Сигни. Дэймон задержался, чтобы посмотреть на отца, который сидел, поджав губы и угрюмо глядя перед собой, и проститься с молодой женщиной. «Не очень-то им приятно мое общество», — подумала Сигни.

Она подождала Дэймона, затем вместе с ним подошла к двери и жестом позвала за собой двух десантников — Куна и Дектина.

— В центр управления, — велела она Дэймону, и тот со свойственной ему, но, пожалуй, излишней в эту минуту, вежливостью пропустил ее вперед. Он молчал, выражение лица было сдержанным и неприступным.

— Это ваша жена? — поинтересовалась Сигни, перебирая в памяти только что увиденные лица.

— Да.

— Как ее зовут?

— Элен Квин.

Сигни удивилась.

— Станционерка?

— Она из семьи Квинов. С «Эстели». Вышла за меня перед последним рейсом этого корабля.

— «Эстель» погибла. Вы это знаете?

— Знаем.

— Жаль. У вас есть дети?

Он помялся.

— Ждем.

— Угу. — Сигни стало немного не по себе. — Кажется, вас, младших Константинов, двое?

— У меня есть брат.

— Где он?

— На Нижней. — Дэймон все заметнее нервничал.

— Вы совершенно напрасно беспокоитесь.

— Я не беспокоюсь. Вы и на Нижнюю высадились?

Сигни улыбалась.

— Насколько я помню, вы из юрслужбы?

— Да.

— Следовательно, вам известны кодовые ключи к личным делам персонала?

Он метнул в нее бесстрашный, гневный взгляд. Сигни посмотрела вперед, в конец коридора, где на страже контрольного центра, окруженного окнами, стояли солдаты.

— Нас уверяли, что вы окажете помощь.

— Это правда, что нас сдали?

«Константины — себе на уме, этим и знамениты, — подумала Сигни. — Они знают себе цену».

— Уж поверьте, — усмехнулась она.

«КОНТРОЛЬНЫЙ ЦЕНТР», — сообщала надпись

над стрелкой. «КОММУНИКАЦИИ, — гласила другая, — СИНЯЯ, ПЕРВЫЙ, 01-0122».

— Указатели убрать, — распорядилась Сигни. — Отовсюду.

— Нельзя.

— И цветовые замки.

— На станции и так неразбериха, а будет еще хуже. Даже резиденты не смогут найти дороги… Коридоры как две капли воды похожи друг на друга. И без цветовых замков…

— На наших кораблях, господин Константин, мы не размечаем удобных путей для захватчиков.

— Без цветовых замков дети…

— Ничего, научатся, — оборвала Сигни. — Все указатели снять.

Перед ними открылся контрольный центр станции, занятый десантниками. При появлении Сигни и Дэймона стволы вскинулись и тотчас опустились. Взгляд Сигни обежал стены зала, ряды пультов, лица людей. Увидев ее, солдаты заметно расслабились; дежурные станционные техи тоже успокоились, однако Сигни не сомневалась: в этом заслуга не ее, а Константина. Собственно, для этого-то она и привела его.

— Все в порядке, — заверила она десантников

и штатских. — Мы нашли общий язык с управляющим и советом. Эвакуации не будет. Флот оборудует на Пелле базу и сдавать ее не собирается. Униатов здесь не будет.

Штатские зашептались, переглядываясь с затаенным облегчением. Солдаты опустили оружие — в их глазах станционеры из заложников внезапно превратились в союзников.

— Мэллори, — негромко звучало то в одной, то в другой точке зала. — Это Мэллори. — Приязни в голосах не было, но и вражды тоже.

— Покажите, что здесь к чему, — попросила Сигни Дэймона.

Он обошел вместе с ней контрольный центр, спокойно называя посты и имена дежурных. Многие имена Сигни вспомнила сама, — она неплохо это делала, когда хотела. Задержавшись на минуту, она оглянулась на экран, где вращался шар Нижней, усеянный зелеными и красными точками.

— Базы? — спросила она.

— Мы оборудовали несколько вспомогательных лагерей, — ответил он, — чтобы разместить и прокормить тех, кого вы нам оставили.

— "К"? — Монитор перед ней показывал секцию, кишащую людьми. Толпа ломилась в запертые

ворота. Дым, следы разрушений… — И что же вы со всем этим собираетесь делать?

— Ничего. Вы лишили нас возможности что-либо делать, — резко ответил Дэймон.

Разговаривать с Сигни в подобном тоне отваживались не многие, и мысль об этом позабавила ее. Слушая Дэймона, она озирала гигантский комплекс — ярусы банков, содержащих совсем иную информацию, чем на корабле. Торговля, управление вековым орбитальным полетом, номенклатура и каталоги промышленных изделий, реестры туземного и человеческого населения станции, приисков и баз. Колония, бурлящая мирской жизнью. В душе Сигни пробуждалось волнение. Ресурсы — вот за что будет сражаться Флот. Без ресурсов ему не выжить.

Внезапно центральный ком начал транслировать заявление совета…

— Хочу успокоить резидентов станции, — говорил Анджело Константин, стоя на фоне ярусов с депутатами, — и довожу до всеобщего сведения, что эвакуация Пеллу не угрожает. Флот прибыл сюда защищать нас…

«Наш мир», — мысленно произнесла Сигни.

Осталось всего лишь навести в нем порядок.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
НИЖНЯЯ: ГЛАВНАЯ БАЗА 16:00 ПО СТАНЦИОННОМУ СТАНДАРТУ; МЕСТНЫЙ РАССВЕТ [4]

Наступающее утро черкнуло на горизонте алую полосу. Возле купола, размеренно дыша сквозь фильтр маски и ежась в теплой куртке под непрерывным ветром, стоял Эмилио. На этой широте, да еще на такой высоте, ночи всегда бывали студеными.

В сумраке неслышно и торопливо передвигались тени — согбенные под тяжестью клади низовики, точь-в-точь муравьи, спасающие куколки от потопа.

И в "К", и в резидентских бараках спали рабочие, лишь несколько дежурных помогали низовикам опустошать складские купола. Даже в сумраке Эмилио без труда отличал их от хиза по росту.

К нему подбежал кто-то маленький, тяжело

---

[4] Примечания: 4

Сезонные изменения длительности дня и несовпадение периодов обращения Нижней со станционным (земным) стандартом приводят к тому, что планета и станция лишь изредка движутся синхронно; днем разница во времени постепенно нарастает.

дышащий.

— Что? Что ты звать, Константин-человек?

— Топотун?

— Я Топотун, — прощелкал низовик, ухмыляясь. — Я хорошо бегать, Константин-человек.

Эмилио коснулся мохнатого жилистого плеча; в тот же миг вокруг его руки сомкнулась тонкая, как у паука, лапка. Достав из кармана сложенный бумажный лист, Эмилио вложил его в мозолистую ладонь хиза.

— А теперь беги, — сказал он. — Покажи людям во всех лагерях. Надо, чтобы их глаза увидели, понимаешь? И расскажи хиза. Всем, кто живет между рекой и равниной. Пусть все хиза, даже те, кто не ходит в наши лагеря, пришлют ко мне своих бегунов. Передай, чтобы они остерегались людей, не доверяли чужим. Расскажи обо всем, чем мы тут занимаемся. И еще: бегуны не должны приближаться к нам, пока не услышат знакомый зов. Ясно?

— Хиза понять, Константин-человек, — откликнулся низовик. — Лукасы приходить. Я — Топотун. Я — ветер. Никто не догнать.

— Ступай, — промолвил Эмилио. — Беги, Топотун.

Жесткие руки обхватили его за пояс с порази-

тельной для такой худышки силой. Затем темная фигурка беззвучно метнулась в темноту.

Весть понеслась. Ее уже не воротишь.

Эмилио стоял, разглядывая человеческие фигуры на склоне холма. Эти люди выполняли распоряжения, не понимая их смысла — Эмилио не желал делиться ответственностью с персоналом. Большинство складских куполов уже опустело, их содержимое было спрятано в зарослях. Тревожная весть спешила вдоль берега реки, не по человеческим тропам. Недоступная чужим ушам, мчалась она со скоростью туземного скорохода. От лагеря к стойбищу, от стойбища к лагерю… И ни Пелл, ни те, кто его захватил, не могли остановить ее своим приказом. Кто слышал ее, тот спешил передать другим.

Эмилио вдруг подумалось, что доселе хиза не ведали, что такое вражда и война. Их племена, рассеянные по планете, не нуждались в единении… Но каким-то образом новость о появлении человека разнеслась по всей Нижней, а теперь и человек рассылает свое сообщение по этой необычной сети. Эмилио вообразил, как оно расползается по берегам реки и кустарникам, как встречаются друг с другом туземцы — где-то случайно, где-то намеренно, с какой бы целью не

встречались робкие, стеснительные хиза.

Ныне во всей зоне контакта хиза вынуждены красть… а ведь даже понятие такое — кража — было незнакомо им. Еще им приходится бросать работу — им, не имеющим представления ни о забастовках, ни о восстаниях.

Его бил озноб, от которого не спасали несколько слоев ткани, надежно защищавшие от ледяного ветра. Он, Константин-человек, не мог убежать, как Топотун. Он ждал, а заря все четче обрисовывала согнутые вопросительным знаком фигуры грузчиков, а в куполах уже просыпались люди. Очень скоро они обнаружат методичное расхищение припасов и оборудования, организованное Эмилио Константином и соучастниками из его администрации.

Над прозрачными куполами вспыхнули прожектора. Рабочие выходили из шлюзов и замирали, не веря своим глазам.

Заревела сирена. Эмилио посмотрел на небо, но разглядел лишь несколько дотлевающих звезд. И все же ком не стал бы поднимать шум ни с того ни с сего.

Рядом под чьей-то ногой шевельнулся камень, затем талию Эмилио обвила изящная рука. Он обнял жену, и оба застыли, наслаждаясь прикос-

новением.

Раздался возглас. Неподалеку от них, на склоне, стояла фигурка со вскинутыми к небу руками. За нею остатки сумрака разгоняло пламя из дюз корабля, прилетевшего раньше, чем хотелось Эмилио.

— Шалунья!

Самка с белым пятном на руке — следом давнего ожога — приблизилась на его зов, сгибаясь под тяжестью ноши и часто, прерывисто дыша.

— Прячьтесь, — велел ей Эмилио, и она кинулась к сородичам, взволнованно щебеча на бегу.

— Куда они пойдут? — спросила Милико мужа. — Не сказали?

— Туда, где их никто не найдет. — Эмилио крепко прижал ее к себе, заслоняя от ветра. — Никто. А вернутся ли они — это будет зависеть от того, кто их попросит.

— Если нас увезут отсюда…

— Мы сделаем все, что сумеем. Но ведь на флотских нет никакой управы.

Пламя дюз разгоралось все ярче. Снижался не станционный челнок, а чужой корабль, гораздо больше ближнерейсовика.

— Военные, — сообразил Эмилио. — Это корабль-разведчик.

— Господин Константин! — к нему подбежал рабочий и застыл, недоуменно протянув руки. — Правда, что там Мациан?

— Нам сообщили о прибытии Флота, но что сейчас происходит на Верхней, мы не знаем. Судя по всему, там пока порядок. Не волнуйтесь. Скажите всем, что мы будем гнуть свою линию и не пойдем на поводу у обстоятельств. О сокрытии припасов — молчок! Иначе мациановцы отберут у нас все до последней крошки, и на станции начнется голод. Именно это нужно военным. Скажите всем: на Нижней действуют только мои приказы. Мои и Милико. Слышите?

— Да, сэр! — выдохнул рабочий и помчался разносить новость.

— Надо бы оповестить "К", — сказала Милико.

Кивнув, Эмилио направился к куполам карантина. Над холмом разлилось сияние посадочных огней. Возле бараков Эмилио и Милико встретили Вэя и толпу "К".

— Это Флот, — сказал Эмилио и, спеша прекратить панический ропот, добавил: — Мы постараемся сберечь продовольствие — для станции и для себя. Нельзя допустить, чтобы Флот закрепился на Нижней. Не надо бояться — вы ничего не видели и не слышали. Вы глухи, слепы

и немы. Отвечать придется только мне.

Ропот не утихал. Эмилио и Милико повернулись и пошли по тропинке к посадочной площадке. За ними потянулись управленцы, резиденты-рабочие и несколько "К". Беженцев никто не останавливал и не конвоировал — и в этом лагере, и в остальных им была дана полная свобода передвижения. "К" трудились наравне с резидентами. Конечно, не обходилось без жалоб и протестов, но это было ничто по сравнению с проблемами, которые обещало появление корабля-разведчика. Наверняка он прилетел за продовольствием, а может быть, и за пушечным мясом.

Корабль с ревом опустился и заполнил собой всю взлетно-посадочную площадку. Люди на склоне холма замерли, обратились в слух, повернув лица к чадному ветру. Разведчик, что поднял этот ветер, вздымался над выбеленным окоемом — чужой, громоздкий, ощетиненный пушками. Словно нижняя челюсть черепа, люк со стуком упал на землю, превратившись в пандус. На планету ступили десантники в доспехах, построились и взяли на прицел безоружную, беззащитную толпу на склоне. По пандусу в свет наступающего дня сбежал офицер — темноко-

жий, без доспехов, с одной лишь дыхательной маской на лице.

— Это он, — прошептала Милико мужу. — Должно быть, сам Порей.

У Эмилио поползли мурашки по спине — ему, начальнику базы, чувство долга приказывало спуститься с холма навстречу явной опасности. Он отпустил руку жены, но она не освободила его запястья. Супруги направились к легендарному капитану и, кожей ощущая движения ружейных стволов, остановились на расстоянии, которое позволяло слышать человеческий голос.

— Кто здесь главный? — спросил Порей.

— Эмилио Константин и Милико Ди.

— Это вы?

— Да, капитан.

— Объявляю военное положение. Все продовольствие на базе реквизируется. Гражданская администрация временно отстраняется от дел. Все сведения, касающиеся оборудования, персонала и запасов, передаются нам. Незамедлительно!

Усмехаясь, Эмилио свободной рукой указал на опустошенные купола. Исчезли не только припасы, но и часть документов. Порей славился крутым нравом, и Эмилио боялся — за себя,

Милико и остальных, но больше всего — за хиза, никогда не видевших войны.

— Вы останетесь на планете и будете оказывать нам содействие, когда мы сочтем это необходимым.

Изобразив улыбку, Эмилио сжал руку жены. Спасибо отцу, своей депешей поднявшему его с постели. Спасибо добровольным помощникам из рабочих. И все же Эмилио полагался не столько на их молчание, сколько на туземных скороходов. Военные не колеблясь пойдут на открытое принуждение. Эмилио подумал о своей семье, о возможной эвакуации Пелла, о мациановцах, готовых превратить в руины колонию на Нижней, лишь бы она не досталась Унии. Он вообразил мобилизацию всех мужчин и женщин, пригодных к воинской службе. Мациан, если бы мог, вложил бы ружья даже в руки хиза.

— Капитан, мы обсудим этот вопрос.

— Все оружие передается моим солдатам. Персонал подвергается обыску.

— Капитан, я предлагаю обсудить это.

Порей махнул рукой.

— Проводите их на борт.

С угрожающим видом приблизились десантники. Пальцы Милико крепче сжали запястье

Эмилио. Не дожидаясь, когда его схватят и потащат, он повел жену к пандусу, навстречу режущим глаза лучам прожекторов. На верхней площадке их дожидался Порей. Супруги остановились перед ним.

— Мы отвечаем за эту базу, — сказал Эмилио. — Я не желаю, чтобы ее превратили в концлагерь. Я выполню заявки вашего командования, но лишь постепенно и в разумных пределах.

— Вы нам угрожаете, господин Константин?

— Нет, я заявляю. Сэр, скажите конкретно, что вам от нас нужно. Я знаю эту планету. Одно дело — включиться в уже работающую систему, и совсем другое — перестроить ее на собственный лад. Для этого требуется время. Кроме того, иногда перестройка оборачивается разрушением.

Глаза Порея на покрытом шрамами лице ясно давали понять: этот человек не терпит отказов. Он был опасен, и не только по долгу службы.

— Мои офицеры проводят вас, — бросил Порей сквозь зубы, — и заберут документацию.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1. ПЕЛЛ: БЕЛАЯ СЕКЦИЯ, ВТОРОЙ ЯРУС; 17:00

Полицейские стояли у двери и о чем-то тихо беседовали с надзирателем. Глянув на них исподлобья, Джош опустил голову еще ниже. Его пальцы ни на миг не отрывались от работы.

Соседка недоуменно посмотрела на вошедших и больно ткнула Джоша локтем в бок.

— Эй, — шепнула она, — гляди, полиция.

Их было пятеро. Джош не отвечал девушке, и она толкала его снова и снова, все сильнее.

Наверху вспыхнул экран кома, и Джош поднял глаза. Очередное объявление, на сей раз — о восстановлении свободы передвижения (правда, ограниченной) в зеленой секции. Джош вернулся к работе.

— Смотрят на нас, — шепнула девушка.

Верно, полицейские смотрели и показывали в их сторону. Взгляд Джоша метнулся вверх, вниз и снова вверх — на входящих десантников Компании. На мацияновцев.

— Гляди, — повторила соседка.

Джош трудился. Ком бархатным голосом сулил

скорое возвращение порядка. Джош давно перестал в это верить.

В проходе грохотали тяжелые сапоги. Джош надеялся — страстно, изо всех сил. «Дэймон! — отчаянно звал он про себя. — Дэймон!»

Чужая рука коснулась его плеча, и он резко вскинул голову. Перед глазами расплывалось лицо надзирателя, дальше застыли станционные полицейские и солдат в доспехах с эмблемой Флота Мациана.

— Господин Толли, — обратился к Джошу один из полицейских, — будьте любезны, пройдите с нами.

У Джоша мелькнула мысль, что металлическую деталь в его руке могут принять за оружие. Он осторожно отложил ее в сторону, вытер ладонь о комбинезон и встал.

— Куда ты? — спросила девушка. Ее некрасивое лицо погрустнело. Джош так и не узнал ее имени. — Куда?

Джош не ответил. Полицейский взял его за руку и повел по проходу между верстаками, затем вдоль стены к двери. Все рабочие смотрели на них.

— Тихо! — воскликнул надзиратель, и многоголосый шепот умолк. Десантники и полицейские

вывели Джоша в коридор. Дверь затворилась. Мациановский офицер, на котором из доспехов был один лишь панцирь, заставил Джоша встать лицом к стене и обыскал.

Когда Джошу разрешили повернуться, он прислонился спиной к стене и увидел в руках офицера свои документы, а на панцире — эмблему «Атлантики». Нахлынул тошнотворный страх. Документы! Говорящие о том, через что он прошел, доказывающие, что теперь он не опасен. Теперь они — у солдат Компании.

Он протянул руку. Офицер поспешно отстранился.

Мациановцы. Призрак минувшего. Он опустил руку. Сердце забилось чаще.

— У меня есть пропуск. — Он силился перебороть тик, возвращавшийся, стоило ему занервничать. — Тут, в бумажнике. Вы сами видели, как я работал. Мне разрешено находиться в мастерской.

— Только до обеда.

— Нас всех задержали, — объяснил он. — Сверхурочная работа. Спросите надзирателя и остальных. Они все из утренней смены.

— Вы пойдете с нами, — сказал десантник.

— Спросите Дэймона Константина. Он скажет.

Мы с ним знакомы. Он скажет, что со мной все в порядке.

Военные заколебались.

— Ладно, — буркнул офицер. — Отмечу в рапорте.

— Похоже, он не врет, — произнес один из полицейских. — Что-то подобное я слышал. Это особый случай.

— У меня приказ. Комп выдал его имя, надо разобраться. Если не посадите его под замок, это сделаем мы.

Джош открыл рот, чтобы сказать, что предпочитает местную полицию, но полицейский опередил его:

— Мы его берем.

— А мои документы? — Джош запинался и краснел от стыда — к нему еще не вернулась способность контролировать некоторые реакции. Он протянул заметно трясущуюся руку. — Пожалуйста, сэр.

Офицер сложил документы и аккуратно засунул в клапан пояса.

— Они ему не понадобятся, — сказал он станционному полицейскому. — Изолируйте его. По первому требованию любого из наших доставьте куда прикажут. Он отправится в "К", но только

после того, как с ним разберется командование. Вам ясно?

— Ясно, — коротко ответил полицейский и, ухватив Джоша за руку, повел по коридору. Десантники сопровождали их, но наконец свернули.

Мацияновцы были в каждом коридоре, по которому шагал Джош. Он казался себе нагим и беспомощным… и вздохнул с облегчением, когда оказался наедине с полицейским в кабине лифта. Они высадились на первом ярусе красной.

— Пожалуйста, вызовите Дэймона Константина, — попросил он полицейских. — Или Элен Квин. Или кому-нибудь из их офисов. Я могу назвать номера.

Всю дорогу полицейские молчали.

— Мы доложим по нашим каналам, — пообещал наконец один из них, не глядя на Джоша.

На первом ярусе красной секции располагалось управление охраны. Под конвоем двух полицейских Джош прошел через дверь в прозрачной стене и приблизился к столу недалеко от входа. Здесь он тоже увидел вооруженных десантников в доспехах, и это вызвало у него новый приступ страха, потому что он надеялся, что, по крайней мере, здесь еще распоряжается станция.

— Я вас очень прошу, — не обращая внимания на конвоиров, которые его обыскивали, сказал Джош дежурному офицеру. Этого молодого человека он знал. Помнил еще по тем временам, когда сам считался пленным. Склонившись над столом, он прошептал с отчаянием в голосе: — Сообщите обо мне Константинам. Скажите, что я здесь.

Полицейский лишь опустил голову и отвел глаза. Они боялись. Все станционеры боялись вооруженных десантников. Конвоиры оттащили Джоша от стола, повели по коридору к камерам, затолкали в одну из них. Голые белые стены, сантехника, а из мебели — только белая кушетка, выдвинутая из стены. Здесь его вновь обыскали, на этот раз приказав раздеться донага, и вышли, а он остался стоять над грудой одежды.

От страха и усталости кружилась голова. Джош опустился на койку, подобрал ноги и уткнулся лицом в колени.

2. ТОРГОВЫЙ КОРАБЛЬ «МОЛОТ»: ГЛУБОКИЙ КОСМОС; 17:00

Витторио Лукас поднялся, прошел вдоль изгиба стены слабо освещенной рубки управления и остановился, заметив резкое движение стека в руке сопровождающего. Приближаться к пуль-

там на расстояние вытянутой руки Витторио запретили, а ведь могли вообще не пустить в рубку, и тогда ему пришлось бы худо — в трюме и корме, занимавших почти весь объем фрахтера, гравитация была сейчас нулевой. Для Витторио сделали поблажку, но прочертили на плитчатом полу замкнутую ломаную, ограничив ему свободу передвижения. Выяснять, что последует за попыткой перешагнуть черту, ему не хотелось, тем более что он мог беспрепятственно разгуливать по всему вращающемуся цилиндру и даже заглядывать в жилые отсеки. В одном из них — тесной кают-компании — он ночевал… А на мостике ему хватало пространства, чтобы видеть один из экранов и не загороженную плечом теха часть скана. Витторио посмотрел на экран из-за спин мужчин и женщин, одетых в торговую форму. Он тяжело отходил от прыжка — его все еще мутило от наркотиков, да и нервы пошаливали.

Капитан тоже следил за экранами. Заметив Витторио, жестом подозвал его.

Витторио заколебался и лишь после повторного приглашения двинулся вперед, в запретную зону, опасливо покосившись на человека со стеком. Глядя на скан с близкого расстояния, Витторио ощутил на своем плече руку капитана. Капитан

казался таким дружелюбным и благодушным, так редко прибегал к приказному тону, разговаривая с подчиненными, что вполне сошел бы за пелльского бизнесмена. На борту «Молота» с Витторио обходились достаточно мягко, даже вежливо; он боялся не столько переодетых униатов, сколько своей миссии. «Трус!» — с омерзением сказал бы на это отец. Да, он трус. И здесь не самое подходящее место для него. Не самое подходящее общество.

— Скоро полетим обратно, — пообещал капитан… Бласс? Да, Бласс. — Слишком близко подходить не будем, там все-таки Мациан. Не волнуйтесь, господин Лукас. Как желудок? Все еще беспокоит?

Витторио промолчал — упоминание о желудке вызвало спазмы.

— Никакой опасности, — бархатным тоном произнес Бласс, не убирая руки с плеча Витторио. — Абсолютно никакой, господин Лукас. Прибытие Мациана на Пелл нас не пугает.

Витторио посмотрел на капитана.

— А что, если Флот обнаружит нас на подступах?

— Успеем отскочить, — ответил Бласс. — Все будет хорошо. «Лебяжье перо» не сбежит с на-

блюдательного поста, и капитан Айлико не проболтается. У нее свой интерес. Отдыхайте, господин Лукас. Мне кажется, вы все еще относитесь к нам с некоторым предубеждением.

— Если моего отца на Пелле скомпрометировали…

— Это маловероятно. Поверьте, Джессад знает свое дело. Операция спланирована очень тщательно. А вы неплохо перенесли первый прыжок. — Капитан похлопал Витторио по плечу. — Примите совет старого космического волка, не изводите себя сомнениями. Отдыхайте. Ступайте в кают-компанию. Я позову вас, как только мы рассчитаем курс.

— Хорошо, сэр, — прошептал Витторио и послушно двинулся мимо надзирателя, вдоль изгиба стены, в пустую кают-компанию. Там он уселся возле некоего предмета меблировки из литой пластмассы, служившего и столом, и кушеткой, положил на него руку и с трудом проглотил комок в горле. Не только прыжок был причиной его недомогания, но и страх. «Я сделаю из тебя человека!» — звучал в ушах отцовский голос; его мозг мучительно сверлила мысль: «Что ты творишь? Разве твое место среди таких, как Бласс, как эти угрюмые, почти неотличимые друг

от друга люди? Отец пожертвовал тобой, словно пешкой. Будь у тебя хоть какие-нибудь амбиции, ты бы сейчас постарался извлечь выгоду для себя, поторговался бы с униатами… Нет, на это ты не пойдешь, ибо знаешь пределы своих желаний. Тебе достаточно Розин, уюта, хороших напитков… а здесь напитки омерзительны, в них всегда подмешаны наркотики».

Ничего не выйдет. Ровным счетом ничего. Его утащат в Унию, где все шагают в ногу, и там он забудет свое прошлое. Витторио боялся перемен, ему совсем неплохо жилось на Пелле, он никогда не требовал слишком многого от судьбы и от людей. И сознание, что сейчас он оторван от всего, порождало кошмары.

Но выбора у Витторио не было. И об этом позаботился его отец.

Наконец в кают-компанию пришел Бласс, сел, с важным видом разложил карты на столе-кушетке и пустился в объяснения, как будто Витторио был важной фигурой в шахматной партии униатов. Глядя на чертежи, Витторио пытался разгадать причины и цели этих метаний в космосе. Но это было невозможно, ибо он не понимал, где находится «Молот». Где-то в пространстве…

— Не беспокойтесь ни о чем, — улыбнулся

Бласс. — Уверяю вас, сейчас тут гораздо безопаснее, чем на станции.

— Вы — офицер очень высокого ранга, правда? Иначе бы вас не послали на такое задание.

Бласс пожал плечами.

— Вы назвали «Молот» и «Лебяжье перо»... А других ваших кораблей возле Пелла нет? — поинтересовался Витторио.

И снова капитан лишь пожал плечами в ответ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ПРОХОД В ЭКСПЛУАТАЦИОННУЮ ЗОНУ, БЕЛАЯ СЕКЦИЯ 9-1042; 21:00

Человеки-раковины, человеки-ружья приходили и уходили, приходили и уходили. Прячась в темном углу грузового лифта, Атласка тряслась от страха. Многие хиза бросились бежать, услышав Лукаса, и еще раз — когда появились чужаки. Низовики скрылись в темных узких туннелях, где они могли дышать без масок, а люди не могли. Люди Верхней знали эти ходы, но не показывали чужакам, а значит хиза могли не бояться. Но некоторые из них все равно боялись и плакали далеко-далеко внизу, во мраке, — тихонько, чтобы не услышали люди.

Здесь им надеяться было не на что. Атласка пожевала губами, отползла назад на четвереньках, дождалась, когда изменится воздух, и кинулась обратно в спасительную тьму. Ее коснулись чьи-то руки, пахнуло самцом. Она сердито зашипела, затем узнала запах. Синезуб обвил ее руками, и она опустила голову на его жилистое плечо, ища утешения. Синезуб не задавал вопросов — знал,

что хороших новостей нет.

Случилась беда — огромная беда. Лукасы говорили и хозяйничали, а чужаки угрожали. И не было видно никого из Старых, они, как надеялась Атласка, делали свое дело, защищали важные вещи, выполняли задания важных людей — задания, которыми хиза, наверное, могут гордиться.

Но хиза не подчинились новым надсмотрщикам — точно так же, как и Старые, тоже ненавидевшие Лукасов.

— Идем назад? — спросил наконец кто-то. Этот вопрос вертелся на языке у каждого. И другой: «Что будет с нами?» Им несдобровать, если они вернутся после того, как убежали. Должно быть, люди сердиты. И у этих людей — ружья.

— Нет, — ответила Атласка. Кто-то заворчал; Синезуб повернулся к нему и злобно рявкнул.

— Подумай, — сказала Атласка, — мы туда пойдем, а там, наверное, люди. Большая беда.

— Есть хочу, — упрямился ворчливый. Остальные молчали, понимая: за неповиновение люди могут лишить их своей дружбы, и тогда всех хиза прогонят на Нижнюю. Атласке вспомнились поля, кудрявые облака, казавшиеся такими плотными, что по ним можно ходить, дождливое осеннее небо, серо-зеленая листва, цветы и

мягкий мох, а самое главное — запахи дома. Вероятно, Синезуб тоже часто вспоминал все это, ибо жар ее весны спадал, а она не спешила вступать в свой первый взрослый сезон… Да, Синезуб, в отличие от нее, смотрел на вещи трезво. И тосковал по родине. Атласка тоже иногда тосковала, но вернуться туда сейчас… и навсегда…

Ее-Видят-Небеса — таким было ее имя, и она знала Истину. Небо — поддельное; это всего лишь покров, накинутый на Верхнюю, будто одеяло. А за ним — черные дали, и в них сияет лицо Великого Солнца. А вверху всегда будет Истина. Если они потеряют дружбу людей, они обречены веки вечные прозябать на Нижней, зная, что пути на небо больше не существует. И места для них там нет.

— Лукасы куда-то ушли, — прошептал Синезуб ей на ухо.

Она молча зарылась лицом в его шерсть, пытаясь забыть про голод и жажду.

— Ружья, — произнес кто-то рядом. — В нас будут стрелять, и мы потеряем себя навсегда.

— Не будут, если останетесь здесь, — возразил Синезуб, — и будете делать то, что я скажу.

— Это не наши люди, — гулко произнес Дылда. — Они обижают наших людей.

— Это люди-драка, — пояснил Синезуб, — а хиза не могут.

Атласку осенило:

— Константины! Константин-драка, вот что. Мы найдем Константинов и спросим, что делать. Найдем Константинов, и Старых найдем возле Места Солнца.

— Солнце-Ее-Друг! — воскликнул еще один низовик. — Она должна знать.

— А где Солнце-Ее-Друг?

Наступила тишина. Старые хранили это в секрете.

— Я найду ее, — вызвался Дылда. Он подковылял поближе, в темноте протянул руку к Атласке. — Я пойду во многие места. Идем. Идем.

Она затаила дыхание и неуверенно коснулась губами щеки Синезуба.

— Идем, — согласился вдруг Синезуб и потянул ее за руку.

Дылда шествовал чуть впереди, в темноте раздавался его частый топот. За Атлаской и Синезубом спешили остальные — по темным и узким коридорам, лестницам и туннелям, где редко попадались горящие лампы. Некоторые оступались и падали — идти приходилось среди труб, а еще — по ледяным и раскаленным местам,

обжигавшим босые ноги, а еще — мимо машин, в которых грозно ревели зловещие силы.

Синезуб шагал впереди, не отпуская руку Атласки. Иногда Дылда оттеснял его в сторону и забегал вперед. Атласка сомневалась в том, что Синезуб ведет их правильно, что он хотя бы смутно помнит дорогу к жилищу Солнце-Ее-Друг. Атласка родилась на планете, и ее инстинкт настаивал: идти надо наверх, ибо там — Место Солнца. Память же подсказывала: необходимо забирать левее… но туннели, которыми они шли, не всегда изгибались влево, а порой петляли. Сначала один самец ушел далеко вперед, затем второй, но вскоре они устали и стали спотыкаться. Все больше низовиков отставало, и наконец тот, кто шагал рядом с Атлаской, схватил ее за руку — красноречивый жест мольбы. Но Синезуб и Дылда упрямо шли вперед и вскоре скрылись из виду. Атласка осталась одна. У нее подкашивались ноги, и она уже не надеялась их догнать.

— Хватит! — взмолилась она, догнав-таки их возле металлической лестницы. — Хватит! Пойдемте назад. Мы заблудились.

Дылда будто не слышал ее; громко сопя, он лез вверх. Атласка цеплялась за Синезуба, а он шипел от изнеможения и вырывался, боясь отстать от

Дылды. «В них вселилось безумие», — сообразила Атласка.

— Вы идете никуда! — простонала она в отчаянии. Подпрыгнув, она ухватилась за скобу и полезла следом за ними. Срываясь на крик, она взывала к их рассудку, но они не слушали ее, минуя люки и двери, которые могли выпустить их на открытое место.

Наконец они оказались там, где над дверью горел синий огонь, откуда вверх и вниз тянулись три лестницы.

— Здесь, — произнес Дылда после недолгих колебаний, ощупывая кнопки на освещенном косяке. — Вот он, путь.

— Нет! — простонала Атласка.

— Нет, — возразил Синезуб, чей разум, похоже, прояснился. Но Дылда нажал первую кнопку в ряду и через отворившуюся дверь ринулся в воздушный шлюз.

— Пойдем назад! — крикнул Синезуб. Вдвоем с Атлаской они попытались остановить обезумевшего Дылду, который затеял все это только в порыве соперничества, только для Атласки. Створки двери съехались за их спинами. Под прикосновением Дылды открылась вторая дверь, а за нею был ослепительный свет.

Раздались выстрелы, и Дылда, стоявший в дверном проеме, скорчился на полу. Потянуло паленым. Дылда жутко, пронзительно заверещал, а Синезуб отскочил назад и ударил по другой кнопке на косяке. Как только дверь раздвинулась и дохнуло сквозняком, он бросился к лестнице, увлекая за собой Атласку.

Вдогонку, перекрывая рев сирен, летели человеческие вопли. Но все умолкло, едва закрылась дверь. Они бежали, бежали, бежали вслепую, по темным туннелям и лестницам, вниз, в беспросветную глубину. Они стянули с лиц маски, но это лишь добавило страху — в воздухе был незнакомый запах. Наконец они остановились — мокрые от пота, дрожащие. Синезуб шатался и стонал от боли, и Атласка, ощупав его, обнаружила, что он прижимает левую ладонь к правому предплечью. Она умерила боль единственным знакомым ей способом — вылизав ожог. Потом она обняла Синезуба, пытаясь угасить ярость, от которой сотрясалось его тело. Они потеряли дорогу, заблудились в потемках, а Дылда погиб, как ужасно, и Синезуб, на чьих глазах это случилось, дрожал от боли и гнева.

Спустя некоторое время он помотал головой и коснулся губами щеки Атласки. И вздрогнул,

когда она снова обняла его.

— О, давай вернемся домой, — прошептал он. — О, давай вернемся домой, Там-Утса-Питан, и больше не будем там, где люди, машины, поля и работа. Только хиза, всегда-всегда. Давай вернемся домой.

Атласка промолчала. Это она виновата. Она предложила идти. Дылда пошел, потому что хотел ее, а Синезуб принял вызов, как будто они были среди высоких холмов. Ее вина, ее несчастье. Вот уже и Синезуб просит ее расстаться с мечтой, не хочет идти за ней дальше. Глаза ее наполнились слезами, одиночество и сомнения проникли в душу.

Случилась беда, огромная беда. Опять надо подниматься в человеческие места, открывать двери, просить о помощи. Но они знали, что их там ждет, и потому не шевелились, прижавшись друг к другу.

Мэллори выглядела неважно — бледная, под глазами густые тени. Опираясь на консоль, голодный и усталый Дэймон смотрел, как она шагает по проходам контрольного центра, мимо бесчисленных пультов и неподвижных часовых. «Наверное, мои ощущения — пустяки по сравнению с тем, что испытывают флотские во время

прыжков, — думал он, — или сразу после прыжков, когда им приходится брать на себя нудную и неблагодарную работу полицейских». Техи тоже были измотаны и жаловались во весь голос, но, в отличие от часовых, они по крайней мере могли надеяться на смену.

— Вы намерены провести здесь всю ночь?

Сигни смерила Дэймона ледяным взглядом и молча пошла дальше.

Уже несколько часов он наблюдал за этой зловещей фигурой. По контрольному центру Мэллори передвигалась бесшумно, в ее движениях не было вызова, но сквозила непоколебимая уверенность в том, что любой уступит ей дорогу. Так и было; более того, любой тех, которому по той или иной причине надо было покинуть свое рабочее место, дожидался, когда Мэллори скроется в другом проходе. Она никого не запугивала, говорила редко и в основном с солдатами — о чем-то, известном только им и ей. И все же ее боялись. Большинству станционеров прежде не доводилось видеть такую, как на Мэллори и ее десантниках, экипировку. Люди сугубо штатские, никогда не прикасавшиеся к оружию, они вряд ли смогли бы описать арсенал военных. Дэймон различал три системы оружия: легкий коротко-

ствольный пистолет, длинноствольный пистолет и тяжелые мощные винтовки, — грозная симметрия, жуткий черный пластик. Защитные доспехи придавали десантникам сходство с машинами уничтожения, такими же, как оружие в их руках. В присутствии этих людей невозможно было не испытывать страх.

У противоположной стены встал тех, опасливо глянул через плечо Мэллори — хотел, видимо, убедиться, что никто не взял его на прицел… и двинулся по проходу между пультами так осторожно, будто он был заминирован.

Вручив Дэймону распечатку, он сразу же отступил.

Дэймон держал послание в руке, дожидаясь, пока Мэллори пройдет мимо. Но она остановилась и с интересом взглянула на него. Делать было нечего. Развернув распечатку, Дэймон пробежал глазами текст:

«ПССЦИА/
ПАКПАКОНСТАНТ ИНДЭЙМОН/ АВ1-1-1-1/ 1030/ ОТПР/ 10.4.52/ 21:36 ГС/ 09:36 Д/ ДОКУМЕНТЫ
ТОЛЛИ КОНФИСКОВАНЫ САМ ТОЛЛИ АРЕСТОВАН ПО ТРЕБОВАНИЮ ФЛОТА/

ОФ ПОЛИЦИИ ПРЕДОСТАВЛЕН ВЫБОР МЕСТНАЯ ТЮРЬМА ИЛИ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВОЕННЫХ/ ТОЛЛИ СОДЕРЖИТСЯ НА НАШЕМ УЧАСТКЕ/ ТОЛЛИ НАСТАИВАЛ НА ОПОВЕЩЕНИИ
СЕМЬИ КОНСТАНТИНОВ/ ВЫПОЛНЯЕМ ТРЕБ/ ПРОСИМ ИНСТРУКЦИЙ/ ПРОСИМ ОБЪЯСНИТЬ СИТУАЦИЮ/ САУНДЕРС/ СЕКРКОМ/ КОНЕЦКОНЕЦКОНЕЦ».

Дэймон поднял глаза. Сердце учащенно забилось; страх мешался с облегчением от того, что не случилось ничего похуже. Мэллори пристально смотрела на него, смотрела вызывающе и заинтересованно. Затем она направилась к нему и протянула руку. Дэймон решил солгать, надеясь, что она примет его слова на веру и не потребует распечатку, но тотчас вспомнил о ее репутации и передумал.

— У моего друга большие неприятности, — пояснил он. — Я должен срочно помочь ему.

— Неприятности из-за нас?

Он снова подумал: не солгать ли?

— Нечто в этом роде.

— Вероятно, я смогу помочь. — Ее взгляд был холоден, а рука все еще протянута ладонью кверху. Дэймон не отдавал листок.

— Не следует ли предположить, — сказала Сигни, — что станция не желает посвящать нас в свои проблемы? Не кажется ли вам, что это предположение способно повлечь за собой определенные выводы?

Дэймон отдал бумагу, не дожидаясь, пока его припрут к стенке. Сигни пробежала глазами текст, и на ее лице отразилось недоумение. Спустя секунду это выражение исчезло.

— Толли? — спросила она. — Джошуа Толли?

Дэймон кивнул. Сигни поджала губы.

— Джошуа Толли — друг Константинов! До чего же непредсказуемы человеческие судьбы!

— Он урегулирован.

Ее глаза заблестели.

— Сам попросил, — добавил Дэймон. — А что еще ему оставалось после Рассела?

Сигни неотрывно смотрела на него, а ему очень хотелось находиться где угодно, только не здесь, и видеть перед собой кого угодно, только не ее. Урегулирование все усложнило, связало Пелл и Сигни нитью заговора. Дэймон не желал этого, а она и подавно, — это не вызывало у него сомнений. Вся беда в том досье…

— Ну и как он? — спросила она.

Вопрос покоробил Дэймона, и он промолчал.

— Дружба, — произнесла она. — Дружба двух полярных противоположностей. Или всего лишь благотворительность? Он попросил об Урегулировании, и вы уступили. Довершили начатое на Расселе. Кажется, я задела ваши чувства?

— Пелл — не Рассел.

— Как удивителен мир, где возможны подобные поступки, господин Константин. — Улыбка Сигни противоречила выражению ее глаз. — И где существует "К"... И беженцы, и преступники у вас под рукой, и все на вашем попечении. Хотя "К", похоже, обделен вашей жалостью. Мне кажется, смута на станции возникла из-за вас. Из-за полумер. Из-за потакания своим чувствам. Что это было, господин Константин? Только ли порыв человеколюбия? Или же уступка вашей морали? А может, объявление войны?

— Я не хочу, чтобы его держали взаперти. Хочу, чтобы ему вернули документы. Он уже вне политики.

Никто не разговаривал с Мэллори в таком тоне. Сколько она себя помнила — никто. Выдержав долгую паузу, она отвела от Дэймона взгляд и медленно кивнула.

— Под вашу ответственность. Согласны?

— Под мою ответственность.

— Ну что ж, в таком случае… Куда вы, господин Константин? Нет-нет, вам совершенно незачем идти туда самому. Я сама прикажу по каналам Флота освободить его и отправлю домой… раз уж вы за него ручаетесь.

— Если хотите, можете проверить досье.

— О, я уверена, в нем нет ничего новенького. — Она легонько махнула рукой кому-то за спиной Дэймона, и он похолодел, только сейчас осознав, что в позвоночник ему смотрит ствол. Сигни подошла к кому, дотянулась через плечо теха до клавиатуры и подключилась к одному из флотских каналов.

— Это Мэллори. В станционной тюрьме содержится Джошуа Толли. Освободить и вернуть документы. Об исполнении доложить соответствующим инстанциям Флота и администрации. Конец связи.

Тотчас бесцветный, равнодушный голос подтвердил получение приказа.

— Можно, — обратился Дэймон к Сигни, — можно, я пошлю Джошу весточку? Нужно объяснить ему…

— Сэр, — обернулся к нему один из стоявших поблизости техов. — Сэр…

Дэймон рассеянно посмотрел в его испуганное

лицо.

— Сэр, на четвертом зеленой застрелен низовик.

У Дэймона перехватило дыхание, потемнело в глазах.

— Наповал, сэр.

Дэймон покачал головой. Его тошнило. Он повернулся к Мэллори.

— Они совершенно безобидны и еще ни разу не поднимали руку на человека. Только в панике — чтобы вырваться и убежать.

Мэллори пожала плечами.

— Что ж теперь горевать, господин Константин? Кто-то сгоряча нажал на крючок. Приказа стрелять не было. Мы разберемся, а вы займитесь своими делами.

— Капитан, они — люди.

— Так мы в людей и стреляем, — невозмутимо ответила Мэллори. — Повторяю, займитесь своими делами, а для таких случаев существует военно-полевой суд, и я позабочусь, чтобы виновные от него не ушли.

Дэймон не шевелился. Все глаза в центре управления смотрели на него. На пульты, играющие разноцветными огоньками, никто не обращал внимания.

— За работу! — резко приказал Дэймон техам, и те дружно отвернулись. — Вызвать на место происшествия станционного врача.

— Вы испытываете мое терпение, — проговорила Мэллори.

— Они — наши граждане.

— Вы чересчур широко трактуете термин «гражданство».

— Повторяю, они смертельно боятся насилия. Если вам, капитан, нужен настоящий хаос на этой станции, перепугайте низовиков.

Поразмыслив, она кивнула.

— Что ж, господин Константин, если вы способны исправить положение, займитесь этим. Идите, куда считаете нужным.

Вот так! «Идите».

Он повернулся к выходу, затем бросил взгляд через плечо, внезапно ощутив страх. Мэллори не желала спорить с ним при посторонних. А он сорвался, не сдержал гнева. «Идите», — сказала она так, будто это ничуть не затрагивало ее достоинства.

Он уходил с ощущением смертельной опасности.

— Обеспечить Дэймону Константину свободное передвижение, — прогремел в коридорах голос

Сигни, и солдаты, двинувшиеся навстречу Дэймону, застыли как вкопанные.

С паспортом и карточкой в руках он бежал по коридору, оставив лифт на четвертом ярусе зеленой. Бдительный часовой, пытавшийся заступить Дэймону дорогу, не устоял под его натиском. Впереди толпились десантники, загораживая дверной проем. Они задержали его, но отпустили, увидев карточку с именем Константина.

— Дэймон. — Услышав голос Элен, он повернулся и с огромным облегчением обнял жену.

— Сезонник, — сообщила она. — Самец по прозвищу Дылда. Мертв.

— Уходи отсюда, — попросил ее Дэймон, не доверяя здравомыслию солдат. В дверном проеме на полу было много крови. Низовика засунули в чехол и положили на носилки. Элен держала мужа под руку и не проявляла ни малейшего желания уходить.

— Его разрезало дверью, — сказала она, — уже после того, как в него выстрелили.

К ним направился молодой офицер.

— Лейтенант Вэнерс с «Индии», — прошептала Элен. — Он здесь старший.

— Что тут произошло? — обратился Дэймон к лейтенанту.

— Господин Константин? Это недоразумение. Низовик так неожиданно выскочил…

— Лейтенант, это — Пелл. Здесь полным-полно гражданских. Станция требует от вас подробного рапорта о происшествии.

— Ради благополучия вашей станции, господин Константин, я вам настоятельно рекомендую пересмотреть правила техники безопасности. Рабочие продували шлюз. Сработал аварийный замок, и низовика прищемило дверью. Кто-то не вовремя открыл внутреннюю дверь. Куда ведет этот туннель? И сколько их? Наверное, целая сеть?

— Низовики убежали, — поспешила вмешаться в разговор Элен. — Вниз, далеко. Скорее всего, это временные рабочие. Они плохо ориентируются в туннелях и не вернутся сюда, пока здесь оружие. Так и будут прятаться, пока не умрут.

— Прикажите им выйти, — потребовал Вэнерс.

— Вы не знаете низовиков, — возразил Дэймон.

— Выгоните их из туннелей и задрайте люки.

— В этих туннелях — все жизнеобеспечение Пелла, лейтенант. А в жилищах наших рабочих поддерживается специальный состав воздуха. Туннели изолировать нельзя. — Дэймон по-

вернулся к Элен. — Я пойду туда, попробую их разыскать. Возможно, они отзовутся.

Элен закусила губу.

— Буду ждать здесь, — сказала она, помолчав.

Дэймон хотел было возразить, но не решился в присутствии Вэнерса.

— Я могу задержаться, — бросил он в сторону лейтенанта. — Низовики — не предмет для торгов. С перепугу они способны залезть куда-нибудь и погибнуть, создав серьезную проблему. Если со мной что-нибудь случится, сообщите управляющему. В одиночку я сумею договориться с низовиками, но если они опять увидят оружие, мы можем лишиться системы жизнеобеспечения. Она очень тесно связана с системой низовиков и без нее не проработает и часу. Пелл — очень сложный механизм, лейтенант.

Вэнерс молчал, десантники тоже, и невозможно было понять, доходят слова Дэймона до их рассудка или нет. Взяв жену за руку, Дэймон повел ее за собой, раздвигая плечом военных. Возле двери он вставил в паз карточку и шагнул в проем, стараясь не ступить в лужу крови. Дверь автоматически закрылась, заработал воздухообмен, Дэймон поспешил нащупать один из человеческих противогазов, всегда лежащих

на стеллаже справа от входа, и надеть его, пока состав воздуха не стал опасным для жизни.

Вздохи превратились в хрипы и шипение, которые в его подсознании всегда ассоциировались с металлическими туннелями и низовиками. Он отворил внутреннюю дверь. Из далеких глубин долетело эхо. Площадка, где он стоял, была залита слабым голубым сиянием. Он задержался возле двери, чтобы достать из встроенного шкафа фонарь. Яркий луч пронзил мрак и выхватил из него паутину металлических конструкций.

— Низовики! — покатился вниз голос Дэймона. Створки сдвинулись за его спиной; было довольно зябко. От платформы, примыкающей к стене под дверью шлюза, в разные стороны убегали лестницы. — Низовики! Это Дэймон Константин! Отзовитесь!

Эхо медленно выдыхалось в глубине.

— Низовики!

Из тьмы донесся отголосок стона — столь жалобного, что у Дэймона волосы встали дыбом. И накатила ярость.

Он двинулся дальше, в одной руке держа фонарь, а другой скользя по тонким перилам. Остановился. Прислушался.

— Низовики!

В темной глубине кто-то зашевелился. Далеко внизу по металлу прошлепали мягкие босые подошвы.

— Константин, — прошепелявил нечеловеческий голос. — Константин-человек!

— Я — Дэймон. Константин, — закричал он снова. — Пожалуйста, поднимитесь ко мне. Здесь нет ружей. Нет опасности. — Он не шевелился, ощущая легкую дрожь металлической плиты под ногами, прислушиваясь к чужому дыханию. Его глаза уловили свет, слабое, как будто иллюзорное, мерцание далеко внизу. Лоснящийся мех, блеск глаз… Дэймон ждал, неподвижный, как изваяние. Хиза считались безобидными, но ведь раньше на них не нападали «человеки-ружья».

Они приближались, и в свете фонаря Дэймон смог разглядеть их получше. Измучены до полусмерти, огромные глаза вытаращены от страха. Один самец ранен.

— Константин-человек, — с дрожью в голосе вымолвил шепелявый. — Помоги, помоги, помоги!

Низовики протягивали к Дэймону руки, молили о помощи. Осторожно опустив фонарь на площадку, он обнял их поочередно, как детей. Раненого самца он коснулся очень осторожно

— рука у бедняги была вся в крови, зубы оскалены от боли.

— Не беспокойтесь, — произнес Дэймон. — Никто вас больше не тронет. Сейчас мы уйдем отсюда.

— Бояться, Константин-человек. — Юная самочка гладила своего друга по обожженному плечу, ее круглые глаза смотрели из теней глубоких глазниц то на Дэймона, то на низовика. — Все-все прятаться, уйти и не сыскать тропа.

— Я не понимаю…

— Больше, больше, хиза. Смерть страшно. Смерть голодно. Пожалуйста, помоги мы.

— Зови их.

Она коснулась самца, тот что-то взволнованно залопотал и слегка толкнул ее. Она повернулась к Дэймону и дотронулась до него.

— Я подожду, — пообещал он. — Я подожду здесь. Вам некого бояться.

— Любить ты! — выдохнула она и побрела вниз по звонким металлическим ступенькам, чтобы сразу исчезнуть во тьме.

Через несколько минут внизу раздались крики и щебет. В разных местах откликались голоса — высокие и низкие, усиленные вдвое акустикой эксплуатационной зоны. И вскоре безумная ра-

дость охватила темные глубины.

Внезапно крики оборвались. Лишь позвякиванье металлических ступенек да умирающее вдалеке эхо нарушало тишину.

Самочка прибежала обратно, погладила друга по плечу и коснулась рук Дэймона.

— Я-Атласка, я позвать. Сделать ты Синезуб не болеть, Константин-человек.

— Вам надо проходить через шлюз группами, — сказал Дэймон. — И остерегаться люка.

— Я знать замок, я осторожная. Ты идти, идти, я привести они.

Она поспешила вниз. Обняв самца одной рукой, Дэймон повел его в шлюз. Ему пришлось надеть на Синезуба противогаз — молодой хиза ничего не соображал от боли, страха и слабости, только рычал — хорошо хоть не пытался укусить или ударить. Отворилась наружная дверь. Увидев яркий свет и вооруженных людей, низовик дернулся в руках у Дэймона, зарычал и плюнул, требуя успокаивающего объятья. Сквозь шеренги протолкалась Элен и протянула к нему руки.

— Уберите солдат! — рявкнул Дэймон. Полуослепленный ярким светом, он не смог различить Вэнерса. — Освободите проход. И уберите оружие.

Он усадил низовика на пол у стены, а Элен подозвала врача. Тот опустился на корточки возле Синезуба и раскрыл саквояж.

— Уберите солдат, — повторил Дэймон. — Мы сами все уладим.

Прозвучала команда, и, к великому облегчению Дэймона, десантники с «Индии» начали расходиться. Поначалу низовик рычал и отдергивал руку, но в конце концов позволил врачу осмотреть ожог. Дэймон вдруг спохватился, что ему тяжело дышать, и снял уже ненужный противогаз. От перепуганного низовика остро пахло мускусом.

— Имя: Синезуб, — прочитал врач надпись на бляхе. — Ожог с кровотечением. Если не считать шока, малыш легко отделался.

— Пить, — жалобно попросил Синезуб и потянулся к саквояжу. Врач поспешил убрать его и пообещал, что воду скоро принесут.

Отворилась дверь шлюза, пропуская дюжину низовиков. Дэймон встал и пошел навстречу, раскинув руки, словно хотел заключить их в объятья.

— Я — Константин, — представился он, зная, что это имя в почете у хиза.

Он покорно вытерпел объятья потных, едва

стоящих на ногах низовиков; Элен по своей воле разделила с ним эту процедуру. Через секунду из шлюза высыпала новая группа.

В конце коридора стояли солдаты, но низовиков было уже гораздо больше. Хиза бросали в сторону десантников боязливые взгляды. Вместе с третьей группой пришла возбужденно лепечущая Атласка и сразу подскочила к Синезубу. Сквозь мохнатую коричневую толпу как ни в чем не бывало пробрался Вэнерс.

— Вас просят как можно быстрее отвести их в помещения полиции, — сказал он Дэймону.

— Хорошо. Воспользуйтесь вашим комом и обеспечьте нам проход по аварийным лестницам с четвертого по девятый и выход в доки. В их помещения можно пройти отсюда напрямик. Мы их проводим. Так будет быстрее и безопаснее.

Не дожидаясь, пока Вэнерс что-нибудь скажет, Дэймон помахал низовикам.

— Пойдем.

Хиза умолкли. Молодой самец с белой повязкой на руке кое-как поднялся и возбужденно защебетал — видимо, боялся, что его оставят. К нему присоединилась Атласка, и вдруг толпу охватило веселье.

Дэймон пошел по коридору рука об руку с Элен,

в плотном кольце низовиков, под необычный аккомпанемент дыхательных масок. Несколько часовых, встреченных ими по пути, не шевелились, неожиданно обнаружив, что оказались в меньшинстве. Хиза щебетали все оживленней; вскоре они достигли конца коридора и пошли по широкой спиральной лестнице, которая проходила через все девять ярусов. Вокруг левой руки Дэймона змейкой обвилась коричневая рука; повернув голову, он увидел Синезуба, а чуть дальше — Атласку. Еще один низовик взял Элен за левую руку. Так впятером они и шли в ряд, и не было, наверное, за всю историю станции Пелл более необычного зрелища.

Атласка что-то выкрикнула, низовики хором откликнулись. Она снова заговорила, и эхо ее голоса умчалось ввысь и вглубь, а за ним вдогонку — раскаты хора. Это напоминало строевую песню. Воодушевленный и одновременно встревоженный таким поведением низовиков, Дэймон взял жену за руку.

Толпа выплеснулась на девятый ярус зеленой, устремилась по длинному сквозному коридору и с воплями хлынула в док. Шеренга солдат, охранявших подступы к кораблю, угрожающе зашевелилась, но этим и ограничилась.

— Не отходите от меня! — строго приказал Дэймон своим спутникам, и они послушно двинулись вдоль изгиба стены к дому. — Ступайте, — напутствовал их Дэймон, — ступайте и помните, что нужна осторожность. Не пугайте людей с ружьями.

Вопреки его ожиданию, низовики не бросились в разные стороны, а стали подходить по одному, чтобы ласково, осторожно обнять его и Элен. Прощание затянулось, но в конце концов возле Дэймона и его жены остались только Атласка и Синезуб.

— Любить ты, — сказал Синезуб.

— Любить ты, — произнесла вслед за ним Атласка.

Ни единого слова о мертвом.

— Дылду подстрелили, — сообщил им Дэймон, хотя по ожогу Синезуба догадался: в момент гибели Дылды эта парочка была рядом. — Он умер.

Атласка подпрыгнула с угрюмым видом, давая понять, что знает.

— Ты отправить он-дом, Константин-человек?

— Отправлю, — пообещал он. Перевозка покойника считалась роскошью даже для людей. Но люди не были так прочно связаны с этой или какой-нибудь другой планетой, как низовики со

своей Нижней. Мечты хиза о погребении слегка обескуражили станционеров, а транспортировка стоила немало, но что поделаешь, если одного из них убили вдалеке от дома. — Об этом не беспокойтесь.

— Любить ты, — торжественно повторила Атласка и крепко обняла его, затем очень осторожно провела рукой по животу Элен и вместе с Синезубом побежала к шлюзу, ведущему к туннелям низовиков.

Элен стояла, прижимая ладонь к животу и недоуменно глядя на Дэймона. Наконец она смущенно усмехнулась.

— Как она узнала?

Ему тоже было невдомек.

— Уже слегка заметно.

— Кому? Хиза?

— Они почти не полнеют. — Он поглядел мимо жены, в док, на шеренги солдат. — Пошли. Мне здесь не нравится.

Она оглянулась в ту же сторону, на десантников и пестрые группы штатских невдалеке от баров и ресторанов. Купцы в отнятых у них доках следили за военными.

— Со дня открытия Пелла это место принадлежало купцам. А теперь бары, гостиницы и

прочие заведения закрываются, но мациановцам все равно надо будет где-то отдыхать. Представь экипажи фрахтеров и мациановцев… в одном баре, в одной гостинице. Станционной охране надо быть начеку, когда десантники выйдут из доков поразвлечься…

— Пошли. — Дэймон взял ее за руку. — Тебе здесь находиться опасно. Мы пойдем по тому коридору, которым убежали низовики…

— Где ты был? — выпалила она. — В туннелях?

— Я их знаю.

— А я знаю доки. Вот так.

— Скажи, что ты делала на четвертом?

— Когда по флотскому кому сообщили о несчастном случае, я была здесь. Попросила Кео о помощи. Он приказал своему лейтенанту содействовать администрации доков. Я выполняла свои обязанности. Если бы не я, люди Вэнерса могли бы еще кого-нибудь пристрелить.

Дэймон с благодарностью обнял ее. Они свернули за угол, в коридор, ведущий на девятый ярус синей, и пошли на виду у часовых, расставленных через одинаковые интервалы. Кроме Дэймона и Элен, в коридоре не было ни одного штатского.

— Джош! — воскликнул он вдруг, роняя руку с ее плеча.

— Что с ним?

Дэймон направился к лифту, доставая из кармана документы, но солдаты с «Индии», стоявшие на площадке, замахали ему руками, давая понять, что пропустят и так.

— Его забрали. Мэллори знает об этом. Знает, где его держат.

— Что ты хочешь сделать?

— Мэллори согласилась его отпустить. Может быть, он уже на свободе. Я выясню через комп, где он: в тюрьме или дома.

— Он может переночевать у нас.

Дэймон молча обдумал это предложение.

— Иначе кто из нас сможет спать спокойно? — спросила Элен.

— В его присутствии тоже не очень-то выспишься. Слишком тесно. Все равно что положить его в нашу постель.

— Мне приходилось спать в тесноте. Сколько понадобится, столько и выдержу. Зато если военные попробуют забрать его из…

— Элен, это не тот случай, когда станция может выразить протест. Тут есть тонкости…

— Что-нибудь секретное?

— Факты, огласки которых Мэллори вряд ли захочет. Ты понимаешь? Она опасна. Мне дово-

дилось беседовать с убийцами — любой из них может только позавидовать ее хладнокровию.

— Она же капитан Флота. Это порода, Дэймон. Спроси любого купца. В этих шеренгах, наверное, стоят родственники наших торговцев, но они не покинут строй, чтобы броситься в объятья матерей. Кто попадает на Флот, тот уже не возвращается. Ты не сообщил мне ничего нового, а теперь послушай меня: если мы хотим что-то сделать, нельзя терять времени.

— Если мы приютим его у себя, это может попасть в файлы Флота…

— Кажется, я знаю, что ты задумал.

Ей тоже было не занимать упорства. Он размышлял. Они подошли к лифту, и Дэймон положил палец на кнопку.

— Пожалуй, сначала надо его забрать.

— Да, — согласилась жена. — Пожалуй.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

1. ПЕЛЛ: БЕЛАЯ СЕКЦИЯ, ЧЕТВЕРТЫЙ ЯРУС; 22:30

Каждому депутату Кео выдал пропуск, и все же Джон Лукас тревожно озирался в почти безлюдных коридорах. С наступлением первой смены должен был начаться обещанный вывод десантников; на некоторых постах уже стояли члены экипажа Флота без доспехов. Везде царило спокойствие. Джона остановили всего один раз, на площадке лифта, и он, благополучно добравшись до своей двери, открыл ее при помощи карточки.

Гостиная пустовала, и у Джона екнуло сердце: неужели его непрошеного гостя все-таки схватили? Но тут в коридорчике возле кухни появился невозмутимый Бран Хэйл и промолвил:

— Все в порядке.

Следом за Хэйлом из кухни вышли двое его помощников и Джессад.

— Вы очень вовремя, — улыбнулся Джессад. — Тут стало скучновато.

— Думаю, так будет и впредь, — сварливо отозвался Джон. — Во всяком случае, этот вечер всем

нам — мне, вам, Хэйлу, Дэниельсу, Клею, — придется провести здесь. Я не хочу, чтобы под носом у солдат из моей квартиры вывалила толпа дорогих гостей. А к утру войска выведут.

— Флот? — спросил Хэйл.

— Да. Десантников.

Джон прошел в кухню, открыл дверцу бара, осмотрел бутылку — она была полна, когда он уходил, а сейчас содержимого было на два пальца. Он налил себе порцию, глотнул и вздохнул с облегчением. Затем вернулся в гостиную и утонул в любимом кресле возле низкого стола. Джессад расположился напротив, а Хэйл с приятелями отправился в кухню на поиски новой бутылки.

— Хорошо, что вы вели себя благоразумно, — сказал Джон униату. — Я беспокоился.

Джессад улыбнулся, по-кошачьи прищурив глаза.

— Надо думать. Вероятно, вы даже колебались минуту-другую. Может, и сейчас колеблетесь? Впрочем, стоит ли об этом говорить?

Джон нахмурился и бросил взгляд в сторону кухни.

— Не буду скрывать, я верю им больше, чем вам.

— Держу пари, вы подумываете, не избавиться

ли от меня, — усмехнулся Джессад, — и проблема для вас не в том, имеет ли это смысл, а в том, как это сделать. Что ж, можете попробовать. Вполне вероятно, это сойдет вам с рук.

Прямота Джессада сбила Джона с толку.

— Вы сами затронули эту тему, — промямлил он. — Отсюда следует, что у вас есть предложение совершенно иного рода.

На лице Джессада не увядала улыбка.

— И не одно. Во-первых, советую подумать о том, что сейчас я для вас не опасен. Во-вторых, не стоит огорчаться из-за прибытия Мациана.

— Почему?

— Потому что эта возможность нами учтена.

Джон поднес стакан к губам и глотнул обжигающей жидкости.

— Прыгать без риска в Глубоком, господин Лукас, можно тремя способами. Во-первых, короткими скачками передвигаться в очень хорошо знакомом пространстве. Во-вторых, можно использовать притяжение звезды, и в-третьих, если вы ас, — массу какого-нибудь малоизвестного космического тела. В окрестностях Пелла хватает всякого мусора. Огромных астероидов нет, но есть довольно крупные.

— О чем это вы?

— О флоте Унии, господин Лукас. Впервые за два или три десятилетия корабли Мациана сбились в стаю. Неужели вы думаете, что без причины? У них остался только Пелл. Нет, неспроста флот Унии собрался на краю системы Пелла и неспроста прислал сюда вашего покорного слугу. Мы знали, куда полетят мацианов цы.

Хэйл и его люди вернулись в гостиную и уселись на диван. Джон обдумал слова Джессада. Пелл — в зоне конфликта. Наихудший из всех сценариев.

— Что будет с нами, когда выяснится, что Флот Мациана вам не по зубам?

— Мациана можно вытеснить отсюда, и мы это сделаем. После этого у него не останется ни одной базы. Наступит мир, и вы, господин Лукас, будете пожинать его плоды. Вот для чего я здесь.

— Я весь внимание.

— Необходимо заменить администрацию. Убрать Константинов. Вам и вашим людям придется занять их места. Сумеете? Ведь, насколько мне известно, вы с Константинами в родстве. Жена старшего…

Джон плотно сжал губы и поморщился, как делал всякий раз, когда думал об Алисии и о ее судьбе. Он не мог размышлять об этом спокойно.

Всю жизнь зависеть от машин… Впрочем, можно ли назвать это жизнью?

— Мы с сестрой уже несколько лет не разговариваем. Она инвалид. Дэйин, должно быть, все вам рассказал.

— Да, я это знаю. Но я имел в виду не саму Алисию Лукас, а ее мужа и сыновей. Хватит ли у вас выдержки?

— Хватит, если вы предложите толковый план.

— На этой станции есть некто Крессич.

Джон затаил дыхание, а его бокал застыл на подлокотнике кресла.

— Василий Крессич. Выборный представитель "К" в совете. Откуда вы о нем знаете?

— От Дэйина Джекоби… относительно его деятельности в карантине, а еще — из наших досье. Этот Крессич… приходит на заседания совета из "К". Значит, у него есть пропуск. Или на выходе есть охрана, которая знает его в лицо?

— И то, и другое. Охрана там есть, а у Крессича — специальный пропуск.

— Как вы думаете, можно подкупить охранников?

— В принципе да. Но станционерам, господин как-вас-там, свойственно естественное нежелание причинять родной станции какой бы то ни

было ущерб. Одно дело переправить в "К" наркотики и спиртное, но человека... У охранников тоже развито чувство самосохранения.

— В таком случае, придется самого Крессича пригласить к нам на совещание.

— Не сюда.

— Как скажете. Можно взять у кого-нибудь на время паспорт и прочие документы. Думаю, среди множества ваших преданных подчиненных найдется человек, живущий где-нибудь неподалеку от "К"...

— О чем вы хотите говорить с Крессичем? И что рассчитываете от него получить? Это же бесхребетное ничтожество.

— А много ли у вас людей, таких как эти — верных и преданных? Готовых на риск, способных убивать? Именно такие нам понадобятся.

У Джона захватило дух. Он бросил тревожный взгляд на Хэйла и снова посмотрел на Джессада.

— Поверьте, Крессич не из таких.

— Зато у него есть связи. Неужели вы всерьез считаете, что без них кто-либо мог бы так долго продержаться на верхушке этого чудовищного "К"?

2. ПЕЛЛ: ЗЕЛЕНАЯ СЕКЦИЯ, СЕДЬМОЙ ЯРУС: КУПЕЧЕСКАЯ ГОСТИНИЦА; 22:41

Загудел ком. Вспыхнула лампочка на консоли. Вызов.

Джош остановился посреди комнаты и посмотрел на ком. Его отпустили. «Ступай домой», — сказал тюремный надзиратель, и Джош так и сделал — отправился в гостиницу по коридорам, охраняемым полицией и мацияновцами. Сразу, как только он вошел, прозвучал вызов.

Красная лампочка все мигала — неизвестный упорствовал. Джошу не хотелось отвечать. Может быть, это из тюрьмы? Решили удостовериться, что он благополучно добрался до дома? Не выдержав, он подошел к кому и нажал клавишу приема вызова.

— Джошуа Толли, — проговорил он в микрофон.

— Джош, это Дэймон. Рад тебя слышать. Ну что, все в порядке?

У Джоша перехватило дыхание. Он прислонился к стене.

— Джош?

— Все хорошо, Дэймон. Ты знаешь, что случилось?

— Знаю. Я получил от тебя весточку и настоял, чтобы тебя освободили под мое поручительство. Сегодня ты ночуешь у нас. Приготовь все необходимое. Я за тобой зайду.

— Нет! Дэймон, не ввязывайся в это.

— Все в порядке. Не спорь. Потом поговорим.

— Дэймон, не надо! Не надо! Это попадет к ним в комп.

— Джош, мы — твои легальные попечители. Это уже в компе.

— Не надо!

— Мы с Элен уже идем.

Связь прервалась. Джош вытер пот с лица. В животе образовался комок и поднялся к горлу. Джош не видел стен, не видел гостиничной мебели. Его окружал металл, рядом стояла Сигни Мэллори с молодым лицом, серебристыми волосами и глазами древней старухи. Дэймон и Элен собирались рисковать своей жизнью и жизнью неродившегося ребенка. Ради него, Джоша.

У него не было оружия. Оно бы и не понадобилось, окажись он с той женщиной в ее спальне, как когда-то. В то время он был мертв. Внутри. Существовал, но ненавидел себя за это. И сейчас — точно такое же оцепенение. Будь что будет. Ты ничего не в силах изменить. Тебе предлага-

ют укрытие — соглашайся. Соглашаться всегда проще. Раньше ты бы так и поступил. Раньше ты не был опасен Мэллори. Тебе не за что было с ней драться.

Он оттолкнулся от стены, ощупал карман — документы лежали на месте. Мимо автоматизированного бюро обслуживания он прошел в гостиничный холл, просторное помещение, где стояли охранники. Один из них — местный полицейский — двинулся навстречу Джошу. Он бросил испуганный взгляд в сторону коридора, где стоял солдат.

— Эй! — разорвал тишину вестибюля возглас Джоша. — Эй, вы! Я хочу с вами поговорить.

Полицейский застыл как вкопанный, солдат резко опустил дуло, едва не нажав на спусковой крючок. Джош нервно сглотнул и показал ему пустые руки.

— Я хочу с вами поговорить, — повторил он.

Дуло чуть шевельнулось. Широко разведя руки, Джош направился к черному отверстию ствола.

— Стоп! — приказал десантник. — Дальше — ни шагу. В чем дело?

На его панцире поблескивала эмблема «Атлантики».

— Знаете Мэллори с «Норвегии»? — спросил

Джош. — Мы с нею старые друзья. Передайте, что Джош Толли хотел бы с ней встретиться. Немедленно.

Солдат ощупал его подозрительным взглядом, поморщился, но все же уравновесил ружье на локтевом сгибе и снял с пояса ком.

— Я поговорю с вахтенным офицером «Норвегии», — сказал он. — Но если Мэллори вас не знает, вы все равно пойдете со мной — на проверку.

— Она меня знает, — заверил Джош.

Солдат нажал кнопку передачи и произнес несколько фраз. Ответ не прозвучал из-под шлема, но глаза десантника блеснули.

— Вас понял, «Норвегия», — отозвался он. — Центр управления. Конец связи.

Повесив ком на пояс, он взмахнул дулом.

— Идите по коридору до лестницы, там вас встретит часовой и проводит к Мэллори.

Джош торопливо пошел указанной дорогой, боясь, что Дэймон и Элен уже на пути в гостиницу.

Разумеется, его обыскали — в третий раз за этот день. Но Джоша не волновало, что делают с его телом — главное, чтобы душа оставалась холодной и неприступной. Одернув костюм, он следом за конвоирами поднялся по лестнице,

минуя часовых на каждом ярусе. На втором зеленой они забрались в лифт и совершили короткий подъем, затем перешли на первый ярус синей. Десантники не проверили документы Джоша, лишь заглянули в бумажник — убедиться, что в нем нет ничего, кроме бумаг.

Потом они недолго шагали по ковровому покрытию коридора. Пахло химией. Попадались рабочие, снимавшие указатели со стен. Наконец — большой зал с окнами, уставленный электронной аппаратурой; среди множества бдительных охранников там суетилось несколько техов.

Дверь открыли солдаты с «Норвегии». Мэллори, сидевшая за крайним в ряду пультом, встала и с ледяной улыбкой повернулась к Джошу.

— Ну? — произнесла она.

Джош надеялся, что, увидев ее, он сохранит спокойствие — и ошибся. Его затошнило.

— Я хочу назад, — сказал он, — на «Норвегию».

— В самом деле?

— Я нездешний. И вообще не станционер. Кто еще может меня забрать?

Мэллори промолчала, пристально глядя на него. У Джоша задрожало левое колено. Он пожалел, что нельзя сесть. Стоит пошевелиться, и его пристрелят, — в этом он не сомневался. Лишь бы

хватило самообладания. Лишь бы не вернулся проклятый тик…

У него дернулся край рта — к счастью, как раз в то мгновение, когда Сигни бросила взгляд через плечо. Снова повернув к нему голову, она сухо рассмеялась.

— Это Константины тебя надоумили?

— Нет.

— Ты ведь урегулирован, верно?

Боясь, что начнет заикаться, Джош ограничился кивком.

— И теперь Константины ручаются за твое примерное поведение?

Тон Сигни не сулил ничего хорошего.

— Никто за меня не ручается, — запинаясь, проговорил он. — Я хочу на борт. Если выбирать не из чего, — я согласен на «Норвегию».

Он был вынужден смотреть на нее в упор. Смотреть в глаза, за которыми бродили мысли, не предназначенные для техников и солдат.

— Вы его обыскали? — спросила Сигни десантников.

— Да, мэм.

Она долго размышляла, наконец, уже не смеясь и даже не улыбаясь, спросила Джоша:

— Где ты живешь?

— У меня номер в старой гостинице.

— Тоже благодаря Константинам?

— Я работаю и плачу за жилье.

— Работаешь? Кем?

— Демонтажником. Разбираю на части всякий утиль.

Удивление на лице Сигни сменилось усмешкой.

— Так что, — продолжал Джош, — терять мне здесь нечего. Я хочу улететь. Ты должна мне помочь.

Уловив за спиной Джоша движение, Мэллори вскинула голову и рассмеялась — устало, невесело. И поманила кого-то.

— Константин. Очень кстати. Что, явились за своим дружком?

Джош обернулся. Дэймон и Элен — раскрасневшиеся от быстрой ходьбы, встревоженные. Пришли за ним, Джошем. Оба.

— Если он не в себе, — сказал Дэймон, — то мы отведем его в больницу. — Он приблизился к Джошу и положил руку ему на плечо. — Пойдем, Джош. Пойдем.

— Да, он не в себе, — проговорила Мэллори. — Он пришел убить меня. Отведите вашего приятеля домой, господин Константин, да при-

глядывайте за ним хорошенько, не то я сама им займусь.

Повисло тяжелое молчание.

— Я пригляжу, — пообещал наконец Дэймон. Его пальцы впились в плечо Джоша. — Пошли.

Вместе с Дэймоном и Элен Джош прошел мимо охранников в пропахший химией коридор. За ними закрылись двери контрольного центра. Все трое молчали. Ладонь Дэймона опустилась с плеча Джоша на локоть.

Они вошли в кабину лифта и спустились на пятый ярус. Там тоже хватало солдат и станционных полицейских, но никто не заступил дорогу двум резидентам и одному пленнику. Джоша привели в квартиру Дэймона и закрыли за ним дверь. Он молча подождал в прихожей, пока Элен и Дэймон включат свет и снимут верхнюю одежду.

— Я пошлю кого-нибудь за твоими вещами, — отрывисто произнес Дэймон. — Проходи. Располагайся. Будь как дома.

Джош не считал, что заслуживает такого приема. Ни на секунду не забывая о своем промасленном комбинезоне, он осторожно опустился в кожаное кресло. Элен предложила стакан какого-то охлажденного напитка, и Джош выпил его,

не ощутив вкуса.

Дэймон присел на подлокотник соседнего кресла. «Сердится», — подумал Джош и, выбрав точку на полу, уперся в нее взглядом.

— Ты заставил нас побегать, — упрекнул его Дэймон. — Не знаю, как тебе удалось проскочить мимо нас.

— Я обратился к часовому. Попросил, чтобы меня отвели к Мэллори.

Дэймон хотел что-то сказать, но сдержался. Элен села на диван между мужчинами.

— Что ты задумал? — будничным тоном спросил Дэймон.

— Я не должен вас втягивать. Это опасно.

— Так ты хотел убежать от нас?

Джош пожал плечами.

— Ты в самом деле намерен ее убить?

— Может, и убью. Где-нибудь. Когда-нибудь.

Супруги не нашли что сказать. Наконец Дэймон тряхнул головой и отвернулся, а Элен встала, зашла за спинку Джошева кресла и опустила мягкую ладонь на плечо бывшего униата.

— Ничего у нас не получится, — проговорил Джош, спотыкаясь на каждом слове. — Все очень плохо. Боюсь, она решила, что это вы меня подговорили. Мне так жаль…

Ладонь Элен прошлась по его волосам, снова опустилась на плечо. Дэймон смотрел на Джоша так, будто видел его впервые в жизни.

— Не вздумай еще раз так поступить, — мягко попросил он юношу.

— Я не хотел, чтобы вы пострадали из-за меня. Я не хотел, чтобы вы давали мне приют. Подумайте о том, как это выглядит в их глазах.

— Ты считаешь, Мациан прилетел сюда с бухты-барахты? Ты считаешь, один капитан способен ради личной мести испортить отношения между Флотом и Константинами, без которых Мациан здесь как без рук?

Джош поразмыслил. Ему очень хотелось верить, что дело обстоит именно так, но верилось с трудом.

— Ничего подобного не случится, — продолжал Дэймон. — Успокойся. Ни один десантник не войдет в эту квартиру, если только ты не дашь повода. Понимаешь? Видишь ли, я попросил Мэллори, и она приказала выпустить тебя из тюрьмы. Это уже вторая поблажка. На третью не надейся.

От изумления Джош не смог выговорить ни слова. Только кивнул.

— Ты ел сегодня?

В замешательстве Джош не сразу вспомнил о

бутербродах. Видимо, одной из причин его слабости было недоедание.

— Пропустил ужин, — ответил он.

— Я тебе дам что-нибудь из своей одежды, что подойдет. Умойся, отдохни, а завтра утром мы сходим к тебе в номер и возьмем все необходимое.

— Сколько я буду здесь жить? — Джош посмотрел на Элен и снова повернул голову к Дэймону. Квартира была маленькой, и он понимал, что стеснит супругов. — Я не могу поселиться у вас насовсем.

— Поживешь, пока здесь безопасно, — ответил Дэймон. — Если понадобится, мы еще что-нибудь устроим. Я попробую организовать переоформление твоих документов — тогда у тебя будет повод провести в моем офисе еще несколько рабочих дней.

— А как же мастерская? Разве я туда не вернусь?

— Вернешься, когда все уляжется. А до тех пор мы будем тебя прикрывать. Мы ясно дали понять военным, что они создадут серьезную проблему, если тронут тебя. Я расскажу об этом отцу, так что в обоих наших офисах никого не застанут врасплох внезапные обыски. Об одном тебя прошу: не провоцируй военных.

— Не буду, — согласился Джош.

Дэймон указал подбородком на коридор, Джош встал и вышел следом за ним. Из встроенных шкафов возле ванной Дэймон извлек целую охапку одежды.

Потом гость принял душ, избавивший его не только от грязи, но и от воспоминаний о тюремной камере. Закутался в мягкий хозяйский халат и направился в кухню, в ароматы готовящегося ужина.

Сгрудившись вокруг столика, они ели и рассказывали друг другу о том, что видели в разных секциях. Наконец-то Джош мог говорить, не заикаясь и не путаясь от волнения. Он уже не был один на один со своим кошмаром.

После ужина он устроился на полу в углу кухни, на импровизированном ложе, хотя Элен настойчиво предлагала ему ночевать в гостиной, где было достаточно места.

— Завтра мы достанем кушетку, — пообещала она. — На худой конец гамак.

Лежа в темноте с открытыми глазами, он слушал, как устраиваются в гостиной супруги, и наслаждался ощущением безопасности, поверив наконец в слова Дэймона. Он — в крепости, и сюда не ворвется никто, даже мациановцы.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
НИЖНЯЯ: РАЗВЕДЧИК «АФРИКИ», ГЛАВНАЯ БАЗА; 24:00 ГС; 12:00 ДС

Откинувшись на спинку кресла, Эмилио не сводил глаз с ухмыляющегося Порея. Когда обезображенный шрамами капитан сделал несколько пометок в распечатке и придвинул ее к Эмилио, тот быстро просмотрел список требований и кивнул.

— На это нужно время, — сказал он.

— Сколько угодно, — скаля зубы, кивнул Порей. — Сейчас я всего лишь выполняю инструкции. Вы и ваш персонал уклоняетесь от сотрудничества. Ну что ж, можете продолжать в том же духе.

Они беседовали на корабле Порея, в тесной каюте с плоской палубой. Разведчик не предназначался для дальних перелетов. Отведав воздуха Нижней, помесив грязь и налюбовавшись куполами. Порей исполнился отвращения, вернулся на корабль и вызвал Эмилио к себе, вместо того чтобы прийти к нему в операторскую. Эмилио это вполне устраивало, вот если бы еще и солдаты

держались подальше от куполов… Но они, в масках и с оружием, слонялись по лагерю. Даже на полях "К" и резиденты работали под прицелом.

— Надо мной тоже есть начальство, — возразил Эмилио. — Я тоже получаю инструкции. Капитан, лучшее, что мы с вами способны сделать, это удостовериться, что обе стороны хорошо понимают ситуацию. Ваши требования вполне разумны и выполнимы, но, повторяю, мне нужно время.

Человек здравомыслящий поддается уговорам. Порей же только ухмылялся. Возможно, лицо его не знало другой мины, кроме выражения дерзкого упрямства. «Похоже, он хронически недосыпает», — отметил про себя Эмилио. Десантники сменялись с постов часто и на короткое время — это говорило о том, что они прилетели уже измотанными. Да и экипаж — вероятно, дополнительная смена, — выглядел не лучшим образом.

— Сколько угодно, — повторил Порей, давая понять, что Эмилио Константину аукнется его упрямство.

— Мы успеем до вашего отлета. — Эмилио поднялся и направился к выходу, не попрощавшись. Охранники не препятствовали ему. По короткому коридору он проник в просторное чрево

корабля и на лифте, шахта которого служила одновременно воздушным шлюзом, спустился к пандусу. Надев противогаз, он пошел навстречу холодному ветру Нижней.

Вопреки ожиданиям Эмилио, остальные лагеря не были оккупированы десантниками Мациана — видимо, сказывались нехватка солдат и отсутствие посадочных площадок. Что же касалось претензий Порея, то они не пугали Эмилио. Станция, конечно, изрядно обеднеет, выполнив их, но тактика проволочек заставит Флот умерить аппетиты. «Обстановка нормализуется, — утверждалось в очередном отцовском уведомлении. — Эвакуации не ожидаем. Флот рассчитывает оборудовать на Пелле постоянную базу».

Известие не радовало, но и не удручало. Вступление Пелла в войну Эмилио считал неизбежным; сохранять нейтралитет до скончания века станции не удастся. Пока на ней находились агенты Компании, Эмилио слабо надеялся на существование какой-нибудь новой силы, ожидающей своего часа. Но вместо этой силы появился Мациан, проигрывающий войну, на которую у Земли катастрофически не хватало средств. Мациан не мог защитить станцию, а станция

не могла обеспечить его всем необходимым. И самое страшное: он ничего не знал и не желал знать о хрупком равновесии жизни на Пелле и Нижней. «Где низовики?» — допытывались десантники. «Испугались чужаков», — отвечал Эмилио. Туземцы исчезли без следа. Впрочем, он и не рассчитывал, что они останутся.

Сунув в карман куртки список Порея, он стал подниматься по тропинке на холм. Тут и там среди куполов маячили вооруженные солдаты, вдалеке, на полях, виднелись фигурки работников. Всех поселенцев выгнали на работу, невзирая на возраст, состояние здоровья и официальный распорядок дня. Солдаты спустились к мельнице и насосной станции, они слонялись повсюду, расспрашивая колонистов о продуктовых пайках. К счастью, до сих пор не открылась главная ложь Эмилио — будто бы станция израсходовала все, что они произвели. А наверху, на орбите Пелла, собрались десятки, даже сотни кораблей… «Едва ли, — подумал Эмилио, — Мациан рискнет сейчас ограбить купцов. Очень уж их много. И униатов он не сумеет сдерживать до бесконечности. Вряд ли наша хитрость успеет раскрыться до того, как он сбежит».

Он спустился по склону, по мосту перебрался

через водосток, затем поднялся к операторской. Наружный люк был открыт, рядом, потирая озябшие руки, стояла Милико, и ветер играл ее черными волосами. Она хотела пойти на корабль вместе с мужем — боялась отпускать его одного к Порею. Эмилио отговорил ее.

Увидев его, Милико двинулась навстречу. Он успокаивающе улыбнулся ей. Все было не так уж и плохо. Нижняя все еще была в их руках.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС: 5.10.52; 09:00

На ближайшем перекрестке стоял часовой. Джон Лукас помедлил и этим привлек к себе внимание. Рука часового потянулась к пистолету. Держа перед собой карточку, Джон двинулся к солдату — темнокожему, коренастому.

Часовой хмурился, изучая карточку.

— Это депутатский пропуск, — пояснил Джон. — Высшая категория.

— Да, сэр.

Джон забрал пропуск и двинулся дальше по коридору, спиной ощущая взгляд часового.

— Сэр!

Джон повернулся.

— Господин Константин у себя в офисе, сэр.

— Я к его жене. Она мне сестра.

— Пожалуйста, сэр, — спокойно произнес солдат через несколько мгновений и снова превратился в истукана.

Джон пошел своей дорогой.

«Недурно устроился Анджело, — с горечью по-

думал он. — Ни толп, ни тесноты. И подселенцев не пришлось к себе пускать». Весь этот отсек четвертого коридора с примыкающими к нему помещениями принадлежал Анджело.

И Алисии.

У двери Джон заколебался, желудок сжался. Он зашел очень далеко и если сейчас поведет себя необычно, то у охранника, стоящего за его спиной, возникнут подозрения.

Назад пути нет.

Он нажал на кнопку кома и приготовился ждать.

— Кто там? — спросили за дверью чуть ли не в ту же секунду, и это застигло Джона врасплох.

— Лукас, — ответил он. — Джон Лукас.

Дверные створки раздвинулись. На пороге стояла тощая седая низовка с угрюмыми глазами, окруженными морщинами.

— Я Лили.

Он проскользнул между нею и косяком, остановился и оглядел тускло освещенную гостиную, дорогую мебель. Роскошь. Простор. Встревоженная низовка Лили не отходила от Джона ни на шаг. Дверь беспрепятственно закрылась.

Уловив краем глаза более яркий, чем в гостиной, свет, Джон обернулся и увидел впереди

комнату: белый пол, экраны, создававшие иллюзию окон, за которыми простирался космос.

— Ты прийти она смотреть? — спросила Лили.

— Скажи ей, что я здесь.

— Я сказать. — Хрупкая, сутулая низовка поклонилась и отошла. Не зная, чем занять руки, Джон ждал в сумрачной гостиной. Комок в желудке давил все больнее. Из комнаты доносились голоса.

— Джон? — Он с облегчением узнал голос Алисии — по крайней мере один человек там есть, — и содрогнулся от внезапно нахлынувшего отвращения. Ни разу еще он не входил в эти комнаты. Ни разу не видел Алисию слабой, изможденной, жалкой, живущей (если это можно назвать жизнью) в созданной машинами среде. И вот он пришел, сам не ведая зачем. Нет, ведая: найти правду. Выяснить, способен ли он смотреть Алисии в глаза. Все эти годы он обходился видом — экран, изображение… Но стоять в этой комнате, глядеть Алисии в глаза, разговаривать с ней…

Возвратясь в гостиную. Лили сложила руки на груди и поклонилась.

— Ты входить. Ты входить сейчас.

Он двинулся вперед, но на полпути к комнате — тихой, стерильной, белой, — остановился. В животе творилось что-то ужасное — казалось,

внутренности свернулись в узел. Он резко повернулся и направился к выходу.

— Ты идти? — преследовал его голос ошеломленной низовки. — Сэр, ты уходить?

Джон коснулся кнопки и вышел, позволив двери закрыться за его спиной. Набрав полную грудь прохладного, живительного воздуха, он зашагал по коридору прочь от обиталища Константинов.

— Господин Лукас. — Сквозь вежливость на лице часового проглядывало любопытство.

— Она спит. — Джон не остановился, лишь судорожно сглотнул. Удаляясь от солдата, он старался побыстрее стереть из памяти белую комнату и вспомнить другую Алисию — девушку, подростка, ребенка…

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ПЕЛЛ 10.10.52; 11:00

Суматоха на станции улеглась, к кабинетам юрслужбы вновь выстроились очереди, и это было добрым признаком. Папка для «входящих» документов распухла от жалоб на военных, требований судебного разбирательства, протестов возмущенных купцов, полагавших, что станция обязана оплатить им вынужденный простой в доках. От встревоженной команды одного из фрахтеров поступило заявление об исчезновении юноши — подозревали, что его «под шумок» рекрутировали мациановцы, но скорее всего он заперся с подружкой в номере какой-нибудь гостиницы. Как бы то ни было, комп терпеливо выяснял, где и когда юноша в последний раз воспользовался личной карточкой.

Рано или поздно его найдут целым и невредимым, — в этом Дэймон нимало не сомневался. Поднять на ноги всю станционную полицию? Ну уж нет, это будет сделано лишь в том случае, если поиски дадут однозначно негативный результат. И вообще, не слишком ли много чести молодому

купцу, который, возможно, поссорился с семьей или просто слишком пьян, чтобы реагировать на объявления по виду? Как будто у юрслужбы мало других проблем! И вообще, этим должна заниматься полиция… Хотя у нее тоже дел по горло, персонал предельно измотан, многие на грани нервного срыва. Ладно уж, от юристов не убудет, если они еще немного посидят за клавиатурами компа.

Очередное убийство в "К". Сколько можно?! А главное, юрслужба тут не может ничем помочь, разве что зарегистрировать происшествие. Рапорт о временном отстранении от дел полицейского. Контрабанда — ящик низового вина. Какой-то офицер счел эту проблему безотлагательной, хотя кто сейчас не знает о контрабанде, идущей через карантинные турникеты? Однако почему-то именно этого охранника сделали козлом отпущения.

Три слушания отложены на вторую половину рабочего дня. Видимо, придется отсрочить их еще раз, — намечено заседание совета, и на него могут вызвать представителей юстиции. Надо договориться с адвокатом, а еще найти время после обеда для дел, которые не по зубам нижним инстанциям юрслужбы.

Сделав и то, и другое, он вместе с креслом повернулся к Джошу. Сидя за дисплеем запасного терминала и старательно скрывая скуку, тот читал книгу.

— Эй, — окликнул его Дэймон. — Как насчет ленча? Время есть, можно спокойно перекусить и даже заглянуть в спортзал.

— А нас туда пропустят?

— Пропустят.

Джош выключил дисплей. Дэймон поднялся, оставив машину включенной, подошел к вешалке, снял пиджак и на всякий случай нащупал в кармане документы. На всей станции еще стояли на часах десантники Мациана, и убедить их в чем-либо было по-прежнему нелегко.

Джош тоже надел пиджак, взятый «поносить» (иначе он ничего брать не соглашался, хотя о сроках возврата речь пока не шла) у Дэймона, — размеры у них совпадали. Понемногу у Джоша появилось достаточное количество одежды, которая позволяла ему приходить в офис юрслужбы, не привлекая к себе лишнего внимания.

— Будем к часу, — предупредил Дэймон секретаршу, и та, кивнув, повернулась к консоли, чтобы ответить на вызов.

Дэймон указал Джошу на дверь в коридор.

— Полчаса в спортзале, потом — сэндвичи в ресторане. Я проголодался.

— Прекрасно, — вымолвил Джош, нервно озираясь. Дэймон тоже огляделся, ощутив беспокойство. В коридорах по-прежнему было малолюдно — станционеры еще не оправились от потрясения. Вдалеке маячило несколько солдат.

— Военных отсюда уберут, — заверил он Джошуа, — до конца недели. В белой останется только наша охрана. А еще дня через два, может, и в зеленой. Мы договариваемся. Наберись терпения.

— Они всегда что хотят, то и делают, — угрюмо произнес Джош.

— Ты имеешь в виду Мэллори?

На лицо Джоша набежала тень.

— Не знаю. Пытаюсь вспомнить, но не могу.

— Поверь, все будет хорошо. — Подойдя к лифту, Дэймон краешком глаза приметил на углу женщину в форме рядового (ничего необычного, мало ли их тут кругом расставлено) и набрал код ядра. — Утром пришла хорошая новость от брата — обстановка на Нижней нормализуется…

— Я рад, — шепнул Джош.

Внезапно женщина двинулась к ним чуть ли не бегом. Дэймон оглянулся. Все солдаты в коридоре спешили в их сторону.

— Снять код! — отрывисто произнесла рядовая и протянула руку к пульту. Ее голос и движения выдавали тревогу. — Нам объявили сбор.

— Пожалуйста, я вас пропущу. У меня приоритетный код, — предложил Дэймон, чтобы избавиться от военных, и подумал, что эта тревога наверняка вызовет беспокойство станционеров на других ярусах.

— Действуйте.

Он достал из кармана карточку, вставил в паз и набрал свой приоритетный код. Зажглись красные лампочки. Как только прибыла кабина, подошли остальные солдаты, оттолкнули Дэймона и Джоша и гурьбой ввалились в лифт. Кабина с едва слышным скрежетом помчалась в док, не задерживаясь на промежуточных ярусах. В коридоре не осталось ни одного солдата. Дэймон глянул в бледное, неподвижное лицо Джоша и пожал плечами.

— Дождемся следующей кабины. — Он спокойно набрал код девятого яруса синей.

— Элен? — спросил Джош.

— Поехали вместе, — предложил Дэймон. — Если опять возникнут беспорядки, то наверняка главное будет происходить в доке. Я хочу туда спуститься.

Кабина где-то застряла. Подождав несколько минут, он снова вставил в паз карточку — приоритет второй степени. Вспыхнули красные огоньки, подтверждая, что кабина на приоритетном вызове, и тотчас замигали — значит, свободных кабин нет. Дэймон ударил кулаком по стене и вновь бросил взгляд на Джоша. Идти далеко, проще дождаться, пока освободится кабина. Он подошел к ближайшему кому и нажал кнопку аварийной связи.

— Джош, подойдет лифт — задержи. Комцентр, это Дэймон Константин, экстренный вызов. Что происходит?

Ответ пришел не сразу.

— Мистер Константин, это общественный канал.

— Только не сейчас. Комцентр, в чем дело?

— Тревога. Прошу вас занять аварийный пост.

— Что происходит?

Ком отключился. Размеренно загудела сирена, запульсировали над головами красные огни, из офисов высыпали чиновники. Они переглядывались — надеялись, видимо, что тревога учебная или ложная. Среди них, вдалеке, мелькала и секретарша Дэймона.

— Возвращайтесь в кабинеты! — закричал Дэй-

мон. — Запирайте двери.

Люди вернулись в офисы. Возле плеча Джоша все еще мигала красная лампочка — ни одна кабина пока не освободилась. Должно быть, их все остановили внизу, в доках.

— Пошли, — позвал Дэймон и зашагал по коридору. Джош растерянно посмотрел на него и не сдвинулся с места. Тогда Дэймон вернулся и схватил его за руку. — Пошли.

Не все станционеры покинули коридор, и вряд ли можно было их за это осуждать. На Пелле не только Константины тревожились за своих близких — взрослых в больницах, детей в яслях и школах. Дэймон громко приказал разойтись по рабочим местам. Некоторые, не обратив на него внимания, побежали к доку.

— Стоять! — крикнул им сотрудник станционной полиции. Это не подействовало, и он положил ладонь на рукоять пистолета.

— Оставьте их в покое, — рявкнул Дэймон. — Пусть бегут.

— Сэр! — Выражение недоумения и страха на мгновение покинуло лицо полицейского. — Сэр, ком молчит!

— Не хватайтесь за пистолет без необходимости. Вы что, у солдат этому научились? Не

покидайте поста, успокаивайте людей, помогайте им по мере сил. Ничего страшного, наверное, это ученья. Успокойтесь.

— Есть, сэр.

Дэймон повел Джоша дальше, к аварийной лестнице, преодолевая желание пуститься бегом. Бегущий Константин — сигнал опасности, это непременно вызовет панику.

Как будто он сам далек от паники!

— Не успеем, — проговорил Джош, с трудом переводя дыхание. — Пока поднимутся по тревоге, корабли уже будут здесь, и если Мациана накроют в доках…

— Станцию охраняет милиция и два рейдероносца. — В следующее мгновение Дэймон вспомнил, кто такой Джош, и у него перехватило дыхание. Он устремил на спутника испуганный взгляд и увидел такое же встревоженное, как, наверное, у него самого, лицо. — Посмотрим.

От аварийной лестницы доносились крики, зазвучавшие громче, когда Дэймон отворил дверь. Вниз по лестнице бежали люди с других ярусов.

— Постойте! — воскликнул Дэймон. Ближайшие к нему люди задержались, кое-кто даже повернулся, но таких было мало, остальные спешили, не обращая на него внимания. Шум

нарастал. Все лифты заклинило, с каждого яруса человеческие потоки низвергались на спиральную лестницу.

— Успокойтесь! — кричал Дэймон, хватая за плечи пробегающих мимо. Но движение потока все ускорялось, мужчины, женщины и дети застревали в проходе. Уйти с лестницы было уже невозможно — в дверях образовались пробки.

— В доки! — вопль растекался, как пламя пожара. Над головами полыхали красные лампы. С того дня, как пришли солдаты, Пелл ждал вражеской атаки и эвакуации.

Всей своей чудовищной массой толпа давила вниз, и ничто не могло ее остановить.

2. «НОРВЕГИЯ»: 11:05

ЦФХ/РЫЦАРЬ/189-89-89/
ЛЕГКОЛЕГКОЛЕГКО/
СКОРПИОНДВЕНАДЦАТЬ/
НОЛЬНОЛЬНОЛЬ/КОНЕЦ

Сигни набрала код подтверждения приема, повернулась к Граффу и энергично махнула рукой.

— Врубай! — облек Графф ее команду в словесную форму, и по всему кораблю зазвучал старт-сигнал. От рубки управления к доку побе-

жали огоньки лампочек. Десантники бросили недоразобранные «пуповины».

— Не успеем их забрать, — сказала Сигни Ди Янцу, истязавшему ком. Оставлять часть людей на станции — сама мысль об этом была нестерпима.

— Ничего с ними не случится.

— Пуповины пусты! — крикнул Графф в микрофон кома. Только что «Европа» передала циркулярный сигнал «срочный старт» и ушла, бросив свою пехоту. Ушел и «Тихий океан». К станции следом за лучевым импульсом с «Тибета» несся его рейдер, повторяя предупреждение на всех волнах. Происходившее на окраине системы Пелла было столь же привычным, как досветовая связь, которой воспользовался «Тибет». Более часа назад в территориальном пространстве Пелла появились корабли. Вот только — чьи?

Мигание лампочек на главном пульте «Норвегии» превратилось в зеленую рябь. Сигни сняла зажим, и рейдероносец вышел из дока. Солдаты, успевшие вернуться на борт, все еще пристегивались ремнями безопасности. Несколько мгновений, пока раскручивался ее цилиндр, «Норвегия» двигалась при нулевой гравитации, под мягкими толчками направляющих и вывод-

ных дюз. Затем — рывок, в такой близости от корпуса «Австралии», что по всему Пеллу, вероятно, зазвучала тревога. Быстро набрав ускорение, «Норвегия» привела внутренние оболочки (они тоже вращались, снижая стрессовые нагрузки) цилиндра в режим боевого синхронизма. Как только тело Сигни обрело привычный вес, снова включился фиксатор.

Под нижней плоскостью гроздью висели купцы. Впереди летели «Европа» и «Тихий океан», позади, на порядочном расстоянии, — «Австралия». В любую секунду могла стартовать «Атлантика». Кео, капитан «Индии», спешил по станционным коридорам на свой корабль; Порей находился на планете. Вероятно, его рейдероносец выйдет под командованием первого помощника, а сам Порей вылетит с Нижней на челноке. В любом случае «Африка» будет идти в арьергарде.

Надвигалось неизбежное. «Тибет» подстраховался, выпустив рейдер через несколько минут после отправления сигнала. Теперь доносились новые сообщения, к едва различимому голосу «Тибета» добавились голоса «Северного полюса» и купцов милиции, почти беззащитных против дредноутов Унии. «Тибет» уже дал бой в депо, надеясь приостановить флот вторжения; «Северный

полюс» шел к нему на подмогу. Ближнерейсовики милиции — улитки по сравнению с вражескими кораблями — торопились следом. Они задержат униатов, если им хватит мужества. Если…

— Рейдер! Повернул! — прозвучал в ухе у Сигни голос оператора скана. На экране появился рейдер — несколько минут назад он принял их опознавательный код и сразу изменил курс. Комп дальнего скана нарисовал пунктирную дугу остальных кораблей… От красной линии отставали желтые искорки — следы; они постепенно меркли, меняя цвет на голубой; собственно, они были нужны лишь затем, чтобы показать: строй чужих рейдероносцев движется навстречу ядру мациановской эскадры. «Норвегия» спускалась к нему по исходной плоскости, в то время как рейдер был вынужден идти в надир.

Они стремительно сближались по прямой. Приказав техам у экранов компа и скана следить за всей сферой, Сигни сидела, кусая губы от злости на Мациана, который вел свои корабли параллельным курсом. «Хватит, капитан, — мысленно произнесла она, ощущая дыхание беды. — Хватит с нас Викинга. Разреши нам действовать по-своему».

ЦФХ/РЫЦАРЬ/189-9090-б87/СФИНКС/
ДЕВЯТЬДЕВЯТЬДЕВЯТЬ/
СФИНКС/ДВАДВАДВА/ТРИПЛЕТ/
ДУПЛЕТ/КВАРТЕТ/ОСА/КОНЕЦ.

Новые приказы. Кораблям, задержавшимся в станционных доках, даны другие векторы. «Тихий океан», «Атлантика» и «Австралия» идут прежним курсом, медленно разворачиваясь веером для защиты системы.

3. ПЕЛЛ: ОФИС УПРАВЛЯЮЩЕГО СТАНЦИЕЙ

ТОРГОВЕЦ МОЛОТ/ ВСЕМ КЗК В ЗОНЕ СЛЫШИМОСТИ/СОС СОС СОС/ ИДУТ
РЕЙДЕРОНОСЦЫ
УНИИ/ ВИЖУ ДВЕНАДЦАТЬ ЛИНКОРОВ/ РАЗГОНЯЮТСЯ ДЛЯ ПРЫЖКА/
СОС СОС СОС…
ЛЕБЯЖЬЕ ПЕРО/ ВСЕМ БОРТАМ/ БЕГИТЕБЕГИТЕБЕГИТЕ…
КЗК
ТИБЕТ/ ВСЕМ БОРТАМ/ ПЕРЕДАЙТЕ…

Сигнал тревоги устарел более чем на час, пока добирался до станции через бортовые комы. Он разбегался по всей системе Пелла, словно эхо

истошного вопля по сумасшедшему дому. От корабля к кораблю… Облокотившись на консоль компа, Анджело обратился к доку, куда все еще стекались по аварийному вызову ремонтники. Флотские спешно эвакуировались, их корабли отчаливали друг за другом, не соблюдая необходимых перерывов. В центральной — полная неразбериха и ожидание спада гравитации (компенсаторы могли не выдержать столь сильной нагрузки). Неустойчивость казалась осязаемой. Ком гудел непрерывно и на разные голоса: на окраине системы Пелла началось сражение, оттуда, заторможенные световым барьером, приходили все новые вести.

Большинство десантников успели вернуться на корабли, но хватало и тех, кого оставили на станции. По военным каналам связи летали разгневанные голоса, носилось эхо неразборчивых приказов. «Почему они взяли десантников? — недоумевал Анджело. — И почему не всех? Если нас захватят… Вот оно что: Мациан рассчитывает вернуться… Эмилио», — рассеянно подумал он. На экране, который занимал всю левую стену и схематически изображал Нижнюю, замерцало пятнышко — по-видимому, челнок Порея. Запросить у него опознавательный код Анджело не

посмел — строжайшим приказом Мациан закрыл эфир для станции. «Соблюдать строй», — передавал транспортный контроль купцам на орбите; больше — ни слова. Из доков по кому обильно поступали жалобы, требования и вопросы торговцев; операторы едва успевали им отвечать, умоляя сохранять спокойствие.

Унию вынудили напасть на Пелл. «Мы этого ожидали», — утверждал Мациан в одном из немногочисленных сообщений, адресованных Анджело. Несколько дней капитаны не удалялись от кораблей, а десантники ютились на борту — вовсе не из вежливости к станционерам и не потому, что администрация просила Мациана убрать их из коридоров. Вопреки всем своим обещаниям Флот готовился к эвакуации.

Анджело потянулся к кнопке кома, чтобы поговорить с Алисией — вероятно, она следила за событиями.

— Сэр, — зазвучал из кома голос Миллса, секретаря Анджело, — полиция просит вас связаться с комцентром. Внизу, в зеленой, проблема.

— Что еще за проблема?

— Толпы, сэр.

Анджело оттолкнулся от стола и схватил пиджак.

— Сэр…

Он обернулся. Кто-то вошел из коридора в приемную, не спросив разрешения. Раздался протестующий голос Миллса; чуть позже в кабинете Анджело появился Джон Лукас и его телохранитель.

— Извините, сэр, — пролепетал Миллс из дверей, — но господин Лукас настаивает… Я сказал, что вы…

Анджело сдвинул брови, сердясь и вместе с тем надеясь на помощь. Джон поможет, если это совпадет с его личными интересами.

— Я хочу попросить тебя… — Анджело не договорил. Рука телохранителя нырнула под полу куртки, и через мгновение блеснула сталь. «Миллс проглядел!» Телохранитель пырнул Миллса ножом и бросился на Анджело; тот с криком отшатнулся. Хэйл! Только сейчас Анджело узнал его.

Обливаясь кровью, Миллс с воплем упал в дверной проем. В приемной тоже закричали. Сильный, парализующий удар… Рука Хэйла отстранилась; Анджело потянулся за ней и задел рукоять оружия, пронзившего его грудь. Ничего не понимая, он посмотрел в перекошенное ненавистью лицо Джона. В дверях толпились люди из

«Лукас Компани».

Изо рта Анджело хлынула кровь, и только после этого в груди всколыхнулась боль.

4. "К"

— Василий, — произнес ком. — Василий, вы слышите меня?

Крессич неподвижно, будто в трансе, сидел за своим столом. Наконец один из людей, не сводивших с Крессича настороженных глаз, не вытерпел и протянул руку к клавиатуре.

— Я слышу. — Василий судорожно сглотнул и поднял взгляд на Коледи — это он нажал клавишу передачи. В ушах у Крессича стоял шум доков — там поднялась паника, люди грозили мятежом.

— Стерегите его, — велел Коледи Джеймсу и еще четверым. — Глаз не спускайте.

Коледи вышел. Остальные ждали, сутулясь над пультом (кто-нибудь из карантинной полиции всегда находился возле кома). Они собрались здесь, как только поднялся переполох. Шум нарастал. Толпа приближалась, сотрясая стены глухим звериным воем.

Крессич спрятал лицо в ладонях и надолго застыл. Он не хотел ничего знать.

— Ворота! — раздался снаружи отчетливый

крик. — Ворота открыты!

5. ЗЕЛЕНАЯ СЕКЦИЯ, ДЕВЯТЫЙ ЯРУС

Спотыкаясь, задыхаясь и расталкивая людей, они бежали по коридору, превратившемуся в море человеческой плоти. Сигнальные лампочки окрашивали море в алое; многоголосый панический вопль не прерывался ни на миг, почти заглушая сирену. Перепады гравитации вызывали приступы тошноты. Станционные компенсаторы силились восстановить равновесие.

— Это доки! — выдохнул Дэймон, оттолкнув станционера, который врезался в него на бегу. Джош проталкивался за ним следом к проходу на девятый. — Мациан бежит. — Больше Дэймон не понимал ничего.

Несколько человек оглушительно завизжали, и толпа отпрянула от двери, а затем и вовсе хлынула вспять. Дэймона и Джоша сдавило со всех сторон.

— Дэймон! — закричал Джош за спиной у Дэймона. Их растаскивало в разные стороны, и это было хуже всего. Гремели выстрелы и, толпа, содрогаясь, будто огромный избиваемый зверь, отвечала на залпы пронзительными многоголосыми воплями. Чудовищные тиски сдавили

Дэймона, стремясь сокрушить ребра; чтобы не упасть и не задохнуться, он выставил руки перед собой. Внезапно тиски разжались, живая река отхлынула назад, ища спасения; Дэймон сопротивлялся, пытался двигаться в другом направлении. Чья-то рука — Джоша! — сомкнулась на запястье. Изо всех сил держась друг за друга, они стояли под напором человеческих тел.

Снова залп. Упал один, за ним другой. Десантники открыли огонь на поражение.

— Не стреляйте! — закричал Дэймон, не видя солдат за стеной живых людей, рассыпающейся, как под ударами тарана. — Не стреляйте!

Кто-то обхватил его сзади и потащил прочь. Он дернулся от боли, слегка задетый выстрелом, и едва не упал; в следующее мгновение бросился назад, увлекаемый Джошем. Мужчина, бежавший перед Дэймоном на расстоянии вытянутой руки, с воплем повалился ему под ноги — выстрел превратил его спину в кровавое месиво.

— Сюда! — крикнул Джош, толкая Дэймона влево, в боковой коридор, куда влилась часть живого потока. Дэймон не сопротивлялся — этот путь был не лучше и не хуже любого другого, он позволял выбраться в доки и по лабиринту боковых коридоров вернуться на девятый ярус.

Они миновали три перекрестка, встречая на каждом толпы обезумевших людей, шатаясь и натыкаясь на стены — снова закапризничала сила тяжести. Затем впереди, в коридорах, раздались крики.

— Берегись! — Джош схватил Дэймона за предплечье.

Хватая ртом воздух, Дэймон побежал по внутреннему коридору яруса к закругляющейся кверху межсекционной перегородке. К глухой стене…

Нет, не к глухой. Там был проход для низовиков. Джош закричал, пытаясь остановить Дэймона, когда увидел тупик.

— Вперед! — рявкнул Дэймон и, ухватив Джоша за рукав, повлек за собой к высоченной стене с фресками и массивной дверью в правом углу.

Дэймон прислонился к двери, кое-как выскреб из кармана карточку и непослушными пальцами вставил в паз. Дверь открылась, из шлюза повеяло спертым воздухом, и Дэймон потащил Джоша в непроницаемую тьму, в леденящий холод.

Дверь закрылась намертво, началась смена воздуха, и Джош испуганно зашарил руками вокруг. Дэймон потянулся к стеллажу с масками, одну сунул спутнику, другую неловко натянул

сам и жадно втянул воздух сквозь фильтр.

— Что теперь? — раздался в темноте искаженный маской голос Джоша. — Куда пойдем?

На стеллаже стоял фонарь. Дэймон схватил его, щелкнул выключателем, отпер внутреннюю дверь. Створки раздвинулись с негромким лязгом; его эхо укатилось вдаль. Луч фонаря осветил подвесные дорожки. Дэймон и Джош стояли на площадке лестницы. Внизу ее ступеньки исчезали в круглом черном отверстии туннеля.

Головокружительное падение гравитации заставило Дэймона схватиться за перила.

«Элен… — подумал он. — Что с ней?»

Она могла попасть в беду. Ей надо было спрятаться, запереть двери офисов, — видимо, она так и сделала, не могла иначе, а он не сумел пробраться к ней, ему пришлось идти за помощью, добираться до места, откуда можно было связаться с полицией и приказать, чтобы выставили заслоны.

Сейчас — наверх. К последним ярусам. За перегородкой — белая секция. Дэймон попытался найти клавиатуру замка, шаря лучом по стене, — безуспешно. Люди перебирались из секции в секцию только через доки и первые ярусы; низовики пользовались более сложной системой

коридоров и шлюзов… С ней Дэймон был почти не знаком.

«Во что бы то ни стало добраться до центральной, — сказал он себе, — до верхнего коридора. До кома. Системы разлажены, сила тяжести скачет… Флот ушел, купцы, наверное, тоже, разбалансировали гравитацию… Контрольный центр бездействует. Произошло что-то чудовищное».

Он повернулся, шатаясь под гравитационными приливами и отливами, ухватился за перила и двинулся вверх по лестнице. Джош последовал за ним.

6. ЗЕЛЕНЫЙ ДОК

Центральная не отвечала, наручный ком лишь потрескивал статикой и мигал лампочкой приема. Элен выключила его и бросила затравленный взгляд назад, на шеренгу десантников, удерживавших вход на девятый ярус зеленой.

— Курьер!

На ее зов приблизился юноша. К этому анахронизму — рассылке курьеров — ее вынудило упорное молчание кома.

— Обеги все корабли на ободе, пусть передадут по своим комам: всем оставаться на местах. И еще скажи… Ну, ты сам знаешь, что сказать. В

Глубоком ничего хорошего их не ждет, и если они оторвутся, будет только хуже. Ступай.

Скан, вероятно, не действует. Ком, надо полагать, заставили умолкнуть флотские. Но ведь «Индия» и «Африка» ушли, оставив своих солдат защищать док, — почему же не проходит сигнал? Одному Богу ведомо, о чем переговариваются купцы и какие приказы получают десантники по своим комам. Неизвестно, кто ими командует — офицер высокого ранга или сбитый с толку, перепуганный унтер. В сквозных коридорах зеленого и синего доков целая армия, брошенная на произвол судьбы, стоит с оружием наизготовку. А может, это и есть вторжение врага? Десантники стреляли, чтобы обратить толпу в бегство. Убивали. До сих пор слышна беспорядочная пальба. Шестеро из двенадцати подчиненных Элен пропали… А ком все молчит. Остальные шестеро пытаются отправить докеров на расчистку захламленных «пуповин» — если наружные люки разгерметизированы, это кончится катастрофой. Правила безопасности требовали предварительно изолировать секцию — но в синей, в контрольном центре, ни одна система не действовала. То и дело шалила гравитация, и автокомпенсатор снова и снова перекачивал

жидкость в свободные резервуары со всей быстротой, какую только допускало сечение труб. Станция была оснащена аппаратурой, меняющей ее положение в пространстве, — вероятно, кто-то намеренно привел ее в действие. В просторных помещениях, особенно в доках, даже пустяковые колебания гравитации всегда вызывали панику.

— Госпожа Квин!

Она обернулась. Курьер не прошел — должно быть, его остановил какой-то болван в шеренге. Элен поспешила навстречу юноше. Внезапно солдаты повернулись кругом, к ней лицами, и подняли оружие.

За ее спиной раздался чудовищный рев. Она оглянулась — вдоль закругленной внутренней стены дока на нее несся живой поток. Мятежники!

— Ворота! — закричала она в микрофон бесполезного наручного кома. — Задрайте ворота!

Солдаты зашевелились; Элен находилась между ними и целью. Она бросилась к противоположной стене дока, к рядам кранов и автопогрузчиков. В груди гулко ухало сердце. Элен оглянулась на солдат — они наступали, уплотняя строй на ходу, и вскоре миновали ее; кое-кто укрылся среди погрузо-разгрузочной

техники. Ломая ноготь о кнопку кома, Элен снова и снова взывала к своему офису:

— Закройте ворота! Остановите их!

Но толпа прорвалась в зеленую, а в синий док из оранжевого вбегали все новые и новые мятежники. Рев нарастал. Вал катился на солдат, и, разглядев некоторые лица, увидев в руках примитивное оружие — дубинки и трубы, — Элен вдруг осознала: толпу гонит вперед не ужас, а ненависть.

Десантники дали залп, в первых рядах мятежников раздались крики, рухнули убитые и раненые. Словно зачарованная, стояла Элен менее чем в двадцати метрах от шеренги и смотрела, как толпа ломится вперед, топча упавших.

"К" на свободе. Их не счесть. Бегут, размахивая оружием; рев, накатив, распадается на пронзительные вопли.

Она повернулась и побежала, едва не падая — сила тяжести вновь напомнила о себе. Впереди неслись ее докеры, а еще — низовики, спешащие укрыться от человеческой беды. Шум за спиной нарастал.

Она побежала быстрее, поддерживая живот, чтобы защитить ребенка. Толпа могла опрокинуть солдат, попросту задавить массой…

Захватить оружие. Элен оглянулась — из сквозного коридора зеленой исторгался человеческий поток и тотчас рассыпался вдребезги, на сотни одиночек, которые проскакивали мимо солдат. Лица бегущих были искажены маниакальной яростью и страхом. Хватая ртом воздух, Элен тяжело бежала дальше и едва не падала при резких колебаниях гравитации. В нижней части живота возникла острая боль. Некоторые "К" уже обогнали Элен, с каждой секундой таких становилось все больше, а до ворот белой она добралась в неодолимом живом потоке, который проламывал заслоны на перекрестках и вбирал в себя все новых людей. Тысячи и тысячи их неслись к внешней стене дока, к купеческим кораблям.

Вокруг Элен бурлила уже не река, а море — ревущее, кровавое, зловонное… Люди орали, дрались, размахивали оружием. Кто-то очень сильно толкнул Элен в спину; она упала на колено, а толкнувший даже не остановился. Еще удар… Рука повисла плетью. Кое-как Элен поднялась и стала пробираться к лебедкам, опорным стойкам и тросам — в укрытие.

С купеческих «пуповин» над головами ударили выстрелы.

— Квин! — воскликнул кто-то. Изо всех сил

старяясь не упасть в людском приливе, Элен озиралась, но не могла найти кричавшего.

— Квин! — Ее схватили за руку и потащили. Пуля просвистела над самой головой. Еще двое подхватили Элен с обеих сторон и повели сквозь толпу. На затылок обрушился удар, в глазах потемнело, но она бросилась всем телом на живую стену и с помощью троих незнакомцев прорвалась к путанице тросов и стрел. Кто-то истошно орал, кто-то палил, кто-то протягивал к Элен руки, и она отбивалась, принимая этих людей за мятежников… пока не обнаружила, что они отгородили ее своими телами от толпы.

— Расступитесь! — закричали неподалеку. — Расступитесь! Идут!

Люди, окружавшие Элен, смахивали на купцов. Они повели ее по трапу к открытому люку, к холодной ребристой трубе, изливавшей желтоватый свет. К «пуповине».

— Мне нельзя на борт! — хотела выкрикнуть она, но не хватило воздуха в легких, да и некуда было отступать, разве что в толпу. Она направилась к шлюзу, а несколько торговцев отстали, чтобы отрезать путь мятежникам, лезущим вверх по трапу. Последние запыхавшиеся купцы еще не успели проскочить в шлюз, когда включили

механизм замка.

Металлические створки с лязгом сдвинулись, чудом не отхватив никому конечности. Элен вздрогнула.

Через внутренний люк они прошли в коридор, к лифту. Двое рослых мужчин вытолкали остальных из коридора и помогли Элен устоять на ногах; тем временем ком исторгал громкие команды. У Элен болел живот, ныли бедра; прислонившись к стене, она отдыхала, пока один из спутников — великан с сильными и добрыми руками — не коснулся ее плеча.

— Ничего, — сказала она, — все нормально.

Понемногу Элен успокаивалась. Она откинула со лба волосы и посмотрела на торговцев. Это они помогли ей прорваться сквозь толпу, отбросив мятежников с дороги. Знакомая нашивка: черная, без эмблемы, с одной лишь надписью: «Край Вселенной». Корабль, потерявший на станции юношу из своего экипажа. Сегодня утром Элен разговаривала с членами этой семьи. Вероятно, они возвращались на борт… и вклинились в толпу ради нее.

— Спасибо, — выдохнула она. — Прошу вас… мне надо поговорить с капитаном. Как можно скорее.

Никто не возражал. Великан по имени Том (Элен наконец вспомнила, как его зовут) полуобнял ее за плечи и помог идти. Его родственник открыл дверь лифта и нажал кнопку на стене кабины. В центральном коридоре за штабелями товаров не было видно стен. В самом конце коридора, за кают-компанией, находилась дверь в рубку, туда-то и повели купцы Элен, которой уже порядком полегчало. Больше она не нуждалась в поддержке и шла сама мимо тюков, агрегатов и высыпавших из кают-компании членов экипажа. Нейхарты — вспомнила она фамилию этой семьи. Прежде они базировались на Викинге. В рубке оказались все старейшины и кое-кто из молодежи… Детей, должно быть, спрятали в корме, подальше от шлюза. Она узнала Веса Нейхарта, капитана семьи — седовласого старца с печальным морщинистым лицом.

— Квин, — произнес он.

— Сэр, — она пожала ему руку, но в предложенное кресло не села, а лишь оперлась на спинку. — "К" на свободе. Ком вышел из строя. Я вас очень прошу, свяжитесь с другими кораблями, передайте… неизвестно, что произошло в центральной, но Пеллу угрожает огромная опасность.

— Пассажиров не возьмем, — сказал Нейхарт. — Даже не просите. Мы уже видели, чем это кончается.

— Послушайте, Уния — на подступах. Вы — защитная оболочка станции. Надо остаться. Вы меня пустите к кому?

Она просила ради Пелла, просила не только этого капитана, но и всех остальных Нейхартов. Но разговор происходил на их корабле, а не в офисе Пелла. Без станции Элен была никем.

— Что ж, — уступил вдруг Нейхарт, махнув рукой в сторону пульта. — Ком к вашим услугам.

Она благодарно кивнула, подошла к машине и опустилась на подушку; низ живота свело судорогой, и Элен прижала ладонь, молясь, чтобы ребенок оказался цел и невредим. Рука еще не отошла от удара, спина тоже ныла от ушиба, а перед глазами все расплывалось. Ощупью она нашла головной телефон и, моргая, сфокусировала зрение на пульте, стараясь точно так же сосредоточить и сознание. Нажатием на несколько клавиш она включила общий купеческий канал.

— Внимание. Всем бортам. Записать и передать. Говорит офицер связи доковой администрации Пелла Элен Квин. Нахожусь в белом доке, на борту корабля Нейхартов «Край Вселенной». Прошу

всех причаленных купцов задраить люки и не пропускать, повторяю, не пропускать к себе станционеров. Пелл не эвакуируется. Если сможете, сообщите об этом в доках через свои динамики. Станционный ком не действует. Всем кораблям в доках, способным без вреда для себя отключиться от систем Пелла, предлагаю это сделать; но не отчаливать. Кораблям в оцеплении не покидать строя; на станции будет восстановлен порядок. Повторяю, Пелл не эвакуируется. В системе звезды ведутся военные действия, и эвакуация ни к чему хорошему не приведет. Прошу передать нижеследующее по всем каналам внешнего вещания. Внимание. Как исполняющий обязанности начальника доковой службы, призываю станционные силы правопорядка сделать все от них зависящее для восстановления нормальной обстановки на тех участках, где они находятся. Оставайтесь на своих местах, не пытайтесь пробиться в центральную. Граждане Пелла, вам следует опасаться мятежников. Постройте баррикады на всех проходах девятого и на границах секций, постарайтесь защитить себя и остановить продвижение толпы. Если вы разбежитесь, то тем самым откроете путь погромщикам из карантина и подвергнете опасности собственную

жизнь. Вы спасете Пелл, если сумеете удержать отдельные его участки. Станционный ком выведен из строя в результате вмешательства военных, а система гравитации разбалансирована из-за несанкционированной расстыковки боевых кораблей. В самое ближайшее время гравитационная стабильность будет восстановлена. Обращаюсь ко всем, кто остался в карантинной зоне. Вам, как и гражданам Пелла, необходимо приложить все усилия для сооружения баррикад и организации обороны. В этой кризисной ситуации Пелл рассчитывает на ваше содействие; обещаю, что впоследствии оно самым благотворным образом скажется на решении ваших проблем. Пожалуйста, оставайтесь на местах, защищайте свои участки и помните, что от безопасности станции зависит и ваша безопасность. Всем торговцам. Прошу вас о помощи. Если вы располагаете важной информацией, передайте ее на борт «Края Вселенной». До окончательной ликвидации кризиса этот корабль будет служить штаб-квартирой доковой администрации. Прошу поддерживать межбортовую связь и в нужных случаях пользоваться внешним вещанием. Перехожу на прием.

Заполыхали лампочки вызовов. Сообщения,

вопросы, грубые требования, угрозы. Рядом с Элен лихорадочно готовился к отлету экипаж «Края Вселенной».

"В любой момент, — страстно надеялась она, — в любой момент может заработать ком, зазвучать спокойный и трезвый голос контрольного центра, выйти на связь командование Флота. Возможно, в центре управления — Дэймон… Лишь бы не в толпе обезумевших "К". Полдень первой смены, обеденный перерыв, большинство населения Пелла — в коридорах, барах и магазинах… Нет, чтоб все это случилось раньше или позже…"

В синем доке — аварийный пост Дэймона. Наверное, он пытался туда добраться. Несомненно.

Элен хорошо знала своего мужа. На ее глаза набежали слезы, она стиснула подлокотник кресла, усилием воли стараясь погасить боль в животе.

— Только что закрыли проход в белую, — пришло донесение с «Ситы», стоявшей ближе всех к межсекционным воротам. Затем, словно эхо, эту же фразу повторили другие корабли. Пелл изолировал секции — важный признак того, что он еще способен бороться за жизнь.

— Смотрите, скан кого-то поймал! — воскликнул за спиной Элен один из Нейхартов. — Должно быть, это купец не из оцепления. Хотя кто его

знает.

Элен вытерла слезы и попыталась сосредоточиться на многочисленных связующих нитях, которые она держала в руках.

— Оставайтесь на местах, — повторила она. — Если мы разорвем «пуповины», в доках останутся тысячи трупов. Задраивайтесь вручную. Не отрывайтесь!

— Нужно время, — буркнул кто-то. — Может не хватить.

— Ну, так начинайте, — велела Элен.

7. ПЕЛЛ: СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС; КОНТРОЛЬНЫЙ ЦЕНТР

Число красных огоньков, усыпавших все пульты, уменьшалось. Джон Лукас переходил от поста к посту, пожимая руки техам, посматривая на скан и экраны вида — из них действовали немногие, поскольку большинство камер в секциях было уничтожено. За окнами, в комцентре, стояли на страже Хэйл и Дэниельс, а в контрольном, возле Джона, находились Ли Квэйл и остальные охранники из «Лукас Компани». И ни одного станционного полицейского.

Техи и начальники служб работали сосредоточенно и слаженно, как и полагалось в

чрезвычайной ситуации, и не задавали Джону лишних вопросов. Ибо они боялись — не только мятежников, но и оружия в руках людей из «Лукас Компани». Бездействие кома слишком затянулось, и все наверняка догадывались, почему молчит Анджело Константин. Не потому, что он или его помощники не способны пробраться в центр управления.

Пряча от Джона глаза, тех вручил ему листок и поспешил к своему креслу. Главная база на Нижней снова требовала объяснений. «Ничего, подождут, — решил Джон. — Самое важное мы сделали — заняли контрольный центр и офисы. А с Нижней разберемся позже. Не будем отвечать — пускай Эмилио считает, что станционный комцентр умолк из-за военных».

На экранах скана царила зловещая неподвижность. Купцы висели вдоль обода. Выжидали. Джон снова прошелся по периметру зала и поднял глаза, когда отворилась дверь. Руки ошеломленных техов застыли над клавишами. В проеме стояла группа вооруженных штатских. Джессад, двое парней Хэйла и окровавленный полицейский.

— Все чисто, — сообщил Джессад.

— Сэр, — начальник контрольного центра

встал из-за своего пульта. — Депутат Лукас, что происходит?

— Усадите его! — рявкнул Джессад. Начальник контрольного центра ухватился за спинку кресла и со слабеющей надеждой посмотрел на Джона.

— Анджело Константин мертв, — заявил Джон, скользя взглядом по испуганным лицам. — Погиб от рук мятежников вместе со всем своим аппаратом. Офисы разгромлены террористами. За работу! Мы еще не до конца выяснили обстановку.

Головы опустились, спины согнулись — техам явно хотелось превратиться в невидимок, спрятать голову по-страусиному — только не в песок, а в работу. Все молчали. При виде беспрекословного подчинения технического персонала Джон повеселел. Он снова прошелся вдоль стены и остановился посреди зала.

— Выполняйте свои обязанности и слушайтесь меня, — громко произнес он. — Сотрудники «Лукас Компани» гарантируют надежную охрану этой секции. То, что вы видите на экранах, происходит почти везде. Мы намерены починить ком, но только для циркуляров из комцентра, санкционированных мною лично. На станции сейчас нет никаких органов власти, кроме «Лукас

Компани». Во избежание новых повреждений станционного имущества я расстреляю любого, кого сочту нужным расстрелять. У меня есть люди, которые сделают это без рассуждений. Всем ясно?

Никто даже головы не повернул.

"Перемирие, — подумал Джон. — Пока не починены системы и не изгнаны из доков разбушевавшиеся "К".

Он перевел дух и посмотрел на Джессад а. Тот ободряюще кивнул. По глазам униата было видно, что он удовлетворен.

Впереди и позади расстилалась паутина лестниц, над головами тянулось хитросплетение труб. Луч фонаря метался во все стороны. Холод пробирал до костей.

Придерживаясь за перила, Дэймон опустился на металлический настил. Джош, шумно дыша сквозь фильтры, сел рядом. В голове у Дэймона пульсировала кровь, легкие саднило из-за нехватки воздуха. Надо было считать повороты лабиринта. Запоминать. Думать. Дэймон старался изо всех сил, но ничего не получалось.

— Мы заблудились? — спросил Джош между двумя хриплыми вдохами.

Отрицательно покачав головой, Дэймон посве-

тил вверх, куда им предстояло идти. Безумная затея… Но они все еще живы и не потеряли друг друга.

— Следующий ярус, — сказал Дэймон, — наверное, второй. Мы выйдем… Посмотрим, что там творится.

Джош кивнул. Гравитация угомонилась, но в лабиринт все еще проникал шум. Далекие вопли. Непонятно откуда. Один раз прозвучал глухой удар — вероятно, сдвинулись створки больших ворот. Это вселяло надежду.

Дэймон встал, дотянулся до перил и двинулся вверх по лестнице. Последние ступеньки. Он смертельно боялся за Элен, за все, от чего оторвался, укрывшись в эксплуатационной зоне. Плевать на усталость. И на опасность. Надо выбраться. Как можно скорее.

Оглушительный треск пронесся по туннелям и вернулся эхом.

— Ком, — с облегчением проговорил Дэймон. Аппаратура действует. Мятеж подавлен. Порядок скоро будет восстановлен.

— Внимание. Внимание. Слушайте все. Гравитация нормализуется. Просим граждан оставаться на местах и ни в коем случае не приближаться к границам секций. От Флота по-прежнему нет

известий. Военных действий в территориальном пространстве Пелла не ожидается. С глубокой скорбью сообщаем о жестоком убийстве мятежниками Анджело Константина и об исчезновении его близких родственников. Если кому-нибудь из них удалось укрыться в безопасном месте, просим как можно быстрее связаться с контрольным центром. Просим о том же всех, кто знает местонахождение кого-либо из родственников Анджело Константина. В настоящее время обязанности управляющего станцией исполняет депутат Джон Лукас. Квалифицированные технические работники, для скорейшей ликвидации последствий кризиса окажите содействие персоналу «Лукас Компани», на который временно возложены функции охраны.

Дэймон опустился на ступеньку, дрожа от холода, не сравнимого с холодом металла, к которому прикасалось его тело. Ледяные пальцы разрывали его изнутри, сдавливали легкие, не пуская в них воздух. Он понял, что плачет. Слезы застилали свет фонаря…

— Слушайте все, — повторял ком. — Гравитация нормализуется…

На плечо легла рука. Голос произнес, перекрывая шум:

— Дэймон?

— «С глубокой скорбью»… — пробормотал Дэймон, содрогаясь. — Господи…

Не сводя с него глаз, Джош забрал фонарь. Дэймон с трудом поднялся и побрел вверх по ступенькам. К выходу.

Джош схватил его за руку, рывком повернул к себе лицом и взмолился:

— Не надо! Не выходи! Убьют!

Убьют? Возможно. Это не имело значения. Ничто уже не имело значения.

Параноидальный ужас. Вот что выражало лицо Джош а.

Дэймон прислонился к перилам. Его разум метался и не находил лазейки из тупика. Элен…

— Мой отец… и мать… были в синей. На первом. На первом синей была наша полиция. Наша станционная полиция…

Джош промолчал. Дэймон пытался сосредоточиться. Все по-прежнему. По-прежнему ужасно. Десантники ушли. Флот улетел. И сразу — убийства. В самом безопасном месте Пелла… Он повернулся и полез наверх. Джош, светивший под ноги, схватил его за руку, чтобы остановить. Дэймон оглянулся.

— Куда? — спросил Джош.

— Я не знаю, кто сейчас управляет. Кажется, что мой дядя. Не знаю.

Он протянул руку. Джош неохотно отдал ему фонарь, и Дэймон побежал по ступенькам. Джош изо всех сил старался не отстать.

Опять — вниз. Вниз — легче. Ноги подкашивались, легкие горели, кружилась голова… Вдруг он поскользнулся, и пятно света, словно обезумевший акробат, запрыгало по металлическим конструкциям. Восстановив равновесие, Дэймон поспешил дальше.

— Дэймон! — протестующе окликнул Джош.

Дэймон не ответил Он бежал, пока перед глазами не расплылась чернота. Усевшись на ступеньку, он несколько раз что было сил втянул воздух сквозь фильтр, чтобы не потерять сознание. Он почувствовал, как Джош опустился рядом и привалился к нему плечом, услышал частое хриплое дыхание.

— Доки, — бормотал Дэймон. — Надо спуститься туда… и добраться до кораблей. Наверное, Элен уже там.

— Нас не пропустят.

Дэймон посмотрел на Джоша, осознавая, что вскоре подвергнет смертельному риску чужую жизнь. Но Джош сам сделал выбор.

Дэймон встал и двинулся вниз по лестнице, слушая, как позади под ногами Джоша скрипят ступеньки.

На кораблях, наверное, задраены все люки. Элен или на борту какого-нибудь купца, или заперлась в офисе, или погибла. А отец… Может, его убили солдаты? Но это безумие! Хотя… Предположим, они не надеются удержать станцию и решили вывести ее из строя…

Но Джон Лукас, если верить кому, наверху. В центральной. Может быть, у военных не все прошло гладко? Может быть, Джон каким-то образом не допустил гибели центральной?

Дэймон сбился со счета ярусов и остановок. Наконец они добрались до дна. Он понял, что это дно, лишь посветив под ноги и не обнаружив больше ступенек, только решетчатый настил, который, расширяясь, вел к двери с тускло мерцающей голубой лампой наверху. Он зашагал вперед по настилу, остановился у двери, нажал кнопку на стене. Створки с шипением раздвинулись. Они оказались в шлюзе, где свет был немного ярче. Дверь закрылась, начался воздухообмен, Дэймон торопливо снял маску и набрал полную грудь прохладного, почти не ядовитого воздуха. В голове громко пульсировала кровь, перед глазами

все плыло. Он кое-как сфокусировал взгляд на потном, землистом лице со следами противогаза и сочувственно произнес:

— Подожди меня здесь. Если там все нормально, я вернусь. А не вернусь — действуй, как сочтешь нужным.

Джош прислонился к стене и опустил потухший взор.

Дэймон подождал, пока успокоятся легкие, протер глаза и нажал кнопку замка. В дверной проем хлынули свет, шум, дым… «Жизнеобеспечение!» — полыхнуло в мозгу, и Дэймон похолодел от страха.

Дверь вела в небольшой коридор. Дэймон сделал по нему несколько шагов и пустился бежать, услышав частый топот за спиной. Он оглянулся. Джош!

— Назад! — крикнул он. — Жди там!

Спорить не было времени. Он несся по коридору к зеленой секции — туда, где, по его представлению, находился девятый ярус. Все указатели исчезли. Впереди — суматоха: люди мечутся по коридорам, кто-то размахивает обрезком трубы, кто-то лежит… Дэймон обогнул лежащего, не задерживаясь. Люди, которых он успевал разглядеть на бегу, не походили на граждан Пелла:

грязные, обросшие… Вдруг он сообразил, кто они, и припустил со всех ног. На ближайшем повороте он свернул, чтобы сократить путь к доку и не попасть в сквозной коридор. Наконец, лавируя среди других бегущих, он достиг конца коридора. Здесь тоже валялись тела и неистовствовали мятежники. Он пробирался мимо мужчин, замечая трубы и ножи, а кое у кого — пистолеты…

Ворота в док были заперты наглухо. Дэймон шарахнулся от мятежника, который замахнулся на него трубой по той лишь причине, что Дэймон оказался у него на пути.

Труба описала полукруг и лязгнула о стену возле Джоша. Секундой позже в стену врезалась голова нападавшего, а затем Джош подобрал с полу его оружие.

— Константин! — завопил кто-то позади.

Дэймон резко обернулся, глянул в мужское лицо, в ствол пистолета, нацеленного ему в грудь… Откуда ни возьмись в воздухе просвистел обрезок трубы, и тотчас толпа нахлынула на оглушенного мятежника, спеша завладеть пистолетом. В панике Дэймон снова повернулся к воротам, сунул карточку в прорезь.

Створки раздвинулись, открыв перед Дэймоном огромный док и другую остервенелую

толпу. Глотнув прохладного воздуха, он бросился вперед, сразу повернул к внутренней стене белой секции и вдоль нее побежал к огромным — в два яруса высотой — герметичным воротам межсекционного шлюза. Сил уже не осталось; он споткнулся, с великим трудом восстановил равновесие и помчался дальше, слыша за спиной крики и надеясь, что это не толпа настигает его, а Джош. Колотье в боку постепенно переросло в дикую непрерывную боль. Миновав несколько разграбленных магазинов с темными провалами выломанных дверей, Дэймон добрался до межсекционной перегородки, остановился возле небольшого служебного люка и трясущимися пальцами вставил карточку в паз.

Люк не открылся — вероятно, подвел контакт на карточке. Дэймон вдавил ее сильнее, потом выдернул и вставил снова.

Безрезультатно. Карточка должна была как минимум включить лампочки на панели, давая возможность набрать код приоритета или высветить сигнал опасности.

— Дэймон! — Джош схватил его за плечо и развернул. К ним со всего дока спешило от тридцати до пятидесяти мятежников; другие оборачивались и смотрели в их сторону. Еще немного, и к

ним ринется вся толпа…

— Они знают, что ты открыл ворота! — крикнул Джош. — Что у тебя пропуск!

Дэймон посмотрел на толпу. Выдернул карточку из паза.

— Нет пропуска! Стерли! Контрольный очистил мою карточку.

— Дэймон!

Он ухватился за руку Джоша и под завывание и топот мятежников бросился в темный проем магазина. Там он молниеносно повернулся и нажал кнопку на косяке. По крайней мере, этот замок сработал.

Толпа врезалась в дверь, замолотила по ней кулаками и железками, прижалась десятками лиц, искаженных страхом и ненавистью. Круглое окошко на двери быстро мутнело от царапин, но держалось — пластик был вдвое толще обычного. Фасады доковых магазинов, баров, гостиниц и складов не имели окон (если не считать узких иллюминаторов), зато были прочны и воздухонепроницаемы.

— Похоже, выдержит, — сказал Джош.

— Мы вряд ли выберемся, — пробормотал Дэймон. — Они не уйдут, пока не доберутся до нас.

Джош стоял с другого края окошка, которое

пропускало в магазин тусклый свет, и глядел на друга.

— Они стерли мою карточку, — повторил Дэймон. — Больше она не действует. Кто бы ни был сейчас в центре, он аннулировал мой пропуск. — Он глянул на дверь. — Похоже, мы в западне.

Стук не прекращался. Снаружи бушевало безумие, и не террористы стремились захватить ценных заложников, а просто отчаявшиеся люди увидели возможность излить свою ярость на двух случайных станционеров.

Уже трудно было разглядеть за царапинами на пластике оружие и лица. Казалось, еще немного, и окошко разлетится вдребезги.

И тогда отпадет нужда в наемных убийцах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. «НОРВЕГИЯ»: 13:00

Теперь они применяли тактику выжидания и коротких вылазок. Корабли как призраки растворились за пределами системы Пелла. «Тибет» и «Северный полюс» разошлись с противником, отступившим после схватки, в которой погиб один рейдер «Тибета» и один — Унии. Но это было лишь временным выигрышем. Ком «Норвегии» держал связь с обоими рейдероносцами прикрытия. Покусывая губы, Сигни смотрела вперед, на экраны. Оперативное управление лежало на плечах Граффа. «Норвегия» действовала вместе с ядром Флота; сбросив скорость, она дрейфовала недалеко от Пелла-4, Пелла-3 и самой звезды. Флот бездействовал под прикрытием массивных космических тел. Вряд ли стоило ожидать от чужой эскадры такого безрассудства, как прыжок в систему Пелла — подобная тактика была не в стиле униатов. Но капитаны Флота соблюдали меры предосторожности… сознавая, что, если они слишком долго будут висеть в космосе неподвижными мишенями, униатское командование при

всей его консервативности сумеет додуматься до элементарного приема: обогнуть их зону сканирования и разведать новые направления для ударов. Словно волки — костер охотников, окружили корабли Унии систему Пелла, где ждали рейдероносцы Мациана — невидимые, зато неподвижные и потому легкоуязвимые. Уния имела огромное преимущество — свободу маневра.

Время от времени со станции приходили дурные вести. Нарушая режим молчания в эфире, станция сообщала о серьезных беспорядках.

Мациан отмалчивался, и никто не осмеливался задавать вопросы. «Ну, давай же, — мысленно уговаривала его Мэллори, — спусти кого-нибудь из нас с цепи». Как и все корабли, «Норвегия» развернула рейдеры на максимальной дистанции; всего в ядре эскадры насчитывалось двадцать семь рейдеров и семь рейдероносцев, да еще тридцать два корабля милиции — на таком расстоянии скан не мог отличить купца от рейдера, пока рейдер не выдавал себя высокой скоростью и маневренностью. «Тибет» принял на борт искалеченный рейдер; всего же в зоне «Тибета» и «Северного полюса» поджидали врага семь рейдеров и одиннадцать мобилизованных ближнерейсовиков, порою проявлявших чудеса отваги

из-за неумения бегать от противника. Боеспособность этих кораблей оставляла желать лучшего, но с ролью ложных мишеней они справлялись неплохо.

Если бы только знать наверняка, что враг ударит именно с той стороны… Униаты — не дураки, чувствуют ловушку, не случайно они ушли за пределы видимости. Наверное, с ними сам Азов — один из старейших, опытнейших и искуснейших капитанов Унии.

Нервы сдавали. Техи у пультов то и дело оглядывались на Сигни. В рубке висела тяжелая тишина, корабли тоже не переговаривались. Тревога расползалась как зараза.

Наконец комтех не выдержал.

— Обстановка на Пелле ухудшается, — сообщил он. За другими постами зашептались.

— Занимайтесь своим делом! — приказала Сигни и добавила, обращаясь ко всем: — Вполне возможно, это наша деза. Забудьте о Пелле, слышите? Не то глазом моргнуть не успеем, как сюда пожалуют униаты. Если кто посмеет распустить сопли, я своими руками вышвырну того из люка. — Она повернулась к Граффу. — Полная боевая готовность.

Наверху загорелась синяя лампа — это должно

было встряхнуть экипаж. На пульте перед Сигни вспыхнул огонек, давая знать, что панель боекомпа освещена, а военоп и его помощники готовы к действию.

Сигни протянула руку к компу и набрала на клавиатуре код заранее подготовленного приказа. «Взгляд» рейдероносца принялся обшаривать пространство в направлении звезды, отыскивать один корабль за другим и передавать его изображение компу на идентификацию. На всякий случай. А именно на тот случай, если в системе Пелла происходит что-то, непредусмотренное оперативным планом. Если Мациан, получивший, подобно Мэллори, сигналы бедствия с Пелла, подумывает о бегстве. Приемная лучевая антенна «Норвегии» неотрывно следила за «Европой», но флагман упорно безмолвствовал. Мациан размышлял. А может, он уже сделал выбор и предоставил своим капитанам действовать по обстановке?

Сигни отправила сигнал на пульт джамп-теха. Пульт ожил, ток повышенного напряжения пошел к мониторам генераторов, — корабль теперь мог двигаться не только в реальном пространстве. Разбежаться от Пелла несложно, но кто знает, все ли потом соберутся в условленной

нулевой точке? Кто может обещать, что Флот — сила, стоящая между Унией и Землей, — не исчезнет навсегда?

С Пелла шли вести — одна мрачнее другой.

2. ПЕЛЛ: ЭКСПЛУАТАЦИОННАЯ ЗОНА

Люди-ружья. Острый слух хиза все еще улавливал звуки, доносившиеся снаружи, — звуки ожесточенной схватки. От удара в стену Атласка взвизгнула. Она не понимала, что происходит, и во всем винила Лукасов: это они распоряжались на Верхней. Синезуб обнял ее, настойчиво пошептал на ухо, и она пошла — крадучись, как и все остальные. Снизу и сверху доносился шорох множества босых ног. Низовики медленно уходили во тьму, не зажигая ламп из боязни, что свет выдаст людям их убежище.

Их вел сам Старый. Он приказывал, не объясняя, почему они должны его слушаться. Но они слушались. Некоторые отставали, но Атласка понимала: никуда они не денутся, догонят, ведь позади — ружья и безумные люди.

Далеко внизу, в туннелях, раздался человеческий голос; эхо полетело вверх. Синезуб зашипел и прибавил шагу, Атласка поспешила за ним. Вскоре она взмокла от быстрой ходьбы, и руки

соскальзывали с перил, уже влажных от чужого пота.

— Поторопись, — шепнул ей кто-то в одном из высоких-высоких и темных мест Верхней, и чьи-то руки помогли подняться по очередной лестнице — туда, где тусклое сияние лампочки обрисовывало силуэт ожидающего низовика.

Шлюз. Атласка натянула маску на лицо, добралась до двери и схватила Синезуба за руку, боясь потерять его.

Дверь открылась. Вместе с остальными хиза Атласка и Синезуб втиснулись в шлюз, а чуть позже следующая дверь открыла дорогу коричневой мохнатой толпе. Впереди стояли другие хиза, они хватали вновь прибывших за руки, быстро выводили наружу, заслоняли их своими телами.

Они были вооружены, как люди, — обрезками труб. Это потрясло Атласку, ей мучительно захотелось спрятаться за спину Синезуба, почувствовать, что в этой гневной мельтешащей толпе, в ярком свете белых человеческих огней он — с нею. В коридоре не было людей, до закрытых дверей в самом конце — только хиза. На одной из стен багровели пятна, но запах крови не проникал сквозь фильтры противогазов.

Атласка бросила изумленный взгляд назад, в

шлюз, откуда напирали ее спутники, ощутила на руке незнакомую мягкую ладонь. Ее провели через дверь в человеческое место, просторное и сумрачное, затем створки съехались, отрезав Атласку от шума.

— Тихо! — велел проводник. Она испуганно огляделась — здесь ли Синезуб? — и успокоилась. Вслед за провожатыми Атласка и Синезуб пересекли просторное человеческое место — очень осторожно, потому что оружие и злоба были совсем рядом. Навстречу им из тени вышли другие старые низовики.

— Рассказчица, — представил Атласку Старый и приветственно коснулся ее руки. Пожилые хиза по очереди обняли ее, затем из ярко освещенного дверного проема вышли другие и обняли не только ее, ошалевшую от почестей, но и Синезуба.

— Пойдем. — Они повели ее в ярко освещенное место, в беспредельное пространство вокруг человека на белой кровати. Над кроватью склонялась древняя — предревняя хиза. А кругом вместо стен — тьма и звезды, и внезапно огромное Солнце глянуло в комнату… на них и на Спящую.

— Ах! — испуганно воскликнула Атласка, а дряхлая хиза выпрямилась и протянула к ней руки.

— Рассказчица, — произнес Старый, и Старейшая на миг оставила Спящую, чтобы обнять Атласку.

— Хорошо-хорошо, — ласково сказал Старый.

— Лили, — вымолвила Спящая. Вернувшись к кровати, Старейшая опустилась на колени и погладила ее по седым волосам. Лицо Спящей было бледным и неподвижным, но волшебные глаза, обращенные к гостям, светились жизнью. Тело было закутано в белое, кругом тоже царствовала белизна, лишь фигурка Лили и тьма над головой не подчинялись ей. Но и тьму прорезали яркие точки звезд.

Солнце куда-то пропало. Остались только Спящая и хиза.

— Лили, — вновь произнесла Спящая, — кто это?

Человек и древняя хиза смотрели на нее, на Атласку. По знаку Лили они с Синезубом преклонили колени, благоговейно впитывая тепло глаз подруги Великого Солнца, которое приходило плясать на ее стенах.

— Любить ты, — прошептала Атласка. — Любить ты, Солнце-Ее-Друг.

— И я люблю тебя, — шепнула Спящая в ответ. — Как там, снаружи? Опасно?

— Мы делать не опасно, — мягко произнес Старый. — Все-все хиза делать это место не опасно. Человеки-ружья стоять сторона.

— Они погибли! — Чудесные глаза наполнились слезами и обратились к Лили. — Это дело рук Джона. Анджело, Дэймон, может быть, и Эмилио… А я пока жива. Лили, не бросай меня!

Лили осторожно положила руку на плечо Спящей и прижалась седеющей щекой к серебристым волосам.

— Нет, — сказала Старейшая. — Уходить нет время. Любить ты. Уходить нет-нет-нет. Сны, они уходить. И человеки-ружья. Низовики все остаться ты место. Ты видеть сны Великое Солнце. Мы — ты руки-ноги. Мы — много. Мы сильные-быстрые.

Тьма и звезды покинули стены. Теперь хиза смотрели на дерущихся людей, в ужасе прижимаясь друг к другу. Одна лишь Спящая осталась спокойной.

— Лили, Верхней грозит огромная беда. Смертельная. Когда беда уйдет, Верхней очень понадобятся хиза. Понадобится ваша помощь. Ничего не бойтесь, хорошо? Защищайте это место. Оставайтесь со мной.

— Человеки-ружья прийти это место, мы драть-

ся.

— Вас не убьют. Не посмеют, понимаете? Хиза нужны людям. Люди не хотят прийти сюда. — Волшебные глаза сверкнули гневом, но тотчас смягчились. Вернулось Солнце, его прекрасный и грозный лик заполнил собой стены, погасив гнев. Солнце отразилось в глазах Спящей, белизна стала ослепительной.

— Ах! — Вместе с остальными гостями Атласка застонала от благоговения и качнулась из стороны в сторону.

— Она — Атласка, — сказал Старый Спящей. — Он Синезуб. Они друзья Беннет-человек. Видеть он умирать.

— Знаю, что вы недавно с Нижней, — улыбнулась Спящая юной паре. — Вас прислал Эмилио.

— Константин-человек ты друг? Любить он, все-все низовики. Беннет-человек он друг.

— Да, они дружили.

— Она рассказать, — пообещал Старый и, обернувшись к Атласке, попросил на языке хиза: — Ее-Видят-Небеса, расскажи Спящей свою легенду. Сделай ее глаза ясными, а сны теплыми. Сделай так, чтобы легенда стала ее сном.

К щекам Атласки прилило тепло, от страха пересохло в горле. Ибо она не была Великой. Доселе

она вершила маленькие дела и пела маленькие песни. Рассказывать великую легенду на человеческом языке, да еще в присутствии Спящей… и самого Солнца… и звезд! Превратиться в частицу сна…

— Давай, — подтолкнул ее Синезуб, и вера в ее право рассказывать о Беннете согрела Атласке сердце.

— Я — Она-Видеть-Небо, — начала она. — Я прилететь с Нижняя. Рассказать ты Беннет-человек. Рассказать ты Константин. Спеть ты дела хиза. Ты смотреть сны дела хиза, Солнце-Ее-Друг, как смотреть хиза Беннет. Ты сделать он жить. Сделать он ходить хиза. Ах! Любить ты. Любить он. Солнце улыбаться, глядеть он. Долго-долго мы видеть сны хиза. Беннет сделать мы видеть сны человеки. Он показать мы хорошо дела, говорить: Солнце, он держать вся Верхняя, он держать вся Нижняя он руки. Он говорить, Верхняя тянуть руки Солнечная, корабли прилетать-улетать, большой-большой корабли прилетать-улетать, далекий-далекий тьма прилетать человеки. Он сделать широко мы глаза, он сделать широко мы сны, он сделать мы сны как сны человеки. Солнце-Ее-Друг, эти вещи дать мы Беннет, он отдать он жизнь. Он сказать мы: Верхняя много хороший

вещи. И мы хотеть видеть вещи Верхняя. Мы прилететь. Мы видеть. Так широко, так много тьма, мы видеть Солнце, улыбаться тьма, делать сон Нижняя, синий небо. Беннет делать мы видеть. Беннет делать мы прилетать. Беннет делать мы новый сны. Ах! Я-Атласка, я рассказать ты время приходить человеки. До человеки нет быть время, быть только сон. Мы ждать и не знать, что мы ждать. Мы видеть человеки, и мы лететь Верхняя. Ах! Время Беннет приходить — холодный время, и старая река, она тихая…

Прекрасные темные глаза с любопытством смотрели на Атласку. Спящая прислушивалась к ее словам, как будто юная хиза владела искусством старых певцов. Атласка изо всех сил старалась сделать истиной свою легенду, а не те ужасы, что творились на Верхней, чтобы сама Спящая уверовала в ее правдивость и чтобы в грядущие циклы эта правда возвращалась снова и снова, как цветы, как дожди, как все, что длится вечно…

3. ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ

Суета улеглась: техи уже не реагировали на некоторые вызовы и не вникали во второстепенные детали. Центр притерпелся к постоянной

панике, к присутствию вооруженных людей, которых с каждым часом собиралось все больше.

Бродя между пультами, Джон морщился — его раздражало любое действие подчиненных, которое казалось ему лишним.

— Опять «Край Вселенной», — доложил тех. — Элен Квин требует объяснений.

— Отказать.

— Сэр…

— Отказать. Передай, пусть сидят и ждут, пока все уляжется. И не загружают эфир. Или, по-твоему, мы должны открытым текстом передавать интересующие врага сведения?

Тех повернулся к пульту, стараясь не замечать оружия.

Квин. Молодая жена Дэймона у купцов. Уже поднимает шум, требует объяснений, отказывается покинуть корабль. Произошла утечка информации, и купцы из ополчения наверняка связались с Флотом. Да, Мациан, скорее всего, уже все знает. Квин — у торговцев, а Дэймон — в зеленом доке. В синей — низовики, они живой стеной окружили ложе Алисии, заблокировали четвертый перекресток… Ну и пусть. Главное — низовики никуда оттуда не денутся. Секция полностью перекрыта.

Сложив руки за спиной, он попытался напустить на себя невозмутимый вид и вдруг краем глаза уловил движение возле двери.

Джессад. Уже вернулся.

Джону не понравилось мрачное спокойствие униата, молча ожидающего у входа.

— Есть успехи? — спросил Джон, выйдя с Джессадом в коридор.

— Нашли господина Крессича. Он здесь со своей свитой. Хочет поговорить.

Джон скривился, бросив взгляд в конец коридора на Крессича, окруженного горсткой своих охранников и таким же числом стражников Лукаса.

— В синей ситуация прежняя, — сообщил Джессад. — Низовики на четвертом перекрестке первого яруса. Мы у дверей. Можем декомпрессировать.

— Они нам нужны, — хмуро произнес Джон. — Пусть все останется как есть.

— Это из-за нее? Полумеры, господин Лукас.

— Нам нужны низовики. Они у нее. Я сказал, пусть так и будет. Проблема — Дэймон и Квин. Что вы предприняли?

— Никто из наших не может пробраться на борт, а сама она не выходит. Люк постоянно за-

драен. Зато мы знаем, где он, и уже действуем.

— Что вы подразумеваете под словом «действуем»?

— Парни Крессича, — прошептал Джессад. — Нам нужно проникнуть туда, понимаете? Возьмите себя в руки, поговорите с ним, наобещайте чего угодно. В руках Крессича — толпа. Он может подергать за ниточки. Поговорите.

Джон смотрел на группу людей в коридоре, и мысли его разбредались. Крессич, Мациан, купцы… Уния. По слухам, флот униатов на подходе. По слухам.

— Что значит — надо проникнуть туда? Вы точно знаете, где он?

— Не совсем точно, — признался Джессад. — Мы натравили на него толпу, а в толпе человека легко с кем-нибудь спутать. Надо опознать наверняка. Поговорите с Крессичем. И поторопитесь, господин Лукас.

Джон поймал взгляд Крессича и кивнул. Группа приблизилась. Как всегда, в глаза бросилась седина и тоскливое выражение лица Крессича. Зато окружали его люди совсем иного склада — молодые и наглые.

— Советник хочет войти в долю, — заявил один из телохранителей — невысокий, темноволосый,

со шрамом на лице.

— Вы всегда говорите вместо него?

— Господин Нино Коледи, — представил его Крессич, удивив Джона твердостью в голосе и прямотой взгляда — в совете он держался совсем иначе. — Господин Лукас, господин Джессад. Господин Коледи возглавляет службу безопасности "К". У нас достаточно сил и средств, чтобы навести порядок в карантине когда потребуется. Вы заинтересованы в этом, господин Лукас?

Джон растерянно поглядел на Джессад а. Тот промолчал.

— Если вы способны утихомирить толпу, сделайте это.

— Да, — тихо сказал Джессад. — На этой стадии нам нужно спокойствие. Господин Крессич и господин Коледи, добро пожаловать в новый совет.

— Дайте мне ком, — попросил Коледи. — Общее оповещение.

— Дайте ему ком.

Джон глубоко вздохнул, не давая сорваться с губ вопросу: «Что за игру вы ведете? Зачем проталкиваете наверх эту парочку?»

Вспомнив о том, что происходит снаружи, сколь ненадежно его положение, он подавил гнев.

— Идите сюда. — Он провел Коледи в комцентр,

к ближайшему пульту. Отсюда был виден экран скана. Мациан все еще держался, надежды на его скорый разгром не оправдались. Крепкий орешек. Точки, указывающие местонахождение его кораблей, вспыхивали тут и там над многослойным ореолом купеческих орбит.

— Освободите место! — приказал Джон теху, и Коледи занял поспешно освобожденное место за клавиатурой. Экран осветил лицо Брана Хэйла. — Наберет текст, сразу передашь на канал общего оповещения, — сказал Джон помощнику.

— Будет сделано.

— Господин Лукас! — крикнул кто-то, перекрывая ровный гул комцентра.

Джон оглянулся. Тревога! Частые вспышки на экранах скана — какой-то корабль движется наперерез Пеллу!

— Что?! Где?! — воскликнул Джон. Скан ничего толком не показывал. Только желтое мерцание — знак опасности. Ком разразился ревом сирены. Послышались сдавленные возгласы, ругательства; руки техов запорхали над клавишами.

4. «КРАЙ ВСЕЛЕННОЙ»

— Скан!

Завыла сирена. Увидев мерцание, Элен с трево-

гой посмотрела на Нейхарта.

— Отрываемся, — буркнул Нейхарт, избегая ее взгляда. — Уходим!

Слово молнией пронеслось по кораблям. Элен напряглась всем телом в ожидании рывка. В док не выбежать — слишком поздно. «Пуповины» давно перекрыты, корабли удерживаются одними захватами.

Второй — стартовый — рывок. Они на свободе. Они идут вдоль обода против часовой стрелки, а за ними — колонна все еще состыкованных фрахтеров. Любая ошибка при перекрытии «пуповин» может привести к декомпрессии в целой секции.

Элен не шевелилась, отдаваясь знакомым ощущениям, с которыми, казалось бы, простилась навсегда. Свободна, невесома, вольна бежать от опасности… Если бы только не эта боль, будто отрывается часть души…

Мимо прошел второй захватчик… Умчался в зенит, навстречу Флоту, потревожив скан, а значит, перепугав всю станцию. Купцы оставались целы и невредимы, но и беспомощны; они медленно дрейфовали, выходя на условленный курс. Держась за живот, Элен смотрела на экраны и думала о Дэймоне и обо всем, с чем приходилось расставаться.

Наверное, Дэймон погиб… Анджело точно убит, Алисия, скорее всего, тоже… Дэймона больше нет. Она бросалась на эту мысль, как на колючую проволоку, пыталась свыкнуться с болью, чтобы та не мешала думать о возмездии. Тяжело вздыхая, вспоминала она «Эстель» и всех своих родственников. Уже во второй раз она спасается. Талант уходить от смерти. Под сердцем у нее — живое существо, Квин и Константин в одном тельце; совсем недавно эти фамилии кое-что значили во Внеземелье. И исчезнут они не сразу — по крайней мере из памяти униатов. Уж об этом-то Элен позаботится.

— Уводи нас отсюда, — с ледяной яростью в голосе велела она Нейхарту. И повторила, когда он, озадаченный столь резкой переменой в настроении, вопросительно взглянула нее: — Уводи. Разгоняйся для прыжка. Передай всем: пункт «Маттео». И еще передай: идем прямо сквозь Флот.

Эта женщина принадлежала к семействам Квинов и Константинов. Нейхарт повиновался. «Край Вселенной» вышел из гравитационного поля станции и двинулся дальше, посылая в эфир указания всем купцам, находящимся в системе Пелла.

Мациан, Уния, Пелл… Никто уже не остановит этот фрахтер.

Элен часто заморгала — шкалы датчиков расплывались перед глазами.

— После «Маттео», — сказала она Нейхарту, — мы снова прыгнем. В Глубокий. Там остальные… те, кто нахлебался вдосталь и не пришел на Пелл. Мы их разыщем.

— Твоих — вряд ли, Квин.

— Да, — кивнула Элен. — Моих — вряд ли. Никого не осталось. Но я знаю… все мы знаем координаты… Я помогала вам. Всегда разрешала набивать трюмы и не требовала деклараций.

— Купцы не заблудятся.

— Флоту тоже известны эти места… а потому, капитан, мы пойдем все вместе.

Нейхарт нахмурился. Сообща купцы действовали только в доках, учиняя скандалы.

— У меня мальчишку забрали на один из мациановских кораблей, — проворчал он.

— А у меня муж на Пелле. Что нам осталось? Только предъявить счета.

Поразмыслив, Нейхарт кивнул.

— Нейхарты сделают все, как ты скажешь.

Откинувшись на спинку кресла, Элен посмотрела на экран скана, где мерцали образы униатских

кораблей, проникших в систему Пелла. Кошмар наяву. Как перед гибелью Маринера и «Эстели» со всеми Каинами, не успевшими покинуть обреченную станцию. Вероятно, врагу удалось прорваться или кто-то действовал изнутри. И вот — то же самое. Только на сей раз купцы не намерены покорно дожидаться смерти.

Она решила сидеть перед сканом до конца — пока не взорвется станция или пока «Край Вселенной» не наберет прыжковую скорость.

«Дэймон…» — подумала она, проклиная Мациана — он больше, чем Уния, заслуживал проклятья, ибо навлек беду на Элен и ее близких.

5. ЗЕЛЕНЫЙ ДОК

Застигнутый врасплох новым скачком силы тяжести, Дэймон ухватился за скобу на стене, а Джош — за него. Но скачок был пустяковым, хоть и вызвал испуганные вопли за исцарапанной дверью. Дэймон отпустил скобу, повернулся к ней спиной и устало покачал головой.

Джош ни о чем его не спрашивал — сам понял, что по всему ободу от станции отделяются фрахтеры. Даже сюда доносились звуки сирены. Это радовало. А может быть, пробоина? Хотя снаружи, в доке, еще есть воздух…

— Они уходят, — хрипло вымолвил Дэймон. На одном из купцов улетала Элен — ему очень хотелось в это поверить. Это было бы очень предусмотрительно… Элен всегда славилась предусмотрительностью, она обзаводилась друзьями и знакомыми, способными помочь, когда от него, Дэймона, не бывало пользы. Она улетела… Может быть, она возвратится, когда все уляжется… Если все уляжется. Если будет к кому возвращаться. Он не надеялся выжить. Возможно, на Нижней все хорошо; возможно, Элен улетела с торговцами… Надо надеяться. Если же все совсем не так, об этом лучше не знать.

Снова — колебания гравитации. Зато прекратились вопли и удары в дверь. В аварийных ситуациях док — отнюдь не самое безопасное место. Любой здравомыслящий человек поспешит перебраться из него в менее просторное помещение.

— Если это купцы, — слабым голосом произнес Джош, — то они ушли неспроста. Что-то увидели… что-то услышали. Наверное, Мациану сейчас не до них.

Дэймон смотрел на него, размышляя об униатах. О том, что Джош — один из них.

— Как ты думаешь, что происходит?

В тусклом свете, сочившемся сквозь побитый пластик оконца, лицо Джоша поблескивало от пота. Он прислонился к стене, поднял глаза к потолку и произнес:

— Мациан способен на все. Он непредсказуем. Униатам совершенно незачем уничтожать станцию. Нам грозит только случайное попадание.

— Мы можем выдержать много попаданий, даже потерю секций. Пока невредимы двигатели и «ступицы», мы способны восстанавливать поврежденное.

— Даже если "К" на свободе? — хрипло спросил Джош.

Гравитационное поле совершило новый курбет, встряхнув их желудки. Дэймон судорожно сглотнул. Его подташнивало.

— Пока творится эта чертовщина с гравитацией, "К" можно не бояться. Может, попробуем выбраться из этой западни?

— Куда мы выберемся? И что будем делать?

Не найдясь с ответом, Дэймон неопределенно кашлянул и стал ждать очередного спада гравитации. Ждать пришлось недолго, но спад оказался слабее прежних. Моторы работали, насосы выдержали чудовищные нагрузки. Он перевел дух.

— Одно хорошо: корабли ушли и не могут

устроить нам еще одну такую встряску. А то я не уверен, что мы смогли бы ее перенести.

— Может быть, они ждут снаружи?

Поразмыслив над этими словами, Дэймон поднял руку и нажал кнопку замка. Ничего не произошло. Он достал из кармана карточку и после недолгих колебаний сунул в паз. Ни одного огонька. Зато, вероятно, Дэймон выдал свое местонахождение тем, кто сидел в контрольном центре. И он это понимал.

— Похоже, мы остаемся, — сказал Джош.

Сирены умолкли. Дэймон подкрался к иллюминатору и сквозь радужные разводы вокруг бесчисленных выбоин попытался разглядеть фигуры, что крадучись продвигались вдалеке.

Ком над головами Дэймона и Джоша захрипел, будто пытался включиться, и снова замолчал.

6. «НОРВЕГИЯ»

Казалось, им не вырваться из этого кошмара. Фрахтеры милиции разбегались, один из них крошечным солнцем полыхнул на экране вида и погас еще до того, как из кома раздался треск потревоженного эфира. Траекторию «Норвегии» пересекла туча раскаленных обломков, некоторые, довольно крупные, угодили по корпусу;

жалобным визгом отозвалась обшивка.

Неподвижные мишени, а вплотную к ним — боекомп… За торговцем остался униатский рейдер, и к нему, опережая «Норвегию», бросились четыре ее рейдера. Их непрерывный заградительный огонь на миг высветил вражеский рейдероносец, идущий навстречу.

— Бей его! — крикнула Сигни военопу, когда затих огонь рейдеров. В ту же секунду «Норвегия» дала залп, и мощные лучи ринулись наперехват противнику. Чтобы не напороться на них, униату пришлось совершить маневр и сбросить бортовую гравитацию. Восторженный вопль на борту «Норвегии» утонул в реве сирен — электронный сигнал с боекомпа заставил корабль резко изменить курс. В боевой обстановке компы реагировали на опасность быстрее, нежели человеческие мозги.

«Норвегия» выправила курс и понеслась в гущу боя. Боекомп дал новый заградительный залп нижней батареей, поле скана испещрили светящиеся облачка.

— Отлично! — воскликнул по общему кому корректировщик нижней батареи. — Крепко врезали!

Раздались крики; «Норвегия» сделала полоборо-

та и ринулась в новый зигзаг. Позади оставались фрахтеры — они казались неподвижными, словно разбросанные в космосе обрывки фольги. Но они летели, увертывались, стараясь не задеть друг друга, да еще гонялись за вражескими рейдерами, вынуждая их менять курс, лишая их свободы маневра.

Новый поворот и удар, как вначале… Новая цель… «Тибет» и «Северный полюс» бросятся наперехват униату, стоит ему и «Норвегии» появиться на их сканах. Дальние сканы уменьшают масштаб изображения, приближают образы друг к другу; боекомпы выбирают оптимальный вариант совместной атаки.

Униаты отходят; как только сканы сообщают об этом, мациановские корабли ложатся на новый курс и открывают огонь. «Норвегия», «Атлантика», «Австралия»… Враги потеряли рейдер, уходя из-под огня. Ком сыплет проклятиями, откуда-то сквозь неразбериху голосов просачивается голос Мациана. Из четырнадцати неприятельских рейдероносцев уцелело двенадцать. Вместе с роем рейдеров и «стрел» они уходят от станции, а на пути у них — всего лишь два рейдероносца, уже невидимых на экранах Флота.

— Поджарьте им пятки! — послышался густой

бас Порея.

— Отставить! — прогремел Мациан. — Отставить! Приказываю всем удерживать позиции.

Компы по-прежнему действовали в режиме синхронизма; сигнал с «Европы» остановил корабли против воли их экипажей. Униаты бежали… Внезапно в центре стаи их кораблей расцвело пламя; в динамике кома «Норвегии» затрещала статика.

— Подбили! — завопил ком, как только утих треск.

Вероятно, «Тихий океан» несколько минут назад добил поврежденного рейдероносца. Сигни подумала, что в горячке боя она не успела уследить за всем, произошедшим в системе. Даже гибель Пелла — если униаты явились сюда ради этого — могла пройти для нее незамеченной. Чтобы уничтожить станцию, хватило бы одного залпа.

Сигни размяла кисти, вытерла с лица пот и набрала на клавиатуре приказ Граффу. В тот же миг он взял управление на себя. «Норвегия» сбросила скорость, подчиняясь Мациану. Ком протестовал искаженными голосами капитанов.

— Отставить, — повторил Мациан. По отсекам «Норвегии» пробежал ропот.

— У них нет ни единого шанса, — излишне внятно пробормотал Графф. — Скоро униаты подойдут на…

— Следите за целью, господин Графф. — Сигни подключилась к главному кому. — Вдруг это маневр? Мы не можем уйти отсюда. Стоит какому-нибудь униату проскочить к станции, и ей конец. Нам больше нельзя рисковать ни одним кораблем. У «Тибета» и «Северного полюса» еще есть выбор… Есть пространство для разгона.

Возможно, думала она, как раз сейчас, когда на них направлен поисковый луч «Норвегии», они набирают скорость… Если скантехи в рубках рейдероносцев снабдили дальние сканы правильными данными, если экраны отчетливо показали, что по пятам за униатской эскадрой не идет подмога от Мациана… Если капитаны «Тибета» и «Северного полюса» не истолковали ошибочно маневр своих товарищей…

Флот тормозил. Скан показывал тающее облако торговцев — эти неповоротливые суда мало-помалу набрали прыжковый разгон. Они бежали, бросая Пелл на произвол судьбы. Бежали в Глубокий.

Она определила вероятную точку соприкосновения, учитывая скорость униатов, «Тибета»

и «Северного полюса». Вот-вот экипаж «Тибета» обнаружит, что на него надвигается весь неприятельский флот. Лишь бы скан не подвел…

В рубке «Норвегии» скан еще секунду показывал прежнюю — устаревшую — картину, затем перешел в режим дальнего поиска. Красная полоска шарила в желтом тумане.

Противники сближались, дистанция между ними становилась критической. Сигни и все вахтенные офицеры в рубке застыли, следя за желтыми фигурками и красным лучом. Сигни с трудом удержалась от соблазна обрушить кулак на консоль пульта или на подлокотник дивана.

Это случилось — еще до того, как в рубке «Норвегии» увидели картину безнадежной схватки. Два рейдероносца и семь рейдеров; экипажи — до последнего человека. За сорок с лишним лет своего существования Флот ни разу не платил за успех такой большой цены.

«Тибет» пошел на таран… Кант разогнал его до прыжка перед скоплением кораблей противника и вместе со своими рейдерами и неприятельским рейдероносцем превратился в космическую пыль… Когда на экране исчезло светлое пятнышко, по рубке «Норвегии» пронесся угрюмый шепот… И снова ропот — «Северный полюс» и его

рейдеры бросились в самую гущу униатов…

Они почти проскочили в оставленную Кантом брешь, но вдруг их изображения расплылись, а компсигнал «Северного полюса» оборвался.

Сигни не радовалась, что уцелели рейдеры, она лишь задумчиво кивала, вспоминая лица и имена знакомых мужчин и женщин с погибших кораблей… проклиная собственное бессилие. Дальний скан поменял режим, картина прояснилась. Потрепанная униатсхая эскадра разогналась, прыгнула, исчезла с экрана. Рано или поздно она вернется, и числом поболее — уж чего-чего, а кораблей в Унии хватает. Флот Мациана устоял и победил, но из девяти его рейдероносцев осталось семь.

Сколько еще таких сражений способен он выдержать? Уния может спокойно жертвовать кораблями; для нее победа — вопрос времени, если враг, которому она показывает пятки, не осмеливается пуститься в погоню.

«Мы проиграли, — безмолвно обратилась Сигни к Мациану. — Понимаешь? Проиграли».

— На Пелле, — раздался из кома спокойный голос Мациана, — мятеж. Что именно там произошло, неизвестно, но одно не вызывает сомнений: станция в опасности. Приказываю соблюдать

строй. Возможна повторная атака.

Внезапно на пультах «Норвегии» заполыхали лампочки — целую аппаратную секцию выключили из компьютерного синхронизма. Корабль вновь обрел самостоятельность. На экранах компа вспыхнул обрывок приказа: «…БЕЗОПАСНОСТЬ НА БАЗЕ».

Ее отпускали. «Норвегии» и «Африке» поручали вернуться и занять охваченную смутой станцию, а остальным — удерживать подступы к ней.

Сигни подключилась к главному кому.

— Ди, оружие и доспехи. Мы тоже выйдем на причал. Всех десантников, кто может стоять на ногах — на высадку. Экипируй дополнительную вахту экипажа — она будет охранять доки. Мы пойдем сразу после солдат.

Канал взорвался гневной многоголосицей — новая задача явно пришлась не по вкусу измученным десантникам.

— Графф, — сказала Сигни.

Рискуя самочувствием людей, «Норвегия» разогналась до красных аварийных огней и пошла прямиком на станцию. «Африка» покинула строй и отправилась следом за нею.

7. ПЕЛЛ: ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ…

— Требую обеспечить нам вхождение в док, — гремел из кома голос Мэллори, — и доступ в центр. Иначе мы начнем занимать секции.

Экраны мерцали, предупреждая о столкновении. У пультов застыли бледные техи. Джон оцепенело стоял перед комом, опираясь на спинку кресла, и с ужасом представлял себе корабли, идущие на таран.

— Сэр! — крикнул кто-то. — Посмотрите на вид!

Заполняя собой экран, блестящие чудища неслись прямо на Джона. В самый последний момент волна темного металла распалась надвое, космические левиафаны пролетели над и под станцией. Пульты разразились треском статики. Погас один из экранов, зато гнусаво завыла сирена — вероятно, где-то началась декомпрессия.

Джон резко повернулся, но Джессада у двери не увидел — там стоял только Крессич с раскрытым ртом и круглыми от страха глазами.

— Мы ждем ответа, — грубым мужским голосом произнес ком.

Джессад ушел. Это он, или кто-то вроде него, вот так же дал маху на Маринере. И погубил

станцию.

— Найти Джессада! — крикнул Джон одному из помощников Хэйла. — Взять! Привести сюда!

— Снова заходят! — завопил тех.

Джон повернулся к экранам и воскликнул, неистово жестикулируя:

— Связь!

Тех протянул ему микрофон. Завороженно глядя на экран, Джон проглотил комок в горле и закричал:

— Можете войти в док! — Он не владел голосом. — Это управляющий станцией! Повторяю: вы можете причалить.

— Я еще раз спрашиваю, — сказала Мэллори, — кто вы такой?

— Джон Лукас, исполняю обязанности управляющего. Анджело Константин погиб. Пожалуйста, помогите нам!

Наступила тишина. Корабли на экране скана заметно сбросили скорость и слегка изменили курс.

— Сначала войдут наши рейдеры, — заявила Мэллори. — Станция Пелл, вы меня хорошо поняли? Первыми причалят рейдеры, их экипажи обеспечат нам стыковку вместо ваших бригад. Вы окажете им необходимую помощь, а затем

очистите доки от посторонних, иначе мы будем стрелять. Учтите, при малейшей попытке сопротивления мы проделаем дыру в вашем корпусе.

— На станции мятеж, — жалобным голосом сообщил Джон. — "К" на свободе.

— Господин Лукас, вам ясны мои инструкции?

— Пеллу все ясно! А вам? Вы понимаете, что происходит? Мы не можем гарантировать мирный прием. Нам нужна ваша помощь, ваши солдаты. Станции нанесен огромный ущерб. Но мы сделаем все от нас зависящее.

Наступила долгая пауза. На скане появились новые образы: рейдеры.

— Мы поняли, — отозвалась Мэллори. — Высадим десант. Обеспечьте моему первому рейдеру безопасную стыковку, иначе мы будем вынуждены пробить вход для солдат, а потом взрывать секцию за секцией, не щадя никого. Так что выбирайте.

— Ясно. — Джон отвернулся от кома и поманил одного из своих телохранителей, стоявших у двери. Затем произнес в микрофон:

— Вас понял. Полчаса. Вы получите чистый док.

— Синий и зеленый, господин Лукас. Уж вы позаботьтесь.

— Синий и зеленый, — хрипло повторил он. — Сделаем все, что можно.

Мэллори отключилась. Джон протянул руку и нажал клавишу вызова главного кома.

— Хэйл! — позвал он. — Хэйл!

Появилось лицо Хэйла.

— Общее оповещение. Всю охрану в доки. Очистить синий и зеленый.

— Будет исполнено. — Хэйл исчез с экрана.

Джон подошел к Крессичу, все еще стоявшему истуканом около двери.

— А ну, живо за ком! Скажи своим болванам, которыми ты будто бы командуешь, чтобы не вздумали рыпаться. Понял?

Крессич кивнул. Увидев его бессмысленные (если не безумные) глаза, Джон схватил депутата от "К" за руку и потащил к кому. Тех едва не свалился на пол, спеша освободить кресло. Усадив Крессича и сунув ему в руки микрофон, Джон встал у него за спиной.

Крессич назвал имена своих помощников, затем велел им спуститься в охваченные смутой доки и навести порядок. В коридорах, как показывали камеры, еще не улеглась паника. На девятом ярусе зеленой — столпотворение и дым; стоит охране освободить какое-нибудь помещение, как

туда, словно воздух в вакуум, проникает толпа.

— Общая тревога, — сказал Джон начальнице первой станции. — Объяви, что всем нужно подготовиться к ноль-G.

Женщина повернулась, сняла защитную панель и нажала кнопку под ней. Заголосил зуммер — пронзительнее, чем все остальные сигнальные устройства на станции. Через регулярные промежутки времени его прерывали слова: «Найдите безопасное место. Избегайте больших помещений. При значительном снижении гравитации ориентируйтесь на стрелочные указатели. Найдите безопасное место…»

Обезумевшая от страха толпа понеслась по коридорам, крича и ломясь во все двери.

— Сбрось "G", — велел Джон опу-координатору. — Чтобы их там проняло.

На экранах замелькали слова приказов. В третий раз станция вышла из равновесия. Сквозной коридор зеленой моментально опустел — люди разбежались по квартирам и меньшим коридорам. Джон снова вызвал Хэйла.

— Вводи туда охрану. Очищай доки. Действуй по обстановке, у тебя развязаны руки.

— Да, сэр. — Хэйл опять отключился.

Джон повернулся кругом, рассеянно поглядел

на техов и Ли Квэйла, вцепившегося в скобу у двери. Он жестом подозвал Квэйла и, когда тот приблизился, схватил за рукав и притянул к себе.

— Незаконченное дело, — прохрипел Джон, — в зеленом доке. Спустись туда и закончи, понял? Закончи!

— Да, сэр, — выдохнул Квэйл и поплыл прочь. Несомненно, Ли понимал: если он не справится, всем им придется плохо.

8. ЗЕЛЕНЫЙ ДОК

Снаружи что-то происходило. По захламленному полу магазина Дэймон подошел к окну, вгляделся и вдруг отшатнулся от вспышки выстрела, окрасившей в алое изуродованный пластик. Над скрежетом оживших механизмов поднялся протяжный вопль.

— Кто бы там они ни были, они идут сюда, и у них ружья. — Он отступил от двери. Двигаться приходилось осторожно — гравитация не дотягивала до нормы. Джош наклонился и поднял металлический стержень — деталь разрушенной витрины — и протянул Дэймону, а затем нашел еще один — для себя.

Дэймон возвратился к двери, Джош встал у

другого косяка. Поблизости от магазина не раздавалось ни звука, зато издали доносились крики множества людей. С другой стороны приближался свет. Дэймон рискнул выглянуть и отшатнулся, увидев сразу за окном силуэт человека.

Дверь рывком раздвинулась, подчинясь приоритетной карточке, которую вставили снаружи. В проем нырнули двое с пистолетами. Глаза шедшего впереди округлились от ужаса, а мгновением позже его череп хрустнул от удара Дэймона. Второго свалил Джош. В слабой гравитации оба падали ужасающе медленно; Джош не дал пистолету долететь до пола и дважды нажал на спуск — на всякий случай. Один из падавших дернулся.

— Бери пистолет! — крикнул Джош. Дэймон высвободил из мертвых пальцев оружие. Джош, стоя на коленях, перевернул и тщательно обыскал второй труп, затем принялся раздевать.

— Одежда, — пояснил он. — Действующие карточки и паспорта.

Дэймон отложил пистолет, разделся, преодолевая отвращение, стащил с мертвеца окровавленный комбинезон и натянул на себя… Наверняка в коридорах хватает людей в испачканной кровью одежде, подумал он. В одном из карманов

он отыскал бумажник, а карточку — на полу, неподалеку от трупа. Он поднес ее и остальные документы к свету.

— Ли Энтони Квэйл… «Лукас Компани»…

Квэйл. Квэйл, один из бунтовщиков с Нижней, — подчиненный Джона Лукаса… И комп — под контролем Джона… Вот почему "К" сумели вырваться, вот почему Анджело Константин погиб в самом охраняемом месте Пелла, вот почему карточка Дэймона пришла в негодность. Убийцы знали, где его искать. И за ними стоял Джон Лукас.

Пальцы Джоша сдавили его плечо.

— Дэймон! Пойдем.

Он поднялся и поморщился, когда Джош пистолетным лучом до неузнаваемости обжег лицо Квэйла, а затем и второго покойника. У самого Джоша лицо блестело от пота и было искажено страхом, однако реакция этого человека вызывала у Дэймона восхищение. По всей видимости, его рефлексы сами знали, как надо действовать в серьезных переделках. Джош вышел в ярко освещенный док, и Дэймон поспешил следом, но сразу за дверью приостановился — док, насколько хватало глаз, был пуст. Ворота в белую были на запоре, дверь в сквозной коридор зеленой секции

скрывалась за изгибом стены. Они крадучись миновали гигантские ворота белой и шли под прикрытием погрузо-разгрузочной техники, пока впереди, у внешней стены, не показалась группа ремонтников, которые возились с механизмами. При малой гравитации ступать приходилось медленно и осторожно. Весь док был усеян трупами, бумагами и обломками.

— Тут полно карточек, — произнес Джош, оглядывая мертвецов, к которым непросто было подобраться незамеченными. — Можно взять сколько угодно имен.

— И ключей к замкам, не реагирующим на голос, — шепотом добавил Дэймон, наблюдая за ремонтниками и часовыми у проходов на девятый ярус зеленой, заметными только отсюда. Он осторожно приблизился к ближайшему мертвецу, надеясь, что этот человек действительно мертв, а не оглушен и не притворяется, и опустился на колени. Не спуская глаз с рабочих и охранников, он пошарил по карманам и встал с карточками и документами в руках. Затем нервы не выдержали, и он бросился в укрытие. Джош метнулся следом.

— Ворота в синюю открыты, — сказал Дэймон, когда впереди показалась арка. В его душе вдруг

неистово всколыхнулась надежда: пройти в синий док, дождаться, когда возобновится нормальное передвижение по коридорам, добраться до первого яруса синей, взять кое-кого на мушку и задать кое-какие вопросы. Фантазии. Живым его туда не пустят, это ясно.

— Дэймон.

Он посмотрел в ту сторону, куда указывал Джош, — сквозь паутину стрел и тросов на первый причал зеленого дока. Зеленый свет. На подлете — корабль, но мацияновский он или униатский — непонятно. Загромыхал ком, терзая пустоту указаниями. Корабль приближался к подводящему конусу. Приближался слишком быстро.

— Пошли, — шепнул Джош и за руку потянул Дэймона к ближайшему проходу на девятый ярус зеленой.

— Гравитация все еще не успокоилась, — пробормотал Дэймон, упираясь. — Ты что, не видишь? Это уловка. Центр очистил коридоры, чтобы ввести туда полицию. Пока гравитация не стабилизируется полностью, корабли в доки не войдут — это слишком рискованно. В центре решили устроить небольшую встряску, чтобы подавить мятеж. Но этого слишком мало. Если

мы побежим в коридоры, то попадем в самую гущу "К". Лучше остаться.

— КЗК пятьсот один, — услышал он голос из громкоговорителя, и словно камень свалился с души.

— Один из рейдеров Мэллори, — прошептал Джош. — Мэллори… Значит, Уния отступила.

Повернув голову, Дэймон увидел ненависть на этом изнуренном ангельском лице… Джош явно надеялся на другое.

Уходили минуты. Корабль ткнулся носом к причалу, бригада докеров приступила к швартовке. В отверстие шлюза плавно вошел конец «пуповины». Донеслись шипение воздуха, гул механизмов и лязганье внутреннего люка. Стыковка закончилась, и докеры бросились прочь.

Из трубы высыпала горстка людей без доспехов и рассредоточилась под прикрытием лебедок; двое с оружием залегли у противоположной стены дока, чтобы прикрыть корабль с фланга. В «пуповине» раздался частый топот — высаживалась следующая партия. Ком снова подал голос, предупреждая, что на посадку заходит сама «Норвегия».

— Спрячь голову! — велел Джош, и Дэймон медленно опустился на корточки возле подпор-

ки топливного резервуара. Лес лебедок мешал как следует разглядеть, что творится у причала. Но кое-что было ясно: вместо докеров Мэллори использовала своих десантников, а Джон Лукас, вероятно, все еще распоряжался в контрольном центре. Да, по всей видимости, он предложил Мациану сотрудничество, и под натиском Унии Мациан выбрал эффективность в ущерб справедливости. И Дэймону несдобровать, если он попробует выйти к настороженным десантникам и обвинить кого-то в заговоре и убийстве.

— Я должен выйти, — нерешительно произнес он, боясь окончательно расстаться с надеждой.

— Тебя проглотят заживо, — пообещал Джош. — Ты же ничего не можешь им предложить.

Дэймон посмотрел в лицо своего спутника — мягкосердечного человека, умеющего убивать. В его душе, вывернутой наизнанку при Урегулировании, наверное, не осталось ничего, кроме боли. «Посади меня за панель компа, — сказал однажды Джош, — и я вспомню, как с ним работать». Пошли его в бой, и в нем проснутся другие рефлексы. Тонкие руки Джоша прижимали пистолет к коленям, а взор не отрывался от арки синего дока, в который входила «Норвегия». На бледном, напряженном лице — гримаса бессильной ненависти.

Дэймон ощутил в правой ладони пистолетную рукоять, переместил указательный палец на спусковой крючок. Униат, урегулированный не до конца. Сохранивший способность ненавидеть. Способность, грозящую ему безумием. Сегодня — день смерти. Невозможно определить число жертв, и нет больше ни закона, ни родственных уз, ни дружбы. На Пелл пришла война, а Дэймон все еще не избавился от наивности. Джош опасен. Это враг, прекрасно владеющий боевым искусством. И этих навыков из него не вытравишь никакими психиатрическими процедурами.

Ком возвестил о прибытии рейдероносца. Раздался гулкий удар носового щупа о подводящий конус. Джош Толли по-прежнему не шевелился, лишь резко дернулся кадык. Дэймон правой рукой взял Джоша за запястье.

— Не надо… Не надо ничего делать, слышишь? Тебе до нее не добраться.

— И не собираюсь, — ответил Джош, не взглянув на него. — Только бы тебе самому хватило осмотрительности.

Пистолет Дэймона по-прежнему лежал на бедре, но палец расстался со спусковым крючком. «Норвегия» уже прочно состыковалась, зашипел воздух в шлюзе, с лязгом встала на место «пупо-

вина». Дэймон ощутил во рту привкус желчи.

В док выплеснулся десант. Неотличимые издали друг от друга, грозные латники частью построились под возгласы командиров, частью сменили на позициях вооруженных матросов рейдера. Внезапно у изгиба стены показалась еще одна фигура в доспехах, раздался крик, и со стороны зеленой, от магазинов, офисов, баров и гостиниц к кораблю ринулась толпа оставленных на Пелле солдат.

Оцепление разорвалось, пропуская товарищей, которые несли раненых и убитых. Сцементированные дисциплиной шеренги всколыхнулись, но не развалились; поднялся радостный гомон; солдаты обнимали друзей. Дэймон плотнее прижался к резервуару; подле съежился Джош.

Один из офицеров выкрикнул команду, и колонна двинулась вперед между двумя цепями бдительных десантников, которые протянулись до прохода на девятый ярус зеленого дока.

Дэймон отполз назад, в тень, все дальше и дальше. Джош не отставал. От головы колонны до них долетали возгласы офицеров и сотрясающий стены рев мегафона: «Очистить коридор!» Внезапно раздались вопли и стрельба. Дэймон прижался лбом к стенке резервуара и весь обратился в слух.

Раз или два он ощутил, как вздрагивает Джош, слыша предсмертные крики, и не мог понять, вздрагивает ли он сам.

«Пелл гибнет», — подумал он со спокойствием смертельно уставшего человека, ощущая, как слезы льются из закрытых глаз. Его охватила дрожь. Чем бы ни кончилось это сражение, его нельзя назвать победой Мациана. Ни при каком везении малочисленной эскадре Компании не разгромить Унию. Это всего лишь удачная стычка, чуть отдалившая закономерный конец. Таких стычек будет еще немало, но рано или поздно Флот и Компания исчезнут, а то, что останется от Пелла, перейдет в руки победителей.

Огромные звездные станции давно уже не в моде — из-за прыжка. Сейчас обживаются планеты; в космосе новый приоритет, новый порядок. Военные давно это поняли, и все поняли, кроме Константинов. Его отец мечтал о третьем пути — пути не Компании и не Унии, а Пелла. И не просто мечтал, а встал на этот путь, создавая на планете, вокруг которой летает станция, общество справедливости, пренебрегая, быть может, некоторыми интересами станции, ценя справедливость выше безопасности и надеясь, что духовные ценности Пелла переживут тяжелые

времена.

Увы, на Пелле хватает интриганов и шкурников, готовых ради своей выгоды плясать под чью угодно дудку. Один из их — Джон Лукас. Будь у Мациана хоть отдаленное представление о справедливости, он бы сразу понял, кто такой Джон Лукас. Но Флоту ни к чему честные люди, ему нужен лишь тот, кто готов беспрекословно подчиняться и блюсти закон Конрада Мациана.

И чем бы ни кончилась эта война, Джон переживет ее и окажется на стороне победителя. В его крови — такое же упорство, такое же неприятие смерти, как и у его сестры Алисии, как и у Дэймона… Наверное, Дэймону не следует соваться в центральную. Наверное, Пеллу в последние дни его существования нужен именно такой правитель, умеющий лавировать и выходить целым и невредимым из любых переделок, не жалеющий никого и ничего, лишь бы выторговать у врага пощаду для себя.

Но Дэймону никак не смириться с предательством, и если он встретит Джона… Странное, непривычное это чувство — ненависть к изменнику и убийце, особенно бессильная ненависть, как у Джоша… Но если Дэймону суждено выжить, он отомстит. Он не подвергнет Пелл опасности,

но сделает все, чтобы Джон Лукас не ведал покоя. Пока хоть один из Константинов на свободе, любого самозваного властителя Пелла по ночам будут мучить кошмары. А уж Дэймон постарается пробыть на свободе как можно дольше.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ГЛАВНАЯ БАЗА НА НИЖНЕЙ; 13:00; МЕСТНАЯ НОЧЬ

В эфире царила гнетущая тишина. Эмилио стоял, склонившись над комом, возле которого хлопотал Эрнст и толпился остальной персонал. Милико держала его под руку. Ни слова со станции. Ни слова от Флота. Порей и его команда умчались с планеты больше часа назад, и все это время колония пребывала в неведении.

— Ладно, хватит, — бросил Эмилио Эрнсту и добавил, услышав недовольный шепот сотрудников: — Мы не знаем, что происходит на станции, не знаем даже, кто там распоряжается. Не вздумайте паниковать, слышите? И прекратите нести чушь. Хотите остаться на главной и ждать униатов — ради Бога, я отговаривать не стану. Но это огромный риск, неужели не понимаете? Если Мациан проиграет, то перед отступлением он эвакуирует базу. А то и вовсе уничтожит — чтобы не досталась врагу. Оставайтесь, если угодно. А у меня другие планы.

— Но ведь нам далеко не уйти, — возразила

одна из женщин. — И как мы выживем без оборудования?

— Здесь нам тоже мало что светит, — сказала Милико.

В шепоте колонистов зазвучали испуганные нотки.

— Послушайте, — заговорил Эмилио, — послушайте, я очень сомневаюсь, что военные сумеют посадить корабль в лесу без специальной техники, о существовании которой мы пока не слышали. Может, они попытаются нас разбомбить или что-нибудь в этом роде, но все-таки я предлагаю укрыться. Мы с Милико уходим. Мы не хотим ни работать на Унию, ни дожидаться Порея.

Голоса стали тише и звучали уже не испуганно, а озабоченно.

— Сэр, — произнес Джим Эрнст, — вам нужно, чтобы я был при коме?

— А ты хочешь здесь остаться?

— Нет.

Эмилио неторопливо кивнул, обведя взглядом сотрудников.

— Можно забрать портативные компрессоры и полевой купол. Зарыться где-нибудь в укромном месте. И выжить. Это реально.

Сотрудники растерянно закивали. Никто не мог до конца осознать, с какой бедой они столкнулись. В том числе и сам Эмилио.

— Тогда оповести все лагеря, — велел он Эрнсту. — Скажи: пускай уходят или остаются, кто как пожелает. Я никого не потащу в лес против воли. О низовиках мы уже позаботились — Уния не сможет взять их в оборот, — а теперь пора позаботиться о себе. Заберем часть продуктов из неприкосновенного запаса — Порей о нем не знает. Снимем кое-какие детали с машин — тех, которые не сможем взять с собой… и — в лес. Где возможно, проедем на вездеходах. По пути спрячем все самое тяжелое, а затем постепенно перенесем в новые лагеря. Дорогу и вездеходы разбомбить несложно, но чтобы разыскать нас в лесу, потребуется немало времени. Повторяю: кто хочет, пусть остается и работает на новый режим. Я никого принуждать не стану.

Шепот почти затих, и вскоре кто-то пошел собираться. Затем другой, третий… Толпа возле кома быстро растаяла. Эмилио повел жену в операторскую, в их комнату, — собрать в дорогу то немногое, что они могли увезти. Он волновался, сердце учащенно билось. Все это может кончиться очень плохо. Персонал может взбунтоваться,

схватить Эмилио и Милико и выдать новым властям в обмен на снисхождение… Людей, способных на такое, в колонии хватает с лихвой… особенно среди "К".

Хоть бы одно слово пришло от семьи… Отец послал бы весточку, если бы мог. Если бы мог…

— Поспеши, — попросил он Милико. — Скоро о нашем решении узнают все базы. Мы оповестим их по всем каналам. — Он сунул в карман маленький пистолет, снял с вешалки самую теплую куртку, взял коробку цилиндрических фильтров для противогаза, флягу и топорик. Милико захватила нож и два скатанных одеяла.

На полу посреди операторской люди в спешке упаковывали одеяла и одежду.

— Выключите насос, — велел Эмилио одному из них. — Выньте из него предохранители.

Он отдал еще несколько распоряжений. Операторская опустела — одни направились к вездеходам, другие — к агрегатам, которые решено было вывести из строя.

— Поторопитесь! — крикнул Эмилио вдогонку своим подчиненным. — Выезжаем через пятнадцать минут.

— А как быть с "К"? — спросила Милико.

— Пусть тоже выбирают: или оставаться здесь,

или ехать с нами на правах штатных рабочих. Да они, наверное, уже знают. — Супруги прошли через шлюз, поднялись по деревянным ступенькам в полутьму, где суетились люди, насколько это позволяли маски, стесняющие дыхание. Взревел двигатель вездехода.

— Будь осторожна! — крикнул Эмилио жене, когда их пути разошлись. Он пошел вниз по каменистой тропе, затем вверх по отрогу карантинного холма, к уродливому залатанному куполу. Сквозь пластик проникал желтый свет.

Обитатели купола выглядели так, будто ночью они не спали.

— Константин! — закричал один из них, всполошив соседей. Весть разнеслась по куполу раньше, чем за спиной Эмилио закрылась дверь. Он прошел в самый центр помещения; сердце скакало так, что казалось, вот-вот застрянет в горле.

— Надо поговорить, — выкрикнул он. — Снаружи.

"К" ринулись к двери. Купол ощутимо просел, затем шлюз выпустил наружу порыв теплого воздуха и толпу, а вместе с нею — Эмилио.

Вопреки его ожиданиям, в людях из "К" не было заметно особого беспокойства. Они ждали, окружив Эмилио и перешептываясь между собой. Но

это спокойствие настораживало.

— Мы уходим отсюда, — заявил он. — От станции — никаких вестей. Не исключено, что она захвачена униатами.

Раздались огорченные возгласы; кто-то потребовал тишины.

— Повторяю: мы не знаем, что происходит на Верхней. Но мы в более выгодном положении, чем станционеры: у нас есть планета, продовольствие и воздух. Те из вас, кто переселились давно, знают, что жить тут можно… даже под открытым небом. Мы свой выбор сделали, теперь очередь за вами. Уходите с нами или оставайтесь работать на Унию. Мы переселимся в лес, там будет нелегко, и в другое время я не посоветовал бы этого старикам и детям, но я вовсе не уверен, что здесь будет безопаснее. Есть шансы, что в лесу нас искать не станут. Это очень сложно, да и незачем — мы же не собираемся воевать. Так что решайте. Если предпочитаете остаться, эта база — ваша. Мы не сломаем ни одной машины, необходимой для жизни, и не скажем, куда идем. Но если вы пойдете с нами, то у нас все будет на равных. С самого начала и до конца.

Наступила мертвая тишина. Эмилио охватил страх — приходить сюда в одиночку было безу-

мием. Впрочем, если "К" запаникуют, их и вся база не усмирит.

Кто-то из стоявших с краю толпы открыл люк купола, и внезапно "К" зашумели и хлынули обратно в шлюз. Раздались крики, что им понадобятся все одеяла и цилиндры; какая-то женщина вопила, что не сможет идти. Эмилио подождал, пока все исчезнут в куполе, затем повернулся и взглянул на остальные жилища, из которых то и дело появлялись озабоченные резиденты с охапками вещей.

Пожитки относили в котловину, где уже поджидали вездеходы. Постепенно прибавляя шагу, Эмилио спустился в людской водоворот, бурливший вокруг машин.

В кузов одного из вездеходов укладывали полевой купол и запасной пластик. Сотрудник, распоряжавшийся погрузкой, предъявил Эмилио список — так буднично, словно они готовились к сооружению очередного планового лагеря. Кое-кто, вызывая ругань бригадиров, норовил закинуть на вездеход баулы со своим скарбом. Уже подходили "К", некоторые из них несли больше клади, чем требовалось.

— На вездеходы — самое важное, — закричал Эмилио. — Старики и дети сядут на багаж. Все,

способные ходить, пойдут пешком, и не налегке, ясно? Если на вездеходах останется место, погрузите тяжелые вещи. Кто не может идти?

Отозвалось несколько "К". Им помогли забраться на вездеходы, затем усадили в кузова детей и стариков. Кто-то испуганно закричал, что еще не все собрались.

— Спокойно! Никого не оставим, да и пойдем медленно. Километр по дороге, потом — по лесу. Вряд ли солдаты в тяжелых доспехах будут нас там искать.

Почувствовав на своей руке ладонь жены, Эмилио обнял ее и прижал к себе. Ему казалось, будто он видит сон… впрочем, что еще может ощущать человек, когда его мир проваливается в тартарары, когда его родственники и друзья — в плену или уничтожены. Эти мысли рождали отвратительную тяжесть в желудке, но Эмилио не гнал их — не имел права закрывать глаза на происходящее. Хотя всякий раз его охватывала ярость — неудержимая, ищущая выхода…

Пришел черед кома. За его погрузкой надзирал Эрнст. Между аварийным аккумулятором и портативным генератором поставили комп — на случай, если понадобится записать информацию.

Наконец сборы закончены, последние пассажиры устроились в мягких гнездах среди баулов и матрасов. Люди еще суетились, но их движения и голоса обрели уверенность. До рассвета оставалось два часа, еще горели фонари на аккумуляторах, купола еще испускали желтое свечение. Но в шуме толпы и двигателей недоставало одного звука: ритмичного гула компрессоров. Пульса Нижней.

— Трогай! — закричал Эмилио водителю головной машины. Вездеходы взревели и тронулись в нелегкий путь по топкой дороге.

Следом брели люди. Колонна окончательно сформировалась у реки, миновала мельницу и вошла в лес. Справа холмы и лес смыкались, загораживая от людей ночной ландшафт. Все порождало ощущение иллюзорности: лучи фар, скользящие по зарослям тростника, травянистым склонам холмов и стволам деревьев, силуэты путников, противогазы, забавно шипящие и хлюпающие в унисон с гулом моторов. Самым удивительным было отсутствие жалоб, словно всех охватило безумие и они, сознавая это, смирились. Они знали, каково на вкус Мацианово правление, и слышали, как униаты обходятся со своими пленными. Они сделали выбор.

По обочинам дороги вздрагивали кусты и тростники высотой человеку по пояс, то и дело невидимые существа срывались с места и стремительно уносились по склону холма — казалось, по траве скользят гибкие проворные змейки. Милико указала на это мужу, а чуть позже в колонне зазвучали тревожные возгласы.

У Эмилио отлегло от сердца. Сжав и отпустив руку жены, он зашагал к зарослям. Колонна не остановилась.

— Хиза! — громко позвал он. — Хиза! Это я, Эмилио Константин. Вы нас видите?

Вскоре стайка низовиков пугливо выбралась на свет. Один из них вытянул вперед руки; Эмилио повторил этот жест. Низовик приблизился к нему и обнял.

— Любить ты, — заявил юный самец. — Ты идти поход, молодой Константин?

— Топотун? Ты Топотун?

— Я Топотун, Константин-человек.

Неяркий луч фары затормозившего вездехода выхватил из мрака острозубую улыбку.

— Я бежать-бежать-бежать обратно, снова видеть ты. Все мы глаза на ты. Делать ты безопасно.

— Люблю тебя, низовик. Люблю тебя.

Хиза восторженно подпрыгнул.

— Ты идти прогулка?

— Мы бежим, Топотун. На Верхней беда. Люди-ружья. Возможно, они спустятся на Нижнюю. Мы убегаем, как хиза. У нас много старых и маленьких, некоторые совсем не могут ходить. Нам надо где-нибудь спрятаться.

Топотун повернулся к своим спутникам и сказал несколько слов. Сородичи отозвались возбужденным щебетом, затем один из них шмыгнул обратно под прикрытие древесных стволов и ветвей. С удивительной силой Топотун сжал руку Эмилио и повел к дороге, где застыла в ожидании вся колонна. Люди столпились вдоль обочины, задние толкали передних, стараясь разглядеть, что происходит.

— Господин Константин, — встревоженно обратился сотрудник с пассажирского сиденья в кабине вездехода, — это не опасно, что они нас заметили?

— Это хорошо. — Эмилио повернулся к остальным. — Радуйтесь — хиза вернулись. Они знают, кому из людей нужно помогать, а кому нет, правда? Они все время наблюдали за нами, чтобы прийти на помощь в трудную минуту. Эй, люди, — закричал он невидимому хвосту колон-

ны, — они вернулись, слышите? Хиза знают лес вдоль и поперек. Они готовы нас спрятать.

Толпа загомонила. В голосах слышалось сомнение.

— Еще ни один низовик не сделал человеку плохого! — крикнул Эмилио во тьму, перекрывая спокойный рокот двигателей. Милико взяла мужа под руку, сам он мягко сжал кисть Топотуна, и они зашагали вперед. Вездеходы тоже стронулись с места, и колонна медлительным удавом поползла по дороге, сопровождаемая хиза, которые уже не прятались в зарослях. Некоторые люди шарахались от них, те, что посмелее, покорно сносили робкие прикосновения. Даже "К" храбрились, глядя на ветеранов Нижней, меньше всего обеспокоенных появлением туземцев.

— Все в порядке, — услышал Дэймон голос одного из рабочих. — Пускай ведут нас куда хотят.

— Топотун, — сказал Эмилио, — нам нужно безопасное место. И не только нам, но и людям изо всех лагерей. Нужно много безопасных мест.

— Ты хотеть безопасно, ты хотеть помощь. Пойти, пойти.

Маленькая, но крепкая кисть не выпускала руку Эмилио — со стороны могло показаться, что родители гуляют с ребенком. Но на самом

деле это низовик уводил людей, как младенцев, в неведомую чащу, откуда (Эмилио сознавал это) им, быть может, не суждено вернуться.

— Идти мы место, — сказал хиза. — Мы делать ты безопасно, мы сны плохой человеки уходить, и они уходить, хиза сны, человеки сны, вместе сны. Идти место сны.

Эмилио не разобрал бормотания низовика, но вспомнил, что в лесу есть места, куда хиза никогда не водили людей. Места для снов… Но разве все, что окружало Эмилио, не было сном? Этот побег, это призрачное ночное шествие людей и хиза, это крушение всего, что называлось Нижней…

Хиза спасают людей, и если вскоре на планету высадятся чужие, низовикам будет кого попросить о помощи и защите. Ничего другого им не остается.

— Рано или поздно униаты прилетят, — сказал Эмилио жене, — и захотят вырубить леса, понастроить фабрик и перегородить реку. Так всегда бывает, верно? Если только мы допустим. — Он потряс руку Топотуна, глянул в маленькое взволнованное лицо. — Надо предупредить остальные лагеря, надо всем людям уйти в леса, в долгий-долгий поход. Нужна хорошая вода, хорошая еда.

— Хиза найти. — Топотун ухмыльнулся, заподозрив, что ему предлагают участие в какой-то игре. — Человеки нет хорошо прятать еда.

Возможно, это продлится недолго… Так утверждают некоторые. Когда у людей не останется даров, низовики, наверное, утратят благоговение и пойдут по жизни своей дорогой. А может, этого не случится. Хиза уже не такие, как до появления человека на Нижней.

То же самое можно было сказать и о людях, поселившихся на планете.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ТОРГОВЫЙ КОРАБЛЬ «МОЛОТ»: ГЛУБОКИЙ КОСМОС; 19:00

Витторио налил себе порцию горячительного — уже вторую с тех пор, как пространство вокруг «Молота» заполнилось потрепанным в сражении флотом. По всей видимости, дело приняло нежелательный для униатов оборот. Экипаж псевдоторговца погрузился в тягостное молчание: среди них был враг, который стал свидетелем национального позора. Витторио не поднимал глаз, помалкивал, желая только напиться до отключки, и как можно быстрее, пока его еще ни в чем не успели обвинить. Упаси Боже утешать их или хотя бы выражать соболезнование…

По вине отца он стал самым настоящим заложником и с горечью осознавал, что отец, судя по всему, обвел их всех вокруг пальца. Вероятно, его, Витторио, положение даже опаснее, чем у обычного заложника. Скорее всего. Уния собирается сделать на него ставку.

«Отец ненавидит меня», — пытался втолковать он униатам, но они только отмахнулись, как от

неуместной шутки. Впрочем, капитан «Молота», был мелкой сошкой. Судьбу Витторио решал не он, а Джессад. Где он теперь, этот Джессад?

«Молот» ждал гостя. Какую-то важную шишку. Может быть, самого Джессада, которому предстояло доложить о провале миссии и о необходимости избавить корабль от ненужного живого балласта.

Витторио успел проглотить вторую порцию, прежде чем суета экипажа и едва ощутимое содрогание корпуса сообщили о стыковке. Затем дважды лязгнули люки шлюза, щелкнули замки экзокаркаса и вращающегося цилиндра, перешедших в режим синхронизма, и зашумел мотор лифта. Застыв в кресле, Витторио глядел на стакан и горевал, что слишком трезв. Выгнутая палуба (она же — поверхность цилиндра) загораживала от него двери лифта. Он вздрогнул, когда в кают-компанию вошли совсем не с той стороны, куда он смотрел, а сзади — из коридора.

Бласс, капитан «Молота». Двое членов экипажа. Множество незнакомых офицеров, а за их спинами — штатские. Пошатываясь, Витторио встал и посмотрел на омоложенного офицера с серебристыми волосами. На мундире сверкали металлические побрякушки. Чуть позже он узнал

одного из штатских. Дэйин Джекоби!

— Витторио Лукас, — представил его Бласс. — Командующий флотом капитан Себ Азов. Господин Джекоби с вашей станции. Господин Сегюст Эйрис из Земной Компании.

— Из Совета безопасности, — поправил Эйрис.

Азов уселся за стол, а остальные расположились на скамьях вокруг него. Витторио опустился в кресло, не чувствуя пальцев, которыми опирался о поверхность стола. В мозгу у него, набегая и отступая, клубился алкогольный туман. Он старался держаться естественно. Эти люди пришли посмотреть на него… а он не способен ничего сделать ни для них, ни для кого бы то ни было. Балласт…

— Операция началась, господин Лукас, — сообщил Азов. — Мы уничтожили два вражеских корабля и вызвали подкрепление. Не так-то просто выбить маццановцев из системы Пелла, они цепляются за станцию. Зато нам удалось выгнать большинство торговцев. Остались только станционные ближнерейсовики, они служат маскировкой.

— Чего вы от меня хотите? — спросил Витторио.

— Господин Лукас, какое-то время вы руково-

дили «Лукас Компани» и, как я полагаю, знакомы с торговцами, базирующимися на станции Пелл.

Витторио понимающе кивнул.

— Господин Лукас, «Молот» возвращается в пределы слышимости Пелла. При его контактах с торговцами роль комтеха будете исполнять вы. Но не под настоящим именем, а как член семьи «Молота». Постарайтесь как можно тщательнее изучить ее состав. Учтите: если у «Молота» возникнут проблемы с купеческой милицией или мациановцами, ваша жизнь будет зависеть от вашей изобретательности. Вы предложите торговцам, оставшимся при Флоте, удобный и надежный путь к спасению, то есть уйти из территориального пространства Пелла. Оставить Мациана без снабжения. Мы хотим, господин Лукас, чтобы эти торговцы не путались у нас под ногами, и нам будет крайне неудобно, если они узнают, как мы обошлись с «Молотом» и «Лебяжьим пером». Этого не должно произойти. Надеюсь, вы меня понимаете?

«Семьи с этих кораблей, — тоскливо подумал Витторио, — никогда не получат свободу… во всяком случае, без Урегулирования. А ведь моя память тоже опасна для униатов. Если им верить, насилием над нейтральными купцами грешат

только мацияновцы. Азову, видите ли, будет крайне неудобно, если я расскажу всему миру, что он и его шайка не только захватывают корабли и целые экипажи, но и крадут имена… Да, кража имен — самое страшное преступление в глазах торговцев, которые больше всего на свете ценят свое достоинство». Он спохватился, что ощупывает пустой стакан, поставил его на стол и притворился трезвым и хладнокровным.

— Что ж, это совпадает с моими интересами, — согласился он. — Поскольку мое будущее на Пелле видится отнюдь не в розовых красках.

— Поясните, господин Лукас.

— У меня появилось намерение, сделать карьеру, служа Унии, капитан. — Он поднял взгляд на хмурое лицо Азова, надеясь, что на его собственном лице нет и тени робости. — Мое отношение к отцу теперь трудно назвать теплым, поскольку он практически добровольно отдал меня в ваши руки. Я хорошо подумал — времени было более чем достаточно, — и предпочитаю отныне договариваться с Унией от своего имени.

— Пелл потерял друзей, — мягко заключил Азов, покосившись на мрачное лицо Эйриса, — а теперь его бросают и равнодушные. Такова воля ваших бывших граждан, господин посол.

Землянин исподлобья глянул на Азова.

— Мы принимаем ситуацию такой, как она есть. В намерения моей миссии никогда не входило препятствовать волеизъявлению граждан, населяющих эти территории. Меня заботит только безопасность станции Пелл. Речь идет о тысячах жизней, сэр.

— Пелл в осаде, господин Эйрис. Мы перерезали пути снабжения и обескровили Флот, принудив его к бездействию. — Азов повернулся лицом к Витторио и секунду разглядывал его. — Господин Лукас, нам необходимо прекратить доступ к запасам продовольствия на шахтах и на самой Нижней. Удар по этим объектам… возможен, но обойдется нам слишком дорого, и я не верю в его эффективность. Поэтому мы не станем торопить события. Мациан мертвой хваткой вцепился в Пелл, и если убежит, то оставит за собой одни руины. Испепелит колонию на Нижней, взорвет саму станцию и улетит к Тыловым Звездам… К Земле. Господин Эйрис, вы что, хотите, чтобы ваша драгоценная Планета-Мать превратилась в логово мацианских бандитов?

В глазах у Эйриса мелькнула тревога.

— Да, он вполне на это способен, — продолжал Азов, не сводя с Витторио ледяного, пронзитель-

ного взгляда. — А предотвратить это в наших с вами силах, господин Лукас. В этом-то и заключаются ваши обязанности. Собирайте информацию… с помощью которой вы сможете склонить торговцев к бегству от Мациана. Вы согласны, что это в пределах ваших возможностей?

— Да, сэр.

Азов кивнул.

— А теперь, господин Лукас, мы вынуждены извиниться перед вами и господином Джекоби.

Секунду Витторио сидел неподвижно, недоумевая, затем сообразил, что его просто-напросто выгоняют. Угрюмый взгляд Азова давал понять, что никаких возражений и контрпредложений от него седой капитан не потерпит. Витторио медленно поднялся и направился к выходу, следом, извинившись, пошел Дэйин. Капитан «Молота» приготовился слушать распоряжения Азова, и Витторио весьма сожалел, что сам он лишен такой возможности.

Азов не солгал: его эскадре досталось на орехи. Судя но отдельным репликам матросов «Молота», долетевшим до ушей Витторио, погибли целые рейдероносцы. И вот теперь его самого бросают в мясорубку.

Войдя в каюту, он оглянулся на Дэйина и опу-

стился на койку.

— Как дела? — спросил он. Он никогда не питал особой симпатии к Дэйину. Однако сейчас, среди чужих людей, да еще перед лицом опасности, встреча с родственником несла облегчение.

Дэйин пожал плечами.

— А у тебя?

Витторио был польщен — впервые в разговоре с ним дядя Дэйин снизошел до вежливого тона.

— Прекрасно.

Дэйин устроился напротив него.

— Вы знаете, — поинтересовался Витторио, — сколько они потеряли?

— Порядком. Я так понял, Мациан задал им перцу. Пропали два корабля — кажется, «Слава» и «Стойкость».

— Но Уния построит новые корабли. Уже сейчас она может собрать для Азова подкрепление. Сколько это еще продлится?

Дэйин с упреком покачал головой и многозначительно посмотрел вверх. Кое-где вентиляторы гудели достаточно громко, чтобы заглушить их беседу, но ничто не мешало оптическим устройствам.

— Они загнали его в угол, — сказал Дэйин. — У них — неограниченные ресурсы, а мациановский

Флот дышит на ладан. Азов прав. Мациан славно врезал им по зубам, но отбил себе кулак.

— А что будет с нами?

— По мне, так уж лучше сидеть здесь, чем на Пелле.

Витторио с горечью рассмеялся. У него плыло перед глазами, а в горле стоял комок. Он неопределенно покачал головой и произнес для тех, кто мог подслушивать:

— Пожалуй, я сделаю все, что в моих силах. Ведь, помогая Унии, я помогаю себе.

Как-то странно посмотрев на него, Дэйин нахмурился — видимо, понял. Впервые за свои двадцать пять лет Витторио ощутил родственные узы. Оставалось лишь гадать, отчего это случилось в присутствии человека, который был на три десятка лет старше и обладал совершенно иным жизненным опытом. Впрочем, Глубокому Космосу нередко удавалось в наикратчайший срок связать наикрепчайшей дружбой самых непохожих людей. Быть может, недавно Дэйин стоял точно перед таким же выбором, и он тоже не считает Пелл своим домом.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1. ПЕЛЛ: БЕЛЫЙ ДОК

Пламя ударило в стену. Дэймон плотнее вжался в угол и долю секунды упирался, не давая Джошу увлечь его за перепуганной, вопящей толпой. Затем он все-таки вскочил на ноги и бросился вслед за другом в живую лавину, несущуюся в док с девятого яруса зеленой. Кто-то угодил под выстрел и закувыркался у них под ногами; они перепрыгнули через убитого и побежали дальше — в ту сторону, куда их гнали десантники.

Станционеры, беженцы из "К"... Разница между ними уже исчезла. Пучки энергии терзали стойки и витрины магазинов, каждый сполох почти беззвучного залпа сопровождался пароксизмом боли и ярости. Стрельба велась по внутренним конструкциям, солдаты старались щадить легкоуязвимую внешнюю оболочку станции. Толпа неслась по коридору, оставляя позади ослабевших.

Наконец, по примеру Джоша, Дэймон перешел на шаг. Они уже находились в белом доке, и здесь толпа рассеялась. Лишь несколько человек, не

заметив, что стрельба прекратилась, побежали дальше.

Углядев между магазинами укромное местечко, Дэймон свернул туда. Джош направился следом. Хозяин бара предусмотрительно запер входную дверь, но в ее глубокой нише можно было по крайней мере укрыться от шальных выстрелов.

Перед баром лежало десятка полтора трупов; с этого расстояния было не разобрать, новые они или этих людей убили уже давно. За последние часы Дэймон и Джош успели привыкнуть к трупам, и теперь из своего убежища они то и дело наблюдали зверские драки — в основном между станционерами и "К". Многие просто слонялись по доку, кое-кто выкрикивал имена родственников и друзей... Какой-то человек, узнав покойника, зарыдал во весь голос. Дэймон опустил голову и спрятал лицо в ладонях.

Спустя некоторое время в белом и зеленом доках появились отряды латников и наспех организовали бригады чистильщиков для сбора и шлюзовки трупов. В бригады отбирали наиболее активных и крикливых. Съежившись у дверного косяка, Дэймон и Джош избегли этой участи.

Наконец из своего укрытия, затравленно озираясь, выбрались низовики и принялись

уничтожать следы смерти. При виде этих добрых созданий, верных своему «профессиональному долгу», у Дэймона впервые за целый день чуть-чуть потеплело на душе.

Как и все, кого согнали в доки, Дэймон и Джош вздремнули, свернувшись калачиком в нише. Время от времени ком будил их докладами о восстановлении порядка на том или ином участке и обещаниями вскоре доставить пищу.

Пища. Мысли о ней стали навязчивыми. Дэймон не жаловался, однако чувствовал, как слабеют от голода его руки, сомкнутые вокруг колен. «Слабость», — подумал он, жалея, что не успел позавтракать, да и пообедать, и поужинать… До сих пор в его понимании голодом было ощущение, возникавшее к вечеру хлопотного дня, если он пропускал обед. Пустяк. Неудобство, но не более того. А сейчас — другое… Оказывается, голод снижает сопротивляемость, глумится над рассудком, выставляет напоказ немощь, о которой ты, быть может, не подозревал… Если Дэймона и Джоша опознают и схватят, то это, весьма вероятно, случится в очереди за едой. Но очереди не избежать, иначе — смерть от истощения. Это становилось тем понятнее, чем острее пахло в доке пищей, чем беспокойнее вели себя

остальные. И вот наконец появились аварийные кухни, точнее, раздаточные тележки, которые тащили низовики. Их сразу обступили голодные, поднялись шум и суета, но солдаты, сопровождавшие каждую тележку, быстро успокоили толпу.

Тележки приближались. Дэймон и Джош поднялись, но выходить из ниши не спешили.

— Я прогуляюсь, — сказал Джош, — а ты побудь здесь. Попробую взять на двоих, скажу, что у меня ранили друга.

Дэймон отрицательно покачал головой. Так рисковать — глупо, противоестественно… но вряд ли их — грязных, потных, нечесаных, в окровавленных комбинезонах, — кто-то сумеет узнать. И если боязнь ножа подосланного убийцы или выстрела десантника не позволит ему пройти через док, то он наверняка спятит.

Похоже, у раздачи не спрашивают удостоверений. Да пусть бы и спрашивали — у Дэймона три карточки, плюс его собственная, которой он, разумеется, воспользоваться не рискнет. У Джоша две чужие карточки, но на обеих фото не имеют даже отдаленного сходства с его лицом.

Казалось бы, чего проще — на глазах у солдата подойти к тележке, взять сэндвич и пластиковый контейнер с чуть теплым фруктовым напит-

ком, и сразу — обратно. Но к двери бара Дэймон возвращался, как охотник с удачного промысла — распираемый гордостью. Он на корточки, а чуть позже рядом опустился Джош.

Вот ведь удивительно: едва притупились голод и жажда, как возникла иллюзия, что самое страшное позади. И еще одно ощущение: будто Дэймон перенесся в какую-то чужую реальность, где привычные рефлексы человеку ни к чему, а нужна лишь звериная настороженность.

Внезапно по доку раскатился щебет хиза — уборщик издали перекликался со своими сородичами у раздаточных тележек. Дэймон опешил: низовики, когда кругом все спокойно, ведут себя очень тихо.

Солдат у тележки вздрогнул и вскинул ружье. Но тревога оказалась напрасной, его окружали только тихие, запуганные люди и озабоченные круглоглазые низовики, уже вернувшиеся к своим делам. Доев сэндвич и осушив контейнер, Дэймон проводил взглядом тележку, которая, погромыхивая, удалялась мимо внутренней стены к зеленой.

К ним приблизился низовик с коробкой, наполненной пластиковой посудой, и требовательно протянул руку. Джош отшатнулся, а Дэймон бро-

сил свой контейнер в коробку и встревоженно поднял глаза, ощутив на своем запястье чужую ладонь.

— Ты — Константин-человек?

— Уходи, низовик, — хрипло прошептал Дэймон, — и не говори больше моего имени вслух. Меня убьют, если узнают. Молчи и уходи побыстрее.

— Я Синезуб. Синезуб, Константин-человек.

— Синезуб? — Дэймон сразу вспомнил туннели и раненого сезонника. Жилистые пальцы хиза крепче сжали его руку.

— Низовик имя Лили послать от Солнце-Ее-Друг ты имя Лисия. Она послать мы делать Лукасы тихо, нет приходить она-место. Любить ты, Константин-человек. Лисия-она безопасно, низовики все кругом она, делать она безопасно. Мы привести ты, ты хотеть?

На миг Дэймону отказало дыхание.

— Жива? Она жива?

— Лисия-она безопасно. Послать ты прийти, делать ты безопасно с она.

Схватив мохнатую лапу и глядя в круглые темно-коричневые глаза, он попытался собраться с мыслями. Низовик что-то лопотал, но Дэймон не понимал ни слова из туземной речи. Наконец он

грустно покачал головой.

— Нет. Нет. Мне нельзя к ней. Это опасно. Люди-ружья, понимаешь, Синезуб? На меня охотятся люди. Скажи ей… скажи, что я в безопасности, что я надежно спрятался, что Элен улетела на корабле. У нас все хорошо. Синезуб, скажи, я ей нужен? Нужен?

— Безопасно она-место. Низовики сидеть с она, все низовики Верхняя. Лили с она. Атласка с она. Все-все.

— Передай ей… Передай, что я люблю ее. Что у нас с Элен все хорошо. Люблю тебя, Синезуб.

Его стиснули коричневые руки. Дэймон тоже порывисто обнял низовика, затем тот призраком выскользнул из ниши и побрел прочь, собирая по пути мусор.

Дэймон огляделся по сторонам — не наблюдает ли кто? — но встретил только озадаченный взгляд Джоша. Опустив голову, Дэймон потерся мокрой щекой о руку, покоящуюся на колене. Анестезия радости проходила, возвращался страх. Ибо ему снова было за кого бояться. За человека, еще способного испытывать боль.

— Мать? — спросил Джош. — Вы о ней говорили?

Дэймон молча кивнул.

— Я рад, — с теплотой в голосе произнес Джош.

Дэймон снова кивнул. Он старался размышлять спокойно и здраво, но чувствовал, что рассудок не выдерживает.

— Дэймон…

Он поднял голову и проследил за взглядом Джош а. Со стороны зеленой, из-за изгиба внутренней стены, строем выходили солдаты. Вид у них был более чем решительный. Спокойно, даже равнодушно, Дэймон поднялся, отряхнул комбинезон и повернулся к доку спиной, чтобы прикрыть собою друга. Джош тоже встал.

— Похоже, в зеленой уже навели порядок.

— Все в порядке, — твердо произнес Дэймон. До сквозного коридора было недалеко, к тому же не только они побрели к выходу из дока.

На углу Дэймон и Джош зашли в общественный туалет, справили нужду и обычным шагом двинулись по сквозному. На всех перекрестках вблизи дока стояли часовые. Но они ничего не делали, только наблюдали.

Дэймон и Джош прошли чуть дальше и остановились возле комптерминала.

— Загороди меня.

Джош послушно загородил собой Дэймона от часовых.

— Надо взглянуть, что это за карточки, сколько денег на счетах, кем были прежние владельцы.

— Одно я знаю наверняка, — тихо промолвил Джош, — что со станционером меня не спутаешь. Да и твое лицо…

— Для того чтобы нас выдать, надо вступить в контакт с военными. Будем надеяться, что никто этого не пожелает. — Дэймон вставил карточку в паз и нажал несколько клавиш.

«Альтенер Лесли. 789,90 кредиток в компе. Женат. Ребенок. Клерк. Швейное предприятие». Дэймон положил эту карточку в левый карман, решив не пользоваться ею — красть у живых не хотелось. «Ли Энтони Квэйл, холост, служащий „Лукас Компани“, благонадежность неполная, 8967,89 кредиток»… Для такого человека капитал просто огромный. «Уильям Тиль, женат, детей нет, бригадир грузчиков, 567,67 кредиток, разрешен проход в складские помещения…»

— Дай-ка твои. — Джош отдал карточки, и Дэймон поспешил воткнуть одну из них в паз, подумав с опаской, не встревожится ли центр управления, получив пять запросов кряду с одного общественного терминала.

«Цецил Сазони, холост, 456,78, механик, иногда — грузчик»; «Луис Дибан. Пятилетний брачный

контракт. Иждивенцев нет. 3421,56. Грузчик, десятник».

Дэймон спрятал карточки в карман и пошел вглубь яруса. Джош догнал его. На ближайшем перекрестке они свернули в боковой коридор. Все сквозные коридоры и отсеки станции имели один и тот же план, и вскоре они достигли кладовой уборщиков. Надписи на двери помещения не было, но Дэймон почти не сомневался, что за дверью именно кладовая.

Карточка десятника сработала, он вошел внутрь и зажег свет. В тесной комнатушке работал вентилятор, стоял инвентарь, высились штабеля бумаги и моющих средств.

— В этой норе можно отсидеться. — Запирая дверь и опуская карточку в правый карман, Дэймон подумал, что этот ключ, похоже, самый ценный. — Дождемся основной смены, а может, просидим тут сутки. У нас две карточки холостяков из дополнительной, обе с пропусками в доки. Присаживайся. Скоро комп заметит ненужный расход энергии, погасит свет, и нам его будет уже не включить… Экономия, Джош.

— А здесь безопасно?

Дэймон, сползая по стене на пол, с горечью рассмеялся. Он подобрал ноги, чтобы освободить

место для Джоша, сунул руку в карман — убедиться, что пистолет на месте. И глубоко вздохнул.

— Сейчас везде опасно.

Джош выглядел плачевно — измотанный, волосы спутаны, ангельский лик в грязи… Но именно его рефлексы не раз спасали их обоих. Один из них знал станцию как свои пять пальцев, другой обладал навыками бойца. Вдвоем они могли попортить Мациану немало крови.

— Тебе уже приходилось стрелять, — предположил вслух Дэймон. — Не только с корабля, но и в ближнем бою. Помнишь?

— Нет.

— В самом деле?

— Ну, сказал же, не помню.

— Я знаю станцию. Каждую дыру, каждый коридор. И если возобновятся полеты на рудники, с помощью этих карточек мы сможем пробраться в доки. Под видом грузчиков пройдем в челнок и…

— И куда?

— На Нижнюю. Или на орбитальные шахты. Все равно. — Это были пустые мечты. Дэймон просто пытался успокоить себя и друга. — А может, Мациан поймет, что ему здесь не удержаться, и улетит сам.

— Прежде чем улететь, он взорвет станцию, а

заодно и колонию на Нижней. Зачем ему оставлять униатам готовые базы?

Дэймон и сам это понимал. Он нахмурился.

— У тебя есть идеи получше?

— Нет.

— Предположим, я выйду, договорюсь с Мацианом… Эвакуирую станцию…

— Ты что, серьезно?

— Нет. — Этот вариант тоже был уже обдуман и отвергнут. — Нет…

Предсказание Дэймона вскоре сбылось — лампы погасли. Но вентилятор гудел по-прежнему.

2. ПЕЛЛ: ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ; 21:30 ОС; 09:30 ДС

— Но в вашем присутствии больше нет необходимости. — Голос Порея звучал мягко, темное, покрытое шрамами лицо абсолютно ничего не выражало. — Господин Лукас, вы исполнили свои гражданский долг и можете возвращаться домой. Мой человек позаботится, чтобы вы добрались благополучно.

Джон окинул взглядом центр управления, где несколько настороженных десантников держали на прицеле операторов — и тех, кто минуту назад уселся за пульты, и тех, кто вот-вот должен был под конвоем уйти на отдых. Джон неуклюже

поднялся, сделал шаг к начальнику компа, чтобы отдать последние распоряжения, — и застыл как вкопанный, услышав характерный скрежет доспехов и увидев направленный на него ствол.

— Господин Лукас, — процедил Порей, — за неподчинение мы расстреливаем на месте.

— Я устал, — голос Джона дрогнул. — Я и сам рад уйти, сэр. И мне не нужен эскорт.

Порей махнул рукой. Десантник возле двери проворно шагнул в сторону и замер в ожидании. Джон вышел, и вскоре непрошеный спутник поравнялся с ним.

Они шагали по разгромленному мятежниками первому ярусу синей. Сейчас здесь повсюду стояли часовые. И царила тишина.

А в доки входили все новые корабли. Сначала эскадра стянулась в тугое кольцо вокруг Пелла, затем рейдероносцы один за другим двинулись к причалам. Джону все это казалось безумием, нелепым, ничем не оправданным риском. Мациан подвергал опасности не только себя, но и его, Джона. И Пелл. А может, Уния разбита наголову? Нет, это почти невероятно. Скорее всего, у Мациана какой-то тайный умысел. Видимо, униаты решили отсрочить вторжение. Плохо, если правление Мациана затянется.

Впереди из лифта вдруг высыпала группа десантников с иными, нежели у спутника Джона, эмблемами на доспехах. Десантники преградили им путь и вручили конвоиру клочок бумаги.

— Следуйте за нами, — приказал Джону один из них.

— Но капитан Порей… — Конвоир не договорил — в его живот уперся ружейный ствол, а Джона потащили к лифту. «Европа», — прочитал он на эмблеме. Значит, прилетел сам Мациан.

— Куда мы идем?! — в страхе воскликнул он.

Ответа не последовало — наверное, нарочно запугивают. Это подозрение переросло в уверенность, когда его спустили на лифте в сквозной коридор, вытолкали в док и повели к освещенному отверстию «пуповины».

Впервые в жизни Джон находился на борту боевого корабля. При всей колоссальности «Европы», на ней было не просторнее, чем на фрахтере, и Джон сразу ощутил приступ клаустрофобии. Автоматы, направленные ему в спину, нимало не способствовали улучшению самочувствия, тем более что всякий раз, когда он задерживался, например, у поворота или возле лифта, — стволы больно утыкались в спину. Вскоре его затошнило от страха.

Надо полагать, солдаты знали об этом. Напрасно он убеждал себя, что таков уж флотский этикет, что Мациан просто-напросто решил познакомиться с новым управляющим станцией и при этом, понятное дело, слегка его припугнуть. Но невозможно было избавиться от мысли, что военные могут сотворить с Джоном все, что захотят. Могут шлюзовать его через мусорный люк, и тогда никто не станет искать его среди сотен мертвецов, дрейфующих в окрестностях станции в ожидании, когда их соберут, спрессуют в одну замороженную глыбу и отбуксируют куда-нибудь подальше. Он пытался успокоить себя: если бы его хотели убить, то сделали бы это сразу.

Из лифта его провели в коридор и мимо цепочки часовых — в просторную каюту, где стоял круглый стол. Десантники усадили Джона в одно из кресел, а сами застыли, держа автоматы наперевес.

Вошел Конрад Мациан в темно-синем мундире — осунувшийся, угрюмый. Джон вежливо поднялся, и Мациан царственным мановением руки позволил ему сесть. Еще несколько человек расселись за столом — все офицеры «Европы», ни одного капитана. Взгляд Джона перебегал с одного на другого.

— Временный управляющий станцией, — негромко промолвил Мациан, — господин Лукас, что произошло с Анджело Константином?

— Погиб, — ответил Джон, стараясь изо всех сил ничем не выдать себя. — Мятежники ворвались в станционные офисы, убили Анджело и весь его аппарат.

На лице Мациана не дрогнул ни один мускул. Джон вспотел под его пристальным взглядом.

— Нам кажется, — продолжал он, пытаясь угадать мысли капитана, — это был заговор. Мятежники нанесли отвлекающий удар по офисам и, пользуясь суматохой, открыли двери в "К". Все было тщательно спланировано. Мы ведем следствие.

— И что же вы выяснили?

— Пока ничего. Но мы полагаем, что под видом беженцев на станцию проникли агенты Унии. Некоторым удалось выбраться из карантина, возможно, даже найти на станции друзей или родственников — тех, кто попал в униатский плен. Мы не знаем, как иначе они могли наладить связи. Подозреваем в соучастии охрану "К"... и дельцов черного рынка.

— Но вы ничего не нашли?

— Пока — ничего.

— Похоже, вы не слишком усердствуете, господин Лукас.

У Джона екнуло сердце, но он не позволил страху отразиться на лице. Во всяком случае, надеялся на это.

— Капитан, наверное, мне следует извиниться, но у нас дел было невпроворот… Во-первых, усмирение мятежа, во-вторых, ремонт… Кстати, последнее время мы работали под руководством ваших капитанов — Мэллори и Порея.

— Да, вы неплохо поработали — я имею в виду очистку коридоров от "К". Но ведь они к тому времени и сами утихомирились, не правда ли? Мне кажется, кто-то пропустил их в центр управления.

Джон вдруг понял, что ему не хватает воздуха. Пауза затянулась, а он все никак не мог найти ответ. Мациан сделал знак одному из часовых у двери.

— Ситуация была критическая, — залепетал Джон, не выдержав пытки молчанием. — Можете обвинить меня в произволе, но я не видел иной возможности вернуть контроль… Да, я договорился с их депутатом. Не думаю, что он причастен к заговору… Требовался авторитет, способный успокоить… И я не нашел никого другого…

— Господин Лукас, где ваш сын? — перебил его Мациан.

Джон осекся.

— Где ваш сын? — сурово повторил капитан.

— Там… в шахтах. Я посадил его на ближнерейсовик и велел облететь рудники. Он жив? Вы что-нибудь о нем знаете?

— Зачем вы его отослали, господин Лукас?

— Если честно, я не хотел, чтобы он оставался на станции.

— Почему?

— Видите ли, за три года моего отсутствия в «Лукас Компани» назрели проблемы, связанные с лояльностью персонала, методами управления и каналами сбыта. Я решил, что недолгое отсутствие Витторио будет способствовать их устранению. Кроме того, мне был нужен сведущий человек на шахтах — на тот случай, если с ними оборвется связь. Короче говоря, внутренняя политика. Я действовал ради выгоды и безопасности «Лукас Компани».

— А может быть, ради выгоды и безопасности человека, который называет себя Джессадом?

Сердце Джона едва не остановилось. Он медленно покачал головой.

— Не знаю, капитан, о ком вы говорите. Не

соблаговолите ли рассказать, откуда у вас такая информация?

По знаку Мациана кто-то вошел в каюту. Джон оглянулся. Бран Хэйл поспешил отвести взгляд.

— Вы знакомы? — спросил Мациан.

— Этот человек, — сказал Джон, — был выслан с Нижней за неподчинение начальству и попытку бунта. Но у него неплохой послужной список, поэтому я принял его на работу. Боюсь, он злоупотребил моим доверием.

— Господин Хэйл изъявил нечто вроде желания служить на «Африке» и взамен предложил нам важную информацию. Так вы отрицаете, что знакомы с человеком по кличке Джессад?

— Пусть господин Хэйл сам рассказывает о своих знакомых. Это поклеп.

— А некоего Крессича, депутата от "К", вы знаете?

— Я уже объяснил: господин Крессич бывал в контрольном центре.

— Как и Джессад?

— Возможно, под видом одного из телохранителей Крессича. Я не выяснял их имена.

— Господин Хэйл?

Бран Хэйл устремил на Мациана хмурый взгляд.

— Сэр, я буду стоять на своем.

Мациан кивнул и неторопливо достал пистолет. Джон шарахнулся от стола, но люди, стоявшие сзади, грубо схватили его и затолкали обратно в кресло.

Цепенея от ужаса, он смотрел в черное дуло.

— Где Джессад? Как он вышел на тебя? Куда исчез?

— Это выдумка Хэйла!

Палец Мациана на спусковом крючке шевельнулся.

— Мне угрожали! — крикнул Джон. — Угрозами принудили к соучастию! Забрали в заложники члена моей семьи!

— Так вы отдали им сына?

— У меня не было выбора.

— Хэйл, — отчеканил Мациан, — вы с приятелями можете пройти в соседнюю каюту и прихватить с собой господина Лукаса. Мы будем вести запись. Разрешите свой спор с господином Лукасом без посторонних, а когда придете к согласию, тащите его сюда.

— Нет! — воскликнул Джон. — Нет. Вы получите интересующую вас информацию. Я расскажу все, что знаю.

Мациан взмахнул рукой, и Хэйл вышел. Чтобы

не упасть в обморок, Джон держался за стол. Охранник рывком поставил его на ноги, а затем вместе с напарником поволок к двери, в коридор, где стояла вся шайка Хэйла. Джон слабо упирался.

— Он и вас так же отблагодарит! — крикнул Джон сидящим за столом офицерам. — Пригрейте эту гадину, а она в долгу не останется! Он врет!

Хэйл ухватил его за руку и потащил в открытую дверь соседней каюты. Остальные гурьбой повалили за ними. Дверь закрылась.

— Ты спятил! — прошептал Джон. — Хэйл, ты спятил…

— Ты проиграл, — буркнул Хэйл.

3. ТОРГОВЫЙ КОРАБЛЬ «КРАЙ ВСЕЛЕННОЙ»: ГЛУБОКИЙ КОСМОС; 22:00 ОС; 10:00 ДС

Мерцание лампочек, шум вентиляторов, иногда — потрескиванье кома, принимающего сигналы от других кораблей… Жизнь на Пелле была не более чем сновидением. Вот сейчас эти люди повернутся, и Элен увидит родные, знакомые с детства лица…

Пройдя сквозь суету рубки управления, она прижалась лбом ко впадине в наклонной верхней консоли, чтобы целиком увидеть экран скана.

Ее все еще мутило от наркотика, непривычная тошнота заставила осторожно прижать ладонь к животу. Все в порядке… наверное. Торговцы уже тысячу раз доказали, что прыжки не вредят младенцам, если у матерей крепкое здоровье и многолетняя — в целую жизнь — привычка к перегрузкам. Выкидыши случаются, но в девяти случаях из десяти — из-за нервного перенапряжения, и в одном — из-за наркотика. Элен верила, что не потеряет ребенка, даже думать об этом себе не позволяла.

Постепенно пульс, участившийся при переходе из кают-компании в рубку, присмирел, а тошнота отступила. Она заметила на скане новое пятно. К точке встречи купцы стягивались на максимальной реально-пространственной скорости, спеша покинуть места выхода из прыжкового режима. Достаточно какому-нибудь остолопу чуть превысить условленную дальность прыжка, и он не только погибнет сам, но и уничтожит корабль, который окажется у него на пути. Обломки металла и ошметки плоти, рассеянные по Глубокому… Такая смерть почему-то казалась Элен особенно отвратительной.

Стая за стаей появлялись купцы в поле скана, и Элен удовлетворенно отметила, что они доволь-

но неплохо держат строй. Несколько кораблей погибло под огнем униатской эскадры, но сколько именно, Элен пока не знала.

Еще пять-шесть минут, и опасность столкновения исчезнет…

Опять подкатила тошнота. Судорожно сглатывая, Элен дала себе слово не замечать собственного недомогания и твердо посмотрела на Нейхарта, который усадил за капитанский пульт сына и подошел к ней.

— Есть предложение, — проговорила она. — Дайте мне еще раз выступить по кому. Хватит драпать, капитан. Подумайте, что нам светит? Большинство из нас работали на станции Компании. Нас тут тьма-тьмущая, верно? И если захотим, мы любому вправим мозги.

— Что у вас на уме?

— Пора остановиться и защитить собственные интересы. По крайней мере хорошенько подумать, прежде чем бросаться врассыпную. Взглянуть правде в глаза. Мы отдали униатам станции, а теперь что, отдадимся сами и будем плясать под их дудку? Долго ли это продлится? Нам не тягаться с новехонькими государственными фрахтерами, не успеем глазом моргнуть, как устареем и пойдем под автоген. Но пока мы

вместе, у нас есть права и голоса, и я держу пари, что многие так называемые униатские торговцы тоже не слишком оптимистично смотрят в будущее. Ведь они не глупее нас. Мы способны парализовать торговлю, и тогда все колонии на планетах, все станции просто-напросто вымрут. Нейхарт, полвека нас травили как зайцев, полвека купец служил мишенью любому вояке, который был не в настроении уважать наш нейтралитет. Ну-ка скажи, куда мы денемся, когда военные все подгребут под себя?

Она смотрела капитану в глаза. Он молчал.

— Так что, могу я выступить?

Нейхарт ответил далеко не сразу.

— Квин, если дело не выгорит, против моей лоханки ополчится весь мир. Тогда нам даже на краю Вселенной не спрятаться.

— Я знаю, — хрипло произнесла Элен. — И все-таки прошу.

— Ну, раз так, давайте. Ком ваш.

Сигни рывком повернулась на бок и прижалась к неподвижному телу. Плечо. Теплая рука. Со сна она даже не сразу поняла, кто это. «Графф», — сообразила она наконец. Они вместе ушли с вахты. Несколько мгновений она не закрывала глаз, рассматривая ряд встроенных шкафов и

лампу, звездочкой тлеющую на потолке. Стоило смежить веки, и перед глазами встали жуткие картины, а ноздри вспомнили запах смерти. Несмываемый запах.

Они удерживали Пелл. «Атлантика» и «Тихий океан» вместе со всеми рейдерами Флота несли вахту на подступах к станции, так что Сигни и остальные могли спать спокойно. Сигни искренне жалела, что в боевое охранение поставили не «Норвегию». Бедняга Ди Янц, измотанный до предела, распоряжался в доках; лишь изредка и очень ненадолго ему удавалось прикорнуть в «пуповине». Десантники «Норвегии» были рассеяны по всем докам. При прорыве "К" они убили девять и ранили семнадцать человек, но это нисколько не улучшило их настроения. Снова и снова будут они заступать на вахту и блюсти порядок на станции — никаких иных планов Сигни не строила. Она не сомневалась, что Уния скоро перейдет в наступление, и знала, как отреагирует Флот. Как во всех безвыигрышных ситуациях: будет вести огонь по доступным целям и держать позиции, пока есть запасные пути отхода. Так решил Мациан. Она тут ни при чем.

Она закрыла глаза, дыхание стало ровнее. Графф пошевелился и затих, и у Сигни потеплело

на душе при мысли, что рядом с ней друг.

4. ПЕЛЛ: СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС, НОМЕР 0475; 24:00 ОС; 12:00 ДС

— Она спать, — сказала Лили.

Глубоко вздохнув, Атласка обхватила руками колени. Низовики сумели порадовать Спящую: она рассмеялась, услышав от Синезуба, что Константин-человек и его друг живы и здоровы.

Но как их испугали слезы на ее безмятежном лице! У каждого защемило сердце, но когда они поняли, что это слезы счастья, когда увидели теплоту в темной живой глубине глаз, хиза дружно воскликнули: «Ах!» и обступили Солнце-Ее-Друг.

— Люблю вас, — прошептала Спящая. — Люблю вас всех. — И добавила: — Берегите его.

Затем она улыбнулась и закрыла глаза.

— Солнце-Сияет-Сквозь-Облака, — толкнула Атласка всклокоченного Синезуба, и он, оставив попытки расчесать и разгладить свой мех (обиталище Спящей требовало к себе уважения), посмотрел на подругу.

— Иди обратно, иди и не спускай глаз с молодого Константин-человека. Хиза Верхней мудры, но ты — очень быстрый, ты — охотник с Нижней. Ты будешь присматривать за ним, приходить и

уходить.

Синезуб нерешительно взглянул на Старого и Лили.

— Хорошо, — согласилась Лили. — Сильные руки, хорошо. Ступай.

Юный самец застеснялся, но остальные расступились перед ним, а Атласка посмотрела на него с гордостью: даже чужие Старые признают, что он хорош. А ведь правда: он такой смышленый и рассудительный…

Синезуб дотронулся до Старых, затем до Атласки и спокойно двинулся сквозь толпу к выходу.

Спящая спала в окружении верных хиза, а человеки уже во второй раз дрались с человеками, и Верхняя, совсем недавно такая надежная, незыблемая, качалась, как сброшенный деревом лист на груди реки. На Спящую взирало Великое Солнце, а вокруг него сверкали звезды.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
НИЖНЯЯ: 11.10.52; МЕСТНЫЙ ДЕНЬ

Вездеходы тяжко ползли мимо спущенных куполов и брошенных загонов. Компрессоры молчали, но это молчание было красноречивее любой песни об Исходе. Первая база — первый лагерь цепочки. От ветра лязгали двери шлюзов, качаемые ветерком. Усталая колонна еле плелась, путники тоскливо взирали на картину опустошения. У Эмилио ныло сердце: в этом лагере, который он строил своими руками, не осталось никого. Он подумал о том, далеко ли успели уйти поселенцы и каково им сейчас.

— Хиза тоже здесь побывали? — спросил он Топотуна — очевидно, единственного низовика, все еще сопровождающего колонну. Он не отходил от Эмилио и Милико.

— Мы глаза видеть. — Это было не совсем то, что ожидал услышать Эмилио.

— Господин Константин. — Сзади подошел один из "К". — Господин Константин, надо отдохнуть.

— За лагерем, — пообещал Эмилио. — Нам нельзя долго находиться на открытом месте,

понимаете? За лагерем.

Рабочий постоял на обочине дороги, пока с ним не поравнялась его группа. Легонько похлопав жену по плечу, Эмилио прибавил шагу, чтобы догнать два первых вездехода. На опушке он забежал вперед и знаками велел водителю переднего вездехода остановиться через полкилометра. Потом постоял, дожидаясь Милико, глядя на идущих мимо и думая, что некоторые пожилые рабочие и дети, наверное, совершенно выбились из сил — столь долгое путешествие в противогазах измучило даже едущих на вездеходах. Все чаще люди просили о привале…

Колонна растягивалась, многие еле переставляли ноги. Эмилио отвел жену на обочину, и они постояли, пропуская колонистов. «Скоро отдохнем, — говорил он каждой проходящей мимо группе. — Потерпите». Наконец показался хвост колонны — горстка стариков упрямо брела вперед, ничего не видя от изнеможения. Последними тащились двое из его персонала.

— Никто не отстал? — спросил Эмилио. Они слабо помотали головами.

Внезапно Эмилио увидел человека, бредущего назад. Он шатался от усталости и натыкался на встречных, а вслед ему звучали взволнованные

голоса. Эмилио подбежал к нему.

— Ком, господин Константин, — прохрипел тот. Эмилио бежал по скошенной обочине извилистой, окаймленной деревьями дороги, пока не увидел вездеходы и обступивших их людей. Он срезал угол напрямик сквозь заросли, и толпа раздалась, пропуская его к головному вездеходу.

Он забрался в кузов и пополз через гору клади. Джим Эрнст, прижавший динамик к уху, повернулся навстречу. По его взгляду Эмилио понял, что случилось нечто ужасное.

— Погиб, — сообщил Эрнст. — Ваш отец… Бунт на станции.

— А мать и брат?

— Неизвестно. Вообще ничего не известно. Пришла депеша от военных. Флот Мациана требует контакта. Отвечать?

Эмилио судорожно глотнул воздуха, кожей осязая молчание толпы, молчание глядящих на него пассажиров вездехода — старых "К" и резидентов. Глаза у них стали круглыми, как на скульптурах хиза.

Кто-то вскарабкался в кузов, пролез к нему поближе и обнял за талию. Милико. Его слегка затрясло от изнеможения и запоздалого шока. Весть о гибели отца не застала его врасплох. Она всего

лишь подтвердила его наихудшие подозрения.

— Нет, — сказал он. — Не отвечай.

В толпе зашептались. Эмилио повернулся к ней лицом.

— Никаких подробностей военные не сообщили, — выкрикнул он, и голоса тотчас умолкли. — Эрнст, расскажи, что тебе известно.

Эрнст встал и пересказал депешу. Эмилио прижал к себе жену. На Пелле остались родители и сестра Милико. Племянники, дяди и тети. Все Ди. Возможно, они погибли, но военные этого не заметили. Впрочем, у Ди больше шансов выжить, нежели у Константинов. У них не так много врагов.

— Флот захватил власть, ввел законы военного положения. "К"... — Эрнст помялся перед нетерпеливыми слушателями и нерешительно договорил: — "К" взбунтовался и вырвался из своей секции. На станции серьезные разрушения и многочисленные жертвы. Погибли не только станционеры, но и "К"...

Один из старых "К" заплакал. «Наверное, — с болью подумал Эмилио, — у них тоже остались на Пелле близкие».

Он посмотрел вниз, на печальные и настороженные лица. На своих помощников, на "К", на

хиза, стоявших поодаль. Никто не двигался, никто не говорил. Только ветер шуршал в листве и река журчала за деревьями.

— Так что теперь они прилетят сюда, — продолжал он, с трудом сдерживая дрожь в голосе. — Они хотят, чтобы мы работали на них в полях, шахтах и на мельницах. Все, что мы вырастим и добудем из-под земли, отнимут у нас и погрузят в трюмы. Плохо, когда наши собственные защитники прилетают сюда и заставляют нас работать под угрозой оружия… Но что будет, если на смену им придет Уния? Что, если они потребуют еще больше, а мы скажем: «Довольно с вас», — что тогда будет с Нижней? В любом случае мы потеряем Пелл. Если хотите, возвращайтесь гнуть спину на Порея или ждать униатов. А я пойду дальше.

— Куда, сэр? — спросил парень, которого когда-то едва не прикончил Хэйл. Эмилио успел позабыть его фамилию. Рядом с ним стояла мать. В голосе юноши не звучало вызова — только озабоченность.

— Не имею понятия, — признался Эмилио. — В какое-нибудь безопасное место, которое нам покажут хиза. Зароюсь в землю и буду жить. Растить хлеб для себя.

Снова по толпе пробежал шепот. Страх… Страх

ни на секунду не отпускал тех, кто не знал Нижней. Кто не успел сродниться с планетой, где человек был еще чужим.

Поселенцы, не доверявшие низовикам в лагере, еще больше страшились их в диком краю, где хиза, в отличие от людей, не зависели от техники. Потеря противогаза или какая-нибудь иная оплошность… Нижняя такого не прощала. Пока росла главная база, росло и кладбище при ней.

— Ни один хиза, — напомнил Эмилио, — не причинил человеку вреда. Несмотря на все то, что мы здесь натворили. Несмотря на то, что мы здесь чужие.

Он спрыгнул в глубокую колею, повернулся и помог спуститься Милико. По крайней мере она останется с ним.

Она спустилась и ни о чем его не спросила.

— Для тех, кто желает попытать счастья у Порея, мы можем сделать только одно: разбить здесь лагерь. Оставить компрессоры.

— Господин Константин!

Он поднял голову. Его окликала пожилая женщина из кузова вездехода.

— Господин Константин, я слишком стара, чтобы работать, как там, на базе. Пожалуйста, не бросайте меня!

— Мы тоже готовы идти дальше, — раздался мужской голос.

— Кому-то захотелось назад? — спросил бригадир из "К". — Что, без вездехода никак?

В наступившей тишине люди дружно помотали головами. Они попросту устали, подумал Эмилио.

— Топотун! — Он взглянул на ближайшего низовика, стоявшего на обочине. — Мне нужен Топотун.

Топотун показался из-за деревьев и сбежал по склону холма.

— Вы идти, — закричал он, указывая на деревья. — Вы идти теперь.

— Топотун, мы устали, и нам необходимы вещи из вездеходов. По лесу вездеходы не пройдут, и некоторые люди тоже. Среди нас есть больные.

— Мы нести больные, много-много хиза. Мы украсть хорошие вещи у вездеходы. Вы учить мы, хорошо, Константин-человек? Мы украсть для вы. Вы идти.

Эмилио оглянулся на спутников, увидел огорченные, недоверчивые лица. Его окружали хиза, все больше их появлялось из зарослей, иные даже с детенышами, которых людям доводилось видеть нечасто. Топотун не обманывал, и все

это чувствовали, а потому не спорили. Крепкие молодые туземцы помогли спуститься с вездеходов старым и хворым. Остальные выгружали припасы и снаряжение.

— А что, если нас будут искать с помощью скана? — встревоженно прошептала Милико. — Надо найти хорошее укрытие, и побыстрее.

— Чтобы отличить людей от хиза, нужен очень чувствительный скан. Надеюсь, нас оставят в покое… до поры.

Приблизился Топотун, взял Эмилио руку и наморщил нос — у хиза это означало подмигиванье.

— Ты идти с я.

Как бы ни подгоняли их страх и дурные предчувствия, неподготовленные к долгому переходу колонисты вскоре выбились из сил. Все задыхались от ходьбы, а те, кто покинул главную базу пешком, уже валились с ног. Прошло еще немного времени, и начали сдавать хиза. В конце концов, обнаружив, что не могут нести всех неходячих, они объявили привал и сами растянулись среди папоротников.

— Надо найти укрытие, — убеждал Эмилио Топотуна, собравшегося вздремнуть. — Топотун, здесь нехорошо. Нас увидят с кораблей.

— Спать теперь. — Топотун свернулся клубочком, и растормошить его, да и кого-либо из его сородичей, было уже невозможно. Эмилио окинул склон беспомощным взглядом. Люди и низовики засыпали среди разбросанных вещей, некоторые завернулись в одеяла, иным не хватило сил даже на это. Эмилио улегся на одеяло Милико, а свое, нераскатанное, положил в изголовье.

Сквозь листву косо падали лучи солнца. Эмилио обнял жену, с другого боку к нему привалился Топотун, обхватил рукой за плечи. Эмилио не противился и вскоре погрузился в глубокий целительный сон.

— Ты проснуться! Ты проснуться! — Топотун тряс его, а рядом, обхватив колени руками, сидела Милико. Дымка тумана увлажнила листву, туча над головами предрекала дождь. Было позднее утро.

— Эмилио, по-моему, пора вставать. Похоже, к нам важные гости.

Он повернулся на другой бок, затем поднялся на колени. Вокруг в холодном тумане шевелились люди. Хиза, вышедшие из-за деревьев, были Старыми, время изрядно выбелило их мех. Эмилио насчитал троих.

Он встал и поклонился им. В лесу на Нижней, во владениях хиза, этот жест казался вполне уместным.

Топотун тоже поклонился и запрыгал — он выглядел очень серьезным.

— Не говорить человеки-слова они, — объяснил Топотун. — Говорить, вы идти с мы.

— Мы пойдем, — ответил Эмилио. — Милико, поднимай людей.

Она обошла бивуак и потихоньку разбудила немногих заспавшихся. Известие о приходе Старых быстро обежало утомленных, промокших людей, которые собирали свои пожитки и приводили себя в порядок. Из зарослей появлялись все новые хиза. Казалось, лес кишит ими; каждый куст, каждое дерево скрывает за собой гибкое коричневое тело.

Старые растаяли среди листвы. Топотун подождал, пока все соберутся, и повел колонну дальше. Закинув на плечо скатанное одеяло жены, Эмилио пошел в хвосте. Стоило кому-нибудь из людей захромать или застрять в мокрых зарослях, хиза (даже те, кто не понимал человеческой речи) спешили на помощь: вытаскивали, вели под руки, сочувственно щебетали. А следом за ними шли сородичи — «воры», несущие

надувной купол, компрессор, генератор, человеческую еду и все остальное, что смогли «украсть» с вездехода и чему, наверное, даже названия не знали, — словно коричневая орда лесных насекомых-чистильщиков.

Миновал день, опустилась ночь, и часть ее они провели на ногах, отдыхая, когда из сил выбивалось большинство. Хиза вели людей так заботливо, что никто не отстал, а на привалах согревали их своими телами.

Но вдруг в вышине пророкотал гром, не предвещающий дождя…

— Садятся! — пронеслось по колонне. Хиза ни о чем не спрашивали людей — их тонкий слух гораздо раньше уловил гул корабельных двигателей.

Наверное, это возвращается Порей. Скоро флотские увидят разоренную базу и пошлют на станцию гневное донесение. Потом просканируют местность, проанализируют информацию, отправят командующему и дождутся приказа. На все это потребуется время, а время играет на руку беглецам.

Привал — переход, привал — переход… И всякий раз, когда кто-нибудь сдавал, добрые хиза были рядом — поддерживали, сочувствовали.

С несказанной радостью встретили беглецы первые утренние лучи, что проникли сквозь густую листву и вызвали восторженные трели туземцев. Неожиданно на гребне холма лес оборвался — впереди простиралась голая равнина. Хиза спускались по склону на равнину, и Эмилио с изумлением понял, что перед ним места, не тронутые людьми по настоянию низовиков, заповедный край.

— Нет! — воскликнул он, озираясь в поисках Топотуна. Увидев скорохода, он помахал ему рукой, и тот примчался вприпрыжку. — Топотун, нам нельзя выходить на открытое место. Люди-ружья, понимаешь? Они прилетят на кораблях, их глаза увидят нас с неба.

— Старые говорить — идти. — Топотун зашагал вперед, всем своим видом давая понять, что вопрос о спуске на равнину, залитую бледным солнцем, обсуждению не подлежит. Живая коричневая волна скатывалась с холма, хиза несли людей и их имущество; за ними плелись остальные переселенцы.

— Топотун! — Эмилио остановился, Милико — рядом. — Люди-ружья! Они сразу увидят, понимаешь?

— Я понимать. Человеки-ружья увидеть все мы.

Мы тоже увидеть они.

— Нельзя нам туда спускаться! Нас убьют, ты слышишь меня?

— Они говорить — идти. Старые. — Топотун отвернулся и пошел дальше. Пройдя несколько метров, он оглянулся и поманил Эмилио и Милико.

Эмилио сделал шаг, затем другой, осознавая, что это безумие… У человека свои обычаи, у низовика — свои. Хиза никогда не поднимет руку на врага, он будет сидеть и смотреть… Вот что они задумали: сидеть и смотреть. Люди попросили хиза о помощи, и те помогают, как велит им обычай.

— Я с ними поговорю, — сказал он жене. — Я поговорю со Старыми. Постараюсь объяснить… Отказаться мы не можем — это оскорбление, но растолковать… Топотун! Топотун, погоди!

Но Топотун не остановился. Живой поток скатывался по травянистому склону на равнину и выдыхался в ее центре, где над утоптанным кругом высилось нечто наподобие каменного кулака. Круг окаймляла густая тень… Секундой позже Эмилио понял, что это не тень, а скопление живых существ.

— Похоже, там все хиза с реки. Очевидно, это какая-то святыня, место поклонения.

— Святыня Мациана не остановит, да и униатов, скорее всего… — Эмилио с ужасом представил резню, истребление беспомощных туземцев. «Господи, — подумал он, — ведь это же низовики, те самые низовики, чьи руки и сердца создали Пелл таким, какой он есть. Когда-то Земля перепугалась до смерти, узнав о существовании иной жизненной формы, и даже собиралась эвакуировать колонии, но здесь никто не боялся низовиков, потому что хиза всегда выходили к людям с открытыми ладонями. И заражали их добротой».

— Я должен их убедить, — сказал он жене. — Здесь нельзя оставаться.

— Я с тобой.

— Помочь ты? — Заметив, что Милико хромает, низовик дотронулся до ее руки, но она оперлась на руку мужа, и они дружно покачали головами. Эмилио и Милико побрели следом за толпой — их обогнали почти все, ибо всем передалось безумие туземцев. Даже старики торопливо ковыляли, опираясь на плечи хиза.

Эмилио и Милико спускались долго, то и дело останавливаясь перевести дух. Солнце сползло к низким покатым холмам. Внезапно Эмилио захрипел — от влаги и лесной плесени раньше

времени испортился фильтр противогаза. Подумав, что надо бы предупредить остальных, Эмилио задержал дыхание, заменил цилиндр и снова надел маску.

Они уже шли по равнине, еле переставляя ноги, шли к трудноразличимому вдалеке останцу, торчащему из неровного бурого круга. Не только хиза сидели в том кругу, но и люди, которые поднялись и двинулись навстречу Эмилио и Милико, когда те подошли поближе. Была среди них начальница второй базы Ито со своими помощниками и рабочими, был Джонс с первой базы и его люди. Джонс, такой же растерянный, как и все остальные, первым протянул руку Эмилио.

— Хиза велели нам перебраться сюда, — сообщила Ито. — Сказали, что вы тоже придете.

— Станция пала, — произнес Эмилио, и эта весть всколыхнула живой круг от края до края. Вновь прибывших вели к центру; особо настойчиво низовики тянули за собой Эмилио и Милико. — Нам не осталось ничего другого, Ито. У власти пока Мациан… а кто будет на следующей неделе, я не знаю.

Ито, Джонс и их подчиненные отстали. Возле скалы собралось великое множество людей, сотни и сотни глаз угрюмо и тревожно смотрели на

Эмилио и Милико. Эмилио узнал начальника рудников Дикона, Макдональда с третьей базы, Герберта и Тауша с четвертой… Вскоре его со всех сторон обступили хиза, и ему пришлось крепко взять жену за руку, чтобы не потерять ее в мельтешащей толпе. Каменный столп приближался, нависал, и вскоре Эмилио увидел, что это никакой не столп, а целая скульптурная группа, скопление образов, подобных которым он видел на станции, — приземистых и высоких, плоских и шарообразных. Многоликие головы, рты, раскрытые будто от изумления, и огромные выпученные глаза, навсегда обращенные к небу.

Туземные образы казались очень древними, и Эмилио охватило благоговение. Милико остановилась и молча разглядывала их; то же самое делал и он. Перед этими камнями, в окружении существ чужой расы, оба казались себе крошечными и одинокими.

— Вы приходить, — известил их голос Топотуна. Низовик взял Эмилио за руку и повел к подножию каменного изваяния.

Там действительно сидели Старые — самые древние хиза с посеребренным мехом на головах и плечах. Вокруг них из земли торчали увешанные бусами палки с резными ликами. Эмилио

заколебался, но Топотун решительно потащил его в круг и потребовал:

— Садиться.

Эмилио отвесил поклон, Милико последовала его примеру, затем оба уселись по-турецки перед четырьмя старейшинами.

Опираясь на руку, один из Старых наклонился вперед и коснулся Милико, а затем Эмилио. Словно благословлял.

— Вы хорошо прийти здесь, — заговорил (очевидно, переводя) Топотун. — Вы тепло прийти здесь.

— Топотун, скажи, что мы очень благодарны. Спасибо, много-много спасибо. Скажи, что здесь опасно. Беда с Верхней. Глаза Верхней смотрят вниз, на это место. Сюда могут спуститься людиружья и сделать плохо.

Топотун перевел. Старые выслушали с прежней невозмутимостью в очах. Один ответил.

— Корабль прилететь Верхняя здесь мы, — перевел Топотун. — Прилететь, увидеть, улететь.

— Тут опасно! Пожалуйста, объясни им!

Топотун проговорил несколько фраз на туземном, Старый ответил, протянув руку к образам:

— Хиза место. Ночь прийти. Мы спать, сон они уйти, сон они уйти.

Заговорил второй старейшина, в его щебете прозвучали два человеческих имени: Беннет и Лукас.

— Беннет, — подхватили ближайшие низовики. — Беннет. Беннет. Беннет. — Слово, будто ветер, прошелестело по всему кругу.

— Мы красть еда, — сказал Топотун. — Мы учиться красть еда. Мы красть вы, делать вы безопасно.

— Ружья, — возразила Милико. — Ружья, Топотун.

— Вы безопасно. — Топотун помолчал, прислушиваясь к речи Старого. — Делать вы имя. Ты имя Он-Приходить-Снова, ты имя Она-Давать-Руки. То-хими. Михан-тизар. Ты дух хорошо. Ты безопасно приходить здесь. Любить ты. Беннет-человек, он учить мы спать видеть человеки сны.

Не зная, что сказать, Эмилио посмотрел на огромные круглоглазые изваяния, окинул взглядом толпу, казалось, заполнившую равнину от горизонта до горизонта, и на миг поверил, что обещание Старых может сбыться, что перед этими образами, вызывающими благоговейный трепет, никакой изверг не отважится пролить чужую кровь.

Старые затянули молитву; постепенно ее под-

хватили все низовики. Коричневые фигуры закачались, входя в ритм.

— Беннет… — снова и снова выдыхала толпа.

— Он учить мы видеть человеки сны… Звать ты Он-Приходить-Снова.

Поеживишись, Эмилио обнял Милико за талию. Туземный хор напоминал звон бронзового колокольчика, а порой казалось, что такое можно услышать только внутри колокола величиною с весь сумеречный небосвод. И от этих звуков цепенел человеческий разум…

Солнце быстро тонуло за холмами. Вечер принес с собой холод. Бесчисленные глотки дружно втянули и выпустили воздух, завершая песнь. Затем десятки рук взметнулись к проблеску звезд, раздались негромкие радостные возгласы.

— Имя Она-Приходить-Первый, — сказал Топотун, затем поочередно назвал остальные звезды, которых востроглазые туземцы встречали как закадычных друзей: — Ходить-Вместе, Приходить-Весна, Она-Всегда-Плясать…

Снова, на сей раз в миноре, зазвучала молитва; снова закачались мохнатые тела.

Усталость напомнила о себе. У Милико стекленел взгляд, Эмилио поддерживал ее и сам старался не уснуть на ногах. Наконец Старые

закивали, а Топотун похлопал Эмилио по руке, давая понять, что можно устраиваться на ночлег.

Эмилио уснул, а пробудившись, увидел подле себя еду и питье. Сняв маску, он наелся и напился, то и дело прикладываясь к респиратору.

Его окружал широкий ковер неподвижных тел — впрочем, кое-кто уже шевелился в цепях сна, настойчиво пробуждаемый нуждой. Ощутив собственную нужду, Эмилио встал и пробрался за край толпы, к опрятным санитарным траншеям, вырытым низовиками. Возле одной из них он постоял, пока не подошли другие люди и к нему не вернулось чувство времени. Тогда Эмилио двинулся обратно, поглядывая на спящих, образы и усыпанное звездами небо.

Вот он, выбор хиза. Сидеть в святилище под небесами, говорить со звездами и богами… надеяться. Он понимал, что это безумие. И не боялся. За себя не боялся — только за Милико. Все они «видят сны». Живут мечтой. Надеются. Но когда прилетят злые люди и нацелят на них ружья, надеяться будет не на что.

Хотя… низовикам случалось разоружать людей голыми руками. В начале освоения планеты.

Он пошел обратно — к Милико и Топотуну. И к Старым, отчего-то веря, что здесь беженцев

не дадут в обиду, что никто не посмеет пролить кровь перед образами, которые веками — задолго до появления людей на планете — в ожидании глядели в небо.

Он опустился на землю возле Милико, лег и стал смотреть на звезды, думая о своем выборе.

А утром прилетел разведчик.

Никто из десятков тысяч хиза не проявил страха. Без паники встретили прибытие корабля и люди, сидевшие среди низовиков.

Разведчик опустился на порядочном расстоянии от изваяний, не найдя ровной площадки поближе.

— Я должен поговорить с ними, — сказал Эмилио Старым через Топотуна.

— Нет говорить, — ответил Старейший. — Ждать. Спать.

— Никак не пойму, — заключила Милико спокойно, — они всерьез вознамерились подчинить себе Нижнюю? Неужели не видят разницы между нею и станцией?

Многие уже встали. Эмилио принял сидячее положение, и другие, глядя на него, усаживались и готовились к ожиданию.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец вдали раздался рев громкоговорителя.

— Здесь есть люди? — прогрохотал над равниной металлический голос. — Мы с рейдероносца «Африка». Не соблаговолит ли ваш начальник выйти к нам и назвать свою фамилию?

— Не надо! — с мольбой сказала Милико мужу, когда он зашевелился. — Они могут выстрелить.

— Они выстрелят, если я не выйду. Прямо в толпу. Нам с ними не справиться.

— Эмилио Константин здесь? У меня для него новости.

— Знаем мы ваши новости, — пробормотал Эмилио и не позволил жене встать. — Милико, у меня к тебе просьба…

— Нет.

— Пожалуйста. Я должен идти — им нужно, чтобы снова заработала база. Я хочу оставить здесь тех, кому у Порея не поздоровится. Им нужен кто-нибудь из начальства.

— Это всего лишь предлог.

— Нет. И да. Оставайся за меня. Начни войну, если придется. Защити хиза, научи их сопротивляться и не пускать чужих на свою землю. Кому, кроме тебя, я могу это поручить? Кто еще знает низовиков так, как мы с тобой? — Он печально покачал головой, глядя в темные глаза жены. — Воевать можно по-разному. Например, так, как

это делают хиза. Я надеюсь вернуться — Флоту, наверное, в самом деле нужна только база. Неужели ты думаешь, что я хочу тебя бросить? Но кто, если не мы, спасет Нижнюю? Прошу тебя, останься.

— Я понимаю. — Они встали и обнялись; поцелуй затянулся, и с каждой секундой Эмилио все сильнее боялся, что не сможет расстаться с ней. Но Милико отпустила его, а он, прежде чем отойти, достал из кармана и отдал ей пистолет. Снова взвыла сирена, потом громкоговоритель повторил обращение.

— Персонал! — позвал Эмилио. — Отзовитесь! Нужны добровольцы.

Донеслись отклики. Отовсюду к Эмилио пробирались управленцы и техи со всех баз. Уходили минуты, но солдаты, приблизившиеся на расстояние в несколько десятков метров, ждали — они заметили движение в толпе, но не проявили нервозности. У них было время и сила.

Эмилио велел своим людям подойти к нему поближе и повернуться к десантникам спиной — возможно, у флотских были скопы. Хиза, сидевшие вокруг, не сводили с них круглых любопытных глаз.

— Им нужны рабочие, — тихо объяснил Эми-

лио. — Крепкие руки, чтобы побыстрее ликвидировать последствия саботажа и собрать припасы по списку. Думаю, достаточно восстановить главную базу — от остальных Мациану мало толку. Вряд ли стоит просить "К" о возвращении и отдавать Порею все, что мы вынесли с базы. Самое важное для нас — выиграть время, чтобы спасти побольше людей и организовать сопротивление. Даже просто выжить. Понимаете? Мне кажется, им нужны только бесперебойные поставки продовольствия на корабли и станцию. И мы, выполняя эти требования, сумеем кое-что сберечь для себя. Подождем, пока на станции наведут порядок, и тогда ей очень даже пригодятся наши запасы. Нужны самые рослые и сильные мужчины, способные выдержать издевательства и полевые работы… и прочее, не знаю, с чем еще они столкнутся. Может, с насильственной вербовкой. Надо набрать человек по шестьдесят от каждой базы.

— А вы пойдете?

Он кивнул, затем едва заметно кивнули все его сотрудники, начиная с Джонса.

— Я тоже пойду, — вызвалась Ито.

Эмилио отрицательно покачал головой.

— Нет. Женщины остаются здесь, под началом

у Милико. Все, никаких споров. Идите, оповестите людей. Примерно по шестьдесят человек от каждого лагеря. И поспешите, солдаты долго ждать не станут.

Они торопливо разошлись.

— Константин! — вновь прозвучал металлический голос.

Эмилио бросил взгляд поверх голов на корабль и фигуры латников и подумал, что они наверняка следят за ним через скоп.

— Константин, у нас кончается терпение.

Он еще раз поцеловал Милико, услышал, как Топотун неподалеку переводит кому-то тираду Старого, и направился к десантникам. Сквозь толпу следом за ним потянулись добровольцы — не только управленцы и техи, но и простые рабочие из "К", их было не меньше, чем резидентов. На краю толпы Эмилио заметил, что к нему спешит большая ватага самых рослых самцов хиза во главе с Топотуном.

— Вам идти не надо, — сказал Эмилио.

— Друг, — произнес Топотун. Люди из "К" промолчали, но и не изъявили желания повернуть назад.

— Спасибо, — улыбнулся Эмилио.

Отсюда они были видны десантникам как на

ладони. Эмилио тоже хорошо видел солдат, даже буквы на их эмблемах — «Африка». Действительно, это были люди Порея.

— Константин, — сказал один из офицеров в микрофон, — кто организовал саботаж на базе?

— Я распорядился об эвакуации, — прокричал в ответ Эмилио. — Откуда мне было знать, что прилетите вы, а не униаты? Базу нетрудно восстановить. Все снятые с техники детали у нас. Насколько я понимаю, вам нужно, чтобы мы вернулись?

— Что это за место?

— Капище хиза. Вы найдете его на карте — это заповедная зона. Я собрал бригады, мы готовы вернуться и наладить машины. Но все больные останутся здесь, с хиза. Пока угроза оккупации Нижней не исчезнет окончательно, будет действовать только главная база. Остальные были экспериментальными и не производили ничего пригодного для вас. Моего отряда вполне достаточно для обслуживания главного лагеря.

— Вы снова ставите условия, Константин.

— Отвезите нас на главную базу и подготовьте списки нужного вам продовольствия. Я позабочусь, чтобы вы получили все быстро и без суеты. Так будут соблюдены и наши, и ваши интересы.

Туземные рабочие предлагают содействие. Повторяю, вы получите все, что хотите.

Наступило молчание. Некоторое время никто не шевелился.

— Господин Константин, недостающие детали у вас с собой?

Эмилио повернулся и махнул рукой. Один из его помощников, Хейнс, вместе с четырьмя техами бросился в толпу.

— Господин-Константин, если вы что-нибудь потеряли, не ждите от нас снисхождения.

Эмилио не шелохнулся и не сказал ни слова — его подчиненные слышали угрозу офицера, и этого было достаточно. Он стоял, рассматривая солдат. Их было десять, за ними высился разведчик; некоторые из его пушек нацелились на толпу, а у открытого люка с оружием на изготовку застыло еще несколько десантников. Никто не торопился нарушить тишину. Возможно, офицер хотел ошеломить Эмилио вестью о гибели его семьи и ждал только вопроса о том, что происходит на станции. Эмилио мучительно хотелось спросить, но он молчал.

— Господин Константин, ваш отец убит, брат, по всей видимости, тоже, а мать находится на изолированном участке под усиленной охраной.

Капитан Мациан выражает вам свои соболезнования.

Кровь прилила к лицу, с языка готовы были сорваться гневные слова, но Эмилио взял себя в руки. Неподвижный как скала, он ждал возвращения Хейнса.

— Господин Константин, вы слышите меня?

— Передайте мои поздравления, — выкрикнул он, — капитанам Мациану и Порею!

Снова — тишина. Ожидание. Наконец, нагруженные деталями, возвратились Хейнс и его четверка.

— Топотун, — тихо произнес Эмилио, глядя на стайку низовиков, — ты бы с друзьями шел на базу пешком, а? Люди полетят на корабле, а хиза нельзя. Люди-ружья, понимаешь? Вы сможете дойти?

Топотун подпрыгнул.

— Мы идти быстро.

— Господин Константин! Идите к нам.

Он спокойно и неторопливо двинулся вперед, десантники расступились и как конвоиры пошли рядом. И от шепота до гула, до рева, сотрясающего небосклон, словно ветер, поднялась над толпой молитва.

Эмилио оглянулся, боясь паники среди солдат.

Они застыли истуканами. Вооруженные до зубов, облаченные в прочные доспехи, в эту минуту они не могли не усомниться в своей неуязвимости и силе.

Песнь звучала все громче, словно разбуженная стихия. Тысячи тел покачивались в такт молитве — как под ночным небом после беседы Эмилио со Старыми.

— Он-Приходить-Снова… Он-Приходить-Снова…

Эти звуки доносились даже до шлюза корабля, где толпилось больше солдат, чем внизу, на земле. Эти звуки, думал Эмилио, потрясут даже Верхнюю… ибо известие о том, что происходит на планете, вряд ли придется по душе новым властителям станции. Под эти звуки человек, потерявший отца, брата и только что простившийся с женой, без страха шел к захватчикам. С пустыми руками. Как хиза.

КНИГА ПЯТАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПЕЛЛ: СИНИЙ ДОК: БОРТ КЗК-1 «ЕВРОПА»; 29.11.52

Сигни откинулась на спинку кресла, положила ноги на соседнее и сомкнула веки. Покой длился всего лишь мгновенье: в совещательной каюте флагмана появились Том Эджер с Эдо Пореем. Не размыкая сложенные на груди рук, Сигни приоткрыла глаз, затем второй. Порей потянул кресло из-под ее ног, и она неохотно уступила, облокотившись на стол и глядя в стену. Говорить совершенно не хотелось.

Вошел и сел Кео, чуть позже — Мика Крешов; он расположился между Сигни и Пореем. «Тихий океан» Сунга охранял станцию вместе с рейдерами, собранными ему в помощь со всего Флота. Рейдеры поочередно заходили в доки за свежими экипажами; одни лишь измученные капитаны несли вахту бессменно. Сколько бы ни продлилась осада. Флот не снимет боевого охранения.

Об униатской эскадре ничего не было слышно, но никто не сомневался, что она где-то поблизости. На краю системы Пелла маячил фрахтер

«Молот»; флот знал доподлинно, что это уже давно не торговый корабль. С его борта в эфир шла пропаганда. Захватить или уничтожить его не позволяло расстояние: едва ли дальнерейсовик станет дожидаться, пока подойдут боевые корабли противника.

Где-то в пространстве блуждал еще один лжекупец — «Лебяжье перо». И третий — неизвестный. Призрак, который появлялся в поле дальнего скана и сразу уплывал из него. Возможно, это был вовсе не фрахтер, а боевой корабль Унии, и не один. В системе Пелла осталось немало купцов-ближнерейсовиков, их отчаянно смелые владельцы занимались привычным делом — снабжали шахты и базы, стараясь не думать об уходе дальнерейсовиков, об униатской эскадре, витающей за краем системы, о зловещих точках на сканах. О безнадежности, воцарившейся на Пелле.

Так же поступала и станция, пытаясь сохранить порядок в отдельных секциях, где стояли часовые и разгуливали десантники-отпускники. Командованию Флота приходилось выдавать солдатам и матросам увольнительные — нельзя было целыми месяцами держать людей в доках или тесных спартанских каютах рейдероносцев,

когда в двух шагах от них — вся роскошь Пелла. Но это порождало трудности.

Вошел Мациан — как всегда подтянутый и безукоризненно опрятный. Сел, разложил перед собой на столе бумаги и скользнул взором по лицам. Дольше всего его взгляд задержался на Сигни.

— Капитан Мэллори, полагаю, будет лучше, если вы отрапортуете первой.

Сигни неспешно потянулась к своей папке и встала, чего от нее не требовалось.

— Одиннадцатого двадцать восьмого пятьдесят второго в двадцать три четырнадцать я вместе с майором Дисоном Янцем и двадцатью вооруженными десантниками из вверенного мне подразделения отправилась на проверку сигнала, поступившего в офис. Войдя в квартиру номер ноль восемь семьдесят восемь — резидентскую квартиру на территории для ограниченного круга лиц, — я обнаружила там лейтенанта десантных войск Бенджамена Гофорта, сержанта Байлу Майсос — оба с «Европы» — и еще четырнадцать солдат, расположившихся в четырех комнатах этой квартиры. Мы сразу обнаружили наркотики и спиртное. Солдаты и офицеры устно протестовали против нашего вмешательства, а

рядовые Мила Иртон и Томас Ценсия были до такой степени накачаны наркотиками, что не могли отличить нижних чинов от офицеров. Я приказала обыскать помещение. В результате были обнаружены четверо гражданских: мужчина двадцати четырех лет, мужчина тридцати одного года, мужчина двадцати девяти лет и женщина девятнадцати лет, все — раздетые и со следами ожогов и иных увечий на теле. Всех их держали в одной комнате под замком. В другой комнате хранились ящики со спиртными напитками и медицинскими препаратами, судя по ярлыкам, изъятыми из станционной аптеки, а также две коробки: одна — со ста тридцатью единицами драгоценных украшений, а другая — со ста пятьюдесятью восемью комплектами гражданских документов, то есть удостоверений личности и кредитных карточек на имена граждан Пелла. Кроме того, мы обнаружили рукописный перечень драгоценностей и список с фамилиями пятидесяти двух наших военнослужащих с числами, обозначающими сумму, против каждой фамилии. Оба эти документа я прилагаю к рапорту. Все найденное я предъявила лейтенанту Гофорту и потребовала объяснений, на что услышала буквально следующее: «Если хо-

чешь войти в долю, то незачем поднимать шум. Сколько тебя устроит?» Мои слова: «Господин Гофорт, вы и ваши сообщники арестованы. Мы ведем видеозапись, и на военно-полевом суде она будет иметь силу документа». Лейтенант Гофорт: «Сволочь! Сука проклятая! Старая шлюха! Сколько ты хочешь?» На этом я прекратила дискуссию с лейтенантом Гофортом и выстрелила ему в живот. Пленка покажет вам, господа, что его сообщники в тот же момент успокоились. Мои подчиненные без дальнейших эксцессов обезоружили их и препроводили на рейдероносец «Европа», где сейчас они находятся под стражей. Лейтенант Гофорт скончался на месте, успев сделать подробное признание, запись которого также прилагается к рапорту. Обнаруженные при обыске вещи я приказала доставить на борт «Европы», а гражданских — отпустить после ускоренного опознания и предупреждения об аресте за несохранение инцидента в тайне. Квартира возвращена станции. Это все.

Она придвинула к Мациану папку с рапортом и приложениями. Мациан хмурился.

— По вашему мнению, лейтенант Гофорт находился в состоянии интоксикации?

— По моему убеждению, сэр, он лыка не вязал.

Мациан легким движением руки позволил ей сесть. Сигни не замедлила воспользоваться разрешением и с ухмылкой откинулась на спинку кресла.

— При аресте он отказался подчиниться не только майору десантных войск, но и капитану Флота. Он нанес мне публичное оскорбление. У меня есть свидетели.

Мациан медленно кивнул.

— Я ценил лейтенанта Гофорта. На Флоте, капитан Мэллори, существует традиция не требовать от десантных подразделений такой же суровой дисциплины, как от экипажей. Ваша… экзекуция, капитан Мэллори, возлагает на плечи остальных капитанов тяжелое бремя. Отныне в подобных ситуациях они будут вынуждены применять крутые меры. Ваш волюнтаристский поступок толкает их на конфликт с подчиненными или со мной. Это неизбежно, если десантники и впредь будут считать, что в увольнении им все дозволено.

Капитаны заворчали. Мациан нахмурился еще больше.

— Я понимаю, вы попали в необычную ситуацию и, вероятно, не видели иного выхода. Но я обязан заметить, капитан Мэллори, что ваша вер-

сия инцидента — не единственная. На моральное состояние Флота весьма негативно действует тот факт, что среди задержанных, а также в найденном вами у Гофорта списке, нет ни одного человека из команды «Норвегии». Я вынужден предположить, что сигнал поступил к вам от кого-то из ваших же подчиненных, преследующих личные цели.

— Вы ошибаетесь, сэр.

— Вы превысили свои полномочия. Внутренняя охрана — прерогатива капитана Кео. Почему вы не поставили его в известность о готовящемся рейде?

— Потому что здесь замешаны солдаты с «Индии». — Сигни прямо посмотрела в угрюмое лицо Кео, в лица остальных и вновь повернула голову к Мациану. — Да и вряд ли можно назвать рейдом рутинную проверку.

— А почему ваши десантники не попались?

— Потому что их там не было, сэр.

На мгновение повисла тяжелая тишина.

— Из этого следует, что вы — образец добродетели, не правда ли?

Она наклонилась вперед, положив руки на стол, и холодно посмотрела Мациану в глаза.

— Я не позволяю своим людям ночевать на

станции. Я строго слежу за их времяпрепровождением. Никто из личного состава «Норвегии» не имеет отношения к черному рынку. Раз уж я вынуждена отчитываться, позвольте напомнить, что я изначально не одобряла отпусков целым подразделениям, и мне бы очень хотелось, чтобы вы пересмотрели это решение. Сначала дисциплинированных солдат держат на постах, пока они не свалятся с ног от усталости, а потом позволяют напиваться до положения риз — вот она, нынешняя политика Флота. Я же у себя ничего подобного не допускаю. Вахта сокращена до разумного предела, а увольнения даются очень ненадолго, к тому же отпускникам разрешено находиться только на ограниченной территории доков и под непосредственным наблюдением моих офицеров. Так что, сэр, насчет личных мотивов моих подчиненных вы не правы.

Мациан помолчал, багровея от гнева и ритмично раздувая ноздри. Наконец произнес:

— Мэллори, вас давно считают тираном с кровавыми руками, и вы это знаете.

— Это меня не огорчает.

— На Эриду вы застрелили несколько собственных солдат. Приказали одному подразделению открыть огонь по другому.

— У «Норвегии» свой кодекс чести.

Мациан с присвистом вздохнул.

— У других кораблей тоже есть кодекс чести, капитан. Ваша политика, возможно, весьма устраивает «Норвегию», но не следует забывать, что сейчас вы играете в команде. До сих пор каждый из нас действовал самостоятельно, и это давало нам преимущества перед врагом. Так мы воевали очень долго, но теперь обстоятельства изменились, и боеспособность Флота зависит от того, сумеет ли он сплотиться. Недавний рецидив партизанщины доказал это: мы потеряли два корабля. А теперь, Мэллори, демонстративно обособляется ваш корабль, а вы со своими десантниками самовольно устраиваете рейд для пресечения деятельности — согласен, незаконной — группы военнослужащих со всех кораблей, кроме вашего, после чего расползаются слухи, что в том списке была еще одна страница… Как вам это нравится? Вы понимаете, что эти слухи опасны для нашего морального состояния?

— Понимаю, сэр, и сожалею. Второй страницы не существовало. И меня возмущают домыслы о личных мотивах солдат, доложивших мне о нарушении порядка в квартире станционеров. Я отказываюсь видеть в этом корыстный умы-

сел, сэр.

— Личный состав «Норвегии» будет жить по общему распорядку.

Сигни вновь откинулась на спинку кресла.

— Сэр, мы обнаружили злостных нарушителей порядка, а вы приказываете, чтобы мы им подражали.

— Мэллори, самое опасное для нас — не черный рынок, который был, есть и будет и с которым мы сталкиваемся всякий раз, как отпускаем людей в увольнения. Опасно, когда отдельные капитаны и экипажи считают себя вправе действовать так, как им кажется правильным, и соперничать с другими капитанами и экипажами. Я не могу вам этого позволить, пока вы — под моим началом. На Флоте только один командующий. Или вы намерены создать оппозиционную партию?

— Я подчиняюсь командующему, — пробормотала Сигни. Гордость Мациана… ох уж эта сверхчувствительная гордость! Есть черта, через которую нельзя переступать. Когда его глаза полыхнули злобой, Сигни ощутила жгучее желание что-нибудь сломать.

— Итак, возникла проблема морали, — продолжал Мациан, заметно остыв и усевшись. Далее последовал один из его обычных театральных

жестов, означающих, что продолжение спора он считает бессмысленным, — и несправедливо винить в этом одну «Норвегию». Простите меня, Мэллори, я признаю, что в немалой степени вы правы, но ситуация сложная. Уния готовит новый удар, и это известно не только нам, но и нашим людям. Однако они все же знают меньше нашего и поэтому находятся в состоянии крайнего нервного напряжения. Стоит ли упрекать их за то, что они стараются это напряжение снять? Обстановка на Пелле далеко не идеальная: дефицит, черный рынок, а хуже всего — враждебность гражданских и Уния, выжидающая удобного момента для нападения. На экранах маячит униатский разведчик, а мы ничего не можем с ним сделать. Станция не и состоянии обеспечить нам даже нормальной стоянки. Если так пойдет и дальше, мы вцепимся друг другу в глотки, а ведь именно на это рассчитывает враг… Продержать нас в осаде, пока мы не сгнием изнутри. Встречаться с нами в открытом бою он не желает — это слишком дорого обходится. Даже выбить нас отсюда — для Унии не выход, потому что мы можем рассеяться и возобновить партизанскую войну… Потому что существует столица — Сытин, — и она слишком уязвима. Они хорошо представляют,

что произойдет, если мы выберемся из западни и кто-нибудь из нас решит любой ценой прорваться к Сытину. Поэтому они бездействуют и держат нас в напряжении. Рассчитывают, что мы так и проторчим здесь, надеясь на лучшее, а они тем временем соберутся с силами. Это рискованная игра, но они ведут ее грамотно, и у них больше шансов на победу, чем у нас. Они знают, как остро мы нуждаемся в отдыхе и убежище… Все это отвратительно действует на людей, но что мы можем поделать? Я предлагаю сделать так, чтобы наши грешники ощутили вкус опасности, поняли, что нельзя слишком расслабляться. Мы отправим их за припасами, которых так недостает Пеллу. Ближнерейсовики сторонятся нас, но далеко им не убежать… а на шахтах есть запасы продовольствия. Короче говоря, мы высылаем на патрулирование второй рейдероносец.

— После того, что случилось с «Северным полюсом»… — негромко начал Крешов.

— Мы сделали из этого выводы. Рейдероносец не отойдет слишком далеко от базы, а все остальные корабли будут следить за ним со станции и в случае чего выйдут на помощь. Можно рассчитать очень удобный курс — корабль всегда будет у нас на виду. Крешов, у вас хорошо развито чув-

ство опасности. Добудьте нам продовольствие, а если понадобится, преподайте колонистам несколько уроков. Небольшая взбучка гражданским очень благотворно повлияет на боевой дух солдат.

Сигни закусила губу и подалась вперед.

— Я готова взять это на себя. Пусть Крешов отдохнет.

— Нет! — Мациан поспешил вскинуть руку в жесте миротворца. — Мэллори, поймите меня правильно. Я далек от желания умалить ваши заслуги. Здесь, на станции, вы превосходно справляетесь с очень нужным делом, и я хочу, чтобы вы занимались им и впредь. На патрулирование выйдет «Атлантика». Она же восстановит снабжение станции. Мика, разрешаю мобилизовать несколько рейсовиков. Взорвите один, если потребуется, — короче говоря, действуйте по обстановке. А убытки запишите на счет Компании.

Капитаны рассмеялись, только Сигни сохранила на лице кислую мину.

— Капитан Мэллори, — произнес Мациан, — похоже, вы недовольны.

— Расстрелы плохо влияют на настроение, — цинично ответила она. — Пиратство — тоже.

— Опять дебаты?

— Прежде чем начинать столь масштабную операцию, неплохо было бы подумать о мобилизации ближнерейсовиков без стрельбы. Ведь они стояли вместе с нами против Унии.

— Им ничего другого не оставалась, Мэллори. Ощущаете разницу?

— Да, но не следует забывать, что кое-кто из них давно с нами… К таким нужен иной подход.

Мациан был не в настроении выслушивать доводы Сигни, во всяком случае сегодня. Он снова густо покраснел, глаза потемнели.

— Мой старый товарищ, пока еще командую Флотом я. Ваши пожелания приняты во внимание, все лояльные торговцы получат привилегии — в первую очередь это касается стоянки в доках. Надеюсь, таковых торговцев не окажется среди тех, кто не подчинится нашим приказам.

Сигни кивнула и постаралась избавиться от недовольного выражения на лице. Перечить Мациану было рискованно, его самолюбие не знало границ. Обычно он ставил интересы дела выше эмоций, но порою его гнев долго не утихал.

— Я хотел бы заметить, — пробасил Порей, — что, вопреки расчетам Мэллори на помощь местных властей, у нас возникла проблема. На Нижней Эмилио Константин взялся за ум и до-

бился подчинения от своих рабочих. Они дают нам все необходимое, и за это мы их не трогаем. Но он просто-напросто выжидает. Да-да, выжидает. Так вот, насчет ближнерейсовиков: если мы втянем их в станционную смуту, то получим других потенциальных Константинов. Только эти будут жить бок о бок с нами, возле наших кораблей.

— Вряд ли они осмелятся подвергнуть опасности Пелл, — возразил Кео.

— А вдруг среди них униат? Мы точно знаем, что униаты маскируются под торговцев.

— Это стоит обсудить, — кивнул Мациан. — Я подумаю… Мэллори, вот вам еще одна причина, по которой я не решаюсь мобилизовать ближнерейсовики силой. Это может создать затруднения. Однако продовольствие на исходе, и отнюдь не все колонии готовы поделиться с нами.

— Так давайте покажем, что их ждет, — сказал Крешов. — Расстреляем паршивца. Все равно, рано или поздно нам придется это сделать.

— Ну, сейчас-то, — неторопливо произнес Порей, — Константин и его команда вкалывают по восемнадцать часов в сутки, и перебоев с поставками не бывает. Своими методами мы бы этого не добились. Пускай он хорошенько поставит

дело, а когда мы увидим, что можно справиться без него, тогда и разберемся.

— А он это понимает?

Порей пожал плечами.

— У господина Эмилио Константина нет выбора. Он устроил что-то вроде лагеря беженцев… Низовики, люди — все в одном месте. Прекрасная мишень. Он это понимает.

Мациан кивнул.

— Константин — проблема пустяковая. Есть более серьезные причины для беспокойства, и это — второй вопрос на повестке дня. Если вы способны воздержаться от набегов на собственных десантников, то я бы хотел, чтобы вы сосредоточились на поиске станционных мятежников и проверке подозрительных беженцев.

У Сигни запылали щеки, но голос остался бесстрастным.

— Мы очень скоро введем в действие новую пропускную систему и новые замки. Господин Лукас оказывает содействие. На сегодняшнее утро четырнадцать тысяч девятьсот сорок семь человек идентифицированы, им выданы новые документы. На некоторых дверях замки теперь реагируют только на голоса. К сожалению, мы не можем снабдить такими замками все двери,

иначе проблема безопасности уже не стояла бы на первом месте.

— А где гарантия, что вы не выдали новую карточку Джессаду?

— Нет причин беспокоиться. Большинство подозрительных лиц переселились в необорудованные помещения, где еще действуют их пропуска. Скоро все будет кончено. У нас есть словесный портрет Джессада и фотоснимки его сообщников. Через неделю, максимум через две я устрою последнюю облаву.

— А что вы скажете об административных зонах? Они надежно защищены?

— Контрольный центр охраняется из рук вон плохо. Необходимо установить специальное оборудование. Я подготовила рекомендации.

Мациан кивнул.

— Займемся, как только ремонтники устранят повреждения. А как насчет безопасности персонала?

— Единственная проблема — присутствие низовиков в четвертом номере первого яруса синей. Вдова Константина, сестра Лукаса, неизлечимо больна, и низовики изо всех сил стараются ее защитить.

— Упущение, — буркнул Мациан.

— Я связана с ней напрямую по кому. Она активно сотрудничает с нами, рассылая низовиков всюду, где они требуются. Сейчас она полезна, как и ее брат.

— Хорошо, оставляем ее в покое, — решил Мациан. — На тех же условиях, что и брата.

Наступил черед компа — посредника между флагманом и остальными рейдероносцами. Вопросы — рутинные, мелкие — поступали один за другим; взамен отправлялись решения. Сигни скучала, у нее болела голова и подскочило давление, вены на руках вздулись; время от времени она что-то записывала или высказывала предложения.

Пища, вода, запчасти… Каждому кораблю предстояло взять на борт полный груз — на случай, если снова придется бежать. Устранить крупные повреждения и наконец-то добраться до мелких, долго откладывавшихся «на потом». Полностью переоснаститься и при этом постараться, чтобы Флот ни на минуту не утратил мобильности.

Сложнее всего дело обстояло с доставкой грузов на станцию. Надежды на возвращение дальнерейсовиков рассеялись как дым. Семь рейдероносцев удерживали станцию и планету, но грузоперевозками в системе Пелла занимались

только ближнерейсовики, а это означало, что запчасти к машинам Флоту добыть неоткуда и в конце концов придется «раздеть» эти самые ближнерейсовики.

Флот попал в осаду, и без вольных торговцев, которые даже в самые жестокие периоды войны ухитрялись возить грузы через Черту, не мог рассчитывать на возрождение Тыловых Звезд. Ни одна из этих станций не действовала, все были частично демонтированы, законсервированы; возможно, за многие годы запустения на них накопилась «критическая масса» поломок. У Флота остался только Пелл, а самой ближайшей обитаемой станцией была Солнечная.

В голову Сигни снова полезли непрошеные мысли, не дававшие ей покоя с тех пор, как Флот свернул операции и увяз на Пелле. Время от времени она поднимала глаза то на Мациана, то на худое, озабоченное лицо Тома Эджера, чья «Австралия» чаще всех остальных рейдероносцев действовала в паре с «Европой». Среди капитанов Эджер был вторым по старшинству, а она, Сигни, — третьим. Но между вторым и третьим лежала громадная пропасть. Эджер никогда не выступал на военном совете, он предпочитал разговаривать с Мацианом с глазу на глаз. «Власть

у подножия трона — вот что это такое, — угрюмо размышляла Сигни. — Если здесь, в этом зале, и есть человек, знающий, что у Мациана на уме, то это — Эджер. И еще — я».

Но вслух она не сказала ни слова. Слишком большой путь прошли они вместе, от стапелей Компании к докам Пелла… «Этих ублюдков, — подумала Сигни о Компании, — ожидает неприятный сюрприз. Скоро война постучится к ним в дверь. Скоро Земля и Солнечная будут захвачены, как Пелл, — семи рейдероносцев для этого вполне достаточно. Земляне отказались от межзвездных полетов, они согласились на позорный мир, они не побеспокоились о создании нового Флота — под началом у них только ближнерейсовики, как у Пелла, да несколько внутрисистемных истребителей. Земля — стеклянный замок… Ей не победить».

Сигни не мучилась бессонницей из-за подобных мыслей, не собиралась мучиться и впредь. Все больше она убеждалась, что операции Флота на Пелле — одна видимость, что Мациан делает именно то, на чем она настаивала. Пелл «укрепляется» на глазах у противника, десантные части, да и экипажи не разлагаются от безделья, однако не это главное, а то, что происходит с Нижней,

шахтами и ближнерейсовиками. Реквизируются, как и предлагала Сигни, припасы, проверяется станционный персонал, изолируются подозрительные лица, устраняются все те, кто способен облегчить униатам захват Пелла. Вот только… здесь нет купцов, которые помогли бы — против своей воли, конечно, — при эвакуации, и ни один рейдероносец не возьмет на борт беженцев. Ни при каких обстоятельствах. На нем просто-напросто нет места. Не удивительно, что Мациан предпочитает действовать, держа язык за зубами. Сценарий ясен. Новые замки на дверях, настроенные на голоса военных — значит, станционный комп будет взорван. Нижнюю ввергнут в хаос — для этого достаточно ликвидировать человека, на котором там все держится, и перестрелять людей и низовиков, опрометчиво собравшихся в одном месте. После этого низовики никогда не согласятся работать на людей. Затем, спихнув станцию на сужающуюся орбиту, Флот разгонится для прыжка, а прикроет его бегство стая ближнерейсовиков. Прыжок к Тыловым Звездам, а потом — к самой Солнечной… пока Уния будет решать, что спасать раньше: станцию, набитую людьми, или базу на Нижней, которая теперь едва ли сумеет прокормить станцию… Или бросить

их на произвол судьбы и идти в далекий поход, не имея в тылу ни одной базы ближе Викинга…

«До чего хитер! — мысленно похвалила она Мациана, сверкнув в его сторону глазами из-под насупленных бровей. — Как это типично для тебя — опережать противника на несколько ходов и замышлять немыслимое. Ты всегда был лучшим из лучших».

Внимая его сухим и четким распоряжениям насчет составления перечней всего необходимого, она вдруг улыбнулась ему и с удовлетворением увидела, как великий Мациан на секунду сбился с мысли. Но он тотчас сосредоточился и продолжал, то и дело поглядывая на Сигни — поначалу недоуменно, затем все дружелюбней. Теперь он тоже понимал: их трое.

— Буду откровенна с вами, — обратилась она к плотной толпе мужчин и женщин, сидевших на корточках и стоявших в экипировочном отсеке на нижней палубе — единственном помещении на рейдероносце, где могли собраться большинство десантников. — Нами недовольны. Самому Мациану не нравится, как я командую этим кораблем. Никого из вас нет в списке продажных военных. Никто из вас не связан со спекулянтами. Похоже, остальные экипажи разочарованы. Хо-

дят слухи о фальсификации списка, о тщательно спланированной акции для устранения наших конкурентов на черном рынке… Спокойно! Так вот, по приказу командующего вы будете ходить в увольнения по тому же графику и на тех же условиях, что и десантники с других кораблей. Нести караульную службу вам тоже предстоит по общему графику. Я воздержусь от комментариев, хочу лишь поблагодарить вас за отлично выполненную работу и сказать вот еще что: я горжусь своим кораблем, который не обесчестил своего имени безобразиями в синей секции, и прошу вас избегать конфликтов с чужими подразделениями. Как бы вас ни провоцировали, какие бы слухи до вас ни доходили, сохраняйте спокойствие. Вероятно, кто-то из вас сейчас испытывает слишком сильные чувства, и в этом — моя вина. Вероятно… Ладно, оставим эту тему. Вопросы?

Наступила мертвая тишина. Никто не шевелился.

— Можете сообщить эти новости заступающей вахте — самой мне, наверное, будет некогда. Приношу извинения за то, что действия моих подчиненных были расценены как пристрастные. Все свободны.

По-прежнему никто не двигался. Сигни повер-

нулась на каблуках и двинулась к лифту. Возле двери она застыла как вкопанная, услышав шепот за спиной:

— Шлюзовать их!

— «Норвегия»! — закричал другой десантник.

— Сигни! — воскликнул третий.

Через секунду по всему кораблю помчалось оглушительное эхо.

Она удовлетворенно вздохнула и спокойно шагнула в кабину лифта. Да, в шлюз их! Даже Конрада Мациана, если он возомнил, что сможет подмять под себя «Норвегию». Сигни не случайно начала с солдат. Наверное, Ди Янц тоже найдет подходящие слова. Под угрозой — моральное состояние десантников, рефлексы, которые они вырабатывали годами. А значит, и жизни. А еще их гордость. И гордость самой Сигни. Когда она нажимала кнопку на стене кабины, лицо ее пылало, а крики, разносившиеся по коридору, звучали как песня. Ее самолюбие было под стать тщеславию Мациана, чего она от себя не скрывала. Обращаясь к десантникам, она взвешивала каждое слово и заранее знала, каков будет эффект. «Норвегия» не пойдет против приказов Мациана. Но на ее борту командует только капитан Мэллори.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. ПЕЛЛ: ЗЕЛЕНАЯ СЕКЦИЯ, ДЕВЯТЫЙ ЯРУС; 6.1.53

Снова рядом оказался низовик — маленькое существо, покрытое бурой шерстью. Их было довольно много на девятом ярусе. Джош остановился и сделал вид, будто застегивает ботинок. Низовик склонился и, морща нос, всмотрелся в его лицо.

— Константин-человек хорошо?

— Хорошо.

Низовика звали Синезуб, и он почти в открытую ходил по пятам за Джошем, время от времени передавая весточки от Алисии Лукас-Константин, матери Дэймона.

— Мы нашли надежное место, — добавил Джош. — Дэймон в безопасности, так что все хорошо.

Мохнатая сильная рука нашла ладонь Джоша и втиснула в нее какой-то предмет.

— Ты отдать Константин-человек? Она дать, сказать — надо.

Так же внезапно, как и появился, низовик исчез

среди прохожих. Джош выпрямился, подавив желание взглянуть на металлическую вещицу в его руке. Пройдя по коридору шагов сорок, он таки решился. Вещица оказалась брошью, металл походил на чистое золото. Настоящее сокровище — можно обменять на что угодно на рынке, где карточки не всегда в ходу, или, например, расплатиться с хозяином их нынешнего убежища. Джош бережно спрятал брошку в карман. Золото — не просто украшение, это — валюта, за которую можно купить человеческую жизнь. С каждым днем все труднее прятать Дэймона… Его мать — умнейшая женщина, каждый низовик, слоняющийся по коридорам, — ее глаза и уши, она знает, в каком отчаянном положении Дэймон и Джош. Снова и снова она предлагает им убежище, но они отказываются, поскольку ее сын больше всего на свете боится обыска в эксплуатационной зоне.

Петля затягивалась. Площадь коридоров, не занятых военными, с каждым днем сокращалась, вводилась новая пропускная система, менялись карточки, и в секции, «очищенные» десантниками, не пускали никого, не прошедшего строжайшей проверки. Изолируя очередную секцию, солдаты сгоняли ее обитателей в одно помещение, каждого регистрировали и выясняли,

нет ли его в списке разыскиваемых. После этой процедуры выдавали новые документы — но не всем. Некоторые исчезали без следа. Измененная система пропусков била по черному рынку тем больнее, чем ближе к нему подбиралась, цены на карточки и удостоверения скакали, ибо последняя «чистка» была не за горами и многие спешили избавиться от устаревших документов. Вновь и вновь без звука — одним лишь миганием лампочки — комп собирал десантников в каком-нибудь отсеке, и они отправлялись на поиски нарушителя паспортного режима, по пути останавливая и обыскивая всех подряд. Эта тактика внезапных набегов держала население в постоянном страхе, вынуждая станционеров подозревать друг друга, а значит как нельзя лучше служила целям Конрада Мациана.

Но еще она давала хлеб Дэймону и Джошу, которые на черном рынке считались специалистами по проверке надежности краденых карточек. Клиент желал знать наверняка, что его приобретение, будучи вставлено в паз терминала, не вызовет тревоги. Кое-кто интересовался неликвидированными банковскими счетами погибших… Владельцев доковых баров и гостиниц ничуть не смущало, что внешность посетителей зачастую

не соответствовала фотоснимкам на их документах. А у Дэймона был доступ к компьютерным банкам данных. Джош тоже выучил все необходимые коды, так что они с Дэймоном работали поочередно, чтобы не слишком часто появляться в коридорах. По станции они передвигались крайне осторожно, в основном (спасибо Синезубу за науку) по туннелям низовиков, и ни разу не подняли тревоги, хотя нередко пересекали межсекционные перегородки и пользовались даже «горячими» карточками. Они были профессионалами. Ирония судьбы: Мациан, вовсе того не желая, обеспечивал их пищей и кровом, а главное — самой прибыльной работой для черного рынка.

Сейчас в кармане у Джоша лежала плотная пачка карточек, а в голове он держал их цены, которые разнились в зависимости от степени надежности и величины кредита. Впрочем, потратить деньги прежних владельцев карточек теперь удавалось все реже — родственники погибших быстро набирались ума-разума и обращались к станционному компу, а тот послушно менял коды доступа к банковским счетам… Такие ходили слухи, и Дэймон склонен был им верить. С каждым днем оставалось все меньше

надежных документов, поэтому Джош отобрал для себя несколько самых безопасных карточек и кодовых номеров. Спрос на них быстро падал, цена держалась только на карточки одиноких людей и независимые счета.

Многое говорило о близких переменах… Возможно, Джош стал излишне подозрителен, однако в коридорах на всех ярусах зеленой прежде не бывало столько людей. Все, кто боялись идентификации и не рисковали обращаться к властям за новыми документами, постепенно перебирались в зеленую и белую секции, по-прежнему открытые. В последние дни у Джоша появились сомнения относительно белой, и он старался не задерживаться в ней сверх необходимого. Никаких явных признаков готовящейся операции… Но что-то подсказывало Джошу, что скоро военные изолируют очередной участок. Скорее всего, белую.

В зеленой скопилось очень много народу, и хватало отчаянных голов, полных решимости отстаивать каждую комнату, каждый коридор. Но Джошу не верилось, что военные допустят сопротивление. Скорее всего, уладив все свои дела на Пелле, Мациан тщательно изолирует последнюю неблагонадежную секцию и широко

раскроет двери в космос. И все погибнут — без звука, без единого шанса на спасение.

Несколько безумцев, решив выжить вопреки логике, раздобыли себе скафандры — самый опасный товар на черном рынке — и не отходят от них ни на шаг, угрожая оружием. Но большинство просто дожидаются смерти. В зеленой царит атмосфера отчаяния и безнадежности; все, кто решается сдаться властям, уходят в белую. Стены зеленой пестрят лозунгами, среди них много непристойных, есть и патетические, например: «Мы здесь жили!» В коридорах уцелели считанные лампы, отчего секция тонет в сумерках. Мрак опасен, и никто не посещает несколько совершенно темных коридоров, если он там не живет или если его не волокут туда силой. Там обитают шайки, воюющие между собой за власть, к ним примыкают слабые духом. Гангстерам платят — чтобы не причиняли зла. Или чтобы позволили причинить кому-то зло. Некоторые шайки вышли из "К", другие созданы резидентами Пелла в целях самозащиты. Джош боялся всех без разбору, боялся бессмысленного насилия. Он отрастил длинные волосы, отпустил бороду, перестал умываться и научился прихрамывать. Он слегка изменил лицо с помощью грима, не

пожалев на это больших денег. Самое забавное (если в столь тяжелой ситуации вообще уместно это слово) заключалось в том, что большинство обитателей этих мест поступали точно так же. Секция изобиловала мужчинами и женщинами, которые лезли из кожи вон, чтобы не быть узнанными. По коридорам они передвигались короткими мышиными перебежками, словно постоянно ожидали услышать за спиной: «Вот он! Держи!» Даже самые наглые и агрессивные бандиты притихали, стоило вдалеке показаться солдатам или полицейским.

Вероятно, внешне Джош изменился до неузнаваемости. Еще никто не указал на него или на Дэймона пальцем и не завопил: «Я тебя знаю!» А может быть, из граждан Пелла еще не до конца выветрилась лояльность к прежней власти, или Дэймона и Джоша спасала причастность иных шаек к черному рынку, — если кто и узнал их, то, наверное, принял за бандитов и решил не связываться.

В коридорах встречались десантники, столь же привычные глазу, как и низовики, идущие по своим делам. Зеленый и часть белого дока были все еще открыты, правда, иногда к первым двум причалам зеленого подходила «Африка»,

реже — «Атлантика» и «Тихий океан»; остальные корабли практически не покидали синего дока, и их десантники беспрепятственно проходили через аварийные межсекционные шлюзы в зеленую и белую, где развлечений ради или по долгу службы смешивались с обреченными… А обреченные прекрасно понимали: чтобы избежать своей участи, им достаточно подойти к охране у входа в какое-нибудь «очищенное» помещение и сдаться. Некоторым не верилось, что мацановцы посмеют выпустить воздух из целой секции — очень уж мирно, даже почти дружелюбно, вели себя солдаты, зачастую выходя из кораблей без доспехов, засиживаясь в барах, шутя и смеясь… Два или три увеселительных заведения они присвоили, но в другие злачные места гражданские могли заходить безбоязненно, встречая порой благожелательные улыбки. Все это делалось специально, полагал Джош. Жертву проще уничтожить, когда она уверена в твоем миролюбии. У жертвы еще есть выбор: поиграть с военными в кошки-мышки или сдаться и подвергнуться опознанию, а там будь что будет. Первый вариант был заведомо проигрышным: рано или поздно в контрольном центре кто-то нажмет на кнопку и даже не увидит лиц умирающих.

Джош и Дэймон строили планы — один безумней другого. Брат Дэймона, по слухам, еще жив. Они проберутся на какой-нибудь челнок, заставят экипаж отвезти их на Нижнюю, высадятся и спрячутся в чаще. Была и другая идея, столь же дикая: угнать челнок из-под носа у солдат, собравшихся лететь на планету. Разработка планов помогала им убить время и давала пищу для ума, а главное — надежду. Больше от этих планов не было никакого толку.

Третий вариант казался более реалистичным. Через ворота пробраться в очищенные секции, туда, где военизированная полиция, двери, снабженные сигнальными устройствами, контрольно-пропускные пункты на каждом перекрестке, где благодаря стараниям Мэллори шагу не ступишь без карточки, — и попытать счастья. Нет. «Слишком много человеки-ружья, — предупредил Синезуб. — Холодные глаза они».

Вот уж действительно — холодные.

Здесь у Дэймона и Джоша был рынок. И заведение Нго.

Джош приблизился к бару не по туннелям эксплуатационной зоны, что тянулись за внутренней стеной дока и почти доходили до черного хода в бар, а вдоль девятого яруса зеленой. Чер-

ным ходом пользовались в исключительных случаях, поскольку Нго терпеть не мог, когда кто-нибудь из его знакомых без крайней нужды входил в главный зал не через парадную дверь, а через заднюю, тревожа станционный комп. Здесь процветала запрещенная торговля, а посему власти держали это заведение под надзором, выделяя его из двух десятков баров и прочих злачных мест, которые тянулись вдоль стены зеленого дока и по сквозному коридору, — мест, в которых прежде бывало полным-полно купцов. Довершались эти ряды ночлежек, видеотеатров, комнат отдыха и ресторанов, как ни странно, молельней. Некоторые из ночлежек выгорели изнутри, зато большинство баров и ресторанов действовало, не давая населению вымереть от голода. Продовольствие частью поступало со станционных складов (власти не хотели возиться с распределением пайков), частью — с черного рынка.

Возле парадной двери, всегда широко открытой, Джош огляделся, не замедляя шага, — словно и не думал высматривать филеров, а просто выбирал, в какой бар зайти.

И тут в глаза ему бросилось знакомое лицо — да так внезапно, что дух перехватило. Он резко от-

вернулся, но тут же снова взглянул на заведение «Маскари». Стоявший у дверей высокий человек сорвался с места и скрылся внутри.

У Джоша потемнело в глазах, затем в памяти сверкнула вспышка — такая яркая, что он пошатнулся и начисто забыл об осторожности. Он повернулся, как автомат, и на негнущихся ногах двинулся в бар Нго — навстречу тусклому сиянию, оглушительной музыке, запахам спиртного и давно не мытых человеческих тел.

Старик сам обслуживал посетителей. Джош шагнул к стойке и попросил бутылку. Нго поставил ее перед ним, не требуя карточки. Расчет произойдет потом, в отдельном кабинете. Заметив, как дрожит рука Джоша, тянущаяся к бутылке, Нго перехватил ее возле кисти.

— Неприятности?

— Близко к тому, — солгал Джош (а может, и не солгал). — Трудности с одной компанией… Ничего официального. Все в порядке, я отмазался и не притащил хвоста.

— Уверен?

— Абсолютно. Нервы. Это всего лишь нервы. — Сжав в руке горлышко бутылки, Джош побрел в противоположный конец зала и у двери в кухню огляделся — удостовериться, что для посетителей

его уход остался незамеченным.

Сердце все еще прыгало в груди. «Наверное, то был мациановец, — подумал он. — Следил за кем-нибудь из клиентов Нго. Нет. Это всего лишь твое воображение. Ни к чему Мациану такая конспирация».

Он откупорил бутылку и глотнул. Низовое вино, дешевый транквилизатор. Он сделал новый глоток — побольше. Полегчало. Такие вспышки воспоминаний у него уже бывали — правда, нечасто, — и всякий раз ему делалось плохо. Чтобы вызвать их, хватало какого-нибудь пустяка, сущей мелочи — запаха, звука, короткого взгляда на знакомую вещь или на вполне обыкновенного человека… Хуже всего, что сейчас это случилось прилюдно и могло привлечь внимание. Он решил не выходить из бара до завтра. Хотя наступит ли оно, это завтра? Отхлебнув в третий раз, он напоследок окинул взглядом посетителей за дюжиной столов и нырнул в кухню, где стряпали жена и сын Нго. Вскользь посмотрев на них и уколовшись об угрюмые взоры, Джош прошел к кладовке и раздвинул створки двери руками.

— Дэймон?

У противоположной стены распахнулись занавеси. Дэймон прошел на середину комнаты и

тяжело опустился на одну из канистр, служивших им мебелью. Фонарь (на батарейках, чтобы лишний раз не беспокоить чрезвычайно экономный и памятливый комп) осветил его лицо. Оба они были небриты, немыты, угрюмы — то есть ничем не выделялись из обитателей зеленой секции.

Взяв у Джоша бутылку, Дэймон поднес ее к губам.

— Где тебя носило? Хочешь, чтобы я из-за тебя язву нажил?

Джош выудил из кармана карточки, рассортировал по памяти, ставя на каждой цифры восковым карандашом, затем получил от Дэймона бумагу и записал все подробно. Пока он это делал, Дэймон молчал.

Едва Джош дописал последнюю цифру, все сведения смешались в памяти. Он положил пачку на свободную канистру, протянул руку за вином, глотнул и поставил бутылку на место.

— Встретил Синезуба. Говорит, у твоей матери все хорошо. Передала тебе вот это. — Он достал брошь и протянул на ладони.

Затуманившийся взор Дэймона ясно говорил, что эта вещица для него — не просто золото.

Угрюмо кивнув, Дэймон спрятал ее в карман. Он редко говорил о своих близких, даже о живых.

Воспоминания не приносили облегчения.

— Она знает, — промолвил Дэймон. — Знает, что нам готовят. Видит на экранах, слышит от низовиков… Синезуб ничего нового не сказал?

— Сказал только, что эта вещь нам понадобится. Так думает твоя мать.

— А от брата — ни слова?

— О брате мы не говорили. Место не располагало.

Дэймон кивнул, глубоко вздохнул и склонил голову. Он и жил-то лишь ради хороших известий. Когда их подолгу не бывало, он падал духом, и Джош разделял его тоску.

— Скоро здесь будет совсем паршиво, — предположил Джош. — Народ беспокоится. Я немножко задержался по пути, послушал, — вроде бы новостей никаких. Никто ничего не знает, но все дрожат.

Дэймон поднял голову, взял бутылку и выпил половину оставшегося вина.

— Надо решать как можно скорее. Или выходить в «очищенные» секции… или прорываться к челноку. Здесь мы недолго просидим.

— Можно еще болтаться по туннелям. — Эту идею Джош считал единственно осуществимой. Люди в большинстве своем панически боятся

туннелей. С теми немногими, кто попытается выловить там беглецов… наверное, удастся справиться — оружие есть. Но в любом случае… время на исходе. В конечном итоге не спасут и туннели.

«Возможно, нам повезет, — с грустью подумал Джош, глядя на Дэймона, погруженного в собственные мысли, — и они просто взорвут секцию».

Дверь кладовки отворилась. Нго забрал карточки, прочел пометки, пожевал сморщенными губами и нахмурился.

— Не туфта? Точно?

— Точно.

Нго недовольно пробормотал что-то насчет убыточности бизнеса — как будто и впрямь оставался внакладе, торгуя документами, — и направился к выходу.

— Нго, — произнес Дэймон ему вслед, — я слышал, на рынке уже ходит новая ксива. Это так?

— Где ты слышал?

Дэймон пожал плечами.

— В зале у тебя двое говорили… Так это правда?

— Им приснилось. Впрочем, если придумаешь, как засунуть лапу в новую систему, шепни мне.

— Уже думаю.

Нго невнятно буркнул что-то под нос и вышел.

— Это правда? — спросил Джош.

Дэймон отрицательно покачал головой.

— Я хотел его прощупать. Нго неспроста отмахнулся — похоже, все знают, что отсюда нет выхода.

— Держу пари, это так.

— Я тоже уверен. — Дэймон снова опустил руки на колени, вздохнул и посмотрел вверх. — Почему бы нам не подкрепиться? Ведь там все спокойно, да?

Словно темная волна, нахлынуло отступившее было воспоминание. Джош открыл рот, но не успел ничего сказать. Внезапно пол содрогнулся, раздался оглушительный удар, а затем — треск, перекрывший вопли посетителей в зале.

— Ворота! — воскликнул Дэймон, вскакивая с канистры. Крики не прекращались, к ним добавились звук падающих кресел и звон посуды. Дэймон и Джош выскочили в кухню и бросились к черному ходу, куда уже неслись жена и сын Нго, а за ними — сам владелец бара с приходно-расходной книгой, полной записей о незаконных торговых сделках.

— Нет! — крикнул Джош. — Подождите! Это,

наверное, закрыли ворота в белую секцию. Мы изолированы… Но во втором коридоре девятого — солдаты. Мациан не оставил бы здесь своих, если бы собирался нажать кнопку…

— Ком! — воскликнула жена Нго. Они побежали в зал, где возле экрана вида уже сгрудилось несколько человек, а какой-то мародер успел набрать дюжину бутылок.

— Эй! — разъярился Нго. Вор прихватил еще две бутылки и пустился наутек.

С экрана вещал Джон Лукас — так бывало всякий раз, когда Мациан считал нужным довести что-либо до сведения станции. Лукас выглядел более чем плачевно — цветущий самоуверенный мужчина превратился в ходячий скелет с запавшими глазами…

— …изолирована, — говорил Лукас. — Резидентам и всем остальным, кто находится в белой секции и желает ее покинуть, предлагаем идти к воротам зеленого дока. Вас пропустят.

— Они сгоняют сюда всех неугодных. — Морщинистое лицо Нго было покрыто потом. — А как насчет нас, господин Лукас? Как насчет нас, честных работяг, попавших в эту западню? Как насчет нас, господин управляющий станцией?

Лукас повторил объявление. Вероятно, это

была запись — едва ли Мациан позволял ему выступать «живьем».

— Пойдем. — Дэймон потянул Джоша за руку. Они вышли, свернули в зеленый док и вдоль изгиба внутренней стены направились к воротам в белую, возле которых уже стояла в ожидании огромная толпа. Со стороны причалов и лебедок к толпе приближались солдаты.

— Похоже, намечается стрельба, — пробормотал Джош. — Дэймон, надо сматываться.

— Смотрите! Ворота!

Джош повернулся к воротам. Массивные створки не раздвигались, аварийный люк рядом с ними тоже оставался закрытым.

— Никого сюда не пустят, — сказал Дэймон, — соврали вояки… чтобы выманить людей в док, к воротам.

— Пойдем обратно, — взмолился Джош.

Из толпы кто-то выстрелил, десантники ответили беглым огнем поверх голов, по фасадам магазинов. Толпа с воплями обратилась в бегство, увлекая за собой Дэймона и Джоша. Они едва успели свернуть в коридор девятого яруса и проскочить в двери бара Нго; следом бросилось человек пять-шесть, однако Нго отогнал их дубинкой, проклиная Дэймона и Джоша за

неосторожность.

Втроем они закрыли дверь. К счастью, толпа не стала ломиться в бар, а избрала путь наименьшего сопротивления и понеслась дальше по коридору. На потолке вдруг ярко засияли лампы, осветив опрокинутые кресла и разбросанные по полу тарелки.

Нго и его семья принялись за уборку. «На», — буркнул владелец бара, сунув Джошу мокрую, пахнущую бульоном тряпку. Затем Нго бросил хмурый взгляд на Дэймона, но ничего не сказал — у Константина еще остались кое-какие привилегии. Впрочем, Дэймон не нуждался в просьбах и приказаниях. Он тоже взял тряпку и стал работать наравне со всеми.

Шум снаружи утихал, но вскоре снова раздался стук в дверь. Люди заглядывали в бар через пластиковое оконце. Измученные, напуганные прохожие хотели всего лишь покоя и уюта.

Выкрикивая ругательства, Нго открыл дверь, впустил посетителей и расположился за стойкой. «Никакого кредита, — предупреждал он каждого, кто подходил за выпивкой. — Деньги вперед. Вот погодите, как все поуляжется, будем только по карточкам обслуживать».

Некоторые уходили ни с чем, другие платили

за напитки и усаживались. Дэймон взял бутылку вина и повел Джоша к закутку в дальнем углу зала — их любимому месту, из которого видна была парадная дверь и откуда можно было незаметно выскользнуть в кухню. Снова ожил музыкальный канал кома, заполнив бар тоскливой романтической мелодией.

Джош опустил голову на ладони и пожалел, что нельзя напиться в стельку. Пьяного, его всегда мучили кошмары. Дэймон же пил безбоязненно, и Джош позавидовал, заметив у него в глазах туман анестезии.

— Завтра я выхожу, — проговорил Дэймон. — Хватит, осточертело в этой дыре. Выйду, может, поговорю кое с кем, попробую наладить связи… Наверняка найдутся люди, которым моя семья в свое время оказала услуги. — Дэймон уже пытался сделать это раньше.

— Надо будет подумать, — кивнул Джош.

Сын Нго поставил перед ними бульон, больше похожий на воду. Джош попробовал и наступил Дэймону на ногу под столом. Дэймон тоже взял ложку и рассеянно приступил к еде.

«О чем он думает? — размышлял Джош. — Наверное, об Элен. — Иногда во сне Дэймон произносил ее имя. Иногда — имя брата. — А

может, он думает о других? О погибших друзьях? Да, скорее всего, этих людей уже нет».

Джош никогда не заговаривал о мертвых. Долгие часы они с Дэймоном проводили в молчании, каждый — в своем собственном прошлом. Джош вспоминал счастливые сны, прекрасные мечты: пыльную дорогу под слепящим солнцем, пшеничные поля Сытина, людей, которые любили его, друзей детства, боевых товарищей… В баре почти беспрерывно грохотала отупляюще-приторная музыка, однако они с Дэймоном притерпелись к ней, привыкли спать урывками — но чаще просто лежали, не смыкая глаз. Джош не вторгался в фантазии Дэймона, а Дэймон — в его грезы… Ибо ничего ценнее фантазий и грез у них не осталось.

Одну тему они больше не обсуждали — не видели смысла. У каждого отпечаталось в памяти лицо Джона Лукаса — не лицо даже, а посмертная маска, наглядное свидетельство того, как Мациан обойдется со своими новыми куклами. Если Эмилио Константин действительно жив, — а такие слухи ходили, но Джош тайком от Дэймона сомневался, что этому стоит радоваться, — то есть шанс… Но об этом Джош тоже не заговаривал.

— Я слыхал, — наконец нарушил тишину

Дэймон, — кое у кого из мациановцев рыльце в пушку. Может, они берут не только товарами? Интересно, нет ли дырок в их новой системе?

— Ты с ума сошел! Это же не куль муки выменять. Попробуй подойти к кому-нибудь с таким предложением, и они мигом заявятся сюда.

— Может, ты и прав. — Джош отодвинул тарелку и уставился на ее ободок. Их время истекало, только и всего. Вот уже и белая изолирована… Мациановцам осталось лишь «подмести» секции, начиная с белого дока или с первого яруса зеленой. Сдавшихся пропустить сквозь «мелкое сито», а прочих перестрелять — и в шлюз.

Когда они наведут порядок в белой… наступит черед зеленой. Это может произойти через сутки или через час. Или через минуту.

— Я попробую выйти на контакт с флотскими, — произнес Джош. — Тебе не стоит рисковать, а меня десантники вряд ли узнают. Главное — держаться подальше от «Норвегии».

Секунду-другую Дэймон безмолвствовал — видимо, прикидывал шансы.

— Не спеши. Попробую придумать что-нибудь получше. Например, как пробраться к челнокам. Я хочу посмотреть на списки докеров, выяснить, что это за люди.

Пожалуй, ни один из них не верил в успех этой безумной затеи.

2. ТОРГОВЫЙ КОРАБЛЬ «КРАЙ ВСЕЛЕННОЙ»: ГЛУБОКИЙ КОСМОС; 6.1.53

Прибыл еще один торговый корабль. Их уже собралось немало, и постоянно появлялись новые. Выслушав доклад теха, Элен поднялась с кушетки и пересекла тесную рубку «Края Вселенной» — поинтересоваться, что видит Нейхарт на своем скане.

— Что здесь происходит? — послышался вдруг тонкий голос. Купец вышел из прыжкового режима на почтительном расстоянии от места встречи и теперь приближался медленно и осторожно. Встав на ноги, Элен ощутила приступ головокружения и поспешила сесть во второе кресло у скана. Сказывалась беременность. Полнота все чаще действовала на нервы, хотя Элен изо всех сил старалась забыть о ней. Сейчас этого не позволил ребенок — невидимое и непредсказуемое брыкающееся существо. «Ну-ну, угомонись», — мысленно обращалась к нему Элен, морщась и сосредоточивая внимание на скане.

К экрану приблизились еще несколько Нейхартов.

— Мне кто-нибудь соизволит ответить? — спросил вновь прибывший, изрядно сократив расстояние между собой и остальными купцами.

— Ну-ка, назовись, — потребовал голос с другого корабля. — С тобой говорит «Медвежонок». А ты кто? Можешь подойти, только представься сначала.

Наступило молчание. Пауза затягивалась. Остальные фрахтеры пришли в движение. В рубке «Края Вселенной» росла озабоченная толпа.

— Что-то он мне не нравится, — раздался голос.

— Это «Женевьева» с униатской стороны, с Передовой. Мы слыхали, у вас какие-то нелады. В чем дело, можете рассказать?

— Дайте-ка мне этим заняться, — вмешался еще один голос. — «Женевьева», это «Фея-два». Малыш, позволь мне потолковать со стариком.

Снова — пауза, не оправданная расстоянием. У Элен зачастило сердце; повернувшись, она нервно и неловко махнула рукой Нейхарту-старшему. Но сигнал тревоги с компа, за которым сидел племянник Нейхарта, уже пробежал по всему кораблю и брызнул с антенны в эфир.

— Говорит Сэм Дентон, борт «Женевьевы».

— Сэм, как меня зовут?

— Здесь солдаты, — пробормотала «Женевьева» и сразу умолкла.

Из динамиков сквозь треск помех посыпалось: «Женевьева»! Немедленно остановиться! Ни с места! Открываю огонь!" Судорожным движением Элен потянулась к кому:

— «Женевьева»! «Женевьева»! Это Квин с «Эстели». Ответь.

Орудия пока молчали. Скан показывал корабли — сотни кораблей, — дрейфующих в пространстве близ точки рандеву.

— Говорит лейтенант униатского флота Марн Оборск с «Женевьевы». При попытке захвата этот корабль будет уничтожен. Дентоны на борту. Семья Квин погибла. «Эстели» не существует. Кто вы? Что за корабль?

— «Женевьева», вы не в том положении, когда можно выдвигать условия. Немедленно отпустите Дентонов.

Вновь долгая пауза.

— Я хочу знать, с кем говорю.

Элен помолчала несколько мгновений. Вокруг нее в рубке «Края Вселенной» царила лихорадочная деятельность. Наводились орудия, рассчитывались относительные позиции, ускорение и торможение. Компы готовились ко всему, даже к

ускорению с помощью причальных дюз, хотя это было сопряжено с губительными перегрузками.

— Вы говорите с Квин. Мы требуем отпустить Дентонов с корабля. И предупреждаем: если Уния присвоит еще один фрахтер, ей несдобровать. Атака или захват любого торгового корабля или порта его приписки повлечет за собой самые решительные действия нашего Альянса. Вот что здесь происходит. Лейтенант Оборск, смотрите хорошенько. Мы разворачиваемся. Мы имеем огромное численное превосходство над военным флотом Унии. Если хотите, чтобы в вашем пространстве прекратились все коммерческие рейсы, мы легко можем это устроить.

— Кто говорит? Что за корабль?

Униаты явно нервничали. «Надо успокоить их, — сказала себе Элен, — а то еще стрельбу поднимут». Она стерла пот с лица и посмотрела на Нейхарта-старшего. Тот кивнул: униаты под прицелом компа.

— Говорит Квин — это все, что вам нужно знать. Повторяю, лейтенант: у нас огромное численное превосходство. Как вы нашли нас? От кого получили координаты? От Дентонов? Или один из наших кораблей по ошибке вышел с вами на связь? Вот что я вам скажу: купцы всего Вне-

земелья создали Торговый Альянс, и сейчас он действует как боевое соединение. Так будет и впредь, пока не отпадет необходимость. Желаете испытать нашу боеспособность — захватите еще один фрахтер. Вы и Мациан можете делать друг с другом все, что хотите, но мы не принадлежим ни Компании, ни Унии. Мы — третья вершина треугольника и отныне ведем торговлю от своего имени.

— Что здесь творится?

— Вы уполномочены вести переговоры или можете только отправить донесение начальству?

Оборск отмалчивался.

— Лейтенант, — напирала Элен, — мы согласны принять ваших полномочных послов. А до тех пор Дентонам нечего делать у вас в плену. Будьте любезны немедленно отпустить их. Если ваша сторона проявит осмотрительность и здравомыслие, то мы безусловно пойдем на уступки. В противном случае, особенно в случае нападения на любое торговое судно, нам придется применить силу. Это я вам твердо обещаю.

И снова — тишина. Долгие паузы уже стали привычными.

— Это Сэм Дентон, — ответил наконец другой голос. — Мне ведено передать, что корабль пово-

рачивает. Это правда, Квин. Вся моя семья — на борту. Это тоже правда.

Внезапно «Женевьева» умолкла. Элен взглянула на экран вида и телеметрические приборы — некоторые из них зарегистрировали пятно света. Оно расширялось и меркло. У Элен сжался желудок, а младенец зашевелился. Она прижала к животу руку и долго смотрела на экран, преодолевая тошноту. В динамиках кома трещала статика.

На плечо Элен опустилась рука Нейхарта-старшего.

— Кто стрелял? — спросила Элен.

— Это «Фея-два», — ответил ком грубым басом. — Я стрелял. Они повернули нос к дыре в нашем строю и врубили форсаж. Они слишком многое могли унести.

— Мы поняли, «Фея-два».

— Иду к месту гибели, — сообщил другой корабль. — Обыщу окрестности.

Да, оставалась надежда, что в последний момент от «Женевьевы» отделилась капсула, что униаты пощадили хотя бы детей. Но Элен в это не верила.

«Женевьева» погибла. Как «Эстель» на Маринере. Им не найти никого.

Появлялись новые образы — призраки в чернильной мгле, пятнышки на скане или тени и меркнущие трассы на экране вида. Сотни фрахтеров, спешащих к месту гибели «Женевьевы».

— Ну, все, — пробормотал Нейхарт. — Не завидую я униатам.

Так думали все купцы — с той минуты, как услышали имя расстрелянного собрата… объединившее всех мертвое имя мертвого корабля. Они были вместе — чтобы противостоять опасности, грозящей им всем. Уния узнает их замысел, это несомненно. Наверняка она уже заметила, что близ ее станций нет торговых кораблей, что многие фрахтеры не пришли в доки по расписанию. Возможно, ее встревожило исчезновение судов в секторах, где не могло быть мацианов, прочно увязших у Пелла. Никто уже не не сомневался в том, что Уния присваивает купеческие суда. Возможно, «Женевьева» по дороге сюда регулярно отправляла назад сообщения о своем курсе. Значит, надо ждать боевого корабля… если только униаты смогут отпустить из системы Пелла один из своих рейдероносцев.

Весть о Торговом Альянсе разносилась не только по пространству, принадлежавшему Унии. Летела она и к Солнечной — семья дальнерейсо-

вика «Уинифред» вспомнила вдруг свои земные корни, сбросила груз, чтобы облегчить корабль для прыжка максимальной дальности… и отправилась в долгое и рискованное путешествие, не ведая, какой прием ее ждет.

«Расскажите им о Маринере, — попросила Элен экипаж „Уинифред“. — И о Расселе, Викинге и Пелле. Постарайтесь, чтобы они поняли».

Семья обещала, но Элен не надеялась получить ответ. Призыв к Земле был всего лишь жестом.

Капсулы они не нашли. Только обломки.

3. НИЖНЯЯ: СВЯТИЛИЩЕ ХИЗА 6.1.53; МЕСТНАЯ НОЧЬ

Низовики приходили и уходили — тихо, незаметно, поодиночке и парами; в почтительном молчании они ставили пищу и воду и ухаживали за «спящими», которых здесь собрались тысячи.

Здесь уже появились купола для людей, землянки, вырытые низовиками; пульсом самой жизни застучали компрессоры. Залатанным грубым куполам недоставало изящества, зато они служили кровом старикам и детям, да и всех остальных защищали от непогоды — короткое лето подходило к концу, все реже выдавались безоблачные дни и звездные ночи.

Регулярно наведывались челноки — за грузами. Кораблей, ревущих над головами, уже не боялись — привыкли.

«Вам нельзя собираться даже в лесу, — объясняла Милико Старым через переводчиков. — Их глаза видят теплое, видят сквозь заросли. Только глубокая нора может скрыть хиза, очень глубокая нора. Они видят, даже когда солнце не светит».

От таких слов глаза низовиков стали размером с блюдца. Хиза поговорили между собой, время от времени бормоча слово «Лукасы». Похоже, они поняли Милико.

Каждый день она беседовала со Старыми, до хрипоты, до протестов измученных переводчиков. Пыталась растолковать, с какой опасностью столкнулся народ хиза. Когда она обессиленно замолкала, мягкие ладони похлопывали по ее рукам и лицу, а круглые глаза глядели ей в глаза с искренней нежностью… Порой они не могли сделать для нее ничего другого.

А люди… к ним Милико приходила ночевать. Среди них была Ито, был Эрнст… День ото дня они все больше мрачнели, потому что все управленцы ушли с Эмилио, только Ито — женщина — и субтильный Эрнст получили приказ остаться. Мрачнел и Нед Кокс, один из первых силачей

колонии — он сам не пожелал возвращаться, а теперь его заел стыд.

Стыд, словно заразная болезнь, охватил их всех. Особенно мучителен он бывал, когда приходили новости с главной базы — все без исключения безрадостные. Около сотни людей жили вокруг куполов — словно холод и ненадежные противогазы позволяли что-то доказать себе и окружающим. Они почти не разговаривали, и глаза их, по словам низовиков, были яркие и холодные. День и ночь напролет сидели люди перед куполами… Кто-то — по собственной охоте, а кто-то — в нетерпеливом ожидании своей очереди, поскольку купола не могли вместить всех желающих. Никто не уходил, поскольку возвращение людей в любой покинутый лагерь наверняка заметили бы с воздуха. Они выбрали своим укрытием святилище, и теперь им оставалось только сидеть под образами, волноваться за товарищей и гадать, долго ли они выдержат сами. «Смотреть сны» — так называли это хиза.

«Не теряйте голову, — говорила Милико самым беспокойным колонистам, с горячностью призывавшим остальных к немедленным действиям. — Надо ждать».

— Чего ждать? — поинтересовался Кокс, и этот

вопрос вызвал в душе Милико целую вереницу ее собственных «снов».

В эту ночь по склону к образам спустились хиза, посланные на главную базу несколькими днями раньше. Обхватив колени, Милико сидела в кругу людей возле купола и наблюдала за фигурками, приближавшимися к святилищу под беззвездным небом. У нее непривычно сосало под ложечкой и першило в горле. Низовики не отказывали ей ни в чем. Эти совершенно незнакомые хиза шли к образам, чтобы занять место людей, собравшихся покинуть лагерь. Скан ни в коем случае не должен заметить их ухода.

В кармане непромокаемой куртки Милико лежал пистолет. Она была тепло одета, но все равно дрожала — не от холода, а от волнения. От боязни за хиза. Но они сами отпустили ее. «Ты идти, — сказали они. — Ты сердце больно. Ты глаза холодно, как они».

Либо идти, либо потерять авторитет в лагере. Все равно она не сможет удержать Ито и других.

«Вам не страшно остаться одним?» — спросила она тех, кто не мог или не желал сидеть снаружи и уходить — стариков, детей и прочих семейных, да и просто здравомыслящих людей. Она чувствовала себя виноватой, поскольку не могла

ни защитить их, ни даже возглавить уходящих — она всего-навсего поддавалась их безумию. Среди решивших остаться было много "К" — беженцев, которые пережили слишком много ужасов, смертельно устали и мечтали только о покое. Она могла вообразить, как жутко им среди существ, мало похожих на людей. Резиденты Пелла давно привыкли к низовикам, но для беженцев, попавших сюда не по своей воле, хиза пока оставались чужаками. «Нет, — ответила пожилая женщина. — Впервые после бегства с Маринера мне не страшно. Здесь нет опасности… может, и есть, но бояться все равно не надо». Многие закивали, лица их были спокойны, как скульптуры низовиков.

Как только возле купола остановилась первая маленькая группа хиза, Милико и Ито встали и оглянулись на товарищей.

— До встречи.

Те молча кивнули.

Несколько человек, выбранных Милико, вместе с нею и проводниками растворились в темноте. На склоне им попадались стайки низовиков, спускавшиеся навстречу. Этой ночью ста двадцати трем колонистам предстояло покинуть лагерь; столько же хиза должно было прийти на их место.

Не сразу Милико сумела втолковать туземцам, что от них требуется, но когда наконец они поняли, их глаза заблестели от восторга — шутка над людьми, шпионившими с неба, показалась им очень остроумной.

Отряд продвигался наикратчайшим путем, то и дело слыша оклики встречных хиза. Милико почти бежала. У нее кружилась голова, а легким не хватало воздуха, но, поскольку хиза не останавливались, она решила не отдыхать, пока держат ноги. В последнем восхождении перед ночевкой она опиралась на руки двух молодых самок — они всегда шли рядом, готовые помочь. Одну из них звали Она-Идет-Далеко, другую — Ветерок-В-Роще… Остальные не представились, а если и представились, то Милико не смогла разобрать ни слова. Двоим она сама дала прозвища: Быстроног и Шептунья, и они обрадовались — всем низовикам страшно нравилось получать имена от людей. Желая сделать им приятное, Милико попыталась повторить их туземные имена на местном наречии, однако низовики расхохотались, наморщив носы в знак крайнего веселья.

Они отдохнули под скалистым обрывом, а когда первые лучи солнца проникли сквозь заросли деревьев и папоротников, пошли дальше. Хиза

вели себя так, будто во всем мире для них не существовало никакой опасности, — прыгали, гомонили, а Быстроног шутки ради даже забежал вперед и устроил засаду, перепугав людей до полусмерти. Видя, что Милико и ее друзья нахмурились, хиза присмирели, хотя вряд ли поняли, чем не угодили. Милико поймала за руку Шептунью, которая знала человеческий язык хуже всех хиза, бывавших среди людей, и еще раз попыталась объяснить ей свой план. Вконец отчаявшись, Милико подобрала с земли палку и опустилась на корточки.

— Гляди. — Несколькими ударами она расчистила местечко среди папоротников и ткнула палкой в землю. — Лагерь Константин-человек. — Она прочертила линию. — Река. — Сведущие люди весьма усомнились бы в том, что хиза способны понять условные топографические обозначения, не имеющие явного сходства с реальными предметами. — Мы сделать круг. Вот так. Мы глаза видеть лагерь человеки. Видеть Константин. Видеть Топотун.

Шептунья, сидевшая рядом на корточках, вдруг возбужденно закивала и задергалась всем телом, потом показала назад, в сторону равнины.

— Они… они… Они… — Шептунья схватила

палку — первое, что попалось под руку, и погрозила небу.

Милико опешила — она еще не видела, чтобы низовик кому-то или чему-то грозил.

— Они плохо. — Шептунья запустила палкой вверх, подпрыгнула несколько раз, хлопнула в ладоши и постучала себя в грудь. — Я друг Топотун.

Подруга Топотуна, вот в чем дело… Шептунья схватила ее за руку, а Быстроног похлопал по плечу. Хиза быстро переговорили на своем языке и, похоже, приняли какое-то решение.

Спустя секунду они разбились на пары. Каждая пара взяла за руки человека.

— Милико! — протестующе воскликнула Ито.

— Положись на них. Хиза не заблудятся и не бросят нас, а если понадобится, отведут назад. Я пришлю тебе весточку.

Хиза нетерпеливо растаскивали людей в разные стороны.

— Будь осторожна! — крикнул Эрнст, оглядываясь на Милико.

Вскоре деревья отгородили их друг от друга. У Милико, Ито и Эрнста были пистолеты — половина всего огнестрельного оружия на Нижней, если не считать вооружения десантников. Было еще немного взрывчатого вещества для корчевки

пней. Шесть пистолетов да взрывчатка — вот и весь арсенал колонии.

«Надо идти тихо и не более чем по трое», — настаивала Милико. Только так они не вызовут подозрений у операторов скана. Хиза остались верными своей забавной логике. Милико, Шептунья и Быстроног — это трое. С одним человеком идут двое хиза. Значит, с тремя людьми — шесть хиза. Сейчас их группа разбилась наконец на тройки и в спешке разошлась.

Никто уже не шутил. Быстроног и Шептунья вдруг умолкли и ловко пробирались между кустами, с упреком оглядываясь на Милико, когда она, по их мнению, слишком шумела. Хиза обладали исключительно тонким слухом, а Милико мешало шипенье дыхательной маски. Зато ей удавалось подражать скользящей поступи низовиков, которые то и дело замирали на месте, а потом рывком бросались вперед, под их ногами не хрустнула ни одна веточка. Ей вдруг пришло в голову, что людям есть чему поучиться у этих лесных существ.

Она не останавливалась, пока не выбилась из сил. В конце концов она упала, и хиза кинулись к ней, чтобы поднять, похлопать по щекам и погладить по волосам как своего сородича, а по-

сле согреть теплом своих тел, потому что к тому времени небо затянулось тучами, задул студеный ветер и заморосил дождь.

Они пошли дальше, как только Милико смогла подняться на ноги. «Хорошо, хорошо, — сказали низовики. — Ты хорошо». К полудню они повстречали группу хиза — несколько самок и двое самцов коричневыми призраками возникли из-за невысокого холма, сплошь покрытого зарослями. Накрапывал дождь, и водяные капли на их шерсти сверкали, как драгоценные камни. Поддерживая Милико, Шептунья и Быстроног обменялись с сородичами несколькими быстрыми фразами.

— Говорить… далеко идти они-место. Слышать. Приходить. Много они приходить. Они глаза теплое видеть ты, Михан-тизар.

Всего их было двенадцать. Один за другим они подходили, обнимали Милико, торжественно подпрыгивали и кланялись. Шептунья что-то долго втолковывала им, и они отвечали столь же пространно. Быстроног сосредоточенно внимал.

— Они видеть, — сказал он наконец. — Они видеть человеки-место. Хиза там плохо. Человеки там плохо.

У Милико кольнуло сердце.

— Надо идти туда, — произнесла она. — Нам, людям, надо быть там. Сидеть на холмах. Смотреть. Вы меня понимаете?

— Понимать, — заверил ее Быстроног и, похоже, перевел остальным.

Они двинулись дальше, незнакомые хиза присоединились. Милико понятия не имела, что они предпримут, добравшись до места. План Ито… С шестью пистолетами не захватишь челнока, эта задача даже всей колонии не под силу. Солдаты вооружены до зубов и защищены броней, а у колонистов — только голые руки. Нападать нельзя ни в коем случае, можно лишь наблюдать со стороны и надеяться на лучшее.

Они шли весь день под холодным дождем, проникавшим сквозь листву. Иногда дождь ненадолго утихал, но все равно ветер осыпал путников каплями, стряхивая их с ветвей. В ложбинах бурлили мутные потоки. Милико и хиза забирались в дикую чащу, в почти непролазные заросли.

— Человеческое место! — придя в отчаяние, напомнила Милико низовикам. — Нам надо в лагерь людей.

— Идти человеки-место. — Шептунья подпрыгнула и скрылась в кустах так быстро, что Милико глазом моргнуть не успела.

— Бежать хорошо, — заверил Быстроног. — Делать Топотун ходить далеко ходить она. Много он падать, она ходить.

Милико недоуменно посмотрела на него — щебет низовиков частенько сбивал ее с толку. Впрочем, Шептунья, как ей показалось, была созданием отнюдь не легкомысленным. Если она ушла, значит так надо. С трудом переставляя ноги, Милико двинулась дальше.

Очень нескоро она увидела впереди вожделенный просвет, мельницы, а чуть позже различила слабо отсвечивающий купол. Из последних сил Милико добралась до опушки, опустилась на колени и попыталась определить, с какой стороны они вышли к базе.

С этого холма и с такой высоты она видела лагерь впервые. Перед глазами у нее все плыло, из маски вырывался хрип. Ощутив прикосновение Быстронога к плечу, она спохватилась и полезла в карман, где лежали три запасных фильтра. Оставалось лишь надеяться, что цилиндр в маске не успел отработать до конца. Экономить их было ни к чему — даже если бы все беженцы постоянно находились под открытым небом, фильтров хватило бы на многие недели.

Солнце садилось, в лагере зажигались прожек-

тора. Подойдя к краю обрыва, Милико смогла разглядеть движущиеся фигурки между мельницей и дорогой — цепочку людей и хиза, сгибавшихся под тяжестью мешков.

— Она прийти, — сказал вдруг Быстроног.

Милико оглянулась и растерянно заморгала, не увидев спутников, которых она обогнала еще в лесу. Через несколько секунд кусты на опушке раздвинулись, из них выскочила Шептунья и, тяжело дыша, упала на колени.

— Топотун, — жалобно просипела Шептунья, пошатываясь. — Он плохо. Работа много-много. Константин-человек плохо. Он дать. Дать ты. — Из ее мохнатого кулака торчал клочок бумаги.

Милико взяла листок, тщательно разгладила и повернула к свету. От воды бумага стала мягкой, как ткань, вдобавок в нее впитывались все новые капли. Чтобы разобрать неровные, наползающие друг на друга строчки, Милико пришлось поднести записку к самым глазам и повернуть к далекому свету:

«Здесь очень… плохо… Не вмешивайся… ни в коем случае. Умоляю… не вмешивайся. Лучше рассейтесь и… постарайтесь не попадаться. Боюсь, они… потребуют… новых рабочих… а может, и нет. У меня все нормально… Возвращайтесь… и

держитесь в стороне».

Двое хиза не сводили с нее озадаченных черных глаз. Закорючки на бумаге всегда повергали их в изумление.

— Вас кто-нибудь заметил? — спросила Милико. — Люди-ружья заметили?

Шептунья пожевала губами и высокомерно ответила:

— Я низовик. База много мы. Низовик приходить здесь, брать мешок, низовик. Нести мешок, низовик. Нести мельница, низовик. Топотун там, человек видеть я, не видеть я. Кто я? Низовик. Топотун говорить, ты друг работать много-много, он плохо. Человеки убивать человеки. Он сказать, любить ты.

— Я тоже его люблю. — Милико спрятала драгоценную записку и съежилась, подняв капюшон и сунув руку в карман с пистолетом. В эту ночь они ничего не могли предпринять — любое вмешательство только осложнило бы ситуацию, поставило бы под угрозу жизнь всех колонистов и многих хиза. Захват одного из кораблей повлечет за собой карательный рейд. Один мощный залп, и не будет святилища. Кровь за кровь. Эмилио не жалеет себя, чтобы спасти Нижнюю, а донкихотское самопожертвование жены и товарищей ему

сейчас нужно меньше всего.

— Быстроног, — сказала она, — беги. Найди низовиков. Найди всех людей. Скажи им… Милико говорила с Константином-человеком. Скажи, пусть сидят спокойно и не злят военных. Пусть ждут. Понял? Повтори.

Низовик попытался повторить, но запнулся, поскольку не знал значения некоторых слов. Милико терпеливо объяснила, и наконец Быстроног подпрыгнул.

— Сказать они сидеть, — возбужденно произнес он. — Сказать они, ты говорить Константин-человек.

— Да, — подтвердила она, и Быстроног умчался.

Низовики могли беспрепятственно приходить на базу и уходить — по словам Шептуньи, мациановцы не отличали их друг от друга. Если бы не это, Милико вряд ли смогла бы связаться с мужем, сообщить узникам главной базы, что они не одиноки. Теперь Эмилио знает, что она рядом, и, наверное, будет рассчитывать на нее… страстно желая при этом, чтобы она оказалась как можно дальше отсюда.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. ПЕЛЛ: ЗЕЛЕНЫЙ ДОК 8.1.53

По всей зеленой витали слухи, но не было признаков непосредственной опасности. Межсекционные проходы никто не перекрывал, облав не устраивали. Десантники посещали увеселительные заведения в средней части дока, как ни в чем не бывало танцевали под оглушительную музыку, пили, а некоторые даже открыто принимали наркотики.

Джош бросил осторожный взгляд в дверной проем бара Нго и тут же скрылся внутри, не рискуя попадаться на глаза отделению трезвых солдат, деловито шествующих по доку. Весь их вид говорил о том, что они пришли сюда не для развлечений. Джош занервничал — в тревожных ситуациях он всегда боялся вдвойне, если Дэймона не было поблизости.

Он давно притерпелся к ожиданию… Сегодня его очередь потеть в тесной и душной кладовке Нго, выбираясь в зал только для трапезы. Но пора ужинать, а Дэймона — все нет и нет. Джоша грызло беспокойство. Вчера и сегодня Дэймон вел

себя очень настойчиво. Требовал немедленных действий. Говорил с людьми. Рисковал.

Джош еще сильнее разволновался, осознав, что расхаживает перед стойкой и что на него неодобрительно смотрит Нго. Он постарался взять себя в руки, неторопливо прошел через зал, заглянул в кухню и поинтересовался у сына Нго насчет ужина.

— Сколько порций? — спросил паренек.

— Одну. — Джошу был нужен предлог, чтобы остаться в зале. Когда вернется Дэймон, подумал он, можно будет попросить добавки. В деньгах они не нуждались, и это было единственным плюсом такого существования.

Сын Нго махнул ему ложкой — дескать, выметайся.

Джош прошел к привычному столику, сел и снова поглядел на входную дверь. Вошли двое — ничего, казалось бы, необычного… Но они слишком открыто озирались. И направились прямиком к кухне.

Джош втянул голову в плечи и попытался спрятаться в тени. Наверное, это типы с черного рынка. Приятели Нго. Но почему они так странно держатся? И зачем подошли к его столику и выдвинули стул?

Он не сводил с них вопросительного взгляда. Один уселся, второй остался на ногах.

— Толли? — произнес сидящий — молодой, с недобрым лицом и следом ожога на подбородке. — Ведь вы — Толли, не правда ли?

— Вы ошиблись. Я не знаю никакого Толли.

— Надо, чтобы вы на минутку вышли. За дверь. Всего на минутку.

— Кто вы?

— Вы на мушке. Советую подняться.

Джош давно этого ожидал. В уме он перебрал несколько вариантов бегства, но так и не решился — любое резкое движение повлекло бы за собой выстрел. В зеленой убивали ежедневно, и не действовали никакие законы, кроме законов военного времени. Звать на помощь десантников — Боже упаси! Кто эти люди? Не мацановцы, это ясно. Кто же тогда?

— Пошевеливайся.

Он встал и отошел от стола. Второй незнакомец взял его за руку и повел к выходу. И дальше — в яркий свет дока.

— Глянь-ка вон туда, — подтолкнул Джоша человек со шрамом. — Прямо через коридор, на дверь бара. Что, не узнаешь?

Джош посмотрел. Да, он знал этого человека.

Видел его недавно на станции. И раньше.

Перед глазами померкло, нахлынула тошнота. Условный рефлекс…

Он не мог вспомнить имени, однако не сомневался, что хорошо знаком с этим человеком. Парень со шрамом взял его за руку и повел через коридор. В сумрачный бар «Маскари». В смесь миазмов пота и спирта, в грохот зубодробительной музыки. К ним повернулось несколько голов — посетители, привыкшие к полумраку, видели Джоша гораздо лучше, чем он их. И Джош испугался — не оттого, что узнан, а оттого, что в этом баре есть человек, узнавать которого ему ни в коем случае нельзя. Нельзя — после Урегулирования. После прыжка через бездну.

Его провели в самый дальний угол зала, в одну из занавешенных кабинок. Там стояли двое. Одного вряд ли следовало опасаться — очень уж пришибленно он выглядел. Но другой… Другой!

— Я знал, что это был ты, — сказал другой. — Джош? Ведь это ты, Джош?

— Габриэль? — Имя прилетело из отрезанного прошлого, и весь мир Джоша зашатался. Он покачнулся и упал бы, не окажись под рукой спинки дешевого пластмассового стула. Он снова видел корабль… Свой корабль и боевых друзей…

и этого человека… этого человека среди них.

— Джессад, — поправил его Габриэль, взяв за руку и как-то странно посмотрев в глаза. — Джош, как ты сюда попал?

— Мациановцы. — Он стоял в кабинете, огороженном занавесями. В укромном месте. В ловушке. Полуобернувшись, он увидел в проходе незнакомцев, а когда вновь обернулся к Габриэлю, с трудом разглядел в полумраке его черты… точно такие же, как перед расставанием у Маринера. Перед тем, как он посадил Габриэля на «Молот» Бласса.

Рука Габриэля мягко опустилась на его плечо, и Джошу пришлось сесть на стул возле круглого столика. Расположившись напротив, Габриэль подался вперед.

— Здесь меня зовут Джессад. Эти джентльмены — господин Коледи и господин Крессич. Господин Крессич — депутат, вернее, был депутатом, пока на этой станции существовал совет. Извините, господа, но мне надо поговорить со старым другом. Подождите снаружи. Позаботьтесь, чтобы нас не беспокоили.

Крессич и Коледи вышли. Джошу очень не хотелось оставаться с Габриэлем в зловещем сумраке кабинета, под еле тлеющей лампой. Но

любопытство (а не только страх перед вооруженным Коледи) заставило его сидеть на месте. Любопытство вкупе с предчувствием боли. Как перед прикосновением к еще не зажившей ране.

— Джош, — произнес Габриэль-Джессад, — мы напарники, разве ты забыл?

Вероятно, он лгал, а может, и нет. Джош беспомощно покачал головой.

— Промывание мозгов. Память у меня…

Лицо Габриэля исказилось, как от боли. Он схватил Джош а за запястье.

— Джош… ведь ты здесь из-за меня, верно? Пытался выручить… Но когда началась заваруха, меня забрал «Молот». Ты подогнал «Коршуна», и тебя достали. И промыли мозги… Джош, где все наши? Где Кита и…

Джош покачал головой. В его душе царил холод. И космическая пустота.

— Мертвы. Я плохо помню… все стерто. — Высвободив руку, он облокотился на стол и подпер ладонью подбородок. Тошнота отступила.

— Я видел тебя в коридоре, — сказал Габриэль. — Глазам своим не поверил, но все же решил поспрашивать. Нго не сказал, кто был с тобой… Похоже, это нелегал. Да? У тебя здесь друзья? Друг. Я прав? Он не из наших… Кто он?

Мысли путались. Старая и новая дружба сошлись в поединке. Желудок стянулся в узел, реагируя на нервное перенапряжение, на страх за Пелл… Этот страх был внедрен в подсознание. Миссия Габриэля — уничтожение станций. Габриэль здесь, а до этого побывал на Маринере…

Элен. «Эстель». «Эстель» погибла вместе с Маринером.

— Я прав?

Джош вздрогнул и заморгал.

— Ты мне нужен, — прошептал Габриэль. — Твоя помощь.

— Я был никем. — У Джош а росло подозрение, что этот человек лжет. Все было не так. Совсем не так, как он говорит. — О чем это ты? Не понимаю.

— Мы с тобой из одной команды, Джош.

— Я был военопом на корабле-разведчике…

— Это легенда. — Габриэль схватил и яростно встряхнул его руку. — А на самом деле ты Джошуа Толли из спецслужбы. Навыки заложены в подсознание. Ты из сытинских лабораторий…

— У меня были мать и отец. Я жил на Сытине с тетей. Ее звали…

— Джош, ты из лабораторий. Прошел двухуровневое гипнообучение. Верхний уровень

— ложный, это легенда… Ты сам в нее веришь и поэтому в случае необходимости можешь убедить врага. Понимаешь? Это грим, маскировка. А под ней — настоящее.

— У меня была семья. Я любил ее…

— Джош, мы с тобой — напарники. Оба учились по одной программе, у обоих одно предназначение. Ты мой дублер. Мы работали вместе. Станция за станцией. Инфильтрация и подготовка к захвату.

Джош вырвал руку из пальцев Габриэля. Он ничего не видел, ослепленный потоком слез. Воспоминания неудержимо блекли. Ферма, солнечный ландшафт, детство…

— Мы — «рожденные в колбе», — продолжал Габриэль. — Все остальное… все, что есть у нас в памяти, — программа, и в следующий раз туда заложат что-нибудь другое. Сытин — реален, и я реален… пока ты не пройдешь новый курс обучения. Пока в твоих воспоминаниях я не стану кем-нибудь другим. Твоя память, Джош, двухслойна. Ложь — на поверхности, правда — в глубине. На дознаниях ты мог выдать только ложь, потому что сам не ведал правды. А она — здесь, перед тобой. Ты знаешь комп. Ты сумел выжить на этой станции. И ты изучил ее. Все это

не случайно, поверь.

Джош не шевелился, прижав к губам тыльную сторону ладони, и не плакал, просто слезы сами по себе катились по щекам. Язык не подчинялся, а слезы все капали и капали.

— Что я должен сделать? — проговорил он наконец.

— А что ты можешь сделать? Кто твои покровители? Они не из мацияновцев?

— Нет.

— Тогда кто они?

Секунду Джош не отвечал. Слезы высохли, их источник иссяк. Казалось, вся память Джоша выцвела добела, в ней слились станционная тюремная лечебница и какое-то очень далекое место… Палаты с белыми стенами и люди в белой форме… И он понял в конце концов, почему ему было так хорошо и уютно в лечебнице. Потому что она — его родной дом. Больничные палаты одинаковы по обе стороны Черты.

— Допустим, кое-что я смог бы сделать, но по-своему, — сказал он. — Допустим, я поговорю с моим покровителем, и он, возможно, согласится помочь. Но… услуга за услугу.

— Какая?

Джош откинулся на спинку стула и подбород-

ком указал на занавесь, за которой ждали Коледи и Крессич.

— У тебя дело уже на мази, верно? Предположим, я внесу очень ценный вклад. Что тебе больше всего нужно из того, что есть на станции? Я бы и сам мог это взять, но у меня не хватит сил удержать.

— У меня хватит, — пообещал Габриэль.

— Есть только одна вещь, которая нам нужна позарез и которую мы не можем взять без применения мускулов. Челнок. Мы хотим бежать на Нижнюю, прежде чем все будет кончено.

Несколько мгновений Габриэль молчал.

— Ты можешь к нему подобраться?

— Я же сказал, у меня есть друг. Мы хотим улететь.

— Мы могли бы сделать это вдвоем.

— Втроем. С моим другом.

— Это с ним ты орудовал на рынке?

— Предполагай все, что угодно. В общем так. С нашей помощью ты пройдешь на любой участок. А ты должен позаботиться, чтобы мы благополучно убрались со станции.

Габриэль медленно кивнул.

— Мне пора возвращаться, — сказал Джош, — и приступать к делу. Времени в обрез.

— Челноки теперь швартуются в красном доке.

— Я могу тебя туда провести. И всюду, куда понадобится. Главное, чтобы хватило людей для захвата.

— Пока мацияновцам будет не до нас?

— Да, пока им будет не до нас. Это можно устроить. — Он испытующе поглядел на Габриэля. — Ты взорвешь Пелл? Когда?

Казалось, Габриэль размышляет, стоит ли отвечать.

— Джош, я не маньяк и не самоубийца. Я не меньше твоего хочу выбраться, а «Молот» на этот раз никак не успеет вовремя. Челнок вполне годится… или капсула. Лишь бы выбраться на орбиту и дождаться наших…

— Ладно, — кивнул Джош. — Ты знаешь, где меня искать.

— А ты уверен, что в доке сейчас есть челнок?

— Выясню. — Джош встал, ощупью добрался до темной арки и вышел в шум зала. Из-за ближайшего столика торопливо поднялись Коледи со своими людьми и Крессич, но успокоились при виде Габриэля, вышедшего из кабинки секундой позже.

Джоша пропустили. Он пробирался между столиками к выходу, а посетители, склонившие

головы над тарелками и стаканами, не поднимали на него глаз.

Он шагнул в коридор, наткнувшись на стену прохлады и света, и жадно вдохнул свежий воздух. Его подташнивало, шалили глаза — казалось, будто по полу от его ног расползаются бесформенные тени. Иллюзия и реальность. Правда и ложь. Сытин — ложь. И сам Джош — иллюзия… Часть его мозга действовала как автомат — коим он, в сущности, и был. Он перебирал в памяти свои инстинкты, которым никогда не доверял, поскольку не мог понять, зачем они нужны. Он снова глубоко вздохнул, стараясь рассуждать здраво. Тело его тем временем автоматически лавировало по коридору, а глаза искали укрытия.

Только в баре Нго, в привычном углу, когда он вновь принялся за остывший обед, а реальность Пелла то и дело заглядывала из коридора в зал, — только тогда с него начало спадать оцепенение. Он размышлял о Дэймоне, о единственной человеческой жизни, которую, вероятно, мог спасти.

Убийства. Вот для чего он был создан. Вот для чего существовали подобные ему и Габриэлю. Джошуа и Габриэль… сколько извращенного

юмора в этих именах! [5] Его передернуло. «Рожденные в колбе»! Белизна в его снах… Белизна, в которой он жил… Гомункулус, старательно изолированный от человечества, воспитанный гипнопедическими машинами, вооруженный правдоподобной ложью о том, как он был человеком.

Вот только в этой *лжи* оказался изъян. Она слишком дорога сгустку человеческой плоти с человеческими инстинктами. Недаром он жил ею в своих снах.

Давясь, он подчистил тарелку, смочил пересохшее горло тепловатым кофе, заново наполнил чашку жижей из термокофейника.

Он спасет Дэймона. Остальные умрут. Чтобы выручить друга, Джошу придется молчать, а Габриэлю — направить своих помощников по ложному пути. Все погибнут. Все, кроме Джоша, Габриэля и Дэймона.

Но Дэймон не захочет уйти. Как его убедить? И решится ли Джош вообще заговорить с ним об этом? Логика… нужна логика. Аргументы. Какие?

Алисия Лукас-Константин. Женщина, столько

---

[5] Примечания: 5

Джошуа — англизированное Иисус; Габриэль — романизированное Гавриил.

раз помогавшая им обоим. Она не сможет улететь. И надзиратели, которые отдали Джошу выигранные им деньги. И низовик, охранявший Дэймона и Джоша издали. И люди, пережившие ад на кораблях и в "К"... И все станционеры — мужчины, женщины, дети...

Он плакал, пряча лицо в ладонях, а тем временем где-то в недрах его сознания спокойно и эффективно трудились рефлексы. Джош знал, как уничтожать станции наподобие Пелла. Знал, что это единственная причина, по которой он существует. Во все остальное он больше не верил.

Он вытер глаза, допил кофе, выпрямил спину и застыл в ожидании.

2. УНИАТСКИЙ РЕЙДЕРОНОСЕЦ «ЕДИНСТВО»: ГЛУБОКИЙ КОСМОС; 8.1.53

Выпала двойка. Эйрис огорченно пожал плечами, Джекоби записал новые ставки, а Азов приготовился бросить кости еще раз. В кают-компании на нижней палубе всегда присутствовали двое молодых стражников с абсолютно ничего не выражавшими лицами. Сейчас эти солдаты сидели на выдвижных койках и наблюдали за игрой. Эйрис и Джекоби, а изредка — и Азов проигрыш не отдавали, поскольку не имели наличных.

Взаимный расчет откладывался до прибытия на какой-нибудь островок цивилизации (что, полагал Эйрис, так же зависит от воли рока, как выпадающие очки).

Единственной явной опасностью для пассажиров «Единства» была скука. День ото дня все больше времени Азов проводил в их обществе — сидел за столом мрачноватый, одетый во все черное. Устав запрещал ему играть в азартные игры и выпивать вместе с подчиненными. Вероятно, манекены как-то развлекались у себя в каютах, хотя Эйрис не мог этого вообразить. Их ничто не трогало, ничто не пробуждало интереса в тусклых ненавидящих глазах. Каждый день по восемь-девять часов Эйрис и Джекоби просиживали в кают-компании, и если у них не «гостил» Азов, то скука становилась невыносимой. Никакой работы, никакой пищи для ума. Четыре стены, «любезно» предоставленные им, два соглядатая и разговоры, разговоры…

Для Джекоби не существовало щекотливых тем, он не стеснялся рассказывать о любых случаях из своей жизни. Эйрис же упорно не давал Джекоби и Азову втянуть его в беседу о его родине — чувствовал подвох. Но он рассказывал — о своих впечатлениях в полете, о ситуации

во Внеземелье, какой он ее видел, обо всем, что не было тайной. Они спорили на абстрактные темы, в которых все трое были весьма сведущи: право, экономика, политика. Эйрис позволял себе шутки, например о валюте, которой они будут выплачивать проигрыш, — Азов хохотал от души. Наверное, Эйрис лишился бы в этом полете рассудка, не имей он возможности время от времени поговорить с кем-нибудь и обменяться шутками. Он привык к Джекоби, как к родному — вернее, как привыкают к сокамернику, от которого некуда деться. Он спохватился: точно так же он привыкает и к Азову, уже находя его симпатичным и не лишенным чувства юмора. В этом тоже таилась опасность.

Следующую партию выиграл Джекоби. Азов спокойно записал ставки и повернулся к манекенам.

— Жюль, бутылку сюда, будь любезен.

Один из охранников встал и вышел из каюткомпании.

— А я и не подозревал, что у них есть имена, — произнес Эйрис слегка невнятно, поскольку они уже прикончили одну бутылку. — Думал — номера… — Он умолк, испугавшись своей откровенности.

— Вы очень многого не знаете об Унии, — улыбнулся Азов, — но, может быть, еще узнаете.

Эйрис засмеялся — и тут словно ледяные пальцы сдавили его желудок. «Что?» — хотел спросить он, но слово застряло в горле. Раньше Азов не единожды говорил о территориальных притязаниях своего народа — но только на Пелл.

На лице Эйриса мелькнуло необычное для него выражение, то же самое через долю секунды произошло с лицом Азова. Они слишком много выпили, чтобы полностью владеть собой. А третий — Джекоби — оказался невольным свидетелем.

Эйрис снова рассмеялся, на сей раз натужно, затем откинулся на спинку кресла и посмотрел Азову в глаза.

— А что, там тоже играют в кости? — произнес он особым тоном, намекая, что не следует понимать его слова буквально.

Рот собеседника превратился в тонкую линию, глаз покосился на Эйриса из-под серебристой брови. Затем Азов улыбнулся, словно нашел шутку забавной.

«Я не вернусь домой, — тоскливо подумал Эйрис. — Уния нападет без объявления войны. Вот что это означает».

3. ПЕЛЛ: ТУННЕЛИ НИЗОВИКОВ; 8.1.53; 18:30

В темноте кишели мохнатые существа. Дэймон прислушался и вздрогнул, когда кто-то пошевелился рядом с ним, и еще раз — когда во мраке туннеля к нему прикоснулась чья-то рука. Стуча зубами от холода, он посветил фонарем.

— Я Синезуб, — прошептал знакомый голос. — Ты прийти смотреть она?

Дэймон долго молчал, обшаривая лучом фонаря лестницы, похожие на паучьи тенета. Луч доставал недалеко.

— Нет, — печально ответил он. — Нет, я хочу только пройти в белую секцию.

— Она просить ты прийти. Просить. Просить она снова, снова.

— Нет, — хриплым шепотом повторил он, с тоскою думая, что время на исходе и скоро у него не останется никакой надежды увидеть мать. — Нет, Синезуб. Я не могу, хоть и люблю ее. Ты же понимаешь: если я приду к ней, будет беда. Люди-ружья. Я не могу прийти, как бы ни хотел.

Теплая ладонь похлопала его по предплечью.

— Ты говорить хорошая вещь.

Дэймон удивился. Он знал, что низовики разумны, но не предполагал, что их логика столь

близка человеческой. Он благодарно пожал руку хиза, пришедшего к нему в тяжелый час.

Опустившись на металлическую ступеньку, он ровно задышал через маску. Нечасто удавалось ему передохнуть в стороне от чужих глаз, отрешиться от мучительных мыслей о неизбежном. Сейчас он мог себе это позволить — рядом находилось существо, которое, при всем своем несходстве с человеком, подружилось с Дэймоном.

Хиза опустился перед ним на корточки и ободряюще похлопал по колену. Черные глаза Синезуба тускло сияли отраженным светом.

— Ты охраняешь меня, — сказал Дэймон. — Уже давно.

Синезуб утвердительно подпрыгнул.

— Хиза очень добрые, — продолжал Дэймон. — Очень.

Синезуб дернул головой и наморщил лоб.

— Ты она детеныш. — Хиза весьма туманно представляли себе структуру человеческой семьи. — Ты Лисия детеныш.

— Да, ты прав.

— Она ты мать.

— Верно.

— Милико детеныш она.

— Да.

— Я любить она.

Дэймон жалко улыбнулся.

— Для вас, низовиков, полутонов не существует, верно? Черное или белое. Ты хороший друг. Много ли знают хиза? Есть у вас еще друзья среди людей, или только Константины? Синезуб, мне кажется, все мои друзья погибли. Я не сумел их найти. Они или прячутся, или убиты.

— Делать мои глаза боль, Дэймон-человек. Может, хиза найти? Ты сказать они имя.

— Кого-нибудь из Ди. Или Ушантов. Или Мюллеров.

— Я спросить. Кто-то знать может. — Синезуб положил палец на свой плоский нос. — Найти они.

— Как?

Тонкая рука Синезуба погладила небритую щеку Дэймона.

— Ты лицо хиза. Ты запах человек.

Дэймон ухмыльнулся. Тоска на миг отступила.

— Хотел бы я стать похожим на хиза. Тогда бы я где угодно мог ходить. А сейчас меня чуть не поймали.

— Ты прийти здесь бояться, — сказал Синезуб.

— Ты слышишь запах страха?

— Я видеть ты глаза. Много боль. Пахнуть кровь, пахнуть бежать много.

Дэймон поднял к свету локоть — из-под прорехи на комбинезоне выглядывала кровоточащая ссадина.

— О дверь ударился.

Синезуб подался вперед.

— Я сделать нет боль.

Вспомнив, как хиза лечат свои раны, Дэймон отрицательно покачал головой.

— Ладно уж. Ну как, ты запомнил имена, что я назвал?

— Ди. Ушант. Мюллер.

— Найдешь их?

— Пытаться. Привести они?

— Приведи меня к ним. Ты знаешь, что людиружья перекрыли туннели в белую?

— Знать. Мы-низовики, мы ходить большие туннели снаружи. Кто глядеть на мы?

Дэймон снова глубоко вздохнул и встал на шатающейся ступеньке. Одной рукой он на секунду прижал к себе Синезуба, а другой поднял фонарь.

— Люблю тебя, — прошептал он.

— Любить ты, — ответил Синезуб и умчался прочь, оставив за собой легкую дрожь металлической лестницы.

Дэймон двинулся дальше, считая повороты и ярусы. Главное — осторожность. Он уже поднял тревогу, попытавшись войти в белую, и сейчас ощущал липкий страх. Что, если мацияновцы решат обыскать эксплуатационную зону? Что, если он навлек беду на низовиков, на свою мать, на всех станционеров? Столкнувшись нос к носу с часовым без доспехов, он перепугался до полусмерти — но все-таки успел выстрелить раньше солдата. Возможно, убил его. Во всяком случае, хотел. Он надеялся — хотя надежда вызывала тошноту, — что солдат никому не назвал его имени.

Колени еще тряслись, когда он остановился у двери. Впереди, за двумя стенами, находился коридор, и совсем недалеко от выхода — бар Нго.

Он шагнул в узкий шлюз, снял маску и достал проверенную паспортной службой карточку, которую берег на самый крайний случай. Наружный люк открылся сразу, лампочка тревоги не загорелась. Дэймон торопливо прошел по безлюдному коридору и вручную отпер дверь черного хода в бар Нго.

Жена Нго уставилась на него от кухонного стола, затем выскочила в зал. Дэймон отворил дверцу в кладовку, чтобы повесить на крючок

противогаз. «Тоже мне конспиратор!» — мысленно обругал он себя и, подойдя к посудной раковине, умылся и прополоскал рот, избавясь от привкуса крови, но не от страха и мерзкого воспоминания.

— Дэймон?

— Джош?

Он бросил усталый взгляд на парадную дверь, снял с вешалки полотенце и вытер лицо.

— Неприятности?

Он прошел мимо Джоша в зал, облокотился о стойку.

— Бутылку, — сказал он бармену.

— Опять ты не через ту дверь… — огорченно прошептал Нго.

— Крайняя необходимость, — ответил Дэймон. Джош, подойдя сбоку, слегка сжал его руку.

— Погоди с выпивкой, — сказал он. — Выйдем, надо поговорить.

Дэймон направился в нишу, выделенную им барменом. Джош шагал по пятам. Они укрылись в углу кабинки от глаз остальных посетителей. Из кухни, куда возвратились супруга и сын Нго, доносилось звяканье посуды и запах бульона — «фирменного» блюда.

— Послушай, — заговорил Джош, когда они

сели, — давай прогуляемся через коридор, а? Я поговорил с одним парнем… Думаю, он нам поможет.

Дэймон ожидал чего-либо подобного, и все же ему понадобилось время, чтобы переварить новость.

— С каким еще парнем? Тебя кто-то узнал?

— Не меня. Тебя. Один парень надеется получить от тебя помощь. Я не знаю всего… но он — друг. Здесь есть организация… Большей частью там "К", но и резидентов хватает. Им бы очень пригодились твои знания.

— По-твоему, мы и толпа "К" способны одолеть десантников? Это же авантюра! И почему этот парень обратился к тебе? Почему, Джош? Может, боится, что я кого-нибудь узнаю и раскрою их планы? Не нравится мне это.

— Дэймон, сколько еще у нас времени? Это все-таки шанс, а терять нам нечего. Пойдем со мной. Пожалуйста.

— Похоже, в белой вот-вот будет чистка. Я поднял там тревогу, может быть, даже убил кого-то… Думаю, солдаты уже ищут человека, пользующегося проходами для низовиков.

— Ну, так какой смысл сидеть и раздумывать? Если мы не… — Джош умолк и нервно оглянулся

на жену Нго, поставившую перед ними на стол тарелки с бульоном. — Надо смываться. Здесь уже припекает.

Сонные глаза пристально смотрели на них обоих. Потом с обычным своим спокойствием женщина переставила тарелки на другой стол.

— Они вычислят нас, и очень скоро. Дэймон, я тебя прошу…

— И что же предлагает твой знакомый? Захватить центральную?

— Поднять суматоху, прорваться к челноку. Перенести сопротивление на Нижнюю… Для этого достаточно небольшой группы. Дэймон, все зависит от твоего знания проходов и умения обращаться с компом.

— Среди них есть пилот?

— Думаю, найдется.

Дэймон потряс головой, пытаясь собраться с мыслями.

— Нет.

— Что значит — нет? Ты же сам заводил разговор о челноке, строил планы…

— Нельзя устраивать новое восстание. Погибнет еще больше народу, а проку — ноль.

— Пошли, потолкуем с ними. Пошли. Или ты мне не доверяешь? Дэймон, сколько еще нам

играть в прятки? Сам не заметишь, как тебя ухлопают.

Дэймон выпустил воздух из груди.

— Ладно, пойду, — кивнул он. — Боюсь, скоро в зеленой начнется проверка документов. Я поговорю с твоим знакомым. Может быть, сумею предложить лучший выход. Не такой кровавый. Далеко нам идти?

— В «Маскари».

— Через коридор?

— Да. Пошли.

Дэймон встал и, лавируя между столами, двинулся к парадной двери. Когда он проходил мимо стойки, Нго воскликнул:

— Эй, ты!

Дэймон остановился.

— Если ты собираешься устроить бучу, не вздумай возвращаться, понял?

— Понял. — Успокаивать Нго не было времени — Джош дожидался у двери. Выйдя из бара, Дэймон огляделся, пересек коридор и вошел в бар «Маскари», где было гораздо сумрачнее и шумнее, чем у Нго. Из-за столика слева от входа встал мужчина и направился к ним.

— Сюда, — указал он, и, поскольку Джош не вымолвил ни слова, Дэймон проглотил свои про-

тесты. Незнакомец провел их в дальний конец зала, такого темного, что они едва не натыкались на стулья.

Зато в нише за шторами тускло светилась лампочка. Провожатый исчез, как только Дэймон и Джош вошли, а за спинами у них встал другой — молодой, со шрамом на лице. Его Дэймон тоже видел впервые.

— Пришли, — доложил молодой, и занавеси шевельнулись, пропустив еще двоих.

— Крессич, — пробормотал Дэймон. Второго он не знал.

— Вы знакомы с господином Крессичем? — спросил вошедший последним.

— Немного. А вы кто такой?

— Меня зовут Джессад. А вы — господин Константин, не правда ли? Константин-младший?

Всякий раз, когда Дэймона узнавали, он нервничал, а сейчас вдобавок обнаружил, что его обманули. Этот человек знал его и не удивился при встрече. Дэймон бросил на Джоша недоуменный взгляд.

— Дэймон, — сказал Джош, — этот человек — из "К". Давай обговорим детали. Садись.

Встревоженно озираясь, Дэймон сел за маленький столик. Остальные расположились рядом.

Снова он посмотрел на Джоша, которому доверял — доверял свою жизнь, не находя ей лучшего применения. Он хорошо изучил этого парня. И теперь видел: Джош лжет. «Значит, должно произойти что-то страшное», — подумал он, лихорадочно ища разгадку.

— Что вы хотите нам предложить? — спросил он, думая только о том, как бы выбраться из «Маскари» самому и вытащить Джоша.

— Когда Джош говорил о своих связях, — раздумчиво произнес Джессад, — я и не подозревал, что он имеет в виду вас. Сказать по правде, на такую удачу я не смел и надеяться.

— В самом деле? — Дэймон поборол соблазн еще раз оглянуться на Джоша. — А на что же вы смели надеяться, господин Джессад из "К"?

— Разве Джош не рассказал?

— Он сказал, что мне следует поговорить с вами.

— Насчет того, как вернуть вам бразды правления?

На лице Дэймона не дрогнул ни один мускул.

— Вы считаете, это возможно?

— У меня есть люди, — вмешался Крессич и сразу поправился: — У Коледи. Можно за пять минут поднять тысячу человек.

— А вам известно, что тогда произойдет? — осведомился Дэймон. — Вы еще не налюбовались трупами в коридорах? Здесь же полно солдат! А что, если нас просто-напросто выкинут в космос?

— Вы знаете, — спокойно парировал Джессад, — что вся станция в их руках и они могут поступить с ней как им заблагорассудится. Кроме вас, здесь некому говорить от лица прежнего Пелла. Лукас… себя исчерпал, он всего лишь читает тексты, подсунутые Мацианом. За каждым его шагом следят охранники. Да, вы правы: трупы в коридорах — это более чем вероятно. Но выбор небогат: либо наш вариант, либо тот, который устраивает Мациана. Если вы объявитесь, он, возможно, уберет Лукаса и станет подсовывать тексты вам… А может, и наоборот, не правда ли? Ведь Лукас послушен и неплохо делает свое дело.

— Вы очень логично рассуждаете, господин Джессад.

«Но при чем тут челнок?» — договорил Дэймон про себя, откидываясь на спинку кресла и оборачиваясь к Джошу, который смущенно потупился, встретив его взгляд. Дэймон снова посмотрел на Джессада.

— Что вы предлагаете?

— Вы нам обеспечиваете проход в централь-

ную. Мы делаем все остальное.

— Ничего не получится, — покачал головой Дэймон. — Снаружи боевые корабли. Из центральной их не остановить. Они нас попросту взорвут. А может, вы на это и рассчитываете?

— Получится, не беспокойтесь. У меня надежные методы.

— Ну, так поделитесь ими со мной. Изложите свой план поконкретнее и дайте мне ночь на размышление.

— Чтобы вы ушли отсюда, зная имена и лица?

— Но вы же знаете мое имя и лицо, — возразил он и заметил слабый блеск в глазах Джессада.

— Доверься ему, — шепнул Джош. — Его план сработает.

Снаружи, перекрывая музыку, вдруг затрещало, секундой позже взлетела занавесь, в нишу спиной вперед ввалился Коледи и распластался на столе. При виде жженой дыры во лбу помощника Крессич с воплем подпрыгнул, Дэймон и Джош бросились к стене, а Джессад рывком сунул руку в карман. В зале гремела музыка и визжали посетители, а у входа в кабинет стояли десантники в доспехах и с оружием на изготовку.

— Ни с места! — скомандовал один из них.

Джессад выхватил пистолет. Раздался выстрел,

запахло паленым. Корчась, Джессад рухнул на пол. Дэймон, онемев от ужаса, уставился на солдат и оружие. Джош тоже не шевелился.

Десантник за шиворот втащил в нишу человека, который тотчас съежился под взглядом Дэймона.

— Эти? — грозно спросил офицер.

Нго кивнул. Казалось, он вот-вот лишится чувств.

— Заставили прятать их… Угрожали… мне и моей семье. Мы хотели уйти в белую… Все мы…

— А это кто? — офицер кивком указал на Крессича.

— Не знаю, — сказал Нго. — Я его не знаю. И этих тоже…

— Увести, — приказал офицер. — Обыскать. Трупы тоже.

Все было кончено. В мозгу Дэймона метались сотни мыслей. Выхватить из кармана пистолет? Вырваться и бежать, пока не догонит выстрел?

А как же Джош… и мать… и брат?..

Его грубо повернули лицом к стене, заставили поднять руки и раздвинуть ноги. Рядом то же самое сделали с Джошем и Крессичем. У Дэймона забрали карточки и пистолет, за который могли расстрелять на месте.

Потом офицер внимательно посмотрел ему в лицо.

— Вы Константин?

Дэймон не ответил. От удара в солнечное сплетение он сложился пополам, но в следующее же мгновение бросился на невысокого крепыша, стоявшего к нему ближе всех, опрокинул того на стул, затем повалил на пол. Вспыхнула драка. Он получил сильный удар сапогом в спину, потом еще несколько пинков. Оставив бесчувственного солдата, он поднялся на ноги, придерживаясь за край стола, и едва не погиб — чей-то луч прорезал воздух над его плечом и угодил Крессичу в живот.

От удара прикладом в грудь Дэймон зашатался. Колени мигом обмякли, а после нового удара онемела рука, которой он держался за стол. Дэймон упал, скрючился и больше уже не шевелился, быстро теряя сознание под шквалом ударов.

Наконец двое десантников схватили его за руки и подняли.

— Джош, — произнес он едва слышно. — Джош…

Джоша тоже подняли двое, зажав с боков и встряхивая, словно пытались разбудить. Дэймон ухитрился встать на ноги. Голова пьяно

кружилась, по лицу текла кровь с рассеченной макушки. Поднимать Крессича не было смысла — он умирал, истекая кровью.

В зале Дэймон огляделся. Посетители разбежались, исчез и Нго — его отпустили или увели. Остались только мертвецы и несколько солдат.

В коридоре возле бара Нго тоже стояли десантники. Они смотрели, как их товарищи ведут Дэймона и несут Джоша. Дэймона охватило чувство стыда — ведь его арестовали как преступника, — и отвернулся от них.

Он предположил, что их ведут на корабль. Но, войдя в доки, солдаты сразу свернули налево — к бару, превращенному десантниками в свою штаб-квартиру. Гражданские старались избегать этого заведения.

И было отчего. Грохочущая музыка, дым наркотиков и запах перегара встретили Дэймона на пороге. Едва держась на ногах, он позволил подвести себя к внушительному служебному столу — единственной уступке военному порядку в этой похожей на бордель штаб-квартире, где хватало всего, что ценилось на черном рынке. С другой стороны к столу приблизился человек со стаканом в руке, уселся в кресло и хмуро оглядел задержанных.

— Попались тут неподалеку, — сообщил командир подразделения, разгромившего бар «Маскари». — Вот этот — Константин, а этот — униат, представляешь? Правда, у него прочищены мозги, но это было сделано на Пелле.

— Униат? — сержант, неприятно улыбаясь, посмотрел на Джоша. — Любопытно, как такие субчики попадают на Пелл? Наверняка ты можешь об этом рассказать, а, униат?

Джош промолчал.

— Я могу рассказать, — донесся грубый голос от двери, открывшейся с такой силой, что содрогнулись стены. — Этот человек принадлежит «Норвегии».

Музыка не стихла, зато смеха и разговоров как не бывало.

В штаб-квартиру с бесцеремонностью, ошеломившей ее хозяев, вошло несколько десантников с эмблемой «Норвегии». Все они были в доспехах и при оружии, тогда как из остальных мало кто был полностью экипирован для боя.

— «Норвегия», — пробормотал кто-то. — Убирайтесь отсюда, подонки!

— Имя и фамилия! — взревел невысокий коренастый офицер с грубым голосом. — Отвечай…

— Не то ты всех перестреляешь, — насмешливо

подхватил солдат.

Коренастый офицер нажал кнопку кома, прикрепленного к его плечу, и что-то сказал. Музыка мгновенно утихла. Затем офицер обернулся к дюжине своих десантников и махнул рукой. Отделение развернулось веером и взяло оружие на изготовку.

Коренастый неторопливо обвел бар взглядом.

— Вы не в том положении, когда можно хамить. Лучше наведите порядок в этом притоне. Если я здесь найду кого-нибудь из наших, шкуру спущу. Есть такие? Не слышу!

— Катись отсюда! — закричали ему. — Это территория «Австралии»!

— Пленных — сюда! — скомандовал коренастый.

Никто не пошевелился. Стволы поднялись, раздались возгласы возмущения и ярости. Сквозь красную пелену Дэймон смотрел, как двое из дюжины подходят к нему и Джошу. Сильная рука ухватила его за правое предплечье, дернула, потащила к двери. Джош тоже шел, не сопротивляясь, — пока они вместе, дергаться ни к чему. Им осталось только держаться друг за друга, все остальное потеряло смысл.

— Увести, — приказал коренастый. Дэймона и

Джоша вытолкали наружу и торопливо повели по доку. В баре осталось только двое рядовых десантников с «Норвегии» и офицер.

Другую группу солдат с «Норвегии» пленники увидели не раньше, чем поравнялись с выходом из сквозного коридора.

— Взяты в «Маккарти», штабе «Австралии», — громко объяснил женский голос. — Ди их отобрал. Там нужны наши. Быстро!

Десантники пустились бегом, часть конвоя — вдогонку за ними. Четверо оставшихся повели пленных к воротам в синий док.

У ворот стояли часовые.

— Пропустить! — приказал офицер из конвоя, указывая большим пальцем через плечо. — Там назревает мятеж.

Часовые носили эмблему «Австралии». Они неохотно открыли аварийный шлюз.

За следующей дверью лежал синий док, где рядом с «Индией», «Австралией» и «Европой» стояла «Норвегия». У Дэймона кружилась голова, уже давала о себе знать боль от ушибов. В синем доке обитали одни военные, даже на погрузке трудились солдаты в робах.

Перед пленниками и конвоирами открылся люк «пуповины», соединяющей «Норвегию» с до-

ком. В прохладе воздушного шлюза их встретили десантники с эмблемой «Норвегии».

— Толли! — удивился один из них и добавил, ухмыляясь: — С возвращением, Толли!

И тут Джош вырвался и бросился назад. Поймали его только в середине «пуповины».

4. ПЕЛЛ: «НОРВЕГИЯ»; СИНИЙ ДОК; 8.1.53; 19:30

Сигни оторвала взгляд от клавиатуры и убавила громкость кома, передававшего доклады из доков, от ее патрулей. С недоброй усмешкой она отметила про себя, что Толли изрядно поистрепался. Небрит, нечесан, весь в крови. Вдобавок — синяк на подбородке.

— Пришел повидаться со мной? — язвительно спросила она. — Вот уж не надеялась, что тебе захочется назад.

— Здесь Дэймон Константин… Ваши солдаты затащили его на борт. Думаю, вам надо с ним поговорить.

Эти слова озадачили ее.

— Хочешь и его втянуть?

— Он ни при чем… Мы были вместе. Помогите ему выпутаться.

Она откинулась на спинку дивана и с любопытством посмотрела на Джоша.

— Что ж, по крайней мере, ты говоришь прямо, — сказала она. — Раньше я за тобой этого не замечала.

Он не нашел что сказать.

— Константины разделались с твоей памятью, — задумчиво произнесла она, — и нашли себе преданного друга. Странно, не правда ли?

— Помогите ему, прошу вас!

— Из каких соображений?

— Из соображений здравого смысла. Он вам может быть полезен. А там его убьют.

Сигни рассматривала Джоша, прищурив глаза.

— А ведь ты рад, что вернулся, правда?

Замерцала лампочка на пульте — ком счел вызов неотложным. Сигни прибавила громкость и нажала кнопку.

— Драка, — услышала она, — в «Маккарти»!

— Ди выбрался оттуда? — спросила Сигни. — Дайте мне Ди.

— Занят, — последовал ответ.

Сигни махнула рукой конвоирам, чтобы увели Толли. Загорелась другая лампочка.

— Мэллори! — воскликнул Толли, когда его потащили к двери.

— Вас вызывает «Европа», — сообщил ком. — На связи капитан Мациан.

Она переключилась на канал «Европы». Толли увели, чтобы запереть в каком-нибудь надежном месте.

— «Европа», Мэллори на связи.

— Что там у вас происходит?!

— Беспорядки в доке, сэр. Извините, сэр — Янц просит указаний.

Она снова переключилась и тотчас услышала крик по другому каналу:

— Он упал! Капитан, его застрелили!

Сигни сжала и занесла над пультом кулак.

— Вынести его! Вынести! С кем я говорю? Офицер?!

— Это Утхап, — ответил женский голос. — В Ди стрелял десантник с «Австралии».

Сигни нажала другую кнопку.

— Эджера мне. Быстро!

— Мы на выходе, — доложила Утхап. — Ди с нами.

— Это Эджер, — услышала Сигни. — Мэллори, убери своих собак.

— Убери своих, Эджер, не то я всех перестреляю без предупреждения! Они убили Ди Янца!

— Я разберусь. — Эджер отключился.

ТРЕВОГА — заполыхало в коридорах «Норвегии»; надрывались сирены. В рубке ожили

пульты и экраны — корабль переходил в режим боевой готовности.

— Мы подходим, — сказал ком голосом Утхап. — Капитан, он с нами.

— Донесите его, Утхап! Донесите!

— Капитан, я спущусь. — Графф собрался выйти в док.

Сигни принялась нажимать кнопки, разыскивая Утхап и ее людей видеокамерами и ругая нерасторопных техов. Наконец на экране показалась группа десантников, и несли они не одного. Товарищи с «Норвегии» бросились им навстречу, оцепили «пуповины».

— Меда на связь, — скомандовала Сигни.

— Мед готов.

Сигни следила за знакомой фигурой, приближающейся к группе Утхап. Графф знал свое дело. Она перевела дух.

— «Европа» все еще на связи, — сообщил ком. Сигни подключилась к каналу флагмана.

— Капитан Мэллори, как прикажете все это понимать?

— Сэр, я сама еще не знаю, в чем дело. Разберусь, как только мои солдаты поднимутся на борт.

— Вы отбили пленных у «Австралии». С какой целью?

— Сэр, один из этих пленных — Дэймон Константин. С вашего позволения, я свяжусь с вами, как только получу объяснения Ди Янца.

— Мэллори!

— Сэр?

— У Эджера двое убитых. Жду рапорта.

— Есть, сэр. Как только выясню, что произошло, отправлю вам рапорт. А сейчас, сэр, я пошлю десантников в зеленый док. Пока штатские не осложнили ситуацию, сэр.

— Предоставьте это «Индии», она уже взялась за дело. Выведите своих людей, Мэллори. Освободите доки. Всех на борт. Я жду вас у себя, слышите?

— Да, сэр. С рапортом. Прошу прощения, сэр.

Лампочка флагманского канала погасла. Ударив кулаком по консоли, Сигни встала и направилась в хирургический отсек, расположенный на полпути между главным лифтом и носом.

Раны оказались не такими уж опасными. Благодаря стараниям врача у майора Янца держался ровный пульс, да и по облику Ди не было заметно, что он собирается на тот свет. Случайное попадание в стык доспехов: проникающее ранение в грудь, несколько ожогов, серьезная потеря крови — ничего, выкарабкается, на памяти Сигни бывало и похуже.

Она отошла к двери, где стояла Утхап, с головы до ног забрызганная кровью.

— Убирайтесь отсюда, неряхи, — Сигни вытолкала в коридор Утхап и ее десантников. — Здесь должно быть стерильно. Кто выстрелил первым?

— Какая-то шлюха с «Австралии». Пьяная.

— Капитан, — напомнила Сигни.

— Капитан, — негромко повторила Утхап.

— Ты ранена?

— Ожоги, капитан. Ничего, терпимо. С вашего разрешения, я пройду осмотр, когда врач закончит с Янцем и остальными.

— Я разве не приказывала вам держаться подальше от этого логова?

— Капитан, мы услышали по кому, что они захватили Константина и Толли. В «Маккарти» все перепились, как купцы после высадки, а за старшего у них — сержант. Когда мы с майором вошли, они велели нам убираться.

— Достаточно, — буркнула Сигни. — Жду подробного рапорта, десантник Утхап. И не волнуйся, я вас не дам в обиду. Вот если бы вы уступили Эджеровым подонкам, я бы с вас шкуру спустила. — Она пошла по коридору, бросив солдатам на ходу: — Все в порядке, Ди не разорван на куски. Не мешайте медам, и вообще убирайтесь

отсюда. По каютам, живо! Я поговорю с Эджером… но если кто-нибудь из вас сунется в док, — своей рукой пристрелю, честное слово. По местам!

Десантники кинулись к лифту.

Сигни вернулась в рубку, обвела взглядом офицеров, занявших боевые посты. Графф, изрядно выпачканный кровью, уже был здесь.

— Почистись, — приказала ему Сигни. — Вспомни, где находишься. Марио, спускайся в кубрик, допроси Утхап и все ее отделение. Мне нужны фамилии и личные номера тех «австралийцев». И еще — рапорт, составленный по всей форме. Сейчас же.

— Есть, капитан. — Марио козырнул и поспешил отбыть. Сигни снова окинула рубку взглядом, на сей раз таким грозным, что вахтенные склонили головы над пультами. Графф вышел чиститься.

Сигни ходила взад-вперед по рубке, пока не спохватилась, что ей предстоит идти на борт «Европы». На ее мундире остались кровавые пятна, но она решила не переодеваться.

— Графф остается за меня, — отрывисто произнесла она. — Макфарлэйн, я иду на «Европу», подбери мне эскорт. Быстро!

Слушая, как приказы разносятся по коридо-

ру, она пошла к лифту. Эскорт — десантники в полном боевом облачении — встретил ее у шлюза. Она спустилась по трапу в док и пересекла оцепление.

Она не взяла с собой оружия. Заходить к командующему Флотом с оружием не полагалось, да и док охранялся надежно. Однако Сигни чувствовала бы себя гораздо спокойней, если бы покинула «Норвегию» совсем раздетой, зато с пистолетом в руке.

5. ПЕЛЛ: «ЕВРОПА»; СИНИЙ ДОК; 8.1.53; 21:05

На сей раз Мациан не задержался, хотя ожидали его всего лишь двое капитанов — Том Эджер и Сигни Мэллори. Эджер прибыл на борт «Норвегии» раньше Мэллори, но ее это не огорчало и не тревожило.

— Садитесь, — сказал ей Мациан.

Она уселась напротив Эджера. Мациан расположился во главе стола, подпер голову кулаками и устремил на Сигни пылающий взгляд.

— Ну, так где же ваш рапорт?

— Будет, — пообещала она. — Мне необходимо время, чтобы опросить моих людей и установить личности злоумышленников. Ди переписал их фамилии и номера, прежде чем в него выстре-

лили.

— Он прибыл туда по вашему распоряжению?

— Сэр, мои солдаты не получали приказа стоять в стороне и спокойно глядеть на преступления. После инцидента с Гофортом моих людей систематически третируют. Гофорта застрелила я, а страдать приходится моим подчиненным. Однако они покорно сносили издевательства, пока кое-кто не напился до такой степени, что перестал видеть разницу между издевательством и открытым неповиновением. Мой десантник попросил эту женщину назвать свое имя и личный номер и получил грубый отказ. Услышав, что она арестована, женщина выхватила пистолет и открыла огонь по офицерам.

Взор Мациана перебежал на Эджера и вернулся к Сигни.

— Я слышал другую версию: что вы не позволяете вашим десантникам ходить поодиночке, что даже в так называемых увольнениях они выполняют ваши приказы. Расхаживая целыми отделениями с офицерами во главе, они насаждают в доках свои порядки. Что поведение десантников и экипажа «Норвегии» на станции — это надругательство над субординацией и злостное неподчинение моим приказам.

— Сэр, отпуская солдат в увольнения, я не возлагаю на них никаких обязанностей. Но и не запрещаю хождение группами, поскольку так безопаснее посещать бары, доступные всем, кроме военнослужащих с «Норвегии». Такое отношение к моим подчиненным культивируется во всех экипажах, и неделю назад я направила к вам жалобу по этому поводу.

С минуту Мациан молча смотрел на нее, медленно барабаня пальцами по столу. Наконец повернул голову к Эджеру.

— Я не спешил протестовать, — заговорил Эджер, — но обстановка сейчас тяжелая… Очевидно, сказывается разница во взглядах на управление Флотом в целом. По причинам, гадать о которых мне не хочется, в некоторых экипажах и подразделениях пестуется фанатичная преданность своим капитанам и кораблям.

Сигни набрала полную грудь воздуха, уперлась ладонями в стол, но в последнее мгновение справилась с гневом и осталась в кресле. Ум работал трезво и холодно. Эджер и Мациан всегда были близки… даже слишком близки, давно подозревала она. Тут, как говорится, третий — лишний. Сигни справилась с дыханием и откинулась на спинку кресла, глядя только на Мациана. Идет

война, и «Норвегии» приходится лететь по самой что ни на есть крутой дуге, покоряясь амбициям Мациана и Эджера.

— Стрельба по своим, — заговорила она, — это всегда очень неприятно. Господа, мы с вами — старейшие на Флоте. Долгожители. Скажу откровенно: я знаю, что нам предстоит, знаю, что моя деятельность по наведению порядка на станции — мартышкин труд. По вашему приказу я выполняла черную работу, и выполняла ее неплохо. Я не делилась своими догадками с экипажем и десантниками «Норвегии», предпочитая плыть по течению. Солдатам позволено делать все, что им вздумается, поскольку нас не заботит, какую память о себе мы оставим. Пелл будет снят с шахматной доски, его выживание противоречит нашим интересам. У вас теперь совершенно иные планы, и вы подводите нас к ним постепенно, чтобы не травмировать нашу психику. Когда вы наконец раскроете карты, нам останется только признать: да, ваш вариант — единственно разумный. Солнечная, не правда ли? Земля. Предстоит далекий и рискованный поход, и прежде чем отправиться в него, нужно обеспечить себе безопасный тыл. Флот над Компанией… Что ж, может быть, вы и правы. Это давно имеет смысл,

еще с тех пор, как Компания бросила нас на произвол судьбы. Но нам не добраться до Солнечной, если на Пелле исчезнет дисциплина — цемент, на котором десятилетиями держался Флот. А ведь именно к этому приведет дискриминация. Подумать только: меня учат командовать «Норвегией»! Если это будет продолжаться, наш Флот расползется по швам. Вы отбираете у десантников значки и эмблемы, вы обезличиваете и унижаете их… Как бы вы это ни называли, ни к чему хорошему оно не приведет. Вопреки всем правилам и традициям экипажи заставляют подстраиваться под единый стандарт. Капитаны, не видя перед собой иного врага, исподволь настраивают своих подчиненных против «Норвегии», поощряют драки… За десятилетия своего существования Флот никогда не был единым целым, но в этом-то и заключалась наша сила! Каждая победа Флота — заслуга свободного корабля. Подстригите нас под одну гребенку, и мы станем предсказуемы, а поскольку наши корабли можно по пальцам перечесть, от нас и следа вскоре не останется.

— Забавно, — тихо проговорил Мациан. — Вы ратуете за изоляцию экипажей и при этом больше всех пеняете на отсутствие дисциплины. Занятная софистика, вы не находите?

— Мне приказали встать в строй, изменить сложившийся на моем корабле порядок. Я подчинилась, но мои люди восприняли это как оскорбление, нанесенное не им, а «Норвегии». А чего еще вы ожидали, сэр?

— Поведение солдат ясно выражает умонастроение облеченных ответственностью офицеров и капитанов, не правда ли? Возможно, они пользуются вашей поддержкой.

— А виновники инцидента в «Маккарти» разве не пользовались чьей-то поддержкой?

— Сэр, — подсказал Мациан.

— Прошу прощения — сэр.

— Ваши люди вошли в бар и отняли пленных у солдат, которые произвели арест. Вам это не напоминает захват чужих трофеев?

— Захват чужих трофеев? Отбить пленных у толпы пьяных отпускников в портовом кабаке?

— В доковой штаб-квартире, — буркнул Эджер. — Мэллори, выбирайте выражения.

— В этой вашей «доковой штаб-квартире» было полно нетрезвой и буйной солдатни, и куда, позвольте спросить, подевался дежурный офицер? Между прочим, один из пленных — собственность «Норвегии», а второй — высокопоставленный станционный чиновник, оказавший мне суще-

ственную помощь при оборудовании доков для нашей стоянки. Вопрос: почему пленных затащили в так называемую штаб-квартиру, вместо того чтобы отправить их в специальные помещения синего дока или на ближайший корабль, то есть на «Африку»?

— Солдаты, производившие арест, доложили своему сержанту. А он присутствовал в штаб-квартире, когда туда ворвался ваш майор.

— Вы просто пытаетесь покрыть негодяев, напавших на майора Янца. Если бар «Маккарти» — штаб-квартира дока, то майор Янц имел полное право войти туда и употребить власть для наведения порядка. Но его пытались выгнать под тем предлогом, что так называемая «доковая штаб-квартира» — территория «Австралии». И присутствовавший там сержант нимало не возмутился нарушением субординации. Как может штаб-квартира десанта быть частным владением одного корабля? Неужели нам следует предположить, что некоторые капитаны толкают свои экипажи к сепаратизму?

— Мэллори! — с укором произнес Мациан.

— Суть вот в чем, сэр. Майор Янц в надлежащей форме приказал передать задержанных под его охрану и не встретил содействия сержанта

с «Австралии». Напротив, сержант постарался спровоцировать эксцесс.

— В этом эксцессе погибли двое моих десантников, — зло проговорил Эджер. — В перестрелке. Скоро мы выясним, кто ее начал.

— Я тоже постараюсь это выяснить, капитан. И позабочусь, чтобы вы получили копию доклада о расследовании.

— Капитан Мэллори, — приказал Мациан, — вы подадите мне рапорт, и незамедлительно. А что касается пленных, то меня не интересует, как вы поступите с ними. Мне безразлично, на каком они корабле. Капитан Мэллори, нравится это вам или нет, но вы — в строю. Прежде мы всегда действовали порознь, тут вы правы, но теперь нам предстоят совместные операции, и некоторым из нас — вольным птицам — это совсем не по вкусу. Они любят командовать, но не любят подчиняться. Я ценю вас, капитан. Вы умеете глядеть в корень. Да, вы не ошиблись насчет Солнечной. И неспроста высказали нам свои соображения. Очевидно, вы рассчитываете, что мы посвятим вас во все планы и привлечем к подготовке операции. Иными словами, вы хотите маршировать в первом ряду. Это очень хорошо, капитан, но прежде необходимо научиться строевому шагу.

Сигни не шелохнулась и не отвела глаза под жестким взором Мациана.

— Даже не зная, куда придется маршировать?

— Вы знаете, куда мы маршируем. Все ваши предположения правильны.

— Хорошо, — спокойно произнесла она, кольнув Эджера взглядом и снова посмотрев на Мациана. — Я согласна учиться строевому шагу. Я буду исполнять приказы точно так же, как и все остальные капитаны. Мне непривычно играть в команде, но это поправимо.

Мациан кивнул. Его красивое актерское лицо осталось совершенно бесстрастным.

— Итак, проблема улажена. — Он встал, подошел к буфету, вытащил из зажимов бутылку бренди, а из застекленного отделения — рюмки и наполнил их. Вернулся, поставил рюмки перед собой, затем обеими руками подвинул две — Эджеру и Сигни. — Надеюсь, она улажена раз и навсегда. — От сделал глоток. — Будут еще жалобы?

«Если и будут, то не от меня», — подумала Сигни, глотая жидкое пламя. Эджер мрачнел на глазах.

— Второй вопрос, — продолжал Мациан, не дождавшись ответа. — Вы, Мэллори, его уже за-

тронули. Действительно, расположение Пелла — причина нашего беспокойства. Я верю, что информация, которую вы сейчас получите, не покинет пределов нашей теплой компании.

«После этого спектакля», — мысленно договорила Сигни, а вслух сказала:

— Да, сэр.

— Обойдемся без формальностей. В надлежащее время каждый капитан получит инструкции. Вы, Мэллори, — стратег, причем один из лучших. Вы приступите к действиям раньше всех, и вам это известно. Собственно, вы бы уже приступили, если бы не злополучный инцидент с Гофортом.

У Сигни загорелись щеки. Она опустила рюмку.

— Спокойнее, старый товарищ, — тихо произнес Мациан. — Придержите норов, у меня он тоже есть. Я не лишен недостатков, но не допущу, чтобы вы откололись от нас. Не допущу. Скоро мы улетим, самое позднее — через неделю. Погрузка почти закончена. Наш уход застанет Унию врасплох. Мы отнимем у нее инициативу, а взамен оставим проблему.

— Пелл.

— Вот именно. — Он допил бренди. — Константин у вас. Он не должен вернуться, а Лукаса мы

уберем сами. Все их техи либо на рабочих местах, либо в тюрьме. Все, кто способен отремонтировать комы и аппаратуру контрольного центра, то есть привести Пелл в норму. Вам предстоит разгромить станцию и позаботиться о том, чтобы не осталось персонала, способного ее восстановить. Особенно опасен Константин — он не только знает комп, но еще и популярен. От него надо избавиться.

Губы Сигни растянулись в подобие улыбки.

— Когда?

— Он уже помеха. Разделайтесь с ним, но тайно. Без свидетелей. Порей займется другим — Эмилио Константином. Полная «чистка», Мэллори. Уния не получит от нас ничего пригодного. И беженцев с Пелла не будет.

— Ясно. Будет исполнено.

— При всех ваших неладах, вы с Томом проделали отличную работу. Меня очень интересовало, куда запропастился Константин. Да, превосходная работа.

— Я догадываюсь, что произойдет дальше, — бесстрастно продолжила Сигни. — Комп уже подготовлен, ключевой сигнал полностью выведет его из строя. По-прежнему неизвестно, где прячутся два оператора компа. Завтра я окон-

чательно закрою зеленую. Все, кто не сдастся, отправятся в шлюз. Так или иначе, эта проблема будет решена. У меня есть приметы исчезнувших опов. Я воспользуюсь услугами информатора Нго и его семьи. Пусть порасспрашивают знакомых — может, и найдут кого-нибудь. Чем меньше комптехов останется в живых, тем спокойней нам.

— Мои люди окажут содействие, — пообещал Эджер.

Сигни кивнула.

— Вот и славно, — обрадовался Мациан. — Сигни, это именно то, чего я от вас ожидаю: довольно грызни за прерогативы. Ну, а теперь, может, приступим к делу?

Сигни осушила рюмку и поднялась, чуть позже встал Эджер. Сигни улыбнулась и попрощалась кивком — не с обоими, а только с Мацианом, — и удалилась нарочито легкой походкой.

«Ублюдок», — подумала она, не услышав шагов Эджера за спиной. В лифте она тоже спускалась одна — Эджер остался с Мацианом. «Шлюха!»

Лифт мигом опустил ее на нижнюю палубу, где эскорт Сигни стоял навытяжку и упорно не смотрел на десантников «Европы», проходящих туда и обратно через двери экипировочного от-

сека. Поблизости маячила троица «европейцев» — их развязные улыбки увяли, как только Сигни появилась в дверях лифта.

Забрав свиту, она прошла через шлюз и по «пуповине» спустилась в док.

6. ПЕЛЛ: «НОРВЕГИЯ»; СИНИЙ ДОК; 8.1.53; 23:00 ОС; 11:00 ДС

Ей основательно полегчало, когда она смогла передохнуть и принять ванну, когда в доке восстановился порядок и в рубку «Норвегии» поступили рапорты. Сигни не надеялась, что десантница с «Австралии», стрелявшая в Ди, будет наказана — во всяком случае, публично. Но эта мерзавка больше не осмелится разгуливать там, где можно встретить солдат Мэллори.

Ди Янца уже перевели из операционной, влив ему изрядную толику крови и сделав вставку в ребро. Он уже мог сидеть и внятно ругаться, и это было верным признаком, что он поправится. Сейчас возле него сидел Графф, а мед составил длинный список офицеров и солдат, претендующих на роль добровольных сиделок. Сигни это только радовало, а грозный Ди, узнай он о столь массовом проявлении трогательного сочувствия к себе, наверное, был бы просто потрясен.

Передышка. Выиграно несколько часов покоя — до завтра, до операции в зеленой. Сидя наискось в кресле посреди своей каюты, она уперлась ступнями в койку и неловко наполнила стакан. Она редко выпивала больше одной порции, а эта, кажется, была четвертой или пятой… «Жалко, что здесь нет Ди или Граффа, — подумала она. — Посидели бы, поговорили».

Сигни могла бы и сама пойти к ним, прихватив бутылку. Но Ди захочет подробно рассказать, что с ним приключилось, а волноваться ему вредно.

Впрочем, можно поболтать с кем-нибудь другим. Сигни поколебалась, выбирая одного из двух, затем вызвала гауптвахту: «КОНСТАНТИНА КО МНЕ».

Пришла квитанция. Сигни откинулась на подлокотник кресла и, потягивая бренди, отстукала на клавиатуре запрос в рубку управления — хотела убедиться, что все нормально, что гнев десантников не выплеснулся за пределы корабля. Алкоголь не успокаивал, ее по-прежнему тянуло мерить шагами каюту. Было бы что мерить. Завтра…

Проклятые мысли, никак от них не отделаться. Сто двадцать восемь гражданских умерщвлено при очистке белой секции. Страшно даже вообра-

зить, что будет в зеленой, где скопились все, у кого есть причины бояться опознания. Все они могут отправиться в шлюз, если в самое ближайшее время не будут найдены два квалифицированных комптеха. Что ж, это разумное решение… Мгновенная ликвидация всех без разбору. Зато — твердая уверенность, что комптехи не доставят хлопот. И разве такая смерть не милосерднее участи тех, кто останется на разоренной станции? «Хансфорд», увеличенный во сто крат. Троянский конь, оставленный униатам. Гниющие мертвецы и вонь, непереносимая вонь…

Открылась дверь. Сигни посмотрела на троих десантников и Константина — умытого, в коричневой робе и с лейкопластырями на лице — следами работы меда. «Неплохо выглядит», — подумала она рассеянно, наклоняясь вперед и опираясь локтем на стол.

— Хотите поговорить? — спросила она. — Или напротив?

Константин промолчал. Видя, что он не намерен буянить, Сигни жестом отпустила конвой.

— Где Джош Толли? — спросил он наконец.

— Где-то неподалеку. Вон там, в баре, стаканы. Хотите выпить?

— Я хочу, — отчеканил Дэймон, — чтобы ме-

ня отпустили. Чтобы станцию передали в руки законного правительства. И предоставили ему перечень ваших жертв.

— Даже так?! — она рассмеялась, потом, упершись ногами в койку, слегка отъехала назад вместе с креслом. — Я вижу, вы хотите присесть. — Она указала на койку. — Садитесь, господин Константин. Садитесь.

Он сел. «Безумец», — подумала Сигни, глядя в такие же, как у его отца, бесстрашные черные глаза.

— Надеюсь, на самом деле вы не питаете иллюзий, — произнесла она. — Или питаете?

— Нет.

Она кивнула, с сочувствием разглядывая Дэймона. Красив, молод. Хорошо говорит, хорошо держится. У них с Джошем очень много общего. Сигни тошнило от войны. Такие симпатичные мальчишки превращаются в трупы… «Будь ты простым станционером… — мысленно обратилась она к Дэймону. — Но тебе досталась фамилия Константин, и значит, ты обречен. Слишком уж популярна эта фамилия на Пелле».

— Выпьете?

На этот раз он не отказался. Сигни отдала ему свой стакан, а себе оставила бутылку.

— Скажите, — произнес Дэймон, — Джон Лукас — ваша марионетка?

Лгать ему не имело смысла.

— Он исполняет наши приказы.

— На очереди у вас — зеленая?

Она кивнула.

— Дайте мне поговорить с ними по кому. Я сумею их урезонить.

— Чтобы сохранить свою жизнь? Или чтобы сместить Лукаса? Ничего не выйдет.

— Чтобы спасти людей.

Несколько секунд она мрачно рассматривала его.

— Вам не подняться на поверхность, господин Константин. Вы исчезнете, причем совершенно незаметно. Думаю, вы это понимаете.

На бедре у Сигни покоился пистолет. Она положила руку на рифленый пластик — не из опасения, а просто на всякий случай.

— Знаете, если бы я нашла всего-навсего двух человек, отпала бы необходимость шлюзовать целую секцию. Мне нужны Джеймс Мюллер и Джудит Кроуэлл. Поможете их разыскать — спасете человеческие жизни.

— Я не могу вам помочь.

— Вы не знаете этих людей?

— Я не знаю, где они. Вряд ли они вообще живы, а в зеленой их нет наверняка. Я долго искал их там.

— Мне очень жаль, — проговорила она. — Ну что ж, господин Константин, я сделаю все, что смогу, обещаю вам. Вы — культурный человек, представитель исчезающей породы. Будь у меня возможность выручить вас, я бы не раздумывала, поверьте. Но на меня давят со всех сторон.

Дэймон промолчал. Косясь на него, Сигни хлебнула бренди из бутылки. Он глотнул из стакана.

— Что с моими близкими? — оборвал он долгую паузу.

Сигни скривила губы.

— Они в безопасности, господин Константин. В полной. Мать исполняет все наши требования, да и брат ведет себя вполне благоразумно. Продукция поступает с Нижней без перебоев, и у нас нет оснований смещать его с должности начальника колонии. Он тоже культурный человек и у него, к счастью, нет доступа к большим скоплениям станционеров, сложной аппаратуре и стоянкам наших кораблей.

У Дэймона задрожали губы. Он допил бренди, Сигни наклонилась вперед и подлила еще. Наклонилась с расчетом — пистолет в руке Кон-

стантина чрезвычайно облегчил бы ее задачу. Оставить его в живых до завтрашнего вечера — слишком жестоко.

Бренди не помогло ей избавиться от кислого привкуса во рту. Она протянула Дэймону бутылку.

— Возьмите с собой, господин Константин. И идите. Честь имею.

Другой человек на его месте стал бы умолять о пощаде или вцепился бы Сигни в горло. Он же встал и направился к выходу, оставив бутылку на столе. И оглянулся, когда дверь не поддалась. Сигни вызвала вахтенного офицера.

— Уведите пленного.

— Есть, капитан, — сказал вахтенный.

Сигни спохватилась:

— Зайдите по пути за Джошем Толли.

Глаза Дэймона тревожно блеснули.

— Я знаю, — кивнула Сигни, — он собирался убить меня. Но с тех пор он основательно изменился, не правда ли?

— Он помнит вас.

Она пожевала губами и невесело улыбнулась.

— Он тем и живет, что помнит, верно?

— Позвольте мне поговорить с Мацианом.

— Едва ли от этого будет прок. Да он и не со-

гласится вас выслушать. Неужели вам невдомек, откуда на вас сыплются неприятности? Я исполняю его приказы.

— Когда-то Флот служил Компании. Он был наш. Мы вам верили. Все станции на вас надеялись, не на Компанию, а на вас. Что произошло?

Сигни потупилась — не сумела выдержать тоскливого взгляда Константина.

— Кое-кто сошел с ума, — заключил Дэймон.

«Вполне возможно». — С этой мыслью Сигни откинулась на спинку кресла. Ей нечего было возразить.

— Пелл — не просто станция, — сказал Константин. — Он с первого дня своего существования не такой, как все остальные. Примите от меня хотя бы совет: оставьте брата во главе колонии. Вы получите от низовиков куда больше, если не будете их понукать. Их понять непросто, но и они понимают нас с трудом. Работать они согласятся, но не для вас. Для него. И по-своему. Хиза сделают вдесятеро больше того, что вы требуете. Они не воинственны и дадут все — если вы будете просить, а не отбирать.

— Ваш брат останется на Нижней, — пообещала она.

Возле двери вспыхнула лампочка. Нажатием

на клавишу Сигни отперла замок. Ввели Джоша Толли, они с Дэймоном спокойно переглянулись. Будто спросили друг друга о чем-то, не произнеся ни слова вслух.

— Все в порядке? — осведомился Джош через секунду.

Константин кивнул.

— Господин Константин уходит, — вмешалась Сигни. — Прошу, Джош.

Он приблизился, обеспокоенно косясь на Дэймона. Дверь закрылась, отгородив их друг от друга. Сигни снова потянулась за бутылкой, наклонила ее над стаканом, оставленным Дэймоном на краю стола.

Джош тоже умылся и от этого выглядел получше. Щеки его ввалились, но глаза живо блестели.

— Не угодно ли присесть? — Уж от него-то Сигни знала, чего ожидать. Он всегда был уступчив, лишь однажды поддался помрачению. В тот раз он нашел ее на станции и закричал еще от дверей.

Джош пожал плечами и сел. Он мастерски напускал на себя безучастный вид.

— Как в былые времена. — Сигни отпила из стакана и хмыкнула. — А он порядочный человек, этот Дэймон Константин.

— Да, — подтвердил Джош.

— Ты все еще хочешь убить меня?

— Ты не самая большая гадина на свете.

Сигни хмуро улыбнулась, но улыбка тотчас увяла.

— Ты знаком с Мюллером и Кроуэлл? Слышал когда-нибудь эти фамилии?

— Эти фамилии мне ни о чем не говорят.

— Неужели ты не знаком ни с кем из техов, знающих станционный комп?

— Нет.

— Ну что ж, это был единственный официальный вопрос. Очень жаль, что ты никого не знаешь. — Она снова отпила из бокала. — Похоже, на твоем поведении сказывается благотворительность Константина. Я права?

Никакого ответа. Но Сигни по глазам Джоша видела, что она права.

— Я хотела задать тебе только этот вопрос.

— Кто они? Кто эти люди? Зачем они тебе? Что они сделали?

Вопросы? Джош никогда не задавал ей вопросов.

— Ты согласился на Урегулирование, — сказала она. — Объясни, что ты затевал, когда тебя взяли «австралийцы»?

Молчание.

— Те люди мертвы, Джош. Что толку скрывать?

Его глаза блуждали по каюте — знакомый безучастный взгляд. «Красив, — в тысячный раз подумала Сигни об этом человеке. — Еще один обреченный. Его нельзя пощадить — он безумец и после смерти Константина станет очень опасен. Завтра, — сказала она себе. — Это случится не позднее завтрашнего дня».

— Я униатский солдат, — промолвил он. — Но непростой… что бы там ни значилось в военном билете. Спецслужба. Ты знаешь, как я сюда попал. И был еще один такой — он проник сам… так же как и на Маринер. Его звали Габриэль, и он готовил диверсию. Против вас работал он, а не Константины. Дэймон ни в чем не виноват, у него отец погиб из-за Габриэля и пропала жена. Как все это происходило, я не знаю, я не помогал… но одно могу сказать наверняка: люди, которых вы держите во главе Пелла, — убийцы, завербованные Габриэлем. В этом можешь не сомневаться, я знаю тактику. Мэллори, ты схватила не того человека. Нужно арестовать Лукаса, вашего ставленника, — он плясал под дудку Габриэля.

Хмель вылетел из нее, словно от порыва сту-

деного ветра. Сидя со стаканом в руке и глядя в светлые глаза Джоша, Сигни вдруг почувствовала, что ей тяжело дышать.

— Ну и где он, этот Габриэль?

— Убит. Вы уничтожили верхушку заговора. Габриэля, парня по фамилии Коледи и еще одного… Крессича. На станции Габриэля знали как Джессада. Всех троих убили десантники, когда брали нас. А Дэймон не знал ничего… ровным счетом ничего. Неужели ты допускаешь, что он пошел на сговор с убийцами его отца?

— Значит, это ты привел его туда?

— Да, я.

— Он знал правду о тебе?

— Нет.

Сигни набрала полную грудь воздуха и неторопливо выдохнула.

— Думаешь, нам не все равно, как Лукас пробрался к власти? Он наш холуй.

— Постарайся понять меня. Все кончено. Вам не за кем больше гоняться. Вы победили. Новые убийства будут абсолютно бесполезны.

— И мне следует положиться на слово униата?

Никакого ответа. Но глаза, смотревшие ей в лицо, были полны боли.

— Джош, ты правильно сделал, что рассказал.

Это поступок настоящего мужчины.

— Никакой это не поступок. Я рожден с одной — единственной целью. Все мое прошлое — программа. Когда на Расселе и здесь из меня тянули душу, за ней не было ничего. Я — пустышка, Мэллори. Фальшивка, кукла. Я служил Унии, потому что запрограммирован на это. На самом деле я ни к кому и ни к чему не испытываю привязанности.

— Совсем ни к кому?

— Только к Дэймону, — признался он.

Сигни осушила стакан, буравя Джоша задумчивым взглядом.

— Так зачем же ты втянул его в заговор Габриэля?

— Думал, что нашел путь к спасению. Надеялся захватить челнок и увезти Дэймона на Нижнюю. У меня к тебе предложение.

— Кажется, я догадываюсь…

— Посадить его на челнок и отправить на Нижнюю — в твоей власти. Помоги ему выбраться отсюда, если больше ничего не можешь.

— Как? Ты не хочешь, чтобы мы вернули ему власть над Пеллом?

— Ты сама сказала, Лукас только открывает и закрывает рот, а слова произносите вы, и ничего

другого вам не надо. Вы всегда к этому стремились. Помоги Дэймону выбраться. Спаси. Ну, что тебе стоит?

Он знал, что ожидает их в недалеком будущем — во всяком случае, что ждет Константина. Сигни посмотрела на Джоша и снова опустила глаза на бокал.

— За твое «спасибо»? Недурное предложение. Это выглядело бы просто глупо с моей стороны, ты не находишь? С тобой работал какой-нибудь гипнопед?

— Надо полагать, да.

Она нажала клавишу.

— Уведите его.

— Мэллори…

— Я подумаю над твоим предложением, — перебила она, — подумаю.

— Можно мне с ним поговорить?

Поразмыслив, она кивнула.

— Пожалуй. Хочешь рассказать все, как было?

— Нет, — ответил он хрипло. — Я не хочу, чтобы он узнал. Мэллори, в мелочах я тебе доверяю.

— И ненавидишь меня всеми потрохами?

Он встал и, глядя на нее сверху вниз, отрицательно покачал головой. Вспыхнула лампочка у двери.

— Ступай, — велела Сигни и повернулась к десантнику, появившемуся в дверном проеме. — Отведи его к приятелю. Предоставь им все удобства, о которых они попросят. В разумных пределах, конечно.

Джош вышел вместе с конвоиром. Дверь закрылась, щелкнул замок. Несколько минут Сигни не двигалась, затем положила ноги на койку и снова застыла в неподвижности.

Ей пришло в голову, что на заключительном этапе войны Константин мог бы пригодиться. «Допустим, Уния клюнет на нашу удочку — займет и восстановит Пелл. Вот тут-то и понадобился бы Константин. Если бы он не был полной противоположностью Лукаса. Нет, он для нас бесполезен. Мациан ни за что не согласится. Единственный выход — челнок. И никто не узнает об этом, если Флот не задержится в системе Пелла. Униатам очень нескоро удастся выловить молодого Константина из кустов, а тем временем мы выполним до конца стратегический план. Станция погибнет, Уния лишится базы… Либо станция выживет, но ее существование принесет новым хозяевам одни убытки. Да, в идее Джоша что-то есть». Сигни налила себе еще бренди и сжала стакан так, что побелели костяшки пальцев.

Униатский диверсант… Сигни все еще не могла оправиться от замешательства, злилась и насмехалась над собой: вот что случается, когда забываешь пословицу «в тихом омуте черти водятся».

Подумать только, к чему пришло Внеземелье… Флот-отступник и мир, порождающий монстров вроде Джоша и Габриэля-Джессада…

Она сидела, сложив руки на груди и глядя на стол. Наконец сделала еще один глоток, протянула руку и пробежалась пальцами по клавиатуре компа.

«Диспозиция десантников».

На экране появились названия мест и списки личного состава. Все солдаты находились на борту, кроме дюжины, охранявшей подступы к «пуповине». Сигни набрала приказ вахтенному офицеру: «Бен, выгляни наружу и позови тех двенадцать, что караулят в доке. Комом не пользуйся. Потом доложи мне через комп».

Новая команда: «Диспозиция экипажа».

Комп отрапортовал. Вахту несла дополнительная смена. Графф по-прежнему сидел в лазарете у Ди. Сигни нажала еще несколько клавиш, включая ком, и первым делом обратилась к Граффу:

— Поднимайся в рубку. Оставь Ди медам. Ди,

смотри не дергайся.

Она поочередно связалась с остальными постами, а когда вахтенный офицер доложил о выполнении задания, вызвала военопа Тихо. Затем опорожнила стакан, встала, радуясь, что голова осталась сравнительно ясной — по крайней мере палуба не качалась, — и, накинув на плечи китель, вышла за дверь и направилась в рубку. Там она окинула взглядом офицеров обеих вахт, с недоумением смотревших на нее.

— Включить бортовую связь, — приказала она. — Слушать на всех постах и в кубриках.

Комптех нажал главную кнопку.

— Нас гонят из доков, — произнесла Сигни, включив микрофон на воротнике, как делала всегда на операциях, и прошла к своему посту — центральному пульту, к которому вели изогнутые проходы. — Внимание. Экипаж, пехота, всем слушать меня. Основная вахта — по местам согласно боевому расписанию. Дополнительная — на подхват. Занять боевые посты. Мы уходим.

Мгновение царила мертвая тишина. Затем все забегали, меняясь друг с другом местами, опуская сиденья, протягивая руки к консолям. Некоторые техи карабкались на полки «горизонтальных» постов, отключенных на время стоянки. Загудели

пульты, завыла сирена, над головами заполыхали красные лампы.

— Отходим без расстыковки! Рывком! — Сигни бросилась на свой диван и схватила ремни безопасности. Она и сама могла надеть шлем, но в эту минуту не доверяла рефлексам и воспользовалась помощью одного из офицеров.

— Графф, оторвите корабль от Пелла и гоните… — Она резко втянула воздух, — …туда, где нас сам дьявол не сыщет. Потом я вас сменю.

— Инструкции? — спокойно осведомился Графф. — Если по нам откроют огонь, отвечать?

— Все крюйт-камеры открыты, Графф. Стартуйте.

По бортовому кому поступали вопросы — офицеры интересовались причиной спешки. На рейдерах, ушедших патрулировать, никто ни о чем не знал, и Сигни не видела возможности связаться с ними. Произведя последнюю проверку систем, Графф ввел в память компа список команд, затем убедился, что каждый человек на борту «Норвегии» находится на своем посту и компу это известно. На экранах засветился предполагаемый курс: облет по дуге вокруг станции, затем — вокруг планеты в угрожающей близости от атмосферы, и наконец — под прикрытием

Нижней — разгон и прыжок.

— Мэллори! — прогремел голос по межкорабельной.

Дополнительная смена. Капитаны в койках. Матросы и десантники рассеяны по доку. И «Норвегия» рвет «пуповины»…

Сигни стиснула зубы. «Норвегия» неслась вдоль обода Пелла к планете наикратчайшим, а значит рискованным курсом. Затаив дыхание, Сигни прислушивалась к проклятиям, исторгавшимся из кома вместе с треском помех.

«Тихий» и «Атлантика» бросились наперехват. Им не пришлось тратить время на расстыковку, но от «Норвегии» их заслоняла Нижняя. Сейчас куда опаснее «Австралия» — она оторвалась от станции и летит вдогон.

— Боекомп, — скомандовала Сигни, — прикрыть хвост. Это Эджер. Ну-ка, всыпьте ему.

Никаких квитанций в таких случаях не полагалось. Пальцы военопа отстучали дробь по клавиатуре. Вспыхнули лампочки, засветились все экраны.

У «Норвегии» не было рейдеров в хвостовом прикрытии, а у «Австралии» — в носовом. Боекомп «Норвегии» задраил все люки, разделив ее на сегменты с автономным жизнеобеспечением.

Нарастала гравитация — рейдероносец перешел в режим боевого синхронизма и лег на рассчитанный электроникой курс. Один из рейдеров «Норвегии» обстреливал Мэллори очередями вопросов. Сигни молчала.

На экране вида росла Нижняя. Рейдероносец все еще набирал скорость. В рубке заполыхали красные лампы, предупреждая о возможности столкновения с преследователем. «Австралия» огромна — значит велика и опасность столкновения.

Ослепительно вспыхнули экраны и лампы. По «Норвегии» стреляли.

7. ПЕЛЛ; СИНИЙ ДОК; «ЕВРОПА» 24:00; 12:00 ДС

— Нет! — сгорбившись над консолью, Мациан прижимал к уху мини-динамик. В рубке царила суматоха. — Оставайтесь на местах. Приготовьтесь забрать людей. Предупредите всех десантников: синий док разгерметизирован. Зеленый! Брать на борт всех наших, всех без разбору. Как поняли?

Сквозь шум в динамике донеслись голоса капитанов. Пелл низвергался в хаос, воздух уносился в космос сквозь разорванные «пуповины», давление в секции падало. Между «Европой» и

«Индией» плавали обломки и тела десантников, напором воздуха выброшенные через «пуповины».

«Пуповины» были разорваны без предупреждения. Едва началась декомпрессия, автоматически закрылись корабельные шлюзы, преградив путь к спасению даже тем, кто был к нему близок.

— Кео, — потребовал Мациан, — докладывай.

— Я отдал все необходимые распоряжения, — невозмутимо отозвался капитан «Индии». — Все наши люди стягиваются в зеленый.

— Быстрее! Бегом! Порей! Порей, ты меня слышишь?

— Порей на связи. Прием.

— Передай своим: базу на Нижней ликвидировать. Со всем персоналом.

— Есть, сэр. — Голос Порея дрожал от злости. — Будет сделано.

«Мэллори!» — мысленно воскликнул Мациан. Для него это имя стало ругательством. Проклятием.

Одно хорошо: он еще не утвердил план, не отдал приказы. Флоту предстоит действовать с учетом изменившейся обстановки. По наихудшему из сценариев.

Взорвать аппаратуру в центре управления. Сей-

час же отправить туда десантников. Разрушить все ценное.

Солнечная. Земля. Другого пути нет.

«Мэллори… Ну, попадешься ты мне!..»

8. ПЕЛЛ: ЦЕНТРАЛЬНАЯ; 24:00 ОС; 12:00 ДС

Джон Лукас перевел взгляд с экранов, на которых не было видно ничего, кроме разрухи в секциях, на взбесившуюся аппаратуру. Между приборами метались перепуганные техи, не успевая принимать вызовы и реагировать на аварийные сигналы.

— Сэр, — подскочил один из них к Джону, — сэр, в синей заперты солдаты! В задраенном отсеке! Спрашивают: можем ли мы их выручить и сколько им ждать?

Джон оцепенел. У него закончились ответы, а указания Мациана больше не поступали. Десантники внезапно ушли, осталась только личная охрана Лукаса — Хэйл со товарищи. Его личный и неотвязный кошмар.

Сейчас они держали техов на прицеле.

Повернувшись к Хэйлу, Джон дал ему знак включить шлемоком и потребовать у Флота инструкций. Спросить, что вообще происходит: нападение врага или авария? Почему рейде-

роносец Флота ни с того ни с сего срывается со швартовых и проносится над головами станционеров, а три корабля бросаются за ним вдогонку?

Внезапно Хэйл и его люди — все разом — замерли и прислушались к голосу, которого, видимо, кроме них никто не слышал. Затем — тоже все разом — повернулись к Джону и вскинули оружие.

— Нет! — закричал он.

9. НИЖНЯЯ: ГЛАВНАЯ БАЗА; 24:00 ОС; 12:00 ДС; МЕСТНАЯ НОЧЬ

Они почти не надеялись поспать, но все же такая возможность выдалась. Некоторые люди и хиза заночевали в карантинном куполе, остальные — снаружи, в грязи, устроившись кто как мог, прямо в одежде, кутаясь в перепачканные вонючие одеяла. Мельницы не остановились — они работали круглосуточно.

Разбуженный лязгом обеих дверей шлюза, Эмилио прислушался. Неужели пора вставать? Быть этого не может, ведь он уснул минут десять назад, не больше. По куполу постукивал дождь, кругом под множеством ног скрипел гравий. Челнок. Обе смены рабочих здесь поднимали только на погрузку. Но прилета челнока не ожидалось.

— Подъем! — закричал солдат. — Все на выход!

Эмилио зашевелился. Рядом просыпались со стонами люди и низовики, морщились, когда в глаза ударял свет мощного фонаря. Скатившись с кушетки, Эмилио скрючился — ноги в покоробившихся от влаги ботинках свело судорогой, да и мозоли напомнили о себе.

В его душе зашевелился страх. Что-то не то. Подобных ночных побудок на его памяти не бывало. Он застегнул комбинезон, надел дождевик, нащупал на груди дыхательную маску. Снова по глазам резануло ярким светом, снова послышались стоны. Вместе с толпой он направился к шлюзу, прошел через обе двери и по деревянной лестнице поднялся на тропинку. Сразу несколько человек направили фонари ему в лицо. Он прикрылся ладонью.

— Константин? Собери низовиков.

Он попытался рассмотреть говорившего, но на глаза наворачивались слезы. Со второй попытки он разглядел несколько силуэтов, а чуть подальше — толпу, идущую с мельниц. Значит, все-таки челнок. Нет причин для беспокойства.

— Зови низовиков.

— Эй, а ну выходи! — крикнул кто-то в куполе. Наружный люк открылся и уже не закрывался под напором человеческих тел. Купол быстро

провисал, теряя воздух.

Чья-то маленькая, как у ребенка, рука сжала кисть Эмилио. Он наклонил голову. Топотун. Вокруг собрались все низовики базы, испуганные светом и грубыми окриками.

— Ну что, все вышли? — спросил солдат.

— Все, — отозвался другой. Голоса звучали необычно. Зловеще. Внезапно остальные детали — дождь и свет, водяные блестки на доспехах — обрели откровенно пугающий смысл. Беда! Эмилио показалось, будто он шатается на краю бездонной пропасти. Солдаты засуетились, перехватили ружья на изготовку…

— Бей их! — закричал он что было мочи и бросился на шеренгу. Выстрел опалил его ногу; в следующий миг он отбросил ствол в сторону, рывком раздвинул чужие руки и толкнул защищенное панцирем тело. По спине Эмилио замолотили кулаки в жестких рукавицах, а он, не замечая боли, сорвал с поверженного солдата респиратор и обрушил на лицо град неистовых ударов. Грянул залп; рухнуло несколько человек. Пригоршней грязи — оружием Нижней — Эмилио залепил своему противнику лицевую пластину и отверстие для респиратора, затем нащупал и сдавил горло под кольцами доспеха.

Крики людей и визг низовиков терзали насыщенный влагой воздух. Над головой Эмилио хлопнуло, и солдат под ним затих. Нащупав в густой грязи его оружие, Эмилио откатился в сторону, глянул прямо в наведенный на него ствол и в самое последнее мгновение расплавил его выстрелом. Затем чей-то луч раскалил панцирь на груди десантника, и он зашатался, взвыв от боли. За спиной Эмилио, возле купола, затрещали выстрелы. Под крики низовиков он палил по каждому, на ком видел доспехи.

Несколько секунд спустя его залило светом. Эмилио снова откатился и выстрелил, не надеясь попасть. Но свет погас.

— Бежать! — заверещал над ним хиза. — Все бежать!

Эмилио попытался встать. Один хиза ухватил его за руку, другой бросился на подмогу, и вдвоем они потащили Эмилио под прикрытие купола, где уже пряталось несколько человек. Их обстреляли с холма — с тропинки, что вела к взлетно-посадочной площадке. К кораблю.

— Остановите их! — крикнул Эмилио тем, кто мог его слышать. — Отрежьте путь.

Припадая на раненую ногу, он пробежал метров десять. Рядом с шипеньем били в грязь пучки

энергии. Затем его обогнали колонисты с оружием и низовики.

— Там идти! — визгливо крикнул хиза. — Ты идти с я!

Эмилио упрямо тащился вперед и стрелял наугад, не обращая внимания на низовика, что силился увлечь его в заросли. Под ответным огнем десантников упал колонист, но вскоре вдоль опушки леса, огибавшего базу полукольцом, заговорили пистолеты, укладывая солдат одного за другим, а уцелевших снова обращая в бегство… Эмилио заковылял следом за ретирующимся противником. Десант скрылся за гребнем холма. Наверняка он вызвал подкрепление, а могучие корабельные пушки нацелились на тропу, чтобы смести колонистов с вершины, едва они там покажутся. Эмилио выругался и, опираясь на ружье, как на клюку, поспешил за колонистами, которые не остановились по его приказу.

— Пригнитесь! — крикнул он, представляя с ужасом, как разведчик взмывает над тысячами людей и хиза, сгрудившимися вокруг образов. Солдаты отступили на безопасное расстояние, они защищены доспехами, и стоит Эмилио и его людям подняться на холм…

Они поднялись. Сполохи залпа растерзали

мрак, и многие наступавшие рухнули как подкошенные. Сделав еще несколько шагов, Эмилио упал плашмя. Внизу пламя выстрелов почти непрерывно обрисовывало силуэты пушек, а на склоне плавилась почва и стекала в долину. Перед освещенным шлюзом корабля строились десантники; прикрывая их, огненные копья просекали воздух и впивались в кипящую землю. Вот-вот солдаты скроются за броней люка, затем корабль взлетит и испепелит беспомощных колонистов и туземцев… Уже ничего, совершенно ничего нельзя сделать.

На взлетно-посадочную площадку нахлынула тень. Десантники, стрелявшие из шлюза, заметив ее, должно быть, подняли тревогу… Некоторые солдаты у трапа повернулись к призрачной черной волне…

Эмилио открыл огонь им в спину. У него застыла кровь от страшной догадки, от ожидания чудовищной беды. Кое-как он поднялся на колени, не замечая вражеских лучей, что дырявили склон вокруг него, и целясь в отверстие люка. Черная волна перехлестнула своих павших, затопила шлюз… и тотчас обратилась в стремительное бегство.

В шлюзе расцвело пламя, выплеснулось, маз-

нуло по солдатам и нападавшим. Донесся грохот, воздушная волна оторвала Эмилио от земли. Он рухнул навзничь в грязь и больше не шевелился. Тишина… Бой кончен, только дождевые капли шлепаются в лужи.

Вокруг него прыгали, бегали и щебетали низовики. Надо было встать и спуститься на площадку, туда, где погибли его люди, бросившие взрывчатку в шлюз…

Вспыхнули бортовые огни, заработали двигатели, и новые пучки энергии обрушились на склон.

«Живы, подонки!» — от ярости Эмилио заскрежетал зубами, едва ощущая чужие руки, которые хватали его за плечи и бока и силились оттащить за гребень. Низовики подползали к нему со всех сторон, в их щебете звучала мольба.

Затем умолкли и двигатели, и пушки. Огни мигали, но было ясно: кораблю уже не оторваться от поверхности планеты. Из шлюза просачивался дым.

Эмилио приподнялся, и низовики воспользовались этим, чтобы обхватить его и потащить наверх. Его ноги безвольно волочились по грязи. Чья-то узкая ладошка похлопала его по щеке.

— Ты хорошо, ты хорошо, — жалостливо произ-

нес над ухом Топотун.

Они спустились с холма. Низовики стаскивали в котловину убитых и раненых. Вскоре из зарослей начали поодиночке и группами выходить люди и хиза.

— Эмилио! — услышал он голос Милико. Вслед за ней к нему спешили мужчины и женщины — те, кто должны были ждать в святилище. Едва не обезумев от счастья, Эмилио собрал остатки сил, поднялся, бросился навстречу жене, схватил ее в объятья и крепко прижал к груди… Но спустя мгновение к нему вернулась горечь невозвратимой потери.

— Ито, — проговорила Милико, — и Эрнст. Это они взорвали шлюз.

— Нам не спастись, — сказал Эмилио. — С корабля вызовут большой отряд.

— Не волнуйся, мы включали ком. В лесу. Один сеанс… Один-единственный коротенький сеанс. В святилище — ком второй базы. Мы их предупредили. Они уходят.

Превозмогая слабость, Эмилио оторвался от жены и посмотрел в сторону гребня, заслонявшего корабль. Пламя дюз озарило небосвод, угрожающе рыкнули двигатели — экипажу было уже не до стрельбы, он думал только о спасении.

— Надо спешить, — сказала Милико, поддерживая мужа.

— Спешить, спешить, — подхватили хиза, окружавшие их.

Одни шагали сами, других — безмолвных — несли хиза. Сначала — через гребень, затем — по мокрым зарослям… все дальше и дальше в холмы. Эмилио брел, пока не потемнело в глазах. Он опустился на влажные папоротники, но тотчас дюжина сильных рук подняла его и понесла дальше, быстро-быстро. И наконец — пещера в холме, черный проем среди скальных выходов.

— Милико, — позвал он, испытывая иррациональный, атавистический страх при виде темного узкого лаза. Милико взяла его за запястье, повела за собой и отпустила, когда Эмилио обхватили тонкие мохнатые руки.

— Все будет хорошо, — прошептала ему на ухо Милико. — Мы все здесь поместимся. Не бойся.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1. «НОРВЕГИЯ»; 00:45 ОС; 12:45 ДС

Они отстали. «Австралия» повернула, «Тихий океан» сбился со следа. Беда миновала, и как только эта новость разлетелась из рубки по всем каналам связи, Сигни услышала дружный вздох облегчения.

— Не расслабляться! — крикнула она. — Контроль повреждений, займитесь делом.

Перед глазами у нее расплывались человеческие лица и аппаратура — возможно, по вине алкоголя, хотя Сигни сомневалась в этом. Ей казалось, что умопомрачительные маневры полностью выжали из нее хмель.

Урона «Норвегия» почти не понесла. Графф, которому принадлежало оперативное командование, ненадолго уступил свой пост Тершеду из дополнительной смены, чтобы самому взглянуть на телеметрические устройства. На его потном лице застыла гримаса глубочайшей сосредоточенности. Бортовая гравитация уже вышла из боевого синхронизма, и все наслаждались привычным стабильным весом.

Сигни поднялась и прислушалась к донесениям дальнего скана, проверяя свои рефлексы. Ноги держали вполне надежно. Она огляделась: вахтенные офицеры, косившиеся в ее сторону, тотчас вернулись к работе. Сигни откашлялась и нажала кнопку общего оповещения.

— Говорит Мэллори. Похоже, «Австралия» решила, что овчинка выделки не стоит. Она возвращаются к Мациану — громить Пелл. Это входит в план командования. Потом Флот отступит к Солнечной и Земле — это тоже входит в план. Он принесет туда войну. Вот так обстоят дела. Но я не желаю в этом участвовать. Если вы согласны подчиняться мне, то мы полетим своим курсом, будем воевать, как прежде. А хотите обратно к Мациану, так нет ничего проще. Выдайте меня, и он охотно вас простит. Он дорого даст за возможность разделаться со мной. Если среди вас наберется достаточно желающих, можете сторговаться с Мацианом, но сама я к нему не вернусь. И никто, кроме меня, не будет командовать «Норвегией», пока большинство из вас не решат иначе.

По всем каналам кома пронесся неясный шепот. Вскоре в нем появился отчетливый ритм:

«Сигни… Сиг-ни… Сиг-ни… Сиг-ни…»

Ритм перекинулся в рубку:

— Сиг-ни!

Вахта встала со своих мест. Стиснув зубы, Сигни обвела подчиненных взглядом и дала себе слово, что самообладание не изменит ей даже на этот раз. Эти люди принадлежали ей. И «Норвегии».

— Сесть! — рявкнула она. — Что вы себе позволяете?

Опасность еще не миновала — возможно, «Австралия» совершала отвлекающий маневр. Полагаться на скан не стоило — рейдероносцы летели слишком быстро, и местонахождение «Атлантики» с «Тихим океаном» было всего лишь предположительным. Кроме того, они могли выпустить рейдеры.

— Попробуем прыгнуть, — сказала Сигни. — Переждем в стороне.

Рейдеры «Норвегии» остались у Пелла. Если повезет, они продержатся какое-то время — Мациану, наверное, пока не до них. Главное, чтобы экипажам хватило выдержки, чтобы они верили: Сигни вернется за ними при первой же возможности. Обязательно вернется. Иначе нельзя — «Норвегии» позарез нужна защита рейдеров. Для них разумнее всего было бы отойти к предполагаемому укрытию рейдероносца. Ведь Сигни

никогда их не бросала. И Мациан знал об этом.

Изгнав из головы мысли о рейдерах, она вызвала лазарет.

— Как там Ди?

— Лучше некуда, — ответил грубоватый голос. — Пустите меня к себе.

— Ни за что на свете. — Сигни переключилась на один из кубриков: — Как самочувствие пленных? Кости целы?

— Целехоньки.

— Приведите ко мне обоих.

Она уютно расположилась на диване, посматривая на экраны и рассчитывая в уме местонахождение «Норвегии» относительно эклиптики Пелла. Чтобы обезопасить себя при прыжке, корабль отдалялся от нее на полусветовой скорости. Контроль за повреждениями сообщил о полной — до вакуума — декомпрессии пораженного отсека, сквозь пробоину в космическую стужу унеслось кое-что из корабельных внутренностей… К счастью, ничего серьезного. Никого не убило и не ранило, «Норвегия» не утратила способности прыгать. Все перевели дух.

Настало время уходить. Уже около часа по кораблям носятся вести о ее бунте — если они еще не дошли до Унии, то дойдут с минуты на

минуту. И тогда кораблю-одиночке поблизости от станции придется туго.

На пульте перед Сигни вспыхнула лампочка. Капитан развернулась вместе с диваном к пленникам, прошедшим в рубку со стороны кормы. У обоих руки были скованы за спиной — разумная мера предосторожности, очень уж тесны проходы между аппаратурой. Ни разу еще на мостик «Норвегии» не ступала чужая нога, но этот случай был особым, сейчас у Сигни гостили Джошуа Толли и Дэймон Константин.

— Приговоренным дана отсрочка, — усмехнулась она. — Вы это хотели узнать?

Видимо, они не поняли. Во всяком случае, оба смотрели на Сигни недоверчиво и с опаской.

— Мы сбежали из Флота. Дезертировали. И теперь идем куда глаза глядят. В Глубокий. Похоже, господин Константин, вы останетесь живы.

— Уверен, вы поступили так не из симпатии ко мне.

Сигни рассмеялась.

— Пожалуй, вы правы. Но, как видите, вам это на руку.

— Что произошло на Пелле?

— Ваши подданные уцелели. Помните наш разговор? Теперь Уния стоит перед выбором, не

правда ли? Спасать Пелл или гнаться за Мацианом по горячим следам. А мы на ее решение повлиять не можем, потому что драпаем.

— Помогите им, — попросил Константин. — Ради бога, помогите Пеллу. Подождите.

Снова Сигни невесело рассмеялась; глядя в исхудалое лицо Дэймона.

— Константин, ну чем мы можем помочь? Беженцев «Норвегия» не возьмет — не приспособлена. Высадить вас под носом у Мациана или униатов? Попросите чего полегче. Глазом моргнуть не успеем, как нас распылят.

«А ведь можно попробовать, — подумала она. — Когда вернемся за рейдерами…»

— Мэллори! — Джош приблизился к ней, насколько позволили конвоиры. Он попытался вырваться, и Сигни дала солдатам знак отпустить его. — Мэллори, есть еще один вариант. Переходи на сторону Унии, слышишь? Неподалеку отсюда есть корабль. Он называется «Молот». Ты можешь искупить свои грехи. Помочь… и за это получить амнистию.

Константин изумленно посмотрел на Джоша, затем на нее.

— Он знает? — спросила Сигни Джоша.

— Нет. Переходи, Мэллори. Ну, подумай, сколь-

ко ты еще продержишься? Далеко ли сумеешь уйти?

— Графф, — медленно произнесла она. — Графф, мы возвращаемся за рейдерами. Рассчитай прыжок. Как только Мациан выйдет из системы, мы наперерез его курсу подскочим к Пеллу, даже, возможно, успеем высадить нашего славного Константина. Пускай попытает счастья… Если повезет, выберется на фрахтере.

Константин сглотнул, энергично двинув кадыком, и сжал губы так, что рот превратился в тонюсенькую линию.

— А вам известно, что ваш приятель — униат? — спросила Сигни. — Причем не в прошлом, а в настоящем. Агент Унии. Спецслужба. Наверное, знает много такого, что и нам с вами очень полезно знать в нынешней ситуации. Какие убежища провалены, где нас может ждать засада…

— Мэллори! — взмолился Джош.

— Графф, — произнесла она, прикрыв глаза. — Кажется, этот униат дело говорит. Скажи, я пьяна, или он действительно прав?

— Они нас прикончат, — буркнул Графф.

— Мациан тоже, — возразила она. — Он уходит. К Солнечной. Чтобы зализать раны и поднакопить сил. Флот — уже не боевое соединение, а

шайка разбойников и мародеров… Она ищет добычу, чтобы продлить свое существование. Мы делаем то же самое и по той же причине. Нас это не очень устраивает, правда, Графф?

— Да, — подтвердил Графф. — Не очень.

Сигни вновь оглянулась на Джоша, затем на Константина, чье лицо осветилось страстной надеждой. Фыркнув, Сигни повернулась к Граффу, сидевшему за пилотским пультом.

— Курс на униатского наблюдателя. Он выскочит из зоны сканирования, как только почует наше приближение. Поэтому надо с ним связаться. Попробуем выяснить, каково служить на униатском флоте.

— Надо рвануть к ним прямиком, но на полпути притормозить, — негромко сказал помощник. Он был прав — космос широк, но в нем существует вероятность столкновения, и она будет тем выше, чем ближе подойдет «Норвегия» к вектору Пелл — «Молот».

— Рискнем, — улыбнулась Сигни. — Идем на хвостовых. — Она глянула на Джоша и со всей горечью, какую испытывала в тот миг, добавила: — Поиграю в твою игру, но по своим правилам. Знаешь пароли наблюдателя?

— В моей памяти полным-полно дыр.

— Вспомни хотя бы один.

— Попробуй назвать мое имя, — предложил Джош, — и Габриэля.

— Действуй, — велела Сигни Граффу, а затем долго и задумчиво смотрела на стоящих перед ней пленников. — Вы свободны, — сказала она наконец и обратилась к конвоирам: — Вы тоже можете идти.

Солдаты пошли к выходу. Развернув диван вполоборота, Сигни скользнула взглядом по экранам и посмотрела назад, на униата и станционера, не отошедших от консоли ни на шаг.

— Найдите себе безопасное место. Сейчас заложим вираж… а потом, наверное, будет еще хуже.

2. ПЕЛЛ: СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС, НОМЕР 0475; 01:00 ОС; 13:00 ДС

Время от времени у них возникало ощущение полета. В коридоре кое-кто стонал от страха, но хиза, сгрудившиеся возле Солнце-Ее-Друг, делали все от них зависящее, чтобы Спящая могла помочь Нижней, по крайней мере чтобы она не погибла сама. Даже Великое Солнце было потрясено настолько, что спотыкалось на своей тропе, даже звезды над ложем дрожали от страха.

— Нет бояться, — шептала старая Лили, водя

ладонью по лбу Спящей. — Нет бояться. Видеть сны мы безопасно, безопасно.

— Лили, включи звук, — попросила Спящая, с неизменным спокойствием глядя на подругу. — Где Атласка?

— Я здесь. — Атласка протолкалась поближе к Спящей. Из кома посыпались человеческие вопли и визг. Кто-то сорванным голосом выкрикивал команды, тщетно пытаясь навести порядок.

— Это центральная, — сказала Спящая. — Слушай, Атласка… Все слушайте. Они убили Джона… разгромили контрольный центр. Они идут… Люди Унии, человеки-ружья. Их очень много, понимаете?

— Не пройти здесь! — решительно заявила Лили.

— Атласка, — промолвила Спящая, глядя на дрожащие звезды, — я опишу тебе дорогу. Все повороты, все закоулки. Надо запомнить. Ты сможешь запомнить все-все?

— Я — рассказчица! — с жаром ответила Атласка. — Я хорошо запомнить, Солнце-Ее-Друг.

Внимая Спящей, она холодела от страха, но память ее впитывала каждое слово, а воображение ярко и со всеми подробностями рисовало коридоры, туннели и лестницы.

В конце концов Спящая отпустила ее:

— Ступай.

Вскочив, Атласка позвала Синезуба и остальных — всех хиза, кто мог услышать ее голос, — и повела за собой.

3. «НОРВЕГИЯ»; 01:30 ОС; 13:30 ДС

Затрещал ком; на экране дальнего скана, секунду назад пустом, появилась целая стая ярких пятен. «Норвегия» плотнее прижалась к дуге расчетного курса. Сигни, лежавшую на диване, притиснуло боком к пульту; во рту появился привкус крови. В проходе, на полпути к двери, что было сил вцепились в скобы Толли и Константин. Спустя мгновение они сорвались и заскользили по палубе.

— Говорит «Норвегия». Говорит «Норвегия». Униаты, не стреляйте. Не стреляйте. Если вам нужен Пелл, следуйте за мной.

Наступила неизбежная пауза — сигнал шел к противнику.

— Мы вас слушаем.

Слова — но не выстрелы!

— Это Мэллори с «Норвегии». Я готова перейти к вам, слышите? Идите за мной на приличной дистанции. Я проведу вас в систему Пелла. Мациан

намерен взорвать станцию и бежать на Солнечную. Операция уже началась. У меня на борту ваш агент Джошуа Толли и молодой Константин. Промедлите — потеряете станцию. Откажетесь от моей помощи — ваш противник получит базу на Земле.

Несколько минут другая сторона хранила гробовое молчание. Освещенная консоль боекомпа гудела в ожидании схватки.

— Это Азов с «Единства». «Норвегия», что вы предлагаете? И почему мы должны вам верить?

— Мы дезертировали. Вы об этом наверняка уже слышали. Я проведу вас в наш тыл. «Единство» и все остальные униаты, идите в большом отрыве от меня. Мациан не намерен давать бой ни здесь, ни где-либо поблизости. Не может себе этого позволить, ясно?

На этот раз тишина продлилась еще дольше.

— Мы под прицелом, — сообщил оп скана.

— Как можно круче вираж, Графф.

«Норвегия» скользила по краю гибели. На мостике протестующе полыхали красные лампы датчиков перегрузки, сжималась человеческая плоть, бешено колотились сердца, тряслись руки на клавиатурах. Пока замки боевого синхронизма сражалась с инерцией, опытный экипаж стойко

переносил затянувшуюся пытку. На предельной скорости «Норвегия» спокойно и уверенно описывала дугу, казавшуюся бесконечной. Сигни знала наверняка: униаты идут за нею след в след, выжимая из двигателей максимальную тягу… мечтая уничтожить Мациана или хотя бы Мэллори.

— Скан предупреждает: возможно столкновение, — доложил ей и Граффу спокойный голос.

Дальний скан покрылся золотистыми и зелеными крапинками, показывающими расположение кораблей, как его запомнил комп. Ближнерейсовики. Ком ловил их переговоры, вернее, визгливую перебранку; с каждой минутой в ней все явственней слышалась паника.

Графф проложил курс между ними. «Норвегия» ринулась в щель по рассчитанной компом прямой, затем красный луч ее новой траектории опять нацелился на Пелл. Униаты ринулись следом, и хотя ни один из них не задел медлительных, как черепаха, торговых кораблей, Сигни услышала дружный вой насмерть перепуганных купцов.

«НОРВЕГИЯ»… «НОРВЕГИЯ»… «НОРВЕГИЯ»… — торопливо посылал в эфир ее ком, и если рейдеры Сигни уцелели, они должны были поспешить на этот призыв.

Зеленые и золотистые крапинки сменились почти непроницаемым красным туманом. Ком протестующе завыл — «Норвегия» приближалась к станции слишком быстро, и фрахтеры, конечно, не успели разбежаться с ее пути. К тому же корабли Мациана покинули доки. «Европа», «Индия», «Атлантика», «Африка», «Тихий океан»…

— Где «Австралия»? — крикнула Сигни Граффу, не получив опознавательного сигнала Эджера. — Будь осторожен.

Графф, должно быть, услышал, но ему было не до разговоров. Флот сбился в стаю и шел на «Норвегию» в лоб. Все рейдеры состыкованы — рейдероносцы готовы к прыжку. «И на том спасибо!» — мелькнуло в голове у Сигни.

— Мэллори! — взревел ком голосом Мациана. Графф тоже услышал и бросил «Норвегию» в тошнотворный вираж; гравитация взбесившимся псом набросилась на людей, а боекомп, не теряя ни секунды, взял новую цель. «Норвегия» дала залп по «Европе» и получила сдачи; от удара запел корпус. Внезапно огонь противника перенесся за корму: изголодавшиеся по целям униаты ринулись наперерез Мациану, чтобы остановить его любой ценой, даже ценой собственной жизни.

— Выходим! — приказала Сигни по шлемокому,

не видя никакой выгоды для себя в этой драке, и «Норвегия» круто повернула нос. Впереди висели Пелл и Нижняя — рукой подать, если летишь на околосветовой…

Завывали сирены. «Норвегия» сворачивала. Комп снова и снова прокладывал смертельно опасную дугу курса.

В нижней части экрана появилось летящее навстречу пятно. «Норвегия» не уходила — не могла уйти — со своего курса. На ее пультах ярились красные лампы, верещали сирены. Столкновение казалось неизбежным.

Внезапно пятно на скане рассыпалось на точки — к «Норвегии», построившись в круг, летели ее рейдеры.

«НОРВЕГИЯ»… «НОРВЕГИЯ»… «НОРВЕГИЯ»… — вспыхивало на экране компа.

— Держись! — крикнула Сигни Граффу, перекрывая гул голосов на мостике. Комп, управляющий маневром, подстегнул двигатели, и корабль припустил быстрее, надрываясь от сверхперегрузки. Люди на его борту корчились от чудовищной боли. Пять или шесть секунд длился этот неописуемый кошмар, затем «Норвегии» пришлось резко затормозить — сквозь игольное ушко рейдеров на нее в лоб понеслась «Австра-

лия». Своих рейдеров у «Австралии» не было… А может, и были, но она их не выпустила.

— Заградительный огонь! — скомандовала Сигни, глотая кровь из прокушенной губы. Панически заполыхали экраны, экипаж рейдероносца приготовился встретить смерть… При такой огромной скорости кораблю не сойти с курса, а если слишком резко сбросить ее, в «Норвегию» вцепится тяготение планеты. Остается лететь по дуге, надеясь не врезаться в Нижнюю, «Австралию» или один из собственных рейдеров. Шансов примерно пятьдесят на пятьдесят…

Повинуясь команде Граффа, «Норвегия» резко клюнула носом; верхние батареи дали залп. Магнитный удар свел с ума бортовые приборы, корпус корабля содрогнулся и застонал.

— Где она? — крикнул Графф скантеху. Сигни вновь прикусила губу и поморщилась от боли. Скан затянуло золотистым маревом. Вероятно, «Австралия» выбросила мусор, а может, и впрямь взорвалась… Как бы то ни было, Сигни не отменила приказа. «Норвегия» по-прежнему сбрасывала скорость…

— Ушла от Пелла, — поступил доклад с рейдера, — и потеряла плоскость. Похоже, Эджер потерял плоскость.

Так ли это, выяснить было нельзя — «Австралия» уже появилась на дальнем скане. Выходит, она действительно сбросила хлам…

— Построиться, — скомандовала Сигни рейдерам с таким облегчением, словно отрастила еще четыре руки. Если Эджер в самом деле потерял плоскость, он, при всей своей мстительности, не решится на новую атаку.

— Они разгоняются для прыжка! — вскричал ком незнакомым голосом с чужим акцентом. Голосом униата.

И в этот миг желудок Сигни сковало холодом. Ничего уже не воротишь. «Надо все доводить до конца, — учил Мациан, сколько она его помнила. — Никаких полумер».

Она откинулась на спинку дивана. На борту «Норвегии» царило безмолвие.

4. ПЕЛЛ: СИНЯЯ СЕКЦИЯ, ПЕРВЫЙ ЯРУС, НОМЕР 0475

Осталась одна Лили. Взгляд Алисии Лукас-Константин прошелся по стенам и остановился на небольшом пульте, утопленном в пластиковой белизне кровати. Автономное питание, две лампочки: красная и зеленая. Сейчас горела красная. Экранчик возле нее показывал цифру 414.

Подача энергии — под угрозой. Вероятно, Лили об этом не знает. Она научилась управлять машинами, но не имеет ни малейшего представления о том, что происходит у них внутри. Глаза старой низовки все так же спокойны, рука, гладящая Алисию по голове, все так же ласкова. Сочувствие старой туземки — все, что осталось у Спящей.

Наследие Анджело — механические создания вокруг Алисии — оказались такими же живучими, как и ее мозг. По-прежнему экраны обменивались изображениями, по-прежнему насосы качали кровь по венам Алисии.

На маленьком пульте была еще кнопка выключателя. Если попросить. Лили нажмет ее, ни о чем не подозревая. Но это слишком жестоко, ведь Лили так верит в нее.

Алисия молчала.

5. «НОРВЕГИЯ»

Дэймон, пошатываясь от головокружения, двинулся к Мэллори мимо пультов и техов. Ему досталось, похоже, сильнее всех на мостике «Норвегии»: на руке — ссадина, болит шея. Сигни, сидевшая за командирским пультом, повела в его сторону ледяным взглядом, затем развернулась к нему вместе с диваном и едва заметно кивнула.

— Ну что ж, вы получили, чего хотели. Уния — в нашем тылу. Теперь ей незачем выслеживать Мациана, она точно знает, куда он направился. Держу пари, униаты намерены оборудовать на Пелле свою базу, так что не сомневайтесь, господин Константин: они спасут вашу станцию. А для нас теперь самое время сматывать удочки.

— Вы обещали отпустить меня, — негромко напомнил Дэймон.

Ее глаза потемнели.

— Не слишком обольщайтесь. Может быть, я посажу вас и вашего униатского дружка на какой-нибудь фрахтер, если сочту это выгодным. Если сочту выгодным, понятно?

— Мой дом… — произнес он, подыскивая аргументы. Но голос дрожал, разрушая логические построения. — Моя станция… Я обязан вернуться.

— Никуда вы не обязаны возвращаться, господин Константин.

— Дайте мне с ними поговорить. Может, я склоню Унию к перемирию, и мы сможем подойти… Я знаю всю станционную аппаратуру, могу наладить машины в контрольном центре. Техи… наверное, погибли. Ведь они погибли, да?

Она отвела взгляд, развернула диван и скло-

нилась над клавиатурой. Умерив гнев, Дэймон наклонился и оперся рукой на подлокотник дивана, — Сигни уже не могла делать вид, будто не замечает его. К ней приблизился десантник и застыл в ожидании приказа.

— Капитан, вы уже сделали очень много. Я вас прошу… Вы — офицер Компании. В прошлом. В последний раз… В последний, капитан. Отвезите меня на Пелл. Я добьюсь, чтобы вас отпустили беспрепятственно. Клянусь.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Сигни пошевелилась.

— Вы предпочитаете позорное бегство? — спросил Дэймон. — Или все-таки достойный уход?

Она повернулась, и Дэймон с трудом выдержал ее взгляд.

— По-вашему, это увеселительная прогулка?

— Отвезите меня обратно, — повторил он. — Пока не поздно. Сейчас или никогда. Очень скоро нужда во мне отпадет и я смогу только пожалеть, что остался жив.

Сигни сжала губы и просидела несколько секунд неподвижно, как статуя, пристально глядя на него.

— Ладно, попробую. Но не ждите от меня слишком многого. Если они воспользуются этим

вашим перемирием, чтобы… — Она опустила ладонь на обтянутый кожей подлокотник. — Это — мое. Этот корабль — мой, понимаете? Все эти люди… Я служила Компании. И они. И вряд ли Уния согласится отпустить нас на все четыре стороны. То, о чем вы просите, может привести к сражению возле вашей драгоценной станции. Уния охотится на «Норвегию», лезет из кожи вон, чтобы разделаться с нами… потому что знает о наших планах. Станционер, я не хочу лезть в петлю. Я не войду в док Пелла. Никогда. И никто из наших не войдет. Безопасных портов не осталось. Графф, рассчитай скрытный курс до Пелла.

Дэймон выпрямился. Из динамика кома доносились голоса. «Норвегия» сообщала униатскому флоту, что идет к станции. Униаты, похоже, не возражали.

Сзади к плечу Дэймона прикоснулась чья-то рука. Он оглянулся на Джоша.

— Извини, — сказал Джош.

Дэймон кивнул. Он не таил зла, ведь Джошу не приходилось выбирать.

— Да, вы им нужны, — сказала Мэллори Дэймону. — Мы договорились о выдаче.

— Я готов.

— Глупец, — процедила Мэллори. — Неужели

вы надеетесь, что вам не промоют мозги?

Дэймон подумал об этом. Вспомнил, как Джош сидел перед ним за столом и просил бланки, чтобы закончить начатую на Расселе процедуру. Через это можно пройти. Джош прошел.

— Я готов, — повторил он.

Мэллори нахмурилась.

— Что ж, поступайте, как вам подсказывает рассудок, — сказала она, — пока он способен вам что-то подсказывать. — И — в микрофон: — Это Мэллори. Капитан, мы предпочитаем остаться в стороне. Мне не нравятся ваши условия.

Наступила тишина — униаты не спешили с ответом. На скане показался Пелл, над ним, словно канюки над падалью, кружили корабли. Один, похоже, уже причалил. Дальний скан показывал рассеянные возле шахт золотистые и красные пятнышки — ближнерейсовики; вдали, на самом краю поля, одиноко мерцал образ, оставшийся только в памяти компа. Пятнышки не двигались, если не считать четырех самых близких — они подбирались к «Норвегии» с разных сторон. Внезапно они сбросили скорость и легли в дрейф.

— Это Азов с «Единства», — заговорил ком. — Капитан Мэллори, можете войти в док и высадить пассажира. Народ Унии разрешает вам стыковку

с Пеллом и благодарит за ценную услугу. Предлагаем службу на флоте Унии. Если согласитесь, мы оставим вам оружие и личный состав. Прием.

— Это Мэллори. Какие гарантии вы дадите моему пассажиру?

К ней наклонился Графф, подняв указательный палец. Что-то лязгнуло о борт «Норвегии». Дэймон рассеянно посмотрел на скан.

— Стыковка, — шепнул ему Джош. — Мэллори собирает рейдеры. Как только закончит, разгонится для прыжка…

— Капитан Мэллори, — заговорил Азов, — у меня на борту представитель Компании. Он приказывает вам принять наши условия.

— Эйрис? — удивилась она. — Пошел он к дьяволу со своими приказами. Азов, за свою услугу я требую права стоянки в портах Унии и чистые документы. Иначе мой драгоценный пассажир отправится на прогулку за борт.

— Эти нюансы можно обсудить позже. На Пелле сложилась катастрофическая ситуация, могут погибнуть люди.

— У вас есть опытные комптехи. Неужели они не способны наладить аппаратуру?

Новая пауза.

— Капитан, вы получите все, что хотите, в том

числе и чистые документы, только будьте любезны войти в док под нашей охраной. На станции возникли осложнения… организован саботаж. Туземцы требуют Константина.

— Низовики! — воскликнул Дэймон, с ужасом вообразив хиза под прицелом униатских ружей.

— Капитан Азов, уберите ваши корабли подальше от станции. «Единство» может остаться в доке. Я войду с противоположной стороны, а вы позаботьтесь, чтобы ваши подчиненные не своевольничали. Если кто-нибудь зайдет мне в хвост, я расстреляю его без предупреждения.

— Согласен, — ответил Азов.

— Безумие, — пробормотал Графф. — Ну что за выгода нам от всего этого? И с каких это пор униатам стало можно верить?

Мэллори промолчала.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1. ПЕЛЛ: БЕЛЫЙ ДОК; 9.1.53; 04:00 ОС; 16:00 ДС

Вместо докеров их обслуживали униатские солдаты в зеленых робах — зрелище неестественное, а для Пелла еще и непривычное. Дэймон спустился по трапу вслед за одетыми в доспехи десантниками с «Норвегии»; точно такие же десантники охраняли подступы к «пуповине». На порядочном удалении от них, вдоль стены дока, выстроились чужие десантники в доспехах — униаты. Пройдя сквозь оцепление, Дэймон направился к ним по заваленному всяким хламом полу. Услышав за спиной возглас, он оглянулся.

Джош!

— Меня послала Мэллори, — сообщил Джош, догнав его. — Ты не против?

Дэймон кивнул, несказанно обрадованный тем, что он теперь не один. Джош достал из кармана рулончик пленки.

— Компьютерные ключи. Она сказала, могут пригодиться.

Дэймон спрятал пленку в карман коричневой робы матроса Компании. Впереди его поджи-

дал униатский эскорт — десантники в черных доспехах, украшенных серебряными медалями. Подойдя к ним поближе, Дэймон поразился их красоте и сходству. Один к одному — как с конвейера.

— Кто они? — спросил он Джоша.

— Того же типа, что и я, — ответил он. — Но квалификационный уровень ниже.

Дэймон судорожно сглотнул. Униаты безмолвно обступили их и повели по доку на глазах у граждан Пелла, кучками стоявших тут и там. «Константин! — доносились до Дэймона тихие возгласы. — Константин!» Кое-кто смотрел на него с нескрываемой надеждой. В конце концов Дэймон опустил голову, понимая, как мало оснований для этой надежды.

Перед ним одна за другой открывались картины разгрома — целые секции без единой горящей лампы, везде испорчена канализация, в коридорах — трупы, откуда-то тянет гарью. Казалось, гравитационное поле обезумело, и один Бог ведал, что творится в ядре, в системе жизнеобеспечения. Очевидно, механизмы работали на пределе живучести — еще несколько поломок, и ремонт будет невозможней. Мозг Пелла — центр управления — отказал, теперь гибли ганглии и

связующие их нервные волокна. Если срочно не вылечить их, наступит клиническая смерть.

Они вошли в синюю секцию и, минуя шеренги униатских солдат, добрались до аварийной лестницы. Здесь тоже лежали мертвые; чтобы пробраться между ними, процессия была вынуждена растянуться гуськом. Долгое, утомительное восхождение к последнему ярусу, и вот наконец они в зале, где сидят за пультами десантники в доспехах, а другие десантники, запрокинув головы, стоят плечом к плечу. Выше Дэймона и Джоша не пустили. Командир эскорта свернул в сторону и повел их в коридор финансовой службы. Там тоже оказалась небольшая толпа солдат и офицеров. Один из них, с серебристой шевелюрой и большой коллекцией наград на груди, повернулся к вошедшим. С дрожью омерзения Дэймон узнал человека, стоявшего за спиной этого военного. Эйрис с Земли. А чуть дальше — Дэйин Джекоби.

Будь у Дэймона в руке пистолет, он пристрелил бы подонка, не колеблясь ни секунды. Но пистолета не было. Оставалось лишь сверлить Джекоби ненавидящим взглядом. А у того лицо пошло багровыми пятнами.

— Господин Константин? — спросил офицер.

— Капитан Азов? — догадался Дэймон.

Азов протянул руку. Дэймон неохотно пожал ее.

— Майор Толли? — сказал Азов, обмениваясь рукопожатиями с Джошем. — Рад вашему возвращению.

— Сэр, — прошептал Джош.

— Информация Мэллори заслуживает доверия? Мациан в самом деле ушел к Солнечной?

Джош кивнул.

— Вряд ли это уловка, сэр.

— Где Габриэль?

— Убит, сэр. Его застрелили мациановцы.

Азов мрачно покивал и снова посмотрел в глаза Дэймону.

— Вы уверены, что сможете восстановить порядок на станции?

— Попытаюсь, — пообещал Дэймон, — если пустите наверх.

— С этим придется подождать, — сказал Азов. — Прохода нет, туземцы наглухо заперли двери. Мы не знаем, что они там сломали и как намерены обороняться.

Медленно кивнув, Дэймон оглянулся на дверь перед крытой лестницей.

— Джош пойдет со мной, — потребовал он. —

Больше — никто. Можете пустить туда солдат, но только после того, как я договорюсь с низовиками. Если начнется пальба, вы потеряете станцию, а вам это сейчас не очень выгодно, верно?

— Да, — признал Азов. — Нам это не выгодно.

Дэймон направился к двери, Джош не отставал от него ни на шаг. За их спинами из мегафона посыпались команды, и десантники послушно покинули лестницу, освободив дорогу парламентерам.

Верхняя площадка была свободна, дверь на первый ярус синей — заперта. Дэймон сунул в паз карточку — безрезультатно. Зато удалось отпереть дверь вручную.

В главном и боковых коридорах вплотную друг к другу сидели низовики — сплошной бурый ковер. Завидев Дэймона, один из них вскочил как ужаленный.

— Константин-человек! — Как и многие его сородичи, он был изранен, ожоги сочились кровью. Хиза ринулись к Дэймону, окружили, и протягивали к нему тонкие руки, и дотрагивались, и тонкими голосами выкрикивали его имя. Он плыл в живом буром море, а Джош старался не отставать от него…

В контрольном центре низовиков было еще

больше, чем в коридорах, они сидели на полу, на пультах, везде, где только смогли примоститься. Добравшись до двери, Дэймон постучал по пластиковому окошку. Хиза подняли головы, устремили в его сторону тоскливые темные глаза… И вдруг эти глаза засветились от счастья. Низовики вскакивали и с дикими воплями бросались к двери. Но сквозь пластик в коридор не проникало ни звука.

— Откройте дверь! — попросил Дэймон. Они не могли его услышать, но увидели, как он показал на кнопку — дверь была заперта изнутри.

Один из них отомкнул замок, и Дэймон шагнул в проем, навстречу объятьям и ласковым прикосновениям. Кто-то стремительно подлетел к нему, стиснул тонкими пальцами его руку и прижал к мохнатой груди.

— Я-Атласка, — защебетала, радостно скалясь, хиза. — Я глаза тепло-тепло, Константин-человек.

С другой стороны к нему протолкался Синезуб — все такой же, с улыбкой до ушей. Дэймон прижал его к себе.

— Твоя мать иди говорить, — зачастил Синезуб. — Она хорошо, Константин-человек. Она говорить, дверь запереть и сидеть здесь, нет ухо-

дить. Послать искать Константин-человек. Здесь все хорошо. Она делать все хорошо на Верхняя.

Тронутый до глубины души, Дэймон осторожно пробрался между мохнатыми телами к центральному пульту. Перед ним на полу лежали убитые люди, в том числе Джон Лукас с простреленной головой. Опустившись в кресло, Дэймон достал из кармана рулончик пленки и задумался.

Подарок Мэллори. Для Пелла. Для Унии. Эта лента может таить в себе какую угодно ловушку. Например, последний сигнал для взрывных устройств.

Наконец он решился и, стерев с лица пот, вставил кончик ленты в паз. Машина послушно втянула ее в себя.

Цвета на экранах стали меняться, и вскоре возобладал зеленый. Хиза зашевелились. Дэймон поднял голову и увидел в темном стекле экранов отражения десантников, толпившихся у двери с оружием на изготовку. А перед ними спиной к Дэймону стоял Джош.

— Ни шагу дальше! — рявкнул Джош.

Солдаты остановились и опустили оружие — вероятно, их испугало выражение лица униатского гомункулуса, а может быть, его голос. Как бы то ни было, они подчинились беспрекословно.

Дэймон вернулся к работе, но вскоре не удержался, чтоб снова не посмотреть на экраны.

— Нужен комтех, — сказал он. — Но не любой. Надо выступить по каналам общей связи. Приведите сюда кого-нибудь с пелльским акцентом. Все будет в порядке. Мацияновцы частично уничтожили банки данных — стирали информацию. Но это не так уж страшно.

— Станционерам все равно, кому подчиняться, — тихо произнес Джош. — Разве не так?

— Нет.

Адреналин, на котором Дэймон держался до сих пор, уже не действовал. Руки тряслись. Повернув голову, он увидел, как за ком усаживается униатский тех.

— Нет, — повторил он, поднимаясь и направляясь к кому. Десантники взяли его на прицел.

— Отставить! — приказал Джош, и офицер в доспехах заколебался. Затем Джош и сам повернул голову и отступил. В дверях стоял Азов со свитой.

— Личное обращение, господин Константин?

— Я хочу вызвать ремонтников, — ответил Дэймон. — Они ответят только на знакомый голос.

— Не сомневаюсь, господин Константин. Но — нет. Не подходите к кому. Пусть этим занимаются наши техи.

— Сэр, — спокойно произнес Джош, — разрешите обратиться.

— По этому вопросу — нет, — отрезал Азов. — Напоминаю, господин Константин: вы работаете негласно.

Глубоко вздохнув, Дэймон вернулся к пульту и медленно сел. В центр управления входили все новые десантники. На пультах и у стен встревоженно щебетали хиза.

— Уберите отсюда этих… существ, — потребовал Азов.

— Граждан, — поправил Дэймон, поворачиваясь вместе с креслом к командующему униатским флотом. — Граждан Пелла.

— Кем бы они ни были, им здесь не место.

— Пелл, — заговорил ком голосом Мэллори, — готовьтесь. Я отчаливаю.

— Сэр… — оглянулся на Азова униатский комтех.

Азов жестом велел ему умолкнуть. Дэймон потянулся к кнопке тревоги, но сразу отдернул руку, увидев, как вскинулись ружья. Азов подошел к кому.

— Мэллори, я бы не советовал вам трогаться с места.

Последовала секундная пауза.

— Азов, — вкрадчиво произнесла Сигни, — когда-то мне казалось, что в Глубоком жульничество не в чести.

— Капитан Мэллори, вы теперь командир боевого корабля униатского флота и обязаны подчиняться моим приказам. Так вот: либо вы подчиняетесь, либо считаетесь мятежником.

Снова пауза — на этот раз изрядная. Азов нервно покусывал губу. Не выдержав, протянул руку и нажал несколько клавиш на пульте кома.

— Капитан Майс, «Норвегия» оказывает неповиновение. Подведите свои корабли поближе. — Затем — по каналу Мэллори: — Или вы немедленно подчинитесь, или останетесь без единого порта. Можете, конечно, оторваться и прыгнуть, но тем самым вы поставите себя вне закона. В территориальном космосе Унии вы будете целью номер один. Выбирайте: или вые Мацианом, или с нами против него.

— Под вашим командованием?

— Выбирайте, Мэллори: амнистия или удел затравленного зверя.

В ответ Сигни сухо рассмеялась.

— Долго ли я прокомандую «Норвегией», если пущу униатов к себе на борт? И долго ли проживут после этого мои офицеры и даже солдаты?

— Мэллори, думайте что хотите. Соглашайтесь или отказывайтесь.

— Вспомните свои обещания, — посоветовала Сигни.

— Станция Пелл, — вмешался вдруг не знакомый Дэймону голос. — Это «Молот». У нас контакт. Станция Пелл, вы слышите?

Затем — другой голос:

— Станция Пелл, это Торговый Альянс. Говорит Квин с «Эстели». Мы идем к вам.

Дэймон глянул на экран компа, быстро заполняющийся новыми данными, и увидел посланный два часа назад, но только сейчас долетевший до станции сигнал. Элен! Живая! И с торговцами!

Он решительно направился к кому, и даже стволу, упершемуся в живот, не удалось его остановить. Дэймона запросто могли пристрелить — ведь самое главное он уже сделал. Он оглянулся на Джоша. Вероятно, все это время Элен не отходила от кома. Четыре часа назад Пелл начал рассылать сигналы бедствия, а два часа назад Элен вернулась в зону действия его дальнего скана. Сейчас она задаст вопрос и если не услышит знакомых голосов, то наверняка повернет.

Один из униатов посмотрел на скан, затем и остальные, встревоженные выражением его

лица. Только что на экране мерцал один-единственный образ, и вдруг скан выхватывает из пустоты целое облако, поток, рой, неисчислимую орду фрахтеров, надвигающуюся на Пелл. Дэймон привалился к пульту животом и стал ждать, не отрывая глаз от экрана. По его лицу расползалась улыбка.

— Они вооружены, — сказал он Азову. — Капитан, это дальнерейсовики, и они вооружены.

Лицо Азова окаменело. Он схватил микрофон и нажал кнопку передачи.

— Это Азов, капитан флагмана «Единство», командующий флотом Унии. Пелл находится в зоне боевых действий. Приближаться не советую, это небезопасно. Ваши корабли будут встречены огнем.

Замигала лампочка тревоги, за ней другая, и спустя несколько секунд по всему контрольному центру рассыпались красные огоньки.

Дэймон смотрел на них и чувствовал, как ускоряется биение его сердца. Десантник возле кома застыл в оцепенении, и Дэймон решился.

— «Норвегия»! — крикнул он, ударив по переключателю каналов. — Оставайтесь на месте. Это Константин. Оставайтесь на месте.

— Центр Пелла, доводим до вашего сведения,

что боевые корабли разделают ваших торговцев под орех и не посмотрят, что они вооружены. Но если купцам нужна помощь профессионалов, пусть они обратятся к нам.

— Повторяю, — раздался искаженный расстоянием голос Элен. — Мы идем к докам. Ваше предупреждение получено. Торговый Альянс требует немедленно освободить Пелл и прекратить посягательства на его нейтралитет. Мы уверены, что это требование будет выполнено. Предлагаем немедленно начать переговоры… В противном случае каждый фрахтер Альянса покинет территориальный космос Унии и уйдет к Земле. Мы сомневаемся, что такой вариант устраивает кого бы то ни было из участников конфликта.

Наступило молчание, оно затянулось на добрую минуту. Азов глядел на экран, где образы кораблей множились, как бациллы чумы. «Молот» уже не отличался от остальных фрахтеров, затерялся среди красноватых блесток.

— Нам есть что обсудить, — сказал Азов.

Дэймон набрал полную грудь воздуха и медленно выпустил его.

2. ПЕЛЛ: КРАСНЫЙ ДОК; 9.1.53; 05:30 ОС; 17:30 ДС

В сопровождении вооруженных торговцев, старавшихся загородить ее со всех сторон своими телами, Элен спустилась в просторный док, где возле шеренги униатов ее дожидались Дэймон и Джош. Беременность не позволяла ей идти быстро, и Дэймон, не вытерпев, пошел навстречу, опасаясь выстрелов с обеих сторон. Настороженные охранники тотчас взяли его на прицел, и он остановился на открытом месте.

В этот миг Элен увидела его, и просияла, и дала команду свите. Кольцо телохранителей разорвалось, пропуская Дэймона к жене.

Она вернулась. Сошла с зыбкой палубы корабля на устойчивый, как земная твердь, пол станции. Привела своих. Тревога и сомнения, таившиеся в закоулках мозга, исчезли, едва Дэймон увидел ее лицо. Они обнялись — так крепко, что Дэймон испугался за ребенка. Они стояли в блеске металла, в окружении целой орды вооруженных купцов, и Дэймон наслаждался ее запахом, ее реальностью, и покрывал ее лицо поцелуями, понимая, что у них нет времени поговорить, расспросить друг друга… Нет времени ни на что.

— Пришлось дать порядочный крюк, чтобы вернуться, — прошептала она.

Он тихо рассмеялся.

— Знаешь, что здесь случилось?

— Кое-что знаю, может, почти все. Мы ждали в Глубоком… пока не осталось выбора. — Она содрогнулась всем телом и снова прижалась к мужу. — Решили уже, что все пропало. Но Мациан вдруг ушел, и мы бросились сюда. Дэймон, униаты здорово влипли. Им необходимо идти на Солнечную, а терять корабли в стычках с нами — непозволительная роскошь.

— Скорее всего, ты права, — кивнул он. — Но не уходи из этого дока. Что бы тебе ни обещали, что бы ни предлагали, стой на своем: переговоры ведутся в доке, и баста. Никаких кабинетов. Азов дорого бы дал за возможность изолировать тебя от торговцев. Не верь ему.

— Ясно. Не бойся, Дэймон, я не дам ему спуску. Буду гнуть линию купцов. В нынешней ситуации нам нужен нейтральный порт, и Пелл вполне подходит. Мне кажется, Пелл тоже не станет возражать.

— Да, — подтвердил Дэймон, — не станет. Но прежде всего он займется уборкой.

Впервые за десять или пятнадцать минут он

нормально вздохнул, а затем посмотрел в том направлении, куда указывал взгляд жены — на Азова и Джоша, ожидавших перед шеренгами десантников.

— Возьми с собой дюжину людей, остальные пускай стерегут «пуповину». Пойдем посмотрим, можно ли чем-нибудь пронять Азова.

— Корабль «Молот», — мягко, но решительно произнесла Элен, одной рукой опираясь на стол, поставленный посреди дока, — придется возвратить семье Ольвигов. «Лебяжье перо» тоже извольте вернуть владельцам. И остальные торговые корабли, реквизированные для военных нужд Унии. Особенно нас возмутил захват и метод использования «Женевьевы». Вы можете возразить, что не уполномочены выполнять подобные требования. Однако принимать решения, исходя из политической целесообразности, командующий флотом имеет право. Поэтому, сэр, вы освободите корабли своей властью. Иначе — эмбарго.

— Ваша организация не признана Унией, — возразил Азов.

— А уж этот вопрос, — вмешался Дэймон, — предоставьте решать правительству Унии. Пелл признает Торговый Альянс и считает его де-

легацию полномочной, а Пелл, капитан, это независимое государство, согласно договору предоставляющее вам свои доки. Но мы можем и расторгнуть договор, хотя не видим в этом никакой выгоды, ведь у нас с вами общий враг… Допустим, вы оккупируете Пелл, но в этом случае вы надолго увязнете на нем. Едва ли вы заинтересованы в этом.

Офицеры, сидевшие напротив Дэймона, дружно нахмурились.

— Мы заинтересованы в том, — произнес Азов, — чтобы эта станция не превратилась в оплот Мациана. Без нашей защиты, господин Константин, вы недолго продержитесь, как бы ни бахвалились.

— У нас общий враг, — холодно повторил Дэймон. — Обещаю вам, что Пелл не пустит в свои доки ни один мацианoвский корабль. Они вне закона.

— Мы оказали вам услугу, — сказала Элен Азову. — Наши фрахтеры уже летят к Солнечной, и один из них наверняка опередит Мациана. Ненамного, но опередит. Солнечная успеет подготовить встречу.

С лица Азова исчезло напряженное выражение. Губы посланника Эйриса, сидевшего рядом с ним,

растянулись в улыбке, а на глазах заблестели слезы.

— Благодарю вас! — с чувством произнес Эйрис. — Капитан Азов, я бы предложил… закончить переговоры и действовать.

— Пожалуй, вы правы. — Азов отодвинулся от стола вместе с креслом. — Станция вне опасности. Здесь наше дело сделано. Время не ждет. Если Земля готовит преступникам теплую встречу, с нашей стороны будет весьма разумно ударить по ним с тыла.

— Пелл, — спокойно пообещал Дэймон, — охотно поможет вам расстыковаться. Что же касается присвоенных вами купеческих кораблей… Чем быстрее они придут сюда, тем будет лучше.

— Придут. На них наши экипажи.

— Заберите свои экипажи. Эти корабли — собственность торговцев, и они останутся здесь. Как и Джош Толли. Он — гражданин Пелла.

— Нет. Своего человека я вам не отдам.

— Джош, — Дэймон отыскал взглядом Джоша, стоявшего среди униатских солдат — только на их фоне он не бросался в глаза. — Что скажешь?

Джош молча посмотрел мимо Дэймона, вероятно, на Азова, затем опустил голову.

— Заберите своих десантников и улетай-

те, — велел Дэймон Азову. — Если Джош решит остаться, значит, так и будет. Отныне вы будете входить в наши доки только с разрешения управляющего станцией. Думаю, вам не откажут. Если вы действительно дорожите временем, советую согласиться на эти условия.

Азов поморщился, но все-таки махнул рукой командиру своего эскорта, и тот приказал десантникам построиться. Они направились к закругленной внешней стене синего дока, где стояло «Единство».

А Джош остался. Один. Приблизившись, Элен неловко обняла его, а Дэймон похлопал по плечу.

— Побудь здесь, — попросил Дэймон жену. — Мне надо расстыковать униатский корабль. Джош, пойдем.

— Позаботьтесь о Нейхартах, — сказала Элен торговцам, стоявшим рядом с ней. — Чтобы никто не помешал им дойти до контрольного центра.

Дэймон, Джош и торговцы двинулись следом за униатскими десантниками, свернули в сквозной коридор и пустились бегом мимо отворенных дверей, мимо изумленных резидентов, толпящихся в проемах. Некоторые кричали и размахивали руками, встречая ликованием эту последнюю,

торговую, оккупацию. «Наши! — завопил кто-то. — Это наши!»

На спиральной аварийной лестнице их дожидались низовики; вся лестница содрогалась от их прыжков и восторженного визга; доносились и крики людей — радостная весть летела с яруса на ярус. Дэймону встретилось несколько униатов — они спускались, получив по шлемокомам приказ вернуться на борт. Чувствовали они себя весьма неуверенно.

И вот наконец первый ярус синей. Низовики уже заполнили центральную, они ухмылялись, поджидая людей у раскрытых во всю ширь дверей.

— Вы други! — воскликнул Синезуб. — Вы други все?

— Все в порядке, — поспешил успокоить его Дэймон и сквозь толпу нетерпеливо приплясывающих коричневых существ пробрался к главному пульту. Усевшись, он оглянулся на Джоша и торговцев. — Кто-нибудь из вас знаком с этой техникой?

Джош опустился в соседнее кресло. Один из Нейхартов расположился за комом, его родственник — за вторым компом. Дэймон подключился к кому.

— «Норвегия», — проговорил он, — разрешаю вам отчалить первой. Уверен, что вы уйдете без эксцессов. Нам с вами осложнения ни к чему.

— Благодарю вас, Пелл, — сухо ответила Мэллори. — Мне это нравится.

— Ну, так поторопитесь. Пусть вас расстыкуют ваши десантники. Когда здесь все уляжется, можете вернуться и снова высадить их. Согласны? Мы их не тронем.

— Станция Пелл, — вмешался голос Азова, — вы обещали не давать стоянки мацияновцам. Этот корабль — наш.

Дэймон улыбнулся.

— Нет, капитан Азов. Этот корабль — наш. Мы — суверенное государство и содержим милицию. «Норвегия» — боевая единица флота Нижней. Благодарю вас за уважительное отношение к нашему нейтралитету.

— Константин! — голос Мэллори едва не дрожал от гнева.

— Капитан Мэллори, расстыкуйтесь и отойдите. Вернетесь, когда флот Унии покинет наше пространство. Вы — в составе нашего флота и должны выполнять мои приказы.

Наступила тишина.

— Приказ ясен, — ответила наконец Сигни. —

Выполняю. Мы отойдем и развернем рейдеры. «Единство», постарайтесь проложить самый прямой курс из системы Пелла и передайте мой привет Мациану.

— Станция Пелл, — произнес Азов, — за это решение придется расплачиваться вашим торговцам. Вы предоставляете убежище разбойничьему кораблю. Разве вы забыли, как он грабил купцов?

— «Единство», уносите отсюда хвост, — огрызнулась Мэллори, — и скажите мне спасибо за то, что Мациан не ударит вам в спину. Он не войдет в доки Пелла, пока я здесь. Занимайтесь своими делами, а в наши не лезьте.

— Все, — закончил Дэймон. — Капитан Мэллори, уходите.

По консоли забегали огоньки. «Норвегия» отчалила.

3. СИСТЕМА ПЕЛЛА

— Вы тоже? — уныло осведомился Бласс.

Витторио повесил на плечо тощую сумку со своими пожитками и, цепляясь за скобы, неуклюже поплыл в воздухе следом за экипажем «Молота». В узкой «пуповине» было холодно и сумрачно. Корпусу корабля передавалось содрогание при-

емной трубы челнока.

— Едва ли я могу выбирать, сэр, — ответил Витторио. — Да и не хочется встречаться с торговцами.

Криво улыбнувшись, Бласс миновал шлюз и исчез в черном зеве поджидающего корабля.

«Единство» уверенно набирало скорость. На мостике, обставленном уютной современной мебелью и устланном коврами, сидели Эйрис и Джекоби. Экраны пестрели цифрами и схемами, уведомляя о курсе корабля. Рейдероносец пробирался по узкому туннелю в огромном рое фрахтеров.

Наконец Азов нашел время показаться перед пассажирами на одном из экранов.

— Как настроение? — спросил он.

— Возвращаемся домой, — не скрывая удовлетворения, вполголоса ответил Эйрис. — Капитан, я хочу вам кое-что посоветовать. Сейчас у Солнечной и Унии больше общих интересов, чем когда-либо прежде. Вам все равно придется посылать курьера на Сытин, так почему бы не отправить с ним предложение нашей стороны? Я имею в виду сотрудничество на время военных действий.

— У вашей стороны нет интересов во Внеземе-

лье, — возразил Азов.

— Капитан, смею вас уверить, эти интересы вот-вот появятся, и тогда у нас окажется огромное преимущество, поскольку Уния, в отличие от Торгового Альянса, не спешит предложить Земле свою защиту. Купцы уже отправили на Землю своего посланника. Так что у Солнечной весьма широкий выбор, не правда ли? Торговый Альянс, Уния или Мациан. Предлагаю обдумать мои слова и, быть может, даже переписать договор. Похоже, ни я, ни вы не уполномочены решать судьбу Пелла. И мне бы очень хотелось рекомендовать вас моему правительству как дальновидного и мудрого дипломата.

Придя в синюю с громадной толпой торговцев, Элен остановилась в дверном проеме изуродованного контрольного центра. Низовики опасливо расступились перед ней, только Синезуб и Атласка, знавшие Элен в лицо, с восторгом кинулись навстречу. Дэймон взял жену за руку, подвел к компу, усадил возле Джоша и уселся рядом.

— Надо наладить систему лифтов. — Дэймон посмотрел на Элен и тотчас перевел взгляд на экран. Увидел темные глаза с живыми искорками. Призрачную улыбку.

— Только что связались с Нижней, — сказал

Дэймон жене. — С главной базы к нам обратился за помощью покалеченный разведчик. А еще была передача откуда-то из леса. Оператор сказал, Эмилио и Милико живы и на свободе. Проверить это невозможно, там черт-те что творится, но, похоже, нашим в самом деле удалось укрыться. Надо бы отправить туда челнок с врачами.

— Нейхарт. — Элен оглянулась на свою свиту. Рослый торговец кивнул.

— Слетаем, о чем разговор…

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

1. ПЕЛЛ: ПЕРВЫЙ ЯРУС ЗЕЛЕНОЙ СЕКЦИИ; 29.1.53; 22:00 ГС; 10:00 ДС

Они собрались в дальней части ресторанного зала, где ширмы, расставленные на некотором расстоянии друг от друга, дарили посетителям иллюзию обособленности. Застолье выглядело необычным даже для Пелла. Перед блестящим зрачком видеокамеры, установленной на столе, держались за руки Дэймон и Элен (он хотел, чтобы в этот вечер Элен была с ним, как прежде на семейных вечерах Константинов, — а мать прийти в ресторан не могла). Слева от них сидел Джош, справа — Эмилио и Милико, а за ними — несколько низовиков. По всей видимости, кресла казались им неудобными, но это с лихвой искупалось возможностью посидеть за человеческим столом и отведать деликатесов Пелла, в том числе и фруктов с Нижней. Напротив Дэймона расположились торговец Нейхарт и Сигни Мэллори; ее вооруженный эскорт уютно устроился в тени ширм.

А вокруг звучала музыка, и по стенам в мед-

лительном танце двигались звезды и корабли. Совсем, как прежде… Впрочем, не совсем.

— Я ухожу, — сообщила Мэллори. — Сегодня. Пришла проститься.

— Куда? — спросил Нейхарт со свойственной ему прямотой.

— В те края, куда вашему новоиспеченному Торговому Альянсу не добраться. И у меня теперь полные трюмы припасов, мне теперь сам черт не брат.

— Вы бы не улетали слишком далеко, — попросил Дэймон. — Говоря откровенно, я не верю, что Уния остановится на достигнутом. Мне бы очень хотелось знать, что вы — под рукой.

Сигни невесело рассмеялась.

— Поставьте этот вопрос на рассмотрение совета. Но как бы ни проголосовали депутаты, ходить по коридорам Пелла без охраны я не рискну.

— И все же, — повторил Дэймон, — мы просим, чтобы вы находились поблизости.

— Не надейтесь, что я выболтаю вам свой курс. Куда мне лететь — это мое дело. У меня есть несколько укромных местечек. И я исчезну надолго.

— А мы попробуем слетать на Викинг, — сказал Нейхарт. — Этак через месячишко. Поглядим, как

нас примут.

— Что ж, это может быть интересно, — кивнула Мэллори.

— Ну, так удачи всем нам, — подвел итог Дэймон.

2. ПЕЛЛ: СИНИЙ ДОК; 30.1.53; 01:30 ОС; 13:30 ДС

В середине дополнительной смены доки опустели — остались почти одни торговые корабли. Джош торопился: всякий раз, когда он появлялся в коридорах и доках Пелла без надежных спутников, его охватывала тревога, чувство беззащитности, — ведь в любой момент его мог узнать кто-нибудь из прохожих.

Низовики провожали его темными глазами. У четвертого причала его явно узнали докеры, да и десантники на часах. Они направили на Джоша стволы.

— Мне надо поговорить с Мэллори, — сказал он.

Офицер был знакомый — Ди Янц. По его краткому распоряжению один из солдат повесил автомат на плечо, указал на трап, ведущий к «пуповине», и последовал за Джош ем в шлюз. По шумному, заполненному солдатами коридору они прошли в экипировочный отсек, оттуда

на лифте поднялись в центральный коридор, где тоже хватало деловитых людей, но уже не десантников, а офицеров и нижних чинов из экипажа. Знакомые звуки. Знакомые запахи. Все привычное…

Она несла вахту на мостике. Десантник остановил Джоша у входа, но Мэллори, сидевшая в кресле у командного пульта и смотревшая в сторону двери, недоуменно подняла брови и жестом велела впустить гостя.

— Тебя Дэймон прислал? — спросила она, когда Джош остановился перед ней.

Он отрицательно покачал головой.

Она нахмурилась и положила — быть может, бессознательно, — руку на пистолет, висевший на боку.

— Что же тебя привело в таком случае?

— Я подумал, тебе наверняка пригодится комптех, изучивший Унию изнутри.

Сигни рассмеялась ему в лицо.

— И способный выстрелить мне в спину?

— Я не ушел с униатами. Они бы переписали программу. Дали бы мне новое прошлое. И новое задание… возможно, диверсию на Солнечной. Не знаю. Но оставаться на Пелле я не могу. Станционеры знают меня в лицо. Да и не по душе мне на

станциях. Неуютно.

— Пустяки. Еще одна промывка мозгов, и все будет в порядке.

— Нет. Я хочу помнить. Теперь у меня кое-что есть. Реальное. И я дорожу этим.

— И все-таки норовишь убежать?

— Не навсегда.

— А ты говорил об этом с Дэймоном?

— Да, перед тем как пошел сюда. Он знает. Элен тоже.

Она откинулась на спинку дивана и, сложив руки на груди, с ног до головы ощупала его задумчивым взглядом.

— Почему «Норвегия»?

Он пожал плечами.

— Ты не намерена заходить на станции, верно? Только на эту.

— Верно. — Она чуть заметно улыбнулась. — Только на эту. Иногда.

— Корабль она уйти, — прошептала Лили, глядя на экраны и гладя Спящую по голове. Гигант отчалил от Верхней, развернулся и ринулся прочь. Его движения мало походили на движения других кораблей, посещавших станцию.

— «Норвегия», — произнесла Спящая название корабля.

— Один день, — сказала Атласка-Рассказчица, вернувшаяся из главного коридора с целым «ворохом» легенд, — один день мы уйти. Константины дать мы корабли. Мы уйти, унести Солнце в мы глаза, нет бояться темнота, мы нет. Мы видеть много, много вещи. Беннет, он дать мы прийти здесь. Константин, он дать мы идти далеко, далеко, далеко. Мы весна вернуться. Я хотеть уйти далеко, делать я гнездо там… Я найти звезда и уйти.

Глядя в бескрайнюю тьму, где странствовало Солнце, Алисия тихонько смеялась, и в ее голосе звучала нежность.